РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Серия самых выдающихся книг великих русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения:

Св. митр. Иларион
Св. Нил Сорский
Св. Иосиф Волоцкий
Иван Грозный
«Домострой»
Посошков И. Т.
Ломоносов М. В.
Болотов А. Т.
Пушкин А. С.
Гоголь Н. В.
Тютчев Ф. И.
Св. Серафим Саровский
Муравьев А. Н.
Киреевский И. В.
Хомяков А. С.
Аксаков И. С.
Аксаков К. С.
Самарин Ю. Ф.
Валуев Д. А.
Черкасский В. А.
Гильфердинг А. Ф.
Кошелев А. И.
Кавелин К. Д.
Лешков В. Н.
Погодин М. П.
Беляев И. Д.
Филиппов Т. И.
Гиляров-Платонов Н. П.
Страхов Н. Н.
Данилевский Н. Я.
Достоевский Ф. М.
Одоевский В. Ф.
Григорьев А. А.
Мещерский В. П.
Катков М. Н.
Леонтьев К. Н.
Победоносцев К. П.
Фадеев Р. А.
Киреев А. А.
Черняев М. Г.
Ламанский В. И.
Астафьев П. Е.
Св. Иоанн Кронштадтский
Архиеп. Никон (Рождественский)
Тихомиров Л. А.
Соловьев В. С.
Бердяев Н. А.
Булгаков С. Н.
Хомяков Д. А.
Шарапов С. Ф.
Щербатов А. Г.
Розанов В. В.
Флоровский Г. В.
Ильин И. А.
Нилус С. А.
Меньшиков М. О.
Митр. Антоний Храповицкий
Поселянин Е. Н.
Солоневич И. Л.
Св. архиеп. Иларион (Троицкий)
Башилов Б.
Концевич И. М.
Зеньковский В. В.
Митр. Иоанн (Снычев)
Белов В. И.
Лобанов М. П.
Распутин В. Г.
Шафаревич И. Р.

ИГОРЬ ШАФАРЕВИЧ

РУССКИЙ НАРОД В БИТВЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2011

Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — 936 с.

В книгу вошли произведения выдающегося русского ученого и публициста, одного из ведущих русских мыслителей XX века, академика РАН Игоря Ростиславовича Шафаревича. В его трудах вскрываются корни самых трагических событий современной истории России.

В классическом труде Шафаревича «Русофобия» исследованы причины духовного распада нашего Отечества. В этой книге он формулирует применительно к России понятие «малый народ» — такого слоя людей, которые противопоставляют себя остальному народу, с презрением относятся к его традициям и тем самым утверждают свое право распоряжаться этим народом как материалом собственного творчества. В России ядро «малого народа» составило еврейство. Усилиями «малого народа» разрушаются «интегрирующие механизмы», позволяющие «большому народу» ощущать себя и действовать как единое целое. Подвергаются осмеянию и делаются предметом ненависти русская история, вера, историческая власть, армия. Создается множество антирусских мифов, внушаемых народу. Народ как бы парализуется, становится беззащитной жертвой небольших агрессивных групп.

ISBN 978-5-902725-62-6

© Шафаревич И. Р., 2011
© Институт русской цивилизации, 2011.

КЛАССИК РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

Игорь Ростиславович Шафаревич является одним из самых ярких русских мыслителей XX века. Он появился в то время, когда вся коренная русская мысль была под запретом, а ее носителей преследовали и убивали. В результате страшного погрома, осуществленного в России еврейскими большевиками, погибли более 10 млн русских, и прежде всего подавляющая часть русской элиты, уничтожены многие русские святыни и культурные ценности. Однако, несмотря на катастрофические разрушения, русская цивилизация выстояла, сумела отстоять свои духовные святыни и культурные ценности. Потому что обладает свойством рождать людей ярких, гениальных, талантливых, способных на подвиг и самопожертвование. К таким людям принадлежит Шафаревич.

Он родился 3 июня 1923 года, когда всевластие антирусского режима было абсолютным. Его родители получили образование еще до революции: отец окончил механико-математический факультет Московского университета, мать — филологический факультет Бестужевских женских курсов в Петербурге.

В детстве наиболее запомнившимся занятием Шафаревича было чтение. Приблизительно десяти лет от роду пережил сильное увлечение историей — читал все, что мог достать. Возможно, под влиянием тех книг, которые оказались доступны, наиболее привлекательными разделами стали античность и русская история. В 12—13 лет главной областью интересов стала математика (хотя любовь и интерес к истории сохранились на всю жизнь). В последних классах школы получил разрешение сдать экзамены экстерном на механико-математическом факультете Московского университета. Окончил МГУ, поступил в аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию. С тех пор (с 1942 года) и до настоящего времени работает в одном и том же научном центре — в Математическом институте им. В. А. Стеклова Академии наук. Лауреат Ленинской премии. Академик

Российской Академии наук, почетный член нескольких иностранных Академий наук и научных обществ. Десятки учеников Шафаревича стали видными учеными.

В 1960-е годы начал записывать свои соображения, связанные с положением страны, ее будущим и прошлым. Они распространялись в виде Самиздата. Первым было «Законодательство о религии в Советском Союзе», отражавшее положение Православной Церкви после хрущевских гонений. В 1974 году вместе с А. И. Солженицыным участвовал в сборнике «Из-под глыб», где высказал предположение, что опыт народов России удержит их от того, чтобы их дом был разрушен классовой рознью, но что это вполне может сделать рознь национальная. В середине 1970-х вышла книга И. Р Шафаревича «Социализм как явление мировой истории».Самиздатские публикации стали причиной увольнения из МГУ в 1975 году.

В начале 1980-х годов написал работу «Русофобия», посвященную анализу идеологических течений тогдашней интеллигенции. Работа разошлась в Самиздате. В этой работе автор поднял вопрос русско-еврейских отношений, из-за чего она вызвала бурную реакцию и в России, и на Западе. Начиная с 1988 года публикуется в официальной прессе на родине. С 1989 года член редколлегии журнала «Наш современник». Посещал (обычно с какой-либо группой писателей) места, где положение русских является особенно острым: Приднестровье, Крым, Чечню, Латвию, Эстонию, а также многие местности России. В 1992—1993 годах входил в руководство Фронта национального спасения. Это была попытка объединить русские национальные силы вне зависимости от политических платформ.

В начале 2000-х годов вышли главные идеологические труды Шафаревича, посвященные истории и идеологии русского народа, роли в этой истории представителя «избранного народа»: «Русский народ в битве цивилизаций», «Трехтысячелетняя загадка».

И. Р. Шафаревич является классиком русской национальной мысли. Его книги вошли в золотой фонд русского национального наследия. Для миллионов русских мысли, высказанные в них, стали ориентиром в духовной и социальной жизни.

РУСОФОБИЯ

Глава 1

Цель работы

Как течет сейчас духовная жизнь нашего народа? Какие взгляды, настроения, симпатии, антипатии — и в каких его слоях — формируют отношение людей к жизни? Если судить по личным впечатлениям, то размах исканий (и, может быть, метаний?) необычайно широк: приходится слышать о марксистах, монархистах, русских почвенниках, украинских или еврейских националистах, сторонниках теократии или свободного предпринимательства и т. д. и т. д. И, конечно, о множестве религиозных течений. Но как узнать, какие из этих взглядов распространены шире других, а какие лишь отражают мнение активного одиночки? Социологические обследования на эту тему, кажется, не проводятся, да и сомнительно, дали ли бы они ответ.

Но вот случилось непредвиденное: в 70-е годы произошел взрыв активности именно в этой области. В потоке статей, передававшихся здесь из рук в руки или печатавшихся в западных журналах, авторы раскрывали свое мировоззрение, взгляды на различные стороны жизни. Судьба как будто приоткрыла крышку кастрюли, в которой варится наше будущее, и дала заглянуть в нее. В результате обнаружилась совершенно неожиданная картина: среди первозданного хаоса самых разнообразных, по большей части противоречащих друг другу суждений, обрисовалась одна четкая концепция, которую естественно счесть выражением взглядов сложившегося, сплоченного течения. Она привлекла многих авторов, ее поддерживает большинство русскоязычных эмигрантских журналов, ее приняли западные социологи, историки и средства массовой информации в оценке русской истории

и теперешнего положения нашей страны. Приглядевшись, можно заметить, что те же взгляды широко разлиты в нашей жизни: их можно встретить в театре, кино, песенках бардов, у эстрадных рассказчиков и даже в анекдотах.

Настоящая работа возникла как попытка уяснить себе причины, вызвавшие это течение, и цели, которое оно себе ставит. Однако, как будет видно дальше, здесь мы неизбежно сталкиваемся с одним вопросом, находящемся под абсолютным запретом во всем современном человечестве. Хотя ни в каких сводах законов такого запрета нет, хотя он нигде не записан и даже не высказан, каждый знает о нем и все покорно останавливают свою мысль перед запретной чертой. Но не всегда же так будет, не вечно же ходить человечеству в таком духовном хомуте! В надежде на возможность хоть в будущем читателя и написана эта работа (а отчасти и для себя самого, чтобы разобраться в своих мыслях).

В наиболее четкой законченной форме интересующее нас течение отразилось в литературной продукции — ее мы и будем чаще всего привлекать в качестве источника. Укажем конкретнее, о какой литературе идет речь. Она очень обширна и растет от года к году, так что мы назовем только основные работы, чтобы очертить ее контуры. Началом можно считать появление в Самиздате сборника эссе Г. Померанца* и статьи А. Амальрика** в конце 60-х годов. Основные положения, потом повторявшиеся почти во всех других работах, были более полно развернуты в четырех псевдонимных статьях, написанных здесь и опубликованных в издающемся в

* Приведем самые краткие сведение об авторах тех произведений, которые будут здесь обсуждаться. Г. Померанц — советский востоковед. В сталинское время был арестован. Свои исторические общественные взгляды он излагал в сборниках работ, распространявшихся в Самиздате, а потом изданных на Западе, а также в лекциях и докладах на семинарах. Несколько его статей появилось на Западе в журналах, издаваемых на русском языке.

** А. Амальрик учился на историческом факультете МГУ, потом сменил ряд профессий. Вскоре после опубликования указанной выше работы был арестован и осужден на три года, а когда срок почти отбыл — вторично осужден лагерным судом. После заявления, разъясняющего его взгляды, был амнистирован и эмигрировал.

Париже русском журнале «Вестник Русского студенческого христианского движения». Разъясняя принципиальный, программный характер этих работ, редакционная статья предваряла: «Это уже не голоса, а голос, не вообще о том, что происходит в России, а глубокое раздумье над ее прошлым, будущим и настоящим в свете христианского откровения. Необходимо подчеркнуть необыкновенную важность этого, хотелось бы сказать, события…» С усилением потока эмиграции центр тяжести переместился на Запад. Появились книги Б. Шрагина* «Противостояние духа» и А. Янова** «Разрядка после Брежнева» и «Новая русская правая», несколько сборников статей. Близкие взгляды развивались в большинстве работ современных западных специалистов по истории России. Мы выберем в качестве примера книгу Р. Пайпса*** «Россия при старом режиме», особенно тесно примыкающую к интересующему нас направлению по ее основным установкам. Наконец, множество статей того же духа появилось в журналах, основанных на Западе недавними эмигрантами из СССР: «Синтаксис» (Париж), «Время и мы» (Тель-Авив), «Континент» (Париж), и в западных журналах и газетах.

Вот очень сжатое изложение основных положений, высказываемых в этих публикациях.

Историю России, начиная с раннего Средневековья, определяют некоторые «архитипические» русские черты: рабская психология, отсутствие чувства собственного достоинства,

* Б. Шрагин — кандидат философских наук. Был членом КПСС и даже секретарем своей организации. Опубликовал под различными псевдонимами ряд статей в Самизадате и за границей. За подписи под несколькими письмами протеста был исключен из партии и эмигрировал. В эмиграции участвовал в сборнике «Самосознание» и писал в эмигрантских журналах.

** А. Янов — кандидат философских наук и журналист. До эмиграции был членом КПСС и любимым автором журнала «Молодой коммунист». После эмиграции — профессор университета в Нью-Йорке, советолог. Опубликовал большое число работ в англо- и русскоязычных журналах и газетах.

*** Р. Пайпс (Пипес или Пипеш) — выходец из Польши, американский историк. Считается ведущим специалистом по русской истории и советологом. Ближайший советник бывшего президента Рейгана.

нетерпение к чужому мнению, холуйская смесь злобы, зависти и преклонения перед чужой властью.

Издревле русские полюбили сильную, жестокую власть и саму ее жестокость; всю свою историю они были склонны рабски подчиняться силе, до сих пор в психике народа доминирует власть, «тоска по Хозяину».

Параллельно русскую историю, еще с XV века, пронизывают мечтания о какой-то роли или миссии России в мире, желание чему-то научить других, указать какой-то новый путь или даже спасти мир. Это «русский мессианизм» (а проще — «вселенская русская спесь»), начало которого авторы видят в концепции «Москва — Третий Рим», высказанной в XVI веке, а современную стадию — в идее всемирной социалистической революции, начатой Россией.

В результате Россия все время оказывается во власти деспотических режимов, кровавых катаклизмов. Доказательство — эпохи Грозного, Петра I, Сталина.

Но причину своих несчастий русские понять не в состоянии. Относясь подозрительно и враждебно ко всему чужеродному, они склонны винить в своих бедах кого угодно: татар, греков, немцев, евреев... только не самих себя.

Революция 1917 года закономерно вытекает из всей русской истории. По существу, она не была марксистской, марксизм был русскими извращен, переиначен и использован для восстановления старых русских традиций сильной власти. Жестокости революционной эпохи и сталинского периода объясняются особенностями русского национального характера. Сталин был очень национальным, очень русским явлением, его политика — это прямое продолжение варварской истории России. Сталинизм прослеживается в русской истории по крайней мере на четыре века назад.

Те же тенденции продолжают сказываться и сейчас. Освобождаясь от чуждой и непонятной ей европеизированной культуры, страна становится все более похожей на Московское царство. Главная опасность, нависшая сейчас над нашей страной, — возрождающиеся попытки найти какой-то соб-

ственный, самобытный путь развития — это проявление исконного «русского мессианства». Такая попытка неизбежно повлечет за собой подъем русского национализма, возрождение сталинизма и волну антисемитизма. Она смертельно опасна не только для народов СССР, но и для всего человечества. Единственное спасение заключается в осознании гибельного характера этих тенденций, в искоренении их и построении общества по точному образцу современных западных демократий.

Некоторые же авторы этого направления высказывают бескомпромиссно-пессимистическую точку зрения, исключающую для русских надежду на какое-либо осмысленное существование: истории у них вообще никогда не было, имело место лишь «бытие вне истории», народ оказался мнимой величиной, русские только продемонстрировали свою историческую импотенцию, Россия обречена на скорый распад и уничтожение.

Это лишь самая грубая схема. Дальше по ходу нашего исследования мы должны будем еще очень много цитировать авторов рассматриваемого направления. Надо надеяться, читатель сможет тогда более ясно почувствовать дух этих работ и тот тон, в котором они написаны.

Такая энергичная литературная деятельность с четко очерченными взглядами отражает, несомненно, настроения гораздо более широкого круга: она выражает **идеологию** активного, значительного течения. Это течение уже подчинило себе общественное мнение Запада. Предлагая четкие, простые ответы на центральные вопросы, связанные с нашей историей и будущим, оно в какой-то момент может оказать решающее влияние и на жизнь нашей страны. Конечно, историю движут не теории и концепции, а гораздо более глубокие и менее рациональные переживания, связанные с духовной жизнью народа и его историческим опытом. Вероятно, то отношение к истории и судьбе своего народа, те жизненные установки, которые важнее всего для нашего будущего, вызревают веками, продолжают создаваться и сейчас и хранятся где-то в глубинах душ. Но пока все эти черты национального характера, тради-

ции, чувства не нашли выхода в сферу разума, они остаются аморфными и малодейственными. Они должны быть конкретизированы, связаны с реальными проблемами жизни. С другой стороны, четкая, безапелляционная, ярко сформулированная схема может захватить на время сознание народа, даже будучи совершенно чуждой его духовному складу — если его сознание не защищено, не подготовлено к столкновению с подобными схемами. Поэтому так важно было бы понять и оценить это новое течение в области мировоззрения. Именно само течение и породивший его социальный слой будут представлять для нас основной интерес, а созданная им литература привлекаться лишь как материал для его анализа. Авторы, которых мы будем цитировать, вряд ли и сейчас широко известны, а лет через 10 их, возможно, никто не будет знать. Но социальные явления, отражающиеся в их произведениях, несомненно будут еще долго и сильно влиять на жизнь нашей страны.

План работы таков. Изложенные выше взгляды группируются вокруг двух тем: оценка нашей истории и оценка нашего будущего. Мы разберем их, разделив по этому признаку, в двух следующих параграфах. В оставшейся части работы мы попытаемся понять происхождение этих взглядов: какое духовное течение и почему могло их породить?

Ссылки на источники, из которых заимствованы приводимые цитаты, отнесены в «Библиографические примечания» в конце работы.

Глава 2

Взгляд на Русскую историю

Начать, конечно, надо с обсуждения конкретных аргументов, которыми авторы рассматриваемого направления подкрепляют свои взгляды. Такое обсуждение предпринималось уже

не раз, и это облегчает мою задачу. Приведем краткий обзор высказанных при этом мыслей.

Декларируемый многими авторами тезис о «рабской душе» русского человека, о том, что в нем собственное достоинство было менее развито, чем у жителей Запада, трудно подкрепить какими-либо фактами.

Пушкин, например, считал, что соотношение — обратное. Мнениям приезжих иностранцев, видевших в России азиатскую деспотию, а в ее жителях — рабов, можно противопоставить взгляды других иностранцев, поражавшихся чувству собственного достоинства у русского крестьянина или даже видевших в России «идеальную страну, полную честности и простоты», скорее всего и те и другие очень мало знали реальную Россию.

Отношение к власти в Московской Руси никак не совпадает с «рабским подчинением». Термин «самодержец», входивший в титул русского царя, не означал признания его права на произвол и безответственность, а выражал только, что он — Суверен, не является ничьим данником (конкретно — Хана). По представлениям того времени, царь был ответственен перед Богом, религиозными и нравственными нормами, и царю, нарушающему их, повиноваться не следовало, идя, если надо, на муки и смерть. Яркий пример осуждения царя — оценка Грозного не только в летописях, но и в народных преданиях. В одном из которых, например, говорится, что «Царь обманул Бога». Так же и Петр I прослыл в народе Антихристом, а Алексей — мучеником за веру.

Концепция «Москва — Третий Рим», сформулированная в начале XVI века псковским монахом Филофеем, отражала историческую ситуацию того времени. После флорентийской унии Византии с католичеством и падения Константинополя Россия осталась единственным православным царством. Автор призывает русского царя осознать свою ответственность в этом новом положении. Он напоминает о судьбе Первого Рима и Второго (Царьграда), погибших, по его мнению, из-за отпадения от истинной веры, и предсказывает, что Русское

царство будет стоять вечно, если останется верным православию. Эта теория не имела политического аспекта, не толкала Россию к какой-либо экспансии или православному миссионерству. В народном сознании (например, в фольклоре) она никак не отразилась. Утверждение, что идея «Третьего Рима» и революционная марксистская идеология XX века составляют единую традицию, принадлежит Бердяеву, которого, по-видимому, особенно пленило созвучие Третьего Рима с Третьим Интернационалом. Но ни он, ни кто-либо другой не пытался объяснить, каким образом эта концепция передавалась в течение 400 лет, никак за это время не проявляясь*.

Никакой специфической для русских ненависти к иностранцам и иностранным влияниям, которая отличала бы их от других народов, обнаружить нельзя. Сильны были опасения за чистоту своей веры, подозрительность по отношению к протестантской и католической миссионерской деятельности. Здесь можно видеть известную религиозную нетерпимость, но эта черта никак уж не отличает Россию того времени от Запада, уровень религиозной терпимости которого характеризуется инквизицией, Варфоломеевской ночью и 30-летней войной.

Сводить всю дореволюционную историю России к Грозному и Петру I — это схематизация, полностью искажающая картину. Это все равно что представлять историю Франции состоящей лишь из казней Людовика XI, Варфоломеевской ночи, гонений на протестантов при Людовике XIV и революционного террора. Такая подборка выдернутых фактов ничего не может доказать. Не доказывает она и того тезиса, что революция была специфически русским явлением, закономерным следствием русской истории. И если бы это было так, то как можно было бы объяснить революцию в Китае или на Кубе,

* В отличие от Бердяева и повторяющих его мысль цитированных выше авторов современные профессиональные историки, по-видимому, эту концепцию не поддерживают. Обширная литература, посвященная этому вопросу, сходится на признании того, что концепция «Москва — Третий Рим» даже в XVI веке никак не влияла на политическую мысль Московского царства, а последние ее следы обнаруживаются в XVII веке.

господство марксизма над умами западной интеллигенции, влияние коммунистических партий Франции и Италии?

К этим аргументам, заимствованным из упомянутых выше работ, прибавлю несколько своих, чтобы обратить внимание на один важный аспект вопроса.

1. Как мало отношение русского допетровской эпохи к власти походило на «рабскую покорность», «стремление думать и чувствовать одинаково с нею», показывает Раскол, когда второстепенные, не имевшие догматического значения изменения обрядов, введенные властью, не были приняты большой частью нации, люди тысячами бежали в леса, шли на муки и смерть, самосжигание — и за 300 лет проблема не потеряла своей остроты. Интересно сравнить это с похожей ситуацией в классической стране, утвердившей принцип личной свободы и человеческих прав, — Англии. Генрих VIII **скроил совершенно новое вероисповедание**, взяв кое-что от католичества, кое-что от протестантизма, да еще несколько раз его перекраивал, так что под конец его подданные уже и не знали хорошенько, во что же им надлежит верить. И вот — парламент и духовенство оказались покорными, большинство народа приняло это сочиненное из политических и личных соображений вероисповедание. Конечно, в Западной Европе XVI—XVII веков религиозные разделения играли не меньшую роль, чем у нас, но они, по-видимому, больше сплелись с политическими и материальными интересами. Так, Р. Пайпс поражается: «Секуляризация церковных земель (в России XVIII века. — *И. Ш.*) — пожалуй, самая веская причина Европейской Реформации — прошла в России так спокойно, как будто речь шла о простой бухгалтерской операции». Немыслимо в России того времени было бы положение, зафиксированное Аугсбургским религиозным миром, выражавшееся формулой «cujus regio, ejus religio» (чья власть, того и религия), когда вера подданных определялась их светскими властителями. Некоторые из авторов разбираемого направления считают особенно ярким проявлением рабских черт русского национального характера — подчинение церкви государству в

форме синодального управления Церкви, введенного Петром I. В цитированной книге Р. Пайпса одна глава так и называется: «Церковь служанка государства». А. Шрагин пишет: «Наиболее ярко и, так сказать, архитипически* российская психологическая предрасположенность к единогласному послушанию сказалась в подчинении Церкви государству в тех формах, какие оно приняло в синодальный период». Уж им-то — историку и философу — должно быть прекрасно известно, что возникли эти формы подчинения Церкви государству в протестантских странах, откуда и были точно скопированы Петром I, так что в них нет ничего не только «архитипического», но вообще типичного для русских.

2. Другое любопытное наблюдение связано с точкой зрения, которую высказывает Р. Пайпс. Он считает, что законодательство Николая I послужило образцом для советского, с которого, в свою очередь, Гитлер якобы копировал законы Третьего рейха (!), так что законодательство николаевских времен оказывается в итоге источником всех антилиберальных течений XX века. Он прокламирует даже, что значение николаевского законодательства для тоталитаризма сравнимо со значением великой хартии вольностей для демократии! Концепция Р. Пайпса, конечно, является всего лишь анекдотом, типичным, впрочем, для всей его книги, но интересно, что более внимательное рассмотрение этого вопроса приводит к выводам, прямо **обратным** тем, к которым его тянет. Вся концепция тоталитарного государства (как в монархическом, так и в демократическом его варианте), подчиняющего себе не только хозяйственную и политическую деятельность подданных, но и их интеллектуальную и духовную жизнь, была полностью разработана **на Западе**, — а не будь она столь глубоко разработана, она не могла бы найти и воплощения в жизни**. Так, еще в XVII веке Гоббс изобразил государство в виде единого существа, Левиафана, «искусствен-

* Мы сохраняем правописание подлинника, хотя речь идет, по-видимому, о понятии архетипа, принадлежащем К. Юнгу.

** На это много лет назад обратил мое внимание А. И. Лапин.

ного человека», «смертного Бога». К нему он относит слова Библии: «Нет на земле подобного ему; он сотворен бесстрашным; на все высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости». А более конкретно, Суверен обладает властью, не основывающейся ни на каких условиях. Все, что он делает, справедливо и правомерно. Он может распоряжаться собственностью и честью подданных, быть судьей всех учений и мыслей, в частности и в вопросах религии. К числу главных опасностей для государства Гоббс относит мнения («болезни»), что частный человек является судьей того, какие действия хороши и какие дурны, и что все, что человек делает против своей совести, является грехом. Отношение подданных к Суверену, по его мнению, лучше всего выражается словами «вы будете ему рабами». В этом же веке Спиноза доказывает, что к государственной власти вообще неприменимы нравственные категории, государство принципиально не может совершить преступления, оно в полном праве нарушать договоры, нападать на союзников и т. д. В свою очередь, любое решение государства о том, что справедливо и несправедливо, должно быть законом для всех подданных. В XVIII веке Руссо разработал демократический вариант этой концепции. Он полагает, что верховная власть принадлежит народу (тоже называемому Сувереном), и теперь уже ОН образует «коллективное существо», в котором полностью растворяются отдельные индивидуальности. Суверену опять принадлежит неограниченная власть над собственностью и личностью граждан, он не может быть не прав и т. д. От Суверена каждый индивид «получает свою жизнь и свое бытие». Суверен должен изменить «физическое существование» человека на «существование частичное».

> *«Нужно, чтобы он отнял у человека его собственные силы и дал взамен другие, которые были бы для него чужими и которыми он не мог бы пользоваться без содействия других».*

Что уж тут могло прибавить столь бледное на таком фоне законодательство Николая I?! Да, можно четко проследить, как эти принципы были заимствованы в России с Запада. Положение о том, что подданные отреклись от своей воли и отдали ее монарху, который может повелеть им все, что захочет, высказано в «Правде воли монаршей», составленной Феофаном Прокоповичем по поручению Петра. Там почти дословно цитируется Гоббс со всеми основными элементами его теории, как, например, о «договоре», который заключают между собой подданные, отказываясь от своей воли и отдавая ее монарху.

3. «Мессианизм», то есть вера некоторой социальной группы (нации, Церкви, класса, партии…) в то, что ей предназначено определить судьбу человечества, стать его спасителем, — явление очень старое. Классическим примером, от которого пошло и само название, является содержащееся в иудаизме учение о Мессии (Помазаннике), который установит власть «избранного народа» над миром. Такая концепция возникала в очень многих социальных движениях и учениях. Марксистское учение об особой роли пролетариата принадлежит к традиции «революционного мессианизма», развивавшейся в Европе в XIX веке. Недавнее очень тщательное исследование этой традиции описывает различные ее стадии (Сен-Симон, Фурье) вплоть даже до концепции «Третьего Рима» («Рома Терцио» у Мадзини), но о России упоминает лишь в самом конце книги в связи с тем, что западный «революционный мессианизм» к концу века захлестнул и Россию.

4. Наконец тезис о том, что революция в России была предопределена всем течением русской истории, надо было бы проверить на вопросе о происхождении русского **социализма**, так как без этого ингредиента столь радикальное изменение всего общественного и духовного уклада жизни было бы невозможно — что доказывают многочисленные прецеденты, хотя бы наше Смутное время. Социализм же, по-видимому, не имел никаких корней в русской традиции вплоть до XIX века. В России не было авторов типа Мора и

Кампанеллы. Радикальное сектантство, которое в Западной Европе было питательной средой социалистических идей, в России играло гораздо меньшую роль, и лишь в исключительно редких случаях в еретических учениях встречаются взгляды, которые можно было бы считать предшественниками социалистических концепций (например, пожелание общности имущества). Тем более это относится к попыткам воплотить такие взгляды в жизнь: ничего хоть отдаленно напоминающего «Мюнстерскую коммуну» в России не было. Другой источник, в котором можно было бы искать зародыши социалистических идей — народные социальные утопии, — тоже не дает ничего, на что могла бы опереться социалистическая традиция. Они поражают своей мягкостью, отсутствием воинственной агрессивности. Это осуждение Зла, противопоставление Правды — Кривде, мечты о «царстве Правды», призывы к братству всех людей во Христе, провозглашение любви высшим законом мира.

В Россию социализм был полностью привнесен с Запада. В XIX веке он настолько однозначно воспринимался как нечто иностранное, что, говоря о современных ему социалистических учениях, Достоевский часто называл их «французский социализм». И основоположниками движения являются два эмигранта — Бакунин и Герцен, начавшие развивать социалистические идеи только после того, как эмигрировали на Запад. Зато западное общество нового, постренессансного типа родилось с мечтой о социализме, отразившейся в «Утопии» Мора, «Городе Солнца» Кампанеллы и целом потоке социалистической литературы.

Таким образом, многие явления, которые авторы рассматриваемого направления объявляют типично русскими, оказываются не только не типическими для России, но и вообще **не русскими** по происхождению, занесенными с Запада: это как бы плата за вхождение России в сферу новой западной культуры.

Подобных аргументов можно было бы привести гораздо больше, но, вероятно, и этих достаточно, чтобы дать оценку

разбираемой нами концепции: **она полностью рассыпается при любой попытке сопоставить ее с фактами.**

Обратим внимание еще на одну черту рассматриваемых нами произведений: их равнодушие к фактической стороне дела, использование удивительно легковесных аргументов, так что минутное размышление должно было бы сделать для авторов очевидной их несостоятельность. Например, Померанц приводит в качестве примера того, как русская душа «упивалась жестокостью власти», «Повесть о Дракуле», распространявшуюся в списках в XVI веке, в то время как она посвящена **обличению** жестокости, в некоторых списках Дракула называется диаволом. В одной из работ, посвященных критике подобной концепции, указывается на это обстоятельство. Но в появившейся позже самиздатской «антикритике» Померанц заявляет, что он и не особенно настаивает на своей трактовке повести. Зато, говорит он, ему был известен один автор, подписывавший свои самиздатские произведения псевдонимом «Скуратов». Так что приверженность русских жестокой власти все равно доказана!

Из одного рассуждения Р. Пайпса следует, что он полагает, будто в Московской Руси не существовало частной собственности! В другом месте своей книги он приводит пословицу «Чужие слезы вода» как доказательство «жестокого цинизма» и эгоизма русских крестьян. По-видимому, он понял ее не как осуждение эгоизма, а как нравственную максиму. Он же утверждает, что в допетровской Руси не было школ и подавляющее большинство служилого сословия было неграмотным. А ведь еще в 1892 году А. И. Соболевский писал: «Мы привыкли думать, что среди русских того времени (XV—XVII вв.) было очень немного грамотных, что духовенство было малограмотно, отчасти безграмотно, что в высшем светском сословии грамотность была слабо распространена, что низший класс представлял безграмотную массу». Он приводит многочисленные подсчеты, из которых вытекает, что белое духовенство было поголовно грамотно, среди монахов процент грамотных был не ниже 75, среди землевладельцев не

ниже 50, среди посадских — 20, среди крестьян (в XVII в.) — 15, по всей стране было много «училищ» для обучения грамоте. Как полагает Д. С. Лихачев, уровень грамотности в России XVII века во всех слоях населения был не ниже, чем на Западе. И вот предрассудок, опровергнутый 90 лет назад, сейчас повторяет ведущий специалист США по русской истории!

Особенно много таких мест в работах А. Янова (может быть, по той причине, что он чаще привлекает конкретные аргументы, в то время как другие авторы в основном ограничиваются декларациями). Так, он полагает, что «Архипелаг ГУЛАГ» — постоянный спутник русской истории, периодически в ней проявляющийся, и в качестве даты его предшествующего явления указывает 1825 год. Сначала даже не поймешь, что речь идет о восстании декабристов — попытке вооруженного свержения правительства и убийства царя (а по некоторым планам — истребления всего царского дома), когда был убит генерал-губернатор Петербурга Милорадович — а в результате были казнены 5 человек и около ста сосланы. При том, что в это же время в Испании, Неаполе, Сицилии, Пьемонте и Ломбардии были совершены такие же попытки военных переворотов (1820—1823), сопровождавшиеся после подавления такими же казнями. В Англии в 1820 году был раскрыт заговор Тистельвуда, ставивший себе целью убийство членов кабинета. Пятеро руководителей заговора были казнены, остальные участники сосланы на каторгу в колонии. Так что ничего типичного для русской истории здесь вообще нет. Не «отсталая» Россия, а «передовая» Франция показывала, как надо расправляться с подобными возмущениями: тысячи расстрелянных после подавления восстания в Париже в 1848 году, десятки тысяч — после подавления Парижской коммуны.

Или, желая показать, что даже самые на первый взгляд невинные русские национальные течения, вроде славянофильства, приводят к черносотенству и погромам, он рассматривает для доказательства в качестве последователей славянофилов только Данилевского, Леонтьева, третьеразрядного публициста начала этого века Шарапова и очень

темного интригана В. И. Львова (которого он почему-то называет князем), обер-прокурора Синода во Временном правительстве, эмигрировавшего, потом вернувшегося и под конец вступившего в «Союз воинствующих безбожников». Но если он счел бы, что идеи славянофилов развивал Достоевский — как писатель, Соловьев — как философ, Тихомиров — как публицист, А. Кошелев, Ю. Самарин и другие деятели эпохи реформ, а позже Д. Шипов — как политики, то картина получилась бы совсем другая, в еще при одном подборе — третья. Вот прием, при помощи которого можно доказать решительно все, что желательно!

Обсуждая вопрос о приемлемости для России демократической формы правления, Янов отводит указания на некоторые недостатки этого строя тем, что «демократия как политическое изобретение еще ребенок. Ей не 1000 лет, а едва 200». Трудно себе представить человека, рассуждающего об истории и не слыхавшего о демократии в Греции, Риме или Флоренции, не читавшего посвященных ей страниц Фукидида, Платона, Аристотеля, Полибия, Макиавелли! Наконец — уже совсем курьез — Белинского Янов относит к «классикам славянофильства»! За такой ответ школьник получает двойку, а пишет это кандидат философских наук и ныне профессор университета Беркли.

Мы поневоле приходим к вопросу, от ответа на который зависит все дальнейшее направление наших размышлений: **интересует ли вообще истина этих авторов?** Вопрос неприятный: существуют «правила игры», согласно которым следует обсуждать аргументы, в не добросовестность и мотивы оппонента. Столь опостылела постановка вопросов: «Кому это выгодно?», «На чью мельницу льет воду?..» Но, с другой стороны, дискуссия с авторами, которых ни факты, ни логика не интересуют, действительно превращается в какую-то игру. Поэтому прежде чем идти дальше, давайте проверим наши сомнения еще на одном примере: на утверждении, встречающемся почти во всех разбираемых работах, — о жестокости, варварстве, специфическом якобы для всей русской истории.

Как будто существовал народ, который в этом нельзя упрекнуть! Ассирияне покрывали стены завоеванных городов кожами их жителей. В Библии читаем:

> *«И предали заклятию все, что в городе, и мужей и жен, и молодых и старых, и волов, и овец, и ослов, [все] истребили мечом». (Нав 4:20)*

И о царе Давиде:

> *«А народ, бывший в нем, он вывел и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи. Так он поступил со всеми городами Аммонитскими». (2 Цар 12:31)*

И светлые, прекрасные эллины во время междоусобных войн уничтожали население целых городов (по их масштабам — государств): всех мужчин убивали, а женщин и детей продавали в рабство. И так идет через всю Историю: не только в темные средние века, но и в эпоху торжества разума. Кромвель уничтожил треть населения Ирландии, и только восстание в Шотландии помешало ему осуществить первоначальный план — покончить с ирландцами как нацией. В США благочестивые пуритане истребляли индейцев, как волков: была назначена плата за скальп. А работорговля, в которой участвовали короли, которую парламенты защищали, ссылаясь на права человека, и которая стоила Африке 100 миллионов жизней! А Французская революция, число жертв которой некоторые современники оценивали в 1 миллион — это когда все население Франции составляло 28 миллионов! И наконец Гитлер! Конечно, много жестокости было и в нашей истории, но ведь нужно совершенно позабыть о добросовестности, чтобы приписывать русским жестокость как какую-то специфическую черту! Нет, кажется, ни одного из названных выше авторов, который не помянул бы с торжеством опричнину! Но современный историк, специально ис-

следовавший число жертв опричнины, пишет: «Традиционные представления о масштабах опричного террора нуждаются в пересмотре. Данные о гибели многих десятков тысяч человек крайне преувеличены. По синодику опальных, отразившему подлинные опричные документы, в годы массового террора было уничтожено около 3–4 тысяч человек». (Речь идет, конечно, о числе убитых. Голод, эпидемии, набеги крымцев и бегство от непосильных поборов уменьшили население Центральной России на сотни тысяч человек.) А в Варфоломеевскую ночь, близкую по времени, **за несколько дней** было истреблено больше народа (в Париже и провинции).

Русскую историю авторы рассматривают исключительно в плоскости современного сознания, полностью игнорируя требование **историзма**. А ведь все они — люди с гуманитарным образованием, факты, которые мы выше напомнили, должны быть большинству из них прекрасно известны. Те же, которым они не известны, легко могли бы их узнать, если бы их действительно интересовали **факты**. Приходится признать, что мы имеем здесь дело не с искренними попытками понять смысл русской истории, не с «историософскими размышлениями». Перед нами деятельность совершенно другого типа: это **журналистская публицистика**, **пропаганда**, стремящаяся внушить читателю некоторые заранее заданные мысли и чувства. Но тогда ее и надо исследовать как пропаганду. А всякая пропаганда имеет определенную ЦЕЛЬ. Мы приходим к важнейшему вопросу: какова же цель всей этой литературы, зачем понадобилось внушать читателям взгляд, **согласно которому русские — это народ рабов, всегда преклонявшихся перед жестокостью и пресмыкающихся перед сильной властью, ненавидевших все чужое и враждебных культуре, а Россия — вечный рассадник деспотизма и тоталитаризма, опасный для остального мира**?

Можно было бы и не ломать голову над этим вопросом, если бы мы имели дело просто с эмигрантскими эмоциями. Но дальше мы убедимся, что это не так. Мы просто видим надводную часть айсберга: то, что рассматриваемая литерату-

ра в своем большинстве опубликована на Западе, объясняется только тем, что там публиковать безопаснее и легче. А сами эти настроения уходят корнями сюда, да и здесь они проявляются, хотя и не так прямолинейно. Ведь надо отдать себе отчет в том, что если эта концепция впитается в национальное сознание, то это будет равносильно духовной смерти: народ, ТАК оценивающий свою историю, существовать не может. Мы имеем здесь дело с каким-то явлением, которое нас, жителей этой страны, кровно затрагивает.

Глава 3

Планы для России

Ответить на вопрос, поставленный в конце предшествующего параграфа, поможет рассмотрение второй группы взглядов, развиваемых авторами интересующего нас направления. Как оценивается сегодняшнее положение страны и какие пути предлагаются на будущее. Если верно высказанное нами предположение, что интерес и к Древней Руси, старцу Филофею, Грозному, Пересвету и т. д. определяется не склонностью авторов к историческим исследованиям, а какими-то очень злободневными интересами и чувствами, то очевидно, что их суждения о современности должны особенно прояснить их мотивы.

Все высказываемые здесь точки зрения концентрируются в основном вокруг двух положений: опасность, недопустимость влияния русского национального начала на жизнь государства и необходимость точно следовать образцу современных западных демократий в построении общества.

Авторы очень болезненно и резко реагируют на любые попытки взглянуть на жизнь с русской национальной точки зрения, то есть подойти к сегодняшним проблемам с точки зрения русских духовных и исторических традиций.

> *«…Не национальное возрождение, а борьба за свободу и духовные ценности должна стать центральной творческой идеей нашего будущего». (Горский, псевдоним)*

Тот же автор предупреждает:

> *«Новое национальное сознание должно строиться не на бессознательном патриотизме…»*

(как оно, по-видимому, строилось у 20 миллионов… сложивших свою голову в последней войне*). Опасным соблазном автор считает размышление о СМЫСЛЕ существования России, то есть саму презумпцию ОСМЫСЛЕННОСТИ русской судьбы. С осуждением он говорит:

> *«Русский человек, если он только способен самостоятельно мыслить, до сих пор мучается вопросом: что такое Россия? в чем смысл ее существования? каково ее назначение и место во Всемирной истории?»*

(Интересно, что по смыслу этой фразы сам «Горский» себя к числу «русских людей», по крайней мере «самостоятельно мыслящих», не относит!)

К анонимным авторам, выступившим в «Вестнике РСХД», № 97 («Горский» и др.), с большим сочувствием относится Янов. Он считает даже, что будущее России в значительной степени зависит от того, какую политическую ориентацию примет движение «Русский Православный Ренессанс». Здесь он различает два направления: одно, близкое ему по духу, к которому относятся упомянутые авторы, он называет «либерально-экуменическим». Трудно вложить в этот осторожный и деликатный оборот речи другое содержание, кроме — **безнациональное**. Да и в предисловии к другой книге Янова Бреслауер подчеркивает, что симпатии Янова — на стороне **космополитической** прослойки советского общества. Нужно как-то назвать и другое направление

* По некоторым данным, гораздо больше.

в «Православном Ренессансе», по смыслу оно **национальное**, но тут Янов не выдерживает роли профессора, беспристрастно анализирующего интересный социальный феномен, его прорывает: оно — «**татарски-мессианское**» и угроза «мировому политическому процессу».

В этом противопоставлении Янов видит основную проблему современной советской жизни: «решающий водораздел **проходит между националистами и ненационалистами**». Излишне оговаривать, что «национализм» имеется в виду не армянский, литовский или еврейский, а только русский. И очевидно, по какую сторону водораздела стоит автор. Более того, он обвиняет своих противников в том, что если бы реализовались их идеи о будущем России, то там не оказалось бы места **антирусской оппозиции**! Не берусь судить, справедливо ли это обвинение, но уж очень ярко оно демонстрирует заботы автора.

С предельной отчетливостью концепции Янова проявляются в его полемике с самиздатским журналом «Вече», выходившим в начале 70-х годов. Как иллюстрацию «слепого отказа видеть происходящее» цитирует он статью из этого журнала: «Даже проблема гражданских прав в СССР **менее** важна в данную историческую минуту, чем проблема гибнущей русской нации». Поучительно дать себе отчет в позиции самого Янова. Если эта точка зрения не верна и «проблема гибнущей русской нации» является менее важной, то что же произойдет, если мы сконцентрируем усилия на более важной проблеме, а нация погибнет? (В цитированной статье утверждается, что численность русских сокращается.) За чьи же права тогда бороться? Уж конечно — не за права русских!

Наконец, эта проблема обсуждается еще раз на более высоком уровне. По поводу одной самиздатской статьи Янов пишет:

> *«Рискуя профанировать метафизический энтузиазм статьи, сформулируем просто ее смысл: человечество квантуется, так сказать, не на отдельные индивидуальности, как до сих пор наивно полагало "гуманистическое сознание", но на нации».*

Однако «профанирование метафизического энтузиазма» здесь совсем ни при чем, то, что делает Янов, называется гораздо проще: подмена одной мысли другою. В отрывке из обсуждаемой статьи, который Янов сам приводит перед цитированным выше местом, говорится: «Нации — **один** из уровней в иерархии Христианского космоса…» (выделено мною. — *И. Ш.*), то есть, если пользоваться терминологией Янова, человечество квантуется **и на нации**. Обратная точка зрения, которой, по-видимому, придерживается Янов, заключается в том, что человечество квантуется **только на отдельные личности**, а не на нации. Точка зрения не новая. Человечество, распыленное (или «квантованное») на ничем друг с другом не связанные индивидуумы, — таков, по-видимому, идеал Янова.

Но существует и еще более радикальное направление мысли. Вместо того чтобы бороться с национализмом, предупреждать о его опасности — утверждается, что спора и вести-то не о чем, так как **народа вообще нет**. Мы уже приводили утверждение: «народ оказался мнимой величиной» («Горский»). Особенно подробно и с любовью эту мысль развил Померанц:

> *«Народа больше нет. Есть масса, сохраняющая смутную память, что когда-то она была народом и несла в себе Бога, а сейчас совершенно пустая… Народа, в смысле народа-богоносца, источника духовных ценностей, вообще нет. Есть неврастенические интеллигенты — и массы… В нашей стране остались только следы народа, как следы снега весной… То, что у нас обычно называют народом, совсем на народ, а мещанство».*

Итак, если в прошлом у русского народа не было истории, то в настоящем нет уже и русского народа…

Эти мысли естественно вытекают из концепций, рассмотренных в предшествующем параграфе. В русской истории авторы не видят ничего, кроме тирании, раболепия и бессмысленных, кровавых судорог. Померанц разъясняет:

«Так в России вообще делается история. Русский народ трепещет и пятится перед грозным самодержцем, который его режет на части, как Иванушку, и спекает заново. Потом, когда спечется, признает хозяина своим и служит верой-правдой».

Или в поэтической форме Галич:

«Что ни год — лихолетье,
Что ни враль — то мессия».

Если принять этот взгляд, то действительно попытка строить будущее на основе ТАКИХ традиций может кончиться лишь еще одной катастрофой. Мнение одного из авторов, что «Россия не имела истории», другие, может быть, отклонили бы как полемическое преувеличение, но по существу все их взгляды приводят к этому выводу: Истории, как того чрева, в котором вынашивается будущее народа, Россия, согласно их точке зрения, не имела. На чем же тогда строить будущее этой страны? Ответ дает второй основной тезис, выдвигаемый рассматриваемой нами литературой: на основе **чужого** опыта, заимствуя как образец современную западную многопартийную демократию. Именно то, что это опыт **чужой**, не вырастающий органически из русской истории, делает его привлекательным, так как дает гарантию, что он не заражен теми ядами, которыми пропитано, по мнению авторов, все наше прошлое. Наоборот, поиски какого-то своего пути неизбежно вызовут, как они полагают, цепь новых катастроф. Янов, например, считает это основным вопросом, «который сейчас, как и много поколений назад, разделяет русское диссидентское движение — является ли Россия европейской страной, или для нее существует особый, собственный путь развития…»

Таким образом, именно ПОИСК собственного пути (конечно, без ограничения его направления, так что, в частности, результатом мог бы оказаться и какой-то собственный

вид демократии) здесь отклоняется. Причина в том, что, по мнению авторов, **вообще существуют лишь два решения, выбор возможен лишь из двух вариантов: современная демократия западного типа или тоталитаризм**. Говоря о том же основном вопросе, что и в цитированном только что отрывке, Янов спрашивает:

> *«Не заключается ли он в **поисках альтернативы** для европейской демократии? И не приводит ли такой поиск неизбежно даже самых благородных и честных мыслителей в объятия авторитаризма, ибо никакой «особой» русской альтернативы демократии в истории до сих пор не было известно. Далее, не ведет ли **логика борьбы** против демократии (как доктрины и как политической реальности) в конце концов к оправданию самых крайних, тоталитарных форм авторитаризма?»*

Отметим эту характерную черту, которая будет дальше полезна для анализа взглядов наших авторов: они предлагают выбор только из **двух** возможностей: или «европейской демократии», или «авторитаризма», да еще в его «самых крайних тоталитарных» формах. Вряд ли реальная жизнь укладывается в столь упрощенную схему. В обществе действовало и действует столько сил: монархическая власть, аристократия, буржуазия и другие сословия, Церковь или Церкви, корпорации, партии, национальные интересы и т. д. и т. п., что из их комбинаций способен возникнуть (и все время возникает) непрерывный спектр государственных форм, а не те две его **крайние** точки, между которыми нам предлагается выбирать. И часто тот механизм, при помощи которого формируется государственная власть, оказывается далеко не самым важным признаком общества. Иначе мы должны были бы признать родственными Римскую империю в «Золотой век Антонинов» и китайскую империю Цинь Ши Хуан Ди с ее всеобщим рабством, круговой порукой и сожжением книг. В нашем веке однопартийные государства — и современная

Югославия, и Кампучия при красных кхмерах, а многопартийные — и ЮАР, и Швейцария. Тот строй, который существовал в Англии, когда она победила Людовика XIV, выдержала четверть века войн с революционной Францией и Наполеоном, стала «мастерской Европы» и образцом свободного общества, — был столь отличен от современной демократии, что вряд ли разумно объединять их одним термином. Он опирался на очень ограниченное избирательное право. Парламент состоял из лиц, тесно связанных общими интересами и даже родством, дискуссии в нем носили технический характер, и демагогия, стремление влиять на общественное мнение не играли заметной роли. Зомбарт сравнивает его с советом акционерной компании, где обсуждается, как вести предприятие, в успехе которого все одинаково заинтересованы и в делах которого все более или менее хорошо осведомлены. Большинство членов парламента фактически назначалось крупными землевладельцами, а часто места и покупались. И тем не менее суд Истории показал, что этот парламент в какой-то мере получил поддержку народа. Точно так же, как в 1912 году русский народ, по-видимому, единодушно поддержал самодержавную власть, а американский народ во вьетнамской войне, потребовавшей от него сравнительно небольших жертв, отказался поддерживать правительство, выбранное по всем канонам западной демократии. И как оценить, кто в большей мере выразил волю американского народа: партийная машина, выдвинувшая президентов Кеннеди, Джонсона и Никсона, которые вели вьетнамскую войну, или левые круги, опирающиеся на средства массовой информации, которые добились отставки президента и капитуляции в этой войне?

Здесь возникает очень глубокая проблема. Поиски лучшего пути для выявления воли народа молчаливо предполагают, что такое понятие, как «воля народа», существует и всеми одинаково толкуется. А именно это предположение, которое почти не обсуждается, требует тщательного анализа. Говоря современным научным жаргоном, народ — это «большая си-

стема». Но далеко не всякая большая система обладает свойством, которое можно было бы назвать «волей». Например, заведомо им не обладает сколь угодно сложная вычислительная машина; совершенно не ясно, можно ли его приписать живой природе в целом или отдельному виду или биоценозу — и только в отношении индивидуального человека или высших животных наличие воли не вызывает у нас сомнения. В реальной жизни народ проявляет себя не путем формулирования своей воли, а восстаниями или подъемом хозяйственной активности, ростом или падением рождаемости, взлетом культуры или распространением алкоголизма и наркомании, стойкостью и жертвенностью на войне или легкой капитуляцией. Именно бесчисленная совокупность таких признаков и показывает, здоров ли народный организм. Выработать наиболее органичную для данного народа и в данный момент его истории форму государственного устройства — это, конечно, необходимое условие здорового существования народа. Но далеко не единственное и зачастую не самое важное.

Что касается демократии западного типа, которую столь настойчиво предлагают разбираемые авторы в качестве универсального решения всех общественных проблем, то в ее современном состоянии она вызывает ряд сомнений, которые надо было бы тщательно обсудить, прежде чем рекомендовать ее безоговорочно в качестве единственного решения наших проблем. Назовем некоторые из них.

1. Этот строй, по-видимому, не является таким уж естественным. Переход к нему обычно был связан с мучительным и кровавым катаклизмом: очевидно, необходимо какое-то насилие над естественным историческим процессом. Такова была гражданская война в Англии. Во Франции гражданская война и террор были только началом. Почти столетие после этого страну трясло как в лихорадке: наполеоновские войны, революции, Вторая империя, Коммуна. У нас попытка введения этого строя в феврале 1917 года не оказалась успешной. В Германии такая попытка, осуществленная в Веймарской республике, в качестве реакции при-

вела к победе национал-социализма. (Такой адепт демократии, как Черчилль, в своих мемуарах высказывает мнение, что судьба Германии была бы иной, если бы в 1918 году была сохранена монархия.)

Можно ли сейчас идти на риск еще одного подобного катаклизма в нашей стране? Есть ли шанс, что она его переживет? А в то же время наши авторы предлагают этот путь с легкостью, которая вызывает подозрение, что такие опасения их совершенно не заботят.

2. Основоположники западной либеральной мысли (например, Монтескье и авторы американской конституции) исходили из концепции **ограниченной власти**. Эта концепция своими корнями уходит в религиозное средневековое мировоззрение. В эпоху абсолютизма было развито учение о неограниченной власти — сначала о власти неограниченного монарха, а потом о неограниченном народовластии (ср. мысли Гоббса, Спинозы и Руссо, цитированные в предыдущих главах). Ограничения власти пытались добиться на основе принципа разделения властей: когда, например, законодательство неподвластно конституционному монарху или судебная власть — воле народа. Но чтобы такая система функционировала, необходима сила, ограничивающая все эти власти, а для этого в обществе должны существовать часто незаписанные и даже неосознанные нормы поведения, традиции, моральные и религиозные принципы, которые в шкале ценностей занимают более высокое место, чем авторитет любой власти, так что противоречащие им действия власти воспринимаются как незаконные. Это и есть единственный надежный путь ограничения власти в ее принципе. Отсутствие таких ценностей, стоящих выше авторитета власти, автоматически порождает общество тоталитарного типа. Именно поэтому основанные на неограниченном народовластии государства так легко порождают тоталитаризм: в Германии Веймарская республика или во Франции власть Учредительного собрания в 1789–1791 гг. Эта закономерность была замечена очень давно. Платон писал, что демократия

вырождается в тиранию. Как он, так и Аристотель полагали, что неограниченное народовластие вообще нельзя считать формой государственного строя. Эдмунд Берк, наблюдавший начальный этап французской революции, писал, что неограниченная демократия столь же деспотична, как и неограниченная монархия. Современные же западные демократии целиком основываются на принципе неограниченного народовластия: любое решение, принятое большинством населения, — законно. (Этот дух уловили и разбираемые нами авторы: например, во введении к сборнику «Демократические альтернативы» прокламируется «демократия в правовой области», то есть подчинение права решению большинства.) В этом многие либеральные критики современной демократии видят признак ее упадка, неудачу предпринятой 200 лет тому назад попытки построить свободное общество на принципах народовластия. Сейчас, по их оценке, в западном обществе свободы существуют в силу инерции, а не как следствие принципов, на которых это общество построено.

3. Авторы рекомендуют демократию западного типа в качестве альтернативы однопартийному коммунистическому государству. Но способна ли она быть такой альтернативой? Ведь не по волшебству же будет один уклад заменен другим, очевидно, предполагается какая-то конкуренция. А способен ли демократический строй в **современной** его форме на такую конкуренцию? Все больше западная демократия уступает и уступает своему антагонисту. Если часть человечества, населяющая страны с однопартийной коммунистической государственной системой, составляла 7,5% в 1920 году и 8,5% в 1940 году, то в 1960-м она составила более 45%, а сейчас составляет не меньше половины. И ведь процесс шел только в одном направлении! Давно прошло время, когда западные демократии были динамичной силой, когда число стран, следовавших по этому пути, росло, да и другим они навязывали свои принципы. Теперь — все наоборот! Из вновь возникающих государств почти ни одно не избрало государственный строй западного типа. А в самих западных демократиях

все растет число противников их государственной системы. Сторонники же ее обычно прибегают к тому аргументу, что как она ни плоха, остальные — еще хуже. Такой аргумент вряд ли может вдохновить кого-либо на защиту этого строя. 200 лет назад так не говорили! Если же привлечь к сравнению античную демократию, то мы увидим, что она — недолговечная форма. 200 лет — это предельный срок ее жизни. Но как раз столько и существует многопартийная демократия в Западной Европе и США. По всем признакам многопартийная западная система — **уходящий** общественный строй. Ее роль в Истории можно оценить очень высоко: она принесла с собою гарантию внутреннего мира, защиту от правительственного террора (но не от «красных бригад»), рост материального благосостояния (и угрозу экологического кризиса). Но вернуть к ней все человечество так же безнадежно, как мечтать о возврате к Православному царству или Киевской Руси. История явно перерабатывает этот строй во что-то новое. Можно попытаться повлиять на то, во что и какими путями он будет перерабатываться, но повернуть этот процесс вспять — безнадежно.

А между тем есть ли у самих-то разбираемых нами авторов **определенное** представление о той «западной демократии», которую нам предлагают взять или отклонить в готовом виде, не разрешая обсуждать возможные ее варианты и альтернативы? Из их произведений как будто следует, что у них это представление весьма расплывчато. Часто кажется, что они имеют в виду классическую форму многопартийной демократии, вроде существующей сейчас в США. (Например, Шрагин и Янов.) Но вот, например, Краснов-Левитин* желает

* А. Краснов (А. А. Левитин) — церковный деятель, принимавший в 20-х годах активное участие в движении «обновленцев», направленном на раскол Православной Церкви: был секретарем руководителя этого движения А. Введенского. После того как движение «обновленцев» сошло на нет, вернулся в Православную Церковь, в связи с его церковной деятельностью был арестован. В 1960-е годы протестовал против массового закрытия церквей при Хрущеве. Был вновь арестован и осужден на 3 года. Отбыв срок, эмигрировал. В нескольких работах развивает идеи объединения христианства с социализмом.

ввести «полное имущественное равенство», а Л. Плющ* утверждает, что государственное планирование должно сохраниться вплоть до достижения коммунизма: но ведь таких целей современная западная демократия себе отнюдь не ставит! Более того, Плющ пишет:

> *«Я не понимаю Вас, если Вы не сочувствуете террористам, уничтожающим палачей своего народа, индивидуальный террор аморален, если он направлен против невинных людей».*

Нельзя же предположить у автора такой степени интеллектуальной недоразвитости, чтобы он не задался вопросом: КТО будет разделять на «невинных» и «виновных»? До сих пор террористы никогда не прибегали к третейскому суду, а вершили его сами. Вероятно, баскские террористы (пример которых с сочувствием приводит Плющ), стреляя в полицейского, считают, что он виновен если не лично, то как представитель виновного государства. Но ведь и любой классовый или расовый террор основывается на таких взглядах. Очевидно, здесь мы имеем, правда еще робкую, апологию политического террора, а тогда как это связать с идеалами западной демократии? Да и большинство авторов сборника «Демократические альтернативы» высказывают свою приверженность социализму, и заканчивает сборник документ «Российские демократические социалисты за рубежом». Перед нами, очевидно, какие-то другие демократы: **социалистические**. Но это уже не современная западная демократия, в некая **альтернатива** ей, то есть как раз то, против чего так страстно борется Янов. Как же тогда понять его участие в этом сборнике? Если он считает таким решающим аргументом, что «ника-

* Л. Плющ — марксист, но критически относящийся к некоторым сторонам советской жизни. Написал несколько работ в этом духе, был членом «инициативной группы по охране прав человека». Был арестован, признан невменяемым и помещен в психиатрическую больницу. Его арест вызвал широкое движение на Западе (...) Плющ был освобожден, эмигрировал и продолжает развивать на Западе свои марксистские взгляды.

кой особой русской альтернативы демократии в истории до сих пор не было известно», то не должен ли он был прежде всего обратиться с этим аргументом к своим единомышленникам и соавторам по сборнику, ибо ведь уж синтез-то демократии западного типа с социализмом (например, с «полным имущественным равенством») в истории безусловно до сих пор не был известен?

Так что, по-видимому, не тяготение к демократии, понимаемой ими весьма неоднозначно, объединяет этих авторов. А действительно общее у всех у них — раздражение, возникающее при мысли, что Россия может **искать** какой-то **свой** путь в истории, стремление всеми средствами воспрепятствовать тому, что народ пойдет по пути, который он сам выработает и выберет (конечно, не при помощи тайного голосования, а через свой исторический опыт). Это мечта о превращении России в механизм, робота, лишенного всех элементов жизни (исторических традиций, каких-либо целей в будущем) и управляемого изготовленной за тридевять земель и вложенной в него программой… Демократия же играет роль такой «программы», «управляющего устройства», никак органически со страной не связанного. Так что если сделать фантастическое предположение, что авторы обратились бы со своими идеями к американцам, то от них они должны были бы требовать безоговорочного принятия абсолютной монархии.

Та же схема, то же представление о призрачности нашей жизни, являющейся лишь бледным **отражением** реальной, западной жизни, принимает уже несколько гротескный характер в статье Померанца в сборнике «Самосознание». Трактуя развитие культуры ВСЕХ стран мира, кроме Англии, Голландии, Скандинавии и Франции, лишь как СКОЛОК с культуры этих последних, автор подчеркивает, какие искажения, выпадения целых этапов и слияние нескольких в один при этом происходят. Но не пытается обсудить свою аксиому. А ведь если бы он взял за аксиому, что европейская поэзия — искаженное копирование персидской, то, вероятно, должен был бы прибегнуть к еще более остроумным конструкциям, чтобы объяс-

нить, почему Фирдоуси, Омар Хайям и Хафиз так искаженно отражаются в виде Данте, Гёте и Пушкина*.

В несколько упрощенной, но зато очень яркой форме все эти вопросы — и планы для будущего России, и их национальный аспект — предстают в теории, которую выдвинул Янов и изложил в ряде статей и в двух книгах. В классическом духе «анализа расстановки классовых сил» он делит наше общество на два слоя — «истеблишмент» и «диссидентов». Каждый из них порождает как «левое», так и «правое» течение. Все свои надежды автор возлагает на «левых». «Истеблишментарная левая» (термин автора!) состоит из «партийной аристократии», или «элиты», и «космополитических менеджеров». Она нуждается в реконструкции и «модернизации их архаической идеологии», а для этого — в союзе с «самыми блестящими умами России, которые сейчас концентрируются в диссидентском движении», то есть с «диссидентской левой». Для этого необходимо преодолеть «эгалитарный и моральный максимализм интеллигенции» и «высокомерную нетерпимость интеллектуально и этически ущербного нового класса». Но — и тут автор подходит к центральному пункту своей концепции — ЭТОГО ОНИ СДЕЛАТЬ САМИ НЕ В СОСТОЯНИИ:

> *«Однако это противоречие зашло так далеко, что его разрешение невозможно без арбитра, авторитет которого признан обеими сторонами. Западное интеллектуальное общество может служить таким арбитром. Оно может выработать точную и детальную программу, чтобы примирить все позитивные социально-политические силы СССР, — программу, которая их объединит для нового шага вперед…»*

* Любопытно, что при этом автор как раз сам отстает от развития западной мысли. «Европоцентристская» точка зрения Померанца на Западе в основном преодолена, рассматривается как отражение империализма XIX века и, вероятно, была бы с возмущением отвергнута, если бы ее пытались применить к какой-нибудь африканской стране.

Вот это и есть секрет Янова, его основная концепция. И чтобы выразить ее понятнее, автор предлагает в качестве модели — ОККУПАЦИЮ:

> *«Это предприятие грандиозной, можно сказать, исторической сложности. Однако оно по существу аналогично тому, с которым столкнулся "мозговой трест" генерала Макартура в конце второй мировой войны*[*]*.*
>
> *Было ли правдоподобно, что автократическая Япония может быть преобразована из опасного потенциального врага в дружелюбного партнера по бизнесу без фундаментальной реорганизации ее внутренней структуры? Тот же принцип приложим к России…»*

Тот слой, на который это «грандиозное предприятие» будет опираться внутри страны, Янов тоже характеризует очень точно, приводя в качестве примера — героя одной сатирической повести. Речь идет о паразите, не сохранившем почти никаких человеческих черт (кроме чисто внешних), вся деятельность которого направлена на то, чтобы реальная жизнь нигде не пробивалась через преграду бюрократизма. Настоящая жизнь для него — это поездки на Запад и покупки, которые он оттуда привозит. Его мечта — привезти из Америки какой-то необычайный «стереофонический унитаз». «Предположим, что он хочет стереофонический унитаз, — рассуждает Янов, — правдоподобно ли, что он хочет мировой войны?»

Этой картине не откажешь в смелости: духовная (пока) оккупация «западным интеллектуальным сообществом», которое становится нашим арбитром и учителем, опираясь внутри страны на слой «космополитических менеджеров», снабжаемых за это в изобилии стереофоническими унитазами! Ее можно принять как лаконичное и образное резюме идеологии рассматриваемого нами течения.

---

* Генерал Макартур был главнокомандующим американскими оккупационными силами в Японии.

Глава 4

Малый народ

Взгляды, рассмотренные в двух предыдущих главах, сливаются в единую систему. Более того, в основе их лежит целая философия истории — особый взгляд на характер исторического процесса. Речь идет о том, является ли история органическим процессом, сходным с ростом живого организма или биологической эволюцией, или же она сознательно конструируется людьми, подобно некоторому механизму. Иначе говоря, вопрос о том, как воспринимать общество — **организмом** или **механизмом**, **живым** или **мертвым**.

Согласно первой точке зрения, человеческое общество сложилось в результате эволюции «норм поведения» (в самом широком смысле: технологических, социальных, культурных, моральных, религиозных). Эти «нормы поведения», как правило, никем сознательно не изобретались, но возникли как следствие очень сложного процесса, в котором каждый новый шаг совершается на основе всей предшествующей истории. Будущее рождается прошлым, Историей, совсем не по нашим замыслам. Так же, как новый орган животного возникал не потому, что животное предварительно поняло его полезность, так и новый социальный институт чаще всего не создавался сознательно, для достижения определенной цели.

Вторая точка зрения утверждает, что общество строится людьми логически, из соображений целесообразности, на основании заранее принятого решения. Здесь вполне можно, а часто и нужно, игнорировать исторические традиции, народный характер, выработанную веками систему ценностей. (Типично высказывание Вольтера: «Хотите иметь хорошие законы? Сожгите свои и напишите новые».) Зато решающую

роль играют те, кто обладает нужными познаниями и навыком: это истинные творцы Истории. Они и должны сначала вырабатывать планы, а потом подгонять неподатливую жизнь под эти планы. Весь народ оказывается лишь материалом в их руках. Как плотник из дерева или инженер из железобетона, возводят они из этого материала новую конструкцию, схему которой предварительно разрабатывают. Очевидно, что при таком взгляде между «материалом» и «творцом» лежит пропасть, «творцы» не могут воспринимать «материал» как таких же людей (это и помешало бы его обработке), но вполне способны испытывать к нему антипатию и раздражение, если он отказывается правильно понимать свою роль. Выбор той или другой из этих концепций формирует людей двух разных психологических типов. Приняв первую точку зрения, человек чувствует себя помощником и сотрудником далеко превосходящих его сил. Приняв вторую — независимым творцом истории, демиургом, маленьким богом, а в конце концов — насильником. Вот на этом-то пути и возникает общество, лишенное свободы, какими бы демократическими атрибутами такая идеология ни обставлялась.

Взгляды, которые мы рассмотрели в двух предшествующих параграфах, представляют собой последовательное применение второй точки зрения (общество как механизм) к истории нашей страны. Вспомним, сколько сил потрачено, чтобы очернить историю и весь облик нашего народа. Видно, какое раздражение у авторов вызывает опасение, что наше будущее будет опираться на исторические традиции этой страны. Чуть ли не с пеной у рта доказывают они нам, что демократия западного типа абсолютно чужда духу и истории нашего народа — и столь же темпераментно настаивают, чтобы мы приняли именно эту государственную форму. Проект духовной оккупации «западным интеллектуальным сообществом», разработанной Яновым, так и воплощается зрительно в образ России — машины, на сиденье которой весело вскакивает ловкий водитель, включает зажигание — и машина помчалась. Типично и то, что для нашего будущего предлагается

выбор только из двух возможностей: «демократия западного типа» и «тоталитаризм». Ни рост организма, ни поведение всего живого никогда не основывается на выборе между двумя возможностями, но всегда среди бесконечного числа непрерывно друг в друга переходящих вариантов. Зато элемент вычислительной машины должен быть сконструирован именно так, чтобы он мог находиться лишь в двух состояниях: включенном и выключенном.

И необходимый вывод из этой концепции: выделение «творческой элиты» и взгляд на весь народ как на материал для ее творчества очень ярко отразился у наших авторов. Приведем несколько примеров того, как они характеризуют отношение своего круга к остальному населению. При этом мы встретимся с такой трудностью — эти авторы характеризуют тот круг, с которым они себя явно отождествляют, различными терминами: интеллигенция (чаще), диссиденты (реже), элита, «избранный народ»… Я предлагаю временно совершенно игнорировать эту терминологию, а исходить из того, что мы имеем пока нам не известный слой, некоторые черты которого хотим восстановить. К вопросу же о том, в каком отношении этот слой находится к интеллигенции, диссидентам и т. д., мы вернемся позднее, когда представим его себе конкретнее.

Итак, вот как понимает ситуацию «Горский»:

> *«…Старое противоречие между “беспочвенной интеллигенцией” и народом предстает сегодня как противоречие между творческой элитой и оболваненными и развращенными массами, агрессивными по отношению к свободе и высшим культурным ценностям».*

Причем в то же время:

> *«Необходимо отметить также, что новая оппозиционная интеллигенция, при всем ее отрыве от народных масс, представляет тем не менее именно породившие ее массы, является как бы органом их самосознания».*

Точка зрения Шрагина такова:

> *«Помимо тонкого слоя европейски образованной и демократически настроенной интеллигенции, корни диссидентского движения натолкнулись на толщу вечной мерзлоты».*

И более того:

> *«Интеллигент в России — это зрячий среди слепых, ответственный среди безответственных, вменяемый среди невменяемых».*

Итак, «европейски образованная и демократически настроенная интеллигенция» созрела для того, чтобы большинство народа объявить НЕВМЕНЯЕМЫМ! А где же место невменяемому, как не в психушке?

Наконец, взгляд Померанца:

> *«Религия перестала быть приметой народа. Она стала приметой элиты». «Любовь к народу гораздо опаснее (чем любовь к животным): никакого порога, мешающего стать на четвереньки, здесь нет». «Новое что-то заменит народ». «Здесь…**складывается хребет нового народа»**. «Масса может заново кристаллизоваться в нечто народоподобное только вокруг новой интеллигенции».*

Концепция элиты, «избранного народа» для автора является необсуждаемым догматом, обсуждается только — где элиту найти:

> *«Рассчитываю на интеллигенцию вовсе не потому, что она хороша… Умственное развитие само по себе только увеличивает способность ко злу… Мой избранный народ плох, я это знаю… но остальные еще хуже».*

На этом пути наши авторы неизбежно должны встретиться с очевидной логической трудностью, так что с нетерпением ожидаешь, когда же они на нее натолкнутся. Ведь если русское сознание так проникнуто раболепием, обожанием жестокой власти, мечтой о хозяине, если правовые традиции нам абсолютно чужды, то как же такому народу привить демократический строй **демократическими методами**, да еще в ближайшем будущем? Но оказывается, что для авторов здесь и затруднения нет. Просто тогда русских надо сделать демократичными, хотя бы и **недемократическими методами**. (Руссо называет это: **заставить быть свободными**.) Как пишет Шрагин:

> *«При деспотиях не большинство решает. Конечно, это противоречит идеалам демократии. Но и наилучший из идеалов вырождается в утопию, когда он тесен для вмещения реальности».*

И это заявление, столь поразительное своей откровенностью, не вызвало, кажется, никакой реакции в эмигрантской прессе, так подчеркивающей в других случаях свою демократичность!

Перед нами какой-то слой, очень ярко сознающий свое единство, особенно рельефно подчеркнутое резким противопоставлением себя всему остальному народу. Типичным для него является мышление антитезами:

творческая элита — оболваненная и развращенная масса
избранный народ — мещанство
европейски образованная и демократически настроенная интеллигенция — вечная мерзлота
вменяемые — невменяемые
племя гигантов — человеческий свинарник

(последнее — из самиздатской статьи Семена Телегина «Как быть?»).

Слой этот объединен сознанием своей элитарности, уверенностью в своем праве и способности определять судьбы страны. По-видимому, в существовании такого социального слоя и находится ключ к пониманию той идеологии, которую мы рассматриваем.

Этот социальный феномен стал бы, вероятно, понятнее, если бы его можно было включить в более широкие исторические рамки. И действительно, по крайней мере в одной исторической ситуации подобное явление было подробно и ярко описано — в эпоху Великой французской революции.

Один из самых интересных исследователей Французской революции (как по свежести его идей, так и по его удивительной эрудиции) Огюстен Кошен в своих работах обратил особое внимание на некий социальный, или духовный, слой, который он назвал «малым народом». По его мнению, решающую роль во французской революции играл круг людей, сложившийся в философских обществах и академиях, масонских ложах, клубах и секциях. Специфика этого круга заключалась в том, что он жил в своем собственном интеллектуальном и духовном мире: «малый народ» среди «большого народа». Можно было бы сказать — **антинарод** среди народа, так как мировоззрение первого строилось по принципу ОБРАЩЕНИЯ мировоззрения второго. Именно здесь вырабатывался необходимый для переворота тип человека, которому было враждебно и отвратительно то, что составляло корни нации, ее духовный костяк: католическая вера, дворянская честь, верность королю, гордость своей историей, привязанность к особенностям и привилегиям родной провинции, своего сословия или гильдии. Общества, объединявшие представителей «малого народа», создавали для своих членов как бы искусственный мир, в котором полностью протекала их жизнь. Если в обычном мире все проверяется опытом (например, историческим), то здесь решает общее мнение. Реально то, что считают другие, истинно то, что они говорят, хорошо то, что они одобряют. Обычный порядок обращается: доктрина становится причиной, а не следствием жизни.

Механизм образования «малого народа» — это то, что тогда называли «освобождением от мертвого груза», от людей, слишком подчиненных законам «старого мира»: людей чести, дела, веры. Для этого в обществах непрерывно производят «очищения» (соответствующие «чисткам» нашей эпохи). В результате создается все более чистый «малый народ», движущийся к «свободе» в смысле все большего освобождения от представлений «большого народа»: от таких предрассудков, как религиозные или монархические чувства, которые можно понять только опытом духовного общения с ним. Этот процесс Кошен иллюстрирует красивым примером — образом «дикаря», столь распространенным в литературе эпохи Просвещения: «персидский принц» Монтескье, «гурон» Вольтера, «таитянин» Дидро и т. д. Обычно это человек, обладающий всеми материальными аксессуарами и формальными знаниями, предоставляемыми цивилизацией, но абсолютно лишенный понимания духа, который все это оживляет, поэтому все в жизни его шокирует, кажется глупым и нелогичным. По мнению Кошена, этот образ — не выдумка, он взят из жизни, но водились эти «дикари» не в лесах Огайо, а в философских академиях и масонских ложах; это образ того человека, которого они хотели создать, парадоксальное существо, для которого средой его обитания является пустота, так же, как для других — реальный мир. Он видит все и не понимает ничего, и именно по глубине непонимания и измерялись способности среди этих «дикарей».

Представителя «малого народа», если он прошел весь путь воспитания, ожидает поистине чудесное существование: все трудности, противоречия реальной жизни для него исчезают, он как бы освобождается от цепей жизни, все представляется ему простым и понятным. Но это имеет свою обратную сторону: он уже не может жить вне «малого народа», в мире «большого народа» он задыхается, как рыба, вытащенная из воды. Так «Большой народ» становится угрозой существованию «малого народа», и начинается их борьба: лилипуты пытаются связать Гулливера. Эта борьба, по мнению Кошена, занимает годы,

предшествовавшие Французской революции, и революционный период. Годы революции (1789—1794) — это пятилетие власти «малого народа» над «большим народом». Только **себя** «малый народ» называл народом, только **свои** права формулировал в «Декларациях». Этим объясняется парадоксальная ситуация, когда «победивший народ» оказался в меньшинстве, а «враги народа» — в большинстве. (Это утверждение постоянно было на языке у революционных деятелей.)

Мы сталкиваемся с мировоззрением, удивительно близким тому, которое было предметом нашего анализа в этой работе. Сюда относится взгляд на собственную историю как на сплошную дикость, грубость, неудачу — все эти «Генриады» и «Орлеанские девственницы». И стремление порвать все свои связи, даже внешние, связующие с исторической традицией: переименование городов, изменение календаря… И убеждение в том, что все разумное следует заимствовать извне, тогда — из Англии; им проникнуты, например, «Философские письма» Вольтера (называемые иногда «Письмами из Англии»). И в частности копирование чужой политической системы — английского парламентаризма.

Мне кажется, что эта замечательная концепция применима не только к эпохе Французской революции, она проливает свет на гораздо более широкий круг исторических явлений. По-видимому, в каждый кризисный, переломный период жизни народа возникает такой же «Малый народ», все жизненные установки которого ПРОТИВОПОЛОЖНЫ мировоззрению остального народа. Для которого все то, что органически выросло в течение веков, все корни духовной жизни нации, ее религия, традиционное государственное устройство, нравственные принципы, уклад жизни — все это враждебно, представляется смешными и грязными предрассудками, требующими бескомпромиссного искоренения. Будучи отрезанным начисто от духовной связи с народом, он смотрит на него лишь как на материал, а на его обработку — как чисто ТЕХНИЧЕСКУЮ проблему, так что решение ее не ограничено никакими нравственными нормами, состраданием или жало-

стью. Это мировоззрение, как замечает Кошен, ярко выражено в фундаментальном символе масонского движения, игравшего такую роль в подготовке Французской революции: в образе построения Храма, где отдельные люди выступают в роли камней, механически прикладываемых друг к другу по чертежам «архитекторов».

Сейчас мы приведем несколько примеров, чтобы подтвердить нашу догадку, что здесь мы действительно имеем дело с общеисторическим явлением.

1. Обращаясь к эпохе, предшествующей той, которую изучал Кошен, мы сталкиваемся с КАЛЬВИНИЗМОМ, оказавшим в форме движения гугенотов во Франции и пуритан в Англии такое влияние на жизнь Европы XVI—XVII веков. В его идеологии, особенно у пуритан, мы легко узнаем знакомые черты «Малого народа». Учение Кальвина утверждало, что еще до сотворения мира Бог предопределил одних людей к спасению, других — к вечной погибели. Никакими своими делами человек не может повлиять на это уже принятое решение. Избраны лишь немногие: крошечная группа «святых» в греховном, страждущем и обреченном на вечные муки человечестве. Но и «святым» недоступна никакая связь с Богом, «ибо конечное никогда не может соприкоснуться с бесконечным». Их избранность проявляется лишь в том, что они становятся **орудием** Бога, и тем вернее их избранничество, чем эффективнее они действуют в сфере их мирской активности, откинув попытки понимания смысла этой деятельности.

Это поразительное учение, собственно новая религия, создавало у «святых» ощущение полной изолированности, противопоставленности остальному человечеству. Центральным их переживанием было чувство избранности, они даже в молитве благодарили Бога, что они не такие, как «остальная масса». В их мировоззрении колоссальную роль играла идея эмиграции. Отчасти из-за того, что началу движения пуритан положила группа протестантов, бежавших от преследования в период католической реакции при Марии Тюдор: в состоянии полной изоляции, оторванности от родины они, под влияни-

ем учения Кальвина, заложили основы теологии и психологии пуританизма. Но отчасти и потому, что, даже и вернувшись в Англию, они по своим взглядам оставались эмигрантами, чужаками. Излюбленным образом их литературы был странник, беглец, пилигрим.

Узкие общины «святых» постоянно подвергались очищениям, отлучениям от общения, охватывавшим иногда большинство общин. И «обреченные», согласно взглядам пуритан, должны были быть подвергнуты дисциплине их Церкви, причем здесь вполне было допустимо принуждение. Пропасть между «святыми» и «обреченными» не оставляла места для милосердия или помощи грешнику — оставалась только ненависть к греху и его носителю. Особым предметом обличений и ненависти пуританской литературы были крестьяне, потерявшие землю и толпами отправлявшиеся в города в поисках работы, а часто превращающиеся в бродяг. Пуритане требовали все более и более строгих законов: превозносили порку, клеймение раскаленным железом. А главное — требовали защиты «праведных» от соприкосновения с нищими бродягами. Именно из духа пуританизма в XVIII веке возникла страшная система «работных домов», в которых бедняки находились почти на положении каторжников.

Литература пуритан стремилась оторвать «святых» от исторических традиций (которые были традициями «людей мира»), для «святых» не имели силы все установленные обычаи, законы, национальные, династические или сословные привязанности. Это была в самом своем принципе нигилистическая идеология. И действительно, пуритане и призывали к полной переделке мира, всех существующих «законов, обычаев, статутов, ордонансов и конституций». Причем к переделке по известному им заранее плану. Призыв «строить на новом основании» подкреплялся у них знакомым уже нам образом «построения Храма», на этот раз — восстановления Иерусалимского Храма после возврата евреев из пленения.

Как утверждает Макс Вебер, реальная роль кальвинизма в экономической жизни заключалась в том, чтобы разрушить

традиционную систему хозяйства. В английской революции его решающая роль состояла в том, что, опираясь на пуритан и еще более крайние секты, новому слою богачей удалось опрокинуть традиционную монархию, пользовавшуюся до того поддержкой большинства народа.

2. В эпоху, следующую за Французской революцией, можно наблюдать очень похожее явление. Так, и 30-е и 40-е годы XIX века в Германии вся духовная жизнь находилась под влиянием философского и политического радикализма: «Молодая Германия» и «левое гегельянство». Его целью было разрушение (как тогда говорили — «беспощадная критика» или «революционирование») всех основ тогдашней немецкой жизни: христианства, философии, государства, общества. Все немецкое переименовывалось в «тевтонское» или «пруссаческое» и становилось объектом поношений и насмешек. Мы встречаем знакомые читателю утверждения, что немцы лишены чувства собственного достоинства, что им свойственна ненависть ко всему чужому, что их история — цепь подлостей, что их вообще трудно считать людьми. После Гете, Шиллера, немецкого романтизма Руге писал: «Мы, немцы, так глубоко отстали, что нам еще надо создавать человеческую литературу».

Немецкий патриотизм отождествлялся с реакционностью, наоборот, преклонялись перед всем западным, особенно французским. Был в ходу термин «профранцузский антипатриотизм». Высказывались надежды, что французы опять оккупируют Германию и принесут ей свободу. Модной была эмиграция во Францию, в Париже жило 85 000 немцев.

Типичным представителем этого направления был Гейне. Предметом его постоянных злобных, часто грязных и от этого уже и не остроумных нападок было, во-первых, христианство. Например, такой художественный образ: «Некоторые духовные насекомые испускают вонь, если их раздавить. Таково христианство: этот духовный клоп был раздавлен 1800 лет назад (распятие Христа?), а до сих пор отравляет воздух нам, бедным евреям». А во-вторых, немецкий характер, культура,

история: так, в конце поэмы «Германия — Зимняя сказка» он сравнивает будущее Германии со зловонием, исходящим из ночного горшка. И не потому, что он просто был такой желчный, скептический человек: Наполеона он обожал до идолопоклонства, перед всем французским преклонялся и даже называл себя «вождем французской партии в Германии».

3. В России второй половины XIX века те же черты очень отчетливо видны в либеральном и нигилистическом течении. Известный публицист-шестидесятник В. Зайцев писал о русских: «Оставьте всякую надежду, рабство в крови их». Тому же Зайцеву принадлежит мысль:

> *«…Они хотят быть демократами, да и только, а там им все равно, что на смену аристократии и буржуазии есть только звери в человеческом образе… Народ груб, туп и вследствие этого пассивен… Поэтому благоразумие требует, не смущаясь величественным пьедесталом, на который демократы возвели народ, действовать энергически против него».*

Как видим, мысль Шрагина, что при деспотиях решать должно меньшинство, а «принципы демократии тесны для вмещения реальности», была высказана уже тогда. Более того, Достоевский рассказывает:

> *«Этого народ не позволит», — сказал по одному поводу, года два назад, один собеседник одному ярому западнику. «Так уничтожить народ!» — ответил западник спокойно и величаво».*

Замечательно презрительное отношение к своей культуре, такое же, как у немецких радикалов 30-х годов, сочетающиеся с преклонением перед культурой западной и особенно немецкой. Так, Чернышевский и Зайцев объявили Пушкина, Лермонтова и Гоголя бездарными писателями без собственных мыслей, а Ткачев присоединил к этому списку и

Толстого. Салтыков-Щедрин, высмеивая «Могучую кучку», изобразил какого-то самородка (Мусоргского?), тыкающего пальцами в клавиши наугад, а под конец садящегося всем задом на клавиатуру. И это не исключительные примеры: таков был общий стиль.

В «Дневнике писателя» Достоевский все время полемизирует с какой-то очень определенной, четкой идеологией. И когда его читаешь, то кажется, что он имеет в виду именно ту литературу, которую мы в этой работе разбираем: так все совпадает. Тут есть и утверждение о рабской душе русского мужика, о том, что он любит розгу, что «история народа нашего есть абсурд» и как следствие — «надобно, чтобы такой народ, как наш, не имел истории, а то, что имел под видом истории, должно быть с отвращением забыто им, все целиком». И цель — добиться того, что народ «застыдится своего прошлого и проклянет его. Кто проклянет свое прежнее, тот уже наш, — вот наша формула!» И принцип — что, кроме европейской правды, «другой нет и не может быть». И даже утверждение, что «в сущности, и народа-то нет, а есть и пребывает по-прежнему все та же косная масса», — как будто Достоевский заглянул в сочинения Померанца. И наконец, эмиграция, причина которой, согласно этой идеологии, в том, что «виноваты все те же наши русские порядки, наша неуклюжая Россия, в которой порядочному человеку до сих пор еще ничего сделать нельзя». Как современны мысли самого Достоевского:

> *«Неужели и тут не дадут и не позволят русскому организму развиться национальной, своей органической силой, а непременно безлично, лакейски подражая Европе? Да куда же девать тогда русский-то организм? Понимают ли эти господа, что такое организм?»*

Страшное предположение он высказывает: что отрыв, «отщепенство» от своей страны приводит к ненависти, что эти люди НЕНАВИДЯТ Россию, «так сказать, натурально,

физически: за климат, за поля, за леса, за порядки, за освобождение мужика, за русскую историю, одним словом, за все, за все ненавидят».

Л. Тихомиров, прошедший путь террориста вплоть до одного из руководителей «Народной воли», а потом отошедший от этого течения, рисует в своих позднейших работах очень похожую картину. По его словам, мировоззрение тех кружков молодежи, из которых вышли террористы, имело своею основой разрыв с прошлой культурой. Прокламировалось ниспровержение всех авторитетов и следование только «своему разуму», что привело, наоборот, к господству авторитетов самых низких и примитивных. Значение материализма и антинационализма поднялось до религиозного уровня, и эпитет «отщепенец» был похвальбой. Идеи этих кружков были столь ограниченны, что появились молодые люди, утверждавшие, что вообще ничего не надо читать — их прозвали «троглодитами». И действительно, они могли заимствовать в предлагавшейся им литературе только подтверждение уже заранее известных им идей. В результате развивалась душевная пустота, тоска. Было много случаев самоубийств, «чувствовали, что стоят перед тьмой». Готовы были броситься куда угодно — и бросились в террор.

> *«От них не жди никаких уступок ни здравому смыслу, ни человеческому чувству, ни истории. Это было возмущение против действительной жизни во имя абсолютного идеала. Успокоиться ему нельзя, потому что если его идеал невозможен, то, стало быть, ничего на свете нет, из-за чего стоило бы жить. Он скорее истребит "все зло", т. е. весь свет, все изобличающее его химеру, чем уступит».*

Такое повторение на протяжении 400 лет и в разных странах Европы столь четкого комплекса идей не может быть случайным; очевидно, мы имеем дело с каким-то очень определенным социальным явлением, возникающим всегда в

устойчивой стандартной форме. Можно надеяться, что это наблюдение поможет нам разобраться в той современной проблеме, которой посвящена настоящая работа.

Последние века очень сузили диапазон тех концепций, которыми мы способны пользоваться при обсуждении исторических и социальных вопросов. Мы легко признаем роль в жизни общества экономических факторов или политических интересов, не можем не признать (хотя и с некоторым недоумением) роли межнациональных отношений, соглашаемся, на худой конец, не игнорировать роль религии — но в основном как политического фактора, например, когда религиозная рознь проявляется в гражданских войнах. На самом же деле, по-видимому, в истории действуют гораздо более мощные силы духовного характера — но мы их не способны и обсуждать, их не ухватывает наш «научный» язык. А именно от них зависит — привлекательна ли жизнь людям, может ли человек найти свое место в ней, именно они дают людям силы (или лишают их). Из взаимодействия таких духовных факторов и рождается, в частности, это загадочное явление: «Малый народ».

Глава 5

Современный вариант «малого народа»

Какие есть основания считать, что этот же феномен «малого народа» проявляется в нашей стране? Прежде всего, конечно, та литература, которую мы разбираем. В ней представлен весь стандартный комплекс представлений «малого народа»: вера в то, что будущее народа можно, как механизм, свободно конструировать и перестраивать; в связи с этим — презрительное отношение к истории «большого на-

рода», вплоть до утверждения, что ее вообще не было; требование заимствовать в будущем основные формы жизни со стороны, а со своей исторической традицией порвать; разделение народа на «элиту» и «инертную массу» и твердая вера в право первой использовать вторую как материал для исторического творчества; наконец, прямое отвращение к представителям «большого народа», их психологическому складу. И эти черты выражены в современном нам «малом народе» не менее ярко, чем в его предшествующих вариантах. Например, нигде раньше не встречался такой яркий символ господства «малого народа» над «большим народом», как модель оккупации, предложенная Яновым. А тонкий образ Померанца: «…место интеллигенции всегда на полдороге… Духовно все современные интеллигенты принадлежат диаспоре. Мы всюду не совсем чужие. Мы всюду не совсем свои», прекрасно передает мироощущение «людей без корней», составляющих «малый народ».

Часто изречения из литературы современного «малого народа» настолько совпадают с мыслями их предшественников, что кажется, будто одни других цитируют. Особенно это поражает при сопоставлении современного «малого народа» с его предшественником 100—120-летней давности, сложившимся внутри либерального, нигилистического, террористского и революционного движения в нашей стране. Ведь это действительно странно: в литературе современного «малого народа» можно встретить мысли — почти цитаты из Зайцева, Чернышевского или Троцкого, хотя в то же время его представители выступают как убежденные западники-демократы, полностью отрицающие идеалы и практику «революционного века» русской истории, относя все это к традиции «русского тоталитаризма».

Так, Зайцев и Шрагин, отделенные друг от друга веком, совершенно единодушно признают, что в отношении всего народа рамки демократии «чересчур узки». «Рабство в крови их», — говорит Зайцев, а Померанц повторяет: «Холуйская смесь злобы, зависти и преклонения перед властью».

И если вдова поэта О. Мандельштама Н. Я. Мандельштам в своих воспоминаниях, осуждая тех, кто уходит от борьбы за духовную свободу, писала: «Нельзя напиваться до бесчувствия… Нельзя собирать иконы и мариновать капусту», а Троцкий (в «Литературе и революции») называл крестьянских поэтов (Есенина, Клюева и др.) «мужиковствующими», говорил, что их национализм «примитивный и отдающий тараканами», то ведь в обоих случаях выражается одно и то же настроение. Когда Померанц пишет:

> *«Интеллигенция есть мера общественных сил — прогрессивных, реакционных. Противопоставленный интеллигенции, весь народ сливается в реакционную массу»,*

то это почти повторение (интересно, сознательное или невольное?) положения знаменитой Готской программы:

> *«По отношению к пролетариату все остальные классы сливаются в одну реакционную массу».*

Очевидно, что здесь не только совпадение отдельных оборотов, мыслей. Ведь если отжать основное ядро литературы современного «малого народа», попытаться свести ее идеи к нескольким основным мыслям, то мы получим столь знакомую концепцию «проклятого прошлого», России — «тюрьмы народов»; утверждение, что все наши сегодняшние беды объясняются «пережитками», «родимыми пятнами» — правда, не капитализма, но «русского мессианства» или «русского деспотизма», даже «дьявола русской тирании». Зато «великодержавный шовинизм» как главная опасность — это буквально сохранено, будто заимствовано литературой «малого народа» из докладов Сталина и Зиновьева.

Вот еще одно конкретное подтверждение. Шрагин заявляет, что он не согласен, будто сознание нашего наро-

да покалечено обработкой, цель которой была — заставить стыдиться своей истории, забыть о ее существовании, когда Россия представлялась «жандармом Европы» и «тюрьмой народов», а история ее сводилась к тому, что «ее непрерывно били»*. Время, когда это делалось, всеми забыто, говорит он. «Попробовал бы кто-нибудь протащить через современную советскую цензуру эти слова — "жандарм Европы", отнеся их хотя бы к русскому прошлому».

Но сам **на той же странице пишет**:

> *«Была ли Россия "жандармом Европы"? — А разве нет? Была ли она "тюрьмой народов" — у кого достанет совести это отрицать? Били ли ее непрерывно за отсталость и шапкозакидательство? — Факт».*

Значит, «время, когда это делалось», — совсем не забыто, прежде всего самим Шрагиным. Сменился только солист — перед нами как бы хорошо отрепетированный оркестр, в котором мелодия, развиваясь, переходит от одного инструмента к другому. А в то же время нам-то рисуют картину двух антагонистов, двух путей, друг друга принципиально исключающих. И предоставляется нам только выбор между этими двумя путями — ибо третьего, как нас уверяют, — нет. Опять та же, хорошо знакомая ситуация!

Никогда, ни при каком воплощении «малого народа» такая полная убежденность в своей способности и праве определять жизнь «большого народа» не останавливалась на чисто литературном уровне. Так, Амальрик уже сравнивает теперешнюю эмиграцию с «эмиграцией надежды», предшествующей 1917 году. И конечно, можно не сомневаться, что в случае любого кризиса они будут опять здесь в роли идейных вождей, муками изгнания выстрадавших свое право на руководство. Недаром так упорно поддерживается легенда,

* Хотя, казалось бы, какой это жандарм, если его только и делают, что бьют? Видимо, здесь сказалось желание уязвить Россию сразу двумя аргументами, хотя и противоречащими друг другу.

что все они были «высланы» или «выдворены» — хоть и долго обивали пороги ОВИРа, добиваясь своей визы.

Другое указание на наличие некоторого слоя, проникнутого элитарными, кружковыми чувствами, не стремящегося войти в контакт с основными социальными слоями населения, даже отталкивающегося от них, можно, мне кажется, извлечь из наблюдения над нашей общественной жизнью, из различных выступлений, заявлений и т. д. Я имею в виду ту их удивительную черту, что уж очень часто они направлены на проблемы МЕНЬШИНСТВА. Так, вопрос о свободе выезда за границу, актуальный разве что для сотен тысяч человек, вызвал невероятный накал страстей*. В национальной области судьба крымских татар вызывает куда больше внимания, чем судьба украинцев, а судьба украинцев — больше, чем русских. Если сообщается о притеснениях верующих, то говорится гораздо больше о представителях сравнительно малочисленных религиозных течений (адвентистов, иеговистов, пятидесятников), чем православных или мусульман. Если говорится о положении заключенных, то почти исключительно политзаключенных, хотя они составляют вряд ли больше 1% общего числа. Можно подумать, что положение меньшинства реально тяжелее. Это совершенно неверно: проблемы большинства народа никак не менее острые, но, конечно, ими надо интересоваться; если их игнорировать, то их как бы и не будет. И пожалуй, самый разительный пример — заявление, сделанное несколько лет назад иностранным корреспондентам, что детям интеллигенции препятствуют получать высшее образование (было передано по нескольким радиостанциям). В то время как для детей интеллигенции, особенно в крупных городах, возможность поступления в высшую школу, наоборот, больше, чем для остальных из-за внушенной в семье установки, что высшее образование необходимо

* А ведь широко дискутируются и более изысканные проблемы: право на свободный выбор месяца эмиграции (на три месяца раньше или позже), право на свободный выбор вызова (по американскому или израильскому вызову эмигрировать?).

получить, из-за большей культурности семьи, компенсирующей недостаточный уровень средней школы, из-за возможности нанять репетиторов. Каким позором было бы такое заявление в глазах интеллигенции прошлого века, считавшей себя **в долгу** перед народом! Теперь же задача — вырывать своим детям места **за счет народа**.

Еще один знак, указывающий в том же направлении, — это «культ эмиграции». То внимание, которое уделяется свободе эмиграции, объявление права на эмиграцию «первым среди равных» прав человека — невозможно объяснить просто тем, что протестующие хотят сами уехать, в некоторых случаях это не так. Тут эмиграция воспринимается как некий принцип, жизненная философия. Прежде всего как демонстрация того, что «в этой стране порядочному человеку жить невозможно». Но и более того, **как модель** отношения к здешней жизни, брезгливости, изоляции и отрыва от неее. (Еще Достоевский по поводу Герцена заметил, что существуют люди, так и родившиеся эмигрантами, способные прожить так всю жизнь, даже никогда и не выехав за границу.) Насколько эта тема деликатная и болезненная, показывают следующие два примера.

1. На одной пресс-конференции была высказана мысль, что эмиграция все же не подвиг, а уезжают люди, порвавшие духовные связи со своей родиной, которые поэтому уже вряд ли способны внести большой вклад в ее культуру. Опровержения и протесты так и посыпались в западной и эмигрантской печати, по радио… Один живущий здесь писатель написал громадную статью в известную французскую газету «Монд», в которой, в частности, утверждал, что «отрыв от родины» — всегда подвиг и что «мы(?), оставшиеся, благословили уехавших».

2. Выходящий в Париже на русском языке журнал «Континент» в своем первом номере, где предлагается программа журнала и прокламируется его намерение говорить от имени «Континента Восточной Европы», публикует статью одного из его организаторов и влиятельного члена редколлегии

А. Синявского* (под псевдонимом Абрам Терц). «Сейчас на повестке дня третья эмиграция», — пишет автор. Понимает он ее широко. «Но все бегут и бегут» — не только люди, например, она совпадает с тем, что «уходят и уходят из России рукописи». А кончается статья картиной:

> *«Когда мы уезжали, а мы делали это под сурдинку, вместе с евреями, я видел, как на дощатом полу грузовика подпрыгивают книги по направлению к таможне. Книги прыгали в связке, как лягушки, и мелькали названия: "Поэты Возрождения", "Салтыков-Щедрин". К тому времени я от себя уже все отряс. Но они прыгали и прыгали (…). Книги тоже уезжали…*
>
> *Я только радовался, глядя на пачки коричневых книжек, что вместе со мной, поджав ушки, уезжает сам Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин.*
>
> *Мы уезжали навсегда. Все было кончено и забыто. (…) Даль была открыта нашим приключениям. А книги прыгали. И сам, собственной персоной, поджав ушки, улепетывал Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин».*

Это какой-то гимн эмиграции, апофеоз бегства: сам автор «все от себя отряс», для него «все было кончено и забыто», но этого мало — бегут не только люди, но и рукописи, книги и даже «улепетывают» великие русские писатели — Русская Литература.

И ту же психологию «малого народа» мы все время можем наблюдать в нашей жизни. Популярные певцы, знаменитые рассказчики — из магнитофонов, телевизоров, с подмостков эстрады — вдалбливают в головы образ русского — алкоголика, подонка, «скота с человеческим лицом». В модном теа-

* А. Д. Синявский в 60-е годы опубликовал на Западе под псевдонимом Абрам Терц несколько рассказов и повестей. Был судим и осужден на 5 лет. Отбыв 4 года, был амнистирован и эмигрировал. В Париже был одним из организаторов журнала «Континент». Опубликовал несколько книг, из которых «Прогулки с Пушкиным» имели успех скандала (типичная рецензия: «Прогулки хама с Пушкиным»). Сейчас издает в Париже журнал «Синтаксис».

тре с репутацией либеральности идет пьеса из русского прошлого. Понимающая публика тонко переглядывается: «как смело, как остро подмечено, как намекает на современность, действительно — в этой стране всегда так было и быть иначе не может». В кино мы видим фильмы, в которых наше прошлое представляется то беспросветным мраком и ужасом, то балаганом и опереткой. Да и на каждом шагу можно натолкнуться на эту идеологию. Например, в таком стишке, в четырех строках излагающем целую концепцию революции:

Как жаль, что Марксово наследство
Попало в русскую купель,
Где цель оправдывает средства,
А средства обо…ли цель.

Или в забавном анекдоте о том, как два червя — новорожденный и его мама — вылезли из навозной кучи на белый свет. Новорожденному так понравилась трава, солнце, что он говорит: «Мама, зачем же мы копошимся в навозе? Поползем туда!» — «Тсс, отвечает мама, — ведь это наша Родина!» Сами такие анекдоты не родятся, кто-то и зачем-то их придумывает!

Изложенные выше аргументы приводят к выводу: **литературное течение, рассматривающееся в этой работе, является проявлением идеологии «малого народа», отражением его войны с «большим народом».**

Такая точка зрения объясняет все те черты этой литературы, которые мы отмечали на протяжении нашей работы: антипатию к России («большому народу»), Русской истории; раздражение, которое вызывает любая попытка взглянуть на жизнь с русской национальной точки зрения; настойчивое требование идейно порвать с нашим прошлым и конструировать будущее, не обращаясь к своему историческому опыту. Здесь оказывается особенно уместным образ Кошена: лилипуты ползут на связанного Гулливера, осыпают его отравленными стрелами…

Этот вывод порождает, однако, сразу же другой вопрос: из кого состоит этот «малый народ», в каких слоях нашего общества он обитает? В настоящем параграфе мы проделаем только подготовительную работу, рассмотрев термины, которыми пользуются сами идеологи «малого народа», когда они говорят о социальных слоях, с которыми себя отождествляют. Таких терминов, хоть сколько-нибудь конкретных, употребляется два: «интеллигенция» и «диссидентское движение».

Безусловно, авторы рассматривавшихся нами работ являются людьми «пишущими» и поэтому относятся к интеллигенции в любом понимании этого слова. Точно так же те, к кому они обращаются, — это читатели Самиздата или люди, способные доставать выходящие на Западе русские журналы, и, вероятно, также принадлежат к интеллигенции. Поэтому правдоподобно, что наш «малый народ» составляет какую-то часть интеллигенции. Однако отождествлять его со всем сословием «образованных людей», например «лиц с высшим образованием», — нет никакого основания. Жизненные взгляды миллионов учителей, врачей, инженеров, агрономов и т. д. совершенно иные. Но, к сожалению, мы унаследовали еще от XIX века дурную привычку рассматривать интеллигенцию только как единое целое. Примером такого глобального суждения была концепция «интеллигенции, противопоставившей себя народу». Если это суждение принимать точно, то от интеллигенции надо бы отчислить славянофилов, Достоевского, Соловьева, Мусоргского (да и почти всю русскую музыку), Менделеева (который из-за своих националистических, консервативных убеждений даже не был избран академиком). А ведь они для кого-то писали, имели своих читателей и слушателей — не окажется ли, что большинство интеллигенции к ней не принадлежит? В русской публицистике к интеллигенции часто применяли термин «орден» (П. Анненский, Ф. Степун, Н. Зернова). Например, Анненский писал:

> *«Интеллигенция представляет собой как бы воюющий орден, который не имеет никакого письменного*

устава, но знает всех своих членов, рассеянных по нашей земле, и который по какому-то соглашению всегда стоял поперек всего течения современной жизни».

Очень странно было бы применять этот образ к земским врачам, учителям гимназии или инженерам. Не естественно ли предположить, что авторы имели в виду некоторый очень специфический круг внутри образованной части общества, весьма напоминающий «малый народ»? Интересно посмотреть, как этот вопрос трактуется в известном сборнике «Вехи», имеющем подзаголовок «Сборник статей о русской интеллигенции». П. Струве оговаривается, что он имеет в виду не всю интеллигенцию, но определенную ее часть, которой свойственно «безрелигиозное отщепенство от государства» — черта, очень подходящая к характеристике «малого народа». Бердяев в начале статьи упоминает, что он имеет в виду «кружковую интеллигенцию» и даже предполагает для нее новый термин: «интеллигентщина». Он говорит: «Странная группа людей, чуждая органическим слоям русского общества». Характеристика Гершензона: «Сонмище больных, изолированных в своей стране». Франк называет интеллигента «воинствующим монахом нигилистической религии безбожья», интеллигенция — «кучка чуждых миру и презирающих мир монахов».

Сборник «Вехи» вызвал бурную реакцию либеральной части интеллигенции. Как ответ появился сборник «Интеллигенция в России», в котором участвовали видные представители этого направления: Ковалевский, Милюков, Туган-Барановский и др. Как же толкуют термин «интеллигенция» они? Милюков считает «интеллигенцию» **ядром** «образованного класса», «ей принадлежит инициатива и творчество». Характеризуя ее, он пишет: «Русская интеллигенция почти с самого своего возникновения была антиправительственна», у нее «сложился свой патриотизм государства в государстве, особого лагеря, окруженного врагами». Он отмечает «эмигрантское настроение» интеллигенции. Овсянико-Куликовский пишет об

интеллигенте-разночинце: «Он относится с величайшим отвращением к историческим формам русской жизни, среди которой он чувствует себя решительным отщепенцем».

Казалось бы, эти черты выделяют какой-то очень узкий, специфический слой или течение. Но иногда авторы совершенно определенно относят их ко всему «образованному обществу». Вопрос «кто же это — интеллигенция?» как-то обходится, на него нет определенней точки зрения. Видно, что авторы сборников имели перед собой очень трудный для определения социальный феномен. Они смутно чувствовали его уникальность, но даже не поставили задачи о его более точной характеристике. Дальше исчезло и это чувство: укоренилось аморфное, нерасчлененное понятие «интеллигенции», очень искаженно отражающее сложную жизненную ситуацию. Этот штамп, к сожалению, сохранился, дожил до наших дней и мешает правильно оценить нашу действительность. В частности, надо признать, что термин «интеллигенция» дает совершенно неверную интерпретацию интересующему нас «малому народу». Но следует помнить, что термин этот тем не менее в литературе **самого** «малого народа» широко используется, и, встречаясь в анализируемой литературе с термином «интеллигенция», мы можем понимать его как «малый народ».

Шрагин и Янов (и, кажется, только они) пользуются иногда термином «диссиденты» для обозначения того течения, с которым они себя отождествляют. Термин этот еще менее определенный, чем «интеллигенция». И пущен-то он в обиход иностранными корреспондентами, в нашей жизни очень мало разбирающимися. Но при любом его понимании как раз ни Янова, ни Шрагина диссидентами не назовешь: пока они жили здесь, они были типичными «работниками идеологического сектора». Также не являются диссидентами четыре анонимных (и до сих пор не проявившихся) автора в № 97 «Вестника РСХД» и тем более Р. Пайпс.

Другие термины, которые применяет, например, Померанц: «элита», «избранный народ», еще более расплывчаты. Так что, как мне представляется, та терминология, которой пользуют-

ся сами идеологи «малого народа», не дает возможности этот «народ» сколько-нибудь точно локализовать. Мы должны искать какие-то другие пути для решения этой задачи.

Глава 6

Национальный аспект

Направление, в котором надо это решение искать, может указать одна очень ярко заметная особенность разбираемой литературы — ее насыщенность национальными и прежде всего **противорусскими** эмоциями. Авторы, по-видимому выступая как объективные исследователи, ищущие истину мыслители — историки, философы или социологи, часто не выдерживают своей линии и срываются в чисто эмоциональные выпады не только против русской истории, но и против русских вообще. Быть может, читатель уже отметил эту особенность приведенных выше цитат («вселенская русская спесь», «отсутствие чувства собственного достоинства у русских», «холуйская смесь злобы и зависти», «архитипическая российская психологическая предрасположенность к единогласному послушанию», «российская душа упивалась жестокостью власти»). Вот еще несколько образцов, которые можно было бы объединить заголовком ОНИ О НАС:

«Россией привнесено в мир больше Зла, чем какой-либо другой страной» (N.N.).

«Вековой смрад запустения на месте святом, рядившийся в мессианское “избранничество”, многовековая гордыня “русской идеи”» (он же).

«Народ» оказался мнимой величиной, пригодной сегодня лишь для мифотворчества» («Горский»).

«Собственная национальная культура совершенно чужда русскому народу» (он же).

«…Византийские и татарские недоделки» (о русских допетровских времен) (Померанц).

«[На Руси] христианские глубины практически всегда переплетаются с безднами нравственной мерзости» (он же).

«Страна, которая в течение веков пучится и расползается, как кислое тесто, и не видит перед собой других задач» (Амальрик).

«Страна без веры, без традиций, без культуры» (он же).

«А что самим русским в этой тюрьме сквернее всех, так это логично и справедливо» (Шрагин).

«[В дореволюционной России] "трудящиеся массы" пропитаны приобретательским духом худшего буржуазного пошиба в сочетании с нравственным цинизмом и политической реакционностью» (Пайпс).

«…Исполнение мечты о "порядке" и "Хозяине", которая уже сейчас волнует народное сознание» (Янов).

«…Традиционная преданность народа "Хозяину"» (Янов).

«[Перемешивание населения в СССР хорошо тем, что] "у русофилов выбивают почву из-под ног". Предлагается отказаться от слов "Россия", "русский народ", заменив их "советский народ, советские люди" и т. д.» (Белоцерковский)[*].

Вообще в литературе этого направления изо всех народов претензии предъявляются только русскому. Например, «наци-

* В. Белоцерковский — недавний эмигрант, участник сборника «Демократические альтернативы» и автор публицистических работ. Живет в ФРГ, возбуждал против нескольких других публицистов процессы по обвинению в антисемитизме (в ФРГ есть соответствующий закон), но не выиграл их.

онализм» без всяких оговорок подразумевается только русский (см. хотя бы сборник цитат «Спектр неонационализма» в «Демократических альтернативах»). И при этом Плющ еще заявляет: «Ненормальным мне кажется подсчитывать, кто на сколько процентов сделал пакостей русским за тысячу лет», — это в сборнике «Демократические альтернативы», где подобные «подсчеты» и упреки адресованы только русским»!

Чтобы не создавалось впечатления, будто здесь какую-то особую роль играет **слово**, приведем два примера, где те же чувства передаются средствами **живописи**.

1. На обложке журнала «Третья волна» (1979, № 6), издаваемого А. Глезером, напечатана репродукция картины художника Влад. Овчинникова: избушка и мужичок изображены на фоне кладбища, покрытого крестами. Картина называется: СОБАЧЬЕ КЛАДБИЩЕ.

2. В роскошно изданном каталоге выставки под названием «Современная русская живопись» репродуцирована картина Александра Злотника «Тяжелое небо». На картине какое-то существо без головы, стоя, раздвинув ноги, рожает чудище с тремя собачьими головами. Из первого существа течет моча, целое озеро мочи, рождающее реку, которая втекает в качестве ночного горшка — в храм Василия Блаженного.

Особую брезгливость вызывают у этих авторов крестьяне. Мы уже упоминали мнение Р. Пайпса о пословицах русских крестьян, смысл которых, по его мнению, «примитивно прост: заботиться только о себе и не думать о других». Об их религии Меерсон-Аксенов* говорит:

«…Магизм и суеверие крестьянского православия».

(И это пишет человек, рукоположенный в сан православного священника!)

* М. Г. Меерсон-Аксенов — по образованию историк. Опубликовал в Самиздате и на Западе (частично под псевдонимами) несколько работ. Эмигрировал и окончил в США семинарию. Рукоположен в сан священника Американской Православной Церкви.

Суждения Померанца таковы:

> *«Мужик не может возродится иначе как оперный. Крестьянские нации суть голодные нации, а нации, в которых крестьянство исчезло (так!) — это нации, в которых исчез голод.*
>
> *Крестьяне несовершенны в религии, как и в агрономии».*

А. Амальрик пишет:

> *«И если язык наиболее полное выражение народного духа, то кто же более русский — "арапчонок" Пушкин и "жиденок" Мандельштам или мужик, который у пивной, размазывая сопли по небритым щекам, мычит: "Я… русский!"»*[*]

Этот список можно было бы продолжать и продолжать…[**] Чувства, которые движут авторами, трудно иначе характеризовать как РУСОФОБИЮ (причем вполне подходят оба смысла, вкладываемые в термин «фобия» — страх и ненависть). А ненависть к одной нации, скорее всего, связана с обостренным переживанием своей принадлежности к другой. Не делает ли это правдоподобным, что авторы находятся под действием какой-то мощной силы, коренящейся в их национальных чувствах? Я предлагаю принять этот тезис как рабочую гипотезу и посмотреть, не поможет ли она понять все явление.

Если, приняв эту «рабочую гипотезу», спросить, ЧЬИ ЖЕ национальные чувства здесь проявляются? — то для челове-

---

* Прошу извинения за пропуск в цитате, но как-то не выписывается грязное ругательство, употребленное автором.

** Именно этими эмоциями, а не элементарной неграмотностью следует, вероятно, объяснить те грубые логические и фактические ошибки, на которые мы обратили внимание в гл. 2. Неправдоподобно, например, чтобы Янов полагал, будто Белинский — «классик славянофильства». Скорее всего, это проявление брезгливого отталкивания, когда и славянофилы и западники одинаково омерзительны.

ка, знающего жизнь нашей страны, ответ, думаю, не вызовет сомнений. Есть только одна нация, о заботах которой мы слышим чуть ли не ежедневно. Еврейские национальные эмоции лихорадят и нашу страну, и весь мир: влияют на переговоры о разоружении, торговые договоры и международные связи ученых, вызывают демонстрации и сидячие забастовки и всплывают чуть ли не в каждом разговоре. «Еврейский вопрос» приобрел непонятную власть над умами, заслонил проблемы украинцев, эстонцев, армян или крымских татар. А уж существование «русского вопроса», по-видимому, вообще не признается.

То, что рассматриваемые нами авторы часто находятся под влиянием сильных еврейских национальных чувств, подтверждается многими чертами этой литературы. Например, тем, какое место занимают в ней вопросы, волнующие сейчас еврейское националистическое движение: проблема отъезда и страх антисемитизма — они всплывают почти в каждой работе. Еще более универсальным и характерным является другой признак. Рассматриваемые работы могли бы создать впечатление, что их авторам чужд и даже антипатичен национальный аспект жизни вообще. Но вот что поражает: хотя авторы в большинстве являются евреями, они НИКОГДА не пытаются примерить и своему народу и ЕГО государству те упреки, которые они адресуют русским в России. Например, почти все авторы обвиняют русских в «мессианстве», в гордыне «избранничества». Есть ли у русских такие черты и насколько сильно они проявились, вопрос спорный. Но ведь «мессия» — не русское слово! Бердяев говорил, что любой мессианизм есть лишь подражание еврейскому. Именно у евреев представление о себе как «избранном народе» и ожидание Мессии составляет несомненную основу их религии, а религия — основу государства Израиль — и ни один из авторов в ЭТОМ не видит ничего болезненного или неестественного.

Ярче всего эти стороны выступают в работах Янова (что Янов еврей, подчеркивает Бреслауер в предисловии к одной из его книг, считая это очень важной чертой для характеристики

Янова). Он очень искренне описывает свою растерянность и недоумение, когда в 60-е годы в СССР «наступили новые и странные времена»: вместо того чтобы отдыхать в санаториях Крыма и Кавказа, интеллигенты начали бродить по деревням, собирая иконы и даже выражая беспокойство по поводу того, что крестьянское население исчезает! Как он стремился убедить всех «честных и мыслящих людей», что, склоняясь к русскому национализму, они вступают на опасный и темный путь. Но, по-видимому, ему не казалось странным, что его соплеменники в то же самое время отправлялись не в близкую деревню, а в далекую тропическую страну — не в отпуск, а навсегда, — и притягивали их не иконы, которым молились еще их отцы и деды, а храм, разрушенный почти 2000 лет назад! Или вот, Янов описывает русскую националистическую группу, провозгласившую в своей программе неприкосновенность свободы личности, свободу всех методов распространения истины, демонстраций и собраний и т. д. Тем не менее Янов считает, что это — начало пути, который неизбежно приведет к деспотизму — только потому, что они говорили о духовном возрождении и русском пути, употребляя выражение «Великая Россия», и предлагали обеспечить особую роль Православия в будущей России. Но ведь все эти черты и не в виде мечтаний 30 молодых людей, а в реальности — можно наблюдать в государстве Израиль! Считает ли Янов, что оно неизбежно пойдет по пути деспотизма? Однако Израиль упоминается в его книгах лишь однажды — и как пример демократического государства. Янов полагает, что традиционный образ мышления русских заключается в том, чтобы по любому поводу спрашивать: «кто в этом виноват?», попытаться свалить вину на других, в «презумпции национальной невиновности». (Заключение не безусловно убедительное — часто ведь отмечается и склонность к **покаянию**, типичная для русских, сказавшаяся в типах «кающегося дворянина» и «кающегося интеллигента», в помощи русских польскому восстанию 1863 года и т. д.). С другой стороны, в его книгах и статьях исключительно большую роль играет концепция «антисеми-

тизма». Но ведь содержание этой концепции и выражается лучше всего его термином: «презумпции национальной невиновности», вопросом «кто виноват?» в злоключениях евреев и ответом «все остальные, от жителей древней Элефантины или античной Александрии до современных русских». И Янов не видит здесь никаких параллелей!

Некоторые аргументы таковы, что они вообще имеют смысл, только если обращены к людям тех же взглядов, смотрящих на все вопросы с точки зрения еврейского национализма. Так, Янов приводит в качестве документа, который должен показать отрицательные черты русского национализма, письмо, распространявшееся среди аппарата одной западной радиостанции. Автор письма утверждает, что большинство аппарата русской редакции — евреи, проводящие русофобскую политику. (Янов заимствует эти данные из статьи Белоцерковского — того самого, который хотел «выбить почву из-под ног русофилов». О содержании этой статьи он ничего не сообщает.) Но что предосудительного может в этом увидеть беспристрастный читатель? Сам Янов считает главным злом — внесение в политику моральных оценок, демократами он признает только тех, кто борется за свои права «в экономической и политической сферах». Вот русские и борются за свои права в русской же редакции! Ведь недавний упрек еврейской «Лиги борьбы с диффамацией», что процент евреев, занятых в американском банковском бизнесе, недостаточно высок, не вызвал возмущения! С негодованием Янов отмечает, что автор не останавливается перед тем, чтобы «исследовать кровь (то есть расовое происхождение)», по-видимому, считая, что говорить об этом недопустимо. (Хотя почему бы? В «открытом обществе», сила которого, как нас уверяют, в том, что **все** обсуждается, ничто не замалчивается?). Но тут же Янов доказывает, что и он может делать то же самое, только лучше, поправляя автора: двое из указанных им как евреи таковыми не являются.

Лишь предположение о националистически-еврейской подоплеке может объяснить загадку опубликования статьи

Янова о славянофилах — в Тель-Авиве! Увы, славянофилами и в Москве-то мало кто интересуется, кому до них дело в Тель-Авиве? Но с предлагаемой точки зрения ситуация становится понятной. Автор хочет сказать: «Не доверяйте свободолюбивому, духовному облику, который имеет русское национальное движение! В конце концов оно приведет к вредным для нас результатам. Так было раньше, так будет всегда». И действительно, мотив «антисемитизма» возникает на последней странице статьи.

Наконец и у самих идеологов «малого народа» нередко заявления, которые, если воспользоваться известным нам переводом: «интеллигенция» — «малый народ», приобретают смысл прокламирования особой, центральной роли, которую играет в современном нам «малом народе» его еврейское ядро. Так, Н. Я. Мандельштам (вдова поэта) пишет:

> *«Евреи и полукровки сегодняшнего дня — это вновь зародившаяся интеллигенция».*
>
> *«Все судьбы в наш век многогранны, и мне приходит в голову, что всякий настоящий интеллигент всегда немного еврей…»*

Мысль, по-видимому, не случайная, так как мы встречаем ее у других авторов. Например, Борис Хазанов (псевдоним, автор сообщает, что живет здесь), говорит:

> *«Такова ситуация русского еврейства, какой она мне представляется. Я не вижу противоречия между моей "кровью" и тем, что я говорю по-русски; между тем, что я иудей, и тем, что я русский интеллигент. Напротив, я нахожу это сочетание естественным, Я убеждаюсь, что быть русским интеллигентом сейчас неизбежно значит быть евреем».*

Автор не принимает эмиграции как выхода (по крайней мере для себя). Тем не менее он заявляет:

«…Я торжественно ставлю крест на теории ассимиляции, на философии ассимиляционизма (…). Я принимаю как нечто законное то, что я чужой здесь, и в этом состоит мое освобождение (…). Я не осознаю себя блудным сыном, которому пора вернуться под отчий кров, мой кров всегда со мной, где бы я ни скитался, мне нет надобности осознавать себя евреем, я и так еврей с головы до кончиков ногтей. Вы скажете: а почва? Как можно жить, имея под ногами бездну? Но удел русских евреев — ступать по воде».

Заявляя, что он не собирается уезжать, автор говорит:

«Патриотизм в русском понимании слова мне чужд. Та Россия, которую я люблю, есть платоновская идея, в природе ее не существует. Россия, которую я вижу вокруг себя, мне отвратительна»[*].

Вместе с тем автор берется указать некоторую миссию, особую роль русского еврейства (или по крайней мере какой-то его части):

«Заменив вакуум, образовавшийся после исчезновения (!) русской интеллигенции, евреи сами стали этой интеллигенцией. При этом, однако, они остались евреями. Поэтому им дано переживать ситуацию изнутри и одновременно видеть ее со стороны. Русские люди этого преимущества лишены — что они неоднократно доказывали».

Также и Шрагин подчеркивает национальную окраску своего понимания интеллигенции («малого народа»):

«Национальный склад русского интеллигента имеет мало общего с национальным складом крестьяни-

* Это не пустые слова — его книга пропитана отвращением к России и русским, выплескивающимся почти на каждой странице.

на, рабочего или бюрократа». «Еще Гершензон заметил, что русский интеллигент даже антропологически иной тип, чем человек из народа».

Да и Янов, излагая свой проект духовной оккупации и преобразования России «западным интеллектуальным сообществом», не забывает добавить, что для осуществления этого грандиозного плана понадобится «Новый Барух или Маршалл» (еврейская фамилия Маршалл происходит от слова «маршалик» — шут в гетто).

Особенно поучительной представляется мне мысль, высказанная Померанцем:

«Даже Израиль я хотел бы видеть не чисто еврейским государством, а убежищем для каждого "перемещенного лица", для каждого человека, потерявшего родину, центром вселенской международной диаспоры (которая растет и ширится). Если у еврейского народа, после трех тысяч лет истории, есть некоторая роль, то скорее в этом, а не в том, чтобы просто выжить и быть как все».

Интересно было бы понять, что это за «перемещенные лица»? Вероятно, образ этот применяется не буквально, например, это не арабские беженцы из Палестины. Скорее, здесь подразумеваются лица, утратившие почву по аналогии с «потерявшими родину». Образ Израиля как столицы или Ватикана, объединяющего международную диаспору людей «без корней», утративших почву и родину, вполне соответствует концепции «малого народа», в нашу эпоху находящегося под доминирующим влиянием одного из течений еврейского национализма.

Очевидно, еврейские национальные чувства являются одной из основных сил, движущих сейчас «малый народ». Так, может быть, мы имеем дело с чисто национальным течением? Кажется, что это не так — дело обстоит сложнее. Психология «малого народа», когда кристально ясная концепция снимает с

человека бремя выбора, личной ответственности перед «большим народом» и дает сладкое чувство принадлежности к элите, такая психология не связана непосредственно ни с какой социальной или национальной группой. Однако «малый народ» «воплощается»: использует определенную группу или слой, в данный момент имеющий тенденцию к духовной самоизоляции, противопоставлению себя «большому народу». Это может быть религиозная группа (в Англии — пуритане), социальная (во Франции — 3-е сословие), национальная (определенное течение еврейского национализма — у нас). Но как во Франции в революции играли видную роль и дворяне, так и у нас можно встретить русских или украинцев среди ведущих публицистов «малого народа». В подобной открытости и состоит сила этой психологии: иначе все движение замыкалось бы в узком кругу и не могло бы оказать такого влияния на весь народ.

По-видимому, в жизни «малого народа», обитающего сейчас в нашей стране, еврейское влияние играет исключительно большую роль: судя по тому, насколько вся литература «малого народа» пропитана точками зрения еврейского национализма, естественно думать, что именно из националистически настроенных евреев состоит то центральное ядро, вокруг которого кри

лание познакомиться с тем, к каким последствиям подобное же влияние привело в судьбе другой страны.

Эта проблема никогда еще, насколько мне известно, не поднималась русской стороной (здесь, а не в эмиграции). Но другую сторону она явно беспокоит и все время всплывает в литературе «малого народа» и в произведениях новейшей эмиграции. Проблема часто хоть и называется, но либо формулируется так, что нелепость, неуместность самого вопроса становится совершенно очевидной, либо тут же закрывается при помощи первого попавшегося аргумента. Например, «революцию делали не одни евреи», утверждает один аноним NN, блистательно опровергая взгляд, что «революцию делали одни евреи» (который, впрочем, никаким разумным человеком и не мог быть высказан). Другой автор в «Континенте» признает участие евреев в революции на 14 % (?!) — «вот за эти 14 % и будем отвечать»! Вот еще пример: пьеса «Утомленное солнце» (вообще замечательная клокочущей ненавистью к русским), напечатанная в издающемся на русском языке в Тель-Авиве журнале. Автор — Нина Воронель, недавний эмигрант из СССР (может быть, пьеса здесь и писалась?). В пьесе трус и негодяй Астров спорит с чистым, принципиальным Веней. Астров кричит: «…ответственности вы не несете, но устраиваете нам революции, отменяете нашего бога, разрушаете церкви». — «Да чего вы стоите, если вам можно революцию устраивать!» — парирует Веня. Многие авторы отвергают мысль о сильном еврейском влиянии на русскую историю как оскорбительную для русского народа, хотя это единственный пункт, в котором они готовы проявить к русским такую деликатность. В недавней работе Померанц так и кружит над этим «проклятым вопросом». То он спрашивает, были ли евреи, участвующие в революционном движении, на самом деле евреями — и признает вопрос неразрешимым:

торговли». Все уже так приучены, что никому не надо объяснять, какое же отношение имеет освобождение четырех еврейских террористов к советско-американской торговле? И никого не удивляет, что госдепартамент организует пресс-конференции террористам, что их принимают высшие официальные лица США, они выступают в английском парламенте.

«А кто такой Врангель? (то есть немец ли?), Троцкий? Это зависит от ваших политических взглядов, читатель». То открывает универсальную закономерность русской жизни — что в ней всегда ведущую роль играли нерусские. «Даже в романах русских писателей какие фамилии носят деловые, энергичные люди? Костанжогло, Инсаров, Штольц… Тут уже заранее было приготовлено место для Левинсона». Ставится даже такой «мысленный эксперимент»: если бы опричника Федьку Басманова перенести в наш век и сделать наркомом железнодорожного транспорта, то у него, утверждает автор, поезда непременно сходили бы с рельсов, а вот «у мерзавца Кагановича поезда ходили по расписанию (как раньше у Клейнмихеля)» — хотя должен был бы автор помнить тот первозданный хаос, который царил на железных дорогах, когда ими распоряжался «железный нарком»! И наконец намекает, что если и было что-то там, ну… не совсем гуманное, то в этом виноваты сами русские, такая у них страна: «Блюмкин, спьяну составляющий список на расстрел, немыслим в Израиле: нет ни пьянства, ни расстрелов». (За исключением разве расстрелов арабских крестьян, как в деревне Дейр-Ясин? — *И. Ш.*) Последнее рассуждение сквозит подтекстом и во всей русофобской литературе: если что и было, во всем виноваты сами русские, у них жестокость в крови, такова вся их история. Именно этот лейтмотив и придает такой яркий антирусский оттенок идеологии современного нам «малого народа», именно потому возникает необходимость снова и снова доказывать жестокость и варварство русских.

Впрочем, в такой реакции нет ничего специфически еврейского: в прошлом каждого человека и каждого народа есть эпизоды, о которых вспоминать не хочется, куда легче внушить себе, что вспоминать не о чем. По-человечески удивляться надо скорее тому, что были честные и мужественные попытки разобраться в том, что произошло. Такой попыткой был сборник «Россия и евреи», изданный в Берлине в 1923 году. Были и другие подобные попытки. Они вселяют надежду, что отношения между народами могли бы определять-

ся не эгоизмом и взаимной ненавистью, а раскаянием и доброжелательностью. Они приводят к важному вопросу: нужно ли нам размышлять о роли евреев в нашей истории, неужели не достаточно у нас своих грехов, ошибок и проблем? Не плодотворнее ли путь раскаяния каждого народа в своих ошибках? Безусловно, это высшая точка зрения, и от сознания своих исторических грехов не уйти никуда, как это ни трудно, особенно перед лицом злобных и недобросовестных нападок, подобных тем, которые мы в большом числе приводили. Но совершенно очевидно, что человечество далеко еще не созрело для того, чтобы ограничиваться лишь этим путем. Если перед нами болезненная проблема, от понимания которой зависит, быть может, судьба нашего народа, то чувство национального самосохранения не допускает, чтобы мы от нее отворачивались, запрещали о ней себе думать в надежде, что другие за нас ее разрешат. Тем более что надежда эта очень хрупкая. Ведь и те попытки анализа взаимоотношений евреев с другими народами, о которых мы говорили, сколько-нибудь широкого отклика не вызвали. Авторы сборника «Россия и евреи» очень ярко описывают враждебное отношение, которое они встретили в эмигрантской еврейской среде, о них писали: «отбросы еврейской общественности…» И так же дело обстоит и сейчас, например, А. Суконик, напечатавший в «Континенте» рассказ, где выведен несимпатичный еврей, немедленно был обвинен в «антисемитизме».

Да всем этим можно было бы еще пренебречь, если бы речь шла о судьбах каждого из нас индивидуально, но ведь ответственны же мы и перед своим народом, так что как эта проблема ни болезненна, уклониться от нее невозможно.

А обсуждать ее нелегко. Жизнь в стране, где сталкивается столько национальностей и национальные чувства обострены до предела, вырабатывает, часто даже неосознанную, привычку осторожно обходить национальные проблемы, не делать их предметом обсуждения. Чтобы высказаться по этому вопросу, надо преодолеть некоторое внутреннее сопротивление. Однако выбор уже сделан — теми авторами, взгляды и

высказывания которых мы привели. Нельзя же в самом деле предположить, чтобы один народ, особенности его истории, национального характера и религиозных взглядов — обсуждался (часто, как мы видели, крайне злобно и бесцеремонно), а обсуждение других было бы недопустимо.

Но здесь нам монолитной глыбой перегораживает путь глубокоукорененный, внушенный запрет, делающий почти безнадежной всякую попытку разобраться в этом вопросе. Он заключается в том, что всякая мысль, будто когда-нибудь или где-нибудь действия каких-то евреев принесли вред другим народам, да даже всякое объективное исследование, не исключающее с самого начала возможность такого вывода, — объявляется реакционным, неинтеллигентным, нечистоплотным.

Взаимоотношения между любыми нациями: немцами и французами, англичанами и ирландцами или персами и курдами можно свободно обсуждать и объективно указывать на случаи, когда одна сторона пострадала от другой. Можно говорить об эгоистической позиции дворянства, о погоне буржуазии за прибылями или о закоренелом консерватизме крестьянства. Но по отношению к евреям подобные суждения, независимо от того, оправданы они или нет, с этой точки зрения — в принципе запрещены. Такой, нигде явно не высказанный и не записанный запрет, строго соблюдается всем современным цивилизованным человечеством, и это тем больше бросается в глаза, чем более свободным, «открытым» претендует быть общество, а разительнее всего — в Соединенных Штатах.

Яркий пример обнаженного применения этого положения — в недавней статье Померанца. В одной статье он обнаруживает фразу: «Аппарат ЧК изобиловал латышами, поляками, евреями, мадьярами, китайцами» и по этому поводу пишет:

> *«Он перечисляет, безо всякого лицеприятия, латышей, поляков, евреев, мадьяр и китайцев.* ***Опасное*** *слово засунуто посредине так, чтобы его и выдернуть нельзя было для цитирования».*

Слово «опасное» выделено мною. Очень хотелось бы понять, как Померанц объясняет, что опасно именно это, «засунутое в середину» слово, а не то, например, которое стоит в конце, хотя китайцев в мире раз в пятьдесят больше, чем евреев. И никак уж не опасно было ему назвать русских «недоделками» и «холуями». Очень характерно, что Померанц отнюдь не оспаривает самого факта, он даже иронизирует над осторожностью автора:

> *«Однако позвольте, разве евреи действительно играли третьестепенную роль в русской революции! Поменьше поляков, побольше мадьяр! Современники смотрели на эти вещи иначе…»*

Он просто предупреждает, что автор подходит к границе, переступать которую — недопустимо.

И в этом Померанц прав — «слово» действительно опасное! На каждого осмелившегося нарушить вышеуказанный запрет обрушивается обвинение в «антисемитизме». Откровенный Янов этим грозит особенно неприкрыто. Упоминая о «националистах», он говорит:

> *«…возразят они мне, что антисемитизм — атомная бомба в арсенале их оппонентов. Но если так, то почему бы не лишить своих оппонентов их главного оружия, публично отрекшись…»*

Это «главное оружие» неуточненных Яновым «противников национализма» действительно является «оружием устрашения», сравнимым с атомной бомбой. Недаром в наше время опасную тему обходят самые принципиальные мыслители, здесь умолкают самые смелые люди.

Что же представляет собой эта «атомная бомба»? Всем известно, что антисемитизм грязен, некультурен, что это позор XX века (как, впрочем, и всех других веков). Его объясняли дикостью, неразвитостью капиталистических

отношений или, наоборот, — загниванием капитализма, или еще — завистью менее талантливых наций к более талантливой. Бебель считал его особой разновидностью социализма: «социализмом дураков», Сталин — «пережитками каннибализма», Фрейд объяснял антипатией, вызываемой обрезанными у необрезанных (у которых обрезание подсознательно ассоциируется с неприятной идеей кастрации). Другие считали его пережитком маркионитской ереси, осужденной во II веке Церковью, или хулой на Богоматерь. Но никто никогда не разъяснил то, с чего, казалось бы, надо было начать, — что это такое, антисемитизм, что подразумевается под этим словом? По сути-то речь идет о том самом запрете: не допустить даже как предположение, что действия каких-то еврейских групп, течений, личностей могли иметь отрицательные последствия для других. Но так открыто его формулировать, конечно, нельзя. Поэтому и напрасно добиваться ответа, его дано не будет, ибо тут и заключается взрывная мощь этой атомной бомбы: в том, что вопрос уводится из сферы разума в область эмоций и внушений. Мы имеем дело с символом, знаком, функция которого — мобилизовать иррациональные эмоции, вызвать по сигналу прилив раздражения, возмущения и ненависти. Такие символы или штампы, являющиеся сигналом для спонтанной реакции, — хорошо известный элемент управления массовым сознанием.

И применяют обычно штамп «антисемитизма» именно как средство воздействия на эмоции, сознательно игнорируя логику, стремясь увести от всякого с ней соприкосновения. Яркие примеры можно встретить у автора, вообще весьма озабоченного этой темой, А. Синявского. В уже цитированной нами статье в № 1 журнала «Континент» он пишет:

> *«Здесь уместно сказать несколько слов в защиту антисемитизма в России. То есть: что хорошее скрыто в психологическом смысле в русском недружелюбии (выразиться так — помягче) к евреям».*

И разъясняет, что сколько бы бед русский человек ни натворил, он просто не в силах постичь, что все это получилось от его же собственных действий, и валит грех на каких-то «вредителей» — в частности на евреев. Но дальше, подымаясь до пафоса, автор по поводу еврейской эмиграции (до которой, конечно, евреев довели русские) восклицает: «Россия — Мать, Россия — Сука, ты ответишь и за это очередное, вскормленное тобою и выброшенное на помойку (?) дитя».

Видите, автор даже берет русских под защиту, старается, сколько возможно, извинить их антисемитизм, найти в нем что-то и «хорошее», ибо ведь они не ведают, что творят, а в более современной терминологии — невменяемы (хотя Россия — Сука все же ответит и за это и за что-то еще…). И уж от такого защитника читатель принимает на веру, без единого доказательства, утверждение о том, что «недружелюбие» русских к евреям как нации действительно существует, и не задумывается, всегда ли евреи «дружелюбны» к русским?

В каком другом вопросе такой трюк сошел бы с рук? А тут эти мысли признаются столь важными, что в английском переводе сообщаются американскому читателю.

В более поздней статье того же автора приводится несколько высказываний «писателя Н. Н.» вроде того, что еврейские погромы были и при Мономахе или что сейчас в Московской организации Союза писателей евреев — 80 процентов. Не пытаясь ни оценить правильность этой цифры, ни то, какое влияние подобное положение вещей могло бы оказать на развитие русской литературы, автор утверждает, что Н. Н. призывает «приступить к погромам, опоясавшись Мономахом» и даже что «мы имеем дело (…) с православным фашизмом». Видно, что цель — увести читателя с неуютной для автора почвы фактов и размышлений. Вместо этого внушается образ русских — почти невменяемых недоумков, а любые неприятные высказывания перекрашивают под призывы к погрому. В русофобской литературе мы встречали такие уверенные обвинения русских в отсутствии уважения к чужому мнению! Авторы так часто прокламировали «плюрализм», и «толерант-

ность», что мы, казалось бы, могли рассчитывать встретить эти черты у них самих. Однако когда они сталкиваются с болезненными для них вопросами, то не только не проявляют терпимости и уважения к чужому мнению, но без обиняков объявляют своих оппонентов фашистами и чуть ли не убийцами. А ведь как раз в трудных, болезненных ситуациях только и проверяются и «плюрализм» и «толерантность». Если пытаться на этой модели понять, что же подразумевают авторы под свободой мысли и слова, то ведь может показаться, что они понимают ее как свободу **своей** мысли и свободу слова лишь для **ее выражения**!

Более рационально, аргументированно тот же запрет высказывается в такой форме: неоправданно любое суждение о целом народе, этим отрицается автономность человеческой индивидуальности, одни люди становятся ответственными за действия других. Но приняв такую точку зрения, мы должны бы вообще отказаться от применения в истории общих категорий: сословие, класс, нация, государство. Впрочем, подобных возражений почему-то не вызывают ни такие мысли, что «Россией привнесено в мир больше зла, чем любой другой страной», ни раздающиеся в последнее время в США требования (еврейских авторов) больше освещать вклад (разумеется, положительный) евреев в американскую культуру (тоже ведь суждение о целой нации!).

Главное же, никакого отрицания индивидуальности здесь не происходит. Мы, например, привели выше аргументы в пользу того, что разбираемая нами русофобская литература находится под сильным влиянием еврейских националистических чувств. Но ведь не все же евреи принимают в этой литературе участие! Есть и такие, которые против нее возражают (некоторых из них мы называли выше). Так что здесь вполне остается свобода проявления своей индивидуальности и ни на кого не возлагается ответственность за действия, им не совершенные.

Раз уж мы произнесли слово «ответственность», то позволим себе еще одно разъяснение. В этой работе мы вообще

отказываемся от всяких «оценочных суждений», от постановки вопроса «кто виноват?» (и насколько). Дальше мы попытаемся лишь понять: что же происходило? Как отразилась на истории нашей страны та роль, которую некоторые слои еврейства играли в течение «революционного века» — от середины XIX до середины XX века?

Глава 8

Еврейское влияние в «революционный век»

В конце XIX века устойчивая, замкнутая жизнь религиозных общин, объединяющих почти всех живших в России евреев, стала быстро распадаться. Молодежь покидала религиозные школы и патриархальный кров и вливалась в русскую жизнь — экономику, культуру, политику, — все больше влияя на нее. К началу XX века это влияние достигло такого масштаба, что стало весомым фактором русской истории. Если оно было велико и в экономике, то особенно бросалось в глаза во всех течениях, враждебных тогдашнему жизненному укладу. В либерально-обличительной прессе, в левых партиях и террористических группах евреи, как по их числу, так и по их руководящей роли, занимали положение, совершенно несопоставимое с их численной долей в населении.

> *«…Факт безусловный, который надлежит объяснить, но бессмысленно и бесцельно отрицать», — писали об этом объективные еврейские наблюдатели (цитированный выше сборник «Россия и евреи»).*

Естественно, что весь процесс особенно обострился, когда разразилась революция. В том же сборнике читаем:

> *«Теперь еврей — во всех углах, на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе армии, совершеннейшего механизма самоистребления. Он видит, что проспект св. Владимира носит славное имя Нахимсона, исторический Литейный проспект переименован в проспект Володарского, а Павловск — в Слуцк. Русский человек видит теперь еврея и судьей и палачом…»*

Тем не менее мысль, что «революцию делали одни евреи», бессмыслица, выдуманная, вероятно, лишь затем, чтобы ее было проще опровергнуть. Более того, я не вижу никаких аргументов в пользу того, что евреи вообще «сделали» русскую революцию, то есть были ее инициаторами, хотя бы в виде руководящего меньшинства.

Если начинать историю революции с Бакунина, Герцена и Чернышевского, то в их окружении не было никаких евреев, а Бакунин вообще относился к евреям с антипатией. Когда возникли первые революционные прокламации («К молодой России» и др.), в период «хождения в народ» и когда после его неудачи произошел поворот к террору, евреи в революционном движении были редким исключением. В самом конце 70-х годов в руководстве «Народной воли» было несколько евреев (Гольденберг, Дейч, Зунделевич, Геся Гельфман), что после убийства Александра II привело ко взрывам народного возмущения, направленного против евреев. Но как слабо было влияние евреев в руководстве организации, показывает то, что «Листок “Народной воли”» ОДОБРИЛ эти беспорядки, объяснив их возмущением народа против евреев-эксплуататоров. К концу 80-х годов положение несколько изменилось. Согласно сводке, составленной Министерством внутренних дел, среди известных ему политических эмигрантов евреи составляли немного более трети — 51 из 145. Только после создания партии эсеров евреи образовали прочное большинство в руководстве этого движения. Вот, например, краткая история Бо-

евой организации эсеров: ее создал и ею с 1901-го по 1903-й руководил Гершуни, с 1903-го по 1906-й — Азев*, с 1906-го по 1907-й — Зильберберг. После этого во главе встал Никитенко, но через два месяца был арестован, а в 1908 году она была распущена (когда выяснилась роль Азева). Обильный материал в этом отношении дают донесения Азева, позже опубликованные. В одном из них он перечисляет членов заграничного комитета: Гоц, Чернов, Шишко, супруги Левиты, жена Гоца, Миноры, Гуревич и жена Чернова, а в другом — «узкий круг руководителей партии»: Мендель, Виттенберг, Левин, Левит и Азев.

Аналогичную эволюцию мы видим и в социал-демократии. Идея, что не крестьяне, а рабочие могут стать главной революционной силой, была высказана применительно к России не евреями, а Якубовичем и особенно Плехановым, который начал пересадку марксизма на русскую почву. В социал-демократии сначала гораздо больше евреев было среди меньшевиков, чем среди большевиков (в заметке о V съезде РСДРП Сталин писал, что в меньшевистской фракции подавляющее большинство составляли евреи, а в большевистской — русские, и приводил известную «шутку», что неплохо бы устроить в русской социал-демократии небольшой еврейский погром), к большевикам еврейские силы стали приливать только перед самым октябрьским переворотом и особенно вслед за ним — от меньшевиков, из Бунда (многие руководители Бунда перешли в большевистскую партию), из беспартийных. После переворота несколько дней главой государства был Каменев, потом до своей смерти — Свердлов. Во главе армии стоял Троцкий, во главе Петрограда — Зиновьев, Москвы — Каменев, Коминтерн возглавлял Зиновьев, Профинтерн — А. Лозовский (Соломон Дризо), во главе комсомола стоял Оскар Рывкин, вначале — несколько месяцев — Ефим Цетлин и т. д.

Положение в 30-е годы можно представить себе, например, по спискам, приведенным в книге Дикого. Если в самом верховном руководстве число еврейских имен уменьша-

* Кажется, его фамилию надо произносить Азев, а не Азеф.

ется, то в инстанциях пониже влияние расширяется, уходит вглубь. В ответственных наркоматах (ОГПУ, иностранных дел, тяжелой промышленности) в руководящей верхушке (наркомы, их заместители, члены коллегии) евреи занимали доминирующее положение, составляли заведомо больше половины. В некоторых же областях руководство почти сплошь состояло из евреев.

Но это все лишь количественные оценки. Каков же был **характер** того влияния, которое оказало на ту эпоху столь значительная роль радикального еврейства? Бросается в глаза особенно большая концентрация еврейских имен в самые болезненные моменты среди руководителей и исполнителей акций, которые особенно резко перекраивали жизнь, способствовали разрыву исторических традиций, разрушению исторических корней.

Например, из большинства мемуаров времен гражданской войны возникает странная картина: когда упоминаются деятели ЧК, поразительно часто всплывают еврейские фамилии — идет ли речь о Киеве, Харькове, Петрограде, Вятке или Туркестане. И это в то время, когда евреи составляли всего 1—2 процента населения Советской России! Так, Шульгин приводит список сотрудников Киевской ЧК: в нем почти исключительно еврейские фамилии. И рассказывает о таком примере ее деятельности: в Киеве до революции был «Союз русских националистов» — его членов расстреливали по спискам.

Особенно же ярко эта черта выступает в связи с расстрелом Николая II и его семьи. Ведь речь шла не об устранении претендентом на престол своего предшественника — вроде убийства Петра III или Павла I. Николай II был расстрелян именно **как царь**, этим ритуальным актом подводилась черта под многовековой эпохой русской истории, так что сравнивать это можно лишь с казнью Карла I в Англии или Людовика XVI во Франции. Казалось бы, от такого болезненного, оставляющего след во всей истории действия представители незначительного этнического меньшинства должны были бы держаться как можно дальше. А какие имена мы встре-

чаем? Лично руководил расстрелом и стрелял в царя Яков Юровский, председателем местного Совета был Белобородов (Вайсбарт), а общее руководство в Екатеринбурге осуществлял Шая Голощекин. Картина дополняется тем, что на стене комнаты, где происходил расстрел, было обнаружено написанное (по-немецки) двустишие из стихотворения Гейне о царе Валтасаре, оскорбившем Иегову и убитым за это*.

Или вот другая эпоха: состав верхушки ОГПУ в период раскулачивания и Беломорканала, в переломный момент нашей истории, когда решалась судьба крестьянства (он приведен в книге одного английского исследователя, вовсе не желающего подчеркнуть национальный аспект): председатель Ягода (Игуда), заместители — Агранов, Трилиссер, позже Фриновский; начальник оперотдела — Залович, позже Паукер; начальник ГУЛАГа — Матвей Берман, потом Френкель; политотдела — Ляшков; хозяйственный отдел — Мирнов: спецотдел — Гай, иностранный отдел — начальник Слуцкий, заместитель — Борис Берман и Шпилгельгласс; транспортный отдел — Шанин. А когда Ягоду сменил Ежов, его заместителями были Берман и Фриновский.

Или, наконец, уничтожение Православной Церкви: в 20-е годы им руководил Троцкий (при ближайшем помощнике Шпицберге), а в 30-е Емельян Ярославский (Миней Израилевич Губельман). Тот период, когда кампания приняла уже грандиозный размах, освещается в самиздатском письме покойного украинского академика Белецкого. Он, например, приводит список основных авторов атеистической (то есть почти исключительно антиправославной) литературы: Емельян Ярославский (Губельман), Румянцев (Шнайдер), Кандидов (Фридман), Захаров (Эдельштейн), Ранович, Шахнович, Скворцов-Степанов, а в более позднее время — Ленцман и Менкман.

---

* Довольно откровенной попыткой затемнить именно этот аспект екатеринбургской трагедии является недавняя книга двух английских журналистов. Но по другому поводу мы узнаем из нее, что на стенах дома, где произошел расстрел царской семьи, были обнаружены надписи на идиш!

Самая же роковая черта всего этого века, которую можно отнести за счет все увеличивающегося еврейского влияния, заключалась в том, что часто либеральная, западническая или интернационалистическая фразеология прикрывала антинациональные тенденции. (Конечно, вовлеченными в это оказались и многие русские, украинцы, грузины.) Тут — кардинальное отличие от Французской революции, в которой евреи не играли никакой роли. Там «патриот» был термином, обозначающим революционера, у нас — контрреволюционера, его можно было встретить и в смертном приговоре: расстрелян как заговорщик, монархист и патриот.

И в России эта черта появилась не сразу. В мышлении Бакунина были какие-то национальные элементы, он мечтал о федерации анархически-свободных славянских народов. Та приманка, которая заманивала большинство молодежи в революцию, была любовь и сострадание к народу, то есть тогда — к крестьянству. Но рано началась и обратная тенденция. Так, Л. Тихомиров рассказывает о В. А. Зайцеве (мы уже цитировали его в главе 4, например, что «рабство в крови русских»): «Еврей, интеллигентный революционер, он с какой-то бешеной злобой ненавидел Россию и буквально проклинал ее, так что противно было читать. Он писал, например: “сгинь, проклятая”. О Плеханове Тихомиров пишет, что он “носил в груди неистребимый русский патриотизм”. И вот, вернувшись после февральской революции в Россию, он обнаружил, что его былое влияние испарилось. У Плеханова просто не повернулся бы язык воскликнуть, как Троцкий: “Будь проклят патриотизм!”»

Это «антипатриотическое» настроение господствовало в 20-е и 30-е годы, Зиновьев призывал тогда «подсекать головку нашего русского шовинизма», «каленым железом прижечь всюду, где есть хотя бы намек на великодержавный шовинизм»; Яковлев (Эпштейн) сетовал, что «через аппарат проникает подлый великодержавный русский шовинизм». Что же понималось под «великодержавным шовинизмом» и что означала борьба с ним? Бухарин разъяснял: «…мы в качестве быв-

шей великодержавной нации должны (…) поставить себя в неравное положение в смысле еще больших уступок национальным течениям». Он требовал поставить русских «в положение более низкое по сравнению с другими…». Сталин же раз за разом, начиная с X съезда и кончая XVI, декларировал, что «великодержавный шовинизм» является главной опасностью в области национальной политики. Тогда термин «РУСОПЯТ» был вполне официальным, его можно было встретить во многих речах тогдашних деятелей. «Антипатриотическое» настроение пропитало и литературу. Безыменский мечтал:

О, скоро ли рукою жесткой
Расеюшку с пути столкнут?!

Эта тема варьировалась до бесконечности:

Русь! Сгнила? Умерла? Подохла?
Что же! Вечная память тебе.

(Александровский)

Или:

Я предлагаю
Минина расплавить,
Пожарского.
Зачем им пьедестал?
Довольно нам
Двух лавочников славить,
Их за прилавками
Октябрь застал.
Случайно им
Мы не свернули шею,
Я знаю, это было бы под стать,
Подумаешь,
Они спасли Расею!
А может, лучше было б не спасать?

(Джек Алтаузен)

Занятие русской историей включало в себя как обязательную часть выливание помоев на всех, кто играл какую-то роль в судьбах России — даже за счет противоречия с убеждениями самих исследователей: ибо был ли, например, Петр Великий сифилитиком или гомосексуалистом, это ведь не оказывало никакого влияния на «торговый капитал», «выразителем интересов которого он являлся». Через литературу и школу это настроение проникло и в души нынешних поколений — и вот, например, Л. Плющ называет Кутузова «реакционным деятелем»!

Здесь уместно рассмотреть часто выдвигаемое возражение: евреи, принимавшие участие в этом течении, принадлежали к еврейству лишь по крови, но по духу они были интернационалистами; то, что они были евреями, никак не влияло на их деятельность. Но ведь Сталина, например, те же авторы объявляют «продолжателем политики русского царизма», хотя в своих речах он неустанно обличал «великодержавный шовинизм». Если они не верят на слово Сталину, то почему же верят Троцкому и считают его чистым интернационалистом? Именно эту точку зрения имеет, конечно, в виду Померанц, когда пишет, что если считать Троцкого евреем, то Врангеля надо считать немцем. Кем же они в действительности были? «Этот вопрос кажется мне неразрешимым», — говорит Померанц. В то же время, по крайней мере в отношении Троцкого, положение не представляется столь безнадежным. Например, в одной из его биографий читаем:

> *«Судя по всему, рационалистический подход к еврейскому вопросу, которого требовал от него исповедуемый им марксизм, никак не выражал его подлинных чувств. Кажется даже, он был "одержим" по-своему этим вопросом; он писал о нем чуть ли не больше, чем любой другой революционер».*

Как раз сравнение с Врангелем поучительно: заместителем Троцкого был Эфраим Склянский, а Врангеля — генерал Шатилов, отнюдь не немец. И неизвестно признаков какой-либо особой симпатии к Врангелю, стремления его ре-

абилитировать со стороны немецких публицистов, в то время как с Троцким дело обстоит не так: например, тот же Померанц сравнивает трудармии Троцкого с современной посылкой студентов на картошку! Тогда как сам Троцкий пользовался совсем другим сравнением — с крепостным правом, которое он объявлял вполне прогрессивным для своего времени. Или В. Гроссман в романе «Все течет», развенчивая и Сталина и Ленина, пишет: «блестящий», «бурный, великолепный», «почти гениальный Троцкий»*.

Не только этот пример Померанца неудачен, но можно привести много примеров того, что как либеральные, так и революционные деятели еврейского происхождения находились под воздействием мощных националистических чувств. (Конечно, из этого не следует, что так было со всеми.) Например, Винавер — один из самых влиятельных руководителей конституционно-демократической («кадетской») партии, после революции превратился в активнейшего сиониста. Или возьмем момент, когда создавалась партия эсеров. В воспоминаниях один из руководящих деятелей того времени (позже — один из вождей Французской компартии) Шарль Раппопорт пишет:

> *«Хаим Житловский, который вместе со мной основал в Берне "Союз русских социалистов-революционеров", из которого выросла в дальнейшем партия эсеров…*[**]

* В. С. Гроссман — советский писатель и публицист, вместе с Эренбургом и Заславским был руководящим пропагандистом сталинского времени. Одновременно, втайне, написал несколько книг, которые были опубликованы после его смерти, в одной из них, «Все течет», он, сурово развенчивая Сталина и Ленина, очень сочувственно отзывается о Троцком (оттуда и взяты приведенные выше цитаты), в той же книге он утверждает, что вся русская история — это история рабства, что русская душа — тысячелетняя раба, извратившая занесенные с Запада свободолюбивые идеи (хотя в своей официальной публицистике военного времени он говорил совсем другим языком: в русской душе он видел «неистребимую, неистовую силу», «железную аввакумовскую силу, которую нельзя ни согнуть, ни сломить» и т. д.). Таким образом, В. Гроссмана можно рассматривать как предшественника того течения, которое является предметом рассмотрения настоящей работы.

** Автор несколько преувеличивает: партия эсеров образовалась из слияния нескольких организаций, в числе которых был и вышеупомянутый Союз.

Этот пламенный и искренний патриот убеждал меня дружески: будь кем хочешь — социалистом, коммунистом, анархистом и так далее, но в первую очередь будь евреем, работай среди евреев, еврейская интеллигенция должна принадлежать еврейскому народу».

Взгляды самого Раппопорта таковы:

«Еврейский народ — носитель всех великих идей единства и человеческой общности в истории… Исчезновение еврейского народа будет обозначать гибель человечества, окончательное превращение человека в дикого зверя».

Очень трудно представить себе, чтобы деятельность таких политиков (в качестве ли кадетов, эсеров или французских коммунистов) не отражала их национальных чувств. Следы этого можно действительно увидеть, например, в истории партии эсеров. Так, два самых знаменитых террористических акта, потребовавших наибольшего напряжения сил Боевой организации, были направлены против Плеве и Великого Князя Сергея Александровича, которых молва обвиняла в антисемитизме. (Плеве считался ответственным за Кишиневский погром; ходила даже легенда, что он хотел выселить евреев в гетто; Вел. Кн. Сергей Александрович, будучи московским генерал-губернатором, восстановил некоторые ограничения на проживание евреев в Московской губернии, отмененные раньше). Зубатов вспоминал, что в разговоре с ним Азев «трясся от злобы и ненависти, говоря о Плеве, которого он считал ответственным за Кишиневский погром»*.

* В судьбе Азева вообще много загадочного. Почему после разоблачения он не был убит, в то время как партия казнила за гораздо меньшие проступки, только попытки предательства (например, Гапона)? Считалось, что он скрывается, но Бурцев нашел его и взял у него интервью! Азев умер своей смертью в 1918 г. Трудно придумать иное объяснение, чем то, что руководство партии знало о его сотрудничестве с властями и санкционировало это на определенных условиях.

О том же свидетельствует и Ратаев. Один из руководителей партии эсеров — Слетов — рассказывает в своих воспоминаниях, как реагировали вожди партии в Женеве на весть об убийстве Плеве:

> *«Несколько минут стояло столпотворение. Некоторые мужчины и женщины впали в истерику. Большинство присутствующих обнимались. Со всех сторон раздавались крики радости. Я, как сейчас, вижу Н., стоявшего немного в стороне: он разбил стакан с водой об пол, заскрежетал зубами и вскричал: "Это за Кишинев!"»*

Вот другой пример. Советский историк М. Н. Покровский рассказывает:

> *«…Я знал, что еще в 1907 году кадетская газета "Новь" в Москве субсидировалась некоторого рода синдикатом еврейской буржуазии, которая больше всего заботилась о национальной стороне дела и, находя, что газета недостаточно защищает интересы евреев, приходила к нашему большевистскому публицисту М. Г. Лунцу и предлагала ему стать редактором газеты. Он был крайне изумлен, говоря: "Как же — ведь газета кадетская, а я большевик". Ему говорят: "Это все равно. Мы думаем, что ваше отношение к национальному вопросу более четко"».*

Мысль, что политический переворот может быть инструментом для достижения национальных целей, не чужда еврейскому сознанию. Так, Витте рассказывает, что, когда он в 1905 году вел в Америке переговоры о заключении мирного договора с Японией, к нему пришла «делегация еврейских тузов», в том числе Яков Шифф, «глава еврейского финансового мира в Америке». Их волновал вопрос о положении евреев в России. Слова Витте, что «предоставление сразу равноправия

принесет больше вреда, чем пользы», «вызвали со стороны Шиффа резкое возражение». Шульгин приводит, со ссылкой на первоисточник, версию одного из еврейских участников этой встречи о том, в чем заключалось «возражение» Шиффа. По его словам, Шифф сказал:

> *«…в таком случае революция воздвигнет республику, при помощи которой права будут получены».*

В качестве продолжения этой истории можно привести другую, имевшую место в 1911—1912 гг. В эти годы в Америке разыгралась бурная кампания протеста против того, что, согласно тогдашним русским законам, въезд американских евреев в Россию был ограничен. Требовали разрыва русско-американского торгового договора 1832 года. (Договор и был расторгнут, совершенно так же, как в наши дни торговый договор не был подписан из-за того, что был ограничен выезд евреев из СССР в США.) Выступая на митинге, министр продовольствия Герман Леб (вышеупомянутый Шифф был главным директором банка Кун, Леб и К°) сказал, что расторжение договора — это хорошо, но еще лучше — переправить в Россию контрабандой оружие и послать сотню инструкторов:

> *«Пусть они обучат наших ребят, пусть научат их убивать угнетателей, как собак. Трусливая Россия вынуждена была уступить маленьким японцам. Она уступит и Избранному Богом Народу… Деньги помогут нам добиться этого».*

Таких примеров можно привести гораздо больше. Они недостаточны, конечно, для того, чтобы понять, как именно влияли национальные чувства на политических деятелей-евреев, но показывают, что такое влияние во многих случаях несомненно существовало.

Глава 9

Прошлое и настоящее

Почему случилось так, что именно выходцы из еврейской среды оказались ядром того «малого народа», которому выпала роковая роль в кризисную эпоху нашей истории? Мы не будем пытаться вскрыть глубинный смысл этого явления. Вероятно, основы — религиозные, связанные с верой в «избранный народ» и в предназначенную ему власть над миром. Какой другой народ воспитывался из поколения в поколение на таких заветах?

> *«…Введет тебя Господь, Бог твой, в ту землю, которую Он клялся отцам твоим, Аврааму, Исааку и Иакову, дать тебе с большими и хорошими городами, которых ты не строил, и с домами, наполненными всяким добром, которых ты не наполнял, и с колодезями, высеченными из камня, которых ты не высекал, с виноградниками и маслинами, которых ты не садил…» (Втор 6:10—11)*
>
> *«Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои, и цари их — служить тебе; ибо во гневе Моем Я поражал тебя, но в благоволении Моему буду милостив к тебе. И будут всегда отверсты врата твои, не будут затворяться ни днем ни ночью, чтобы приносимо было к тебе достояние народов и приводимы были цари их. Ибо народ и царства, которые не захотят служить тебе, — погибнут, и такие народы совершенно истребятся». (Ис 60:10—12)*
>
> *«И придут иноземцы и будут пасти стада ваши; и сыновья чужестранцев будут вашими земледельцами и вашими виноградарями». (Ис 61:5)*

«И будут цари питателями твоими, и царицы их кормилицами твоими; лицом до земли будут кланяться тебе и лизать прах ног твоих…» (Ис 49:23)

У кого можно встретить подобные чувства?

«О прочих же народах, происшедших от Адама, Ты сказал, что они ничто, но подобны слюне, и все множество их Ты уподобил каплям, каплющим из сосуда». (3 Езд 6:56)[*]

«Если для нас создан век сей, то почему не получаем мы наследия с веком? И доколе это?» (3 Езд 6:59)

Именно это мировоззрение «избранного народа» явилось прототипом идеологии «малого народа» во всех его исторических воплощениях (что особенно ясно видно на примере пуритан, пользовавшихся даже той же терминологией — из новейших авторов ею пользуется Померанц).

Однако здесь я укажу только на самую очевидную причину – почти двухтысячелетнюю изоляцию и подозрительное, враждебное отношения к окружающему миру. Конечно, встает также вопрос о причинах и смысле этой изоляции. Например, такой тщательный и объективный исследователь, как Макс Вебер, считает, что изоляция еврейства была не вынужденной, а добровольно избранной, задолго до разрушения Храма. В этом с ним соглашается и советский историк С. Лурье в работе «Антисемитизм в древнем мире». Он полагает, что в эпоху, предшествующую разрушению Храма, большинство евреев уже жило в диаспоре, а Иудея играла роль культового и национального центра (очевидно, несколько напоминая современное государство Израиль).

* Третья книга Ездры не входит в еврейский канон: она относится к течению еврейской апокалиптики. Считается, что начало и конец есть вставки христианского переписчика, а центральная часть (откуда взяты цитаты) воспроизводит первоначальный иудейский материал (см., напр., «Библейский словарь» Дж. Гастингса).

Но чтобы не углубляться в эту цепь загадок, мы примем за данное ее конечное звено — рассеяние и изоляцию. Двадцать веков было прожито среди чужих народов в полной изоляции ото всех влияний внешнего мира, воспринимаемого как «трефа», источник заразы и греха. Хорошо известны высказывания Талмуда и комментариев к нему, в которых с разных точек зрения разъясняется, что иноверца (акума) нельзя рассматривать как человека: по этой причине не следует бояться осквернить их могилы; в случае смерти слуги-акума не следует обращаться с утешением к его господину, но выразить надежду, что Бог возместит его убыток — как в случае падежа скота; по той же причине брак с акумом не имеет силы, его семя — все равно что семя скота, акумы — это животные с человеческими лицами и т. д. и т. п. Тысячи лет каждый год в праздник Пурим праздновалось умерщвление евреями 75 000 их врагов, включая женщин и детей, как это описано в книге Эсфири. И празднуется до сих пор — в Израиле по этому поводу происходит веселый карнавал! Для сравнения представим себе, что католики ежегодно праздновали бы ночь св. Варфоломея!

Сошлюсь, наконец, на источник, который уж никак нельзя заподозрить во враждебности к евреям: известный сионист, друг и душеприказчик Кафки, Макс Брод в своей книге о Рейхлине сообщает об известной ему еврейской молитве против иноверцев с призывами к Богу лишить их надежды, разметать, низринуть, **истребить в одно мгновение** и «в наши дни». Можно представить себе, какой неизгладимый след должно было оставить в душе такое воспитание, начинавшееся с детства, и жизнь, прожитая по таким канонам, и так из поколения в поколение — 20 веков!

Какое отношение к окружающему населению могло возникать на этой почве, можно попытаться восстановить по мелким черточкам, разбросанным во многих источниках. Например, в своем дневнике молодой Лассаль, не раз негодуя по поводу угнетенного положения евреев, говорит, что мечтал бы встать во главе их с оружием в руках. В связи со слухами о ритуальных убийствах он пишет:

> *«Тот факт, что во всех уголках мира выступают с подобными обвинениями, мне кажется, предвещает, что скоро наступит время, когда мы действительно освободимся пролитием христианской крови. Игра началась, и дело за игроками».*

Если еще принять во внимание злобность и злопамятность, которые видны на каждой странице этого дневника, то легко представить себе, что такие переживания должны были оставить след на всю жизнь. Или Мартов (Цедербаум), вспоминая страх, испытанный в трехлетнем возрасте при ожидании погрома (толпа была разогнана казаками еще до того, как дошла до дома Цедербаумов), задумывается:

> *«Был бы я тем, чем стал, если бы на пластической юной душе российская действительность не поспешила запечатлеть своих грубых перстов и под покровом всколыхнутой в детском сердце жалости заботливо схоронить семена спасительной ненависти?»*

Более явные свидетельства можно найти в литературе. Например, «спасительная ненависть» широко разлита в стихах еврейского поэта, жившего в России, — Х. Бялика:

Пусть сочится как кровь неотмщенная в ад,
И да роет во тьме и да точит как яд,
Разъедая столпы мирозданья.

Да станет наша скорбь, как кость у злого пса,
В гортани мира ненасытной;
И небо напоит, и всю земную гладь,
И степь, и лес отравой жгучей,
И будет с нами жить, и цвесть, и увядать,
И расцветать еще могучей;

Я для того замкнул в твоей гортани,
О человек, стенание твое;
Не оскверни, как те, водой рыданий

Святую боль святых твоих страданий,
Но береги нетронутой ее.
Лелей ее, храни дороже клада
И замок ей построй в твоей груди,
Построй оплот из ненависти ада —
И не давай ей пищи кроме яда
Твоих обид и ран твоих и жди,
И возрастет взлелеянное семя,
И жгучий даст и полный яду плод —
И в грозный день, когда свершится время,
Сорви его — и брось его в народ!

Из бездны Авадонна вознесите песнь о Разгроме,
Что, как дух ваш, черна от пожара,
И рассыпьтесь в народах, и все в проклятом их доме
Отравите удушьем угара;
И каждый да сеет по нивам их семя распада
Повсюду, где ступит и станет.
Если только коснется чистейшей из лилий их сада,
Почернеет она и завянет;
И если ваш взор упадет на мрамор их статуй
Треснут, разбиты надвое;
И смех захватите с собой, горький проклятый,
Чтоб умерщвлять все живое.

Презрение и брезгливость к русским, украинцам, полякам, как к существам низшего типа, недочеловекам, ощущается почти в каждом рассказе «Конармии» И. Бабеля. Полноценный человек, вызывающий у автора уважение и сочувствие, встречается там только в образе еврея. С нескрытым отвращением описывается, как русский отец режет сына, а потом второй сын — отца («Письмо»), как украинец признается, что не любит убивать, расстреливая, а предпочитает затаптывать насмерть ногами («Жизнеописание Павличенка, Матвея Родионыча»). Но особенно характерен рассказ «Сын Рабби». Автор едет в поезде вместе с отступающей армией.

«И чудовищная Россия, неправдоподобная, как стадо платяных вшей, затопала лаптями по обе стороны вагонов. Тифозное мужичье катило перед собой привычной гроб солдатской смерти. Оно прыгало на подножки нашего поезда и отваливалось, сбитое прикладами».

Но тут автор видит знакомое лицо: «И я узнал Илью, сына житомирского рабби». (Автор заходил к раввину в вечер перед субботой — хоть и политработник Красной Армии — и отметил «юношу с лицом Спинозы» — рассказ «Гидали».) Его, конечно, сразу приняли в вагон редакции. Он был болен тифом, при последнем издыхании и там же, в поезде, умер. «Он умер, последний принц, среди стихов, филактерий и портянок. Мы похоронили его на забытой станции. И я — едва вмещающий в древнем теле бури моего воображения, — я принял последний вздох моего брата».

Холодное отстранение от окружающего народа часто передают стихи Э. Багрицкого, в стихотворении же «Февраль» прорывается крайняя ненависть. Герой становится после революции помощником комиссара:

Моя иудейская гордость пела,
Как струна, натянутая до отказа…
Я много дал бы, чтобы мой пращур
В длиннополом халате и лисьей шапке,
Из-под которых седой спиралью
Спадали пейсы и перхоть тучей
Взлетает над бородой квадратной…
Чтоб этот пращур признал потомка
В детине, стоящем подобно башне
Над летящими фарами и штыками
Грузовика, потрясшего полночь.

Однажды, во время налета на подозрительный дом, автор узнает девушку, которую он видел еще до революции, она была гимназисткой, часто проходила мимо него, а он взды-

хал, не смея к ней подойти. Однажды попытался заговорить, но она его прогнала… Сейчас она стала проституткой…

Я — Ну, что! Узнали?
Тишина.
— Сколько дать вам за сеанс?
И тихо,
Не раздвинув губ, она сказала:
— Пожалей меня! Не надо денег…
Я швырнул ей деньги,
Я ввалился,
Не стянув сапог, не сняв кобуры,
Не расстегнув гимнастерки.
Я беру тебя за то, что робок
Был мой век, за то, что я застенчив,
За позор моих бездомных предков,
За случайной птицы щебетанье!
Я беру тебя как мщенье миру,
Из которого не мог я выйти!
Принимай меня в пустые недра,
Где трава не может завязаться,
Может быть, мое ночное семя
Оплодотворит твою пустыню.

Мне кажется, пора бы пересмотреть и традиционную точку зрения на романы Ильфа и Петрова. Это отнюдь не забавное высмеивание пошлости эпохи нэпа. В мягкой, но четкой форме в них развивается концепция, составляющая, на мой взгляд, их основное содержание. Действие их как бы протекает среди обломков старой русской жизни, в романах фигурируют дворяне, священники, интеллигенты — все они изображены как какие-то нелепые, нечистоплотные животные, вызывающие брезгливость и отвращение. Им даже не приписывается каких-то черт, за которые можно было бы осудить **человека**. На них вместо этого ставится штамп, имеющий целью именно уменьшить, если не

уничтожить, чувство общности с ними как с людьми, оттолкнуть от них чисто физиологически: одного изображают голым, с толстым отвисшим животом, покрытым рыжими волосами; про другого рассказывается, что его секут за то, что он не гасит свет в уборной… Такие существа не вызывают сострадания, истребление их — нечто вроде веселой охоты, где дышится полной грудью, лицо горит и ничто не омрачает удовольствия.

Эти чувства, пронесенные еще одним поколением, дожили до наших дней и часто прорываются в песнях бардов, стихах, романах и мемуарах. Бурный взрыв тех же эмоций можно наблюдать в произведениях недавних эмигрантов. Вот, например, стихотворение недавно эмигрировавшего Д. Маркиша, напечатанное уже в Израиле в журнале «Сион»:

Я говорю о нас, сынах Синая,
О нас, чей взгляд иным теплом согрет.
Пусть русский люд ведет тропа иная,
До их славянских дел нам дела нет.
Мы ели хлеб их, но платили кровью.
Счета сохранны, но не подведены.
Мы отомстим — цветами в изголовье
Их северной страны.
Когда сотрется лаковая проба,
Когда заглохнет красных криков гул,
Мы станем у березового гроба
В почетный караул…

В статье, опубликованной в другом израильском журнале, читаем:

> *«Народу “богоносцу” мало огромной конформированной страны, ему нужна также жемчужина, т. е. Святая Земля… Ему хочется этой недоступной ему святости, и хотя он сам — погрязший в презрении к самому себе и ко всем остальным, даже не зна-*

ет, что ему с этой святостью делать, потому что в его язычески-христианском представлении святость не живая и не может освятить мир, он все ждет своего часа самодура-палача. И в его темном инстинкте это вызывало и вызывает чудовищные порывы ненависти к Израилю — носителю святости живой»[*].

Под конец приведем выдержку из журнала, издающегося на русском языке в Торонто:

«Не премолчи, Господи, вступись за избранных твоих, не ради нас, ради клятвы твоей отцам нашим — Аврааму, Исааку и Якову. Напусти на них Китайца, чтобы славили они Мао и работали на него, как мы на них. Господи, да разрушит Китаец все русские школы и разграбит их, да будут русские насильно китаизированы, да забудут они свой язык и письменность. Да организует он им в Гималаях Русский национальный округ».

Часто приходится слышать такой аргумент: многие поступки и чувства евреев можно понять, если вспомнить, сколько они испытали. Например, некоторые стихи Бялика написаны под впечатлением погромов, у Д. Маркиша отец расстрелян при Сталине по «процессу сионистов», другие помнят черту оседлости, процентную норму или какие-то более поздние обиды. Здесь надо еще раз подчеркнуть, что мы не собираемся в этой работе никого судить, обвинять или оправдывать. Сама постановка такого вопроса вряд ли имеет смысл: оправдывает ли унижение немцев по Версальскому миру национал-социализм? Мы хотели бы только представить себе, что происходило в нашей стране, какие социальные и национальные факторы и как на ее историю влияли.

---

* Автор, по-видимому, совершенно не чувствует иронии того, что он обвиняет в «порывах ненависти» кого-то другого, хотя его самого в этом вряд ли можно превзойти.

* * *

Начиная с пореформенных 60-х годов в России у всех на устах появилось слово «революция». Это был явный признак приближающегося кризиса. И как другой его признак — стал формироваться «малый народ» со всеми присущими ему чертами. Создавался новый тип людей, вроде молодого человека (о нем рассказывает Тихомиров), с гордостью произносившего: «Я отщепенец», или Ишутинского кружка «Ад», в программе которого стояло: «Личные радости заменить ненавистью и злом — и с этим научиться жить». Но можно понять, какая это была мучительная операция, как трудно было отрывать человека от его корней, как бы выворачивать наизнанку, как для этого надо было осторожно, шаг за шагом посвящать его в новое учение, подавлять силой авторитетов. И насколько проще все было с массой еврейской молодежи, не только не связанной общими корнями с этой страной и народом, но и воспринявшей с самого детства враждебность именно к этим корням; когда враждебная отчужденность от духовных основ окружающей жизни усваивалась не из книг и рефератов, а впитывалась с раннего детства, часто совершенно бессознательно, из интонаций в разговорах взрослых, из случайно услышанных и запомнившихся на всю жизнь замечаний! И хотя чувства, отразившиеся в приведенных выше отрывках, вероятно, испытывали далеко не все евреи, но именно то течение, которое было ими проникнуто, с неслыханной энергией вторгалось в жизнь и смогло оказать на нее особенно сильное и болезненное влияние.

Надо признать, что кризис нашей истории протекал в совершенно уникальный момент. Если бы в то время, когда он разразился, евреи вели такой изолированный образ жизни, как, например, во Франции во время Великой революции, то они и не оказали бы заметного влияния на его течение. С другой стороны, если бы жизнь местечковых общин стала разрушаться гораздо раньше, то, возможно, успели бы окрепнуть какие-то

связи между евреями и остальным населением, отчужденность, вызванная двухтысячелетней изоляцией, не была бы так сильна. Кто знает, сколько поколений нужно, чтобы стерлись следы двадцативековой традиции? — но нам практически не было дано ни одного, прилив евреев в террористическое движение почти точно совпал с «эмансипацией», началом распада еврейских общин, выходом из изоляции. Пинхус Аксельрод, Геся Гельфман и многие другие руководители террористов происходили из таких слоев еврейства, где вообще нельзя было услышать русскую речь. С узелком за плечами отправлялись они изучать «гойскую науку» и скоро оказались среди руководителей движения. Совпадение двух кризисов оказало решающее воздействие на характер той эпохи. Вот как это виделось еврейским наблюдателям (все по той же книге «Россия и евреи»):

> *«И, конечно, не случайно то, что евреи, так склонные к рационалистическому мышлению, не связанные в своем большинстве никакими традициями с окружающим их миром, часто в этих традициях видевшие не только бесполезный, но и вредный для развития человечества хлам, оказались в такой близости к этим революционным идеям».*

И как закономерное следствие:

> *«Поражало нас то, чего мы всего менее ожидали встретить в еврейской среде: жестокость, садизм, насильничание, казалось, чуждые народу, далекому от физической воинственной жизни, вчера еще не умевшие владеть ружьем, сегодня оказались среди начальствующих головорезов».*

Эта примечательная книга кончается словами:

> *«Одно из двух: либо иностранцы без политических прав, либо русское гражданство, основанное на любви к родине. Третьей возможности нет».*

Но нашлось течение, выбравшее именно третий, «невозможный», с точки зрения автора, путь. Не только нелюбовь к родине, а полная отчужденность, активная враждебность ее духовным началам и не только не отказ от политических прав, но напряжение всей воли и сил для воздействия на жизнь страны. Такое соединение оказалось поразительно эффективно; оно создало «малый народ», который по своей действенности превзошел все другие варианты этого явления, возникшие в Истории.

Глава 10

Заключение

Мы видим, что сегодняшняя ситуация уходит корнями далеко в прошлое. На традиции двухтысячелетней изоляции накладываются страшные реминисценции более близкого прошлого, они давят на современное сознание, которое стремится вытолкнуть их, переориентировать возникающие на их основе чувства. Так создается тот болезненный национальный комплекс, на счет которого надо, по-видимому, отнести самые резкие обертоны в современной литературе «малого народа», раздраженные выпады против русских и русской истории.

Но для нас — русских, украинцев, белорусов… — этот сгусток больных вопросов жгуче современен, никак не сводится только к оценке нашей истории. Трагичнее всего он проявляется в положении молодежи. Не находя точек зрения, которые помогли бы ей разобраться в проблемах, выдвигаемых жизнью, она надеется найти свежие мысли, узнать новые факты — из иностранного радио. Или старается добыть билет в модный театр с ореолом независимости, чтобы с его подмостков услышать слово правды. В любом случае крутит пленки с песенками Галича и Высоцкого. Но отовсюду на нее льется, ей навязывается как вообще единственно мыслимый взгляд та же

идеология «малого народа»: надменно-ироническое, глумливое отношение ко всему русскому, даже к русским именам; концепция — «в этой стране всегда так было и быть ничего хорошего не может», образ России — «Страны дураков»*.

И перед этой отточенной, проверенной на практике, усовершенствованной долгим опытом техникой обработки мозгов растерянная молодежь оказывается АБСОЛЮТНО БЕЗЗАЩИТНОЙ. Ибо ведь никто из тех, кто мог бы быть для нее авторитетом, ее не предупредит, что она имеет дело просто с новым вариантом пропаганды — хоть и очень ядовитой, но покоящейся на более чем хрупкой фактической основе.

На нашем горизонте опять вырисовывается зловещий силуэт «малого народа». Казалось бы, наш исторический опыт должен выработать против него иммунитет, обострить наше зрение, научить различать этот образ — но боюсь, что не научил. И понятно почему: была разорвана связь поколений, опыт не передавался от одних и другим. Вот и сейчас мы под угрозой, что наш опыт не станет известен следующему поколению.

Зная роль, которую «малый народ» играл в истории, можно представить себе, чем чревато его новое явление: реализуются столь отчетливо провозглашенные идеалы — утверждение психологии «перемещенного лица», жизни без корней, «хождение по воде», то есть ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РАЗРУШЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВ ЖИЗНИ. И в то же время при первой возможности — безоглядно-решительное манипулирование народной судьбой. А в результате новая и последняя катастрофа, после которой от нашего народа, вероятно, уже ничего не останется. Злободневно звучит призыв,

* Конечно, живущие здесь, в окружении русских, авторы не всегда могут себе позволить такой силы выражений, как в произведениях эмигрантской литературы, процитированных в предыдущих главах. Обычная форма такова, что можно еще и поспорить: это пьяница, хулиган, тупой чинуша вообще не только русский. Но говор-то у них чисто русский. И имена — коренные русские сейчас даже редко встречающиеся. А ведь, например, Галичу (Гинзбургу) куда лучше должен был бы быть знаком тип пробивного, умеющего втереться в моду драматурга и сценариста (совсем не обязательно такого уж коренного русака), получившего премию за сценарий фильма о чекистах и приобретающего славу песенками с диссидентским душком. Но почему-то этот образ его не привлекает.

приведенный в самом конце предшествующей главы: сделать выбор между положением иностранцев без политических прав и гражданством, основанным на любви к родине, — он логически адресуется ко всему «малому народу». Каждый из тех, кого мы столько раз цитировали, от Амальрика до Янова, имеет право презирать и ненавидеть Россию, но они сверх этого хотят определить ее судьбу, составляют для нее планы и готовы взять на себя их исполнение. Такое сочетание типично в истории «малого народа», именно оно приносит ему успех. Оторванность от психологии «большого народа», неспособность понять его исторический опыт, которая в обычное время могла бы восприниматься как примитив и ущербность, в кризисных ситуациях обеспечивает возможность особенно смело резать и кроить его живое тело.

Что же мы можем противопоставить этой угрозе? Казалось бы, с мыслями можно бороться мыслями же, слову противопоставить слово. Однако дело обстоит не так просто. Уже по тем образцам литературы «малого народа», которые были приведены в нашей статье, можно видеть, что эта литература вовсе не результат объективной мысли, не апелляция к жизненному опыту и логике. Мы встречаемся здесь с какой-то другой формой передачи идеологических концепций, причем присущей всем историческим вариантам «малого народа».

Такая очень специфическая деятельность по «направлению общественного мнения» сложилась, по-видимому, уже в XVIII веке и была описана Кошеном. Она включает, например, колоссальную, но кратковременную концентрацию общественного внимания на некоторых событиях или людях, чаще всего обличениях некоторых сторон окружающей жизни — от процесса Каласа, когда чудовищная несправедливость приговора, разоблаченная Вольтером, потрясла Европу (и про который историки заверяют, что никакой судебной ошибки вообще не было) — до дела Дрейфуса или Бейлиса. Или фабрикацию и поддержание авторитетов, основывающихся исключительно на силе гипноза. «Они создают репутации и заставляют аплодировать скучнейшим авторам и лживым книгам, если только

это — свои», — говорит Кошен. Плохую пьесу можно заставить смотреть благодаря клаке*. «Эта же клака, поставляемая “обществами”, так прекрасно выдрессирована, что кажется искренней, так хорошо распределена в зале, что клакеры не знают друг друга, и часто каждый из зрителей принимает их за публику». «Сейчас трудно представить себе, что морализирование Мабли, политические изыскания Кондорсе, история Рейналя, философия Гельвеция, эта пустота безвкусной прозы, — могли выдержать издания, найти дюжину читателей; а между тем все их читали или по крайней мере покупали и о них говорили. Могут сказать — такова была мода. Конечно! Но как понять эту склонность к ходульности и тяжеловесности в век вкуса и элегантности?» Точно так же пониманию наших потомков будет недоступно влияние Фрейда как ученого, слава композитора Шенберга, художника Пикассо, писателя Кафки или поэта Бродского…

Таким образом, логика, факты, мысли — одни в такой ситуации бессильны, это подтверждает весь ход Истории. Только индивидуальный исторический опыт народа может помочь здесь отличить правду от лжи. Но уж если у кого такой опыт есть — то именно у нашего народа! И в этом, конечно, главный залог того, что мы сможем противостоять новому явлению «малого народа». Наш опыт трагический, но и глубочайший, — несомненно изменил глубинные слои народной психики. Надо, однако, его ОСОЗНАТЬ — облечь в форму, доступную не только эмоциям, но и мыслям, выработать, опираясь на него, наше отношение к основным проблемам современности. Мне представляется, что именно такова сейчас основная задача русской мысли.

Поэтому мы просто не имеем права допустить, чтобы только-только возрождающаяся тяга к осмыслению нашего национального пути была затоптана, заплевана, чтобы ее столкнули на дорогу крикливой журналистской полемики. Как же тогда защитим мы национальное сознание и особенно сознание молодежи от навязываемого комплекса обреченности, от вну-

* *Клака* — люди, нанятые для аплодирования артистам или освистывания их, чтобы создать впечатление успеха или провала спектакля. — *Ред.*

шаемого взгляда, что наш народ способен быть лишь материалом для чужих экспериментов?

Много столетий складывается духовный облик народа, вырабатываются органически связанные друг с другом навыки общественного существования — и только опираясь на них, историческая эволюция может создать устойчивые, естественные для этого народа формы жизни. Например, публицисты «малого народа» часто подчеркивают, что в русской истории большую роль играло сильное государство — и в этом они, видимо, правы. Но, значит, если, по их советам, внезапно полностью устранить каким-то образом роль государства, оставив в качестве единственных действующих в обществе сил ничем не ограниченную экономическую и политическую конкуренцию, то результатом может быть только быстрый и полный развал. Те же самые аргументы приводят к обратному выводу: что государство, по-видимому, должно еще длительный срок играть большую роль в жизни нашей страны. Какую конкретно роль — может показать только сама жизнь. Конечно, какие-то функции государства могут быть ограничены, переданы другим общественным силам. Само же по себе сильное влияние государства совсем не обязано быть пагубным — равно как не обязано быть и плодотворным. Государство способствовало закрепощению крестьян в России в XVII—XVIII вв., но оно же осуществило освобождение крестьян в XIX веке. Можно указать много примеров безусловно положительных важных действий, осуществленных благодаря сильному влиянию государства на жизнь. Например, рабочее законодательство, введенное в России в конце XIX — начале XX века, было на уровне современного западного, а если сравнивать с фазой промышленного развития страны — то сильно опережало его, было выработано гораздо быстрее. Только Англия и Германия имели более прогрессивные законы, во Франции же и в Соединенных Штатах юридическое положение рабочих было хуже. У государства, как и у других сил, действующих в жизни народа: партий, Церквей, национальных течений и т. д., есть своя опасность, возможность болезненного развития (или соблазн).

Для государства — это попытка подчинить своей власти **души** граждан. Но оно вполне может оставаться сильным, избежав этого болезненного пути. Та же картина почти во всех вопросах — всегда можно найти выход, не порывающий с исторической традицией, и только такой путь приведет к жизненному, устойчивому решению, так как он опирается на мудрость многими веками выраставших, проверявшихся, отбиравшихся и пришлифовывавшихся друг к другу черт и навыков народного организма. Конкретное осознание этой точки зрения и есть та сила, которую мы можем противопоставить «малому народу», которая защитит нас от него.

Тысячелетняя история выковала такие черты национального характера, как вера в то, что судьба человека и судьба народа нераздельны в своих самых глубоких пластах и сливаются в роковые минуты истории; как связь с землей — землей в узком смысле слова, которая родит хлеб, и с Русской землей. Эти черты помогли пережить страшные испытания, жить и трудиться в условиях иногда почти нечеловеческих. В этой древней традиции заложена вся надежда на наше будущее. За нее-то и идет борьба с «малым народом», кредо которого угадал еще Достоевский: «Кто проклял свое прошлое, тот уже наш — вот наша формула!»

* * *

Человек родится и умирает, как правило, среди своего народа. Поэтому его окружение воспринимается им как нечто совершенно естественное и обычно не вызывает никаких вопросов. На самом же деле народ — одно из поразительнейших явлений и загадок на нашей Земле. Почему возникают эти общности? Какие силы поддерживают их веками и тысячелетиями? До сих пор все попытки ответить на эти вопросы столь явно били мимо цели, что скорее всего мы имеем здесь дело с явлением, к которому стандартные приемы «понимания» современной науки вообще неприменимы. Легче указать,

зачем народы нужны людям. Принадлежность к своему народу делает человека причастным Истории, загадкам прошлого и будущего. Он может чувствовать себя не просто частичкой «живого вещества», зачем-то перерабатываемого гигантской фабрикой Природы. Он способен ощутить (чаще — подсознательно) значительность и высшую осмысленность земного бытия человечества и своей роли в нем. Аналогично «биологической среде», народ — это «социальная среда обитания» человека: чудесное творение, поддерживаемое и созданное нашими действиями, но не по нашим замыслам. Во многом оно превосходит возможности нашего понимания, но часто и трогательно-беззащитно перед нашим бездумным вмешательством. На Историю можно смотреть как на двусторонний процесс взаимодействия человека и его «среды социального обитания» — народа. Мы сказали, что дает народ человеку. Человеком же создаются силы, скрепляющие народ и обеспечивающие его существование: язык, фольклор, искусство, осознание своей исторической судьбы. Когда этот двусторонний процесс разлаживается, происходит то же, что и в природе: среда превращается в мертвую пустыню, а с нею гибнет и человек. Конкретнее, исчезает интерес человека к труду и к судьбам своей страны, жизнь становится бессмысленным бременем, молодежь ищет выхода в иррациональных вспышках насилия, мужчины превращаются в алкоголиков или наркоманов, женщины перестают рожать, народ вымирает…

Таков конец, к которому толкает «малый народ», неустанно трудящийся над разрушением всего того, что поддерживает существование «большого народа». Поэтому создание оружия духовной защиты от него — вопрос национального самосохранения. Такая задача посильна лишь всему народу. Но есть более скромная задача, которую мы можем решить только индивидуально: СКАЗАТЬ ПРАВДУ, произнести, наконец, боязливо умалчиваемые слова. Я не мог бы спокойно умереть, не попытавшись этого сделать.

1978—1983 гг.

ТРЕХТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ ЗАГАДКА

История еврейства
из перспективы
современной России

Предисловие

Значительная часть этой книги была написана более 25 лет тому назад. Тогда я писал работу (конечно, для Самиздата), в предчувствии надвигающегося кризиса, посвященную положению в Советском Союзе в то время (т. е. до «перестройки»). В ней я говорил о некоторых тенденциях, проявившихся тогда, опасных, по моему мнению, для будущего страны. Причем не мог не обратить внимания на исключительное, бросающееся в глаза участие, которое принимали в развитии этих тенденций еврейские публицисты и писатели. По ходу обсуждения всех разбиравшихся вопросов мне приходили в голову некоторые исторические параллели, которые я и излагал. Постепенно стало заметно, что обилие таких исторических экскурсов затемняет основную мысль работы. Один мой друг, сейчас уже покойный, посоветовал мне лучше собрать все исторические экскурсы в одно Приложение к работе. Мысль показалась мне разумной, и я начал писать такое Приложение. По ходу дела я знакомился с новыми для меня работами и извлеченные из них мысли и факты тоже включал в Приложение. В результате появился некий текст, или даже два (один был специально посвящен русской истории), вместе превышавшие первоначальную работу. Как «Приложение» они уже потеряли смысл и тогда в работе никак не отразились. Работа появилась в Самиздате под названием «Русофобия» и стала жить своей жизнью, а «исторический» текст остался лежать в «ящике».

Публикация моей работы «Русофобия» вызвала множество откликов как в нашей стране, так и за ее границами. К моему сожалению, они почти исключительно были реакцией на упоминание еврейских публицистов в обсуждавшемся мною течении, да еще слова о роли еврейских революционеров в рево-

люции 1917 г., хотя это не было основной темой работы, что видно, например, по ее названию, да и не раз в ней подчеркивалось. Впрочем, и в этом узком аспекте обычно полностью игнорировалась моя аргументация и задаваемые мною вопросы (например, что подразумевается под термином «антисемитизм»), все это множество статей или отдельных высказываний, скорее, отражало чувство возмущения нарушением некоторого запрета, обсуждением вопроса, признанного необсуждаемым. Такая реакция показалась мне поразительной, особенно сейчас, когда все, кажется, признают плодотворность открытого обсуждения любой темы. Парадоксальность ситуации привлекла мое внимание к этому вопросу, занимающему, видимо, совершенно исключительное положение в современном сознании. Вопрос заинтересовал меня в различных его аспектах. Тем самым еще расширился текст несостоявшегося некогда «Приложения к “Русофобии”». Может быть, его публикация устранит некоторые недоразумения, возникшие из-за вынужденной краткости (специфика Самиздата) первоначальной работы.

С тех пор прошло много лет. Соображения, высказанные мною в опубликованной после этого в печати работе, как мне кажется, полностью подтвердились, к великому моему огорчению. Тенденции, наблюдавшиеся мною как еле заметные трещинки в монолите тогдашнего государства, теперь превратились в пропасти и обвалы, почти разрушившие страну. И, в частности, опять возникло явление очевидного сверхактивного участия каких-то еврейских течений в этой работе разрушения.

Сейчас опять, как 25 лет назад, возникает потребность осмыслить произошедшие события. Мы живем в совершенно новой ситуации, созданной драматическими изменениями последних 12—15 лет. Но эти изменения дают также и обильный материал для размышлений, даже совершенно новую точку зрения, из перспективы которой мы можем смотреть на всю историю.

Настоящая работа содержит и старый текст, более чем 25-летней давности (иногда переработанный), и новые наблю-

дения и соображения. Содержание работы, мне кажется, раскрывается ее названием. Это рассуждения на тему, которая, иногда очень неопределенно, называется «еврейский вопрос».

Хочу сразу определить свою позицию: моим стимулом при написании работы было сопереживание истории собственного народа и, даже еще в большей степени, обсуждение его возможного будущего. Это определяет ориентацию работы: история отношений между евреями и другими народами полезна как собрание примеров для уяснения русско-еврейских взаимоотношений. Мне представляется неправдоподобным, что можно обсуждать такой вопрос, отвлекшись от собственной национальности, как бы сверху, подобно тому, как у Гомера Зевс беспристрастно взвешивает на весах судьбы «доли» Гектора и Ахилла. Для этого надо быть бессмертным Громовержцем. Но человечески ангажированная точка зрения не предполагает предвзятости, тем более враждебности: хотя бы потому, что злоба — плохой советчик. Цель работы — привести некоторые факты и соображения, которые помогли бы выработать русскую точку зрения на трудный и важный, особенно для русских, «еврейский вопрос».

Но сначала надо, конечно, обсудить: существует ли такой «вопрос», есть ли здесь разумный предмет для размышлений. С этого работа и начинается.

При подготовке рукописи неоценимую помощь мне оказал С. П. Демушкин. Без его содействия книга несомненно не увидела бы свет.

Я очень благодарен М. В. Назарову, прочитавшему работу в рукописи и внесшему ряд весьма ценных для меня замечаний.

Я также благодарю всех прочитавших рукопись (или ее части) за сделанные ими замечания.

Я глубоко благодарен всем, кто помог мне доставать нужную для книги литературу — как в нашей стране, так и за ее пределами.

Автор

Глава 1

Существует ли «еврейский вопрос»?

Евреи не раз играли судьбоносную роль в истории нашей страны: в революционном движении, экономике и прессе до революции 1917 г.; в аппарате власти после революции (в партии, ЧК-ОГПУ-НКВД, руководстве основных наркоматов). Их роль колоссальна в современной жизни: в партии, аппарате пропаганды и культуры, в формировании отношения Запада к СССР, в управлении общественным мнением. И несомненно, их влияние будет не меньше в предвидимом будущем. (Через лет 20 после того, как этот текст был написан, события конца 1980-х — 1990-х годов, мне кажется, полностью подтвердили эту мысль.)

Казалось бы, к этому поразительному и важному явлению независимая мысль в нашей стране должна была бы постоянно возвращаться. По многим причинам этого, однако, не произошло — и не только сейчас, так было и в прошлом. Среди небольшого числа исключений Достоевский, вообще замечавший многое, скрытое еще от других, посвятил «еврейскому вопросу» более ста лет назад несколько глубоких статей. Он начинал так:

> *«О, не думайте, что я действительно затеваю поднять "еврейский вопрос". Я написал это заглавие в шутку. Поднять такой величины вопрос, как положение еврея в России и о положении России, имеющей в числе сынов своих три миллиона евреев — я не в силах. Вопрос этот не в моих размерах».*

Конечно, эти слова не являются выражением авторского кокетства; очевидно, Достоевский чувствовал, что современ-

ность еще не давала ему ни нужных фактов, ни точек зрения, чтобы приблизиться к пониманию истинных корней затронутого им вопроса (такие намеки в его статьях есть). Протекший век снабдил нас массой новых фактов на эту тему. Боюсь, однако, что положение со времен Достоевского не стало более благоприятным, потому что, кроме фактов, время принесло с собой и множество мифов, табу, да и прямой лжи, — и все это забаррикадировало и самые подступы к «еврейскому вопросу». Так что и в этой работе я не ставлю себе цели «поднять еврейский вопрос», уж тем более он и «не в моих размерах». Но я хотел бы попытаться хоть подготовить почву к его обсуждению в свете всего нашего громадного опыта XX века, хоть помочь расчищать путь к пониманию того, что он значит для русских (т. е. в рамках «русского вопроса»).

Прежде всего, нам преграждает дорогу заявление, что этот вопрос вообще нельзя обсуждать. «Не гуманно оперировать такой абстракцией, как “еврейский вопрос” или “еврейство”: этим игнорируется человеческая индивидуальность, одни люди признаются ответственными за действия других. Отсюда всего шаг до отправки в лагеря или газовые камеры по классовому или расовому признаку» — подобные возражения приходится часто слышать. Однако «обсуждение» любого социального или исторического явления невозможно без введения каких-то общих категорий: государств, наций, сословий. Это очень важный компонент социального или исторического анализа и в других случаях никаких возражений не вызывает. Почему можно говорить о влиянии, которое эмигрировавшие из Франции гугеноты оказали на развитие капитализма в Германии, но неморально ставить вопрос об аналогичном влиянии евреев? Можно обратить внимание на то, какую роль играл многонациональный характер России в русской революции, но «не интеллигентно» интересоваться тем, какова, в частности, была роль евреев? Вряд ли можно ответить на подобные вопросы, если только не принять, что к евреям и другим народам следует прилагать разные мерки. Надо лишь иметь в виду, что мы оперируем некоторой абстракцией, и не абсолютизировать ее.

Более убедительно на первый взгляд выглядит другое возражение — утверждение, что никакого вопроса вообще не существует, что понятие «еврей» или «еврейский народ» есть пустая абстракция, не отвечающая никакой реальности. Так, современный (XX в.) французский философ Раймон Арон спрашивает: что общего между йеменским и американским евреями, даже если оба живут в Израиле? Гораздо раньше и Сталин задавал тот же вопрос: что общего между кавказским и американским евреями? Но ответ, оказывается, хорошо известен многим евреям-авторам, выступающим с позиций еврейского национализма. Вот суждение на эту тему виднейшего вождя еврейского национализма в XIX веке Гретца, написавшего (первую полную) 11-томную «Историю еврейского народа». «К середине XIX в., — пишет он в последнем томе этой “Истории”, — некоторые еврейские националисты начали жаловаться, что под влиянием контактов с европейской культурой, в результате предоставления им равноправия, евреи стали терять свою надгосударственную сплоченность. Но вот в 1840 г. в Сирии, в Дамаске, возникло дело по обвинению нескольких евреев в ритуальном убийстве католического монаха. И сразу обнаружилось:

> *«Какая чудесная взаимосвязь нерасторжимо соединяет члены еврейского мира, как еще прочны узы невидимо, бессознательно стягивающие их, как первая же угроза еврейству заставляет биться в патриотическом порыве сердца всех евреев на земном шаре: любых партийных толков, вольнодумца-реформатора совершенно так же, как несгибаемого ортодокса, государственного деятеля, по видимости, отошедшего от еврейства, так же, как погруженного в Каббалу и Талмуд начетчика, в веселой Франции так же, как в задумчивой Азии».*

Во главе движения за освобождение арестованных в Дамаске евреев стали: французский политический деятель Адольф Кремье и живущие в Англии барон Натаниэль Ротшильд и сэр

Мозес Монтефиоре. Они поехали в Турцию, добились освобождения задержанных евреев и заставили даже убрать гробницу убитого монаха из церкви капуцинского монастыря. Казалось бы, действительно, что общего у барона Ротшильда и сэра Монтефиоре с сирийскими евреями? Но какая-то «нерасторжимая связь» существует. И существует она не с прошлого века. Вот свидетельство, относящееся еще к античности (оно принадлежит известному историку Моммзену):

> *«Как многочисленно было даже в Риме еврейское население еще до Цезаря и как стойко держались уже в то время в племенном отношении Евреи, указывает нам замечание одного из современных писателей, — что для наместника бывает опасно слишком вмешиваться в дела Евреев своей провинции, так как по возвращении в Рим ему предстоит быть освистанным столичной чернью».*

Вот таким — как единый живой организм, немедленно реагирующий на болезненное раздражение любой его части — проходит еврейство через всю историю, вплоть до наших дней. Любой острый для еврейства вопрос немедленно подхватывается прессой всего мира, — как было, например, с «делом Дрейфуса», «делом Бейлиса» или «делом врачей». С начала этого, т. е. XX века, переговоры русского правительства о займах наталкивались в Англии, Франции, Америке на сопротивление еврейских банкирских домов, ставивших условием изменение положения евреев в России. То есть интересы русских евреев были, например, для английских Ротшильдов важнее их собственных финансовых интересов! Дело доходило до организованного международного бойкота, причем банки, пытавшиеся его нарушить, подвергались давлению и наказаниям. Президент Тафт в 1911 г. аннулировал русско-американский торговый договор 1832 г. под давлением еврейских кругов Америки, возмущенных положением евреев в России и, в частности, тем, что по русским законам туда был ограничен въезд евреев. Симметричная ситуация, когда

торговый договор не был заключен из-за того, что евреям не разрешался выезд из СССР, сложилась на наших глазах (закон «Джексона — Вэника»).

И еще недавно можно было прочитать в газетах или услышать по радио о демонстрациях и петициях, скажем, бельгийских евреев в защиту, по их мнению, притесняемых советских евреев. Ведь это поразительно: если бы они встретились — советский еврей и его европейский защитник, то скорее всего не смогли даже объясниться. Что же их связывает? Не язык, не территория или любовь к родному ландшафту, не государство, не культура, теперь даже, как правило, не религия. По-видимому, и сами евреи часто только ощущают эту связующую их силу, но не могут дать ей рационального объяснения. Например, в статье, напечатанной в современном журнале, издающемся на русском языке в Израиле, автор, американский еврей, пишет:

> *«Для большинства американских евреев, которые образуют сейчас верхушку американского среднего класса, то, что выделяет их как евреев, — это определенного рода ощущение близости (…). Пожалуй, точнее всего было бы сказать, что они "чувствуют что-то такое"… Вот это "что-то такое" и составляет основу их ощущений еврейскости. Такое маленькое "что-то…"(…). И это, оказывается, весьма специфическая вещь — быть выделенным, принадлежать к этой группе. Настолько специфическая, что люди не хотят отдавать ощущение этой принадлежности и выделенности, не хотят "обменивать" его на что-либо иное».*

А Фрейд, обращаясь к современному «бунтарю», говорил: «Если бы у него спросили, что есть в тебе иудейского, когда ты покинул все, что имел общего с соотечественниками, он бы ответил: еще многое, вероятно, самое главное».

Эти высказывания, на которые я обратил внимание еще давно, подтверждаются другими, более поздними. Например,

публицист, живущий в Германии, представительница уже «третьей волны» эмиграции, С. Марголина пишет:

> *«Еврей — не фантастическая выдумка. Его самосознание начинается с ощущения "отличности". Оно коренится в традиции избранности, которая, потеряв религиозную непосредственность, реализуется в мирской форме чувства превосходства и нарциссизма».*

Тут часто выдвигается другое возражение: если в какой-то степени и существует самосознание евреев всего мира как единого целого, то причина его лежит не в евреях, а в той ситуации, в которой они оказались — это общее свойство рассеянных и гонимых народов. Заметим, что это возражение все же признает существование того явления, которое мы обсуждаем, предлагая лишь его объяснение. Но и объяснение не кажется убедительным. Оно есть отражение общей концепции, согласно которой деятельность организма, человека, общества направляется не внутренними стимулами, а влиянием окружающей среды. Концепция эта заимствована из биологии (дарвинизм, бихевиоризм), но и там, кажется, перестает быть популярной. В интересующем же нас случае вопрос, можно сказать, доступен экспериментальной проверке, так как, кроме евреев, было столько народов, терявших свое государство! — но судьба их всех была совсем иной, чем у евреев. Государство вандалов было разрушено Византией, и о вандалах больше никто ничего не слышал, а еврейское государство разрушали и Ассирия, и Вавилон, и Рим, но в конце концов разрушились-то они, а евреи существуют до сих пор! Русская революция выплеснула за границу многочисленную эмиграцию, в большинстве своем накаленную патриотическими чувствами, всеми силами стремившуюся сохранить связь с Россией, и уже внуки эмигрантов еле говорят по-русски и испытывают к России в лучшем случае сентиментальный интерес; а влияние на политическую жизнь мира или тех стран, где она обитала, эмиграция не оказывала про-

сто никакого. Поразительный пример дает Америка. Почти все ее жители в том или ином поколении — эмигранты, но, за одним-единственным исключением, их национальные интересы оказывают очень маленькое влияние на политику США. Там много немцев, но это не помешало Америке в двух последних войнах воевать против Германии. Зато интересы еврейской части населения США просто доминируют в политике: им приносятся в жертву и торговые сделки с СССР, и проблема снабжения нефтью с Ближнего Востока. Дальше мы приведем и другие примеры.

Многие обращали внимание на это поразительное явление. Например, М. О. Гершензон писал:

> *«История евреев (…) слишком странна своим разительным несходством с историей прочих народов…»*

Он привлекает такой образ:

> *«Сравнительно с большинством растений, прикрепленных к месту, растение, скитающееся по морю, ненормально… Оно (еврейство. — И. Ш.) похоже на те растения, блуждающие по морю, которых корни не врастают в дно».*

Надо, наконец, признать, что жизнь человечества управляется не тривиальной логикой, что в ней есть общие правила, но есть и исключения из них, и что судьба евреев — один из примеров этого. Такое признание принесет неоценимую пользу тем, что предостережет от веры в примитивные, тривиальные решения: например, в то, что еврейский вопрос, бывший 30 веков загадкой для человечества, разрешится в результате ассимиляции или издания особых законов, регулирующих положение евреев.

Вполне понятно нежелание расстаться с простыми, привычными взглядами. Так не хочется отказываться от «разумной», «логичной» точки зрения: евреи-де — народ как другие;

только крайние еврейские националисты да крайние ненавистники евреев представляют их (сходясь в своей крайности) либо посланцами небес, либо исчадием ада; конечно, они народ с трудной историей, удивительно сплоченный, но поставь других в те же условия — и результат был бы похожим. Отказавшись от такой точки зрения, попадаешь, как кажется, в область каких-то фантазий, мистики (да и обидно даже признавать за другими какие-то особенные, уникальные черты). Автор по себе знает, как трудно расставаться с таким взглядом, как долго приносишь ради этого в жертву и логику, и факты — до тех пор, пока не осознаешь совершенно ясно, что борешься с очевидностью. Не только евреи не такой же народ, как все, но между ними и другими народами нет промежуточных ступеней, здесь какое-то нарушение непрерывности. А когда другие народы попадают в положение, похожее на то, в котором находятся евреи, то это только подчеркивает их различие. Нельзя отрицать существование этой силы, которую Гретц назвал «чудесной взаимосвязью», соединяющей евреев мира: слишком часто и слишком мощно она воздействует на жизнь человечества. То, что ни мы, ни, вероятно, сами евреи, не понимают, при помощи каких факторов эта сила действует, не ставит под сомнение ее существование: не станет же физик, наблюдающий какое-то явление, отрицать его только потому, что пока не может его объяснить. Дальше мы и будем исходить из такой точки зрения, т. е. существования некоей социальной силы, действующей как единое целое, которую можно назвать «еврейским влиянием в мире» или «еврейством». Мы не будем пытаться анализировать внутренние стимулы, движущие эту силу и направляющие ее в ту или иную сторону. Не будем даже задаваться вопросом, все ли евреи или только некоторые подчиняются действию этой силы; те, которые ей подчиняются, те и образуют «еврейство». Нас будет интересовать, на что эта сила реагирует, как меняется ее точка приложения. Только в этом смысле мы будем говорить о ее «целях».

Существование этой силы собственно и составляет «еврейский вопрос». На протяжении работы мы попытаемся ука-

зать ее проявления в самых различных исторических ситуациях — от седой древности до наших дней. Но в чем же, собственно говоря, «вопрос»? — почему наличие этой силы (если допустить, что наши аргументы, доказывающие, что она существует, убедительны) — почему этот факт важен, воспринимается как вопрос, обращенный к нам от имени истории? Причина, видимо, в том, что сила эта чаще всего проявляется, когда рушатся некоторые традиционные жизненные уклады — и является фактором, способствующим их радикальному и безжалостному разрушению. Вся история демонстрирует как бы сосуществование двух трудно соединимых, разнородных сущностей. Сосуществование выливается в конфликты, в которых страдает то одна, то другая сторона. Резня, произведенная казаками Хмельницкого в еврейском местечке Немиров, как бы воскресает в резне арабов в палестинской деревне Дейр Ясин, в лагерях беженцев Шабра и Сатила в Ливане. Примеры проходят через всю историю, мы встретим их во множестве и в этой работе. В конфликтных ситуациях такого масштаба поиски «виновника» вряд ли продуктивны. Важнее осознание самой ситуации. Именно исключительность, необычность истории еврейства и объясняет то, что она так постоянно привлекала к себе человеческую мысль, воспринималась как Загадка.

Как мы уже говорили, интересующая нас сила проявляется на очень большом отрезке Истории. Поэтому, чтобы подметить какие-то ее черты, надо и рассматривать ее на всем этом промежутке. Здесь мы приведем очень краткую ее характеристику, самое сжатое описание ее за тот исторический период, когда ее можно наблюдать. Это подготовительная работа для тех, кто в будущем попытается глубже осмыслить ее воздействие на судьбу нашего народа или всего человечества, как бы исторический фон, на котором эту проблему, как мне кажется, следует рассматривать.

Мы сталкиваемся тут с областью, которой посвящена громадная литература. Мы же в этой работе будем опираться лишь на небольшую часть этих источников. Здесь играет

роль не только очевидная причина — неспособность автора охватить всю литературу (часто невозможность достать источники, кажущиеся интересными), но (что существеннее) и то, что литература эта в большей своей части исключительно тенденциозна и вызывает мало доверия. Те возражения против обсуждения «еврейского вопроса», которые приводились в начале главы, являются не просто укоренившимися стереотипами мышления — это почти догматы некоторого мировоззрения, и неподчинение им вызывает иррациональную ярость. Силу пылающих тут чувств показывает диапазон аргументов, выходящих далеко за рамки интеллектуальной дискуссии. Достаточно напомнить, что сейчас в ряде стран Запада даже публичное выражение сомнения в цифре 6 млн. евреев, погибших от рук нацистов, уголовно наказуемо тюремным заключением. По этой статье ряд лиц и наказаны: одни отсидели свой срок, другие скрываются, третьи уволены без надежды найти работу и без права на пенсию. Да и я сам, в период как раз расцветавшей в нашей стране свободы и либерализма, лишь попытался коснуться печатно «вопроса», сразу встретился с публичным требованием, чтобы моими произведениями занялось КГБ (тогда оно еще так называлось). И это со стороны публициста, проклamировавшего преданность демократии! Тогда я впервые обнаружил, что одно другому не противоречит. А это у многих порождает осторожность, самоцензуру — того самого внутреннего редактора, которого все помнят по временам коммунистического строя.

Естественно, что такое пристрастное и одностороннее освещение важного вопроса вызывало, в качестве реакции, появление многих произведений противоположного направления, столь же тенденциозных. В частности, за последнее десятилетие в нашей стране. И они полны мыслями или сообщаемыми фактами, которые именно из-за крайнего полемического стиля работ внушают сомнение. Тут я сошлюсь на последнюю, по-видимому, работу В. В. Кожинова, опубликованную еще при его жизни. Она напечатана в выхо-

дящем в Минске журнале «Святая Русь» и посвящена разбору недавно вышедшей также в Минске книги «Война по законам подлости». Как говорится в статье Кожинова, книга посвящена в основном «еврейскому вопросу», но в ней свалены в одну кучу вопрос, как он говорит, «чрезвычайно существенный и чрезвычайно острый», и множество предвзятых мнений, непроверенных слухов и мифов, сложившихся вокруг него. К числу их Кожинов относит внушаемый книгой взгляд, что «все зло в мире исходит только от одних евреев», а также что «все евреи всех времен — злейшие враги России и всего мира». К той же области он относит множество непроверенных и неправдоподобных «фактов», содержащихся в книге, например, «Завещание Сталина», и вообще представление о Сталине как принципиальном и последовательном борце с еврейским влиянием («сионизмом»), а в особенности длиннейший список политических деятелей, не симпатичных авторам, а потому скопом зачисляемых в евреи, с указанием их «истинных» фамилий, неизвестно откуда взятых, например: Хрущев, Суслов, Горбачев, Ельцин, Черномырдин, даже Геринг и Геббельс. Я привел указание на эту книгу лишь как один пример. Как же тогда извлекать из литературы те или иные факты, как ориентироваться в человеческих взаимоотношениях, составляющих в целом этот «вопрос»? Надо было бы ограничиться источниками, заслуживающими доверия, но «заслуживающими доверия» с чьей стороны? С какой точки зрения?

И все же мне кажется, что существует ряд признаков, дающих возможность отобрать источники (или определенные части их), которым можно доверять, хоть в какой-то степени. Я перечислю эти признаки. На протяжении работы я буду именно такими источниками пользоваться.

Во-первых, это те, которые можно назвать «первоисточниками». Например, Ветхий Завет. Переводы его, за исключением некоторых деталей, не вызывают, видимо, сомнений, так что по нему можно достаточно надежно судить о духе иудаизма. К той же группе источников можно отнести Талмуд и

различные комментарии к нему (например, «Шулхан Арух»). Вопрос о том, какими переводами здесь пользоваться, более сложный, мы к нему в своем месте вернемся.

Другой группой источников являются работы еврейских авторов. Например, книги очень скрупулезного еврейского историка Гершона Шолема или высказывания таких влиятельных еврейских мыслителей, как Ахад-Хаам или М. Бубер, книга основателя сионизма Герцля, воспоминания одного из вождей этого движения Х. Вейцмана, председателя Всемирного Еврейского конгресса Нахума Гольдмана и, конечно, классическая «История евреев» Гретца.

К третьей группе можно отнести работы еврейских авторов, выступающих как евреи, но противников господствующей в некоторых еврейских кругах тенденции. Примером является книга «Россия и евреи», изданная в 1923 г. шестью евреями, находившимися в эмиграции. Они ни в коей мере не отрекаются от своего еврейства. Но всю книгу пронизывает убеждение, что живущие в России евреи должны прежде всего мыслить себя гражданами России. И эта точка зрения приводит их к совершенно новым выводам по таким вопросам, как участие евреев в подготовке революции, в утверждении большевистской власти в Гражданской войне и т. д. — вплоть до неожиданной в устах еврейских авторов оценки еврейских жертв в еврейских погромах времен Гражданской войны. Другой пример — С. Марголина, которую мы уже цитировали. Она пишет, например:

> *«Вопрос о роли и месте евреев в советской истории — один из важнейших, хотя одновременно один из наиболее табуизированных вопросов нашего времени».*

Еще одной книгой такого типа является «Еврейская история — еврейская религия. Тяжесть трех тысячелетий» Израиля Шахака (опубликована по-английски в 1994 г.). Автор является еврейским патриотом и патриотом государства Израиль. Он родился в Польше в 1933 г., получил еврейское

религиозное образование, переселился в Израиль в 1945 г., служил там в армии. Именно исходя из своей патриотической еврейской позиции, автор считает гибельной средневековую раввинистическую идеологию, господствующую, по его мнению, сейчас в Израиле. Он призывает:

> *«…приступить к честной оценке еврейского прошлого, осознать, что еврейский шовинизм и чувство избранности существуют, и открыто пересмотреть отношение иудаизма к неевреям».*

К четвертой группе источников я отнесу высказывания, содержащиеся в исторических сочинениях, которые в других, широко известных вопросах зарекомендовали себя объективно. Или утверждений авторов, репутация которых общепризнана — таких, как социологи М. Вебер и В. Зомбарт.

Пятой группой являются, по-моему, утверждения, снабженные четко проверяемой ссылкой. В качестве примера приведу книгу Д. Рида «Спор о Сионе». Книга довольно четко делится на две части. В одной из них излагается точка зрения автора, согласно которой в течение нескольких тысячелетий маленькое племя (или каста) левитов планомерно устанавливает власть над миром. Им руководит тайное правительство, находящееся то в Палестине, то в Персии, то в Испании, то в Польше. Его орудием являлся, в частности, тайный орден иллюминатов, совершивший Французскую революцию. Эта линия продолжается, как утверждает автор, приблизительно до 1950-х годов, когда была написана книга. Я не берусь поддерживать или опровергать такую картину. Но заметно, что когда автор говорит о конце XIX в. или о XX веке, характер изложения резко меняется. Он приводит множество ссылок на книги и газеты, которыми можно пользоваться, необязательно принимая набросанную выше картину. Автор был, видимо, крупным журналистом-международником, сохранил в своем архиве вырезки из газет по интересовавшему его вопросу. Некото-

рые книги, на которые он ссылается, я достал, они полностью соответствуют тому их изложению, которое дается в книге. (Например, пользуясь библиографией этой книги, я познакомился с потрясающей историей преследования христианства в Мексике в 1920-е гг. Об этом же написал несколько ярких книг писатель Г. Грин.) Если в этой книге приводится текст, взятый в кавычки и сопровождаемый ссылкой (например, «Нью-Йорк таймс», 11 октября 1956 г.), то трудно представить себе, что автор его попросту выдумал. Общая концепция автора как раз плохо подтверждается последующими событиями: он утверждает, например, что еврейское господство над миром осуществляется путем подчинения Запада Советскому Союзу! Но множество конкретных фактов, снабженных точными ссылками, очень полезно. То же можно сказать о книге современного американского автора Д. Дюка «Еврейский вопрос глазами американца». Его суждения о русских делах часто вызывают сомнения. Например, уже в предисловии он сообщает, что «в первом правительстве Коммунистической России было только 13 этнических русских и свыше 300 евреев из общего количества 384 комиссаров». О каком правительстве и каких комиссарах говорит автор? Совнарком был несравненно малочисленнее, комиссары же были в каждой армии, полку, роте. Их были тысячи. Судя по другим источникам, цифра в «384 комиссара» восходит к журналисту Вильтону, который был корреспондентом газеты «Таймс» в России во время революции. Возможно, что Вильтон имел в виду определенный список фамилий, зная который, мы могли бы судить, насколько убедительную картину он дает. Но без такого списка это утверждение превращается в типичный пример высказывания, которое невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, так как сам смысл его непонятен. Но хуже того, по чисто американскому вопросу Дюк пишет о «сотнях тысяч американских солдат», погибших во Вьетнаме. Стандартная цифра американских потерь во Вьетнаме, которую обычно приводят, 50 тысяч. Если у автора есть осно-

вания сомневаться в этой цифре, то было бы очень важно (для самих американцев), чтобы они были приведены, чего в книге нет. Но, с другой стороны, в книге имеется большое число цитат из конкретных книг, которые мне удалось достать и проверить, что цитаты точны. Поэтому я считаю возможным привести цитату из этой книги (снабженную точной ссылкой), которую я сам проверить был не в состоянии. Другим такого же типа источником являются личные впечатления. Их можно найти и в книге Д. Рида. Особенно много их в книге Шульгина, свидетеля многих драматических событий нашей истории — и одновременно острого наблюдателя. В его книге, посвященной русско-еврейским отношениям, проявляется распространенный недостаток его поколения: он не выверяет тщательно приводимые им факты. Например, в книге есть список псевдонимов некоторых революционных деятелей. Уже в 1929 г., когда Шульгин писал свою книгу, существовало много справочников, по которым он мог бы установить, что истинная фамилия Зиновьева — Радомысльский, а не Апфельбаум, Урицкий — не псевдоним. И подлинная фамилия Мартынова — Пиккер, а не Зибар. Хотя более аккуратная проверка подтверждает его главное утверждение, что громадное число большевистских вождей еврейского происхождения имело русские псевдонимы. Но личные впечатления и наблюдения Шульгина от этого не менее интересны.

Наконец, шестой группой источников можно назвать такие, которые в «доверии» просто не нуждаются, это умозаключения, об убедительности которых каждый может судить сам.

Таким образом, все же можно набрать достаточное количество источников, на которые возможно опираться.

В настоящей работе каждая цитата не будет сопровождаться ссылкой, чтобы не загромождать текст. Но в конце книги приводится литература, в которой интересующиеся могут найти приводимые в этой главе факты, а также много интересного на ту же тему.

Глава 2

Античность

Внешне история Иудеи и иудеев в эпоху античности ничем не отличается от истории любого небольшого государства Ближнего Востока и одного из многих народов, населявших Средиземноморье. Одно время Иудея входила в сферу влияния Египта. Потом была завоевана (ее северная часть) Ассирией, потом (остальная часть) — Ново-Вавилонским царством. Большие империи того времени часто решали национальные проблемы путем переселения входивших в них народов (как в 1940-е годы в Советском Союзе или в Польше и Чехословакии, где немцы были выселены из плотно заселенных ими областей). Такова же была участь иудеев («Вавилонское пленение»). Подобные переселения способствовали созданию многочисленной диаспоры. После подчинения Ближнего Востока Персидской империи часть иудеев, пожелавших вернуться на родину, получила разрешение это сделать. Иудея, как часть Персидского царства, была завоевана во время походов Александра Македонского и вошла в его империю. После его смерти она стала предметом споров для двух эллинистических монархий: Птолемеев в Египте и Селевкидов в Азии. Она не раз переходила из рук в руки, что сопровождалось опять значительными переселениями иудейского населения в победившую страну. Но, в конце концов, Иудея стала частью империи Селевкидов. Воспользовавшись ослаблением этой империи и опираясь на поддержку Рима, все более влиявшего на все Средиземноморье, Иудея на время опять добилась независимости, под управлением сначала первосвященника, потом — царя. Однако она все более подпадала под влияние Рима и в 6-м году I в. после Р.Х. стала римской про-

винцией. Римское господство вызывало восстания, сурово подавлявшиеся (что бывало и в других провинциях). После восстания 66—70 гг. I в. после Р.Х., подавленного императорами Веспасианом и Титом, был разрушен Иерусалимский храм и упразднено звание первосвященника, но иудаизм как религия в Империи не притеснялся, надолго сохранилась власть Синедриона (духовный суд), патриарха.

Однако за этим фасадом, довольно стандартным для античной истории, скрываются некоторые принципиальные отличия. Два фактора кардинально отличают античных иудеев от других народов Средиземноморья: это их религия, т. е. Ветхий Завет с содержащимся в нем учении об избранном народе, и необычная солидарность и влиятельность иудейской диаспоры.

Ветхий Завет создал мировоззрение избранного богом народа, которому предназначена роль руководителя и властителя человечества, которому все другие народы предназначены служить, ради которого весь мир, может быть, только и создан. Мы соприкасаемся здесь с самым ядром интересующего нас явления. Это поразительное, больше нигде не возникавшее мировоззрение в течение тысячелетий определяло отношение еврейства к остальному человечеству. Поэтому мы попытаемся сейчас по возможности охарактеризовать его рядом цитат из Ветхого Завета, даже рискуя, быть может, утомить читателя обилием этих цитат.

> *«Так говорит Господь Саваоф: будет в те дни, возьмутся десять человек из всех разноязычных народов, возьмутся за полу Иудея и будут говорить: мы пойдем с тобою, ибо мы слышали, что с вами Бог». (Зах 8:23)*
>
> *«Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои, и цари их служить тебе; ибо во гневе Моем Я поражал тебя, но в благоволении Моем буду милостив к тебе. И будут всегда отверсты врата твои, не будут затворяться ни днем ни ночью, чтобы приносимо было к тебе достояние народов и приводимы были цари*

их. Ибо народ и царства, которые не захотят служить тебе, — погибнут, и такие народы совершенно истребятся». (Ис 60:10—12)

«И будут цари питателями твоими, и царицы их кормилицами твоими; лицом до земли будут кланяться тебе и лизать прах ног твоих, и узнаешь, что Я Господь, что надеющиеся на Меня не постыдятся». (Ис 49:23)

«...ибо ты распространишься направо и налево, и потомство твое завладеет народами и населит опустошенные города». (Ис 54:3)

«И возьмут их народы, и приведут на место их, и дом Израиля усвоит их себе на земле Господней рабами и рабынями, и возьмет в плен пленивших его, и будет господствовать над угнетателями своими». (Ис 14:2)

«И придут иноземцы и будут пасти стада ваши; и сыновья чужестранцев будут вашими земледельцами и вашими виноградарями. А вы будете называться священниками Господа, служителями Бога нашего будут именовать вас; будете пользоваться достоянием народов и славиться славою их». (Ис 61:5—6)

Другие народы воспринимались как поклонники ложных богов, опасные соблазнители, способные отклонить Израиль от служения истинному Богу. По отношению к ним внушалась подозрительность, враждебность и жестокость, необычная даже для тех времен. Утверждалась двойная мораль — отношение к язычникам как существам иного сорта, на которых не распространяются законы, данные Израилю, над которыми Израилю предназначено властвовать не просто по праву сильного, не в силу принадлежности к высшей культуре (как, например, понимали греки противопоставление эллинов варварам), а по воле высшей силы, не нуждающейся ни в оправдании, ни в аргументах.

«Не вступай в союз с жителями той земли, чтобы, когда они будут блудодействовать вслед богов своих и

приносить жертвы богам своим, не пригласили и тебя, и ты бы не вкусил жертвы их; и не бери из дочерей их жен сынам своим, дабы дочери их, блудодействуя вслед богов своих, не ввели и сынов твоих в блужение вслед богов своих». (Ис 34:15—16)

«А в городах сих народов, которых Господь Бог твой дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души, но предай их заклятию: Хеттеев и Аморреев, и Хананеев, и Ферезеев, и Евеев, и Иевусеев, как повелел тебе Господь, Бог твой, дабы они не научили вас делать такие же мерзости, какие они делали для богов своих, и дабы вы не грешили пред Господом Богом вашим». (Втор 20:16—18)

«...потому что они — Мои рабы, которых Я вывел из земли Египетской; не должно продавать их, как продают рабов, не господствуй над ними с жестокостью и бойся Бога твоего. А чтобы раб твой и рабыня твоя были у тебя, то покупайте себе раба и рабыню у народов, которые вокруг вас; также и из детей поселенцев, поселившихся у вас, можете покупать, и из племени их, которое у вас, которое у них родилось в земле вашей, и они могут быть вашей собственностью; можете передавать их в наследство и сынам вашим по себе, как имение; вечно владейте ими как рабами. А над братьями вашими, сынами Израилевыми, друг над другом, не господствуйте с жестокостью». (Лев 25:42—46)

«...с иноземца взыскивай, а что будет твое у брата твоего, прости». (Втор 15:3)

«...иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост...». (Втор 23:20)

«...и сказал им Моисей: [для чего] вы оставили в живых всех женщин? вот они, по совету Валаамову, были для сынов Израилевых поводом к отступлению от Господа… Итак убейте всех детей мужеского пола,

и всех женщин, познавших мужа на мужеском ложе, убейте». (Чис 31:15—17)

«...и взяли в то время все города его, и предали заклятию все города, мужчин и женщин и детей, не оставили никого в живых...». (Втор 2:34)

«И предали заклятию все, что в городе, и мужей и жен, и молодых и старых, и волов, и овец, и ослов, [все] истребили мечом». (Нав 6:20)

«Господь сказал: «от Васана возвращу, выведу из глубины морской, чтобы ты погрузил ногу твою, как и псы твои язык свой, в крови врагов». (Пс 67:23—24)

Второй фактор — рассеяние — почти столь же древнего происхождения. На протяжении грандиозного исторического периода — от середины I тысячелетия до Р.Х. до наших дней — большая часть еврейского народа жила вне своей родины, среди других народов, не смешиваясь с ними и не теряя своего национального лица. В частности, так было и в период, о котором идет речь сейчас: между серединой I тысячелетия до Р.Х. и серединой I тысячелетия после Р.Х. «Еврейский народ распространен по всей земле, рассеянный среди жителей множества стран». «Нет ни одного города эллинов и ни одного варварского народа, куда бы не проник наш обычай празднования субботы, пост и возжигание свечей», — пишет Иосиф Флавий. Действительно, свидетельства античных авторов и данные раскопок показывают, что евреи были распространены по всему античному миру: от Испании до Евфрата, от Эфиопии до Галлии, от Мавритании до Крыма. «Трудно указать место в мире, где этот народ не нашел бы себе места и не стал хозяином», — говорит Страбон. Среди населения второго по значению города Римской империи — Александрии — евреи одно время составляли едва ли не большинство. Их общее число в Римской империи оценивается в 5—7 миллионов — от 10 до 12% всего населения.

Смешение национальностей было характерно для древнего мира: ассирийского и персидского царств, эллинистических монархий и Римской империи. Но рассеяние евреев имело несколько черт, благодаря которым оно стало совершенно уникальным явлением. Прежде всего то, что большая часть евреев проживала вне своей исторической родины, Иудеи. Советский историк С. Я. Лурье относит начало этого явления к эпохе «Вавилонского пленения» (586—538 гг. до Р.Х.), когда большинство населения Иудеи сначала было переселено во внутренние области Месопотамии, а потом получило разрешение вернуться на родину — или даже к еще более раннему времени. Лурье пишет:

> *«В эпоху Вавилонского пленения, а вероятно, даже и раньше, евреи были по преимуществу народом рассеяния. Палестина была только религиозным и отчасти культурным центром».*

Послепленный Иерусалим сам был искусственным образованием диаспоры с центром в Вавилоне. Еще ярче высказывает эту мысль Т. Моммзен:

> *«История иудейской страны была также мало историей иудейского народа, как история папских владений была историей католицизма.*
>
> *Но жители Палестины составляли только часть, и не самую значительную часть, иудейского народа. (Речь идет об эпохе эллинизма.) Иудейские общины — вавилонские, сирийские, малоазиатские, египетские — были и гораздо значительнее палестинских. (…) Эти последние не играли такой важной роли, какую играла во времена империи иудейская диаспора, которая была чрезвычайно своеобразным явлением».*

Второй особенной чертой еврейской диаспоры была сплоченность, ощущение принадлежности к единой организации и

часто противопоставления евреев окружающему их миру. «Их столица — это святой город Иерусалим, а как граждане они принадлежат тому городу, в котором родились и были воспитаны», — пишет Филон. Каждый еврей, достигший двадцати лет, должен был платить дань в пользу Иерусалимского храма и хотя бы раз в жизни посетить его. Яркую картину рисуют Деяния святых апостолов:

> *«В Иерусалиме же находились Иудеи, люди набожные, из всякого народа под небесами (…). Парфяне, и Мидяне, и Еламиты, и жители Месопотамии, Иудеи и Капподокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киринее, и пришедшие из Рима, Иудеи и прозелиты, критяне и аравитяне». (Деян 2:5, 9—11)*

Филон приводит письмо царя Иудеи Агриппы императору Калигуле. Он просит о предоставлении некоторых привилегий и обещает за это императору поддержку. Но интересно, что он выступает при этом как представитель всей диаспоры. Например, перечисляет, в каких местностях евреи влиятельны: Египет, Финикия, Сирия, Памфилия, Киликия и большая часть других провинций Азии вплоть до Вифинии. И в Европе: Фессалия, Беотия, Македония, Аттика, Этолия, Коринф и Пеллопонес. Также Евбея, Кипр и Крит и земли за Евфратом.

Флавий приводит рескрипт Юлия Цезаря, в котором тот признает Гиркана II с его потомками «иудейскими этнархами», причем из контекста можно заключить, что речь идет о власти над иудеями диаспоры. Восстания в Иудее вызывали волнения по всей Римской империи. Дион Кассий утверждает даже, что во время осады римлянами Иерусалима помощь осажденным приходила не только от евреев Империи, но и из областей к востоку от Евфрата.

В предыдущей главе приведена цитата из Моммзена, показывающая, как отношение римского чиновника к евреям в

провинции неожиданно отражалось на его карьере в Риме. Цицерон говорил:

> *«Ты знаешь, Лелий, что это за шайка, как они держатся вместе, какое влияние оказывают на собраниях. Поэтому я буду говорить тихим голосом, чтобы меня могли слышать только судьи, потому что найдется много людей, готовых натравить эту толпу на меня и на каждого порядочного человека, а мы не хотим этого облегчить…» (Перевод С. Я. Лурье)*

Такое ощущение единства в рассеянии поддерживалось силами, которые мешали раствориться в окружающей национальной и культурной среде, поддерживали изолированность еврейства. Такую роль играли сложные, досконально разработанные ритуалы, выполнение которых было необходимым условием принадлежности к иудаизму: обрезание, многочисленные ограничения в пище, посты, соблюдение субботы и т. д. Но и просто идеология отчуждения, для которой столь обильную пищу давал Ветхий Завет.

Так, книги Ездры и Неемии описывают грех, в который впали евреи, остававшиеся в Палестине в период «пленения», взяв иноплеменных жен и произведя от них детей-полукровок, а также и очищение от этого греха. Ездра пишет:

> *«По окончании сего, подошли ко мне начальствующие и сказали: народ Израилев и священники и левиты не отделились от народов иноплеменных с мерзостями их, от Хананеев, Хеттеев, Ферезеев, Иевусеев, Аммонитян, Моавитян, Египтян и Аморреев, потому что взяли дочерей их за себя и за сыновей своих, и смешалось семя святое с народами иноплеменными…*
>
> *Услышав это слово, я разодрал нижнюю и верхнюю одежду мою, и рвал волосы на голове моей, на бороде моей, и сидел печальный». (1 Езд 9:1—3)*

Также и Неемия:

«Еще в те дни я видел Иудеев, которые взяли себе жен из Азотянок, Аммонитянок и Моавитянок; и оттого сыновья их в половину говорят по-азотски, или языком других народов, и не умеют говорить по-иудейски. Я сделал за это выговор и проклинал их, и некоторых из мужей бил, рвал у них волоса и заклинал их Богом, чтобы они не отдавали дочерей своих за сыновей их и не брали дочерей их за сыновей своих». (Неем 13:23—25)

Было принято радикальное решение:

«…мы сделали преступление пред Богом нашим, что взяли себе жен иноплеменных из народов земли; но есть еще надежда для Израиля в этом деле; заключим теперь завет с Богом нашим, что, по совету господина моего и благоговеющих перед заповедями Бога нашего, мы отпустим от себя всех жен и детей, рожденных ими, — и да будет по закону!» (1 Езд 10:2—3)

«И встал Ездра священник, и сказал им: вы сделали преступление, взявши себе жен иноплеменных, и тем увеличили вину Израиля. Итак покайтесь в сем пред Господом Богом отцов ваших, и исполните волю Его, и отлучите себя от народов земли и от жен иноплеменных. И отвечало все собрание, и сказало громким голосом: как ты сказал, так и сделаем». (1 Езд 10:10—12)

В первые века до Р.Х. и после Р.Х. возникла большая литература иудейского происхождения, иногда ориентированная на еврейского читателя, усвоившего греческую культуру. Часть этих произведений позже получила название «апокрифов». Например, в Третьей книге Ездры говорится:

«О прочих же народах, происшедших от Адама, Ты сказал, что они ничто, но подобны слюне, и все

множество их Ты уподобил каплям, каплющим из сосуда». (3 Езд 6:56)

Книга Юбилеев (апокрифическое иудаистическое сочинение, написанное в II в. до Р.Х.) даже грозит смертью за смешанный брак. Там говорится также:

«Ты же, сын мой, чуждайся иных народов, не ешь с ними, не следуй их обычаям, не заводи среди них товарищей. Ибо дела их не чисты, а пути мерзостны».

В исходящем из еврейской среды «Письме Аристея» читаем:

«Законодатель, которому Бог дал познания всех вещей, окружил нас непроницаемой оградой и гранитной стеной, чтобы мы не имели общности ни с одним народом, оставаясь чистыми душой и телом, чуждыми бессмысленных ложных учений».

И более конкретно, в Талмуде, созданном в первых столетиях после Р.Х., приводятся запреты приглашать иноплеменника (гоя) в свой дом, оказывать ему любое гостеприимство, одалживать ему свое поле или свою баню и т. д. и т. д.

Но, пожалуй, самой поразительной чертой античного еврейства было то, что эта тенденция к изоляции мирно уживалась со стремлением к ассимиляции (хотя бы и внешней), к вхождению в окружающую культурную среду и влиянию на окружающую жизнь.

Так, евреи часто занимали высокое положение в городском самоуправлении, в управлении финансами и войском в эллинистических государствах. Многие еврейские авторы писали по-гречески или по-латыни, обращаясь к широкой, нееврейской аудитории. Евреи перенимали все внешние признаки греко-латинской культуры, часто меняя даже имена иногда по принципу созвучия (например, Эсфирь —

Астер, Моисей — Мусий), иногда — по переводу (например, Цадок — Юстус — справедливый, Соломон — Ириней — мир). Но это никак не было признаком полного включения в общую жизнь античного мира. Евреи, занимавшие высокие посты, энергично отстаивали интересы евреев своего города или провинции, а иногда и других провинций. Интересы писавших по-гречески и по-латыни еврейских авторов вращались вокруг положения евреев, их роли в мире. Многие из них стремились убедить своих читателей в преимуществе еврейского Закона, в том, что и античная культура имеет своим источником законы Моисея. Флавий писал, например:

> *«От нас восприняли законы и другие люди, беря их все более и более за образец. Первыми же — греческие философы, хоть они, по видимости, и держались своих отечественных законов в своих делах, в своей философии все более следовали ему (Моисею)».*

Или Аристобул:

> *«Как известно, Платон взял наши законы за образец и, очевидно, знал их в подробностях. Он ведь был очень жаден до знания, как и Пифагор, многое в своем учении почерпнувший у нас. Я думаю, что Пифагор, Сократ и Платон, когда они все исследовали, под конец стали следовать этим (Моисеевым) законам».*

В другом же месте он утверждает, что «Гомер и Гесиод уважали святой праздник субботы».

С этой же тенденцией проникновения евреев в общество связано и выработанное в то время положение, согласно которому сын еврейки от смешанного брака являлся полноправным евреем. Как оно уживалось с отрицательным отношением к смешанным бракам, примеры которого мы приводили, по-видимому, никто этого не смог объяснить!

Более того, евреи вели исключительно интенсивную пропаганду, вербуя прозелитов среди окружающего населения. Как говорит Евангелие:

> *«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас». (Мф 23:15)*

Флавий не раз сообщает, как во время войн иудеи принуждали побежденных соседей принять иудаизм, например:

> *«Гиркан взял идумейские города Адару и Мариссу и, подчинив своей власти всех идумеян, позволил им оставаться в стране, но лишь с условием, чтобы они приняли обрезание и построили вообще свою жизнь по иудейскому образцу».*

Он оказал большие услуги своему отечеству, ведя войну с Итуреей и присоединив значительную часть этой страны к Иудее, причем принудил тех из итурейцев, которые захотели остаться в своей области, принять обрезание и жить по законам иудейским.

Евреи привлекали к своему богослужению множество эллинов и включали их, в некотором роде, в число своих.

Такой прозелиткой была, например, жена императора Нерона Поппея, двоюродные брат и сестра императора Домициана.

Ориентированная на прозелитов литература подчеркивала «философский», «нравственный» смысл еврейских обрядов, отодвигая на задний план ритуальную сторону иудаизма. По-видимому, прозелиты не были полноправными членами еврейских общин, освобождались от многих обрядов, образуя слой «сочувствующих» или клиентов вокруг ядра собственно иудейства. Они имели даже особое название — «Чтущие истинного Бога». Обращаясь к прозелитам

(или вербуя их), еврейские авторы часто выставляли иудаизм как родоначальника «языческих религий». С. Я. Лурье называет это «товаром на продажу». Какой же смысл, спрашивает он, в таких прозелитах, которые даже не уловили, что единобожие — основа иудаизма? Объяснение Лурье заключается в том, что «народ, живущий в рассеянии, не должен пренебрегать никаким союзником».

Таким образом, еврейская диаспора в античности была, по-видимому, каким-то совершенно особенным явлением, в принципе отличным от греческих или сирийских кварталов любого тогдашнего города.

Ее необычность должна была тем более привлекать внимание современников, что евреи оказывали значительное влияние на жизнь окружающего общества. Так, при царе Птолемее III Эвергете, Иосиф, сын Товия, взял на откуп все налоги египетской Сирии на 22 года. Во время правления Птолемея Филоматера и его сестры Клеопатры высшая власть в Египте находилась в основном в руках евреев. Например, командовали войсками Ония и Досифей. Дочь Птолемея VI, Клеопатра, назначила полководцами Анания, сына Онии, и Халика. «Без их совета она ничего не предпринимала», — говорит Флавий. Яркую картину рисует так называемый «Оксирингский папирус», изображающий трения между евреями и греками в Александрии и посольство тех и других к Траяну в Рим. Под впечатлением явного благоволения императора евреям (на приветствие греков он даже не ответил) глава греческой делегации воскликнул: «Больно нам, что городской совет заполнен евреями».

Влияние евреев всегда возрастало в период образования «мировых монархий», объединявших много национальностей в одном государстве. Моммзен объясняет это тем, что создатели таких монархий видели в евреях опору при подавлении национальных стремлений покоренных народов. Создатель персидского царства Кир разрешил желающим евреям репатриироваться из Месопотамии в Палестину. Как сообщает Иосиф Флавий, Александр Македонский при осно-

вании Александрии дал евреям равные права с македонцами (т. е. завоевателями). Ряд привилегий в Римской империи евреи получили от Цезаря, эти привилегии подтверждены Августом. Один историк называет их «настоящей Великой Хартией Вольностей». Евреи были освобождены от подати, была разрешена посылка дани в Иерусалимский храм (в то время как вообще вывоз золота воспрещался), их собрания контролировались их самоуправлением, они имели юридическую автономию, в то время как римское право считалось одним из основных средств унификации империи. Фактически это была экстерриториальность.

Велико было и экономическое влияние еврейства. В Александрии, самом богатом городе империи, самые богатые купцы были евреи. В их руках находилась торговля зерном, жизненно важная для всего государства.

Силу и сплоченность еврейской диаспоры продемонстрировали два восстания, вспыхнувшие в Римской империи во II в. после Р.Х. Первое произошло примерно в 118 г., когда император Траян был вовлечен в войну с парфянами. Оно охватило ряд провинций: Киренаику, Египет, Кипр, Месопотамию. Как пишет Моммзен, целью было «изгнание как Римлян, так и Эллинов и, кажется, имелось в виду основание особого иудейского государства». Судя по размаху волнений, это было бы государство, объединяющее всю восточную часть Средиземноморья. Историки пишут о жестокостях, которыми сопровождалось восстание. Например, Дион Кассий уверяет, что во время восстания, поднятого евреями в Кирене, они не только перебили всех греков и римлян (220 000 человек), но и увенчивались их кишками, омывались их кровью, покрывались их кожами. Орозий пишет, что, взяв город Сапамис в Кипре, они истребили всех жителей, город уничтожили.

Конечно, численные данные, приводимые античными авторами, обычно не претендуют на точность. Подобные высказывания лишь показывают, что авторы, жившие во время, близкое к происходившим событиям, считали число жертв очень большим, а жестокости — выходящими за рамки обычных.

Восстание было подавлено, но для этого были использованы войска, предназначавшиеся для войны с парфянами. Траян был вынужден войну (и вообще экспансию на восток) прекратить.

Второе восстание произошло примерно в 130 г. в Палестине при императоре Адриане. Во главе восставших стоял священник Элеазар и вождь боевых отрядов Симон по прозвищу Бар Кохба (Сын Звезды). Возможно, последний объявил себя Мессией. Восстание было тоже очень ожесточенным, но было подавлено. Вместо Иерусалима была основана римская колония Элия Капитолина, куда иудеям въезд был запрещен под страхом смерти. Имя Иудеи тоже было устранено — провинция стала называться Сирией Филистимлян, или Палестиной. Некоторые историки считают, что оба восстания планировались как одно единое, но этот план не удалось осуществить.

Неудивительно, что античные авторы много писали о евреях, их истории, обычаях и влиянии на жизнь. Их суждения производят очень странное впечатление: они удивительно единодушны в отрицательном отношении к «еврейству», хотя конкретные обвинения столь разнородны, что нелегко угадать их общую причину. Здесь есть и совершенно бессмысленные выдумки. Например, Диодор утверждает, что евреи произошли от части египетского населения, страдающей какой-то кожной болезнью и за это изгнанной из страны. Ту же версию приводит Манефон.

Некоторые авторы исходят из отрицательной оценки религии евреев, считая, что она «враждебна человечеству». Тацит говорит о религии евреев, что они почитают все, что презирается другими народами, и презирают все, что у них свято. Похожую мысль высказывает Диодор:

> *«Они исповедуют законы ненависти против человечества. Ибо изо всех народов им одним запрещено общение с другими. Моисей дал им эти человеконенавистнические законы».*

Гекатей Абдерский, живший при Птолемее I в III в. до Р.Х., писал о Моисее:

> *«…в отместку за собственное изгнание (из Египта) он научил своих чуждаться людей и ненавидеть иностранцев».*

Он называет законы Моисея «враждебными к иностранцам». Учитель Цицерона — Аполлоний с Родоса — написал полемическое сочинение против евреев, где упрекает их в отрицании греческих богов, человеконенавистничестве и обособленности от всех, кто верует иначе.

Упрекали евреев и в отчужденности, враждебности к другим, проявлявшейся даже в обыденной жизни. Ювенал пишет:

> *«Чужому они не укажут дорогу, лишь своего проводят к прохладному источнику».*

Поэт Рутилий Наматиан говорит:

> *«Сердце же их холодней самой религии их».*

Наконец, часто высказывались опасения, что евреи подчиняют себе жизнь других народов: тот же Наматиан, например, писал:

> Пусть бы несущее ужас оружье Помпея и Тита
> Не покорило нам вовсе страны Иудейской!
> Вырвав из почвы, заразу по свету пустили,
> И победитель с тех пор стонет под игом раба.
>
> *(Перевод С. Я. Лурье)*

Эта мысль, по-видимому, была распространена. Например, Блаженный Августин цитирует слова Сенеки:

> *«Так побежденные предписывают законы победителям».*

У всех этих выдумок, преувеличений, огульных обвинений теологических, социальных и психологических наблюдений можно все же выделить нечто общее. Они рисуют еврейство как единое сплоченное целое, чужеродное окружающей жизни, античному обществу в целом. Можно представить себе антипатию, раздражение, а иногда и страх, который вызывало это странное образование, рассеянное, но духовно сплоченное; проникающее в политическую, экономическую и культурную жизнь и одновременно исповедующее религию крайнего отчуждения («отлучите себя от народов земли»), вербующее прозелитов, которые не постигают даже центрального догмата их религии, но уже перестают быть эллинами, римлянами, египтянами, вырываются из своей национальной и культурной среды.

В разных странах античного мира и в различные эпохи античной истории засвидетельствованы столкновения местного населения с евреями диаспоры. Еще в V веке до Р.Х. такие столкновения отмечены в Элефантине на юге Египта — они связаны с персидским завоеванием и покровительством, которое персы оказывают евреям. Во время правления императора Калигулы ожесточенная распря разразилась в Александрии. Калигула высказался было против евреев, не желавших поклоняться его статуе, но тут его сменил Клавдий и отменил решение. Два главных противника евреев были осуждены на смерть.

С. Я. Лурье в книге «Антисемитизм в древнем мире» объясняет эту необычную для античности «несовместимость» евреев с другим населением тем, что евреи составляют «особую» нацию, не сосредоточенную на одной территории, а живущую среди других, но тем не менее обладающую национально-государственным чувством, которое, однако, находит у них выражение не через язык или государство. Если прибавить, что эта нация активно влияла на жизнь стран, в которых она обитала, подчиняя себе некоторые стороны их жизни и разрушая другие, то это отчасти и даст объяснение антиеврейским настроениям античного общества.

Приведем мнения трех крупнейших историков:
Эдуард Майер:

«Вместе с еврейством в мир пришел и его вечный спутник — ненависть к евреям (Judenhass) или, может быть, еврейская ненависть? (Оба перевода возможны. — И. Ш.) В корне неправильно, как это делают теперь, считать его продуктом новейшего времени или христианства. Уже в псалмах все время говорится о нем. Не их Бог и религия сама по себе были причиной насмешек, презрения и преследований евреев со стороны язычников, но высокомерное убеждение в своем превосходстве, с которым они как единственные исповедники истинного Бога, противопоставляли себя всем остальным народам, отрицали всякое соприкосновение с ними как с нечистыми, считали себя выше и лучше их, предназначенными над ними господствовать. Кто не стал через откровение прозелитом, тому евреи представлялись столь же нечистыми и отталкивающими, как и он им. Евреи воспринимали это противоречие с тем большей горечью, что оно казалось им обращением естественного порядка вещей, — поэтому все повторяющиеся требования Суда, Расплаты с грешниками, призывы дня Ягве. Движущей силой являлась здесь жажда мести, а не стремление к постижению тайны Божества. Ненависть к язычникам была обратной стороной стремления их обратить. Поэтому в бессилии современности фантазия все ярче рисовала картины истребления язычников».

Макс Вебер:

«Всеобщее распространение "антисемитизма" в античности — факт. Также бесспорно, что это постепенно растущее отрицательное отношение к евреям развивалось параллельно с ростом отрицательного отношения евреев к общению с иноверцами. Античное отрицатель-

ное отношение к евреям было в корне отлично от "расовой антипатии": это показывает, например, грандиозный размах иудейского прозелитизма. Как раз отрицательное отношение самих евреев определяло то, как складывались взаимоотношения. Непривычных и кажущихся абсурдными обычаев было в античности более чем достаточно: не в этом, конечно, была причина. Подчеркнутый отказ в почтении к богам того полиса, гостями которого они были, конечно, воспринимался как оскорбление и безбожие. Но и это не было решающим. "Человеконенавистничество" *евреев — это и был, если смотреть в корень, решающий и последний упрек, отрицание совместной жизни, сближения и товарищеского отношения какого-либо рода, даже на деловой почве.*

Нельзя недооценивать и исключительно сильного отталкивания каждого, стоящего на почве фарисейства, от сотрудничества с иноверцами — момента, экономическое действие которого не могли не заметить их языческие конкуренты. Социальная изоляция евреев, это «гетто» в самом глубоком смысле слова, первоначально было избрано и создано исключительно по собственной инициативе — и со временем все в большей и большей степени… И рука об руку с безоговорочной изоляцией от ритуально нечистых шла страстная работа по вербовке прозелитов».

Т. Моммзен относит возникновение отчуждения между иудейской диаспорой и остальным населением античного мира уже к I в. после Р.Х. Он пишет об этой эпохе:

«Чужеземцами Иудеи всегда были и хотели быть; но чувство отчуждения усилилось и в них самих и против них, до крайности, и из него обе стороны стали упорно извлекать его гнусные вредные последствия. От легких насмешек Горация над навязчивыми Иудеями из Римского Гетто был велик шаг до безусловной ненави-

сти Тацита к этим извергам рода человеческого, для которых все чистое нечисто, а все нечистое — чисто…

Жизнь Иудеев рядом с не-Иудеями становилась все более и более неизбежной и при данных условиях все более и более невозможной; противоположность в верованиях, в законах, в нравах обострялись, и как обоюдное презрение, так и обоюдная ненависть оказывали в обе стороны губительное влияние на нравственность… Это ожесточение, это высокомерие и эта ненависть, в том виде, в каком они возникли в ту пору, конечно, были лишь неизбежным всходом, быть может, не менее неизбежного посева; но оставленное теми временами наследие до сих пор лежит тяжелым бременем на человечестве».

С закатом античности влияние еврейства резко падает. Тут несомненно сыграло роль и уменьшение значения городов (а евреи были в значительной мере городскими жителями), и уменьшение роли торговли и финансов (а это были те занятия евреев, которые задавали их вес в обществе). Но основной причиной было возникновение христианства и его победа как организующей силы жизни, возникло христианское общество, и стало невозможно активно участвовать в его жизни, в то же время принадлежа другому — еврейскому обществу. Еврейство вынуждено было сделать выбор, и оно выбрало изоляцию — теперь уже полную, уход в гетто.

Роль христианства в этом изменении положения евреев очень ясно чувствует, например, Гретц. В I томе «Истории еврейского народа», говоря о возникновении христианства, он пишет:

«Этому выродку с маской смерти было суждено нанести впоследствии много болезненных ран еврейству».

И произошел этот переворот, по мнению Гретца, как раз в тот момент, когда еврейство было близко к достижению своей цели: «стать учителем человечества».

Античность во взаимоотношениях с евреями демонстрирует нам черты, иногда удивительно напоминающие новое время, даже последний век или последние десятилетия. Но в некоторых отношениях это как бы уменьшенная модель, «репетиция», какие часто предшествуют крупным историческим явлениям, вроде того как наша революция 1917 г. имела «репетицию» в 1905 г. Это прежде всего относится к реальному политическому господству. Хотя мы встречаем очень влиятельных евреев — полководцев или финансистов, нельзя указать на что-либо, аналогичное еврейской верхушке Советского Союза в первые десятилетия коммунистической власти или верхушке финансового мира и руководства СМИ на современном Западе. И то, что особенно болезненно запоминается, руководство террористическими действиями против нееврейских народов. Такие фигуры, как Розалия Самойловна Землячка или Мадлен Олбрайт, не описаны античными авторами. Когда Цицерон намекает на еврейское влияние на римском Форуме, это вполне можно оценить как ораторский прием. К тому же, взаимоотношения с евреями обсуждались свободно, не видно проявлений цензуры в этой области, так характерной для современной жизни.

Но принципиальные факторы, определяющие и сейчас ситуацию «еврейства», уже налицо в античности. Это — загадочное соединение строжайших ветхозаветных, а также талмудических заповедей с активным вхождением в общую для античности эллинистическую культуру. Как говорит Моммзен:

> *«Несмотря на то, что большая часть Иудеев расселялась по чужим странам и в их сферу проникали массы чужеземцев и даже разрушительные эллинские элементы, все Иудеи вместе взятые оставались в самой глубине своего сознания в таком единении, которому в настоящее время предоставляет некоторую аналогию Ватикан и Кааба».*

В современном мире это единство, с одной стороны, равви-нистической и талмудической идеологии, господствующей в Израиле, а с другой — «эмансипированного» или «реформированного» еврейства других стран. Это та «чудесная взаимосвязь», которую еще в неокрепшем виде наблюдал Гретц в XIX в. (ср. цитату в гл.1).

Глава 3

Средние века

История еврейства в Средние века полна трагизма и драматических контрастов. Часто евреи подвергались ограничениям и жестоким притеснениям. Но затем наступали периоды благополучия, когда они пользовались многими привилегиями, они влияли на важнейшие стороны жизни других народов. Однако неизменно эти периоды кончались новыми преследованиями, изгнанием всех евреев, а иногда и физическим истреблением целых общин, тысяч человек.

Вся картина жизни средневекового еврейства не будет понятной, если не иметь постоянно в виду этого ее фона — периодических жестоких гонений. Поэтому начнем с того, что приведем несколько примеров.

В 1096 г., во время подготовки к I Крестовому походу, царившее тогда религиозное возбуждение часто выражалось в том, что большие группы крестоносцев врывались в еврейские кварталы и требовали, чтобы евреи, под страхом смерти, крестились. Большей частью это заканчивалось избиением целых общин, иногда — массовым самоубийством евреев. Редкие общины спасались, принимая крещение. В Вормсе было убито 800 человек, в Майнце — 1000, разгрому подверглись общины Трира, Метца, Кельна. Всего за май—июль 1096 г. погибло от 4 до 8 тысяч человек.

В меньшем масштабе то же повторилось в связи со II Крестовым походом 1146 г.

В 1189 г. в Лондоне начался мятеж, вылившийся в массовые убийства евреев. Он перекинулся на всю Англию. В Йорке, например, было истреблено все еврейское население.

В связи с обвинениями в осквернении святых даров в Белитце, близ Бранденбурга, было сожжено почти все еврейское население.

В 1251 г. попытка организовать «крестовый поход пастухов» вылилась в народное восстание, известное под именем восстания «пастушков» (Pastorelli). Второе восстание «пастушков» относится к 1320 г. Неизменным объектом ненависти восставших были евреи, которых они безжалостно истребляли. Во время II восстания евреи, изгнанные тогда из королевских французских владений, жили только в английских владениях. Но и там они были истреблены почти полностью.

Обвинения в похищении и убийстве христианских детей в Роттенгеме (1298 г.) привели к убийствам евреев во Франконии, Баварии и Австрии.

В 1348—1349 гг. в Западной Европе разразилась страшная эпидемия чумы: «Черная смерть». Погибло около 1/3 населения Западной Европы, гораздо больший процент, чем во время I и II мировых войн, вместе взятых. В народе было распространено убеждение, что это бедствие — результат заговора евреев, отравляющих колодцы с целью уничтожить всех христиан. Следствием были восстания и массовые убийства евреев — самые жестокие в Средние века. Их убивали и сжигали в их домах и синагогах от Средиземноморского побережья до Северной Германии. Во Франкфурте-на-Майне и в Майнце в 1349 г. были перебиты все евреи. Массовые избиения произошли в Брюсселе (погибло 600 человек), Кельне, в Нидерландах. В Германии и Нидерландах осталось очень мало евреев.

В Севилье в 1391 г. было убито около 4000 человек. Антиеврейские восстания захватили и другие города Испании.

К тому же кругу явлений относятся избиения евреев, которые происходили во время антипольских восстаний на

Украине. Например, еврейское население Немирова в 1648 г. было истреблено казаками Хмельницкого, причем, по словам еврейского хрониста, казаков впустило в город и им помогало местное население «из ненависти к евреям». Как пишет «Еврейская Энциклопедия»: «Еврей — арендатор сталкивался постоянно с крестьянином, взыскивая с него оброк, заставляя его нести барщину». Одним из требований Хмельницкого, за которое он воевал с польскими властями, заключалось в том, что еврей не имеет прав быть откупщиком.

В середине XVIII в. часть Украины, остававшуюся под властью Польши, охватили восстания, получившие название Гайдаматчины. Их жертвами тоже в большом числе становились евреи. Особенно знаменита резня в Умани в 1768 г. Еврейский историк Дубнов пишет о ней:

> *«Поляки и евреи дружно работали на городской стене, стреляя в осаждавших из пушек и ружей; но отстоять город не удалось. Когда гайдамаки ворвались в город, они прежде всего бросились на евреев… Масса евреев, числом до трех тысяч человек, заперлась в большой синагоге. Гайдамаки приставили к дверям пушку, двери были взорваны, разбойники проникли в синагогу и превратили ее в бойню. Покончив с евреями, гайдамаки принялись за поляков…»*

По данным Краткой еврейской энциклопедии, в Умани было убито около 20 000 человек, по большей части — евреев.

Другой формой преследований, с которой евреям приходилось сталкиваться, было их изгнание из определенных государств или отдельных городов. Вот очень неполный список таких изгнаний.

Еще в античности из Рима: при Тиберии, Клавдии.

В VI в. из Франкского королевства королем Дагобертом.

В 1119 г. из Сент-Эдмонда (Англия).

В 1182 г. из королевских владений во Франции.

В 1239 г. из Бретани.

В 1234 г. из Ньюкастля.
В 1236 г. из Саутгемптона.
В 1249 г. из Франции.
В 1290 г. из Англии при Эдуарде I (указ был отменен только Кромвелем в XVII в.).
В 1306 г. из Франции при Филиппе Красивом.
В 1348 г. из Берлина.
В 1426 г. из Кёльна.
В 1430 г. из Саксонии.
В 1450 г. из Баварии.
В 1475 г. из Бамберга.
В 1499 г. из Ульма и из Нюренберга.
В 1501 г. из Франции при Людовике XII.
В 1267 г. из Моравии.
В 1454 г. из Брно.
Из Франкфурта-на-Майне в 1241, 1349, 1618 гг.
В 1439—1440 гг. из Аугсбурга.
В 1438 г. из Страсбурга.
В 1458 г. из Эрфурта.
В 1519 г. из Регенсбурга.
В 1455 и 1670 гг. из Вены.
В конце XV в. из наследственных владений Габсбургов.
В начале XVI в. из Пруссии.
В 1492 г. из Испании и Сицилии.
В 1496 г. из Португалии.
В 1498 г. из Навары.
В 1510 г. из Неаполя.
В 1550 г. из Генуи.
Многократно из Венеции, например в 1550 г.
В 1629 г. Из Аахена.

Еврейская энциклопедия приводит такие цифры: из Англии в XIII в. было изгнано 16 000 евреев, из Франции в XIV в. — 100 000, из Испании в XV в. — 200 000.

Неверно было бы заключить из этих фактов, что евреи были предметом ненависти всего средневекового общества.

Как еврейские, так и христианские хронисты утверждают, что гонителями почти всегда был народ, «грубая чернь» и низшее духовенство — иногда еще и мелкие феодалы. Но папы, императоры, короли, епископы и крупные феодалы неизменно пытались защитить евреев от гонений. Изгнания часто происходили под влиянием народных волнений, с которыми власти не могли справиться.

Еще в V в. император Феодосии издал эдикт, запрещающий разрушение синагог, и пытался даже заставить отстроить разрушенную синагогу. Правда, безуспешно: духовенство высказалось за то, что строительство синагоги для христиан невозможно по религиозным соображениям.

Еврейский историк еврейства Рот пишет:

> *«Вплоть до современности самая грубая клевета против евреев встречала опровержение со стороны папства (или даже запрещалась). Под эгидой Пап община Рима оказалась единственной в Европе, просуществовавшей с классического периода до наших дней».*

Действительно, еще Григорий Великий (590—604) требовал, чтобы евреям были гарантированы их законные права. Эта точка зрения была принята католической Церковью. Начиная с Каллиста II (1119—1124) и до XVI в. тянется серия папских булл, грозящих христианам отлучением за насильственное обращение евреев в христианство, насилие, ограбление, помехи богослужению. Булла папы Григория X в 1272 г., например, подтверждает, что свидетельство христианина против еврея не имеет силы, если оно не подтверждено показанием еврейского свидетеля… Начиная с буллы Иннокентия IV в 1247 г. до буллы Климента XIII в 1763 г. папы запрещают возводить на евреев обвинения в ритуальных убийствах, грозя ослушникам отлучением. Возводящие ложные обвинения сами должны рассматриваться как убийцы.

Во время гонений, связанных с I Крестовым походом, епископы Кельна и Шпейера сумели спасти многих евреев.

Епископ Шпейера казнил нескольких христиан, участвовавших в убийствах. Против преследований евреев в связи со II Крестовым походом в Германии выступил Бернар Клервосский. Во время восстания «пастушков» евреи находили убежище в папских владениях в Авиньоне. Папа отлучил участников восстания от Церкви. В 1308 г. герцог Брабантский, защищая евреев, разогнал толпу «пастушков» и многих убил. Папа одобрил его действия.

Краткая еврейская энциклопедия пишет:

> *«В странах средневековой Европы (…) евреи находились б. ч. под прямым покровительством монарха и часто освобождались от юрисдикции местных властей».*

Во многих странах евреи обладали самоуправлением, собственным судом, имевшим право налагать любые наказания. Таково было положение, например, в мавританской Испании. В Португалии с XIV в. существовал единый глава общины для всего государства. Аналогично было положение евреев во Франции, Италии, Германии, Польше, Литве. В Англии, согласно указу короля Генриха I (XII в.), евреи должны были находиться во всем государстве под защитой и покровительством короля. Должны быть судимы своими единоверцами и присягать на Пятикнижии. Его сын, Генрих II, издал так называемую «Иудейскую Хартию» (Харта Иудеум). Согласно этим законам, например, в тяжбе между иудеем и христианином необходимы были показания двух свидетелей: одного иудея и одного христианина. Во Франции наследник Карла Великого Людовик Благочестивый, учредил для защиты евреев особую должность «Магистер юдеорум». Эдиктом короля было запрещено крестить рабов, принадлежавших евреям.

В XIII веке король Польши Болеслав издал регламент, регулирующий положение евреев. На очень близких принципах основывается хартия, данная Австрийским герцогом в 1244 г., законы в Богемии, Силезии и Литве. Согласно этим положениям христианин не мог обвинять еврея в суде, если не вы-

ставит еврейского свидетеля. Евреи находились не в юрисдикции местных судей, а подчинялись только королевскому или герцогскому суду. Между собой они судились в синагоге. Христианин, убивший еврея, наказывался смертью с конфискацией всего имущества. Если христианин подымет руку на еврея, то ему отрубят руку. Христианин, не поспешивший на помощь еврею, на которого напали, наказывался штрафом. Евреям гарантировалась беспошлинная торговля. Их ростовщические операции допускали до 173% роста. Запрещались любые нарушения религиозной деятельности евреев. За оскорбление еврейского богослужения налагался штраф, за осквернение кладбища — смертная казнь. Обвинение в убийстве евреем христианского ребенка допускалось лишь при наличии трех христианских и трех еврейских свидетелей. Если суд признавал еврея невиновным, то обвинитель подлежал тому же наказанию, которому подвергся бы виновный еврей. Король Сигизмунд II объявил в 1551 г., что всякий еврей, не считающийся с «приговором и запретом, наложенным на него раввином, судьей или прочими еврейскими старейшинами… будет обезглавлен».

В 1616 г., после того как толпа разгромила гетто во Франкфурте-на-Майне, властью императора вожак возмущения Феттмильх и еще шесть зачинщиков были казнены. Император добился наложения пени в 175 919 флоринов на христианское население города. Гетто было поставлено под непосредственную охрану императора, в знак чего на воротах был выставлен щит с гербом императора. И в других имперских городах изгнание евреев обычно вскоре отменялось императорским указом.

Периоды преследований вообще чередовались с периодами, когда евреи, защищенные властями, занимали высокое положение в обществе и оказывали большое влияние на его жизнь. Основа этого влияния всегда была одна и та же: наличие капитала. Как говорит Рот, в XI—XII вв. евреи были почти единственными владельцами капитала. Чаще всего источником еврейских капиталов называют ростовщичество.

Л. Н. Гумилев, ссылаясь на работу И. Шипера, указывает на другой источник — работорговлю. Это утверждение поддерживается и в более поздних исследованиях, например, в книге Х. Тревор-Ропера, где говорится, что долгое время евреи были основными поставщиками рабов из средневековой Европы в исламский мир. Две основные формы деятельности тогдашнего государства — война и строительство — почти целиком зависели от них. Так, I Крестовый поход в значительной степени стал возможным благодаря их поддержке. Аарон из Линкольна — крупнейший англо-еврейский финансист XII в. — финансировал строительство девяти цистерцианских монастырей и большого аббатства в Сент-Альбансе. Во времена Ричарда I современники сравнивали дворцы евреев в Лондоне по богатству с королевскими.

Имеются сообщения современников, что во Франции в XII в. при Филиппе-Августе евреи были столь богаты, что им принадлежало более половины Парижа. Периодом расцвета еврейских общин во Франции было царствование Людовика Благочестивого. Они были освобождены от пошлин, им было разрешено иметь рабов-христиан. Евреи монополизировали торговлю вином и мясом, из-за них рыночные дни перенесли с субботы на воскресенье. В Тулузе в XIII в. евреи в правовом отношении были приравнены к христианам. В XIV в. во Франции им было разрешено принимать любой залог под ссуду, кроме земельных участков. Судить их могли только королевские судьи. В суде их клятва принималась как доказательство. Карл VI запретил на десять лет принимать жалобы на злоупотребления еврейских ростовщиков. При его правлении во Франции евреям был разрешен арест должников, телесные наказания их и продажа всего имущества. Старый закон воспрещал христианину продаваться в рабство еврею в качестве заклада. Карл VI отменил его и только под влиянием сильного народного возмущения должен был восстановить.

С другой стороны, жалобы на всевластие еврейских ростовщиков переполняют средневековые хроники. Сообщается о колоссальных процентах, которые брали ростовщики (и это

еще официально) — 80, 100, 170 процентов годовых. Во время II Крестового похода Петр из Клюни писал: «…не простым земледельческим трудом, не честным и полезным занятием наполняют евреи свои амбары — плодами, погреба — винами, кошельки — монетой, сундуки — золотом и серебром… закон разрешает им не возвращать приобретенную или похищенную церковную утварь. Что христианину стоило бы жизни, служит еврею к обогащению». Во Франции жалуются, что недавно прибывшие в Париж евреи владеют половиной города. Крестьянин часто, говорится, должен отдать весь урожай как процент за заем. Немецкий хронист объясняет многочисленные привилегии евреев тем, что дворянство находится в долгу у них. Статья из Еврейской энциклопедии цитирует такой отрывок:

> *«Разве бедным христианам не приходится делать для проклятых евреев почти все, что они потребуют? И это по той лишь причине, что они так задолжали евреям с обременительными ростовщическими процентами и процентами на проценты, что часто ничего или очень немногое из своего имущества могут назвать своим».*

Возражая, его современник пишет:

> *«Как могли бы евреи причинить столько несчастий и вреда ростовщичеством и другими финансовыми операциями, если бы христиане не содействовали им, если бы вследствие лени, неумеренной роскоши и расточительности христиане не нуждались в них?»*

В «Хронике деяний Филиппа Августа» (XII в.) говорится, что многие попали в такую зависимость к евреям, что вынуждены были расстаться со всем своим имуществом, а некоторых они держат в качестве должников в тюрьме.

Часто в руках евреев оказывался сбор налогов. В Испании это стало общим правилом — причем как в ее мавританской,

так и в христианской части. Так, казначеем короля Альфонсо X (1221—1284) был дон Меир. В Кастилии дон Фернандо назначил в 1300 г. начальником сбора всех налогов дона Самуэля. Такой же пост в Севилье занимал Иуда Абарбанель. Альфонсо XI учредил в 1332 г. систему управления финансами, находившуюся целиком в руках евреев. В 1348 г. им была поручена и чеканка монеты. Его наследник Педро I Жестокий отдал пост казначея дону Самуэлю Ха-Леви: он собирал налоги, опираясь на сеть своих замков, разбросанных по всей стране.

Судьба евреев в Испании вообще может служить моделью их жизни в средневековой Европе. Еврейские колонии появились в Испании еще во времена Римской империи. В Вестготском королевстве жизнь евреев регламентировалась все более жестокими законами (VI в.). Фактически они имели целью уничтожение евреев как религиозной общины. Например, еврей, не принявший христианства со своей семьей в течение года, присуждался к 100 ударам плетьми и сдиранию кожи с головы. Неудивительно, что хроники сообщают о «заговорах иудеев». Во всяком случае, когда началось арабское завоевание Испании (VIII в.), то оно опиралось на поддержку еврейской части населения. Как говорится в статье Еврейской энциклопедии, «надвигавшимся арабам приходилось искать опору, и они ее находили в лице евреев». В захваченных городах арабы оставляли еврейские гарнизоны. Такой гарнизон стоял и в столице (Толедо). Основная часть евреев сконцентрировалась в завоеванной арабами части Испании. Сначала жизнь здесь была им благоприятна. Они часто занимали высокие должности при халифах: например, Хасдай ибн-Шапрут и Самуил Галеви. К этой эпохе относится жизнь известнейшего еврейского поэта Иегуды Галеви и толкователя Талмуда Маймонида. Но и здесь начались еврейские гонения, а в результате большое число евреев переселилось в христианские государства Испании. Здесь они сначала пользовались покровительством католических королей, во многих отношениях были приравнены к дворянам, имели судебную автономию до конца XIV в.

В еврейской литературе того времени говорится с гордостью, что самые влиятельные люди в государстве: Иосиф д'Эсия, Самуэль Абен-Хуакар, Самуэль-Бениас, Мозес Абудиа, Самуэль Леви — происходят из дома Давидова, что дом Давида занял в Испании место выше, чем когда-либо в изгнании. Про главу налогового ведомства Иосифа, сына Эфраима, писалось, что он первый среди евреев и второй в королевстве. Его свиту (как и свиту других влиятельных евреев) составляла кастильская знать. При Генрихе II и Иоанне I финансами управлял Иосиф Писоне, при Яго I — Иегуда де Каваллерия, при Педро II — Иосиф и Моссе Равайя и т. д.

В конце XIV в. эта атмосфера покровительства постепенно стала заменяться разного рода ограничениями. Начались и погромы. Началом была резня в Севилье 1391 г. Народ, возбужденный монахом, ворвался в еврейский квартал, предлагая на выбор: крещение или смерть. Подобные преследования прокатились по всей Испании, несмотря на защиту, оказанную евреям знатью. Тогда среди еврейства все шире стало распространяться крещение и одновременно появился слой принявших христианство, но тайно исповедующих иудаизм — марранов. «Обращенные» (конвертитос) быстро заняли высокое положение в обществе. Испанский историк Амадор де Лос Риос пишет, что благодаря бракам они быстро проникли в «высшую курию, как и в частные покои, королевские актовые залы и канцелярии, государственные органы, верхи управления финансовыми делами». Например, Шломо Ха-Леви, приняв при крещении имя Пабло де Санта Мария, стал великим канцлером, потом папа сделал его легатом для всего полуострова. Под конец жизни он стал епископом Бургоса. Его брат стал прокурором Бургоса, другой брат был душеприказчиком короля Генриха III, еще один брат — членом королевского совета, старший сын представлял королевство Арагонии на Констанцском соборе. Уже в XV в. множество дворянских семей, вплоть до высшей знати, имели в своих жилах еврейскую кровь.

Но и сохранившие свою религию евреи играли значительную роль. Так, в конце XV в. королевскими финансами

управляли Абарбанель и Абрахам Сениор — оба исповедовавшие иудаизм. Слияние высшей испанской знати и верхов еврейской общины зашло так далеко, что когда в 1492 г. евреи были изгнаны из Испании, во главе изгнанных находился племянник короля.

Высшая точка еврейского влияния приходится на царствование Педро I Жестокого (XIV в.), его двор называли «еврейским двором». Но постепенно еврейское влияние стало перемежаться периодами антиеврейских мер, а потом и кровавых гонений, как Севильская резня 1391 г. Все кончилось изгнанием евреев, исповедовавших иудаизм, из Испании в 1492 г. и созданием инквизиции (в 1480 г.), направленной в основном против марранов.

Другим типичным примером является Польша. Евреи стали там селиться в небольших количествах еще с X или XI в. О более позднем периоде еврейский историк Дубнов пишет:

> *«XVI столетие считается "золотым веком", или временем процветания евреев в Польше. После того, как Испания потеряла свое главенство в еврейском мире, Польша приобрела это главенство».*

Поселения евреев в Польше приобрели заметные размеры при Казимире Великом в XIV в. При нем евреи приобрели ряд привилегий. Местный судья мог разбирать дела евреев только в присутствии раввинов и старост общин. Евреи приобрели право владеть землею и брать в аренду имения дворян. Благоприятное положение евреев при Казимире Великом связывают с влиянием его любовницы Эстерки. Однако она была убита во время гонения на евреев, возникшего при его наследнике Людовике. Крепкая государственная власть, сложившаяся при Казимире, все более расшатывалась в течение следующих двух веков. К XVI в., о котором Дубнов говорит как о «золотом», Польша была уже дворянской республикой с выборным королем, имеющим лишь но-

минальную власть. Как говорит Дубнов, «польские короли покровительствовали евреям». Более подробно:

> *«Евреи составляли в Польше особое сословие, управлявшееся во внутренней жизни своими выборными представителями, светскими и духовными. Делами еврейских общин заведовали кагалы, то есть общинные советы».*

Существовало единое еврейское управление, «Совет четырех стран», в частности собиравшее все налоги с евреев.

К XVI в. в Польше относится развитие талмудической традиции Моисеем Пссерлисом и Соломоном Лурье.

Ослабление королевской власти и усиление власти шляхты привело к закрепощению крестьян, раньше бывших свободными.

Как говорит Шахак, «крепостное право было неотличимо от рабства в чистом виде… Но хуже всего положение было в восточных землях Польши (Белоруссия и Украина), населенных и возделываемых недавно закрепощенными крестьянами».

Шахак подробно говорит об экономическом положении евреев:

> *«Во всей Речи Посполитой дворяне использовали евреев, чтобы подорвать роль и влияние, и до того весьма относительное, королевских городов. (…) По большей части аристократы ставили в городах своих еврейских посредников, тем искусственно создавая конфликты.*
>
> *Но хуже всего положение было в восточных областях Польши (…). На этой громадной территории почти не было королевских городов. Города основывались землевладельцами и были населены почти исключительно евреями. Вне городов большинство евреев, конечно, и во всей Польше, но особенно на Востоке, использовалось как непосредственные властители и угнетатели закрепощенных крестьян: они были арендаторами (рас-*

порядителями имений, наделенными полнотой власти). Короче говоря, во всей Польше при власти помещиков (и феодальной Церкви, пополнявшейся исключительно дворянами) евреи были одновременно и непосредственными эксплуататорами крестьян и почти единственными горожанами.

…крестьяне подвергались особенно тяжелому угнетению под двойной властью землевладельцев и евреев; и можно предполагать, что последние полновесно пользовались религиозными еврейскими законами об отношении к язычникам. Как мы увидим в следующей главе, применение этих законов отменяется или смягчается, если можно думать, что оно вызовет опасную вражду к евреям».

К числу привилегий, которыми в это время пользовались евреи, можно отнести также то, что в случае крещения они приобретали дворянство, часто высокого ранга. Все кончилось, однако, кровавыми восстаниями времен Хмельницкого и Гайдаматчины.

В обоих случаях — Испании и Польши — периоды процветания и влияния заканчивались особенно жестокими гонениями.

Почему или хотя бы как это происходило? Можно надеяться приблизиться к ответу на этот вопрос, рассмотрев обвинения, которые выдвигались против евреев в Средние века. Для нас одни из них звучат рационально, другие — совершенно фантастично, но для современников все они, по-видимому, были одинаково весомыми.

Типичными для средневекового духа были высказывания Лютера о евреях. Встречая иногда цитаты из его произведения «О евреях и их обманах», я долго считал их искажениями в злобном антиеврейском духе (такой ненавистью они дышат), пока, наконец, не прочел всю работу в собрании сочинений Лютера. Там есть, например, «Семь верных советов» немецким князьям, где Лютер предлагает разрушить все синагоги и

залить развалины смолой, сжечь «еврейские книги», заставить евреев заниматься только физическим трудом и прибавляет, что советует он это лишь по своему христианскому милосердию, ибо можно было бы полностью изгнать их из Германии, «как в XV в. их изгнали из Испании, в XIV в. — из Франции и в XIII в. — из Англии».

Конкретнее, прежде всего, мы встречаем обвинения в ограблении населения при помощи ростовщичества под колоссальный процент. Надо иметь в виду, что в Средние века католическая Церковь запрещала христианам ростовщичество под угрозой отлучения от причастия для мирян и лишения сана для священников, так что евреи были единственными, кто мог законно давать деньги в долг под процент. И что еще важнее, эти деньги у них были. Примеры обвинений в громадных ростовщических процентах мы приводили выше.

Обвиняли евреев и в продаже христиан в рабство маврам. В VII в. хронист Луитпранд, епископ Агобард, синод в Шалоне на Марне 630 г. утверждают, что евреи оскопляют христианских детей и продают их сарацинам. Из новейших историков об этой стороне хозяйственной деятельности евреев говорит Тревор-Ропер.

Далее следуют обвинения в помощи врагам государства. Рот и сам говорит, что ввиду гонений, которым евреи подвергались в визиготском государстве в Испании, вряд ли надо удивляться, что они горячо симпатизировали арабскому вторжению, если только прямо не призвали арабов. Испанские хронисты утверждают последнее. Завоевывая Испанию, мавры оставляли в городах еврейские гарнизоны. Евреев обвиняли в том, что в 965 г. они впустили мавров в Толедо и участвовали вместе с ними в избиении христиан, или в том, что они предали Бордо северным пиратам.

Наряду с этими обвинениями, которые можно характеризовать как рациональные (оставляя в стороне вопрос об их справедливости), большую роль играли и совершенно фантастические: прежде всего, в заговоре с целью истребления христиан и для этого отравлении колодцев в годы «черной смер-

ти». Но чаще всего повторялись два обвинения: похищение христианских младенцев и их *ритуальное* убийство и похищение Святых Даров с целью их осквернения, которые тоже кажутся совершенно неправдоподобными, когда адресуются к целому народу. По этим обвинениям было проведено несколько судебных процессов, но еще гораздо больше произошло самосудов, народных возмущений, кончавшихся убийством множества евреев.

Одно из ранних обвинений в ритуальном убийстве (чаще всего утверждалось, что оно происходило на Страстную пятницу и было пародией на распятие Христа) касается убийства св. Вильяма из Норвича в Англии в 1144 г. Аналогичное обвинение возникает в 1171 г. в Блуа. Гуго из Линкольна в Англии, якобы распятый евреями в 1255 г., стал даже героем народных баллад. Другие примеры: обвинение в убийствах ребенка в Берне в 1249 г. и тогда же в Диссенгофене на Рейне, а также в других городах Швейцарии — Шафхаузене, Винтертуре. В Испании в 1450 г. Эммануил, сын врача Соломона, желая креститься, описал епископу в подробностях, как присутствовал при ритуальном убийстве. Льоренте в «Истории инквизиции» приводит четыре случая, когда суд инквизиции признал факт ритуального убийства. В Триесте в 1474 г. суд рассматривал дело о ритуальном убийстве ребенка. В Германии XV в. такие обвинения возникали неоднократно.

Обвинения в осквернении Святых Даров начинают встречаться с XIV в. Связанные с ними преследования евреев имели место, например, в Пассау в 1478 г., в Браденбурге в XV в., в Каринтии в 1421 г. и т. д.

Подавляющее число современных историков считает эти обвинения полностью выдуманными. В пользу такого суждения говорит, во всяком случае, то, что признания на процессах обычно давались под пытками столь чудовищными, что очень немногие люди были бы способны их выдержать. Но, например, современный историк Эузебио Колометц указывает на «некоторые темные кощунственные действия» как на одну из причин, приведших к тому, что в XV в. отношения между

евреями и христианами в Испании были на грани гражданской войны. В книге Саббатини «Торквемада и Инквизиция» приводится реферат опубликованных в 1877 г. работ испанского историка Фиделя Фита по документам инквизиции о ритуальном убийстве в 1491 г. в Испании. Автор считает, что доказательства, бывшие в руках инквизиции, были получены без помощи пыток: посредством «подсадных уток» и перекрестных допросов. Показания обвиняемых, допрошенных в разных городах, сходятся в деталях. Трудно объяснить, почему все эти истории следует относить исключительно на счет религиозного фанатизма католиков. Фанатизм был с обеих сторон, и он мог приводить к самым крайним эксцессам. Почему следует считать, что религиозный фанатизм может быть распространен только среди христиан? В других случаях это допускается. Например, слухи о ритуальных убийствах в секте хлыстов воспроизводились в художественной литературе (Мережковский) и не вызывали обвинения автора в фанатизме.

Но для наших целей совершенно несущественно, были ли подобные обвинения хоть в некоторых случаях оправданными. Нам важно себе представить при помощи них, каков был образ еврейства в глазах окружающего населения. И здесь, как и в античности, все эти пестрые обвинения можно свести к одному: еврейство воспринималось как чужеродное, враждебное и опасное тело внутри средневекового общества. Такое утверждение имеет под собой веские основания. Можно себе представить, что восприятие окружающей жизни средневековым еврейством в значительной степени характеризовалось теми же чертами: как чуждого и враждебного мира. Евреи жили в отдельных кварталах, так называемых гетто, юденгассе или иудериях. Распространено представление, что они были загнаны туда насильно. Мы уже приводили в предшествующей главе противоположное мнение Макса Вебера, того же взгляда придерживается большинство историков, в том числе еврейских. Например, в Испании в XIII в. король Фердинанд предоставил евреям в Севилье для жительства три прихода. Тогда это была привилегия, которой

добивались. Как правило, евреи концентрировались в гетто, чтобы контакты с окружающим миром не нарушали особого характера их жизни, не помешали выполнению сложной системы запретов и обрядов. Один из вождей еврейского национализма, президент Всемирной сионистской организации Нахум Гольдман говорит:

> *«Гетто исторически было еврейским изобретением…*
>
> *И до сих пор евреи имеют тенденцию селиться в своих кварталах, в окружении, которое облегчает жизнь в общине».*

Еврейские кварталы образовывались, например, благодаря тому, что евреи селились вокруг синагоги. Но позже встречаются и предписания властей селиться евреям лишь в уже возникших кварталах.

Вся жизнь евреев была подчинена сложной системе религиозных запретов и правил. Громадное число предметов и действий считались «трефными», т. е. нечистыми, греховными. Внешний мир таил рассеянные всюду опасности заражения «трефным», а жизнь в гетто помогала их избежать. Запреты были столь многочисленны и сложны, что часто приходилось обращаться к знатокам Талмуда, чтобы выбрать правильную, безопасную линию поведения. Вот один из примеров. От Средневековья сохранилась еврейская литература «Респонза», составленная из ответов особенно знаменитых раввинов на запросы верующих. Там большое место уделяется вопросам такого рода: работники-христиане перевозили для хозяина-еврея бочку с вином; когда ее грузили на воз, немного вина выплеснулось на руки перевозчика, и несколько капель стекло обратно в бочку. Стало ли вино «запретным»? Раввин указывает считать его запретным. Еврей не только не имел право пить «запретное» вино, но в некоторых случаях и иметь от него доход, т. е. продавать. В той же литературе подчеркивается запрет еврею вступать в деловое партнерство с неевреем. Позже, в XX веке, когда

еврейские авторы более открыто высказывали свое отношение к этому миру язычников, появился ряд свидетельств о том отталкивании и даже ненависти, которую он вызывал (позже мы некоторые из них приведем). Трудно себе представить, чтобы жизнь в Средние века побуждала к большей терпимости. Идеологический аспект жизни европейского еврейства в Средние века мы подробнее обсудим в следующей главе.

Как и неоднократно в истории еврейства, перед нами сложный процесс, в котором невозможно обнаружить «зачинщиков», разделить их на «правых» и «виноватых» или, как сейчас формулируют, описать при помощи схемы «виновник — жертва». Но его можно представить себе конкретнее.

Глава 4

Классический иудаизм

В Средние века внутри еврейства выработалась система взглядов, регламентирующая как отношения с нееврейским миром, так и поведение евреев в частной жизни и в еврейской общине. Она может помочь конкретнее представить себе взаимоотношения между еврейской и нееврейской частью средневекового общества. В этих принципах невозможно отделить высказывания религиозного характера и конкретные правила поведения. Большая их часть содержится в Талмуде и комментариях к нему. Шахак пишет, что если в вопросах веры имеется широкий простор для интерпретаций, то предписания, касающиеся конкретных действий, жестко зафиксированы в Талмуде. При этом классическая (и современная ортодоксальная) точка зрения заключается в том, что, если возникает расхождение с Торой, то приоритет имеет талмудический текст. Согласно еврейскому преданию, Моисей сообщил евреям на горе Синай кроме Торы — Закона, записанного

по велению Бога, еще некоторые разъяснения и дополнения, которые должны были передавать изустно. После разрушения Храма, когда исчез центр религиозной жизни еврейства, раввины приступили к записи этой устной традиции (со II по VI в. после Р.Х.). Эти записи и составили Талмуд. Ввиду его обширности и несистематичности несколько раз делались попытки создать более компактные своды. Таковыми являются: Кодекс Маймонида — XII век, Кодекс Якова Ашера — XIII век и Кодекс Иосифа Каро под названием «Шулхан Арух» — XVI век. По-видимому, мировоззрение ортодоксального еврейства в большей мере определяется Талмудом, чем Библией, хотя бы потому, что Талмуд предписывает понимать Библию только так, как он ее толкует. Для нового же времени такую роль играет «Шулхан Арух». Как говорит Гретц, «Каро (автор “Шулхан Аруха”) дал иудаизму тот образ, который он прочно сохранил до наших дней».

Многими авторами и много раз приводились выдержки из Талмуда и «Шулхан Аруха», фанатически враждебные по отношению к неевреям («гоям» или «акумам»). Вот несколько примеров. «Говорится, вы — овцы Мои, овцы паствы Моей, вы — человеки; вас называют человеками; акумы же таковыми не являются». «Деньги акумов суть как добро никому не принадлежащее, и каждый, кто пришел первым, завладевает им». «Сожительство с акумами — то же что сожительство со скотом». «Все народы, кроме евреев, произошли от нечистого духа и должны называться скотами». «Солнце освещает, дождь оплодотворяет землю только ради иудеев». «Иудею разрешается совершать беззаконие по отношению к гою, так как написано: ты не должен творить беззакония по отношению к ближнему твоему, и гой не подразумевается». «Запрещается иудеям освобождать акумов от какой-либо опасности, которой подвергается их жизнь, ибо спасти акума — значит увеличить число им подобных». «Откуда ненависть иудеев ко всем прочим народам? Она произошла с горы Синай» (игра слов: одно из значений слова Синай — ненависть; ненависть вместе с Законом дана на горе Синай).

Ряд авторов, настроенных апологетически по отношению к иудаизму, отрицали подлинность этих цитат. Самостоятельная проверка здесь для большинства из нас невозможна: надо было бы иметь доступ к экземпляру Талмуда или «Шулхан Аруха» и владеть языком, на котором они написаны. В крайнем случае, надо иметь в руках перевод, в добросовестности которого имеется уверенность. Шахак подтверждает многократно высказывавшиеся слухи, что Талмуд содержит также ряд чрезвычайно оскорбительных высказываний в адрес Христа, христиан и вообще иноверцев. В частности, предписание уничтожить по возможности все экземпляры Евангелия. В Средние века в связи с этим не раз провозглашались требования уничтожить все экземпляры Талмуда. Тогда, говорит Шахак, подобные места стали из талмудической литературы изыматься, начиная с изданий XVI в. и слова «язычник», «нееврей», «гой» стали заменяться чем-нибудь вроде «самаритянин», «египтянин» или даже «индус». Но одновременно распространялись списки подобных «изъятий». Теперь, как пишет Шахак, эти высказывания восстановлены в издающейся на древнееврейском литературе в Израиле. Но он приводит ряд примеров, когда английский перевод смягчает или полностью искажает такой текст.

С другой стороны, ряд авторов, симпатизирующих евреям, утверждают, что все цитаты подобного типа из талмудической литературы — подделки антисемитов. Наиболее известный из высказывавшихся в критическом духе — В. Соловьев. Он посвятил этому вопросу отдельную статью: «Талмуд и новейшая полемическая литература о нем в Австрии и Германии». Его аргументы естественно разобрать в первую очередь. Подробнее всего в статье Соловьева разбирается книга Юстуса «Зерцало еврейства». В ней приводится около ста цитат из Талмуда и «Шулхан Аруха», характеризующих, по мнению Юстуса, враждебное отношение составителей этих книг к неевреям. Книга была издана в Германии и там же против автора еврейской общиной был возбужден процесс по обвинению в клевете. В качестве эксперта был

привлечен гебраист д-р Эккер, и под влиянием его показаний автор был оправдан. Потом Эккер опубликовал книгу «Зерцало еврейства в свете истины», на эту книгу Соловьев и опирается. Дело в том, что Эккер упрекает Юстуса в некорректности цитирования: например, тот соединяет две разные цитаты в одну. Однако Эккер как раз приходит к выводу, что по существу Юстус правильно передает дух положений, имеющихся в Талмуде. Соловьев приводит критические замечания Эккера, но добавляет: «Все, что затем говорит критик, не мешает беспристрастному читателю составить правильное суждение по всем пунктам», — не информируя своего читателя, что же дальше говорит Эккер. Соловьев утверждает, что если устранить из книги Юстуса «все подложное, неверное и несообразное», то «останутся семь или восемь законов, которыми антисемиты могли с некоторой видимостью воспользоваться для своих целей».

Кроме того, Соловьев приводит большое число цитат из Талмуда, проникнутых гуманными и возвышенными чувствами. Но ведь критики Талмуда как раз и утверждают, что гуманные положения Талмуда в основном относятся к евреям и часто сопровождаются разъяснениями, что «ближний» или даже «человек», о котором говорится — это только еврей, остальные же из этого высказывания «исключаются», ибо они «не люди» и т. д. Уже в Ветхом Завете формулируется подобный «двойной стандарт» — мы привели несколько примеров в гл. 2.

Именно такие цитаты из Талмуда и приводятся его критиками, что ряд мест Библии надо толковать именно таким образом. Например, заповедь «Не обижай ближнего твоего и не грабительствуй. Плата наемнику не должна оставаться у тебя до утра» (Лев 19:13) не относится к гоям, ибо «гой не есть ближний». Утверждается, что именно таков смысл слов «делать добро» в большинстве талмудических текстов. Так, в литературе «Респонза» раннего Средневековья обсуждается обычай делать подарки беднякам, которые с этой целью обходили богатые дома в праздник Пурим. При этом иногда

подарки получали и слуги-неевреи. Раввин Калоним это запрещает, говоря, что беспорядочно распределять подарки — хуже, чем вообще их не давать.

Статья Соловьева заканчивается мыслью, вложенной в уста некоего мысленного иудея: «Одно из двух: или ваша религия действительно неосуществима, она есть лишь пустая и произвольная фантазия; или же она осуществима и, значит, вы лишь по своей дурной воле не осуществляете ее; в таком случае, прежде чем звать других к себе, раскайтесь и исправьтесь сами». (Мысль для Соловьева старая — он высказывал ее еще в статье «Еврейство и христианский вопрос».) Но трудно поверить, что жизнь можно уложить в такую краткую схему. Христианство приближается тем самым к учению Льва Толстого о «непротивлении злу силою». Однако сам Соловьев, в своем произведении «Три разговора», когда, полемизируя с этим учением Л. Толстого, описывает войну с турками, совсем такой схемой не пользуется («Одно из двух…»), а с явным сочувствием описывает, как русские солдаты картечью разогнали башибузуков, громивших армянскую деревню.

Самое же, пожалуй, поразительное, что Соловьев уклоняется от главного вопроса: обсуждения подлинности тех или иных цитат из Талмуда. О нем было известно, что он владеет древнееврейским языком (даже умирая прочел молитву на древнееврейском), и он вполне мог высказать по этому вопросу свое мнение. Но он этого не делает, ограничиваясь обсуждением не Талмуда, а книг Юстуса и Эккера.

Мне кажется, однако, что и для человека, не владеющего древнееврейским, возможно составить довольно надежное мнение о подлинности многих цитат из Талмуда. В качестве примера приведу один источник цитат из Талмуда — старинную книгу Эйзенменгера, изданную в 1700 году. (Автор сообщает, что в течение 40 лет издание книги было под запретом в Австрийской империи благодаря давлению влиятельных еврейских финансистов. В конце концов книгу удалось издать в Пруссии.) Весь спектр приведенных выше высказываний там имеется. Книга Эйзенменгера не есть перевод Тал-

муда — это сборник цитат типа: «Талмуд о христианстве», «Талмуд о других народах» и т. д. Однако каждое высказывание сопровождается точной ссылкой, приводится на одной странице по-древнееврейски и на противоположной переводится по-немецки. В юдофильской литературе перевод Эйзенменгера обычно третируется как «ненаучный».

Однако автор нигде не встречал каких-либо конкретных претензий к этой книге: утверждений, что приведенный в ней отрывок в Талмуде не содержится или что приведенный его перевод не верен.

Но имеется и вполне авторитетное подтверждение цитат Эйзенменгера. Это книга Я. Каца, почетного профессора еврейского университета в Иерусалиме, «От предрассудка к уничтожению. Антисемитизм, 1700—1933». Она как раз начинается с обсуждения книги Эйзенменгера. Автор признает точность цитат из Талмуда, приведенных в этой книге. При этом подбор цитат он называет тенденциозным. Последнее верно — по необходимости. Эйзенменгер был миссионером, стремился обратить евреев в христианство. Поэтому он выбрал именно цитаты, наиболее нетерпимые и фанатичные, которые должны были бы оттолкнуть читателя от иудаизма.

Другим подтверждением подлинности цитат Эйзенменгера можно считать то, что основные положения повторяются в книге Шахака, написанной с еврейско-патриотической позиции (причем автор получил религиозное образование и цитирует большое количество источников). Как считает Шахак, после крушения античного общества вплоть до 800 года после Р.Х. нет источников, характеризующих жизнь европейского еврейства. Источники очень редки даже в X веке и дают некоторую общую картину лишь с XII века. Тогда и сложился кодекс законов, называемый Галахой, которому следовало подавляющее число еврейских общин вплоть до XIX века. Шахак называет эту систему законов «Классическим Иудаизмом». Он отмечает три основные черты европейских еврейских общин в эпоху, когда это мировоззрение сложилось. 1. Полностью исчезло еврейское земледельческое население. Соответственно,

как он говорит, литература классического иудаизма исполнена, по отношению к земледелию и крестьянам, еще большей ненавистью и презрением, чем к язычникам. 2. Еврейские общины служили власти и входили в привилегированный слой населения. Он не отрицает распространенной среди евреев бедности и антиеврейских гонений. Но несмотря на это, «самый бедный еврейский ремесленник, разносчик, арендатор, приказчик жил несопоставимо лучше, чем крепостной. Особенно в европейских странах, где крепостное право сохранилось частично или полностью до XIX века: Пруссия, Австрия (включая Венгрию), Польша и польские территории, аннексированные Россией». 3. Тотальное противостояние окружающему населению (исключая королей). Он предлагает и гонения на евреев рассматривать наравне с другими движениями низов, вызванными эксплуатацией.

Все правила Талмуда, цитированные выше, мы можем найти и в книге Шахака. И сверх того, цитаты, например, из составителя первого талмудического свода Маймонида, согласно которым врач (иудей) не должен лечить язычника, даже за плату. Но есть и исключение (сам Маймонид был врачом султана Саладина): если отказ может вызвать враждебность язычников, но тогда можно лечить лишь за плату. Или утверждение, что если еврей имел половые сношения с женщиной, хотя бы это была девочка трех лет, то женщина должна быть убита как животное, ибо она была причиной того, что еврей совершил дурное дело; еврея же надо наказать кнутом. Утверждение, что все неевреи являются органами Сатаны. Предложения, касающиеся евреев, в которых оговаривается, что «язычники и собаки исключаются». В частности, описание обряда ежемесячного очистительного купания, после которого ортодоксальная еврейка должна прийти домой и совершить ритуальный половой акт с мужем. Но если по дороге ей встретится одно из дьявольских существ — собака, свинья, осел или язычник — она должна вернуться. Маймонид утверждает, что часть турок, северные кочевники и черные, а также «похожие на них» не являют-

ся человеческими существами, но ближе к животным. Указание, проходя мимо нееврейского кладбища, проклинать мать умерших. Особенно Шахак выделяет постоянную враждебность еврейских источников к христианству. Так, имя Христа пишется обычно с прибавлением: да исчезнет имя нечестивца. Шахак суммирует: «Правоверный иудей с первой молодости, из своих благочестивых занятий, узнавал, что язычники подобны собакам, что делать им добро — грех и т. д.» Все это поразительно совпадает с другими свидетельствами, например, крещеного еврея, ставшего священником, А. Алексеева (Шахновича) о его молодости: «Прежде, нежели еврейский юноша выйдет из училища и узнает христианина, он уже становится неисправимым врагом его». «Стоит христианину подойти к дому еврея, как дети закричат: агой! агой! — т. е. христианин, а жена еще добавит: агой ахезер, т. е. христианская свинья тебя спрашивает». «Мы не могли пройти мимо церкви христианской без отвращения и считали непременною обязанностью плевать на нее, произнося слова: да будет это место попрано, ибо оно нечисто».

Шахак характеризует средневековое еврейское общество как «одно из самых “замкнутых” и тоталитарных в человеческой истории». Оно было основано на абсолютном подчинении общины (кагала) его верхушке.

Таким образом, кажется убедительным, что положения, вроде приведенных выше, передают дух Талмуда, а вместе с тем и мировоззрение ортодоксального еврейства, как оно сложилось в Средние века. Этот дух страха, ненависти и высокомерного презрения к окружающим народам не мог не сказываться в поведении, во всей жизненной установке средневекового еврейства.

Шахак определяет эпоху господства классического иудаизма в еврейских общинах, начиная с IX века до Французской революции, для Восточной Европы — до XIX века, а например, для Саудовской Аравии — вплоть до момента написания его книги (XX в.).

Основываясь на наблюдении Шахака, что в Восточной Европе евреи еще в XIX веке жили согласно средневековому укладу, мы можем конкретнее представить себе систему ценностей и социальное устройство средневекового еврейства. Как раз по поводу образа жизни евреев в XVIII и XIX веках в «черте оседлости» России сохранились детальные свидетельства. Прежде всего я имею в виду книгу Якова Брафмана, которая во многих отношениях согласуется, но также и дополняет и конкретизирует точки зрения Шахака. Книга привлекает очень большой фактический материал. Автор (в отличие от Шахака) — христианин (по его словам, крестился в 34 года), но в книге чувствуется теплое отношение к еврейской традиции и судьбе евреев, например, при описании еврейских национальных праздников и обычаев: чтении Пятикнижия (Алии), праздновании нового года (Рош гашана), свадьбы и т. д. Подобно Шахаку, автор видит основу, разделяющую евреев и христиан, в особом характере кагальной организации: «тоталитарное общество» (по словам Шахака) или «власть еврея над евреем» (по словам Брафмана).

Мы приведем некоторые сведения о «внутреннем замкнутом быте евреев» из книги Брафмана. Напомним, что Шахак считает, что тип жизни средневекового еврейства определяется не предписаниями Талмуда, но сложился позже написания Талмуда — не раньше VIII века. Аналогичную точку зрения высказывает Брафман. В Талмуде можно найти разноречивые предписания, а в кагальной организации они приобретают четкий и однозначный характер. Например, по важному вопросу о том, насколько обязателен для евреев закон государства, в котором они живут, Талмуд содержит разные суждения: а) «царский закон обязателен для еврея»; б) «это постановление относится исключительно к вопросам, касающимся личных выгод Государя, но решения судебных мест никоим образом не могут быть обязательными для еврея» и, в заключение, в) «раввины — это государи». В то время, как постановления кагалов обрисовывают совершенно четкий взгляд на этот вопрос. Вот несколько примеров.

«Воспрещено (еврею) судиться в суде нееврейском и в нееврейских судебных учреждениях. Это запрещение не теряет своей силы даже при таких вопросах, по которым нееврейские законы сходны с еврейскими, и если бы даже обе стороны желали предложить свое дело суду нееврейскому. Нарушающий это запрещение есть злодей. Этот поступок признается равным хулению, поношению и наложению руки на весь закон Моисея.

(При выборах, на основании государственных законов, представителей еврейской общины в государственное судебное место, совершается их тайный выбор комиссией из 30 представителей кагала.)

По совершении такого, так сказать, предварительно-неофициального выбора всем избирателям вменяется в непременную обязанность баллотировать при законном выборе в пользу тех двух кандидатов, на стороне которых оказалось большинство голосов в предварительном выборе».

Пункты, составленные для предохранения талмудического суда от ослабления, которое вследствие наших грехов сделалось заметным. Они установлены на законном основании для того, чтобы, Боже упаси, не допускать врагов наших судьями (чтобы евреи не представляли дела свои на разбирательство в суд нееврейский в скобках, — видимо, комментарий Брафмана), чтобы в дугу согнуть дерзкого ослушника и заставить всякого еврея быть покорным талмудическому суду и закону.

Наконец, одно свое постановление кагал заключает словами:

«Сделать раскладку и учредить упомянутый сбор помимо согласия губернатора».

Постановления кагалов, приведенные в книге Брафмана, рисуют совершенно необычную форму отношения евреев к собственности окружающего населения. Этот общий принцип

называется Хезкат ишуб. Он заключается в том, что собственность окружающих христиан распределяется кагалом (продается) подчиненным ему евреям.

Приводится много актов продаж (или перепродаж). Получаемое таким образом право собственности называется хазака. Иногда такой собственностью может оказаться определенный человек — это право называется меропие. Примеры санкционирования кагалом права хазаки:

> *«…постановлено продать раввину Михелю, с.р. Исаака, право на владение плацем и строениями христианина немца-столяра Иоанна, которые он построил на новой улице напротив домов архитектора Крамера.*
>
> *По поводу тяжбы между представителями кагала и сыновьями покойного Ария относительно права на владение каменными лавками архиерея представителями кагала постановлено…*
>
> *Общим решением представителей кагала продано было Исааку, с.р. Зева Вольфа, право на владение каменными лавками, находящимися на малом базаре и принадлежащими ксендзам Бонифатского ордена».*

Иногда предоставление права хазаки на некоторую собственность сопровождается словами «от центра Земли до высоты небес». Как пишет Брафман:

> *«Нееврейские жители кагального района со всем своим имуществом являются здесь территорией, составляющей, так сказать, государственную или казенную собственность кагала, которую он по частям продает своим еврейским жителям».*

Брафман видит источник такого взгляда в талмудическом принципе: имущество неевреев все равно что пустыня свободная. Он цитирует «одного из крупнейших знатоков талмудического законодательства», раввина Иосифа Клуни, по-

лагающего, что эта территория подобна свободному озеру, в котором только тот еврей может ставить сети, который приобрел это право от кагала.

В реальности приобретатель права хазаки, скажем, на определенный дом, получает исключительное право стараться овладеть этим домом, причем «какими бы то ни было средствами». До того, как он добьется этого, он имеет исключительное право снимать дом у его хозяина (считающегося таковым в окружающем обществе) и производить любые связанные с этим домом хозяйственные операции. Слова же «от центра Земли до высоты неба» означают, что если этот хозяин надстроит над домом еще один этаж, то право хазаки будет распространяться и на надстройку. Точно так же право меропие означает монопольное право любых экономических сделок с определенным человеком (меропие буквально означает отстранение «настоящего» владельца от его имущества). Закон о меропие гласит:

> *«Если человек (еврей) имеет в своей эксплуатации нееврея, то в определенных местах запрещается другим евреям входить в сношения с этим субъектом и делать подрывы первому; но в других местах вольно каждому еврею иметь дело с этим субъектом: давать ему деньги в заем, подкуп и обирать его, ибо имущество нееврея все равно что гефкер (свободное), и, кто им раньше овладеет, тому оно принадлежит».*

Кагал жестко и детально регламентировал жизнь возглавляемой им общины. (То, что Шахак называет «тоталитарным обществом».) Это касалось и религиозных предписаний, например, соблюдения субботы. Причем Шахак сообщает, что иногда надзор брала на себя администрация соответствующего государства, например в Испании, Польше, Австрии. Так, раввин Моше Зофер из Пресбурга (теперь — Братислава, тогда — в Австрии) писал: «Если у себя в Пресбурге я узнаю, что еврейский торговец дерзнул в праздник открыть лавку, я по-

сылаю жандарма отвести его в тюрьму». В гл. III был приведен указ польского короля XV века.

Регламентировались кагалом и право хазаки и меропие. Но также и многие детали более обыденной жизни, например, кого можно пригласить на пир. Так, согласно Брафману, по случаю обрезания кагал разрешал пригласить

> *«по два соседа с обеих сторон и трое живущих на противоположной стороне улицы...»*

Или:

> *«Кто, женя сына или выдавая дочь замуж, устроит свадьбу вне нашего города, тому совершенно запрещается приглашать на пир кого бы то ни было, и всем жителям города воспрещается в подобных случаях посылать новобрачным дроше гешенке (свадебные подарки)».*

Более того, под каноническим херемом (проклятие — см. ниже; *И. Ш.*) воспрещается шамошим (синагогальным служителям) призывать на пир обрезания или свадебный по реестру, который предварительно не будет пересмотрен эход мешамошей гакгила (одним из городских нотариусов) и не удостоверен его подписью, что список составлен по вышеизложенным правилам.

И множество предписаний, касающихся того, кого чем можно угощать, о приглашении музыкантов и т. д.

Кагал разрешал или запрещал тому или иному еврею поселяться в определенном городе. Он мог даже, в качестве наказания, воспретить определенному еврею сожительство с его женой (для этого надо было не допустить жену к ритуальному ежемесячному омовению, без сего супружеские отношения становились незаконными).

Кагал устанавливал определенные налоги (например, так называемый коробочный сбор, связанный с продажей кошерного мяса). Другие доходы происходили от продажи права хазаки или меропие. Таким образом, в руках кагала сосре-

дотачивались крупные средства, которые шли на подкуп администрации и на помощь подчиненным кагалу евреям (о чем будет сказано ниже).

Выполнение всех предписаний кагала обеспечивалось талмудическим судом, который назывался бет-дин. В своде талмудических законов о нем говорится:

> *«Всякий бет-дин, даже не получивший подтверждения от властей земли Израиля, если он замечает, что народ предается распутству, имеет право приговаривать к смертной казни, подвергать денежным взысканиям и другим разным наказаниям».*

Бет-дин может провозгласить виноватому херем (проклятие), «исключить его из всего Израиля», то есть обратиться к другим кагалам с призывом ежедневно объявлять публично,

> *«что хлеб его есть хлеб нееврея, вино его — вино "несех" идолослужения, овощи (ему принадлежащие) осквернены, книги его считаются книгами волшебников».*

Далее следуют призывы:

> *«Отрежьте ему цицес (нитки, привязанные к камзолу на основании изречения Пятикнижия). Оторвите ему мезузу (свиток, прибиваемый к двери); вы не должны кушать или пить с ним; не должны совершать обрезания его сына, не обучать детей его закону, не хоронить умерших из его семейства, не принимать его в братства ни в благотворительные, ни в другие; чашу, которую он опорожнит, должны выполоскать и вообще обращаться с ним как с каждым (нахри) нееврем».*

Сама формула херема содержит призывы:

> *«Будь он проклят устами Бога великого, сильного и страшного. Да поспешит к нему несчастие Божие.*

Создатель, истреби и уничтожь его; Боже Создатель! Сокруши его; Боже Создатель! Покори его».

Конкретнее, перечисляется ряд мер, чтобы «согнуть в дугу» еврея, непокорного бет-дину, в частности:

«Отступник совершенно исключается из общества и братства.

Если кто-либо заключил с ослушником обручательный договор, то другая сторона освобождается от этого обязательства.

Если ослушник — ремесленник, то заказывать у него работу воспрещается под тяжким херемом».

Позволяется опубликовать в синагоге, что отступник кушал треф (т. е. пищу, запрещенную для еврея согласно Талмуду) или нарушил пост и т. п., подтверждать это ложными свидетелями и подвергать его за это наказанию.

И само собой разумеется, что в роковой час разразится над ним его несчастье.

Для реализации подобных мер избирается так называемый «тайный преследователь», о котором говорится:

«Тайный преследователь должен утвердить торжественнейшей присягой, что он никого на свете щадить не будет, а будет поддерживать суд талмудический всевозможными средствами и мерами по данной ему инструкции».

Кроме того, тайный преследователь утверждает торжественной присягой, что он никогда и никому на свете не откроет, что он был когда-то тайным преследователем. Как сообщает Краткая еврейская энциклопедия, сейчас сеть судов бет-дин покрывает Израиль.

Шахак пишет, что в Польше кагал мог приговорить преступника к смерти, причем особенно мучительной: запороть до смерти.

Он сам считает Николая I «антисемитом», издавшим ряд законов «против евреев». Но, пишет он, поддерживая «порядок» в своей империи, он препятствовал казням евреев по приказу раввинов — в то время как в Польше до 1795 года это считалось «допустимым». «Официальная» еврейская история осуждает этого царя по двум пунктам, например, в конце 1830-х годов один «святой раввин» (цадик) в местечке на Украине приговорил казнить еретика, сварив его в кипятке. Еврейский современник событий, излагая их, сообщает с недоумением и ужасом, что попытка «дать на лапу» чиновникам не достигла цели и не только исполнители, но и сам святой человек были сурово наказаны.

Все общество, как его описывает Брафман, крайне иерархично. Брафман делит его на два слоя, которые называет «патрициями» и «плебеями».

Все постановления и законы проникнуты крайним пренебрежением к «плебеям». Иерархически организованы и «патриции». Принадлежность к этому сословию и место в нем определяется, в основном, богатством. Об этом говорит, например, постановление:

> *«В члены асифа (общего собрания) избираются лица, участвующие в расходах города. Из среды этих членов избираются представители, старшины и прочие члены в кагальное управление».*

И мы встречаем ряд постановлений о предоставлении определенного привилегированного статуса некоторому лицу, называемому «богачом», или даже за точно указанную плату кагалу. Однако существует и другой путь изменения своего места в иерархии: изучение Торы и Талмуда. Во многих ситуациях «талмуд хахам», то есть «знаток талмуда», занимает привилегированное положение.

Администрация кагала создается на основании выборов, так что Брафман оправданно говорит о «талмудической муниципальной республике». Но избирательное право очень

узкое, иногда ограничено несколькими десятками человек — это видно из ряда документов. Фактически это была «патрицианская республика».

Из сводки документов Брафмана трудно установить, какова связь между разными кагалами. Во всяком случае, в некоторых документах содержатся решения о делах, касающихся целой губернии. Пожалуй, был один случай, в котором можно говорить об объединенном действии всех кагалов России. Речь идет о расследовании положения крестьян и евреев в Белоруссии, предпринятом Державиным при Павле I и Александре I (лишь незадолго до того Россия столкнулась с тем, что в числе ее подданных оказалось большое количество евреев). В связи со сделанными Державиным предложениями Гессен пишет о «чрезвычайном собрании депутатов кагалов в Минске в 1802 году». Сам же Державин пишет, что он получил сведения, согласно которым «все кагалы» собрали для противодействия его предложениям 1 млн. руб. и даже «хотят посягнуть на его жизнь», — что опять свидетельствует о некоторой организации. Но это сторона деятельности «талмудической республики», по-видимому, неизвестна.

В заключение нужно упомянуть о том, что, хотя кагал жестко и детально контролировал жизнь общины, он и заботился о нуждах ее членов. В документах, собранных Брафманом, говорится о ссудах, которые выдавал кагал отдельным лицам; о повивальных бабках, которых он содержал; о выдаче приданого бедным невестам; о «выкупе еврейских узников» (видимо, освобождении нелегальным путем евреев, арестованных властями); о сборе подаяния для бедных в Палестине. Это действительно было тоталитарное общество (как его характеризует Шахак), причем «патерналистского типа» — разумеется, если иметь в виду только отношения между членами общин.

Основываясь на замечании Шахака, можно предположить, что книга Брафмана рисует, в общих чертах, картину жизни средневекового еврейства в эпоху господства «классическо-

го иудаизма». Гессен обвиняет книгу в том, что она враждебна еврейству. У меня не создалось такого впечатления. Хотя Брафман и принял христианство, он явно с теплым чувством описывает многие черты еврейского быта. Но книга исполнена протестом против власти кагала (точнее верхушки, состоящей из «патрициев»), «власти еврея над евреем». В немецком переводе Вавилонского Талмуда, принадлежащем Гольдшмидту, содержится такой рассказ:

> *«Один из учеников спросил рабби Кахане: "Не слыхал ли ты, что значит "Гора Синай"? Тот ответил: "Гора, на которой совершилось чудо". "Тогда она должна была бы называться Гора Низай". "Скорее, гора, ставшая добрым знаком для Израиля". "Тогда она должна была бы называться Нора Симнай". Тогда он отослал ученика к другим раввинам. Те сказали: "Что значит Гора Синай? Гора, на которой снизошла ненависть к другим народам". Это сказал и рабби Иозе бен Ханина: "Она имеет пять имен: пустыня Цин, где были даны примеры; пустыня Кадеш, в которой Израиль был освящен; пустыня Кедемот, где ему были поведаны начала; пустыня Паран, где они расплодились; пустыня Синай, где снизошла ненависть к народам мира". "Как же он на самом деле называется?" "Хореб". В этом противоречит р. Абаху, ибо р. Абаху сказал, что настоящее имя — гора Синай, а Хореб она называется лишь потому, что через нее снизошло опустошение (Хорба) на народы мира".*

Цепь подобных поучений Талмуда и комментариев к нему, а также и дошедшие до нас сведения о реальной жизни еврейских общин (кагалов), намечают одну концепцию, характеризующую отношение к иноверцам и иноплеменникам. Например, утверждается, что в мире имеется 17 «народов», каждый из которых управляется особым «ангелом». Этот «ангел» является «богом» соответствующего народа,

но в то же время это «дьявол» или «ангел смерти». Над всеми ими властвует главный ангел смерти — Самаэль, являющийся в то же время «богом» сынов Эдома (христиан). Христос называется «Мертвым», одежда священника — «одежда смерти» и т. д. Иными словами, евреи — единственные живые среди мира мертвых, они живут в окружении мертвецов или нечистой силы («народы мира происходят от нечистого духа»). Картина похожа на «Вий» Гоголя, где Хома Брут тоже окружен нечистой силой, пытающейся его утащить, причем строгие предписания Закона и Талмуда образуют нечто вроде волшебного круга, которым Хома Брут пытался оградить себя от рвавшейся к нему нечисти. Такое жизнеощущение не могло не вызвать в какой-то мере симметричной реакции в окружающем населении.

А ведь так часто судьба ремесленника или крестьянина оказывалась в руках еврейского ростовщика. Саббатини, например, говорит, что в Португалии до настоящего времени (XX в.) слово «еврей» применялось как обозначение жестокости: если ребенок бил собаку, родители кричали: «Не будь евреем!». Те же переживания сохранились и в произведениях великих писателей: в образе Шейлока у Шекспира и «Мальтийского еврея» у Марлоу. Все это делает более понятной враждебность коренного населения по отношению к еврейским общинам, те гонения, которые описаны выше, какими бы фантастическими, с нашей точки зрения, причинами не объясняли их в то время. Возникало какое-то чувство несовместимости еврейства и христианского общества. Взаимное их отталкивание все более обособляло два эти мира. Но в то же время им невозможно было полностью замкнуться друг для друга, так как они были связаны нерасторжимой цепью финансовых и экономических отношений. По-видимому, этот процесс взаимного отталкивания, озлобления и изоляции усиливался в течение всех Средних веков и достиг максимума как раз к тому времени, когда неожиданно евреи начали играть все большую роль в жизни европейских народов.

Глава 5

Хазария

Еврейская диаспора как фактор, влияющий на другие цивилизации, возникла в античности. С тех пор она проявила себя в громадном диапазоне: в Византии, Западной Европе, исламском мире, Латинской Америке и т. д. (даже в Китае). Мы отобрали в нашем изложении те эпизоды, которые, хотя бы косвенно, оказали влияние на нашу страну. Здесь мы дадим сводку взглядов историков на один такой эпизод, который с нашей историей несомненно был связан. А вот насколько существенно — лишь затронул историю Древней Руси или был в свое время одним из ключевых ее моментов — об этом историки спорят. Речь идет о Хазарском каганате в эпоху от VII до X века от Р.Х. Л. Н. Гумилев называет сложившуюся тогда историческую ситуацию «зигзагом истории». Действительно, она не имеет аналогов в истории, как-то выбивается из общей картины. Но ведь она может и повториться, а тогда «зигзаг» превратится в «закономерность».

Об истории Хазарии писали много. Поскольку история эта разворачивалась в пределах нынешней России, то большая часть исторических сочинений в России и создана. Если говорить об общих обзорах, то это книги М. И. Артамонова, С. А. Плетневой, А. Н. Гумилева и работы многих других авторов. Большинство из писавших на эту тему отмечают капитальный характер труда М. И. Артамонова «История Хазар». Мы и начнем с изложения основных положений этой книги.

Хазары — народ тюркского происхождения. Хазарское государство возникло в VII веке в результате распада Восточно-Тюркского каганата. Но о хазарах источники упоминают начиная с VI века. Территорию Хазарии составляли

тогда степи от Урала до дельты Волги и далее до Кавказа, северное Причерноморье и часть Крыма. Претендовала она одно время и на Закавказье. В первую половину VIII века Хазария воевала с арабами. Арабы покорили было хазар и принудили их царя принять ислам. Но в результате смут внутри исламского мира (замена халифата Омайядов на Аббасидов) арабы не смогли удержать господства над Хазарией. Установилось равновесие: арабы не пытались больше завоевывать хазар, а хазары — Закавказье. Это вообще была эпоха стабилизации (конец экспансии) ислама. В VIII веке столицей Хазарии стал Итиль, расположенный в дельте Волги. Население страны состояло в большей части из кочевников, в нее входила вся Причерноморская степь до Днепра. Но заметное место занимали земледельцы: жители Тамани, низовьев Кубани и Дона, берегов Азовского моря, земель между Донцом и средним Доном.

Населенные пункты Хазарии, в особенности Итиль, были удобными перевалочными базами для караванной торговли между Дальним Востоком и Ирано-Арабским миром и дальше — Европой. Начиная с VI века в Хазарии происходила интенсивная еврейская иммиграция. Первым толчком послужило удивительное событие — охватившая Иран грандиозная революция радикального «коммунистического» характера. Это движение «маздакитов», последователей Маздака, проповедовало общность имущества и жен. Одно время поддерживал учение и царь Кавад I. Только при его наследнике Хосрое I оно было побеждено. Еврейская община Ирана (одна из влиятельнейших в мире) примкнула к маздакитам. В результате, после поражений движения, иранские иудеи подверглись преследованиям наряду с другими маздакитами. Экзарх (духовный глава) евреев в Иране Матр Зутра был казнен, а множество евреев бежало на Кавказ, в области, принадлежавшие тогда хазарам. К этой первой волне эмиграции присоединились потом и другие, вызванные преследованиями евреев в Византии, в царствование Ираклия в VII веке и Льва Исавра в VIII веке, а также, вероятно, и экономическими интересами.

На грани VIII и IX веков в Хазарии произошел переворот, в результате которого иудаизм стал «государственной религией». Но это не значит, что все население приняло эту религию. Наоборот, подавляющая часть местного населения сохранила прежние верования. Но власть перешла в руки правящего слоя, состоявшего из потомков иммигрировавших в Хазарию евреев и обращенной в иудаизм хазарской знати (а также, видимо, детей от смешанных браков). Сначала иудаизм принял бек, или царь, Обадия и его ближайшее окружение. Потом, как говорит арабский историк, «стали к нему стекаться иудеи из разных исламских стран и из Рима» (т. е. Византии).

Хазарский источник рассказывает:

> *«Он поправил царство и утвердил веру надлежащим образом и по правилу. Он выстроил дома собрания и дома учения и собрал мудрецов израильских, дал им серебро и золото, и они объяснили ему 24 книги Священного писания, Мишну, Талмуд и сборники праздничных молитв».*

Установилась система правления, иногда называемая «двоевластием».

Номинально во главе страны стоял каган из древнего тюркютского рода Ашина (волк), исповедовавший иудаизм. Но его власть была номинальной, его лишь показывали народу раз в году. Фактически страной правил царь (бек) еврейского происхождения. Его титул передавался от отца к сыну.

Эта система власти установилась после эпохи гражданских войн, продолжавшейся несколько десятилетий. Константин Багрянородный пишет об этой эпохе:

> *«Когда у них произошло отделение от их власти и возгорелась междоусобная война, первая часть одержала верх и одни из них (восставших) были перебиты, другие убежали и поселились с турками (венграми) в нынешней печенежской земле».*

В борьбе, по-видимому, погиб и сам Обадия, и оба его сына — Езекия и Манасия. Власть перешла к брату Обадии Ханукке.

Все более значительной частью бюджета Хазарии становились торговые пошлины. Этими капиталами оплачивалось наемное войско, на котором держалась власть. Войско состояло в основном из тюркских воинов, но возглавлялось иудейским военачальником. В случае поражения воины подлежали казни, военачальник — конфискации имущества. Именно это наемное войско и обеспечило победу в гражданской войне: «Иудейское правительство обзавелось наемной армией и стало независимым от народа». «Значительная часть хазарского населения была истреблена». Новая власть утвердилась к середине IX века.

В IX веке власть Хазарии распространялась на Восточно-Европейские степи и прилегающие северные области, занятые славянами. «Повесть временных лет» сообщает под 884 годом, что хазарам платили дань поляне, северяне, вятичи, родимичи. В первой половине X века хазарский вельможа Песах, согласно еврейскому источнику, разбил войско русов и начал войну против русского князя Хельги. Он принудил русов выступить против Византии. В том же документе говорится: «Тогда-то стали русы подчинены власти хазар». Артамонов считает, что «выступление против Византии» подразумевает поход Игоря на Константинополь, окончившийся неудачей. Однако он отрицает «подчинение Руси хазарам», считая, что речь идет о союзе, обеспечивавшем тылы русов на время похода.

В этом эпизоде история Хазарии скрещивается с историей нашей страны. Здесь более радикальную позицию занимает Л. Н. Гумилев (бывший учеником Артамонова). Он считает поход Песаха началом длительного подчинения Руси хазарам. Поскольку в X веке Хазария боролась с Византией за влияние в Восточной Европе, то походы Олега и Игоря на Константинополь он объясняет как результат более общего союза викингов и еврейских общин, имевшего общеевропейский характер.

С его точки зрения, походы викингов и в Западной Европе, и на Востоке финансировались еврейскими купцами. Им же викинги сбывали захваченных рабов. Гумилев пишет:

> *«Тогда изолированное княжество киевских варягов стало вассалом общины хазарских иудеев, которая использовала русов и славян в войнах с христианами и мусульманами-шиитами.*
>
> *Уже в начале X века русский флот оперировал в Каспийском море против врагов хазарского царя. Очевидно, киевские князья стали поставлять хазарскому царю «дань кровью».*

Например, он приводит такой аргумент: хазары в качестве монеты использовали арабские диргемы. После 900 года диргемы появляются в кладах Русской земли. Причем это не военная добыча, так как ни о каких победах летописи не говорят.

Это плата за кровь славяно-русских богатырей, пролитую ради чужих интересов.

Переворот в отношении Руси с Хазарией произошел после убийства славянами Игоря, когда к власти пришли славяне или ославянившиеся скандинавы из окружения псковитянки Ольги. Это произошло в 944 году. Такая концепция предполагает очень важную эпоху хазарского господства над Русью, предшествовавшую перевороту. Только после убийства Игоря вновь усилилось распространение христианства на Руси (это было равнозначно усилению влияния Византии). Хазарский царь Иосиф не мог ничего предпринять в ответ на этот переворот, так как ряд кризисных явлений — от Китая до Франции — нанесли тяжелый удар хазарской торговле и подорвали основу власти. В 957 году Ольга приняла крещение в Константинополе, что означало открытый переход Руси на сторону Византии против хазар. В 964 году Святослав начал военные действия против хазар. Возможно, союз с Византией помог нейтрализовать на это время посто-

янных врагов — печенегов. В то время, как хазарское войско ожидало его в степях, Святослав двинулся к Оке, русы срубили ладьи, спустились по Волге и в 965 г. взяли штурмом столицу Хазарии Итиль.

Политическое господство хазар было сломлено, но Хазария, видимо, еще долго оставалась опасным соперником Руси. Уже сын Святослава, Владимир, предпринял поход на хазар и обложил их данью, по мнению Артамонова, в 985 году. Еще в следующем поколении сын Владимира Ярослав Мудрый в первой половине XI века воевал со своим братом Мстиславом, опиравшимся на войско, состоявшее из хазар и касогов. Но, как рассказывает Гумилев, экономически влиятельная еврейская община в Киеве сохранилась еще на полтора века. Ее влияние стало расти, когда в нее влилось множество евреев западного происхождения, переселившихся из Германии через Польшу. В руках этой общины находилась интенсивная торговля рабами. Рабы добывались в набегах половцев и продавались в Египетский халифат через Крым, где была другая сильная еврейская община в Херсонесе (Корсуни). Именно тогда был убит канонизированный Православной Церковью мученик св. Евстрат. Как пишет Гумилев, в Киеве «торговля и ремесла постепенно переходили в руки евреев, так как каждому из них помогала община, тогда как русские купцы и ремесленники действовали каждый на свой страх и риск».

Но после смерти в 1113 году князя Святополка II в Киеве вспыхнули беспорядки. Народ сначала разграбил дома ближайшего окружения покойного князя, а потом — еврейскую колонию. Такую картину рисует Татищев. Ипатьевская летопись говорит, что были разграблены дома евреев. Бояре просили Владимира Мономаха принять княжеский престол. Мономах выслал всех евреев из Русской земли. В случае возвращения закон отказывался обеспечить их жизнь и имущество.

Эту картину длительного подчинения Руси иудейской Хазарии и еврейскому экономическому влиянию поддержал В. В. Кожинов, опираясь на совсем другие аргументы, связанные с историей русского эпоса и литературы Древней Руси.

Анализируя как содержание, так и ареал распространения былин, он приходит к выводу, что они отражают не противостояние монгольскому игу (отнесенное к эпохе св. Владимира), не борьбу со степью (половцами или печенегами), но борьбу с господством хазар. Наиболее ярким аргументом оказывается здесь былина «Илья Муромец и Жидовин». Другим краеугольным камнем его аргументации является апелляция к «Слову о Законе и Благодати» Илариона Киевского. Это, вероятно, древнейшее (поразительно сильное) произведение русской литературы действительно представляет собой некоторую загадку. Пафос, пронизывающий его, — это противопоставление Ветхого и Нового Завета, иудаизма и христианства, Благодати Нового Завета, отменяющей Закон Ветхого Завета. Действительно непонятно, почему бы именно эта проблема оказалась столь жгуче актуальной в Киеве XI века. Обычно (хотя на эту тему писали вообще мало) давалось то объяснение, что противопоставление Ветхого и Нового Завета в «Слове» есть лишь аллегория, выражающая противопоставление давно христианского Константинополя и недавно крестившейся Руси, что это есть борьба Руси за духовную независимость от греческой Церкви. Но совершенно непонятно, зачем Илариону надо было прибегать к этому эзопову языку, почему он не мог выразить свою мысль более прямыми словами (обычно предполагается, что он опирался на поддержку князя Ярослава Мудрого). Кожинов предлагает более простое решение: здесь нет никакого эзопова языка, речь идет совершенно буквально о противостоянии Руси, принявшей религию Нового Завета, некоей силе, опирающейся на Ветхий Завет. Эта сила — хазары, еще не так давно имевшие свой гарнизон в Киеве, и современная, экономически мощная, иудейская община Киева. Это он подтверждает такой, например, цитатой:

> *«И доколе стоит мир, не наводи на нас напасти искушения, не предай нас в руки чуждых, да не прозовется град твой плененным».*

Кожинов обращает внимание и на то, что «Слово» Илариона истолковывал как отражение противостояния Руси и Хазарии один из крупнейших русских историков М. Н. Тихомиров. В работе «Философия в Древней Руси» он решительно возражает против интерпретации «Слова» как завуалированной полемики с Константинопольской патриархией, приводя ряд мест, где подчеркивается дочерняя роль русской Церкви, ее преемственность из Византии. Далее, приведя цитату из «Слова» «И Закона озеро пересохло, евангельский же источник наводнился, и всю землю покрыв, до нас разлился», Тихомиров пишет:

> *«В этих словах Илариона заключается противопоставление Хазарского царства Киевской Руси. Иссохшее озеро — это Хазарское царство, наводнившийся источник — Русская земля».*

А комментируя цитату: «Отошел свет луны, когда воссияло солнце… И ночной холод исчез, когда солнечная теплота согрела землю», Тихомиров говорит:

> *«Для современника были понятны намеки Илариона, что он считает ночным холодом и солнечной теплотой… Это намек на то, что Ярослав, опиравшийся на христианскую Русь, победил Мстислава, действовавшего с помощью печенегов и хазар, среди которых была распространена иудейская вера».*

При скудости источников, сохранившихся от той эпохи, около 1000 лет назад, толкование их по необходимости произвольно. Оно носит характер «версий» и фактов, их подтверждающих. Я изложил одну такую «версию» — условно говоря, версию «хазарского ига». Разумеется, она не общепринята. Например, в статье В. В. Кожинова, на которую мы ссылались, цитируются и авторы, возражавшие против этой концепции.

Так или иначе, но история Хазарии оказалась связанной с судьбой нашей страны, хотя бы ввиду параллелей между Советским Союзом в первые послереволюционные десятилетия и древней Хазарией. Власть иудейской верхушки над аборигенами, как она сложилась в Хазарии, — ведь это как раз то обвинение, которое бросали коммунистическому режиму его враги. (И, к сожалению, такие параллели иногда развивались на очень примитивном и тенденциозном уровне.) Во всяком случае, хазарская тема в Советском Союзе долго была «неудобной», если не прямо опасной. Например, Л. Н. Гумилев рассказывал мне, что книга М. И. Артамонова, на которую мы не раз ссылались, более десяти лет не могла быть опубликована (краткое ее изложение удалось опубликовать на 25 лет раньше полного текста). В этой книге Хазария впервые была показана как одна из «сверхдержав» Восточной Европы IX—X веков. Из-за связи с хазарской «проблемой» или непосредственно из-за антииудаистской его направленности «неудобным» почти все время коммунистического режима было и «Слово» Илариона. Например, многотомное издание «Памятники литературы Древней Руси» начинается вступительной статьей акад. Лихачева «Величие древней литературы». В этой статье «Слово» Илариона упоминается как одно из самых значительных и «одно из первых произведений русской литературы». Но в самом издании «Слово» опубликовано не было. Да и вообще, видимо, не переиздавалось от 1917 года до середины 80-х годов. Помню, что сам я познакомился с этим произведением по изданию с зашифрованным названием «Философское наследие Илариона Киевского» (по которому нельзя догадаться, что речь идет о публикации источника). Позже известный философ А. Гулыга признавался, что вообще узнал о существовании «Слова» от одного немецкого слависта и впервые познакомился с произведением по его немецкому переводу! Помню, как в 80-е годы за статью, посвященную лишь философски-литературоведческому разбору «Слова», радиостанция «Свобода» обвинила В. В. Кожинова в «антисемитизме». Так переплетаются в нашей истории разные века и разные тысячелетия.

Глава 6

Роль в развитии капитализма

Генезис современного капитализма (и, в частности, роль в нем евреев) был предметом детального исследования Вернера Зомбарта. Капитализм предполагает капитал, а капитал, утверждает Зомбарт, в позднее Средневековье и в начале Нового времени, был в значительной степени в руках евреев. Он приводит свидетельства множества авторитетов.

Кромвель, Кольбер, бургомистр Антверпена, городской старшина Бордо, сенат Венеции — все сходятся на том, что у евреев большие богатства, привлечение евреев способствует росту экономики в эпоху складывающегося капитализма, их изгнание — упадку. Изгнание евреев с Пиренейского полуострова характеризовалось современниками как «исход капиталов». Современники часто говорят, что «евреи ввозят деньги в страну», — а это было первой предпосылкой развития капитализма.

И действительно, как считает Зомбарт, богатства евреев были исключительно велики, гораздо больше, чем обычно полагают. Мы приводили в одном из предшествующих параграфов ряд свидетельств, касавшихся эпохи Средних веков. Но то же верно и для более позднего времени. В XVII—XVIII веках голландские евреи, в основном выходцы с Пиренейского полуострова, были знамениты своим богатством. Барон Бельмонте, хеер де Пинто, хеер д'Акоста принадлежали к числу богатейших купцов и финансистов Голландии. Они владели блистательнейшими дворцами Гааги и Амстердама, особенно поражавшими воображение при сравнении с домами бережливых голландцев. Во Франции говорили «богат, как еврей». Особенно богатый материал Зомбарт приводит по Германии. На-

пример, во Франкфурте-на-Майне среди богатых людей, обладавших доходом более 15 000 флоринов, евреи составляли в 1593 году 7,5%, в 1607 — 17,5%, в 1618 году — 20%.

Но гораздо оригинальнее мысли Зомбарта по поводу того, какой характер участие евреев придало развитию западноевропейского капитализма. Он считает, что евреи создавали предпосылки для развития капитализма современного типа путем разрушения патриархальных принципов «традиционного» общества. По мере увеличения их роли в хозяйственной жизни на них со всех сторон раздается все больше и больше жалоб. Их обвиняют в том, что они «лишают пропитания жителей страны». Жалобы поразительно стереотипны и многочисленны: из Англии, Франции, Германии, Швеции, Польши… Обычно евреев обвиняют в «обмане». Но, главным образом, подразумеваются не формальные правонарушения, а разрушение обычаев, норм морали в области торговли — традиций, сложившихся в христианском обществе.

Здесь необходимо изложить сводку общих взглядов Зомбарта на развитие капитализма. Собственно, «капитализм» — весьма расплывчатое понятие. Ряд выдающихся историков — Эдуард Мейер, Макс Вебер, М. И. Ростовцев — уверяют, что основные элементы, составляющие капитализм: капитал, наемные рабочие, рынок, производство на продажу и т. д. — существовали в самых разных обществах: Вавилоне, античной Греции, Риме и т. д. Они, в принципе, могли создавать самые разные комбинации, и только в Западной Европе и США они сложились в некоторое совершенно особенное, ни на что другое, бывшее в истории, не похожее общество. Вот его-то происхождением и анализом и занимался Зомбарт. Он делит развитие капитализма на две фазы, которые называет «ранним капитализмом» и «высокоразвитым капитализмом». Последний его и интересует, и в его развитии в очень специфическом направлении, как он считает, решающую роль играли евреи. Он стал доминировать с XIX в., но за несколько столетий до этого вырабатываются определенные его черты.

Сущность «высокоразвитого капитализма» Зомбарт видит в том, что человек теряет свою роль как цель хозяйственного процесса, как «мера всех вещей». Создаются новые «индивидуальности» — тресты, предприятия, и их отношения, их интересы, а не отношения и интересы реальных людей, доминируют в экономической жизни. Например, при раннем капитализме предприниматель ставил себе вполне определенные жизненные цели: разбогатеть, обзавестись поместьем, домом и т. д., а достигнув этих целей, выходил из хозяйственной и экономической деятельности, причем именно такое поведение воспринималось всеми как «нормальное», «разумное». При развитом же капитализме единственной целью является рентабельность и доход предприятия, а эти цели не имеют предела, процесс становится бесконечным. Зомбарт приводит яркие высказывания крупнейших предпринимателей (Карнеги, Ратенау и др.), рассказывающих, как сама логика производства заставляла их беспрерывно расширять свои операции, хотя это не входило в их планы и не определялось их личными интересами.

Все увеличивающаяся скорость изменений хозяйственной жизни достигает в развитом капитализме такого предела, что традиция, нарушенная каждым конкретным изменением, не успевает восстанавливаться. В результате капиталистическому предприятию чуждо все органическое, естественно выросшее, основанное на опыте человечества. Оно чисто рационалистически конструируется, является искусственным механизмом. Конкретно это осуществляется благодаря процессу, который Зомбарт называет «подчинением хозяйственной жизни торговым операциям». Вексель, ценные бумаги, биржа придают развитому капитализму анонимный, безличный характер. Если раньше, например, долг имел характер отношения двух конкретных людей, кроме денежной стороны включал в себя и чувство благодарности, то в форме векселя он отрывается от человеческих отношений, полностью теряет личный характер. А биржа, «рынок ценных бумаг», подчиняет этому новому духу всю хозяйственную жизнь в национальном и мировом масштабе.

Возникшее в Средние века и сохранившееся в раннем капитализме мировоззрение исходило, беря за модель земледелие, из представления об «участке», с которого человек имеет право «кормиться». Это могла быть и определенная сфера деятельности, которую охраняли, например, гильдии и цеха. В связи с этим считались морально недопустимыми все приемы, имевшие целью получить прибыль за счет другого — посягательство на его «участок». Например, реклама или конкуренция с понижением цен, тем более продажа ниже себестоимости для захвата рынков. Часто отвергалось применение машин, так как они могли многих лишить работы. Все виды подобного поведения считались «нехристианскими» (unchristlich). Основой было представление о «справедливой цене», которая давала бы возможность производителю поддерживать традиционно сложившийся уровень жизни. Стремиться к большему, повышая цены или увеличивая размеры деятельности, считалось, как правило, неморальным и бессмысленным. В связи с этим рабочее время было ограничено, было много праздников (до $^{1}/_{3}$ года), люди не торопились. Традиционными чертами делового человека считалась медлительность, степенность; говорили, что торопятся и суетятся бездельники.

Высокоразвитый капитализм разрушает эти «патриархальные» черты. Более того, антитеза почти каждой из них относится к числу его самых характерных признаков, обеспечивающих его сказочную производительность: неограниченная конкуренция, свобода торговли, реклама, принцип «время — деньги»… За эту производительность приходится, однако, расплачиваться тем, что человек подчиняется интересам и логике развития «организаций», теряет чувство своей значительности, осмысленности своей жизни. «Капитализм — это деконкретизация мира, сведение его к абстрактному принципу денег; разрушение конкретности, многообразия», — формулирует Зомбарт. Капитализм добивается продуктивности, о которой люди предшествующих веков не могли и мечтать, заменяя живой человеческий труд и самого человека машиной,

но зато человеческое общество он приспосабливает к машине, делает его стандартизованным и механизированным.

Именно эти новые черты, как утверждает Зомбарт, евреи и привносили в хозяйственную жизнь. Он подробно анализирует те жалобы, которые раздаются в адрес евреев.

Все единообразно жалуются: они нарушают разграничение областей торговли по гильдиям. Далее следуют жалобы на искусственное понижение цен (торговля в убыток с целью захвата рынка, демпинг). Жалуются, наконец, на то, что евреи заманивают клиентов, ловят их за руку на улице, украшают витрины своих лавок — все это тогда считалось непорядочным и в то же время создавало основы свободной конкуренции, рекламы, «контакта с потребителем» — основоположные черты современного капиталистического хозяйства. Зомбарт приводит множество примеров рекламных объявлений еврейских торговцев, что было в то время новшеством и вызовом моральным нормам. Еще в начале XIX века считалось «еврейским принципом», что быстрый оборот с меньшим доходом выгоднее более медленного, хотя бы и с большим доходом. Было распространено мнение, что христиане не могут этот принцип применять. В то же время он и составляет экономическую основу все растущего темпа жизни, характерного для нашей эпохи.

Зомбарт полагает, что евреи заложили также основу для подчинения хозяйственной жизни торговым операциям, что он считает одной из основных черт развитого капитализма. Евреи создали вексель и биржу. Внедрение векселя в хозяйственную жизнь Зомбарт связывает с необходимостью тайны, анонимности в финансовых операциях евреев, часто подвергавшихся преследованиям. И действительно, при изгнании евреев из Испании и Португалии им было запрещено брать с собой золото и деньги, но вскоре выходцы с Пиренейского полуострова оказались среди первых богачей Европы. Первый известный в истории вексель был выдан, как говорит Зомбарт, в 1207 году Симоном Рубеном. Но гораздо важнее, что во многих городах (например, в Венеции в XVI в.) вексельное дело находилось целиком в руках евреев.

Зомбарт приводит массу свидетельств о ведущей роли евреев на биржах Голландии, Лондона, Германии (например, в начале XIX века в Берлине из четырех председателей биржи два были евреи, а из 23 старшин — 10, не считая крещеных). Даже первое и самое яркое описание биржи принадлежит Исааку Пинто — еврейскому финансисту из Франции (XVIII в.).

Наконец, благодаря своим интернациональным связям евреи способствовали денационализации хозяйственной жизни: интересы не только конкретных людей, но и государств стали подчиняться интересам международных трестов и банковских домов. Типичным примером такого интернационального банковского дома являлся банк, созданный Амшелем Ротшильдом. В XIX веке его сыновья возглавили банки в крупнейших городах Европы: Натан — в Лондоне, Джеймс — в Париже, Соломон — в Вене, Карл — в Неаполе, Ансельм — во Франкфурте.

Конечно, рассеяние евреев содействовало интернационализации хозяйственной деятельности. Их изоляция внутри страны, в которой они обитали, делала для них чуждыми и непонятными моральные нормы «традиционного» общества и облегчала их разрушение. Оторванность от «конкретности» национальной жизни этой страны толкала их на развитие хозяйства в направлении, не опирающемся на традиции, на придание капиталистическому предприятию характера «искусственного механизма». Но все эти причины Зомбарт считает неосновными. Основную же причину того, что евреи способствовали выработке всех этих черт, характерных для хозяйства развитого капитализма, он видит в их религии.

Сама изолированность евреев, по мнению Зомбарта, конечно, была связана с отношением к ним окружающих их народов, но она была не следствием этого отношения, а причиной. Он приводит примеры ряда эпох, когда положение евреев было очень благоприятным (подобные примеры приводились нами в предшествующих главах). Но это нисколько не уменьшало изолированность еврейских общин. Напри-

мер, в арабской Испании христиане очень сильно поддавались влиянию ислама и исламской культуры, а евреи были особенно сплоченно-националистичны. Настроения этой среды отразил вышедший из нее Иуда Галеви — один из самых националистических еврейских поэтов.

Особую роль в развитии капитализма Зомбарт видит в ростовщичестве. Он говорит: «Из ростовщичества возник основной дух капитализма». Действительно, в нем устраняется всякий конкретный элемент, вся качественная, хозяйственная деятельность принимает чисто коммерческий характер. Это не физическая и не духовная, осмысленная сама по себе деятельность, ее смысл перенесен на ее конечный результат — деньги. Грандиозной реализацией духа ростовщичества является биржа — сердце капиталистической экономики. Уже она становится причиной, а реальная экономика — следствием. Высокая активность биржи влечет увеличение производства, падение цен на акции, упадок, безработицу. В наши дни эта ситуация приобретает всеобъемлющий характер, современную мировую экономику часто называют «экономикой казино», в спекуляции вложено во много раз больше средств, чем в реальную экономику.

Этот взгляд на роль ростовщичества можно подтвердить совершенно особым отношением к нему католической Церкви. Она боролась с ним яростно, как бы предвидя в нем разрушителя того общества, основой которого была. Мало того, что существовал особый суд, ведавший ростовщичеством, причем уличенный священник лишался сана, а мирянин не допускался к причастию. Но целый ряд правил должен был бороться со скрытыми формами роста. Например, долг должен был отдаваться ровно через год, день в день, чтобы взятый продукт не отдавался в то время, когда он ценился больше; или должнику запрещалось оказывать заимодавцу какие-либо услуги (скрытая форма процента) и т. д.

А ведь в период, когда складывался капитализм на Западе, образы еврея и ростовщика отождествлялись (хотя бы у Шекспира, это отразил и Пушкин).

Занятие евреев ростовщичеством, сыгравшее столь важную роль в характере того влияния, которое они оказали на развитие капитализма, Зомбарт также не считает возможным отнести в основном за счет внешних причин. (Обычное объяснение заключается в том, что в Средние века Церковь запрещала христианам давать деньги под процент, для евреев же многие другие сферы деятельности были закрыты.)

Все эти причины более внешнего характера Зомбарт считает неопределяющими, вторичными, основу же особого отношения евреев к хозяйственной жизни видит в их религии, как она зафиксирована в Библии и Талмуде.

Еще в Библии ростовщичеству уделяется особое место. Одно из обетовании Иеговы избранному народу гласит:

> *«...ибо Господь, Бог твой, благословит тебя, как Он говорил тебе, и ты будешь давать взаймы многим народам, а сам не будешь брать взаймы; и господствовать будешь над многими народами, а они над тобою господствовать не будут». (Втор 15:6)*

Повсюду в древности ссуда предполагалась бескорыстной. Но уже Пятикнижие относит это требование лишь к своим: с чужих процент брать разрешается. Однако в конце Средневековья, по мнению Зомбарта, разрешение процента с ссуды иноверцу переходит в его обязательность (так называемая 798-я заповедь в Шулхан Арухе). Как говорит Шахак, беспроцентный заем в Галахе приравнивается к подарку; он рекомендуется по отношению к единоверцу и осуждается по отношению к иноверцу. Он говорит:

> *«Многочисленные раввинистические авторитеты (но не все) — и среди них Маймонид — считают обязательным требовать с нееврейского должника столь высокий ростовщический процент, как это возможно».*

Уже книга Неемии (5:4—8) показывает существование влиятельного слоя ростовщиков. Но, конечно, лишь в диа-

споре эта деятельность приобретает настоящий размах. Талмуд уделяет исключительно много места технике ростовщичества: только изучению Торы уделено больше места, говорит Зомбарт. Начиная со времени крестовых походов, ростовщичество, по мнению Зомбарта, становится основным занятием евреев.

Ростовщичество, как и вообще нарушения общепринятых моральных норм ради своей выгоды, принадлежит к числу распространенных человеческих грехов. Ростовщичеством, говорит Зомбарт, занимались и Дельфийский храм в Греции, и средневековые монастыри. Зомбарт приводит множество свидетельств современников о неблаговидных поступках христианских торговцев. Так что реальный успех определяется здесь не наличием субъектов, готовых на такие поступки идти, а возможностью добиться успеха. Успех, выпавший на долю евреев, Зомбарт объясняет тем, что для них речь вообще не шла о нарушении норм деловой морали. С их точки зрения, это и была «разумная», «деловая» мораль, «настоящее право», подчиняющее хозяйственную деятельность примату «дела», дохода. Поэтому среди них в этом направлении успех имели не слабые, уступающие соблазну, а сильные, проникнутые и воодушевленные древними и освященными авторитетом принципами.

Речь шла, по мнению Зомбарта, о столкновении двух диаметрально противоположных систем моральных и правовых норм. В Римском или германском праве все обязательства рассматривались как имеющие исключительно личный характер, а цена определялась, исходя из имеющей личный характер категории «справедливой цены». В Талмуде же представление об обязательстве абстрагировано от человека, может передаваться, становится «требованием на предъявителя». Если понятие о «справедливой цене» там и существует, то лишь в отношении к своим, в применении к чужим представление о «справедливой цене» отсутствует, цена такова, какую реально можно получить. В качестве одного из примеров, иллюстрирующих противоположность

этих двух моральных систем, Зомбарт приводит отношение к собственности. В римском праве и праве многих средневековых народов собственность понимается гораздо более лично, больше рассматривается как «продолжение человека», чем теперь. В связи с этим ее отчуждение воспринимается как нечто неестественное, и право обычно стремится его затруднить. В Талмуде же прямо противоположное отношение. Так, если по германскому средневековому праву украденная и потом купленная у вора вещь должна быть безвозмездно возвращена первоначальному владельцу, то Талмуд считает ее собственностью купившего, а первоначальный владелец может ее только выкупить обратно, то есть в первом случае между хозяином и вещью предполагается некая связь, которая не исчезает из-за того, что кто-то другой заплатил за нее какую-то сумму (мы могли бы это сравнить с нашим отношением к похищенному ребенку), во втором же случае это отношение исчерпывается уплатой цены вещи.

Коренное различие в хозяйственной морали евреев и христианского общества отмечает и Гретц. В «Истории евреев» он пишет по поводу польских евреев:

> *«Нееврейский мир должен был, на свою беду, убедиться в преимуществе талмудического закона польского еврейства».*

И надо признать, что в общемировом масштабе этот закон действительно победил. «Индустриальное общество», охватывающее теперь практически весь мир, основывается именно на этой талмудической, как уверяет Зомбарт, хозяйственной морали.

Связь между укреплением нового образа жизни и еврейским влиянием чувствовалась широкими слоями населения. Весь процесс шел очень болезненно, он встречал широкое сопротивление народа. Общеизвестным примером является то движение, которое во Флоренции возглавил

Савонарола. Однако тогда же, в конце XV века, подобные движения захватили всю Италию. Почти во всех крупных городах — Генуе, Падуе, Лукке, Болонье, Кремоне, Флоренции — появились проповедники, протестовавшие против того разложения устоев старого общества, которое захватило Италию. Они увлекали за собой толпы народа. Требования, выставлявшиеся этими движениями, были очень однородны. И почти всегда среди них фигурировало требование о запрете ростовщичества за высокий процент (доходивший до 100%), издании законов, ограничивающих еврейских ростовщиков, или даже об изгнании евреев. Историк еврейства С. Рот говорит, что, по-видимому, в Италии тогда не было ни одного крупного города, в котором дело обошлось бы без антиеврейских выступлений. Монах Варавва Интермензис выдвинул идею ломбарда, основанного на пожертвования и дающего ссуды под минимальный процент (5%) или даже безвозмездно. Этот вид ломбарда назывался Монте де Пиета. Особенно энергично боролся за его внедрение другой монах — Бернардино да Фельтро. Он сталкивался с ожесточенным сопротивлением богачей, — из одних городов его изгоняли, в других он побеждал. В частности, во Флоренции под его влиянием в 1487 году было принято постановление о создании такого банка, но, как считали некоторые современники, евреи за взятку в 20 000 гульденов добились от Лоренцо Медичи отмены постановления и изгнания да Фельтро. Такую меру провел потом Савонарола, но и его успех был недолговечен. Интересно отметить, что низвержение и казнь Саванароллы были делом рук папы Александра VI Борджиа, происходившего из крестившихся испанских евреев, враги обвиняли его даже в том, что он был марраном, то есть тайно исповедовал иудаизм. (Это обвинение исходило от будущего папы Юлия II и приведено в хронике Сигизмунда Тацио за 1492 г.)

Так, ломая сопротивление, в мир входили две силы — капитализм и еврейское влияние.

Глава 7

Эмансипация и борьба за равноправие

В XVIII—XIX веках происходит резкий перелом в положении европейского еврейства, а именно: среди евреев возникает быстро растущее движение за выход из изоляции, за усвоение образа жизни окружающих народов, их культуры. Это течение придает совершенно новый характер европейским еврейским общинам. Параллельно усиливается борьба и за юридическое равноправие евреев, которого они и добиваются в XIX веке в подавляющей части европейских стран. Принятие евреями образа жизни европейских народов в среде этих народов часто называют «эмансипацией», в еврейской же среде это течение называли «Хаскала», а сторонников его — «маскилим». Этот переворот, несомненно, связан с увеличением хозяйственного влияния евреев. Так, уже с XVI века, а систематически — с XVII века еврейские дельцы осваивают совершенно новую сферу деятельности — колонии европейских стран. В Бразилии евреи скоро стали господствующим слоем, в частности, держали в своих руках сахарные плантации, бывшие основой экономики страны. Так же и на Ямайке они заняли господствующее положение, и христианские купцы жаловались, что евреи их вытесняют. В статье Еврейской энциклопедии говорится: «В колониях марраны больше всего содействовали развитию торговли. Их деятельность охватывала аграрный район и простиралась на весь международный район… Весьма часто марраны, забывая об испанском суверенитете, сбрасывали с себя маску и открыто возвращались к еврейству». В докладе инквизиции из Южной Америки в 1636 году говорится:

«Они стали хозяевами всей торговли в королевстве: от парчи до грубого холста, от алмазов до тминных зерен — все проходит через их руки».

В XVII веке Голландия начала войну с Португалией за обладание Бразилией. При этом голландцы опираются на поддержку местных евреев. После того как они захватили Ресиф,

«...в Ресифе стало вдвое больше евреев, чем христиан». «Евреи вели крупную торговлю, владели сахарными заводами, домами; самым крупным богачом считался Гаспер Диас Перейра».

Но в конце концов победили португальцы, и это привело к гонениям на евреев. Тогда центр тяжести еврейской общины переместился в Северную Америку, где их влияние стало еще сильнее. Характерен в этом отношении эпизод с основанием еврейской общины в Нью-Йорке (он был тогда голландской колонией). В 1635 году к Гудзону прибыл корабль, имевший на борту еврейских переселенцев из Бразилии. Губернатор Стювейсанд сначала не хотел разрешить им поселиться в колонии, но получил распоряжение от Вест-Индской компании дать такое разрешение «ввиду больших капиталов, вложенных ими (евреями) в компанию». Точно так же на сопротивление натолкнулись первые попытки евреев получить права гражданства в Массачусетсе (Аарон Лопец в 1762 г.) и Нью-Йорке (Исаак Элизер в 1763 г.). Трудности возникали в связи с принятой тогда формулой присяги: «по истинной христианской вере…». Но в конце концов текст присяги был так изменен, что он стал приемлемым для евреев.

В XVII и XVIII веках финансовое влияние евреев становится столь значительным, что оказывается важным фактором тогдашней европейской политики. Они финансировали в широком масштабе монархов многих тогдашних европейских государств (в особенности германских), давая им тем самым возможность быть более независимыми в своей политике

от дворянства и горожан, усиливая тенденции абсолютизма. Особенно сильна была роль евреев в финансировании армии: в поставках оружия, амуниции, продовольствия. В немецких государствах типичной комбинацией были «князь и еврей» (Furst und Jud), причем в руках последнего находились финансы государства. Так, больше ста лет придворными банкирами императорского двора в Вене был дом Оппенгеймеров. В Пруссии «Великий курфюрст» Фридрих-Вильгельм пользовался услугами финансистов Гумперца, Фейта, Риса, Аарона и Бронда Вульф. Его сын Фридрих I поручил финансовые дела Либману, Фридрих Великий — Ефраиму.

Естественно, что богатые евреи все более оказывались связанными с жизнью той страны, в которой они обитали, от них многое зависело, они имели связи и влияние, не редки были случаи, когда им жаловалось дворянство. Ряд факторов толкал их на выход из изоляции также и в политической и культурной жизни.

Одновременно с импульсами, исходящими из среды еврейства, и в европейском обществе, начиная с середины XVIII века возникает течение, ставящее себе целью коренной пересмотр положения евреев. Центром его являлась Германия, где тогда жило большинство еврейского населения Западной Европы. Одна за другой выходят книги, ставятся пьесы, доказывающие бессмысленность предрассудков против евреев, высоту их моральных принципов, часто превосходство в этом отношении над христианами.

Наиболее яркой фигурой этого течения был Лессинг. Еще 23 лет, начинающим писателем, он создал пьесу «Евреи». В ней повествуется, как некий путешественник спасает некоего барона от разбойников. Хозяин подозрительного кабачка распускает слух, что разбойники — это евреи, заметил и якобы даже их типичные бороды. Но все тот же путешественник извлекает у него из кармана фальшивую бороду, разоблачая его самого и его приятеля как разбойников. Барон предлагает путешественнику половину своего состояния и руку дочери. Но тот сообщает, что «Бог его отцов достаточ-

но оделил его средствами» и что сам он — еврей. «О, если бы все евреи были подобны Вам!» — восклицает барон. «О, если бы все христиане были подобны Вам!» — парирует путешественник. Это произведение было типичным: подобная ситуация обыгрывалась во многих вариантах. Газеты сообщали о благородной благотворительности евреев. Вершиной была знаменитая пьеса Лессинга «Натан Мудрый». В ней действие происходит при дворе турецкого султана Саладина, где сталкиваются представители трех религий: иудаизма, ислама и христианства. Очевидная цель автора — пропаганда религиозной терпимости, стремление показать, что на любом из этих путей человек равным успехом может искать Бога. Но наименее способными к этому оказываются христиане, особенно злобным фанатиком изображен патриарх Иерусалима. Самым же глубоким и гуманным — герой пьесы, Натан Мудрый, который, например, несмотря на то, что христиане убили у него семь сыновей, одаряет всех христианских паломников ко Гробу Господню подарками (что отдает уже чрезмерностью). Кульминацией является рассказ Натаном знаменитого сказания о трех кольцах. В одной семье по традиции древнее кольцо переходило от отца к сыну. Но однажды, не желая обидеть ни одного из трех своих сыновей, отец заказал две точные копии и оставил каждому по кольцу. Сыновья до сих пор спорят, чье же кольцо истинное… На первый взгляд, смысл сказания — в призыве к религиозной терпимости, а кольца символизируют иудаизм, ислам и христианство. Но в нем можно заметить и подтекст: ведь все же лишь одно кольцо действительно подлинное — самое древнее, очевидно, символизирующее иудаизм.

С еврейской стороны столь же влиятельной фигурой этого направления был Мозес Мендельсон — близкий друг и ровесник Лессинга, которого тот и изобразил под видом Натана Мудрого. 14-летним подростком он бросил еврейскую духовную школу и ушел в Берлин. По совету своего наставника рабби Хиршеля Френкеля, Мендельсон изучает немецкий язык, что было тогда редкостью среди евреев. Он устанавли-

вает связи с деятелями просвещения, такими, как президент Берлинской Академии Мопертюи и Лессинг, и начинает публицистическую деятельность.

Мендельсон был создателем и вождем того движения в еврействе, которое ставило себе целью вхождение в европейскую культуру и приобретение равноправия в европейском обществе. В качестве первого шага — овладение немецким языком, усвоение немецкого образа жизни. Мендельсон пропагандировал смелую мысль, что древняя иудейская традиция не противоречит идеям Просвещения и может с ними сочетаться. Он стоял во главе общества «Передовые евреи», объединенного этой идеей. В идеале виделась ассимиляция, когда евреи не будут отличаться от других немцев, будут «немцами, исповедующими Моисеев закон». Естественно, что Мендельсон был врагом всех планов возвращения в Палестину, он предостерегает от финансирования любых подобных проектов, убеждая, что одно золото не может обеспечить возвращения. С замечательным предвидением он писал:

> *«Мне кажется, такой проект будет выполним, только когда великие державы Европы будут вовлечены во всеобщую войну».*

Мендельсон встретил горячую поддержку в кругах немецких просветителей. Хотя немецкий язык он выучил не в детстве и сам признавался, что особенно грамота давалась ему всегда с трудом, Мендельсон выступал как критик по вопросам немецкой литературы в журналах Лессинга и Николаи. Он поддерживал Лессинга в его борьбе за религиозную терпимость, за признание высоких духовных достоинств иудаизма. Однако их позиции отличались существенными оттенками. Например, Лессинг в своем масонском диалоге «Эрнст и Фальк» предупреждает о предрассудках патриотизма, в «Воспитании человеческого рода» утверждает, что в евреях Бог воспитал будущих воспитателей человечества. Мендельсон же выступает страстным еврейским патриотом, сразу откликаясь

на любые обвинения, высказываемые против евреев (например, на брошюру о еврейском ростовщичестве во французском Эльзасе). Он писал, что если надо было бы выбирать между равноправием евреев и разрывом с религиозной традицией, то евреи, хоть и с прискорбием, должны были бы отказаться от равноправия. Лессинг, пропагандируя равноценность всех религий, публикует в своем журнале антихристианские статьи. Мендельсон же всегда восторженно отзывается об иудаизме, но о христианстве он иногда высказывается весьма бесцеремонно. Например, в ответ на довольно неумный аргумент одного пастора, что чудеса Христа истинны, ибо засвидетельствованы современниками, он приводит пример разоблаченного еврейского лжечудотворца и мошенника, сидевшего тогда в тюрьме. Конечно, адепты просвещения рукоплескали ему за то, что он так ловко «срезал попа».

Лессинг был только самым ярким представителем этого направления. Монтескье в «Духе законов» говорит, что отношение христиан к евреям останется навсегда позором для этого века. Мирабо, побывавший в Пруссии с тайным, не то правительственным, не то масонским поручением, написал памфлет «О Мозесе Мендельсоне и изменении положения евреев». Крупный прусский чиновник Кригсрат фон Дом опубликовал работу, в которой призывал к предоставлению евреям равноправия. Когда император Иосиф II снял некоторые ограничения для евреев, то знаменитый тогда поэт Клопшток почтил его одой, в которой ставил его поступок в пример другим князьям. Академии объявляли конкурсы на сочинения об эмансипации евреев. Появились произведения и противоположного направления, они вызывали, в свою очередь, возражения как с немецкой, так и с еврейской стороны. Во множестве выходили брошюры «За евреев», «Против евреев». Вся эта литература, по словам Гретца, «лилась, как водопад».

Чем же объяснить, что еврейский вопрос привлек к себе именно тогда такое необычайное внимание? Конечно, обособленные в гетто евреи находились в странном для окружающих европейцев положении, унижающем человеческое досто-

инство, и это вызывало совершенно естественный протест. Не могло не играть роли и то, что проникающий всюду дух нового, буржуазного общества и просвещения ломал устои старого иерархического уклада жизни, заставлял смотреть на всех людей с единой точки зрения.

Но вот что поразительно: в то же время подавляющая часть немецкого крестьянства и многие горожане были крепостными — и это не вызывало того «водопада», о котором пишет Гретц. А ведь они исповедовали ту же религию, говорили на том же языке и во многих других отношениях были для немецких (да и французских) просветителей гораздо ближе евреев, так что и тяжести их жизни должны были бы ярче и острее восприниматься. Таким образом, кроме указанных общих причин действовали и какие-то другие, определявшие именно этот особый объект сочувствия. Одна из них очевидна: все усиливающееся влияние евреев на финансы и экономику страны и их стремление упрочить это влияние, добившись одинаковых прав с остальным населением. Возможности их были действительно велики. В сочинении «Прусская монархия» Мирабо пишет:

> *«Единственные торговцы и фабриканты, располагающие в прусских провинциях большими состояниями, — евреи. Среди них есть миллионеры».*

И Гретц подтверждает, что богатства евреев в Берлине далеко превосходили богатства христианских бюргеров. Поэтому можно не удивляться, что Мирабо, ненадолго посетив Пруссию, так чутко воспринял проблему еврейского равноправия: он был кругом в долгу у еврейских ростовщиков. Также и Лессинг, написав пьесу «Евреи», вскоре получил доходное место в считавшемся малочистоплотным деле по чеканке монеты, находившемся в руках у банкиров Эфраим. Когда же он писал своего «Натана», ему выдал аванс еврейский купец Мозес Вессели из Гамбурга. По этим отдельным штрихам можно представить себе ситуацию в более широком масштабе. «Лица

свободных профессий» — писатели, журналисты, актеры были тогда очень мало обеспечены, и финансовая поддержка для них значила чрезвычайно много. Да и владетельные князья тоже были восприимчивы к подобным аргументам. Например, в начале XIX века банкир из Франкфурта-на-Майне Амшель Ротшильд уплатил великому герцогу Дальберту 400 000 гульденов, за что тот предоставил франкфуртским евреям равные права с остальным населением.

Но можно увидеть и другую причину, вызывавшую все это движение. Всякий раз, как выступает идеология, враждебная традиционной, стремящаяся ее развенчать и основать понимание жизни, исходя не из исторических корней народа (а, например, на логике, разуме, как в эпоху Просвещения), ей естественно искать союзника в том мировоззрении, которое никак, ни одной ниточкой с этими корнями не связано, скорее им враждебно. Его и находят в иудаизме и еврейской традиции. Так и во время пуританской революции в Англии возникает какое-то загадочное тяготение к иудаизму — чисто идеологическое, так как евреи были изгнаны из Англии в XIII веке. Кромвель мечтал о слиянии Ветхого и Нового Завета, еврейского избранного народа и пуританской общины. Пуританский проповедник Натаниэль Хомезиус провозгласил, что хотел бы, как раб, служить Израилю. Члены крайнего течения того времени — левеллеры — называли себя иудеями. Офицеры Кромвеля предложили ему составить Государственный Совет из 70 членов, в подражание Синедриону. В парламент был внесен проект о переносе праздничного дня с воскресенья на субботу, а член парламента анабаптист Гарриссон со своей группой требовал введения Моисеева Закона в Англии.

Если в Англии XVII века это течение не было связано с реальными еврейскими интересами (попытку еврейского банкира из Амстердама Монассии Израэля добиться переселения в Англию большой группы евреев, Кромвель отклонил), то в Европе XVIII века (и особенно в Германии) оба стимула действовали одновременно. Европейские «свободомыслящие» видели в евреях союзников в своей борьбе против «предрас-

судков старого общества», «мрака христианства», «засилия попов». В Германии начинается «эпоха салонов». Богатые еврейские дома превращаются в центры, притягивающие представителей аристократии, писателей, философов, актеров, проникнутые идеями просвещения. Самыми влиятельными были берлинские салоны Генриетты Герц и Рахель Левиной. Салоны Доротеи Фейт, Марианны Меир и др. пользовались несколько меньшим успехом. Здесь бывали аристократы, члены королевского дома, даже кронпринц, государственные деятели, дипломаты, ученые, писатели, философы: Шлейермахер, Фуке, Шамиссо, Шлегель, Александр и Вильгельм Гумбольдты. В Вене таким был салон Фанни Итциг, дочери банкира Итцига и жены произведенного в бароны Натана Аронштейна. Во время Венского конгресса у нее собирались дипломаты всех стран. В салонах возникла лаборатория, вырабатывавшая общественное мнение: тот, кто был своим человеком в этих салонах, мог рассчитывать на теплые отзывы прессы; когда он ехал в другой город, его снабжали рекомендательными письмами. Здесь создавались репутации и устраивались карьеры. Например, из этих салонов пошла слава молодых Гейне и Берне. Уже в конце «эпохи салонов» Берне писал:

> *«Удивительно, что здесь действительно только евреи или крещеные евреи держат открытые дома, а христиане — нет. Богатых христиан мало, а чиновники для этого не имеют денег».*

Успех этой деятельности сказался прежде всего не в завоевании евреями политических прав, а в быстром росте их влияния на культурную жизнь и идеологию общества. Немецкие школы и университеты стали открывать свои двери евреям. Появилась и еврейская (написанная для еврейского читателя) литература на немецком языке. Влияние евреев в образованном немецком обществе характеризует, например, то, что в 1788 году при исполнении «Венецианского купца» знаменитый тогда актер Алек начал с пролога, в котором заверял пу-

блику, что актеры отнюдь не хотят давать пищу старым предрассудкам. Фихте писал и 1793 году:

> *«Я знаю, что во многих ученых обществах считается возможным нападать и на нравственность, и на религию — только не на еврейскую нацию».*

Действительно, отрицательные высказывания в адрес евреев стали уже и не безопасны. Так, в 1803 году Вильгельм Гратенауер опубликовал брошюру «Против евреев. Слово предостережения всем нашим христианским согражданам», в которой высказывался против предоставления евреям равноправия. Конечно, появилось несколько возражений. Государственный канцлер пишет премьер-министру, что, по его мнению, брошюру Гратенауера не следовало публиковать. И вот в сентябре 1803 года появляется указ короля Фридриха Вильгельма III, запрещающий обсуждать еврейский вопрос в печати. Тем самым Гратенауер лишается возможности ответить на нападки, которым он подвергся. Все его просьбы разрешить ему опубликовать ответ остаются безрезультатными. Премьер пишет канцлеру, что, по его мнению, статья Гратенауера была отвратительной. В 1804 году его увольняют из суда, где он служил. С большой семьей Гратенауер остается без всяких средств к существованию, и одновременно все его кредиторы предъявляют ему иск. В заключение его избили на улице…

Дело с предоставлением евреям политического равноправия двигалось медленнее. В Англии в 1753 году парламент принял закон, разрешающий евреям (т. е. лицам иудейского вероисповедания) натурализоваться в Англии и приобретать английское гражданство. Однако это решение вызвало столь многочисленные и бурные протесты, что правительство, опасаясь исхода предстоящих выборов, провело через парламент новый билль, отменяющий только что принятый. Французская революция с ее принципами равенства и братства, естественно, породила у евреев надежды на приобретение равноправия. В основных провинциях Франции число евреев было очень не

велико — около 10 тысяч, но в примыкающих к Германии Эльзасе и Лотарингии их проживало около 40 тысяч. Обращенная в Национальное Собрание просьба евреев о предоставлении им равноправия натолкнулась на сопротивление депутатов от Эльзаса и Лотарингии, наказы которых требовали от них бороться против этой меры. Обсуждения возобновлялись несколько раз и были очень бурными. Статья Еврейской энциклопедии сообщает об особых наказах от городов Эльзаса и Лотарингии. Так, наказ от граждан Метца содержал жалобы на «вред, происходящий от евреев»; Страсбург требовал особых правил для еврейской торговли; Гаген — законов против еврейских ростовщиков; Нанси, Номени, Диез и Миркур — ограничения числа евреев в области и т. д. В 1789 году решение о предоставлении равноправия не прошло одним голосом. В прениях аббат Мори говорил: «Евреи — люди и, следовательно, наши братья. Пусть же им покровительствуют, как людям вообще, но не как французам». Вопрос опять дебатировался в 1790 году, и предоставление равноправия опять было отклонено. Предоставление равноправия поддерживал клуб якобинцев и Коммуна. Оно было провозглашено декретом от 27 сентября 1791 года, хотя одновременно был принят и декрет о пересмотре долгов еврейским ростовщикам. То же положение сохранилось и в Конституции эпохи консульства и в начале Империи. Во время революционных и наполеоновских войн эмансипация распространялась и на другие завоеванные Францией или находящиеся под ее влиянием территории. Так, она охватила всю Германию, закон об эмансипации евреев в Пруссии, в частности, был принят в 1812 году. Идею предоставления евреям полного равноправия поддерживал влиятельный канцлер Гарденберг.

Такие бурные изменения, как всегда, вызвали и реакцию — как идейную, так и политическую. Например, Фихте писал в 1793 году: «Почти все страны Европы охватывает мощное, враждебно настроенное государство, находящееся в состоянии войны со всеми остальными государствами, и в некоторых из них чудовищно угнетающее граждан… Это государство основано на ненависти ко всему человеческому роду».

Такой идеологической реакции на эмансипацию параллельна позиция практического и прагматического деятеля Наполеона. В 1806 году он созвал заседание Государственного Совета для обсуждения вопроса о положении евреев во Франции. Поводом были жалобы на то, что в Эльзасе еврейские ростовщики и спекулянты оказались хозяевами почти всех земель и скота (даже Гретц допускает, что «некоторые еврейские ростовщики, возможно, проявили большую жесткость»). Наполеон сказал:

> *«Французское правительство не может быть равнодушным к тому, что нация, способная на любые низости, стала безраздельно господствовать над двумя прекрасными департаментами Эльзаса… Целые деревни обращены евреями в свою собственность, они заменили феодалов… Они рискуют однажды быть перебитыми возмущенным населением Эльзаса, как это уже столь часто случалось, и почти всегда по их вине.*
>
> *Опасно оставлять ключи к Франции: Эльзас и Страсбург в руках нации шпионов, нисколько не привязанной к этой стране.*
>
> *Это нация внутри нации… Евреи не относятся к той же категории, что протестанты и католики. Они должны быть подчинены политическому праву, а не гражданскому праву, так как они не граждане».*

В результате права евреев во Франции были ограничены законом от 30 мая 1806 года. Евреи, не жившие в департаменте Верхнего и Нижнего Рейна, не могли в них селиться. В других департаментах они могли селиться, только если приобретали землю и занимались земледелием. Они лишались права выставлять заместителей по рекрутскому набору. Статья 18 говорила:

> *«Настоящий декрет имеет силу в течение 10 лет, так как мы надеемся, что по истечении этого срока не будет разницы между евреями и другими граждана-*

ми. Если же наша надежда нас обманет, то срок действия декрета будет продлен на столько, на сколько мы найдем нужным».

Поражение Наполеона привело к тому, что права, предоставленные евреям в других странах, были взяты назад почти повсюду. Но это была попытка бороться с общей тенденцией истории. С каждой революцией (1830, 1848 гг.) права евреев увеличивались — и это было связано с тем, что евреи революции энергично поддерживали. В Англии равноправие было предоставлено в 1825 году, тогда же в Португалии, в Бельгии — в 1830, в Канаде — 1832 году. В Германии революционный франкфуртский парламент принял закон об эмансипации в 1848 году (он был распространен в том же году на Кассау и Гановер, в 1861 г. — на Вюртемберг, 1862 г. — на Баден, 1868 г. — Саксонию и с образованием в 1870 г. Германской империи — на всю нее). В Дании равноправие было дано евреям в 1849 году, Норвегии — 1851, Швеции и Швейцарии — 1865, Испании — 1858, Австро-Венгрии — 1867, Италии — 1870, Болгарии — 1878, Турции — 1908, России — в феврале 1917 года.

Еврейская эмансипация является поразительным историческим явлением. В исторически очень короткий срок (один век) большой слой европейского еврейства отказался от своего образа жизни, как бы специально созданного, чтобы отгородить его от других народов, и принял образ жизни окружающего европейского населения. Создается впечатление, что история сжимала пружину отчуждения вокруг еврейства, чтобы тем сильнее дать ей распрямиться. Это был переломный момент в истории взаимоотношений евреев с другими народами. Может ли такой внезапный переворот быть полностью объяснен ростом экономического влияния и более тесными экономическими связями, на которые мы указывали в начале параграфа? Вряд ли! Богатым, а особенно богатейшим евреям эмансипация не очень-то была нужна. Например, основатель банкирского дома Ротшильдов, Амшель Ротшильд, был при-

нят при дворе в Вене, при этом подчеркивая свою верность всем ортодоксальным ритуалам — и это вызывало некоторое любопытство, но и уважение. От эмансипации выиграли, скорее, бедные евреи типа Мендельсона.

Очень скрупулезный исследователь духовной жизни еврейства Гершом Шолем положил начало изучению другого, религиозного и духовного, аспекта этого движения. Он связан с одним религиозным движением того времени, с так называемым саббатианством. В 1665 году еврей из Малой Азии Саббатай Цви объявил себя Мессией и имел довольно большой успех, вызвал значительное движение, причем не только в Оттоманской империи, но и в Европе. Многие евреи в Амстердаме и Гамбурге продавали свое имущество, чтобы отправиться на Восток и примкнуть к новому Мессии. Были распространены различные ожидания, связанные с 1666 годом. Но существовало течение, которое, основываясь на книге Зогар, предсказывало появление Мессии в 1648 году — время успеха Саббатая Цви. Это было время всеобщих религиозных исканий: в Германии, только что кончилась 30-летняя война, в Англии начиналась революция, в России назревал раскол. Мистические течения разных стран и народов влияли друг на друга. Секретарь Лондонского Королевского Общества Ольденбург писал Спинозе: «Здесь все говорят о возможности возвращения евреев на свою родину… Если эти надежды сбудутся, то это произведет переворот». На волне этого возбуждения Саббатай Цви направился в Турцию, чтобы обратить в свою веру султана. Но там он был схвачен турецкими властями, посажен в тюрьму, в результате отрекся от своих притязаний и даже перешел в ислам, приняв имя Мухамед Эфенди. Новое направление всему течению дал известный тогда молодой талмудист Натан из Газы. Он выдвинул мистическую концепцию, согласно которой Мессия, прежде окончательного торжества, должен совершить труднейший из своих подвигов: сойти в царство Зла и Нечистоты, чтобы извлечь плененные там божественные «искры». Этот подвиги совершил, по его мнению, Саббатай Цви, не только не опровергнув этим, но имен-

но подтвердив свое избранничество. Более радикальные выводы из этого учения заключались в том, что все евреи должны стать марранами (марраны — испанские евреи, внешне принявшие христианство, но тайно продолжавшие следовать иудаистическому Закону). Все должны спуститься в бездну Зла, чтобы преодолеть его изнутри. Последователем этого учения был еврей из Салоник Яков Франк, переселившийся в часть Польши, принадлежавшую Австрийской империи, основатель секты «франкистов». (Франками назывались в Турции евреи из Салоник, так что его имя собственно означает «Яков из франков».) Следуя примеру Цви, Франк принял католицизм вместе с большой группой последователей, которые все получили польское дворянство высокого ранга. Он учил, что теперь отменяется старая Тора, грех может быть свят, приобретает новый смысл высказывание Мишны, что Бога надо почитать и «дурными страстями». Каждый должен взять на себя грех марранства, сердце и уста не должны говорить одно и то же. Франк учил: как праотец Иаков обманул своего отца, надев звериную шкуру, так и мы должны надеть одежду христианина, чтобы быть успешнее в нашем обмане. То, что в учении саббатиан называется «бездной Зла и Нечистоты», вполне соответствует представлению ортодоксального еврейства об окружающем мире и населяющих его народах. Тогда «погружение в Бездну» представляется мистическим аналогом эмансипации, ее духовным предвидением. Или, наоборот, эмансипация — практической реализацией мистического видения.

Близкую мысль высказывает Гершом Шолем. Он считает, что саббатианство сыграло большую роль в подготовке реформы иудейства и приобщения его к идеям просвещения в XIX веке. Шолем пишет: «Теперь стремление к революционизированию не должно было искать выхода в практике “святого греха”, но могло найти выход в перестройке жизни».

Сам Франк известен только как пророк или идеолог. Приняв католичество, он продолжал проповедовать свое учение, имел последователей, тайно следовавших его доктрине, но принадлежавших и к ортодоксальному иудаизму. Его учение

было смесью иудейской мистики с нигилизмом: предсказаниями и призывами к уничтожению, нисхождению в бездну так, чтобы ниже уже нельзя было опускаться. Он учил, что пути вверх и вниз сходятся, святое и грешное не различаются (в частности, это выражалось в нарушении сексуальных норм). Хотя сам Франк периодически посещал мессу, его учения всплыли наружу, и он был приговорен к заключению в крепость в Ченстохове. Оттуда его освободила война, и после очередного раздела Польши он переселился в местечко Офенбах в Австрии. Он умер в 1788 году и еще перед смертью говорил: «Я пришел, чтобы освободить мир от всех законов и заповедей. Все должно быть разрушено, чтобы бог явился». Уже поколение младших последователей Франка принимало участие в движении эмансипации. Это, как говорят исследователи, является сильным затруднением при исследовании всего течения. Именно желая быть настоящими «просвещенными» (в принятом тогда смысле этого слова) европейцами, они не только стремились всячески скрыть свои франкистские истоки, но и даже уничтожили ряд франкистских документов, стыдясь их мистического радикализма.

Шолем детально восстановил биографию одного такого выходца из франкистской среды Мозеса Добрушка. Он родился в 1753 году от родителей, связанных с франкистской средой (или даже прямо принадлежавших к секте). Он, во всяком случае, приходился родственником Франку. В 1775 году он крестился вместе с несколькими братьями и сестрами (может быть, под влиянием франкистских идей). При этом он принял имя Франца Томаса Шенфельда (а его жена Элька — Вильгельмины). Крещение, видимо, не нарушило его тесных связей с франкистами. Он играл видную роль в поставках в австрийскую армию, что говорит о его значительном состоянии. Состоятелен был и его отец, вместе с Франком, Поппером и Хенигсбергером имевший монополию на всю табачную торговлю в Австрии. На период после крещения приходится активная деятельность Шенфельда-Добрушки в распространенном тогда масонском ордене «Азиатских братьев». Видимо,

благодаря ему был открыт доступ евреям в этот орден (в то время как раньше германское масонство было закрыто для евреев). В те времена участие в масонских ложах было очень существенным этапом при вхождении в «просвещенную» европейскую среду. Другим активным деятелем того же ордена был Гиршфельд. С другой стороны, под их влиянием орден воспринял такие иудаистские элементы символики, как шестиконечная звезда и семисвечник.

Тут наступает некоторый оставшийся загадочным эпизод. В 1788 году умирает Франк. В кругах его сторонников распространяется слух, что его наследником будет Добрушка. Неясно, то ли ему это положение предлагали, но он отказался, то ли он его добивался и не получил. В любом случае его судьба радикально меняется: он уезжает во Францию и принимает опять новое имя — Юниуса Фрея. Там он отдается революционным идеям (но и спекуляциям). Он держит дом на широкую ногу, его сестра выходит замуж за ближайшего соратника Дантона — Шабо. Но когда кружок Дантона был разгромлен, с ними погиб и Добрушка. Он был гильотинирован в 1794 году. Во избежание недоразумений следует заметить, что это был единственный еврей, про которого известно, что он играл активную роль во Французской революции. Но символическую тонкую нить можно проследить: классический иудаизм — саббатианство — идеология европейского Просвещения — Французская революция.

Глава 8

Золотой век ассимиляции

(От наполеоновских войн до Первой мировой войны)

XIX век (а точнее, период, указанный в заголовке этой главы) является периодом массового вхождения западноевро-

пейского еврейства (а к концу века — восточноевропейского) в европейскую культуру. Это эпоха усвоения подавляющим большинством еврейства европейского образа жизни, в основном, еще ничем не омраченного вхождения евреев и все растущего их влияния почти во всех сферах деятельности европейского общества. Казалось, что изолированности еврейства в европейском обществе приходит конец, хотя предвестники заложенных в этом процессе трудностей появились тогда же.

Можно все же выделить несколько областей, в которых еврейское влияние становится особенно заметно и эффективно. Особенно важно, что к традиционной сфере приложения еврейских сил — финансам — присоединяются новые: искусство (особенно литература) и пресса. Благодаря этому еврейское влияние перестает быть внешним, центр тяжести переносится на идеологию, точкой приложения этого влияния становится не столько материальная, сколько духовная жизнь европейских народов.

О большом количественном участии евреев в западноевропейском искусстве можно судить по знаменитым, всем известным именам. Таким, например, как композиторы Мейербер, Мендельсон, Малер. В более легком и доходчивом стиле по всей Европе гремел Оффенбах (а либретто его опереток писал Галеви). Мировой славой пользовались великие актрисы Сара Бернар и Рашель. Но, пожалуй, наиболее сильным было влияние евреев в литературе, и наиболее ярким эпизодом — их участие в течении немецкой литературы, сложившемся в 20-е годы и получившем название «Молодой Германии». Историк немецкой литературы Бартельс говорит о нем:

> *«“Молодая Германия” — это по существу берлинско-еврейский продукт, возникший в салоне Рахель Левин».*

Самыми известными деятелями этого течения были Генрих Гейне и Людвиг Берне (Леб Барух).

В Гейне особенно ярко проявились те противоречия, с которыми приходилось сталкиваться европейским писателям-евреям. С одной стороны, был вынужден творить и добиваться успеха в немецком национальном искусстве, как немецкий поэт, пишущий на немецком языке. Его яркий талант мог проявиться только в этой форме, а талантливость его несомненна — недаром его переводили и Лермонтов, и Тютчев. Но, с другой стороны, он был продуктом еврейского духовного мира, и еврейские традиции не только мешали ему стать выразителем немецкого мироощущения, но и отталкивали от него. Не обладая непосредственными чувствами, открывающими красоту немецкой природы, языка и культуры, он вынужден был воспринимать их через других. Так, он писал своему другу Мозеру:

«Я могу передавать только восприятие прекрасного другими людьми».

Благодаря этому его стихи лишались непосредственности, были часто подражательными. Даже знаменитая «Лорелея» по фабуле, образам, ритму почти точная копия стихотворения Брентано. Те же причины приводили к тому, что в стихах Гейне такое место занимает высмеивание, переходящее в ругань, часто мало чистоплотную, — элемент, совершенно чуждый поэзии. Его поэмы «Аттатроль», «Германия. Зимняя Сказка» и др. — лишь зарифмованные фельетоны. Этот фельетонный стиль он первый внес в поэзию.

Гейне были присущи очень сильные еврейские национальные чувства, а в то же время он мог реализовать свой яркий талант только как немецкий национальный поэт. Это порождало в его душе раздвоенность и конфликт. Все это накладывалось на страстный и раздражительный темперамент и было источником чувства ненависти, все более подчинявшего себе поэта.

Два предмета ненависти всю жизнь мучили Гейне: немцы и христианство. Он упражнялся, придумывая для немцев

клички пообиднее, которые приставали бы, как плевок, вроде «народ-лакей» или «народ-пудель» (Bedientenvolk, Pudelvolk). Он писал, например:

> *«Геттингенские жители разделяются на студентов, профессоров, филистеров и скотов. Все они не многим отличаются друг от друга».*

Ведь это лишь другой способ сказать, что немцы — скоты. По существу — что в этом остроумного? Одно из его последних произведений, поэма «Германия. Зимняя Сказка» — кончается тем, что богиня города Гамбурга предлагает ему открыть будущее Германии, но вместо кофейной чашки гадает на ночном горшке. Не в силах выдержать этот «запах немецкого будущего», Гейне бежит. Не раз он высказывает мысль, что все его несчастья произошли из-за того, что борьба Германии за освобождение от Наполеона увенчивается успехом. Ватерлоо — вообще всемирно-историческая катастрофа: «Куда лучше, если бы поколотили нас». В письме к своему другу Сете он говорит:

> *«Все немецкое мне противно, а ты, к сожалению, немец. Все немецкое действует на меня как рвотное. Моим ушам отвратителен немецкий язык. Мои стихи противны мне, потому что они написаны по-немецки. Даже писание этого письма мне тяжело, ибо написание немецких букв болезненно действует на мои нервы».*

Гейне крестился, как он говорит, «чтобы получить входной билет в европейскую культуру», и это сделало его положение еще более двусмысленным. Он писал своему другу Мозеру:

> *«Уверяю тебя, если бы закон не преследовал кражу серебряных ложек, я бы не крестился».*

В дневнике он записал стихи:

«И ты приполз к кресту, который ты презирал, который еще несколько недель назад надеялся втоптать в грязь».

Его первая же трагедия «Альманзор» была, по его собственным словам, неудачной, так как уж слишком проникнута ненавистью к христианам. Первая попытка ее поставить кончилась скандалом. В письме Мозеру он говорит:

«Меня одновременно преследуют христиане и евреи. Последние за то, что я не отстаиваю их равноправие в Бадене, Нассау и других дырах. О, близорукие! Лишь у ворот Рима можно защищать Карфаген».

Кто же этот «Рим», от которого он хочет спасти «Карфаген»? Историк Трейчке приводит слова Гейне:

«Есть такие разновидности идей-насекомых, которые долго смердят, если их раздавить. Таково христианство. Этот духовный клоп был раздавлен 1800 лет назад (распятие Христа?!), а до сих пор отравляет нам, бедным евреям, воздух».

Национально-еврейские чувства так часто прорывались в течение всей его жизни, что, несомненно, некоторые презрительные выпады против еврейства (обязательно уравновешивавшиеся такими же выпадами против христианства, вроде: «Раввин и капуцин одинаково воняют») не были искренними. Он писал, например:

«О Моисей, рабби Мойше, великий борец с рабством, дай мне гвозди и молоток, чтобы я смог прибить уши наших уютных рабов в черно-красно-золотой ливрее к Бранденбургским воротам».

Или уверял, что если бы на свете остался только один еврей, то каждый должен был бы почесть за счастье ехать 100 часов, чтобы только пожать ему руку. Он пишет другу:

> *«Любовь к строгому и последовательному раввинистическому духу уже много лет таится во мне».*

Незадолго до смерти Гейне сказал: «Я вернулся к Иегове». Краткая еврейская энциклопедия так характеризует Гейне:

> *«Его произведения меньше всего представляют собой воплощение немецкого национального характера или духа».*

Против этого трудно что-либо возразить, но мы сталкиваемся с загадкой, столь часто потом встречающейся, что сейчас уже и не кажется загадочной: как, какими методами и силами удалось выдать черное за белое? Убедить немцев, да и все человечество, что Гейне, враг всего того, что (правильно или неправильно) было дорого немецкому национальному сознанию, по его собственным словам, ненавидевший все немецкое, — был величайшим, да еще именно немецким поэтом?

Берне сейчас почти забыт, но тогда его имя произносилось наравне с именем Гейне (и оба были смертельными врагами, раздраженно понося друг друга, вытаскивая на всеобщее обозрение неприглядные подробности личной жизни соперника). Лишь с несколько иными оттенками, Берне мучили те же проблемы, что и Гейне. Один из представителей «Молодой Германии» Вольфганг Менцель писал о нем:

> *«Для него оправдано все, что действенно как разлагающий Германию элемент. Он не говорит нам, что же он хочет основать, когда он все разрушит. Он думает, что об этом позаботятся французы. Нужно лишь сломать эту стену, сделать немцам все немецкое ненавистным, презренным, смешным, все французское же-*

ланным и помочь чем только возможно тому, чтобы французы стали господами Германии, сначала путем братания, потом — вторжения».

И действительно, Берне, например, всю жизнь ненавидел Гёте. Он писал:

«С тех пор как я себя помню, я ненавижу Гёте».

Он цитирует одно письмо, якобы полученное им:

«Этот Гёте — раковая опухоль на германском теле, а что всего хуже, все считают болезнь за высшее здоровье».

Берне комментирует:

«Как это все справедливо! (…) Гёте — король своего народа: свергнув его, легко справиться с народом».

С другой стороны, он делится своими мыслями:

«Дурные евреи не хуже дурных христиан (…). Они даже имеют то преимущество, что умнее их (…). У них есть кровь или нет ее, но у них нет водянистого сока улиток. Одним словом, они не филистеры. О, горе филистерам…»

В одном письме Берне рассказываете о юношеском переживании, по-видимому, сильно повлиявшем на его жизнь. Во время оккупации Германии французами он должен был куда-то ехать из родного Франкфурта и для этого получить паспорт. Французский офицер, взглянув на него, написал «еврей из Франкфурта».

«Кровь моя остановилась (…). Тогда я поклялся в сердце своем. Погодите! Когда-нибудь я вам пропишу

паспорт, и вам, и всем прочим! И не правда ли, не правда ли, я свою клятву выполнил?»

В другом месте он пишет:

«Ничего не забыть, ничего не простить, никакого примирения, кладущего границу ненависти! Все наши мысли — с останками наших отцов. Лишь в будущем будем мы жить, лишь за будущее — умирать».

Поучительна оценка, которую Гретц дает в своей «Истории евреев» деятельности Гейне и Берне. Он сравнивает их с царями, пригоршнями бросающими золотые монеты — это их идеи.

«Они создали немцам элегантный язык, ясномудрый отточенный язык и открыли им храм свободы».

И это после Гёте, Шиллера и романтиков! Но еще своеобразнее характеризует он направление их деятельности:

«Правда, оба они внешне порвали с иудейством (крестились. — И. Ш.), но лишь как бойцы, схватившие вооружение и знамя врага, чтобы его вернее поразить и уничтожить».

Кто же был этот враг: немецкий народ или христианство? Эпоха «Молодой Германии» породила самые знаменитые имена среди европейских писателей-евреев за весь XIX век. Но само еврейское влияние в литературе в последующие десятилетия не только не ослабло, но расширилось и углубилось. Бартельс, «Историю немецкой литературы» которого мы уже цитировали, относит за счет еврейского влияния создание «литературной индустрии», озабоченной лишь финансовым успехом и размерами тиражей, спекулирующей на низком вкусе широких кругов «высшей и средней черни»:

«Эту индустрию, тут не может быть сомнения, нам принесло современное еврейство, подчинившее себе немецкий театр и, в значительной степени, также прессу и создавшее в литературе мощную партию, с которой борьба просто невозможна».

Еврейское влияние в прессе возникло в эту же эпоху и позже оказывало (да и до сих пор оказывает) сильное влияние на жизнь. Уже после Мировой войны об этом писал (под псевдонимом Мейстер) экономический советник консервативной партии Германии Пауль Банг. Это влияние ярко обнаруживается уже в эпоху наполеоновских войн, когда в побежденной Германии появилась целая группа еврейских журналистов и издателей. Типичным примером может служить газета «Телеграф», которую в 1805 году издавал Ланге (Дэвидсон) — некогда близкий друг Лессинга. Позже он издавал «Немецкий Герольд» и «Новый Телеграф». В этих газетах высмеивались немецкие генералы и государственные деятели, даже королевский двор, включая королеву. Газеты эти отличались столь последовательной профранцузской ориентацией, что «Телеграф» считался почти французским официозом.

Другая группа немецко-еврейских журналистов во главе с Саулом Ашером и Эдуардом Итцигом была известна борьбой, которую они вели против немецких писателей-романтиков: Арнима, Брентано, Клейста. Их клеймили как реакционеров, мракобесов, лиц, неблагонадежных с точки зрения французских властей. Был даже пущен слух, что Клейст — душевнобольной. С каким раздражением говорит Гретц, описывая много лет спустя ту эпоху, об этих… (термин, вероятно, соответствующий «русопятам» в применении к русским) Арниме, Брентано, Фуке! Видно, как его возмущает, что они с симпатией относятся к немецкому Средневековью, христианству, Церкви.

Вот как возникла одна из влиятельнейших немецких газет «Франкфуртер цайтунг» (Франкфуртская газета). В 50-е годы банкир Розенталь начал издавать во Франкфурте «Деловое обозрение». Вскоре другой банкир Леопольд (Леб) Зон-

неман превратил его во «Франкфуртскую деловую газету». С 1866 года она стала называться «Франкфуртской газетой». Столь же влиятельная берлинская газета «Берлинер тагеблатт» была основана в 1871 году Рубеном Мозес. Орган демократической партии «Берлинер цайтунг» основал в 1877 году Ульштейн — еврейский предприниматель, разбогатевший на торговле и впоследствии создавший концерн «Ульштейн-прессе», которому принадлежали десятки газет — политических, рекламных, развлекательных.

До сих пор мы говорили в основном о Германии. Но и основатель агентства «Рейтер», которое у всех нас ассоциируется с Британией, родился в Германии, имел фамилию Иосафат и крестился уже взрослым. Одну из наиболее влиятельных газет Англии — «Дейли телеграф» — в 1855 году купил Иосиф Мозес Леви. Далее газетой владел его сын уже под фамилией Лоусон, а потом уже как барон Бернхам — до 1928 года. «Дейли экспресс» с 1904 года издавал Р. Д. Блюменфельд. В Италии до 1912 года редактором главного органа социалистической партии «Аванти» был еврей Тревес (в результате ожесточенной внутрипартийной борьбы в 1912—1914 гг. это место захватил Муссолини, но в 1914 г. Тревес опять его выжил). В США пресса еще больше, чем в Европе, находилась под еврейским влиянием. Например, одним из ведущих газетных боссов, создателем «желтой прессы» был Пулитцер, венгерский еврей, приехавший в Америку, не зная ни слова по-английски. (Теперь же его именем названа одна из наиболее престижных литературных премий). Адольф Охс владел газетой «Нью-Йорк таймс» с 1896 года, «Филадельфия таймс» — с 1901 года.

Весь мир испытал влияние таких идеологов, как Маркс и Фрейд. Множество евреев стало известно в науке, например, физик Герц, экспериментально доказавший существование электромагнитных волн, ряд математиков — Якоби, Кантор, Кронекер и т. д.

Параллельно идеологическому непрерывно росло и экономическое влияние еврейства. Зомбарт приводит следующие

цифры, относящиеся к Германии. В 1870-е годы в эпоху создания большого числа акционерных компаний из 25 самых больших кампаний 16 были еврейскими. В отдельных компаниях среди учредителей от $^1/_3$ до $^1/_4$ составляли евреи. В 1911 году среди директоров наиболее крупных компаний евреи составляли $^1/_8$, среди членов наблюдательных советов — $^1/_3$. В населении же страны они составляли менее 1%. По данным о доходах, вычисленным на основании взимаемых налогов, доходы евреев примерно в 3—4 раза превосходили доходы христиан.

Неудивительно, что в области, где влияние евреев было особенно велико, — финансах — оно еще усилилось. Так, центральный Немецкий банк — Райхсбанк — был частным предприятием, находящимся лишь под наблюдением Министерства финансов. Он был основан в 1873 г. 15 лицами, из которых 11 были евреями, а именно: Беренд, Мейер, Блейхредер, Гельпке, Мендельсон, Оппейнгейм, Плаут, Ротшильд, Штерн, Варшавер и Цвихер.

Конечно, все эти процессы были связаны с резким увеличением числа евреев в образованных слоях общества. Тот же Зомбарт сообщает, что, например, из христиан на каждые 10 000 человек населения высшие классы гимназии посещает 61 ученик, из евреев — 385 (по Пруссии). Он пишет:

> *«Этим цифрам соответствует и их реальное участие в нашей духовной и культурной жизни. Нечего и говорить, что наш художественный, литературный, музыкальный рынок, наш театр, если еще не полностью в их руках, то находится под их существенным, можно смело сказать, решающим влиянием».*

Громадный вес евреев в культуре, прессе, экономике, конечно, отражался на их общем положении и их влиянии на другие стороны жизни. Знаком этого было, например, торжественное празднование в 1905 году 250-летия поселения евреев в США. Президент Теодор Рузвельт обратился к комитету по празднованию с письмом, в котором он говорил:

> *«Я считаю, что можно с уверенностью сказать: очень немногие нации в нашей стране, а может быть, и ни одна другая — прямо или косвенно оказали столь сильное влияние на формирование американского образа жизни».*

Вейцманн вспоминает, что перед Первой мировой войной в итальянском кабинете министров было четыре еврея: Лузатти (премьер), Оттолонги, Соннино и Титани. Кроме того, еврей был мэром Рима. Другой, не внешне торжественный, а обычно скрытый аспект этого влияния можно обнаружить, например, в мемуарах крупного немецкого дипломата эпохи перед Первой мировой войной фон Эккардштета. Он рассказывает, как, будучи немецким послом в Англии, сблизился с главой дома Ротшильдов — бароном Альфредом Ротшильдом. Последний был очень враждебно настроен против «московитов» из-за «варварского обращения русских властей с евреями».

> *«Если речь шла о том, чтобы помешать тайным интригам русской дипломатии, то Альфред Ротшильд, с его большим влиянием, всегда был к услугам».*

В частности, по словам автора, Япония очень колебалась перед вступлением в войну с Россией из-за своей финансовой слабости.

Английское правительство предпочитало сохранять нейтралитет и не покровительствовало крупным займам для Японии. Тогда Эккардштет свел японского посла в Лондоне графа Хаяши с Ротшильдом. Последний заверил графа в своих симпатиях делу Японии и в том, что японское правительство может рассчитывать на поддержку дома Ротшильда. По мнению автора, это сыграло решающую роль в решении Японии начать войну.

Влияние евреев на политику США можно представить себе по эпизоду, о котором мы вскользь упоминали в гл. 1. В 1910 году в прессе США была поднята яростная

кампания против русского правительства, ограничивающего въезд в Россию евреев — американских граждан. (Хотя в то же время пресса писала о бедственном положении евреев в России, и непонятно было, зачем же евреям туда стремиться.) В качестве ответной меры требовали расторжения русско-американского торгового договора. В начале 1911 года президента Тафта посетила делегация влиятельных евреев во главе с крупнейшим финансистом Яковом Шиффом, директором банка Кун, Леб и К°. Президент сообщил делегации, что согласно данным американского посла в России, русское правительство ограничивает въезд евреев, так как большей частью речь идет о недавно эмигрировавших из России евреях, которые хотят теперь вернуться в качестве американских граждан, чтобы не быть ограниченными чертой оседлости. По мнению президента, каждая страна имеет право сама формулировать свою иммиграционную политику. Возмущенный Шифф отказался на прощание пожать руку Тафту. Уходя, он воскликнул: «Итак, это война!» Для победы в этой войне потребовалось 10 месяцев. В конце 1911 года обе палаты Конгресса предложили президенту расторгнуть русско-американский договор, и он подчинился. На следующий год организация еврейского масонства (или построенная по масонскому типу) в США — орден Бнай Брит — вручила президенту Тафту медаль «как человеку, сделавшему в прошедшем году больше всех для блага евреев». Все же в следующие выборы (1913 г.) Тафт не был переизбран.

Ситуацию в Англии характеризует долгий спор в связи с проблемой избрания евреев в парламент. Он тянулся с 1829 до 1858 год и был связан с тем, что евреи отказывались произносить присягу, содержащую слова «по истинной христианской вере». В результате текст присяги был изменен, чтобы быть приемлемым и для иудаистов, и барон Ротшильд занял место в парламенте.

И непосредственно среди руководителей политики большинства европейских государств роль евреев была значительна. Так, в Германии ряд руководителей либерального дви-

жения, начавшегося с революции в 1848 года, были евреи. Например, Габриэль Риссер участвовал в «Предпарламенте» и Учредительном собрании, позже — в Эрфуртском парламенте. Людвиг Бамбергер был одним из создателей либеральной партии, впоследствии они с Эдуардом Ласкером создали прогрессивную партию. Генрих Фридберг много лет был министром кайзера, Рудольф Фриденталь был одним из основателей свободной консервативной партии Пруссии.

Громадное влияние на политическую жизнь Англии оказал Д'Израэли, крещенный отцом в молодости. Он был не раз премьер-министром и министром финансов. Долгое время он стоял во главе консервативной партии и движения «Молодая Англия». Под конец жизни королева пожаловала ему звание лорда Биконсфильда. Премьером Италии был Лузатти. Во Франции многократно министром был Кремье, в то же время крупный национальный еврейский деятель — создатель Всеобщего еврейского союза. Будучи министром внутренних дел, Кремье предоставил французское гражданство жившим в Алжире евреям в то время, как алжирские арабы его не получили. Это стало существенным фактором в отчуждении Алжира от Франции, которое в XX веке привело к кровопролитной войне и отделению Алжира.

Крупнейшие европейские страны поддерживали предоставление равноправия евреям в других государствах. Так, на Берлинском конгрессе 1878 года Франция и Германия поставили условием признания независимости Сербии, Болгарии и Румынии принятие «свободы вероисповеданий». От имени Англии Д'Израэли потребовал распространить этот принцип на все части Оттоманской империи, «требующие помощи от великих держав». По контексту ясно, что речь шла о правах именно евреев. Возражая, князь Горчаков говорил:

> *«В Сербии, Румынии, как и в России, евреи представляют опасность — они не похожи на парижских, лондонских, берлинских и венских евреев, и уравнение их в правах вызовет вредные для страны последствия».*

Требование Франции и Германии было принято конгрессом.

Как же сложились отношения между евреями и народами, среди которых они жили в этот век, когда все пути в жизни оказались им открыты? Многие высказывали надежду, что «еврейский вопрос» перестал существовать, что ассимиляция евреев осуществлялась или же осуществится полностью в ближайшее время.

Действительно, росло число смешанных браков. Так, число еврейских смешанных браков в Пруссии составляло в 1880 году — 10%, в 1890 — 13%, в 1913 году — 20% от числа чисто еврейских. В книге о будущем евреев Зомбарт сообщает, что в 1905—1906 годах они составляли 22% от чисто еврейских браков. Появилось так называемое реформационное течение в иудаизме, определявшее принадлежность к еврейству как отношение к вероисповеданию, а не нации. Они провозглашали, что евреи — это граждане «моисеева вероисповедания» той или иной страны. На Франкфуртском съезде раввинов этого направления было постановлено, что еврей имеет право жениться на христианке, признающей единобожие. Многие евреи принимали христианство. Например, в Вене в 1868 году было 2 случая крещения евреев, в 1875 — 65, 1880 — 113, 1885 — 255, 1904 году — 617. В некоторых областях Австро-Венгрии еврейский язык (идиш) был признан государственным языком.

Но можно было увидеть и признаки того, что положение не столь идиллично. Так, известный немецкий историк Трейчке в своей «Истории Германии в XIX столетии» посвятил целый раздел еврейскому влиянию после освобождения Германии от Наполеона. Он говорит о «скороспелых еврейских талантах, верховодивших в ежедневной прессе»:

> *«Они гордо демонстрировали свою еврейскую обособленность и одновременно претендовали на роль руководителей немецкого общественного мнения.*
>
> *Разрушительное и озлобляющее действие радикального еврейства было тем опаснее, что немцы дол-*

гое время заблуждались по поводу духа этой новой литературной силы. Они безоговорочно принимали за немецкое просвещение то, что на самом деле было еврейской ненавистью к христианству и еврейским космополитизмом».

По-видимому, после революционных переворотов 1848 года, затронувших почти всю Европу, впервые стали говорить о *еврейском засилье в прессе.* Так, В. Эбелинг в своей книге «О литературе и истории» пишет о венской прессе:

«Бросалось в глаза еврейское засилье. Из 80 литераторов, с которыми я встречался, 57 были "нашими". Но такова была политическая жизнь во всей Европе в 1848 года».

В Германии образовалось широкое движение под лозунгами борьбы с «еврейским засильем» в прессе и финансах. Трейчке писал:

«Нынешняя агитация правильно уловила настроение общества, считающего евреев нашим национальным несчастьем».

Именно это движение и называло себя «антисемитским»; видимо, тогда этот термин впервые и возник. Движение было влиятельным, его активно поддерживал даже придворный проповедник Штекер. Была создана «Антисемитская лига», собравшая 250 000 подписей под петицией рейхстагу с требованием определенных ограничений евреев. Рейхстаг, однако, это требование не принял. Один из идеологов того времени В. Марр написал брошюру «Победа еврейства над германством», где он утверждал, что мир уже завоеван еврейством, причем побежденным даже запрещается об этом говорить. Единственная еще непобежденная и борющаяся страна — Россия, но соотношение сил таково, гово-

рит он, что исход борьбы предрешен. Против России будут брошены все силы, и из нее сделают архимедовскую точку опоры, чтобы перевернуть мир.

В Англии вплоть до начала XX века возникали антиеврейские народные волнения. Например, в 1911 году они захватили весь Уэллс, где были разгромлены многие еврейские предприятия и магазины.

Во Франции в 1881—1882 годах выходили журналы «Антиеврей» и «Антисемит». Прудон сказал по поводу революции 1848 года: «Мы поменяли евреев». В связи с «делом Дрейфуса» во Франции вспыхнула волна яростных антиеврейских настроений. Офицер генерального штаба Дрейфус был осужден в 1894 году по обвинению в передаче военных секретов Германии. Позже начались протесты и обвинения, что дело было сфабриковано. Общественное мнение раскололось. С одной стороны, раздавались обвинения в антипатриотизме, желании унизить армию, с другой — в милитаризме, реакционности и антисемитизме. Вопрос о виновности или невиновности Дрейфуса превратился в вопрос партийной борьбы. В конце концов победили «дрейфусары», Дрейфус сначала был помилован, потом реабилитирован, награжден орденом и получил чин майора. В результате сменился целый слой политической верхушки. Этот переворот нельзя рассматривать в отрыве от предшествовавшего ему «дела», тоже потрясшего Францию, — «Панамы». Акционерная компания для строительства Панамского канала распродавала акции на громадные, не обеспеченные суммы и за взятки добивалась правительственной поддержки. Когда разразился скандал, выяснилось, что взятки брали министры, депутаты парламента, большая часть прессы. Одним из инициаторов разоблачения был журналист Дрюмон, издатель газеты «Свободное слово», в которой он также вел яростную антиеврейскую кампанию, и автор книги «Еврейская Франция». И оказалось так, что главными руководителями аферы были: барон Рейнах (родом из Гамбурга) и Эмиль Артон (Аарон), помощником которого был Исаак Бланк. Выяснилось, что за 8 лет компания вытянула из

карманов обывателей более 1300 млн. франков, $^1/_2$ млн. человек были разорены. Основные виновники ушли от наказания (барон Рейнах загадочно скоропостижно скончался), но целый слой скомпрометированных политических деятелей, казалось, вынуждены были уйти из политики. Вот в результате победы в «деле Дрейфуса» большинство из них вернулось, наиболее известный из них Клемансо.

Но и с еврейской стороны высказывались иногда взгляды, дышащие духом Талмуда, зачеркивающие все достижения «века ассимиляции». В качестве примера, по-видимому, из числа самых крайних, приведем статью сиониста Клетцель, опубликованную незадолго до Первой мировой войны в журнале «Янус». Там говорится:

> *«Антисемитизму, ненависти к евреям, с еврейской стороны противостоит великая ненависть ко всему нееврейскому: как мы, евреи, о каждом нееврее знаем, что он где-нибудь в уголке души антисемит и должен им быть, так каждый еврей в глубочайшей основе своего существа ненавидит все нееврейское.*
>
> *Эта великая "еврейская ненависть" один раз нашла в литературе воистину гениальное отражение: Шейлок Шекспира. Сквозь все преувеличенное, соответствующее характеру комедии, мы видим главное: перед нами еврей и более того — ненавидящий еврей.*
>
> *Конечно, никогда, может быть, не существовало еврея, жаждавшего куска мяса из груди Антонио. Наверняка, никакой еврей не одержим сейчас нероновскими мыслями: "Все бы нееврейское в одну шею — а нам бы нож в руки". Наверняка, множество попыток "сближения", "ассимиляции" столь же серьезно воспринимались с нашей стороны, как и трагические еврейские мысли — с другой стороны. Но несмотря на все это, ни для какого нееврея слово "еврей" не звучит безопасно, как и для каждого еврея слово "гой", что не является оскорблением, но несомненным зна-*

ком разделения. Будем честны: нееврейство, как бы высоко мы ни ценили отдельного нееврея, как бы мы с ним ни дружили, нееврейство, как безличную массу, как дух, как сферу деятельности, культурное единство, каждый из нас ставит — кто может здесь возразить? — ниже еврейства! Я думаю, можно доказать, что в еврействе есть движение, являющееся зеркальным отражением антисемитизма. Это я и называю «великой еврейской ненавистью».

Я не уполномочен говорить от имени еврейства; возможно, на эти темы я еще ни словом не перекинулся ни с одним евреем; но это умолчание чисто юридического характера: на самом деле, ничто во мне так не живо, как эта уверенность, что если существует нечто, объединяющее евреев всего мира, так это вот эта великая, возвышенная ненависть.

Я думаю, я должен уточниться от того, чтобы указать научные основания, например, исторические или психологические. Я ощущаю эту ненависть, эту ненависть против чего-то безличного, неухватываемого, как часть моей натуры, созревшую во мне, за развитие и рост которой я должен считать ответственным какой-то закон природы. Ибо это кажется мне ядром человеческого существа — осознать свою природу и стоять за нее.

Нас считают опасностью для Германии. Конечно, это так, это столь же достоверно, как и то, что немецкий дух — опасность для еврейского. Но можно ли от нас требовать, чтобы мы покончили самоубийством? В истине, что сильное еврейство опасно для всего нееврейского, никто не может сомневаться. Все попытки определенных еврейских кругов доказать обратное столь же трусливы, сколь и комичны! Но еще более странно выглядит, когда нееврей совершенно серьезно обращаются к нам с требованием отказаться от нашей естественной ненависти и ожидают от нас сдержанности, скромности и смирения».

Это, конечно, изолированное мнение. Но оно интересно как крайнее проявление разочарования в пути ассимиляции. Гораздо шире то же умонастроение проявилось в движении сионизма — стремлении создать свое, еврейское государство. Хотя идея возвращения в Палестину всегда бытовала в иудаизме, новое, всемирное движение создал Теодор (Вениамин Зев) Герцль. Он сам принадлежал как раз к типу ассимилированного еврея, был венским журналистом. Но во время дебатов по поводу «дела Дрейфуса» был парижским корреспондентом австрийской газеты «Нейе фрейе прессе», и увиденное им произвело переворот в его мировоззрении. В своей программной книге «Еврейское государство» он доказывает, что евреям никогда не удается стать органичной частью европейского общества и единственный для них здоровый выход — создать собственное государство и жить, как другие народы. Он пишет:

> *«Никто не станет отрицать бедственное положение евреев. Во всех странах, где они живут в значительном числе, их преследуют в большей или меньшей степени. Народы, среди которых мы живем, все вместе и каждый в отдельности — явные или скрытые антисемиты. После кратких периодов терпимости вражда против нас каждый раз снова просыпается.*
>
> *С одной стороны, идет наша пролетаризация и обращение в революционеров, мы поставляем унтер-офицеров всех партий переворота, а с другой стороны, сверху, растет наша колоссальная денежная сила. Пусть нам дадут суверенитет над известным пространством земной поверхности, достаточным для удовлетворения справедливых потребностей нашего народа, обо всем остальном мы уже сами позаботимся».*

Подходящим местом для такого государства он считал Палестину, но как возможный вариант рассматривал Аргентину или Уганду. Движение получило широкую поддержку и

стало всемирным. 1-й международный сионистский конгресс собрался в 1897 году в Базеле, 2-й — там же в 1898 году. До Первой мировой войны уже состоялось 11 таких конгрессов. В 1897 году была создана Всемирная сионистская организация. Впрочем, уже с самого начала наметились разные формулировки целей движения. Так, влиятельный идеолог сионизма Ахад-Хаам (Гинцберг) писал:

> *«Неужели мы столько выстрадали… только затем, чтобы в конце концов основать крохотное государство? (…) Необходимо создать в Сионе духовный центр, который объединил бы духовными узами рассеянный народ. Для этого достаточно, если в Палестину переместится незначительная часть еврейского народа, хотя бы только один его процент…*
>
> *…еврейская масса осуждена оставаться в рассеянии, и лишь избранные должны создать в Палестине культурный центр, из которого будет исходить свет ново-еврейского творчества».*

Действительно, реальная сторона сионистской программы оставалась очень неопределенной. Если речь шла о помощи евреям, находящимся в наиболее тяжелом положении, то эмиграция, например, в США давала гораздо более реалистичный выход. Если же речь шла о том, чтобы собрать большую часть еврейского народа в Палестине в духе «исполнения обетования», то это была религиозная программа, связанная с явлением Мессии. Да и трудно себе представить (и до сих пор), как ее можно было бы реализовать. Палестина, безусловно, не могла пропитать такое число людей — это видно сейчас. Правда, в некоторых сионистских документах того времени говорилось о Палестине и прилегающих странах (например, азиатской Турции). В любом случае непонятно, как они могли бы жить, еврейские переселенцы, руководствуясь принципами иудаизма. Например, долгое время колонии в Палестине существовали на пожертвования барона Ротшильда — главы

известного банкирского дома. Но что он сам-то стал бы делать в государстве, основанном на принципах иудаизма? Например, ввиду заповеди

> *«Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост». (Втор 23:19).*

Но, какими бы политическими целями ни руководствовались лидеры, для десятков и сотен тысяч простых евреев участие в этом движении означало признание, что с их точки зрения все грандиозное течение эмансипации и ассимиляции, несмотря на его блистательные успехи, не удалось. Течение сионизма, созданное Герцлем, вызвало громадный всплеск чувств и мыслей в еврейской среде, но в рассматриваемый сейчас период имело очень слабый практический отклик: к началу Первой мировой войны переселенцев в Палестине насчитывалось лишь несколько десятков тысяч. Но в XIX веке восточноевропейское еврейство было охвачено несравненно более мощным движением — эмиграцией в капиталистически более развитые страны: Германию, Англию, но прежде всего — в Северную Америку. 80% эмигрантов направлялось в Америку, большинство из них — из России. За один этот век еврейское население Северной Америки выросло с 3 тысяч до 2 миллионов. Так начала создаваться громадная сила, впоследствии игравшая (и играющая до сих по) решающую роль в мире.

Переселявшиеся в Америку евреи в основном происходили из районов, где они жили в рамках кагальной организации. Вряд ли эта организация полностью сохранилась при переселении за океан. Но, с другой стороны, трудно себе представить, чтобы выкованная веками существования в этой системе традиция полностью исчезла. Действительно, в Америке возникает ряд еврейских организаций — например, в 1906 году создается Американский еврейский комитет, руководителем которого был Яков Шиф, владелец одного из крупнейших

американских банков «Кун, Леб и К^{o}». Большое число еврейских иммигрантов было объединено в организации, называемые «орденами». Что из себя представляли эти организации, не вполне ясно. Они строились из «лож» и «капитулов», что напоминает масонскую организацию. Но иногда утверждается, что сходство было чисто внешним — возможно, что здесь проявилась какая-то другая традиция. В Еврейской энциклопедии приводятся следующие данные об этих орденах:

Орден	Год основания	Число членов на 1907 г.	Число лож
Брит Абрагам (независимый)	887	104 796	446
Брит Абрагам	1859	55 957	331
Б'най Б'рит	1843	21 500	420
Сыны Веньямина	1877	20 336	150
Сыны Иегуды	1890	19 000	118
Агават Израэль	1893	16 963	132
Свободные сыны Израиля	1849	10 920	105

Впоследствии наибольшим влиянием пользовался орден Б'най Б'рит. Он был основан 13 октября 1843 года в Нью-Йорке несколькими еврейскими иммигрантами из Германии. Сначала он назывался Бундес Брюдер, то есть Союз Братства, немецкое название отражало происхождение основателей. Принятое позже название Б'най Б'рит означает Союз Завета. В более поздней книге, посвященной истории ордена, говорится:

> *«Поскольку евреи, родившиеся в Соединенных Штатах, становились слишком американизированными и недостаточно еврейскими, еврейская община оказалась неспособной их интегрировать. Это и привело, в конце концов, к созданию Б'най Б'рита. Поскольку американская еврейская община оказалась неспособной*

решить встающую задачу, немецкая еврейская община создала необходимые структуры, заменив централизацию кагала и синагоги, существовавшую до того среди евреев Нью-Йорка».

Глава 9

Роль в развитии социалистического движения

Антагонизм капитализма и социализма столь подчеркнут, демонстративен, что невольно внушает сомнение: не маскирует ли он внутреннее единство? Не есть ли это два пути, ведущие к одной цели: создание индустриального общества или «технологической цивилизации»? По крайней мере, с точки зрения интересующего нас вопроса оба эти явления очень схожи: если, согласно Зомбарту, евреи сыграли значительную роль в создании капиталистического варианта современного индустриального общества, то их роль в создании идеологии социализма и организации социалистического движения бросается в глаза каждому.

В области идеологии капитализм и социализм проявились впервые как раз не в виде антагонистов. Наоборот, первое социалистическое учение, возникшее в XIX веке, вполне можно оценить и как радикальный вариант идеологии капитализма. И в то же время в его развитии очень значительную роль сыграли евреи. Речь идет о сенсимонизме.

В сен-симонизме идеология создающегося общества развитого капитализма и социалистическая идеология еще не разделились, еще не стали выступать как две противоположные друг другу тенденции, так что в нем их часто трудно и различить. Основу составляет ощущение того, что наступила какая-то новая, совсем необыкновенная эпоха: «Инду-

стриальный век». На первый план выступает проблема организации. Организаторы общества, особенно его экономики, должны стать истинными лидерами государства, им должна быть подчинена жизнь. *«Неопределенная и метафизическая» идея свободы противоположна развитию цивилизации и планомерной организации общества. Общество — это настоящая машина, оно должно быть построено рационалистически, на основе научного плана. Вся жизнь должна быть перестроена так, чтобы служить одной цели — увеличению эффективности экономики. Для этого надо создать и подходящую религию, «так же, как в нормальной школе учат строить мосты или дороги».* Надо добиться такого же совершенства в управлении психологией масс, с каким математика решает геометрические задачи. И собственности надо придать ту форму, которая будет более благоприятствовать развитию централизованного, управляемого государством, хозяйства (это, собственно, и есть единственный элемент учения Сен-Симона, который делает его «предшественником научного социализма»). Уже позже ученики Сен-Симона распространили эту идею и на семью.

Сен-симонизм — это было первое течение в Европе, в котором политический мессианизм, мечта о приходе «нового века» соединился с сильным еврейским влиянием. Сам Сен-Симон отождествлял будущую победу своего учения с еврейским «Царством Мессии», тем переворотом, который предсказывал Ветхий Завет и которого дожидались евреи.

Среди последователей Сен-Симона евреи играли выдающуюся роль. Он пользовался финансовой поддержкой нескольких еврейских финансистов. Среди ближайших его сотрудников евреями были финансист Олинд Родригес и его младший брат Евгений, Эмиль и Исаак Перейра, д'Эйхталь, поэт Леон Галеви, Моис Реноде, Фелисьен Давид. Ходил даже анекдот о дельце на парижской бирже, который на совет для успеха своего дела обзавестись партнером-евреем (интересный штрих для характеристики тогдашних финансовых кругов!) ответил: «Но у меня есть два сен-симониста»! Даже

столь часто потом возникавшее в правых кругах обвинение, что социализм есть еврейский заговор с целью разрушения христианского общества, было, по-видимому, впервые высказано в связи с сен-симонизмом (в произведении «Безбожная комедия» польского поэта Красиньского).

После смерти Сен-Симона еврейское влияние среди его последователей стало еще сильнее. Сен-симонисты (даже не евреи) посещали парижскую синагогу. Родригес писал, что его встреча с Сен-Симоном сделала возможным синтез иудаизма и христианства. На похоронах Сен-Симона он сказал: «В будущем Моисей будет создателем культа, Иисус Христос — догмы, а Сен-Симон — религии, папой». В своих мессианских исканиях сен-симонисты пришли к убеждению, что должен родиться Мессия, мать которого должна быть еврейкой. Они опубликовали воззвание «К еврейским женщинам», в котором говорилось: «Ваша раса — политическая и экономическая связь человечества». Для поисков матери нового Мессии некоторые из них отправились даже на Ближний Восток. Мессию, правда, они не нашли, но разработали план постройки Суэцкого канала, позже осуществленный.

Поразительно, что в сен-симонизме можно найти истоки как идеологии финансового капитализма, так и социализма. Часть его учеников стала вождями революционного движения во Франции, а часть — создателями банков, железных дорог (и не только во Франции). Но все они произошли из среды профессиональных ученых и инженеров, сложившейся в Париже вокруг Политехнической и Нормальной школ. Потом Базар, Бюше, Серкле стали руководителями тайных обществ, профессиональными революционерами. Анфантен стал организатором строительства железной дороги Париж—Лион, братья Перейра — железнодорожного строительства в Австрии, Швейцарии, Испании и России, Тальбо — в Италии. Причем в качестве инженеров привлекались и другие сен-симонисты. Ими же был основан ряд крупнейших французских банков. Вообще основоположники социа-

лизма XIX века многое сделали для капиталистического развития Европы, для придания ему характера «финансового капитализма». Например, в Германии видную роль в этом направлении играли Г. Мевиссен и А. Оппенгейм, находившиеся под влиянием Сен-Симона.

А с другой стороны, в сочинениях Сен-Симона впервые появляются такие понятия, как буржуазия, пролетариат, классовая борьба, организация труда.

Но, конечно, истинный свой размах социалистическое движение приобрело в Германии. У истоков его находится загадочная фигура Мозеса (или Морица) Гесса. Этот вышедший из ортодоксальной еврейской среды самоучка внешне производит впечатление неудачника: он не только не создал своей группы или партии, но не нашел даже хоть сколько-нибудь значительного числа последователей. И тем не менее его влияние на первые шаги социалистического движения в Германии громадно, ему принадлежит ряд концепций, которые потом легли в основу сложившейся социалистической идеологии, хотя те, кто вдохновился его идеями (прежде всего, Маркс и Энгельс), старались представить его как полукомическую фигуру, не заслуживающую серьезного отношения.

Гессу принадлежит мысль, что будущее Европы будет определяться союзом Германии как носительницы гегельянской философии, Франции — революционного социализма и Англии — новой политической экономии (ср. «три источника марксизма»). Уже в 30-х годах XIX века он высказал мысль, что вся жизнь определяется индустриальным развитием, которое ведет к прогрессирующему обнищанию трудящихся и «социальной катастрофе». Он развил идею отчуждения труда в форме денег, ему принадлежит критика прав человека как прав буржуазных. Критикуя Вейтлинга, он доказывал, что социализм не может осуществляться лишь как протест против материальных лишений, что он должен основываться на логике мысли, науке. Наконец, ему принадлежит взгляд, что реализацией в жизни фейербаховского атеизма является коммунизм. Именно он открыл Бакунину мир этих новых ком-

мунистических концепций. Маркс пришел к этим взглядам на несколько лет позже, и ввиду близкого знакомства с Гессом — невероятно, чтобы не без его влияния. Бакунин писал (письмо Гильому от марта 1869 г.):

> *«Мориц Гесс такой же образованный, как и Маркс, но более практичный (?) и в известном смысле создавший последнего».*

Об Энгельсе Гесс писал:

> *«Он покинул меня сверхревностным коммунистом. Так я сею опустошение». (Письмо Ауэрбаху от 19 апреля 1843 г.).*

Но загадочно в Гессе то, что одновременно он был убежденным сионистом, неутомимым пропагандистом еврейских национальных идей. И поразительно, что это не было результатом кризиса, смены взглядов; нет, это происходило именно одновременно и в течение всей его жизни.

В первом своем произведении «Священная история человеческого рода» Гесс писал:

> *«Этот народ (евреи) был изначально призван, чтобы завоевать мир не так, как языческий Рим, силой своей мышцы, но через внутреннюю возвышенность своего духа. Он сам странствовал, как дух, по завоеванному им миру, и его враги не могли его уничтожить, ибо дух неуловим. Этот дух уже пронизал мир, уже чувствуется тоска по укладу, достойному древней Матери. Он появится, этот новый уклад, старый Закон вновь явится в просветленном виде».*

Он считает еврейство двигателем современного западного прогресса, Россию — его главным врагом. Еврейство, говорит он, — это нация, а не религия. Гесс предсказывает, что даже

после создания еврейского национального государства большинство евреев Запада останутся на своих местах, а переселятся туда, в основном, евреи из «восточных варварских стран». В более поздней книге «Рим и Иерусалим» Гесс говорит:

> *«Прежде всего расовая борьба, борьба классов второстепенна».*

Он писал:

> *«Всякий, кто отрицает еврейский национализм, — не только отступник, изменник в религиозном смысле, но и предатель своего народа и своей семьи. Если окажется, что эмансипация евреев несовместима с еврейский национализмом, то еврей должен пожертвовать эмансипацией. Каждый еврей должен быть прежде всего еврейским патриотом».*

И в то же время он участвовал в работе I Интернационала, выступал за интернациональную солидарность рабочих и классовую борьбу и даже критиковал Эрфуртскую программу немецкой социал-демократии за то, что в ней присутствует национальный душок.

Наконец, в статье «О сущности денег» Гесс высказывает и еще более сложную мысль:

> *«Евреи, которые в естественной истории мира должны были выполнить функцию превращения человека в дикого животного, исполнили это как профессиональную работу».*

Ту форму, в которой социалистическое движение в Германии сыграло свою всемирно-историческую роль, оно приобрело в руках двух деятелей: Маркса (настоящее имя которого была даже не Карл, а Мардохей) и Лассаля. Оба они были под сильным влиянием английского экономиста еврейского про-

исхождения Рикардо — не социалиста, но создавшего основоположную для ряда социалистических течений «трудовую теорию стоимости». Маркс и Лассаль враждовали, и в переписке Маркс любил называть Лассаля «жидком», а Лассаль, по-видимому, имея в виду Маркса, говаривал, что евреев надо держать подальше от социал-демократии. Но в юности Лассаль был ярым еврейским националистом, он мечтал встать во главе своего народа и повести его к освобождению «пролитием христианской крови», а такие чувства нелегко изживаются.

А вот как характеризовал Маркса и его окружение Бакунин (в рукописи «Мои отношения с Марксом»):

> *«Сам еврей, он имеет вокруг себя, как в Лондоне, так и во Франции, но особенно в Германии, целую кучу жидков, более или менее интеллигентных, интригующих, подвижных и спекулянтов, как все евреи, повсюду, торговых или банковских агентов, беллетристов, политиканов, газетных корреспондентов всех направлений и оттенков, — одним словом литературных маклеров и, вместе с тем, биржевых маклеров, стоящих одной ногой в банковском мире, другой — в социалистическом движении и усевшихся на немецкой ежедневной прессе — они захватили в свои руки все газеты, и вы можете себе представить, какая из всего этого получается мерзкая литература. Так вот, весь этот еврейский мир, образующий эксплуататорскую секту, народ-кровопийцу, тощего прожорливого паразита, тесно и дружно организованного не только поверх всех государственных границ, но и поверх всех различий в политических учреждениях, — этот еврейский мир ныне большей частью служит, с одной стороны, Марксу, с другой — Ротшильду. Я убежден, что, с одной стороны, Ротшильды ценят заслуги Маркса, а с другой — Маркс чувствует инстинктивное влечение и глубокое уважение к Ротшильдам».*

Конечно, это отзыв врага и человека до крайности пристрастного. Неожиданным образом более объективную информацию о национальных чувствах Маркса можно почерпнуть из воспоминаний князя Хлодвига Гогенлое. Он рассказывает о беседе с известным французским журналистом Максимом Дю Кам:

> *«Между прочим мы заговорили о евреях, и он сказал, что познакомился с Марксом и последний будто бы высказал ему мысль, что Интернационал и его партия не признают отдельных народностей, а только человечество. Дю Кам ответил, что, хотя патриотизм вещь второстепенная, однако, возведенный в принцип, он немало способствовал совершению важных дел. Маркс страстно возразил на это: «Как вы хотите, чтобы мы были патриотами, когда со времен Тита у нас нет отечества! Дю Кам вынес впечатление, что это и есть причина возникновения Интернационала, обязанного своим возникновением евреям».*

Так или иначе, наследство свое Маркс и Лассаль оставили почти исключительно евреям. Мы встречаемся еще с одной загадочной фигурой: Пауль (Пинхус) Зингер, еврейский миллионер (зингеровские швейные машины еще долго после революции были в большинстве семей у нас в стране), в то же время как меценат социал-демократии открывал партийные съезды и представлял партию в рейхстаге, а кроме того, был главой еврейской религиозной общины.

Первое социалистическое немецкое рабочее объединение «Рабочее братство» организовал в 1848 г. Буттермильх (взяв имя Стефан Борн). Уже позже Лассаль организовал «Немецкий рабочий союз», председателем которого после его смерти стал Зингер. Первую социал-демократическую газету на немецком языке начал издавать еврей Карл Хохбер. Центральным органом социал-демократии стал «Форвертс», которым по очереди руководили Бернштейн, К. Либ-

кнехт (его отец — известный революционер В. Либкнехт был немцем, а мать — дочерью биржевого спекулянта из Польши Парадиза) и Курт Эйснер. Во время Первой мировой войны в немецкой социал-демократии произошел раскол, после чего редактором стал австрийский еврей Штампфер, потом его заменил Куттнер. Так же обстояло дело и с другими органами немецкой социал-демократии. Так, Каутский редактировал «Ди цукунфт» и «Ди нейе цайт». «Ди социалистише монатсхефте» финансировал мультимиллионер Аронс, а редактировал Блох.

В области теории ситуация была аналогичной. Когда марксизм ревизовал Бернштейн, то возражал ему Каутский. О роли евреев в руководстве немецкой социал-демократией говорится в книге В. Зомбарта «Пролетарский социализм». Он приводит такие имена из числа руководящих: Зингер, Остадтхаген, Шенбанк, Аронс, Парвус (Гельфанд), Р. Люксембург, Каутский, Гаазе, К. Либкнехт, Бронштейн, Браун, Франк, Вурм, К. Цеткин, Гильфердинг, Леви, Кон… Аналогичную картину рисует Робер Михэльс в книге «Социология партий», называя примерно те же имена. Он добавляет, что и во главе местных организаций стояли почти исключительно евреи. В цитированной выше книге Зомбарт пишет:

> *«Во главе социал-демократии в Австрии стояли и стоят, по-видимому, одни евреи».*

Михельс же приводит имена евреев, входивших в руководство австрийской социал-демократии: Виктор Адлер, Эльленбоген, Аустерлиц, Фритц Адлер, Отто Бауер, Макс Адлер, Гертц, Тереза Шленгнер и многие другие. Видный деятель международного социал-демократического движения Гендрик де Ман в своих воспоминаниях говорит по поводу положения социал-демократической партии Австро-Венгрии:

> *«При всем уважении, которое отдавали выдающимся способностям и качествам "отца партии" Вик-*

тора Адлера, ему ставили в упрек склонность замещать близкие к нему посты предпочтительно евреями.

Случай Виктора Адлера был не единственным в своем роде; в еще более абсолютной форме то же имело место и в связи с его сыном Фридрихом, который между 1933 и 1940 годами в качестве секретаря II Интернационала под конец был окружен исключительно еврейскими функционерами. Еще худшие последствия имела, по моему мнению, неудачная политика подбора кадров Леона Блюма для руководимой им французской социалистической партии и имеет и по сей день».

Согласно Зомбарту, среди руководящих деятелей периода Парижской коммуны, евреями были: Леон Франкель, Симон Майер, Дакоста, Исидора де Франсуа, Гастон Кремье.

В Америке основателем социалистической партии в 1877 году был Даниэль де Леон. В 1905 году, когда Американская федерация труда разделилась на правую и левую фракции, во главе первой встал Самуил Гомперс, второй — Фостер.

В Англии в руководство Фабиановского социалистического общества входили также Леонард Вульф и Гарольд Ласки.

Михельс пишет, что организационный конгресс французской «Парти Увриер» в 1879 году был возможен исключительно благодаря денежной помощи Кремье. Издание «Юманите» в 1904 году было осуществлено благодаря финансовому вкладу еврейских банкиров. Среди наиболее влиятельных евреев — вождей французской социалистической партии он выделяет Мильерана (но, кажется, он происходит от смешанного брака) и уже встречавшегося нам Леона Блюма. Согласно тому же автору, положение в других странах не было существенно отличным. В США среди руководителей социалистической партии евреями были Хилквист, Симонс, Уотерман; в Голландии — Анри Поляк, Вайнкуп,

Мендельс; в Италии — Лузатти, Тревес, Модильяни, Ламброзо. Михельс говорит:

> *«Во многих странах, например, России, Румынии и особенно в Польше и Венгрии руководство партий было почти без исключения в руках евреев, что было видно с первого взгляда на международных конгрессах».*

Автор уверяет, что так же обстояло дело и среди анархистов. Важно отметить, что Михельс — социалист, даже лишившийся кафедры за свои социалистические выступления. В высказываниях по поводу евреев он очень осторожен, мягок. Например, он поздравляет немецкую социал-демократию с тем, что она сумела победить опасность антисемитизма, главным представителем которого в ней был Дюринг (когда и появился «анти-Дюринг»). Тем не менее он не может удержаться от наблюдения:

> *«Общая черта приспособляемости и духовной подвижности еврейства не может объяснить интенсивность количественного и качественного влияния евреев в рабочем движении».*

И вот оказалось, что в XX веке, веке революционных потрясений, руководство революционных партий состояло в большинстве своем из евреев.

Прежде всего возникает вопрос: может быть, евреи, участвовавшие в социалистическом движении, были интернационалистами и атеистами, порвавшими со своими национальными корнями, и их влияние на это движение никак не отражало их еврейского происхождения? По крайней мере во многих случаях можно установить, что дело обстояло не так: даже в этой работе мы встречали примеры ведущих деятелей социалистического движения, которые в то же время явно были национально мыслящими евреями. Ярчайшим примером является Мозес Гесс. Нам меньше известно в этом отношении

о Марксе и Лассале, но существуют прямые свидетельства о каких-то национальных элементах в их мировоззрении. Кремье сначала создал Всемирный Израильский Союз, а потом помогал организовать французскую рабочую партию. Бернштейн был одним из вождей немецкой социал-демократии, а к концу жизни переселился в Палестину. Один из основателей российской партии социалистов-революционеров и редактор ее органа «Русский рабочий», Хаим Житловский был в то же время автором брошюры «Еврей к евреям», в которой призывал еврея вернуться к своему народу. Каутский, в его полемике с Троцким в книге «От демократии к государственному рабству», в качестве одной из самых страшных опасностей, проистекающих из красного террора, пугал «погромами против евреев и большевиков» (евреев на первом месте!).

Таких примеров можно привести много, но они только оправдывают постановку основного вопроса: каков же был характер еврейского влияния на развитие социалистического движения? — но никак не помогают ответить на него. Бросается в глаза, что евреи, мало связанные традицией и происхождением с окружающей жизнью, легче становились проповедниками ее разрушения. Она не внушала им любви, им ее не было жаль, и они легче приходили к убеждению, что она не годна ни на что, кроме полного уничтожения. К этому примешивались часто и воспоминания о прежних обидах и унижениях, а иногда и прямая ненависть, апеллировавшая к еще не преодоленному неравноправию. Таким образом, евреи радикализировали и революционизировали социалистическое движение.

Многие наблюдатели отмечали и более глубокую связь между еврейскими религиозными представлениями и идеологией социализма. Вера в грандиозный исторический и космический переворот, который разрушит старый, несправедливый мир, вера в избавителя-Мессию, призванного вернуть «избранному народу» принадлежащее ему главенство в мире и установить новый, совершенный порядок, при котором найдут разрешение все мучающие человечество вопросы, — все это очень близко духу учения о грядущей мировой револю-

ции, победе пролетариата и новом строе, в котором найдут разрешение противоречия человеческого общества и даже противоречия человека и природы. И мы видим, что, например, последователи Сен-Симона действительно осуществили некий синтез еврейского мессианизма и социализма. В ряде интересных работ русский философ и богослов С. Булгаков прослеживает центральную роль идеологии еврейского мессианизма в марксизме. Он пишет, например:

> *«В этом смысле современный социализм представляет собой возрождение мессианских учений, и К. Маркс вместе с Лассалем суть новейшего покроя апокалиптики, провозвещающие мессианское царство».*

Булгаков находит аналогии между литературой так называемой «иудейской апокалиптики» и «научным социализмом». Они обе исходят из некоторой общей картины исторического процесса. Обычно апокалиптические произведения описывают уже произошедшие события, но приписывается это какому-нибудь древнему автору (Адаму, Еноху, Баруху…) и излагается как пророчество. Но частично в них содержится и предсказание будущего в обычном смысле. Эта литература опирается, по мнению Булгакова, на очень абстрактную концепцию, согласно которой история детерминирована и ее закономерности доступны человеческому пониманию. Хотя и выражается это при помощи необычного для нас языка: символов мифологических зверей, эпох, мистики чисел. Но этот путь дает возможность предвидеть будущее, которое рисуется в виде грандиозной катастрофы, гибели врагов Израиля, избиения великих мира сего и т. д. Но завершится воцарением в Иерусалиме Мессии и эрой всеобщего материального процветания. Булгаков сопоставляет картину борьбы исторических сил, символизируемых апокалиптическими зверями и детерминированной смены эпох с идеологией «законов истории» и исторического прогресса, а грядущую катастрофу — с социалистической революцией. Царство Мессии соответству-

ет наступлению социалистического или коммунистического строя. И действительно, такие предсказания, как:

> *«И будет земля в 10 000 раз давать плод свой, и на одной виноградной лозе будет 1000 ветвей, и на каждой ветви 1000 кистей, а каждая кисть будет приносить 1000 ягод, а каждая ягода даст кору вина», —*

дышит тем же духом, что предсказание Троцкого (в статье «Литература и революция»), что в будущем коммунистическом обществе «средний человеческий уровень поднимется до уровня Аристотеля, Гёте и Маркса».

Эти наблюдения находят подтверждение с неожиданной стороны. А. Ландауэр, бывший в 1919 году одним из руководителей восстания в Мюнхене, до того проповедовал именно эту концепцию, что социалистический переворот воплотит в жизнь идеи еврейской веры в Мессию.

Но очевидны и возражения против слишком прямолинейного проведения подобных взглядов. Ведь не только еврейские последователи Сен-Симона, но и он сам чувствовал и провозглашал связь своего учения с еврейским мессианизмом. А Сен-Симон не только не был евреем, но происходил из древнего аристократического рода. Как и в случае с «высокоразвитым капитализмом» евреи играли громадную роль в создании социалистического движения, но наряду с ними были и очень влиятельные неевреи, как Энгельс и Плеханов.

Глава 10

В России перед революцией

1. Финансы и печать

К моменту революции 1917 года в России проживало около 6 млн. евреев, то есть в то время самая большая еврейская

группа в пределах одного государства и в то же время около половины еврейского народа. Это обстоятельство сыграло и играет до сих пор громадную роль в истории России.

Главная масса евреев в России жила в XIX веке в так называемой черте оседлости, то есть в областях, отошедших к России в результате «разделов Польши», где они жили уже несколько веков. К этим землям было добавлено еще 15 губерний России (по теперешним разделениям, Белоруссии, Украины, Молдавии, России), как говорит Шульгин: земли, «по своим размерам превосходившие любое европейское государство». Вне черты оседлости имели право жить лишь некоторые евреи (точнее, лица иудейского вероисповедания): с высшим образованием, купцы I гильдии и т. д. Иногда эти права расширялись (включая, например, и тех, кто у них работал), иногда восстанавливались в первоначальном объеме.

Основная часть еврейского населения России была организована в религиозные общины (кагалы), находившиеся под жестким руководством богатой верхушки и раввинов. Их тип жизни в основном соответствовал укладу средневековых еврейских общин. Он был описан Брафманом (крещеным евреем) в «Книге Кагала». Долгое время эта книга считалась в либеральном лагере «антисемитской клеветой». Но ее положения очень близки тем, которые описывает, например, Шахак, говоря о «тоталитарном укладе» еврейских средневековых общин (а большинство евреев России вплоть до XIX века жили в средневековой традиции). Так что, скорее всего, сообщаемые в книге факты соответствуют действительности. Мы описали этот тип жизни, какой вырисовывается по книге Брафмана и высказываниям Шахака, в гл. 4.

Политика русского правительства по отношению к евреям России была в XIX веке непоследовательна, в ней сменялись противоположные принципы. То правительство пыталось опереться на кагалы и их администрацию (в духе «поддержки народной традиции»), то старалось привить евреям стиль жизни остальной страны (в духе «насаждения просвещения»).

Как и в других странах, в XIX веке и начале XX века влияние евреев на жизнь России осуществлялось, прежде всего, через их роль в экономике, в основном в финансах.

Об экономическом положении евреев в черте оседлости, мне кажется, объективное представление может дать книга А. П. Субботина «В черте еврейской оседлости». С одной стороны, она написана с либеральных позиций, ставит себе цель, как говорит автор, опровергнуть утверждения, что евреи эксплуатируют остальное население, живут богаче его. С другой стороны, она содержит множество конкретных фактов. Так, автор сообщает: в Минской губ. среди купцов I и II гильдии евреи составляли в 1876 году— 90%, в 1880 — 98%, в 1884 — 83%, в 1886 — 88% (книга издана в 1888 г.). Среди всех купцов — 87,8%. Среди хозяев питейных заведений — 95%. Из 1297 табачных лавок не принадлежат евреям 4. В обороте купеческой торговли они занимают 91%.

В Виленской губернии евреи в населении составляют 15%. Среди купцов — 81%. За 25 лет число еврейских купцов увеличилось на 13%, а нееврейских — уменьшилось на 46%.

В Ковенской губернии доля евреев в населении — 20%, среди купцов I и II гильдии — 81,3%. Среди хозяев питейных заведений — 75%. Их доля в крупном обороте всей купеческой торговли — 95,5%. В Волынской губернии евреи составляют приблизительно $^1/_7$ часть населения. Среди купцов их — 91%, их доля в торговом обороте — 74%. Доля в табачной торговле — 94%.

В Киеве евреи составляют 10% населения. Среди купцов I и II гильдии — 43%, их доля в общем торговом обороте — 45%. Из 259 оптовых винных складов принадлежат нееврeям 12. Из 5134 питейных заведений евреям принадлежит 5004, т. е. 97%.

С другой стороны, в своих статьях о «еврейском вопросе» Достоевский пишет:

«Наши оппоненты указывают, что евреи бедны, повсеместно даже бедны, а в России особенно, что

только самая верхушка евреев богата, банкиры и цари бирж, а из остальных чуть ли не девять десятых их — буквально нищие, мечутся из-за куска хлеба, предлагают куртаж, ищут где бы урвать копейку на хлеб. Да, это, кажется, правда, но что же это обозначает… зато верхушка евреев воцаряется над человечеством все сильнее и тверже и стремится дать человечеству свой облик и свою суть».

Эту же мысль подтверждает Зомбарт примером Германии, где, как о говорит, евреи пока не добились богатства, как правило, живут беднее окружающего христианского населения, так как большую часть имеющихся у них капиталов пускают в оборот, оставляя себе меньше на удовлетворение более непосредственных потребностей.

Но крупные еврейские банкиры и «цари бирж» (как их назвал Достоевский) не были ограничены чертой оседлости и оказывали значительное влияние на жизнь всей России.

Как и повсюду, еврейское влияние в России было особенно сильно в банковском деле. Еще в XIX веке на юге были влиятельные банки Рафаловича и Ефрусса, в Варшаве — Френкеля. Витте пишет, что министр Вышнеградский был «как бы поверенным Блиоха в Петербурге». Многие сферы жизни охватывал банкирский дом «Е. И. Гинцбург». В 1869 году он участвовал в создании Петербургского учетно-ссудного банка (директор-бухгалтер Гинцбурга А. И. Зак). В биографии, написанной Слиозбергом, говорится, что дом Гинцбурга «находился в тесных дружеских отношениях с банками Варбурга (Гамбург), Мендельсона и Блейхредера (Берлин)… Гинцбург был в родстве с банкирами Варбургом, Гиршем, Герцфельдом (Будапешт), Ашкенази (Одесса), Розенбергом (Киев), Бродским (Киев). Гинцбург получил в 1879 году разрешение на занятие золотопромышленным делом в Сибири и основал предприятия в Забайкалье и Якутии. Центром его деятельности было “Ленское товарищество”, к которому был привлечен дом “Э. М. Мейер”, а с 1880 года — Рафалович и Ефрус-

си. В 1896 году основано а/о "Ленское золотопромышленное товарищество" с участием Гинца и Мейера. С 1906 года в нем стал участвовать английский капитал через брокерскую фирму "Л. Гирш и К°". В 1908 году было основано общество "Лена Голд-филдс" с директорами Гинцбургом, Бояновским, Мейером, Шампаннером. Именно на Ленских предприятиях Гинцбурга, как протест против тяжелых условий работы, начались рабочие волнения, усмиренные в 1912 году расстрелом ("Ленский расстрел")».

Гинцбурги образовали мощный клан, несколько поколений игравший руководящую роль в финансах (и всей экономике) России. Другим таким кланом были Поляковы. Основатель клана Самуил Поляков разбогател на железнодорожном строительстве, субсидировавшемся (на льготных условиях) казной (для строительства Харьковско-Азовской железной дороги Поляков получил кредит в 8 млн. руб.). Его сыновья Яков и Лазарь были уже крупнейшими банкирами: учредителями Донского земельного и Петербургско-Азовского банков. В руках семьи Поляковых находилось «Торгово-промышленное и ссудное общество в Персии». Его директорами были: Друри, Рафалович, Стефаница, Ландау, Рубинштейн. Лазарь Поляков был председателем Петербургско-Московского, учредителем и фактическим распорядителем Московского Международного торгового, Ярославско-Костромского, Южнорусского промышленного и других банков. Яков Поляков вел операции на юге через Азовско-Донской, а в столице — через Петербургско-Азовский банк.

В Одессе в 1910 году был учрежден банк «А. М. Бродский», а в 1911 году — Одесский купеческий банк с капиталом в 3 млн. руб., учредителем которого был Л. А. Бродский, представлявший банк «А. М. Бродский».

В воспоминаниях одного банковского работника, опубликованных в 1915 году в журнале «Еврейская старина» (т. 8), говорится: «В выходцах из черты оседлости происходила полная метаморфоза: откупщик превращался в банкира, подрядчик — в предпринимателя высокого полета (…); образовалась

фаланга биржевых маклеров, производивших колоссальные воздушные обороты. В Петербурге появилось новое культурное ядро еврейского населения: возникла новая, упорядоченная община взамен прежней».

Весомая роль еврейского капитала сказывалась, прежде всего, в его влиянии на дореволюционную прессу. Так, официальным органом Конституционно-демократической партии была ежедневная газета «Речь». Редактором ее был Милюков, соредактором — И. В. Гессен. Тыркова-Вильямс в воспоминаниях пишет, что Гессен, вместе с А. И. Каминкой достал для газеты деньги от Азовско-Донского банка, где директором был другой Каминка. Главным пайщиком в газете был Ю. Б. Бак, разбогатевший на железнодорожных поставках. Последний заключил соглашение с торговым домом «Л. и Э. Метцель и К°», дававшее этому дому право объявлений в «Речи». Другое, «народное», издание той же партии, газета «Современное слово» публиковало те же материалы, было дешевле и имело больший тираж. Оно одновременно служило финансовой поддержкой «Речи», его финансировал банкир Г. Д. Лесин совместно (что очень характерно) с П. П. Рябушинским. Ее фактическим издателем был тот же Ю. Б. Бак, а официальным — И. М. Ганфман, а также В. А. Поляков, совладелец вышеназванного дома «Л. и Э. Метцель и К°» и его жена Ф. Н. Полякова.

Историк-марксист М. Н. Покровский рассказывает:

> *«Я знаю, что еще в 1907 году кадетская газета "Новь" в Москве субсидировалась некоторого рода синдикатом крупной еврейской буржуазии, которая больше всего заботилась о национальной стороне дела и, находя, что газета недостаточно защищает евреев, приходила к нашему большевистскому публицисту М. Г. Лунцу (псевдоним — М. Григорьевский) и предлагала ему стать редактором газеты. Он был крайне изумлен, говорит: как же — ведь ваша газета кадетская, а я большевик. Ему говорят: это все равно. Мы*

думаем, что ваше отношение к национальному вопросу более четкое. Таким образом, кадетская газета была фактически на жалованье еврейского буржуазного синдиката, который, как видите, к кадетской программе был довольно равнодушен».

Существовала группа газет, рассчитанных на малообразованные городские слои. Типичный пример — газета «Копейка». Ее не раз обвиняли в «беспринципности» и «безыдейности», ходил анекдот, что ее политическая позиция выражается словами: «Торгуем, батюшка». Ее выпускало издательство «Копейка», основанное в 1897 году М. Б. Городецким, А. Э. Коганом и Б. А. Катловкером. Оно же издавало ряд газет такого же типа: «Журнал-копейка», «Листок-копейка», «Петербургская газета — копейка» и другие. Это была самая многотиражная пресса России. За кулисами ее стояли М. М. Гаккебуш-Горелов и Б. А. Катловкер.

Кроме того, был тип изданий, заявлявших о себе как независимые. Владельцем «Биржевых ведомостей» был С. М. Проппер, плохо владевший русским языком, приехавший без средств в Россию, но потом ставший гласным Городской думы в Петербурге и коммерции советником. Газета «День», имевшая слегка социалистический оттенок, основывалась при поддержке Г. Д. Лесина. Газету «Россия» финансировал М. О. Альберт. Она издавалась менее трех лет и была закрыта властями за нашумевший фельетон А. М. Амфитеатрова «Семья Обмановых» — под этим именем поносившего царствующий дом. На издании Альберт лично потерял 200 тыс. рублей.

Особое место в русской прессе занимало «Новое Время», благодаря его «антилиберальной» направленности. В частности, там регулярно печатались «Письма ближним» М. О. Меньшикова, чрезвычайно враждебные к евреям (за что он и был расстрелян в 1918 г.).

Ее издателем был А. С. Суворин, начиная с 1876 года. Но после его смерти паи в товариществе, руководившем газетой,

перешли в руки еврейских финансистов. Об этом подробно рассказывает секретарь Распутина — Симанович, малодостоверный источник, но сам факт подтверждается мемуарами многих деятелей того времени. В частности, этот вопрос обсуждается в книге Т. Аронсона «Россия накануне революции».

В Государственной думе был известен случай, когда во время обсуждения какого-то вопроса, касавшегося черты оседлости, Пуришкевич, указав на «ложу прессы», воскликнул: «Да вот она, черта оседлости!» — и весь зал покатился со смеху. Мне об этом рассказывало несколько человек старшего поколения. В то время публиковались длинные списки еврейских корреспондентов русских газет, аккредитованных при Государственной думе. О масштабах еврейского участия по этим спискам судить трудно, так как в них приводятся только имена еврейских журналистов. Но какое-то особенное впечатление производят такие сочетания, как газета «Русь» (представлена Абилевичем Шльома Менделевичем и Стембо Авраамом Лазаревичем), «Русский голос» (представлен Столкиндом Абрамом Янкелевичем) и так в большом числе случаев. Видимо, имея в виду подобные разговоры, Тыркова-Вильямс в воспоминаниях говорит, что среди журналистов, аккредитованных при I Гос. Думе, она знала нескольких русских: она запомнила Аркадакского («Русские ведомости»), Скворцова («Колокол») и Пиленко («Новое Время»).

В заключение был еще один фактор, от которого тогда, как и теперь, зависела финансовая поддержка прессы — размещение объявлений. Крупнейшей конторой объявлений в России был торговый дом «Л. и Э. Метцель и К°», учрежденный в 1878 году. К 1914 году он сконцентрировал в своих руках более половины всех публикационных контор в городах России и за границей. В начале XX века делами «Л. и Э. Метцель и К°» заправляли В. А. Поляков (директор-распорядитель фирмы) и член правления Азовско-Донского банка Э. П. Эпштейн. Правые источники оценивал и положение так: «Получить от этой фирмы объявления может лишь орган “прогрессивного” направления, и притом строго держащийся подобной окра-

ски… Обороты фирмы, где вершителями являются гг. Поляков и Эпштейн, превышают уже 10 млн. рублей». Например, правая газета «Русское чтение» заключила соглашение с торговым домом «Л. и Э. Метцель и К°», по которому должна была получать от этого дома 30 тыс. руб. в год, однако менее чем через год соглашение было расторгнуто. Но с кадетскими газетами «Речь» и «Русские ведомости» этот же дом имел постоянные соглашения и обеспечивал большую часть их доходов. Так, фирма гарантировала газете «Речь» 330 руб. за каждый номер, но лишь при условии, что газета не изменит своего направления и состав сотрудников останется тем же. В 1912 году было заключено новое соглашение, по которому фирма гарантировала газете доход: в 1912 году — 155 тыс. руб. в 1913 — 170 тыс. руб., в 1914 году — 185 тыс. руб. При этом «прогрессивная» пресса травила правую, укоряя ее за гораздо меньшие субсидии, получавшиеся иногда от правительства, и прочно приклеила к ней ярлык «рептильной».

Впрочем, правительственные субсидии были явно недостаточны, чтобы привлечь в «правую прессу» квалифицированных журналистов или хотя бы бойкие перья. Те номера «Земщины» или «Русского знамени», которые мне довелось видеть, производят впечатление очень низкого уровня. Главным врагом в них предстает «жид», причем все рассматривается на самом низком, примитивном уровне: «в Москве много еврейских аптек» и т. д. Я, по крайней мере, не увидел попыток осмысления уже очевидной трагической ситуации России. (За исключением того, когда в «Знамени» публиковался Розанов, статьи которого примитивными никак не назовешь).

Достоевский, который никогда не лавировал и с предельной резкостью говорил то, что думал, писал:

> *«Вы вот жалуетесь на жидов в Черниговской губернии, а у нас здесь в литературе уже множество изданий, газет и журналов издается на жидовские деньги жидами (которых прибывает в литературу все больше и больше), и только редакторы, нанятые жидами, под-*

писывают газету или журнал русским именем — вот и все в них русского. Я думаю, что это только еще начало, но что жиды захватят гораздо еще больший круг действия в литературе, а уж до жизни, до явлений текущей жизни я не касаюсь — жид распространяется с ужасающей быстротою».

Письмо написано 28 февраля 1878 года. Если убрать слово «жид», ставшее теперь бранным, то получится эмоциональное описание той же тенденции, на которую указывают сухие факты. Конечно, чуткий, глубокий мыслитель ощущал складывающуюся тенденцию на десятилетия вперед. Но это и есть особенность великих умов; а сосчитать национальный состав директоров банков или издателей газет — и каждый из нас может.

Уже в XX веке Розанов формулировал жестче:

«Вся литература (теперь) "захватана" евреями. Им мало кошелька: они пришли "по душу русскую"…»

2. Противостояние

В чем же выражалось влияние еврейского капитала на русскую прессу? Тут естественно сопоставить два факта: 1. Подавляющая часть прессы была «оппозиционной» («Новое Время» и несколько правых газет принадлежали к небольшому числу исключений). Собственно, понятие «прогрессивности» и включало в себя «оппозиционность», то есть враждебность существовавшему тогда в России укладу, как в его принципах, так и в большинстве частных проявлений. 2. Непрерывно раздавались протесты евреев против их положения в России. Эти яростные протесты исходили далеко не только от евреев в России — они были слышны по всему миру. Достаточно привести один пример: финансовые отношения русского правительства с иностранными банками почти всегда сопровождались призывами или требованиями, обращенными к русскому

правительству, изменить существующее положение евреев в России. В ряде случаев еврейские банкиры отказывались от выгодных для них соглашений в знак протеста против положения евреев в России. Ряд сообщений русских агентов приведен, например, в журнале «Красный Архив». Когда в 1905 году Витте вел в Америке переговоры о заключении мирного договора с Японией, его посетила, как он говорит в воспоминаниях, — «делегация еврейских тузов» во главе с Я. Шифом («главой еврейского финансового мира в Америке») и потребовала изменения положения евреев в России. В случае отказа Шиф грозил революцией. Подобных протестов и требований было столь много, что их можно считать выражением точки зрения, разделявшейся подавляющей частью евреев мира — и особенно России. Шире того, эта точка зрения утвердилась в «общественном мнении» всего мира. И до сих пор среднеобразованный человек в любой стране мира скажет, что евреи в дореволюционной России были «угнетены».

Каковы же были основные факторы тогдашней жизни, вызывавшие эти яростные протесты? Прежде всего юридически неравноправное положение евреев в России — протесты формулировались как требования «равноправия». Основных ограничений для лиц иудейского вероисповедания было два: запрет проживания вне черты оседлости (кроме указанных выше исключений) и «процентная норма». Последняя мера заключалась в том, что была предписана доля еврейских учащихся в казенных гимназиях и в университетах.

Эта доля исходила из предположения, что пропорция евреев в казенных учебных заведениях не должна сильно превосходить их пропорции в населении России. При министре просвещения Делянове в 1887 году она была определена для гимназий и высших учебных заведений в черте оседлости — 10%, вне ее — 5%, в столицах (Москве и Петербурге) — 3%. В 1888 году Делянов в значительной мере лишил силы эти меры, разрешив принимать «наиболее достойных» без ограничений, причем к числу последних причислялись все, средний балл которых был не ниже 3,5. Прежние правила были

восстановлены министром Боголеповым, который был убит террористом в 1899 году.

Кроме этих двух основных ограничений существовали другие: запрет покупать землю или селиться (заново) в сельских местностях, запрет быть государственными чиновниками, офицерами в армии, была «процентная норма» для евреев-адвокатов («присяжных поверенных»). Во всех случаях под евреями подразумевались лица иудейского вероисповедания.

По поводу этих ограничений Шульгин замечает, что они не были проявлением какого-то принципа, направленного исключительно против евреев. Социальная структура России вообще не была основана на принципе юридического равенства. Прежде всего, после освобождения крестьян для них — а это была подавляющая часть населения — действовали свои законы: волостные суды, законы, связанные с общиной, миром и т. д. Тем более это ярко проявлялось при крепостном праве. Об этом пишет и Достоевский:

> *«Когда еврей "терпел в свободном выборе местожительства", тогда двадцать три миллиона "русской трудящейся массы" (в кавычках Достоевский приводит выражения своего корреспондента) терпели от крепостного права, что уж конечно было потяжелее "выбора местожительства". И что же, пожалели их тогда евреи? Не думаю: в Западной окраине России и на Юге вам на это ответят обстоятельно».*

Но очень жестоко были поражены в своих правах и старообрядцы: например, их браки считались недействительными, дети — незаконнорожденными. В Западной России такая же «процентная норма» существовала для поляков. Многие нации находились просто в ином положении (нельзя однозначно сказать — в лучшем или худшем), чем русские, — например, их не брали в армию.

Это лишь к концу XX века многие влиятельные мыслители (например, фон Хайек) стали обращать внимание на то,

что закон лишь формализует принципы, выработанные жизнью. За сто лет до того господствовало не допускающее сомнений убеждение, что существуют некие абстрактные законы, по отношению к которым все люди должны быть в равном положении и жизнь должна быть подчинена этому принципу. В таком направлении менял структуру русского общества и Столыпин. Он, в частности, предложил Николаю II отменить все ограничения, касающиеся евреев, но тот отказал. В отношении сложившегося положения евреев важную роль играет обстоятельство, замеченное Достоевским:

> *«Я уж то одно знаю, что, наверно, нет в целом мире другого народа, который бы столько жаловался на судьбу свою, поминутно, за каждым шагом и словом своим, на свое принижение, на свое страдание, на свое мученичество. Подумаешь, что не они царят в Европе, не они управляют там биржами, хотя бы только, а, стало быть, политикой, внутренними делами, нравственностью государств».*

И действительно, например, на сионистских конгрессах можно было услышать заявления вроде того, что евреи — «самый бедный народ в мире, не исключая эскимосов». (Где же эскимосский Ротшильд? — *И. Ш.*)

Приведем и взгляд с еврейской стороны. Ставший впоследствии одним из лидеров сионизма и первым президентом государства Израиль Хаим Вейцман в своих воспоминаниях рассказывает о юности, проведенной в России (он был родом из местечка Мотеле близ Пинска). Он пишет, что «процентная норма» тогда состояла для евреев 10% от общего числа учащихся, что на вид было справедливо, т. к. в населении России евреи составляли (тогда) 4%. Но, говорит он, как всегда, в русских законах содержался обман. Дело в том, что евреи были сконцентрированы в черте оседлости и там — в городах и местечках, где часто составляли от 30 до 80%. Кроме того, они обладали непреодолимым стремлением к образова-

нию. Но на вступительных экзаменах было сравнительно немного нееврейских кандидатов, а евреев допускали лишь 10% от этого небольшого числа. Его книга, где он не раз с ненавистью говорит о России, ярко передает негодование еврейского юноши. Но точку зрения русских властей ведь тоже можно понять. Пусть в его родном местечке Мотеле евреи составляли хоть и 80% населения. Но ведь речь шла о государственных учебных заведениях (на частные эти правила не распространялись). Почему же образование, создаваемое на средства всего населения России, не делить поровну? Почему бы еврейским богачам, вроде Бродского или Полякова, не открывать еврейские школы, вместо того, чтобы давать деньги революционным партиям и оппозиционной прессе? Оценка очень сильно зависит от того, с чьей точки зрения смотреть.

Было еще одно явление в тогдашней русской жизни, отталкивавшее евреев в России, да и во всем мире, от русской государственности, государственной власти, а часто и вообще от России. Это то, что называлось «погромы». Само слово возникло вне всякого отношения к евреям и, например, употреблялось в связи с «погромами помещичьих усадеб». Но постепенно было переориентировано и теперь ассоциируется только с действиями, направленными против евреев. Это так и осталось стандартным обвинением против дореволюционной России: «Там были еврейские погромы». Хотя в начале века, например, на сионистских конгрессах много говорили и о «румынских погромах», и об «английских погромах» (особенно в Уэльсе), но под конец обвинение осталось на России.

Справедливо, конечно, было бы оценивать все массовые проявления насилия одной меркой: и направленные против помещиков, и против евреев, и армяно-азербайджанские столкновения… Но те, в которых жертвами были евреи, в прессе (а потом в сознании) были отражены особенно.

О таких народных выступлениях пресса стала говорить с начала 1880-х годов. Происходили они в деревнях, расположенных в пределах черты оседлости. Отклик на них занима-

ет большое место в публицистике Ивана Аксакова. Он пишет, что либеральная пресса единодушно характеризует эти беспорядки как «избиение евреев». Но, говорит он, «именно избиения и не было». Хотя крестьяне имели и топоры, и ломы, но число побитых евреев не перевешивало русских. В 1881 году крестьяне «громили» еврейское имущество, часто с криками «это наша кровь». Грабежей почти не было. Иногда крестьяне даже рвали попадавшиеся деньги. Аксаков относит беспорядки исключительно за счет экономических причин: тяжелого положения, в котором оказались крестьяне, да и многие помещики Юго-Западного края. Согласно правилам кагальной организации право вести дела в том или ином месте кагал с железной строгостью распределяет между живущими там евреями. (Подробнее об этом сказано в гл. 4.) Поэтому крестьянин или мелкий помещик не мог обратиться к другому перекупщику, ростовщику… и обязан был принимать условия того, которого указал кагал. Он приводит письмо одного помещика, подвергшегося херему (проклятию) и полному бойкоту, от которого он спасся лишь обратившись к высокому галицийскому раввину.

Беспорядки усмирялись войсками. Как пишет Аксаков, во время беспорядков 1883 года в Екатерининской губернии из еврейской толпы раздавались крики: «Ну что, взяли? Вы из нас выпустили пух, а мы из вас — дух!» Еврейская энциклопедия тоже называет эти столкновения «избиениями». Она пишет, что из современных изданий большинство полагало, что они происходили на экономической почве. (Впрочем, барон Гинцбург представил властям записку неупоминаемого автора, где утверждается, что погромы были организованы). Упоминается о двух человеческих жертвах среди евреев и говорится: «Солдаты стреляли и убили несколько крестьян». О погромах такого типа позже писал Розанов:

«Погром — это конвульсия в ответ на муку. Паук сосет муху. Муха жужжит. Крылья конвульсивно трепещут — и задевают паука, рвут бессильно и в одном месте паутину. Но уже ножки мухи захвачены в петельку. И паук это знает.

Крики на погромы — риторическая фигура страдания того, кто господин положения». Видимо, такую же «бытовую» основу имел знаменитый Кишиневский погром 1903 года. Первый день имел характер обычных подобных беспорядков: было разгромлено несколько еврейских лавок и домов. Но полиция произвела много арестов, и к вечеру беспорядки утихли. Однако на следующий день волнения расширились. Начались столкновения между группами евреев и христиан, вооруженных чем попало. Полиции не удалось ликвидировать беспорядки (хотя попытки были). Волнения приняли более агрессивный характер. Были разгромлены многие сотни еврейских домов. Были человеческие жертвы: чаще всего называется цифра в 45 убитых евреев и 4 христиан. Сейчас это примерно число жертв беспорядков на крупном футбольном матче. Но, например, Вейцман пишет в воспоминаниях:

> *«Герцль договорился о встрече в Санкт-Петербурге с фон Плеве, человеком, руки которого были в крови тысяч еврейских жертв… и Герцль прибыл в Россию, чтобы встретиться с Кишиневским мясником».*

Были вызваны войска, и к вечеру погром затих. Было произведено много арестов, состоялись суды; признанные виновными в убийствах и погромах были приговорены к каторге и другим наказаниям. Но в прессе (также и иностранной) дальше обсуждался в основном другой вопрос: обвинение русского правительства в организации погрома. А. Солженицын приводит обзор публикаций по поводу Кишиневского погрома (более чем на 15 страницах), где во многих случаях видна бездоказательность подобных обвинений. Но главный аргумент высказывает, мне кажется, Шульгин (с ним соглашается и Солженицын). После Февральской революции все царские архивы оказались в руках бывших врагов правительства, была создана комиссия для вскрытия злодеяний царского режима (и специальная комиссия по погромам со включением в нее видных еврейских представителей) —

и никаких документов, указывающих на организацию погрома властями, опубликовано не было.

Но пресса делала свое дело по всему миру (ср. и предшествующее высказывание Вейцмана), и, возможно, Плеве поплатился жизнью за созданный ею фантом. Думаю, что тут никакие публикации фактов уже помочь не могут — созданный миф является более прочной частью массового сознания, чем противоречащие ему факты.

И все же, эти насилия с 1880-х годов до начала XX века не шли ни в какое сравнение с жесточайшими столкновениями, которые сравнительно незадолго до того происходили при Гайдаматчине, Богдане Хмельницком и т. д. на тех же землях, когда они принадлежали Польше, когда казаками вырезались целые еврейские селения (и усмирялись поляками подобными же жестокостями: украинских повстанцев во множестве сажали на кол и поджаривали на кострах).

Несколько иной характер имели погромы времен революции 1905—1906 годов. Тут мы уже встречаемся со столкновениями с обеих сторон организованных групп, часто вооруженных огнестрельным оружием. Правдоподобный взгляд на эти столкновения предлагает Шульгин, бывший свидетелем некоторых из них. Он считает, что то, что называлось «еврейские погромы», было частью революционной борьбы того времени. Он приводит ряд свидетельств (особенно из Киева, где он жил), согласно которым провозглашение манифеста 27 октября 1905 года вызвало подъем революционных действий: захваты правительственных зданий, уничтожение монархической символики, разрывание портретов царя и государственного флага. В городах внутри «черты оседлости» этими действиями руководили вожаки, среди которых было много евреев. Меньшиков приводит цитату из тогдашней прессы:

> *«Среди гогочущей толпы евреев в Одессе шла собака, увенчанная императорской короной на голове, и к хвосту ее был прикреплен русский национальный флаг».*

В ответ и произошли, согласно этой точке зрения, «погромы», которые были направлены против евреев в черте оседлости. Таково было происхождение киевского, одесского, нежинского погромов. Но, например, в Томске, где было очень мало евреев, толпа напала на революционный митинг — и это не носило никакого антиеврейского характера.

Как пишет Шульгин:

> *«Погромы направлены были не на одних евреев: они обрушились на всех, кого русская стихия в судорожном припадке самосохранения признала возбудителями революционной волны».*

С его точки зрения, именно эти стихийные выступления и остановили тогда «революцию 1905 года». Подробное описание этих событий, в основном состоящее из цитат, дает Солженицын: в его книге этому посвящена целая глава. Его изложение, по-моему, убедительно свидетельствует о событиях того времени как о вооруженном столкновении двух течений, причем в руководстве революционного течения видное место занимали евреи. Пожалуй, приоритет на такую точку зрения принадлежит Николаю II, который в письме, цитируемом Шульгиным, пишет:

> *«Народ возмутился наглостью и дерзостью революционеров и социалистов, а так как $^{9}/_{10}$ из них жиды, то вся злость обрушилась на тех — отсюда еврейские погромы».*

Интересно, что и Вейцман вспоминает о том времени:

> *«Так во всей черте оседлости развернулась извращенная гражданская война между евреями и русскими властями…»*

Правда, со своей интерпретацией:

«Первые старались сохранить порядок, а вторые поощряли беспорядки».

Вполне правдоподобно, что когда сталкивались две толпы, из которых в одной рвали русский флаг, то полиция и войска сочувственно относились не к этой части, и, когда одолевать начинала другая, вряд ли торопились прийти на помощь первой. В донесениях сенаторов, расследовавших эти беспорядки, объективно говорится про «бездействие полиции и военных, близкое к попустительству». Но, в конце концов, войска восстанавливали порядок — и не намного медленнее, чем это сделала бы администрация другой страны.

Дореволюционная Россия не усвоила еще стопроцентно западные принципы: убили твоего отца, изнасиловали дочь, разорили жульнически тебя — на это есть суд, обращайся туда (и совершенно не ясно, что наилучшим путем для нее было — вытравить в себе все корни «традиционного общества»). Народные движения такого масштаба, как Пугачевщина, были в ней уже невозможны, но их слабыми подобиями были народные волнения 1905—1906 годов. Масштабы их, видимо, были чудовищно преувеличены русской и западной прессой. Даже Еврейская энциклопедия оценивает все жертвы этого периода в 810 человек. Но Шульгин приводит сообщение газеты «Berliner Tageblatt» по поводу революционных столкновений в Киеве в октябре 1905 года:

«Ужасы, сообщаемые газетами, ничто в сравнении с действительностью. Тысячи и перетысячи (abertausende) евреев умерщвлены в южной России…»

Был и еще один фактор, постоянно настраивавший русское (да и иностранное) еврейство враждебно к русской власти. Кульминацией было известное дело Бейлиса. Речь идет о время от времени возникавших обвинениях в «еврейских ритуальных убийствах». Вообще человеческое жертвоприно-

шение на религиозной почве (а иначе оно и не встречалось) известно в истории из древности. Согласно древнегреческому эпосу, в начале похода на Трою греческий вождь Агамемнон принес в жертву богине Артемиде свою дочь Ифигению. Плутарх описывает, как уже в «исторические времена», во время греко-персидских войн, толпа греков, возбужденная жрецами, принесла нескольких захваченных в плен персов в жертву богу «Дионису-мясоеду».

Грандиозные (по количеству жертв) жертвоприношения регулярно совершали ацтеки до завоевания их испанцами. Человеческие жертвоприношения европейцы застали в Африке еще в XIX веке. В убийстве младенцев обвиняли первых христиан, а христиане — некоторые отколовшиеся от них секты. В России не раз высказывались обвинения в таких преступлениях к секте хлыстов. Обвинение заключалось в том, что в некоторых случаях «радения» переходили в свальный грех («христову любовь»), первая забеременевшая женщина называлась «Богородицей»; если у нее рождался мальчик, то он назывался «христосиком», умерщвлялся и поедался на ритуальном собрании. Однако, насколько я знаю, властям ни разу не удалось доказать, что такое преступление было реально совершено. Обвинения в ритуальных убийствах, относящиеся к евреям, восходят к первым векам христианства. Обычно эти обвинения связывались с Пасхой. Неоднократно они выдвигались в разных странах Западной Европы в Средние века и, хотя все реже, вплоть до XIX века. Полный и спокойно написанный обзор рассматривавшихся в России дел составлен В. И. Далем, известным составителем «Толкового словаря великорусского наречия» и «Пословиц русского народа». Даль описывает 20 таких случаев обвинения, выдвинутых в России в XIX веке. И, в заключение, очень подробно излагает «Велижское дело», расследовавшееся 12 лет — с 1823 по 1835 год — об убийстве мальчика трех с половиной лет Федора Емельянова. Труп его был найден в лесу и ранения имели столь специфический характер, что исключали версию «бытового убийства». Местный суд по-

становил (1824 г.), что ребенок «вероятно погублен жидами», но «по недостатку улик евреев освободить от подозрения», оставив двоих «в подозрении». Но в 1825 году по ходатайству на имя Александра I дело было вновь возбуждено и составлена новая следственная комиссия. В 1829 году комиссия признала виновными задержанных евреев. К ее мнению присоединился генерал-губернатор. Дело было направлено в Сенат, где голоса разделились, и дело передали в Государственный Совет. Его решение состояло в том, что обвиненных «как положительно не уличенных, от суда и следствия освободить». Сам Даль явно считает, что ритуальные убийства совершались, но решительно относит это не ко всей массе евреев, а к некоторой секте, которую он почему-то называет «хасидами», хотя хасиды являлись «сектой» лишь с точки зрения ортодоксального раввинизма, и не объясняет, почему обвинения связываются именно с ними. Позже были и другие дела о ритуальных убийствах. В той же цепи стоит и «дело Бейлиса». Собственно, его надо было бы называть «делом Ющинского», так как основой разбирательства было убийство в Киеве 12-летнего мальчика Андрюши Ющинского. Его тело было найдено в 1911 году с 47 ранениями (13 — только на правом виске), которые были нанесены очень специфично, явно с целью истечения наибольшего количества крови, пока жертва еще оставалась жива. Следствие стало разрабатывать версии еврейского ритуального убийства, был арестован Бейлис. Велось следствие 2 года и сопровождалось рядом темных обстоятельств.

Наиболее распространенная версия, противопоставленная в печати версии следствия, заключалась в том, что речь шла об имитации ритуального убийства, совершенной Верой Чеберяк. Таинственно умирают оба ее ребенка — ее обвиняют и в их смерти. Она заявляет, что адвокат Бейлиса Марголин предлагал ей 40 тысяч, лишь бы она призналась в убийстве, Марголин отрицает. Один из следователей (Красовский) через некоторое время появляется в адвокатуре защитников…

Шум по поводу «дела» стоял по всему миру. Либеральная (то есть почти вся) печать утверждала, что на следствие оказывалось давление «сверху». XI Сионистский конгресс заявил:

> *«Во имя солидарности всего гуманного человечества мы требуем, чтобы весь культурный мир совместно с нами вступил в борьбу с мрачным варварством и помог нам защитить поруганное человеческое достоинство и оскорбленную честь нашего народа».*

Из числа «правых» против самого факта возбуждения процесса выступал Шульгин. Он писал:

> *«Вы сами совершаете человеческое жертвоприношение! Вы отнеслись к Бейлису, как к кролику, которого кладут на вивисекционный стол. Берегитесь! Есть храмы, которые нельзя безнаказанно разрушать».*

Шульгин считал, что обвинение в ритуальных убийствах есть способ мести евреям. Не знаю, как можно подробнее эту точку зрения аргументировать. Кто же мстил, ведь во все века власти, как правило, не поддерживали такие обвинения? (Его же аргумент: «организация» процесса вскрылась бы по архивам после Февральской революции.) С другой стороны, министр иностранных дел Сазонов уверял иностранных послов, что Бейлис будет оправдан. Это ведь тоже действие властей. Из известных имен версию еврейского ритуального убийства поддерживали Розанов и Флоренский (последний печатался, не ставя своего имени). Суд происходил в 1913 году и длился 1 месяц. Постановление присяжных было, что имело место убийство. В вопросе о виновности Бейлиса есть разные утверждения. Меньшиков говорит, что голоса присяжных разделились: 6 на 6. Краткая еврейская энциклопедия пишет, что Бейлис был оправдан единогласно. В любом случае, согласно тогдашним законам он был оправдан.

Чтобы охватить все материалы дела, нужно, как пишет Шульгин, было бы потратить всю жизнь. Но мне кажется, что вопрос о том, имело ли место ритуальное убийство и был ли виновен Бейлис, не имеет значения ни для истории русско-еврейских отношений, ни для истории вообще. Точно так же, как вопрос, совершались ли ритуальные убийства среди хлыстов, не есть вопрос русской истории. Например, Мережковский (в романе «Петр и Алексей») описал именно такой случай — и никаких протестов ни в России, ни за границей это не вызвало. Правда, действие романа относится к Петровским временам. Но, по реакции на «дело Бейлиса», можно представить себе, какой вопль раздался бы, если бы кто-то рискнул описать в романе ритуальное убийство, совершенное в еврейской среде, хотя бы и в Средние века. А существенным историческим фактом был тот русский и мировой резонанс, который вызвало «дело». Ведь слушалось незадолго до того «мутанское дело» по обвинению некрещеных черемисов (марийцев) в человеческих жертвоприношениях — и не вызвало сопоставимого отклика, никакие послы о его исходе не запрашивали. Да и цитированная выше книга Даля имела прямо авантюрную историю — рукопись похищали из типографии «неизвестные», рассыпали набор. А его же книга «Исследование о скопческой ереси» находилась в стандартном каталоге и желающий мог приобрести ее за 200 рублей серебром. Розанов был исключен из элитного «религиозно-философского общества», когда написал, что ритуальные убийства не противоречат духу Ветхого Завета и Талмуда. Но он был там желанным гостем, когда публиковал не менее отталкивающие суждения о христианстве. Ему даже не были зачтены его предшествующие восхищенные статьи об иудаизме, как позже говорили следователи НКВД по поводу ссылок на революционные заслуги своих жертв: «А мы судим тебя не за это». И по поводу «дела Бейлиса» раздавались совершенно фантастические заявления. Например, один беллетрист (С. К. Эфрон) писал, что «клянется Всемогущим Богом», что ритуальных убийств среди евреев нет.

Другие уже опирались на то, что «все без исключения раввины» отрицают возможность ритуальных убийств, а потому следствие направлено-де против «всего еврейства». (И более того, оскорбительно для тех иностранных государств, где евреи занимают высокие посты — как бы донос им на Россию). Ну кто из русских рискнул бы заявить (или поклясться Всемогущим Богом), что среди хлыстов не бывает ритуальных убийств? Это предполагало бы существование организации, знающей «все о каждом». Конечно, такой не существует. Во всех протестах звучало возмущение, что «такие обвинения» выдвигаются «в прогрессивном XX веке». Но всего через год самые прогрессивные страны набросились друг на друга и истребляли друг друга 4 года, травя ядовитыми газами, да еще лет через 30 одна из самых прогрессивных стран выдумала душегубки и газовые камеры, а другая, не менее прогрессивная, атомную бомбу и сбросила ее на мирный город. Это уж были убийства не одного ребенка, а «жертвы» миллионами. Так что прогресс тут явно ни при чем.

Да и сейчас в России ритуальные убийства происходят постоянно — то трех монахов Оптиной Пустыни, то священника в Сибири… Причем убийцы сами признаются, что действовали из побуждений, связанных с мистическими переживаниями. Значительность «дела Бейлиса» происходила из того, что обсуждение версии ритуального убийства было табуировано, — и либеральная среда этот запрет приняла и поддержала со всей страстью. То есть дело (как весомый политический фактор) и было-то создано оппозиционной прессой.

Главное для России заключалось в том, что за этими всемирными криками был забыт убитый ребенок, отброшен, как нечто никому не интересное. Результат процесса свелся к тому, что Бейлис был оправдан. Ему собрали по всему миру по подписке капитал, и он уехал в Америку. Но ведь труп убитого ребенка остался. Если его убил не Бейлис, то остается вопрос — кто? Если Чеберяк, надо было судить ее. Но это уже никому не было интересно. Русское «общественное мнение» согласилось с тем, что судьба Ющинского — пренебре-

жимая величина сравнительно с судьбою Бейлиса. Что здесь идет речь о личностях иного качества, иного вида. И это на примере ситуации, особенно доходчивой для любого человека — убийства ребенка. Как писал Розанов:

> *«Они продадут не только знамена свои, не только историю, но… и определенную конкретную кровь мальчика».*

Для обвинения евреев в ритуальном убийстве было создано совершенно особое название — «кровавый навет». Такого термина не было для обвинения хлыстов или черемисов. Точно так же, как во Вторую мировую войну потери поляков, белорусов или сербов так и назывались потерями, а потери евреев — это был «Холокост», т. е. нечто принципиально другое.

Это и были три основных обвинения, настраивавших русское и мировое еврейство оппозиционно по отношению к тогдашнему жизненному укладу России: «евреи не пользуются в России равноправием», «русское правительство организует еврейские погромы», «кровавый навет».

Шульгин вспоминает:

> *«Кто помнит политическую еврейскую среду тех времен, тот помнит и ее тогдашнюю злобу. Все это клокотало ненавистью. К кому? К правительству и ко всему тому, что за этим правительством стояло или этим правительством охранялось».*

То же настроение подтверждает совсем другой источник — один из лидеров сионизма Х. Вейцман. Он вспоминает, что во время Первой мировой войны, будучи в Англии, с ненавистью высказался о России. Его собеседник удивился: как может человек, сочувствующий Англии, так относиться к России, когда она делает так много для победы. На это Вейцман, как он вспоминает, ответил, что «каждая русская победа — кошмар для евреев».

Но совершенно очевидно, что та «ненависть к правительству и всему, что оно охраняло», о которой вспоминает Шульгин, — не евреями была выдумана. Еще когда ни о каком еврейском влиянии невозможно было говорить, Печорин написал:

Как сладостно отчизну ненавидеть!
И жадно ждать ее уничтоженья.

Это настроение смог почувствовать еще Пушкин:

Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды чистый свет увидел
И нежно чуждые народы полюбил
И мудро свой возненавидел.

И Достоевский в «Дневнике писателя» не раз обращал внимание на барски-презрительное отношение к народу, переходившее в ненависть к России и всему русскому (включая правительство).

Родоначальниками этой традиции были такие аристократы, как Чаадаев, Бакунин, Герцен. А те были последователями Вольтера и Руссо, с еврейской традицией не связанных.

Розанов написал в 1914 году статью «Поминки по славянофилам», где так характеризует отношение к ним либерального течения:

> *«“Спора” никакого не было и не вышло… Было — гонение, было преследование; было на семьдесят лет установившееся заушение, плевки, брызги жидкой грязи, лившиеся с колес торжественного экипажа, где сидели Краевские, Некрасовы, Благосветловы, Шелгуновы, Скабические, Чернышевские, Писаревы, — на людей, жавшихся куда-то в уголок, не слышимых, не разбираемых, не критикуемых… Так вот в чем дело, и вот где корень расхождения (…), которое определи-*

ло собою на семьдесят лет ход русской истории… Шло дело о нашем отечестве, которое целым рядом знаменитых писателей указывалось понимать как злейшего врага некоторого просвещения и культуры, и шло дело о христианстве и Церкви, которые указывалось понимать как заслон мрака, темноты и невежества; заслон и в существе своем — ошибку истории, суеверие, пережиток "то, чего нет"».

Заметим, что в списке «знаменитых писателей» («сидящих в экипаже») нет ни одного еврейского имени, и это у Розанова, к тому времени так нелиберально-чувствительного к еврейскому влиянию (хотя, что касается христианства и Церкви, то сам он в этом «экипаже» мог бы поместиться — где-то «на облучке»). Но когда он пишет о «корне расхождений», об его начале, то следует исторической истине.

3. Русская интеллигенция и евреи

В то же время евреи все шире входили в русское образованное общество и влияли на развитие русской культуры. Всякий знает художника Левитана, скульптора Антокольского, музыкантов братьев Рубинштейн, основавших Петербургскую и Московскую консерватории, собирателя русского фольклора Шейна и очень многих еще.

Появился вызвавший столько споров сборник «Вехи», его составителем был Гершензон, и из 7 авторов трое были евреи: Гершензон, Изгоев (Ланде) и Франк.

Формулировались разные взгляды на роль евреев в культурной жизни России.

О роли еврейства и иудаизма много размышлял и писал Розанов. Его отношение ко всему историческому еврейству имеет, как стало позже модно говорить, «характер любви-ненависти». С одной стороны, он считал иудаизм идеальной, «истинной» религией, религией плодородия, рода, семьи, полноты жизни, кагал — идеальной формой общины; христианство, в продолжении всей его литературной

деятельности, представлялось Розанову как некоторая разрушительная антитеза: религия, возводящая в идеал безбрачие, девство, и в заключение, ориентированная на смерть. Он называет себя антихристианином, Антихристом. В заметках последнего года жизни у него есть даже раздел, озаглавленный «Перехожу в еврейство».

С другой же стороны, все время (кроме, может быть, да и то отчасти, последнего, предсмертного года) он указывал на опасный социальный характер еврейского влияния, особенно для России.

Так, он писал:

> *«Почему вы пристали к душе моей и пристали к душе каждого писателя, что он должен НЕНАВИДЕТЬ ГОСУДАРЯ.*
>
> *Пристали с тоской, как шакалы, воющие у двери. Не хочу я вас, не хочу я вас. Ни жидка Оль д'Ора, ни поэта Богораза. Я русский. Оставьте меня. Оставьте нас, русских, и не подкрадывайтесь к нам с шепотом: «Вы же ОБРАЗОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК и писатель и должны ненавидеть это подлое правительство».*

Тут было и стремление к независимости, чтобы не поддаться общему течению:

> *«Жидки могут удовольствоваться, что за ними побежал Вл. Соловьев, но Розанов за ними не побежит (пробовали «обмазать»)».*

Но были и постоянно высказываемые мысли:

> *«Он удобрил вас, он оплодотворил вас. Он подошел и сказал вам, что то, о чем вы думаете и чем озабочены, легко исполнить… И вы даже не замечаете, что уже не "сам" и "я", а — "его". Почва, которая засеяна евреем и которую пашет еврей».*

«И гибнете. “Через 100 лет” нет русского + еврей, а только один еврей + погибший около него русский человек».

«Поля наши — не из земли, а из людей. Вот отчего мы и не пашем, провиденциально не пашем. Ибо для нас уготована благороднейшая почва — человек, народы».

«И вот этой-то тайны их я и боюсь, и кричу, и говорю моим милым русским: “Не надо! Не общитесь с иудеями. Иначе вы все погибнете”».

«Подождите. Через 150—200 лет над русскими нивами будет свистеть бич еврейского надсмотрщика.

И под бичом — согнутые спины русских рабов».

«В настоящее время для России нет двух опасностей. Есть одна опасность. Евреи».

«И если революция начнет вообще одолевать… то евреи сбросят маску “сочувствия русскому народу”… и быстро передушат, как Гапона и Хрусталева (и так же революционно-корректно), всю русскую часть революции, всех собственно русских вождей революции, и в “ворота взятой крепости” войдут, конечно, одни! —войдут с криками: “Радуйся, русский народ — мы даровали тебе свободу!”, “Благодари нас и поклонись нам!”, “Завтра начнется счастье…” Но сегодня еще надо доделать маленькое дело: додушить эту полицию на местах, этих мелких исправничишек и земских начальников из дворян и на место их поставить брюнетов из студентов, с фамилиями (к тому времени) русскими, и даже крещеных…» (В последнем отрывке есть нечто загадочное. Судя по комментариям издателя, этот текст написан в 1913 году, а Носарь-Хрусталев убит большевиками в 1919 году. Может быть, слово «придушить» понимается в смысле конца политической карьеры? Гапон тогда уже был «казнен» Рутенбергом.)

В 1897 году Чехов занес в записную книжку такие размышления (а напечатано впервые в 1980 г.!):

> *«Такие писатели, как Н. С. Лесков и С. В. Максимов, не могут иметь у нашей критики успеха, так как наши критики почти все — евреи, не знающие, чуждые русской коренной жизни, ее духа, ее формы, ее юмора, совершенно непонятного для них, и видящие в русском человеке ни больше ни меньше, как скучного инородца. У петербургской публики, в большинстве руководимой этими критиками, никогда не имел успеха Островский; и Гоголь уже не смешит ее».*

А. Белый писал:

> *«Нам грозит опасность "штемпелеванной культуры", т. е. интернациональной фабрики по поставке гениев; нам грозит фабричное производство мыслей… Вырастает ужасная цензура во всех недрах этих предприятий: переводится, рекламируется и распространяется только то, что угодно королям литературной биржи… Кто, кто эти оскопители? Странно и страшно сказать, но приходится.*
>
> *Это — пришлые люди: обыкновенно оторванные от той нации, в недрах которой они живут… главарями национальной культуры становятся чуждые этой культуре люди; конечно, не понимают они глубин народного духа, в его звуковом, красочном и словесном выражении (…)*
>
> *…вы посмотрите списки сотрудников газет и журналов России: кто музыкальные, литературные критики этих журналов? Вы увидите почти сплошь имена евреев… Общая масса еврейских критиков совершенно чужда русскому искусству, пишет на жаргоне «эсперанто» и терроризирует всякую попытку углубить и обогатить русский язык… И эта зависимость писателя от еврей-*

ской или юдаизированной критики строго замалчивается: еврей-издатель, с одной стороны, грозит голодом писателю; с другой стороны — еврейский критик грозит опозорить того, кто поднимет голос в защиту права русской литературы быть русской, и только русской».

В архивах сохранилось письмо Куприна (знаменательным образом так и не опубликованное у нас до 1990-х годов). Оно написано по поводу шумного инцидента, вызванного непочтительным отзывом писателя Чирикова о творчестве Шолом-Аша. Вся пресса любых оттенков обрушилась на Чирикова. Куприн пишет:

«Все мы, лучшие люди России (себя я к ним причисляю в самом-самом хвосте), давно уже бежим под хлыстом еврейского галдежа, еврейской истеричности, еврейской повышенной чувствительности, еврейской страсти господствовать, еврейской многовековой спайки, которая делает этот избранный народ столь же страшным и сильным, как стая оводов, способных убить в болоте лошадь. Ужасно то, что мы все сознаем это, но во сто раз ужаснее то, что мы об этом только шепчемся в самой интимной компании на ушко, а вслух сказать никогда не решимся. Можно печатно и иносказательно обругать царя и даже Бога, а попробуй-ка еврея! Ого-го! Какой вопль и визг поднимется среди всех этих фармацевтов, зубных врачей, адвокатов, докторов и особенно громко среди русских писателей, ибо, как сказал один очень недурной беллетрист, Куприн, каждый еврей родится на свет божий с предначертанной миссией быть русским писателем».

Автор продолжает:

«И оттого-то вечный странник еврей таким глубоким, но почти бессознательным, инстинктивным,

привитым 5000-летней наследственностью, стихийным, кровным презрением презирает все наше земное… Оттого-то он опустошает так зверски леса, оттого он равнодушен к природе, истории, чужому языку».

Но кончает Куприн просьбой письмо держать в секрете и сообщает, что выступить в защиту Чирикова отказался.

Зато какие-то невидимые силы притяжения связывали тогдашнюю прогрессивную интеллигенцию с еврейством. Горький, например, основал «Русское общество для изучения еврейской жизни», имевшее целью бороться с еще сохранившимися предрассудками по поводу евреев. Издавался сборник «Щит» в защиту евреев, редакторами которого были Андреев, Сологуб и Горький. В этом сборнике писали, например, Мережковский:

«Чего же от нас хотят евреи? Возмущения нравственного, признания того, что антисемитизм гнусен? Но это признание давно уже сделано; это возмущение так сильно и просто, что о нем нельзя говорить спокойно и разумно; можно только кричать вместе с евреями. Мы и кричим».

О. Сергий Булгаков (о движении сионизма):

«Есть священные символы и мировые идеи, которые заставляют дрожать самые сокровенные струны сердца: такое значение имеет, например, христианский Царьград и крест на св. Софии или освобождение из рук неверных Гроба Господня. Подобное же значение должно иметь для иудейского и христианского сердца (я трижды подчеркиваю это "и") вопрос о Палестине и устроении Израиля на земле, ему Богом данной и обетованной».

Вяч. И. Иванов:

> *«Мне думается, что евреи — провиденциальные испытатели наши, и как бы всемирно-исторические экзаменаторы христианских народов по любви к Христу и по верности нашей Ему».*

Особенно поразительно это течение, если сопоставить его с отношением к крестьянству, некогда традиционному объекту сочувствия русских либералов и демократов. Еще в 1880-е годы И. Аксаков писал, что либеральная пресса постоянно клеймит «кулака», но никогда ни слова не скажет о еврее — ростовщике или шинкаре.

Ярче всего это удивительное тяготение прогрессивного направления в России к евреям как нации, горячая и постоянная любовь, проявились у Горького, начиная с первых его рассказов «Легенда о еврее» (1896), «Каин и Артем» (1898), публицистики «Погром», «О евреях». В 1899 году он выступал против позиции «Нового времени»: в открытом письме Суворину он подхватывает термин Писарева: «Ванькина литература». Но зато, когда в 1905 году ему было предъявлено обвинение в распространении литературы, подстрекающей к свержению существующего строя, защищал его юрист О. О. Грузенберг (впоследствии — адвокат Бейлиса). В 1906 году он едет в Америку, американские евреи устраивают ему восторженную встречу, какой, по словам газет, удостаивали только Гарибальди. В газете американских евреев «Форверст» он пишет в статье «О Бунде»: «Евреи — это люди с высоко поднятым горящим факелом, которым они освещают человеческий путь». Он был инициатором издания газеты «Новая жизнь». Деньги на нее дали А. Ф. Маркс, Б. А. Гордон, Э. К. Груббе (каждый по 150 тыс.). Редактором был Н. Н. Суханов (Гиммер), ведущими сотрудники — Лозовский (Дридзо), Стеклов (Нахамкес) и др. (такие сведения приводит Суханов). Директор газеты — Соломон Зальцман.

Вместе с Андреевым и Сологубом Горький опубликовал «Анкету об антисемитизме», где сам же и ответил:

> *«Еврейский вопрос в России это первый по его общественной важности наш русский вопрос о благоустройстве России».*

(В чем-то совпадет с оценкой Розанова.)
В «Новой жизни» (уже июль 1917 г.) Горький писал:

> *«Есть еще тысячи доказательств в пользу того, что уравнение еврей=большевик — глупое уравнение, вызываемое зоологическим инстинктом раздраженных россиян. Я, разумеется, не стану приводить эти доказательства — честным людям они не нужны, для бесчестных — неубедительны».*

Тут вскрываются глубокие эмоциональные основы всей позиции Горького в этом вопросе. Некоторые фундаментальные истины ясны для него без доказательств, т. е. без обсуждения («ему, как и другим честным людям», категория, странная в устах Горького: были ли его любимые герои, Челкаш или Мальва, честными людьми? Может быть, лишь в некотором очень расширенном, «высшем» смысле.) Множество подобных высказываний Горького чисто хронологически не вмещаются в рамки этой главы, мы столкнемся с ними позже. Бывают примеры такой страстной влюбленности в *свой* народ, но чтобы в другой — было ли в Истории?

Нечто (хотя, вероятно, далеко не все) по поводу этого загадочного «сродства душ» отметил Розанов:

> *«Не русская душа говорит. В сущности, говорит вовсе не Максим Горький. Последний — подменился, заменился. Гениальная нация в создании подделок — одна. Это говорит "местечко" Париж, где проживают "русские Моисеева закона"».*

Глава 11

В Русской революции 1917 г.

1. Подготовка революции

Активное участие в русской революции принимало, конечно, лишь некоторое политически активное меньшинство всего еврейского населения России. Впрочем, так обстоит дело со всеми народами: и с русскими, и с грузинами. Участие евреев в русской революции широко известно и часто обсуждается. Но большей частью обсуждение сводится к одной из крайностей. Либо утверждается, что речь идет о незначительном, непринципиальном факторе, который бессмысленно (и не должно) обсуждать. Число евреев, участвовавших в революции, было-де не так велико, как утверждается, да они были и не евреями, а интернационалистами, порвавшими со своими национальными корнями. И вообще, обсуждение этого вопроса есть «антисемитизм». Либо, наоборот, участие евреев в революции трактуется как определяющий ее фактор, ее главная или даже единственная причина.

Попытка воссоздать реальную картину, не уклоняющуюся к той или другой крайности, находит мало понимания. Автор испытал это на себе. В работе, написанной лет 25 тому назад и распространявшейся тогда в Самиздате, я пытался четко сформулировать свою точку зрения: «Мысль, что революцию делали одни евреи, — бессмыслица, выдуманная, вероятно, лишь затем, чтобы ее было проще опровергнуть». Но и до сих пор, $^1/_4$ века спустя, я встречаю утверждения, что рассматриваю революцию как «еврейский заговор».

Попытаюсь еще раз собрать основные известные мне факты, характеризующие участие евреев в подготовке, проведе-

нии и утверждении русской революции. А процесс этот очень тонкий и сложный, и одной какой-то характеристикой суммировать его, мне кажется, невозможно.

Само существование революционного движения, «революционного процесса», в России, по-видимому, никак не связано с еврейским влиянием. Крупнейшими идеологами, зажигавшими сердца революционной молодежи, были Герцен, Бакунин, Чернышевский, Лавров, Писарев, Михайловский. Среди них не было евреев. Поворот революционеров к терроризму начинается выстрелом Веры Засулич, душой террористов были Желябов и Михайлов.

Но постепенно в этот революционный поток начинает вливаться еврейская струйка. Среди плеяды «шестидесятников», наиболее влиятельными из которых были Чернышевский и Добролюбов, видное место занимал происходивший из евреев Зайцев. (В своих воспоминаниях Тихомиров пишет о нем, что он происходил из евреев и какой-то особенной ненавистью ненавидел Россию.) Тогда же впервые проявил себя Марк Натансон, игравший потом большую роль в революционном движении. Уже маститым патриархом он стал одним из вождей левых эсеров (под кличкой Бобров) и при разрыве их с большевиками создал группу, поддерживавшую большевиков. Участие евреев в революционном движении на первоначальном этапе можно иллюстрировать такими цифрами. Объемистая, наполненная большим количеством конкретных данных книга Волка «Революционное народничество 70-х гг.» состоит из двух томов, т. I описывает события первой половины десятилетия, т. II — второй половины. Оба тома снабжены списком упоминаемых фамилий. Если из этого списка выделить всех, так или иначе связанных с революционным движением (террористов, пропагандистов, распространителей листовок и т. д.), то окажется, что среди них евреи составляли в первый период 4—5%, а во второй — около 10%. Известный народоволец Аптекман в книге «Земля и Воля 70-х гг.» приводит состав «основного кружка» «Земли и Воли». В нем 25 человек, и евреями являются, по-видимому, Марк и Ольга Натансон,

Зунделевич и Аптекман. В 1877 году Большой Совет «Земли и Воли» состоял из 17 человек, среди которых было 3 еврея. Организаторами «Черного передела» были 18 человек, из которых опять 3 еврея.

Эта небольшая, хотя все расширяющаяся струйка привносила, однако, совершенно особый человеческий материал. Основное противоречие, мучившее тогдашнюю революционную молодежь, заключалось в следующем. Все они, конечно, были «народниками», готовыми жертвовать всем, вплоть до жизни, ради народа. Но вот когда в период «хождения в народ» они с этим народом столкнулись, то оказалось, что их идеи и принципы с убеждениями народа несовместимы. Стоило им начать агитацию против Царя или Бога, как их хватали, вязали, вели в полицию. Причем бывали случаи, когда полицейские, не желая связываться с «барчуками», пытались отпустить их, а крестьяне требовали расписку в том, что агитаторы в полицию представлены, вызывая неудовольствие, а часто и притеснения в отместку. Ситуация была столь разительной, что никаких сомнений не оставляла.

Перед революционерами лежали три пути, как ярко описывает по личным впечатлениям Тихомиров. Можно было применить к жизни свой принцип, что «народ знает правду», или, по крайней мере, признать, что он имеет право жить по своим убеждениям. Кто избрал такую точку зрения, должен был из революционного движения уйти, о них мы в его истории не узнаем. Второй путь заключался в том, чтобы «просветить» народ, т. е. путем пропаганды изменить его убеждения. Избравшие этот путь отправлялись в деревню фельдшерами, учителями и т. д. Но в большинстве случаев окружающая жизнь — болезни, бедность, недоедание — производили такое впечатление, что одни из деревни бежали, а других затягивала эта жизнь, и заботы окружающего крестьянства заслоняли для них цели революции. Такие для революционного движения тоже были потеряны. Наконец, оставался третий путь: делать революцию *вопреки* воле народа либо, обманув, его же руками, либо без него — через террор. Совершенно

сознательно разрабатывалась градация агитационной литературы: что можно давать читать народу, а что давать лишь учителям, агрономам и фельдшерам (против Бога и Царя) — народу же давать читать «неудобно». Распространялись даже поддельные грамоты от имени царя с призывами к переделу земли или восстанию. Поскольку и этот путь оказался не действенным, остался путь террора, но с мучительным сознанием, что вершится этот террор вопреки желаниям и принципам обожествляемого народа.

И вот тут появились молодые люди, для которых все эти, говоря современным языком, «комплексы» полностью отсутствовали. С народом их никакие положительные чувства не связывали, к нему с детства было внушено отношение как к чуждой и враждебной среде, «объекту» их деятельности. Эти люди легко могли усвоить абстрактную схему и сосредоточить все силы на ее осуществлении. Мироощущение этого нового типа революционеров передают, например, мемуары Аптекмана. Он пишет:

> *«Народа я не знал, так как родился в городе, деревни почти не видел, да, кроме того, я был чужим этому народу по крови. Русскую историю я тоже плохо знал. Признаться, не любил я ее. Уж очень скучной она мне казалась. И я, такой любознательный и прилежный, прочитавший так много по истории Запада, а особенно по истории революционных движений на Западе, ничего не читал по русской истории. Мне казалось, что она ничего не может сказать ни моему уму, ни моему сердцу».*

Разумеется, Аптекман пишет это лишь для того, чтобы сказать, что он понял свою ошибку. Но как он ее исправил — это, пожалуй, еще характернее:

> *«Соловьев, Костомаров, Беляев, Аристов, Хлебников, Щапов, Мордовцев, Антонович и др. появились*

на моем столе и прочитывались от доски до доски… К весне 1874 года я был совершенно (!) готов».

Судя по мемуарам, на это понадобилось всего несколько месяцев! Полюбил ли Аптекман в таком пожарном порядке русскую историю и что он из нее понял, этого он не сообщает, но дальше мы узнаем, что он отправился в народ проповедовать социализм. С сожалением он обнаружил, что эта пропаганда абсолютно не воспринимается и пришел к выводу: «…мы сим не победим народа…» Вот такого полного преодоления народнических сантиментов, способности сознательно занять позицию враждебной стороны (народ надо победить) мы у русских современников Аптекмана не встретим.

В 60-е годы, в разгар народнических настроений, Зайцев писал, что «народ глуп и туп», что не следует «ставить его на пьедестал», как это делают демократы, но «действовать против него решительно»: опять тот же мотив борьбы с народом, его покорения.

Другой революционер — Дейч — вспоминает, что многие еврейские революционеры произошли из захолустных местечек, в детстве даже не говорили по-русски. Таким было, например, детство Геси Гельфман, пока она, взяв с собой узелок своих вещей, не отправилась в город «изучать гойскую науку». Какой взгляд на окружающий народ с детства впитывали эти юноши, воспитанные в местечках, управляемых кагалами, можно представить себе, например, по высказываниям И. Шахака, Алексеева и отрывкам из книги Брафмана, приведенным в гл. 4.

Могло бы показаться удивительным, что молодые люди, с детства чуждые русской жизни, совершенно не знавшие народа, скоро становились вождями революционного движения. На самом деле это понятно: именно они могли освободить движение от груза старых представлений о «служении народу», привить взгляд, что народ, наоборот, надо «победить», «действовать против него решительно». А это высвобождало силы для практической, революционной работы.

К началу 80-х годов тот факт, что среди руководства террористов имеется заметное количество евреев, уже обращал на себя внимание, в частности, это проявилось в направленных против евреев народных беспорядках, вызванных убийством Александра II в 1881 году Однако, насколько слабо было еще еврейское влияние среди революционеров, показывает тот факт, что «Листок № 6» «Народной Воли» приветствовал эти беспорядки как направленные против эксплуататоров (в чем потом многократно оправдывались).

1881 год был кризисным в истории русского революционного движения. Убийство Александра II рикошетом нанесло тяжелейший удар всему движению — как физический, так и моральный. На это убийство были брошены все силы организации — и в результате почти все ведущие революционеры оказались арестованными. С другой стороны, убийство Царя, освободившего крестьян, осуществившего реформы, преобразовавшие всю жизнь России, оттолкнуло многих от революции. В кружке сохранившихся революционеров, почти исключительно в эмиграции, начались поиски новых идей и новых путей. Этот ключевой для дальнейшего развития «латентный период» революции продолжался лет 15—20. Революционное движение вышло из него с новым лицом.

И среди новых черт одной из самых заметных было теперь уже преобладающее еврейское влияние в руководстве движения.

Еще в 1889 году в докладе департамента полиции о революционной эмиграции (после революции этот документ был опубликован) приводится список из 146 революционеров, из которых по крайней мере 50 были евреи, т. е. около $^1/_3$!

В конце века революционное движение стало быстро набирать силу. Самой яркой его фракцией тогда была партия эсеров. Процесс ее возникновения в деталях восстановить трудно. По одним сведениям, она возникла из слияния трех организаций: «Заграничного союза», «Рабочей партии политического освобождения России», действовавшей на западе России, и «Союза социалистов-революционеров» на севере. Ор-

ганизаторами первой были Раппопорт и Хаим Житловский, второй — Гершуни (Герш Исаак Ицков), а третьей — Аргунов, единственный русский среди них. Во главе партии эсеров, по-видимому, стояли главным образом евреи. Жандармский полковник Спиридович в своих воспоминаниях пишет:

> *«Главнейшими заправилами этой "народнической русской партии" оказались: Гоц, Минор, Гершуни, Рубанович, Натансон, Азеф».*

Из русских он может привести только Чернова. Интересны и более частные зарисовки из его же воспоминаний:

> *«Их киевский комитет состоял тогда из евреев. Сторонниками партии в Киеве была еврейская интеллигентная молодежь. Влияние Гершуни сказалось в том, что все они бредили террором…*
>
> *«Федор», еврей, назвать себя отказался и предъявил фальшивый паспорт. Это был интересный тип идейного, профессионального странствующего революционера. То был фанатик своего дела. Таких работников давала только еврейская среда».*

Душой партии эсеров была Боевая организация. Ее создал и ею руководил с 1901 по 1902 год Гершуни, с 1903 по 1906 год — Азев (правдоподобно, что его фамилию надо произносить так, а не Азеф, причем с ударением на А), с 1906 по 1907 — Зильберберг. В 1907 году во главе стал Никитенко, но через два месяца был арестован. В 1908 году она была распущена в связи с разоблачением деятельности Азева. Очень интересна роль Азева. Два самых знаменитых террористических акта, осуществленных под его руководством, — это убийство министра Плеве и московского генерал-губернатора Великого Князя Сергея Александровича. Оба они слыли антисемитами. Плеве приписывали (вряд ли справедливо) организацию Кишиневского погрома и даже (совершенно фантастично) план во-

дворения всех евреев в гетто. Великий Князь Сергей Александрович вновь ввел некоторые ограничения, касающиеся евреев, отмененные его предшественником. Начальники Азева по департаменту полиции — Зубатов и Ратаев — вспоминают, что тот просто трясся от злобы, говоря о Плеве. После убийства Плеве руководство партии в Швейцарии устроило пир, на котором раздавались возгласы: «Это ему за Кишинев». С другой стороны, Азева связывали какие-то особые отношения с Гершуни. Он давал о нем ложные показания, преуменьшая его роль, грозил, что если Гершуни тронут, то он, Азев, с полицией больше сотрудничать не будет. Выдал Азев организацию Аргунова, состоявшую из русских (были арестованы: Аргунов, Колосов, Баранов, Чернова). Наконец, удивительна история разоблачения Азева. Когда Бурцев представил доказательства его сотрудничества с полицией, Азев был вызван на партийный суд. Он отпирался, и суд был отложен на другой день. Ночью Азев спокойно уехал. А ведь эсеры убивали безо всякого суда и за гораздо меньшие преступления против партии. Так, заподозренный в предательстве Татаров был выслежен в доме родителей и безо всякого суда убит на их глазах.

Потом Азев жил в Германии, Бурцев его разыскал и взял у него интервью, но другим место его пребывания якобы не было известно. Трудно дать всему этому иное объяснение, чем то, что руководство партии задолго до разоблачения знало о двойной роли Азева и по каким-то соображениям ее санкционировало. А в свете изложенного выше, эти соображения были, скорее всего, связаны с национальной ориентацией и деятельности Азева, и руководства партии.

Позже, при выборах городских советов (Городских дум) летом 1917 года, в Учредительном собрании эсеры убедительно превосходили другие партии по числу голосов. Поэтому они стоят того, чтобы к ним присмотреться внимательнее.

Вот краткий очерк истории партии эсеров, извлеченный из сочинения американского исследователя Радкей.

В конце 1901 года, говорит автор, произошло слияние двух революционных групп — «Северной» и «Южной», ру-

ководимых Азевом и Гершуни. Это и было рождение партии. Вскоре среди руководителей проявились М. Гоц и Чернов. Органом партии была «Революционная Россия», ее редактором — Гоц. Автор пишет: «Гершуни говорил о лицах, дающих десятки тысяч рублей партии, но не желающих стать ее членами. Партия получала также значительную поддержку из США, где в таких центрах, как Нью-Йорк, Чикаго, Бостон, были крупные колонии русских евреев, крайне враждебных царизму». К осени 1906 года в партии было примерно 50 тыс. членов и 300 тыс. сочувствующих. Боевая организация, созданная Гершуни, была независима от руководства партии в выборе как своих членов, так и жертв. Статистика совершенных ею терактов: 1902 году — 4; 1904 — 6; 1905 — 51; 1906 — 78; 1907 г. — 62; 1908 году — 3. Дольше всего Боевой организацией руководил Азев. Самым сенсационным терактом было убийство министра внутренних дел Плеве. Николаевский утверждает, что Азев стремился к убийству Плеве по некоторым личным причинам, а также потому, что считал его антисемитом.

В эмиграции Чернов настаивал на том, чтобы в России в руководстве партии соблюдался принцип «хора», — как Мартов (Цедербаум), Дан (Гурвич) и Церетели у меньшевиков; Бабель, Либкнехт и Каутский у немецких с.-д.; Бауэр, Реннер и Адлер — у австрийских. У эсеров этот «хор» должен был состоять из него, Гершуни и М. Гоца.

Во время войны часть руководства эсеров примкнула к «циммервальдистам»: Мстиславский в Петрограде, Штернберг в Москве, Коган-Бернштейн, Каминский и Чайкин на Украине. В эмиграции выделились «левые эсеры»: Бобров (Натансон), Камков (Кац) и Далин (Левенсон). К ним примкнула Евгения Ратнер без ведома ее друга Чернова. Циммервальдистами были и Чернов с Александровичем. О Натансоне автор пишет:

> *«Он один из первого поколения народников не изменил своего мировоззрения до самого 1917 г. Возможно, из-за сильной национальной компоненты в его ненависти к царизму».*

Похожую картину автор рисует и касательно послереволюционного периода. Естественно, в 1917 году партия резко активизировалась. Во главе ее Петроградского Совета был А. Гоц (брат умершего к тому времени М. Гоца) и два заместителя: Болдырев и Лифшиц. Брешко-Брешковская получила тогда из американских источников 2 100 000 рублей. В мае произошел III съезд, где, по словам автора, Чернов «утратил все претензии на лидерство и капитулировал перед властью А. Гоца. Не было скандала и открытой борьбы, просто более сильная личность уселась на водительское место». Произошли выборы ЦК, где из 20 избранных членов 8 (судя по фамилиям и именам) были евреи. Летом 1917 году в большинстве крупных городов эсеры были избраны городскими головами, в частности, в Петрограде — Шрейдер, в Москве — Минор. На VII съезде в августе 1917 года впервые разгорелась борьба между «оборонцами» и сторонниками скорейшего окончания войны. Руководство представило резолюцию, составленную руководителем первого течения — Розенблюмом и второго — Штейнбергером.

Почти одновременно с эсерами на историческую арену в России вышла и социал-демократия. Первую марксистскую организацию — группу «Освобождение труда» — в 1883 году основали Плеханов, Аксельрод и Дейч. Первой социал-демократической партией в Империи была социал-демократическая партия Царства Польского, организованная в 1893 году Розой Люксембург и Лео Йогишес (Тышко). Второй был «Бунд» — «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России», созданный в 1897 году. Из него вышли многие лидеры социал-демократии, наиболее известный — Мартов (Цедербаум), первая работа которого была посвящена доказательству того, что еврейский пролетариат не должен в своей борьбе идти на союз с пролетариатом русским, ибо тот его обязательно предаст. Долго потом, вплоть до 1917 года, «Бунд» играл роль резервуара, из которого все течения социал-демократии черпали руководящих работников.

Но среди более молодых деятелей стало преобладать убеждение, что замыкаться в чисто национальную организацию — это неверная политика. О роли «Бунда» в создании РСДРП Г. Зиновьев (Радомысльский) пишет в его «Истории Российской Коммунистической партии (большевиков)»:

> *«…во второй половине 90-х годов движение еврейских рабочих было очень значительно, и роль Бунда в партии очень важна. Достаточно сказать, что главным организатором первого съезда нашей партии в 1898 г. был Бунд. И совсем не случайно этот съезд был в Минске, в городе еврейской черты оседлости, на территории деятельности Бунда».*

На I съезде РСДРП было всего 9 делегатов: Арон Кремер, Абрам Мутник, Шая Кац, Борух Эйдельман, Николай Абрамович Банновский, Вигдорчик, Радченко, Тучапский и Петрусевич. Избранное ЦК составляли Кремер, Радченко и Эйдельман.

Когда на II съезде «Бунд» потребовал для себя совершенно исключительного положения в партии, и эти требования вызвали возражения, то представитель «Бунда» Либер воскликнул, имея, очевидно, в виду роль «Бунда» в создании РСДРП: «Так могут говорить только люди, родства не помнящие!» И сейчас же послышались протесты и заверения, что заслуги «Бунда» никогда забыты не будут. Каждый, кто учился в советской школе, знает фамилии вождей социал-демократии: Мартов (Цедербаум), Аксельрод, Дан (Гуревич), Либер (Гольдман), Мартынов (Пиккер), Розанов (Гольдендах), Троцкий (Бронштейн), Зиновьев (Радомысльский), Каменев (Розенфельд), Абрамович, Эрлих и т. д., и т. д. Плеханов принадлежал к этническому меньшинству. Редакция «Искры» в 1900 году состояла из Плеханова, Аксельрода, Засулич, Дейча, Мартова и Ленина. После раскола на большевиков и меньшевиков еврейское влияние было особенно заметно среди меньшевиков. В связи с V съездом РСДРП

Сталин опубликовал статью в газете «Бакинский пролетарий». В ней говорится:

> *«Не менее интересен состав съезда с точки зрения национальностей. Статистика показала, что большинство меньшевистской фракции составляют евреи, далее идут грузины, потом русские. Зато громадное большинство большевистской фракции составляют русские».*

Он объясняет это тем, что меньшевики представляют интересы мелкой буржуазии, в которой преобладают евреи.

Примерно в то же время Ленин записал:

> *«Число членов нашей партии теперь свыше 100 000 человек: 31 000 были представлены на объединенном съезде, затем 26 000 польских социал-демократов, около 14 000 латышских и 33 000 еврейских».*

(33 000 еврейских социал-демократов — это, видимо, «Бунд», вновь принятый в РСДРП, о числе евреев среди «польских» говорит хотя бы то, что организаторами партии были Роза Люксембург и Лео Йогишес; 31 000 «объединившихся» — это, скорее всего, прежние большевики и меньшевики, объединившиеся на V съезде, о которых писал Сталин. Русские явно составляли незначительное меньшинство.)

Точка зрения Сталина подтверждается еще тем, что (как стало позже известно) при объединении с большевиками меньшевики создали (на конференции в Женеве, 1903 г.) «теневое политбюро» в составе Аксельрода, Мартова, Дана, Троцкого, Потресова. Об этом сообщает биограф Троцкого Дейчер. И исследователь истории меньшевиков Зива Галили пишет: «Среди меньшевиков преобладали представители двух национальных меньшинств России — евреев и грузин», «евреи-марксисты были выходцами из обеспеченных, русифицированных еврейских слоев Санкт-Петербурга, к которым впоследствии присоединились и выходцы из еврейских местечек в черте

оседлости». Похожая ситуация рисуется по данным послереволюционным. Первая после революции конференция меньшевиков состоялась в мае 1917 года. В оргкомитет партии были избраны Хинчук, Исув, Романов, Зарецкая, Ерманский, Аксельрод, Ермолаев, Гарви, Горев, Смирнов, Дан, Ежов (Цедербаум, брат Мартова), Батурский, Панин, Юдин, Богданов, Крохмаль, то есть евреи, видимо, превалировали.

И в таком мало влиятельном течении, как анархизм, обнаруживается заметное еврейское присутствие. Конечно, создателем всего течения был Бакунин, позже наиболее крупной фигурой — Кропоткин. Но с приближением революции 1905 года, когда движение активизируется, в нем все большее участие принимают евреи. В сборнике (всех известных) документов анархистов, во вводной статье составитель сборника так характеризует положение в период революции (1905 г.): «Среди анархистов преобладали евреи (по отдельным выборкам их число достигало 50%), русские (до 41%), украинцы (до 35%)». (Оценки очень приближенные, почему сумма и оказывается больше 100%!) В 1903 году в Париже создается издательская группа «Анархия». В том же сборнике ее состав представлен так: Б. Я. Энгельсон, М. И. Гольдсмит, Рощин (Н. С. Гроссман), М. Э. Р. Дайнов, Ш. Х. Каганович, С. М. Романов и др. Первый террористический анархистский акт в XX веке в России совершил в 1904 году Нисан Фарбер. В материалах анархистов приводятся некрологи (или иные упоминания) погибших или казненных террористов. Их полный список: Нисан Фарбер, Арон Елин (Гелинке), Павел Гольман, М. Шпиндлер (Мойше Гроднер), Ф. Зубарь, Т. И. Бездырев, Бейниш Розенблюм. Еще упоминаются три еврея (один из них 16-летний Осип Левин, остальные по имени не названы), перед казнью отказавшиеся от услуг раввина. После начала войны среди анархистов произошел раскол: «оборонцев» возглавлял Кропоткин, «интернационалистов» — Гроссман, Ге (Гольберг) и Шапиро. После Февральской революции движение опять разделилось. Советы и участие в них поддерживал Кропоткин. Ему воз-

ражал Гейцман (Хаим Лондонский): «Не забираться наверх править». Некоторые обращения анархистов издавались на идиш (иногда потом переводились на русский самими анархистами или полицией, захватившей эти обращения).

Но, несмотря на большое участие евреев в движении анархистов, незаметно (в отличие от эсеров) какой-либо национальной ориентации в деятельности партии. В революцию 1905 года их организации активнее всего были в черте оседлости и боролись главным образом против состоятельных евреев. Так, первый их теракт в XX веке был совершен в 1904 году, когда Нисан Фарбер убил Аврама Кагана в синагоге в Белостоке. В 1905 году Б. Фридман бросил бомбу в синагогу в Белостоке, где собралась группа состоятельных евреев (возможно, для обсуждения вопроса о локауте). Влияние деятельности анархистов в общерусском масштабе сказывалось разве что в том, что она расшатывала тогдашний образ жизни.

Эсеры, эсдеки и анархисты — это были партии, называвшие себя революционными. Кадеты назывались лишь оппозиционной партией, но, по существу, были партией революционной, имевшей целью изменение государственного строя. Эту их роль в I Государственной думе очень ясно показал в своей книге историк Герье. Официальным вождем партии был Милюков. Но Тыркова-Вильямс пишет в своих воспоминаниях: «Милюков был окружен темноглазыми почитателями и особенно почитательницами, к которым он был очень чувствителен. Но не он дирижировал хором, а скорее тот — им». Удивительно, что и Меньшиков в связи с Милюковым применяет то же сравнение — «подставной дирижер». Фактическим редактором официального органа кадетов, газеты «Речь», был Гессен. Кое-что об источниках финансирования газеты сказано в гл. 10. В ЦК кадетской партии из числа евреев входили: Винавер, Гессен, Изгоев (Ланде), Каминка, Мандельштам, Петражицкий. Меньшиков, кроме того, называет среди «вождей кадетов»: Ганейзера, Ганфмана, Греве, Иоллоса, Гуревича, Розенберга, Штильмана, Фридмана.

Эти факты дадут, однако, очень односторонний взгляд, если не отметить, что в руководстве кадетов громадное место занимали также помещики и дворяне старых родов, известные профессора (кадеты считались «профессорской партией»). Тыркова-Вильямс перечисляет: Шаховской, Долгорукий, Радичев, Муханов, Свечин, Петрункевич. Из профессоров — Муромцев, Милюков. Тыркова поражается: а в программе — насильственное отчуждение помещичьих земель? Но на этом пути веяло властью. Да и деньги вдруг полились. Она сама удивляется: за один год ее заработки увеличились в 4 раза!

Картина будет неполной, если мы не отметим, что начиная с 1916 года (в частности, во время Февральской революции) главой русского масонства (секретарем «Великого Востока народов России») был Гальперн. (После Февральской революции ему была предоставлена должность управляющего делами Временного правительства). А позиция русского масонства формулировалась одним из его активных членов так:

> *«Организация носит определенно революционный характер и стремится к насильственному перевороту».*

Подсчеты, мне кажется, в таких случаях мало поясняют, но все же приведем некоторые. М. Н. Покровский утверждал:

> *«По данным различных съездов, евреи составляют от $^1/_4$ до $^1/_3$ организаторского слоя всех революционных партий».*

Ларин (Лурье) пишет, что среди арестованных и сосланных евреи составляли около одной четверти.

По просьбе графа Игнатьева ген. Сухотин, командующий Сибирским военным округом, привел данные о лицах, находящихся под гласным надзором полиции в Сибири на 1 января 1905 года. Их было: русских — 42%, евреев — 37%, поляков — 14%.

Бундовец, а потом большевик Рафес в «Истории еврейского рабочего движения» приводит цифры английского исследователя Раппопорта: с марта 1903 года до ноября 1904 года через Александровский равелин прошло 384 политических заключенных. Из них евреи — 53,9%, русские — 26,4%, поляки — 10,4%. Из женщин: 64,3% — еврейки.

Все эти цифры близки и, видимо, дают правильную картину относительно тех членов революционных партий, которые вели активную работу. Но в руководстве положение было, как мы видели, иным. А политика этих партий (в основном, подпольных) определялась далеко не демократическими канонами. В качестве примера, перескакивая через десятилетие, приведем VII съезд большевистской партии в 1918 году. Это был чрезвычайный съезд, обусловленный грозой раскола в связи с подписанием Брестского мира (он и назывался подпольным). Там была принята резолюция, обязывающая сохранить в тайне принятые решения. Председатель даже подчеркнул, что «ни один член съезда не имеет права давать какие бы то ни было сведения кому бы то ни было». То есть тот слой партии, который собрался тогда в Москве, принимал весьма радикальные решения (напомню, что согласно резолюции, внесенной Лениным, съезд уполномочивал «объявить войну любой империалистической державе и всему миру, когда ЦК партии найдет момент для этого подходящим»), скрывая это от остальных членов партии.

Сухие цифры могут дать ложную картину. Но вот точка зрения хваткого (и не склонного к теоретизированию) наблюдателя. Шульгин пишет об «энергии и вирулентности» «освободительного движения» 1905 года:

> *«…каковому движению еврейство дало спинной хребет, костяк».*

И убийца Столыпина Богров был еврей, причем перед покушением в разговоре с деятелем партии эсеров Лазаревым сказал: «Я еврей, и позвольте вам напомнить, что мы и до

сих пор живем под господством черносотенных вождей». Все это сплетается в загадку. Столыпин как раз предлагал уничтожить все ограничения, существовавшие для евреев. Правда, текст его предложений, отвергнутых Николаем II, стал известен только после революции, но трудно себе представить, чтобы в еврейской среде не была известна общая позиция Столыпина. Да таков был и весь дух столыпинских реформ. Как же тогда понять мотив покушения Богрова?

2. Революция

Но вот наступила революция, и все проблемы отступили перед вопросом о власти.

Интересно отметить, что во Временном правительстве, сколько раз его ни перетряхивали, кажется, не было ни одного еврея. Правда, и власть его была довольно иллюзорной. Трудно сказать, кто же обладал властью непосредственно после Февральской революции и обладал ли ею кто-либо. Но ближе всего к этому находился президиум Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — странное политическое образование, никем не выбранное, «само собою» организовавшееся. Процесс его возникновения подробно описывает в своих воспоминаниях Суханов (Гиммер). Видимо, первый «обмен мнениями» произошел на квартире у Н. Д. Соколова 25 февраля. По крайней мере с этого «совещания» начинает свою историю Суханов. Он вспоминает, что собрались случайно: кто зашел узнать о новостях, кому позвонили по телефону. Но из опубликованных впоследствии воспоминаний видно, что собрание было созвано по масонской линии. Затем, 27 февраля, Временный Исполнительный Комитет Совета рабочих депутатов собрался в Таврическом дворце. Его состав: Богданов, Гвоздев, Капелинский, Гриневич (Шехтер), Скобелев, Чхеидзе, Франкорусский, Соколов, Эрлих. На базе его, путем кооптации, был создан постоянный Исполком. Так, уже 28-го в него были включены Сталин и Рафес (которого вскоре заменил Либер). Так дальше и шло:

«Исполком приглашал в свою среду приехавших из имевших явные заслуги перед движением», — поясняет Суханов. Так, 15 марта приехали Ларин (Лурье) и Урицкий, еще через 2 недели — Мартов. 19-го вернулись из ссылки Церетели и Гоц, 28-го-Дан, 31-го — Камков (Кац). Наконец, 3 апреля — Ленин и все спутники по «вагону».

Стоит вспомнить и то, что председателем Петросовета был Чхеидзе — масон, а русским масонством тогда руководил Гальперн. Он пишет в своих воспоминаниях: «Основные переговоры с Советом рабочих депутатов, т. е. Чхеидзе, вел я». Этому очень помогала «братская» связь. Часто он говорил: «Чего кочевряжишься, ведь все же наши считают это неправильным, надо исправить и сделать по-нашему». Органом Совета были «Известия», а их редактором — Стеклов (Нахамкес), одна из наиболее влиятельных тогда личностей. Когда произошла первая встреча представителей Временного правительства и Совета, то Совет представляли три человека, из которых два были Стеклов и Суханов.

Вернувшийся из эмиграции Плеханов говорил, что, по его наблюдениям, русские революционеры изменились: раньше это были голубоглазые блондины, а теперь «товарищи все какие-то черненькие, с южным акцентом». Вероятно, он считал, что имеет право на такие шутки, так как был женат на Розе Бонгард. Но надо ли удивляться, что он потерял всякое влияние! Наблюдения Плеханова можно проверить по спискам революционеров-эмигрантов, прибывших из Швейцарии через Германию в Россию в марте 1917 года, эти списки позже опубликовал Бурцев. Так, список № 1 состоит из 29 лиц, из которых вне сомнения евреями являются 20. В списке № 2 пропорции для С.-Д. — 38 из 63, для С.-Р. — 10 из 17, С.-Д. Царства Польского и Литвы — 2 из 3, Польской Партии Социалистической — 2 из 3 и, конечно, для «Бунда», Поалей-Цион и сионистов-социалистов — 100%. Кроме того, были «дикие» — 10 из 18.

По поводу Февральской революции 1917 года Шульгин говорит:

«Когда-нибудь история (если ее не затушуют, не задавят и не подделают) расскажет этот процесс. У живых же свидетелей, у очевидцев, от этого времени осталось неизгладимое впечатление: евреи и грузины — грузины и евреи».

Положение в «революционной демократии» ярко характеризует такой драматический эпизод. Непосредственно после октябрьского переворота крупнейший и влиятельный профсоюз — ВИКЖЕЛЬ (железнодорожников) — отказался признать новое правительство и требовал соглашения между всеми социалистическими партиями, в противном случае угрожая забастовкой. Состоялось так называемое Совещание при ВИКЖЕЛЕ, участниками которого были (согласно Протоколам ЦК) от меньшевиков-оборонцев — Дан (Гурвич) и Эрлих, от меньшевиков-интернационалистов — Мартов (Цедербаум) и Мартынов (Пиккер), от правых эсеров — Гейдельман и Якоби, от левых — Колегаев и Малкин, от Комитета спасения родины и революции — меньшевик Вайнштейн, а от большевиков — Каменев (Розенфельд), Сокольников (Бриллиант) и Рязанов (Гольдендах). (Были представлены также Всероссийский Совет крестьянских депутатов и Союз служащих государственных учреждений. Фамилии их представителей не приведены.) Вот эти люди и решали тогда судьбу России. Потом выяснилось, что представители большевиков не имели даже полномочий для заключения какого-либо соглашения, а затягивали переговоры с целью дать новой власти укрепиться. На заседании ЦК от 1 (14) ноября Ленин сказал, что «переговоры должны были быть как дипломатическое прикрытие военных действий». Это, впрочем, было очевидно и во время переговоров, но почему-то собравшимся было выгодно делать вид, что они не понимают ситуации, и они сообща ломали комедию.

По мере того как набирали силу большевики, еврейское влияние перетекало от меньшевиков к ним: теперь то, что писал Сталин о V съезде РСДРП, уже совершенно не отражало

действительность. Был ли сам вождь большевиков евреем на $^1/_2$ или только на $^1/_4$ — совсем не важно. Гораздо важнее, как он сам себя ощущал. Однажды Ленин сам коснулся этого вопроса. В разговоре с Горьким он заметил, что русский человек умным бывает «ой, как редко».

> *«Русский умник почти всегда или еврей, или человек с примесью еврейской крови».*

При известной ленинской скромности невозможно себе представить, чтобы себя он исключил из числа «умников». Еще более важный показатель — что он всю жизнь работал и добился руководящего положения в среде, где большую часть составляли евреи, а в особенно ответственных случаях опирался почти исключительно на евреев. Так, после революции начальником охраны Ленина был чекист Беленький. Такая тонкая операция, как финансовая связь с немцами в 1917 году, была поручена почти одним евреям. В ней участвовали Парвус (Гельфанд), Ганецкий (Фюрстенберг), Урицкий, Радек (Собельзон), Суменсон. Из других участников (чьи имена были известны) Боровский (Орловский) был, видимо, поляк и только Козловский, возможно, русский.

Вообще руководство большевиков к Октябрю состояло в большой степени из евреев. Например, для подготовки восстания было создано политическое бюро (прообраз будущего Политбюро). Состав: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Сокольников (Бриллиант), Бубнов. То есть евреи преобладали, а русский здесь один Бубнов.

Произошел октябрьский переворот. В период, непосредственно за этим следовавший, власть находилась в руках не советов, конечно, не партии, даже не ЦК, а трех человек: Ленина, Свердлова и Троцкого. Свердлов, задолго до Брежнева, соединил в одном лице пост главы государства (председатель ВЦИК) и секретаря ЦК (тогда — единственного). Во главе армии стоял Троцкий, Петроград возглавлял Зиновьев, Москву — Каменев, внешней политикой руководил Радек, Коминтерном — Зи-

новьев, прессой — Стеклов. Сначала во главе комсомола стоял Оскар Рывкин, потом его сменил Лазарь Щацкин.

Еще поразительнее, что практически у всех нееврейских вождей жены были еврейки. Так, женой Дзержинского была Соня Мушкат; одной женой Бухарина была Гурвич, другой — Лурье; женой Рыкова была Маршак, Молотова — Жемчужина (Перл Карповская), Ворошилова — Горбман, Кирова — Маркус, Ежова — Евгения Соломоновна Ноткина, Куйбышева — Коган, Андреева — Хазан (впрочем, многие из перечисленных лиц были женаты несколько раз, так что у них могли быть и другие жены).

Производит впечатление, что в этот период тот, кто не был евреем, не имел хотя бы некоторых еврейских предков, для того, чтобы войти в высший слой лиц, стоящих у власти, стать там своим человеком, должен был иметь жену-еврейку. Исключение было возможно для грузина, вроде Сталина, для русского оно не допускалось. И ведь так оно продолжалось вплоть до маршала Жукова (1-я жена) и Брежнева.

Удивительным фактом, который нельзя не отметить, было массовое участие евреев в ЧК. Какие мемуары того времени ни возьми, натыкаешься на имена еврейских чекистов: в Одессе — Горожанин (Кудемский), Гришин (Клювгант), Ровер, в Киеве — Ремовер, Розанов (Розенблат), Соколов (Шостак), Бувштейн, в Харькове — Абугов, Дагин, Даганский, Мазо, Островский, Португейс, Шаров (Шавер), Фельдман, Иесель Манькин, в Николаеве — Алехин (Смоляров), Вайнштейн, Спектор, на Украине и в Крыму — Гай (Штоклянд), Дмитриев (Плоткин), Говлич (Говбиндер), Зеликман, но и вне бывшей черты оседлости, в Твери — Ревекка Палестинская, на Урале Гольдман, в Симбирске — Бельский (Левин), в Самаре — Визель, Рейхман, в Саратове — Дейч, в Курске — Волков (Вайнер), Каминский, в Перьми и Вятке — Берман, в Пскове и Новгороде — Пассов, в Воронеже — Рапопорт, в Архангельске — Кацнельсон, да даже в Сибири — Бак, Южный, Берманы (оба брата), в Туркестане — Гержот, Дименман, Каплан, Слуцкий, в Самарканде — Паукер, на Дальнем

Востоке — Литвин, при ликвидации сдавшихся в плен офицеров Врангелевской армии — Землячка (Залкинд) и Бела Кун. И в столицах: Петрограде — Урицкий (глава ЧК), Вейзагер, в Москве — Леплевский, Мессинг, Гендин, Рапопорт. В Особом отделе ВЧК — Агранов, Алиевский, Паукер, в секретном отделении — Генкин и т. д., и т. д. И в верхушке: Фельдман — начальник следственного отдела ЧК, Трилиссер — иностранного, а среди членов коллегии ЧК — Ягода, Урицкий, Закс (левый эсер). Мельгунов (полностью следующий либеральным нормам), говоря об одной книге (мне недоступной), посвященной эпохе Гражданской войны, пишет:

«В своих заключительных строках книга принимает откровенно антисемитский характер, что дает возможность говорить о ее тенденциозности. Мы как-то уж привыкли не доверять литературным произведениям, выходящим из-под пера лиц, не способных возвыситься над шаблоном зоологических чувств узкого шовинизма. Но сведения, идущие из источников другого происхождения, подтверждают многое, о чем говорится в этой книге».

И он, по-видимому, прав! Любое описание террора того времени, если оно специально не обработано, будет (пользуясь либеральным языком) «принимать антисемитский характер». Это вполне относится и к самой книге Мельгунова.

Шульгин приводит список лиц, находившихся на командных должностях Киевской ЧК: из 20 фамилий там 4—5 русских, остальные — евреи. Он пишет:

> *«Но если бы в этих местных чрезвычайках не было ни одного еврея, то и тогда все же эти расправы были бы делом еврейских рук по той причине, что коммунистическая партия, от лица которой все это делалось, во всероссийском масштабе руководилась евреями».*

Но остается факт очень значительного личного участия евреев в осуществлении террора. Ведь это опасно — составляя незначительное меньшинство в стране, так решительно

становиться на одну сторону в гражданской войне, с таким азартом полоскаться в крови коренного населения. Для такой цели в каждой стране можно найти исполнителей и из основного населения. В издающемся сейчас в Израиле на русском языке журнале, разбирая исторический роман из предреволюционной эпохи, критик М. Перах упрекает автора, что он не изобразил черту оседлости и процентную норму, а без этого будет непонятно, «откуда взялись… жестокие комиссары в кожанках с маузерами на боку, не выговаривающие букву эр». То есть обсуждаемое явление он объясняет ненавистью, вызванной ограничениями евреев в дореволюционной России. Если это так, то вскрывает очень специфические особенности еврейского характера, ибо черта оседлости или процентная норма при получении образования не были же сравнимы ни с татарским игом, ни с польским нашествием в Смутное время. И к тому же, положение евреев непрерывно улучшалось: во время войны ограничения были сняты для членов семей, призванных в армию, а уж после февральской революции они получили все возможные права.

Похожую мысль высказывает в воспоминаниях Мартов. Он происходил из зажиточного одесского семейства Цедербаумов. Когда ему было 3 года, в Одессе произошел погром. Он был остановлен и не дошел до их дома. Но, вспоминая, Мартов пишет:

> *«Был ли бы я тем, чем стал, если бы на пластической юной душе российская действительность не поспешила запечатлеть своих грубых перстов и под покровом всколыхнутой в детском сердце жалости заботливо сохранить спасительную ненависть».*

Здесь приоткрывается совсем новый фактор. Мы всегда считали, что революционерами двигала «любовь к народу», как бы своеобразно она ни понималась; наконец, стремление воплотить в жизнь социалистическую утопию. Но оказывается, одним из стимулов была еще «спасительная ненависть»;

у одного ли Мартова? Очевидно, были какие-то причины, делавшие притягательным непосредственное, личное участие в ЧК, расстреле царской семьи, преследованиях Православной Церкви, несмотря на опасность навсегда посеять вражду между своим народом и основной массой населения.

В «Дневнике писателя» Достоевский говорит:

> *«…мне иногда входила в голову фантазия: ну что, если б это не евреев было в России три миллиона, а русских; а евреев было бы 80 миллионов — ну, во что обратились бы у них русские и как бы они их третировали? Дали бы они им свободно сравняться с собою в правах? Дали бы им молиться среди них свободно? Не обратили бы прямо в рабов? Хуже того: не содрали бы кожу совсем? Не избили бы дотла, до окончательного истребления, как делывали они с чужими народностями в старину, в древнюю свою историю?»*

Как это ни печально, «фантазия» Достоевского почти осуществилась в реальности: правда, не так, что пропорция евреев и русских изменилась, но благодаря тому, что на какой-то момент силы их оказались в таком соотношении, как будто евреев было в несколько десятков раз больше русских. И нельзя сказать, чтобы результат оказался совсем уж непохожим на тот, который мерещился Достоевскому.

Шульгин пишет, обращаясь к евреям:

> *«Вы жаловались, что во время правления "русской исторической власти" бывали еврейские погромы; детскими игрушками кажутся эти погромы перед всероссийским разгромом, который учинен за одиннадцать лет вашего всевластия».*

Безусловно, этот «всероссийский разгром» совершался не исключительно еврейскими руками, а коммунистической властью. Но это не снимает вопроса о том, почему же еврей-

ские силы с таким азартом приняли участие в «разгроме». Вся эпоха военного коммунизма состояла из сплошной череды крестьянских восстаний, усмиряемых центральной властью. Обычно это трактуется как «борьба за хлеб», очень жестокий способ осуществления продразверстки. Но изучение конкретных ситуаций не подтверждает такого представления. В громадном числе случаев власти просто шли войной на крестьян. Речь шла о какой-то несовместимости. Не об экономической операции, — скорее, это было похоже на религиозные войны, которые раньше пережила Западная Европа. Например, в Воронежской губернии продразверстку проводил гражданин Марголин. Свидетель рассказывает:

> *«По приезде в село или волость он собирает крестьян и торжественно заявляет: "Я вам, мерзавцам, принес смерть. Смотрите, у каждого моего продармейца по сто двадцать свинцовых смертей на вас, негодяев" и т. д. Затем начинается требование выполнить продовольственную разверстку, а потом порка, сажание в холодный сарай и т. д.»*

То есть на первом месте стояла смерть, а уже потом, как декорация, появлялась продразверстка.

Более подробно известна история так называемого расказачивания. Речь идет о системе мер, направленных против донского казачества в период, когда там, как казалось, установилась коммунистическая власть (конец 1918 г. — начало 1919 г.). Меры эти предварительно обсуждены в сохранившейся переписке Свердлова и А. А. Френкеля. Френкель был одним из членов «Донбюро» (председателем был Сырцов), но писал Свердлову именно он и ряд решений, касающихся казаков, подписывал тоже он. Видимо, это было какое-то доверенное лицо Свердлова. Так, Френкель ставит вопрос:

> *«Предстоит очень большая и сложная работа по уничтожению, путем целого ряда мероприятий, глав-*

ным образом, в аграрном вопросе, кулацкого казачества как сословия, составляющего ядро контрреволюции».

В результате, в январе 1919 года Оргбюро ЦК РКП(б) (наряду с Политбюро — один из руководящих органов партии), возглавлял которое Свердлов, принимает «Циркулярное письмо об отношении к казакам», которое начинается так:

«1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно, провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью».

Эти меры и реализовались: сохранился ряд сообщений о массовых расстрелах в станицах. В феврале была издана «Инструкция реввоенсовета Южфронта к проведению директивы ЦК РКП(б) о борьбе с контрреволюцией на Дону», содержавшая указания:

«…обнаруживать и немедленно расстреливать: а) всех без исключения казаков, занимавших служебные должности по выборам или по назначению… е) всех без исключения богатых казаков».

Реввоенсовет Южного фронта: И. Ходоровский,
В. Гитис,
А. Колегаев.
Управляющий делами Реввоенсовета
Южного фронта — В. Плятт.

В обращении (за теми же подписями) говорится:

«Необходимы концентрационные лагеря с полным изъятием казачьего элемента из пределов Донской области».

Все эти меры энергично осуществлялись, о чем есть много свидетельств. Происходили массовые расстрелы.

В итоге расказачивания численность донских казаков сократилась с 4,5 млн. до 2 млн. Результатом (в марте 1919 г.) было Верхне-Донское восстание. В борьбе с ним Реввоенсовет 8-й армии указывал:

> *«…уничтожены должны быть все, кто имеет какое-то отношение к восстанию и к противосоветской агитации, не останавливаясь перед процентным уничтожением населения станиц.*

(Даже без ограничений пола и возраста! — *И. Ш.*)

> *Реввоенсовет 8-й армии: И. Якир, Я. Вестник».*

3. Вопрос о власти

Многие пытались выразить еврейское влияние (Шульгин даже говорил о «всевластии») послеоктябрьской революции в численной форме, на основе тех или иных подсчетов. Например, приводятся списки, создающие впечатление почти стопроцентной концентрации евреев во власти. Но мне кажется, что это очень зависит от выбора того органа, список членов которого приводится. Так, первый состав Совнаркома был: Ленин, Троцкий, Рыков, Милютин, Ногин, Ломов, Сталин, Шляпников, Теодорович, Глебов-Авилов, Антонов-Овсеенко, Крыленко, Дыбенко, Луначарский — он дает другую картину. Но ведь надо иметь в виду, что Совнарком — исполнительный орган. (Да и Троцкий говорил: «Будет гораздо лучше, если в первом революционном советском правительстве не будет ни одного еврея». Хотя без него самого, видимо, обойтись было просто невозможно.) К тому же, например, Троцкий, который в первом составе СНК должен был заниматься иностранными делами, пишет в воспоминаниях об этом времени:

> *«Я отдавал все силы перевороту, предоставив заботы по министерству иностранных дел товарищам Малкину и Залкинду».*

Реальная власть принадлежала (как об этом говорили и недовольные большевики на съездах) Ленину, Троцкому и Свердлову. На похоронах Свердлова Ленин сказал, что тот многие вопросы вообще решал единолично. Если же говорить о каком-то органе, то властью было Политбюро. Первым его зародышем был, видимо, комитет, созданный на совещании дома у Суханова в преддверии переворота. Его состав мы уже приводили: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Сокольников, Бубнов. На VI съезде Политбюро не выбирали, но было Бюро ЦК — Ленин, Сталин, Троцкий, Свердлов. На VII (чрезвычайном) съезде опять Политбюро не избирали. Оно возродилось на VIII съезде в составе: Ленин, Каменев, Крестинский, Троцкий, Сталин. Потом отсутствовало на IX съезде. Далее его состав был:

• X съезд — Ленин, Троцкий, Зиновьев, Сталин, Каменев;

• XI съезд — Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Рыков, Томский;

• XII съезд — Ленин, Каменев, Троцкий, Сталин, Зиновьев, Рыков, Томский, Бухарин;

• XIII съезд — Каменев, Троцкий, Сталин, Зиновьев, Рыков, Томский, Бухарин.

Это вплоть до 1924 года — весь период революции и ее утверждения. Политбюро состояло из 5—7 человек. Из них Ленин, по его собственному определению, «человек с примесью еврейской крови», и еще 2 или 3 еврея. По современной терминологии, это был «контрольный пакет» (если еще вспомнить о женах Бухарина и Рыкова). Речь вовсе не идет о каком-то централизованном заговоре. Какие бы силы ни создавали ту «чудесную взаимосвязь», о которой говорит Гретц (в цитате, приведенной в гл. 1), их действию были подвержены большинство членов Политбюро любого состава. Для современников это и выражалось как «всевластие» евреев в то время.

Но в таких тонких вопросах впечатления одного современника дают больше, чем списки и подсчеты. Шульгин, например, говорит о времени Гражданской войны:

«В Красном стане евреи изобиловали и количественно, что уже важно, но сверх того занимали командные высоты, что еще важнее».

Он говорит о «выпиравшем совершенно явственно факте», с его точки зрения, составлявшем «суть дела»:

«Организационной и направляющей силой в стане Красной армии были евреи».

Для примера он приводит Белую армию, где общепризнанно, что руководящей силой было офицерство. Хотя много бывших офицеров воевало в рядах Красной Армии.

«Однако никому не приходит в голову говорить, что коммунистической партией руководили офицеры; и, наоборот, все говорят уверенно, что Белое движение велось офицерством. Почему? Да потому, что в Красном стане русское офицерство было на роли "быдла", а в Белом — оно было "первенствующим сословием".

Вот точно таким первенствующим сословием были евреи в Красном стане».

Похоже, и в большевистском лагере проблему чувствовали. Например, в 1923 году Троцкий на пленуме ЦК вспоминал, что сразу после захвата власти Владимир Ильич, лежа на полу, сказал: «Т. Троцкий, мы сделаем Вас наркомвнуделом, Вы будете давить буржуазию и дворянство», — но он отказался: «Нельзя давать такого козыря в руки наших врагов».

Как и на предложение стать единственным заместителем Ленина, «чтобы не дать нашим врагам повода сказать, что Россией правит еврей».

Американский советолог Р. Пайпс пишет:

«Троцкий был в Совнаркоме единственный евреем. По-видимому, большевики опасались обвинения в том,

что они — "еврейская партия", создавшая правительство, которое будет служить интересам "международного еврейства"».

Выступая на том же пленуме ЦК, Троцкий говорил:

«Вы помните, какой вред принесло нам в Гражданскую войну то, что во главе Красной Армии стоял еврей».

(Если он действительно так думал, то непонятно, зачем он назначил своим заместителем и по Реввоенсовету, и по Наркомвоенмору Склянского. Если бы хоть это был незаменимый военный специалист, а то недоучившийся медик!).

По поводу всего революционного движения — и до, и после 1917 года — взвешенным свидетельством о роли евреев мне кажется книга «Россия и евреи», изданная в Берлине в 1923 году. Это собрание статей шести евреев, отнюдь не отказавшихся от своей национальности, озабоченных тем, как сложатся в будущем отношения их народа с другими народами России. Вот что они пишут.

«Не подлежит никакому сомнению, что число евреев, участвовавших в партии большевиков, а также во всех других партиях, столько способствующих так называемому углублению революции — меньшевиков, эсеров и т. д. как по количеству, так и по выпавшей на них роли в качестве руководителей, не находится ни в каком соответствии с процентным отношением евреев ко всему населению России. Это факт безусловный, который надлежит объяснить, но который бессмысленно отрицать». (Левин)

«Теперь еврей — во всех углах и на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе армии, совершеннейшего механизма самоистребления. Он видит, что проспект Св. Владимира носит

славное имя Нахимсона, исторический Литейный проспект переименован в проспект Володарского, а Павловск — в Слуцк. Русский человек видит теперь еврея и судьей, и палачом». (Бикерман)

«Ряды социалистов были переполнены евреями. И когда по линиям русских государственных судеб над Россией — если можно так выразиться — стрясся вместе с революцией социализм как проявление, результат и фактор общегосударственного развала и народного разложения, тогда эти евреи со всей своей численностью и энергией оказались на передовой волне разложения». (Ландау)

«Еврей вооружал и беспримерной жестокостью удерживал вместе красные полки, огнем и мечом защищавшие "завоевания революции", по приказу этого же еврея тысячи русских людей, старики, женщины бросались в тюрьмы, чтобы залогом их жизни заставить русских офицеров стрелять в своих братьев…» (Бикерман)

В новейшее время представительница «третьей волны» эмиграции С. Марголина пишет:

«Вопрос о роли и положении евреев в советской истории относится к числу самых важных и одновременно самых табуизированных вопросов нашего времени… Особый и почти не исследованный вопрос — работа евреев в репрессивных органах: ЧК, ГПУ и НКВД… Что ни говори, а ужасы революции и гражданской войны, как и последующих репрессий, тесно слились с образом еврейского комиссара».

Опять из сборника «Россия и евреи»:

«…в этой смуте евреи принимают деятельнейшее участие в качестве большевиков, в качестве меньшеви-

ков, в качестве автономистов, во всех качествах, а все еврейство в целом, поскольку оно революции не делает, на нее уповает и настолько себя с ней отождествляет, что еврея — противника революции всегда готово объявить врагом народа». (Бикерман)

Связь евреев и революции, отмеченная в последней цитате, была симметричной. Если еврея — противника революции евреи объявляли врагом своего народа, то и новая власть противника евреев объявляла своим врагом. В «Известиях ВЦИК» от 27 июня 1918 года опубликовано сообщение «От Совета народных комиссаров». В нем говорится:

«СНК объявляет антисемитское движение и погромы евреев гибелью (! — И. Ш.) дела революции… Погромщиков и ведущих погромную агитацию предписывается ставить вне закона».

Закон, предписывающий кого-либо ставить вне закона, кажется, уникален в истории.

В принятом в 1922 году Уголовном кодексе (статья 83) предписывалось:

«За разжигание национальной вражды в особо отягчающих обстоятельствах — кара до расстрела».

Еще одно свидетельство принадлежит С. С. Маслову — известному специалисту по сельскохозяйственной кооперации, депутату Учредительного собрания. В начале 20-х годов он эмигрировал (или был выслан?) и описал то, что пережил до того в Советской России. Он пишет:

«Распространенное выражение "жидовская власть" весьма часто в России, особенно на Украине и в бывшей черте оседлости, понимается не как зазорное определение власти, а как совершенно объективное определение ее состава и ее политики. Когда украинец-крестьянин

называет свою гужевую и трудовую повинность "жидовской панщиной", он выражает только свое искреннее убеждение, что панщина введена действительно евреями. В определение власти как "жидовской" вкладывается двойной смысл: советская власть, во-первых, отвечает желаниям и интересам евреев, во-вторых, власть фактически находится в руках евреев. Характерный бытовой факт, отражающий первый смысл определения власти: если к свободно разговаривающей о советских порядках группе лиц (не евреев) подойдет еврей, даже лично знакомый собеседникам, разговор почти всегда круто обрывается и переходит в другую плоскость».

Тогда же, когда вышла книга С. С. Маслова (в 1922 г.), в эмигрантской газете «Еврейская трибуна» появилась статья Е. Кусковой (сначала участницы «Освободительного движения», потом пытавшейся организовать комитет помощи голодающим в России — в кличке ПРОКУКИШ, данной большевистской прессой этому комитету, ей принадлежит «КУ», а потом высланной из СССР). Статья называется «Кто они и как быть?» Она передает свои впечатления о русско-еврейских отношениях в Советской России. Женщина-врач, еврейка, говорит:

«Еврейские большевистские администраторы испортили мне мои прекрасные отношения с местным населением… И это население относится ко мне теперь отвратительно, и я чувствую себя отвратительно».

Или учительница:

«Понимаете, меня ненавидят дети, вслух орут, что я преподаю в еврейской школе. Почему в еврейской? Потому что запрещено преподавать Закон Божий и выгнали батюшку.

— Да я-то тут при чем? Ведь распоряжение дал Наркомпрос?

— Да потому, что в Наркомпросе — все евреи, а вы от них поставлены».

Кускова цитирует прокламацию Политуправления (Наркомпроса?), разъясняющую, почему «так много евреев»:

«Когда российскому пролетариату понадобилась своя интеллигенция и полуинтеллигенция, кадры административных и технических работников, то неудивительно, что оппозиционно настроенное еврейство пошло ему навстречу… Пребывание евреев на административных постах новой России — совершенно естественная и необходимая вещь, будь эта Россия кадетской, эсеровской или пролетарской».

Но может быть, те евреи, которые занимали руководящее положение в социалистическом движении и в русской революции, в самом еврействе составляли меньшинство, оторвавшееся от своих национальных корней? Может быть, их позиции вызывали осуждение евреев, верных своим национальным традициям? Действительно, такие голоса раздавались: таков, например, смысл книги «Россия и евреи», которую мы выше цитировали (авторы выступали в этом вопросе не только как теоретики: один из них, Пасманик, сотрудничал, например, с правительством Деникина и Врангеля). Но как раз в этой книге авторы заверяют нас, что встретили враждебность и осуждение основной массы еврейства. Так, еврейская пресса писала о них:

«Там имеются такие еврейские элементы, которые не могут быть приняты в счет. Это отбросы еврейской общественности, сроднившиеся с Врангелем и проделавшие с его армией весь длинный путь…»

В статье М. Бикермана рассказывается о банкете русско-еврейских общественных деятелей в эмиграции и о выступлении одного обамериканившегося еврея, сказавшего:

«Евреям жаловаться на Россию нечего, мы всегда с удовлетворением отмечали случаи, когда в Англии или Франции выдающийся еврей достигал власти… теперь в России чуть ли не половина министров — евреи».

Далее рассказывается об одном еврейском деятеле (автор называет его «белым вороном»), предложившим высокому еврейскому духовному лицу организовать протест против казней православных священников в СССР. Тот, подумав, ответил, что это значило бы бороться против большевиков, чего он не считает возможным делать, так как падение большевистской власти привело бы к еврейским погромам и тем самым его руки оказались бы обагренными еврейской кровью. Автор резюмирует:

«Общественное мнение еврейства всего мира отвернулось от России и повернуло в сторону большевиков. Французский же, английский или американский еврей и не обязан думать о том, как выбраться России из пропасти, куда она ввергнута была бессмысленным бунтом, именуемым революцией, и у него о России и делах русских остается только одно: существующая власть большевиков уже тем благодетельна, что она не допускает еврейских погромов; ей угрожает "реакция", готовая евреев истребить».

Последняя мысль находит подтверждение в неожиданном источнике. В своей полемике с Троцким по поводу террора в России (собственно, это ответ на статью Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский») Каутский пишет:

«То, чего мы опасаемся, это не диктатура, а нечто, пожалуй, гораздо худшее. Вероятнее всего, что новое правительство будет чрезвычайно слабо, так что оно не сможет, даже если захочет, справиться с погромами против евреев и большевиков.

…потому мы вынуждены защищать его (большевизм. — И. Ш.) как меньшее зло».

(Хотя в самом названии книги автор характеризует положение в России как «государственное рабство».)

То есть отношение к коммунистической власти как «власти, охраняющей евреев от погромов», оказывается для Каутского на первом месте при всех имевшихся партийных разногласиях.

В книге «Россия и евреи» не раз обсуждается связь между политически активной частью еврейства и остальной массой:

«Дело было здесь не в том огромном количестве активных партийных людей, социалистов и революционеров, влившихся в нее (революцию. — И. Ш.) ; дело в том широком сочувствии, которым она была встречена, а в некоторой степени сопровождалась и позже… Ясно, что были какие-то сильные мотивы, которые толкали евреев в эту сторону». (Ландау)

«Много ли было таких еврейских буржуазных или мещанских семей, где бы родители, мещане и буржуи, не смотрели сочувственно, подчас с гордостью, и в крайнем случае безразлично на то, как их дети штамповались ходячими штампами одной из революционно-социалистических идеологий». (Ландау)

Иначе ту же мысль формулирует Шульгин:

«…несправедливо думать, что современные евреи-коммунисты явились, как Венера, из пены морской. Нет, они суть ужасное дитя массовой еврейской злобы, охватившей значительную часть русского еврейства в 1905—1906 годах».

Это же чувство пронизывает воспоминания одного из создателей сионистского движения Х. Вейцмана. Он не раз

говорит: «при моей ненависти к России» — как о чем-то само собой разумеющемся. И для более позднего времени (1919 г.) Шульгин приводит конкретный пример широкой еврейской поддержки большевизму:

> *«…я мог наблюдать в Одессе еврейскую работу против Добровольческой армии… Это было при французской интервенции. Разложение пришедшей в Одессу французской армии было сделано в значительной степени антибелым жужжанием Одессы-мамы».*

В советском журнале «Красный Архив» публикуются документы, подтверждающие наблюдение Шульгина. По донесениям, полученным товарищем министра иностранных дел Украинской директории Марголиным, вырисовывается такая картина. Начальником штаба французских оккупационных сил был полковник Фрейденберг. Он ведет переговоры с украинской Директорией, ориентируясь на социалистов-федералистов. Командующие генералы Франше, д'Эспере, Бертело и Ансельма на все смотрят его глазами. Его политика сводится к дискредитации Добровольческой армии. Под его влиянием закрыли газету Шульгина «Россия» и разрешили открыть богатую «Нові Шляхи». Его политика препятствует мобилизации в Добровольческую армию, где его называют «злым гением союзнического командования». Одновременно против Добровольческой армии интриговал Совет Государственного Объединения, фактическим главой которого был Маргулис.

Отношение националистического, сионистского еврейства к революции очень ярко характеризует резолюция сионистского съезда, проходившего в Петрограде после Февральской революции.

Резолюция настаивает, чтобы кандидаты от еврейства в Учредительном собрании, если возможно, проходили по еврейским спискам, если же это невозможно, то сионисты обязывались поддерживать партии «не правее партии народных социалистов». «Народные социалисты» были более умеренной фракцией

эсеров. Таким образом, сионистам предписывалось голосовать только за социалистические, революционные партии.

Конечно, послереволюционное время не было просто эпохой «еврейской власти», — хотя бы потому, что такая концепция не провозглашалась, а мы знаем уже теперь, что без сформулированной четко концепции невозможно произвести радикальный (да еще такой радикальный!) переворот. Провозглашалась совсем другая концепция — интернационально-коммунистическая. И невозможно, чтобы многие десятки тысяч евреев-коммунистов на самом деле были «марранами», тайно исповедовали другую доктрину — и никто никогда бы не проговорился: ни тогда, ни позже.

Но от фактов никуда не уйдешь. Они говорят о чрезвычайно значительном «еврейском факторе» в революции.

Неверно, что хотя бы в какой-то период революции «все» или «почти все» революционеры были евреями. Но после Октябрьской революции страна разделилась на два лагеря: «за» и «против» революции (крестьянские восстания, гражданская война, эмиграция). Мы видели, что лагерь «за» не состоял сплошь из одних евреев. Но, может быть, их не было в лагере «против»? И этого сказать четко нельзя. Конечно, многие евреи, связанные с Февральской революцией, оказались не ко двору после Октябрьской. Они что-то делали на территориях белых правительств, они отправились, в конце концов, в эмиграцию. Таких было много. Но вот решительные борцы против революции среди евреев были, по-видимому, исключениями. Например, убийца Урицкого Канегиссер, стрелявшая в Ленина Каплан. Такими исключениями были и 6 авторов книги «Россия и евреи»; они свою позицию «изгоев» из еврейской среды и зафиксировали. Как пишет Шульгин:

> *«Только ничтожная группа еврейства примкнула к Белым. Правда, Винавер побывал лично в Екатеринбурге, то есть, так сказать, в гостях у Деникина. Он прибыл совместно с Милюковым. Но и тот, и другой были общипаны хуже, чем Двуглавый орел времен керенщи-*

ны. Можно сказать, вместе они мало весили… Винавер потому… да вот именно потому, что еврейство в Белом Движении не пошло…

Объясняли это тем, что в Добровольческой Армии был такой антисемитизм, что невозможно было продохнуть… Отчасти это верно. Но только — отчасти. Несомненно, что если бы еврейство с такой же страстностью ринулось в Белые армии, с какой оно работало для Красной, то антисемитизма не было бы в белом стане».

Эту же мысль мы встречаем и в книге «Россия и евреи»:

«В армии, где было бы много солдат-евреев, антисемитизм задохнулся бы». (Линский)

Так и Шульгин, обсудив две крайние позиции:

1. Все жиды — коммунисты;

2. Не все жиды — коммунисты, но все коммунисты — жиды; приходит к выводу, который ему представляется «совсем близким к истине»;

3. «Не все жиды — коммунисты; не все коммунисты — жиды; но в коммунистической партии евреи имеют влияние, обратно пропорциональное их численности в России».

Это, безусловно, верно, но является, как мне представляется, лишь частью более общего явления, которое заключается в следующем. В начале XX века Россия пережила потрясший ее кризис, связанный с революцией, начиная с 1905 года. И если позволительно оперировать такими категориями, как «дворянство», «крестьянство», тогда, очевидно, и «еврейство»-то, несомненно, «еврейство» как целое в этом кризисе оказалось все на стороне революционно-коммунистической. Как в смысле совершенно непропорционального участия в революции и коммунистической власти, так и в смысле столь же непропорционально малого участия в борьбе с этими силами. Конечно, практически никто из них не участвовал в борьбе крестьян и очень мало в Белых армиях. Ну можно ли Винавера, Мар-

това, Абрамовича, да и Милюкова, конечно, считать борцами с революцией? Они были как раз ее активными участниками, но на определенной фазе — Февральской, а при переходе к фазе Октябрьской произошла смена действующих лиц и они оказались «вне игры» — в эмиграции. Да Винавер и посвятил последние годы своей жизни не «борьбе с коммунизмом» (хотя бы газетной), а издавал в Париже газету «Еврейская трибуна» и, как говорит одна цитируемая Шульгиным эмигрантская газета, «в последние годы жизни проявил свое наивное участие в палестинском правительстве».

В том кризисе, который расколол тогда Россию, вряд ли правомочен вопрос: кто был прав? Он больше похож на стихийное явление. Но за то, что «еврейство» как целое оказалось на одной, определенной стороне, говорят и числовые подсчеты, и наблюдения как евреев, так и русских; как интеллигентов, так и украинских мужиков; как книги белых эмигрантов, так и заявление Политуправления Наркомпроса. И не только на «одной стороне», но и руководящей силой и опорой этой «стороны».

Мы привели много свидетельств (а можно было бы привести и гораздо больше) враждебности «еврейства» к «исторической России», отразившегося и в революции. Безусловно, традицию этого враждебного отношения создали русские, даже вначале — русские аристократы. Но эту традицию еврейство приняло почти целиком (хотя и с разными оттенками). И тут очень рискованно принимать априорные решения насчет того, что было «причиной», а что — «следствием». (Если историю вообще можно разложить на цепь «причин» и «следствий».) Общепринята точка зрения, согласно которой «неравноправие», «еврейские погромы», «кровавый навет» и т. д. вызвали враждебность еврейства к России, приток в революционное движение, а после революции — «выход во власть». Но можно ли эту точку зрения проверить? Как можно убедиться, что неверна обратная точка зрения: что первичной была именно эта враждебность и воля к властвованию, а только в результате этого такую яростную реакцию вызвало «ограничение свободы пе-

редвижения» и все остальное? Ведь от кагальной организации терпели притеснения, куда более жестокие, русские министры все же не варили евреев в кипятке! И мы не видели толп старообрядцев, устремившихся в ЧК или Компартию. Мне кажется, ответить на этот вопрос можно, только тщательно продумывая нашу новейшую историю, сопоставляя ее с аналогичными ситуациями у других народов, но не принимая на веру торопливо изготовленный интеллектуальный штамп.

Глава 12

Запад между мировыми войнами
(От Первой до Второй мировой войны)

1. После войны

Странным образом еврейское влияние в мире резко усиливалось в периоды мировых войн. Мы уже упомянули о наполеоновских войнах, принесших евреям равноправие во всей Западной Европе, совпавших с возникновением еврейской прессы (да и экономически усиливших евреев, создавших целые состояния на финансировании обеих сторон. Возвышение дома Ротшильд относится к этому времени.) Позже мы встретимся с тем же явлением на примере Второй мировой войны. Теперь же обратимся к Первой мировой войне.

Ярче всего можно проследить интересующее нас явление на примере Германии. Война потребовала концентрации экономических усилий, регулирования экономики. Еще в 1912 году газета «Берлинер тагеблатт», созданная в XIX веке еврейским издателем и обещавшая в первой программной статье защищать еврейские интересы, писала:

«Хорошо управлять Германией сегодня — это значит уметь хорошо считать, а это дети Сима всегда умели.

Ныне в решающих для нашей судьбы местах нужны люди, умеющие считать, делать прогнозы в сфере материальных ценностей. Так ли плохо черпать их из среды иудейской расы? Разве не свидетельствует о прекрасном чутье Вильгельма, что он всегда в трудный момент приглашает в свой дворец директора Баллина, Симона, Гольдбергера, Германа, Арнольда, Ратенау, Швабаха, Фридлендера-Фульд?»

С началом войны руководство мобилизацией хозяйственной жизни в военных целях было передано в руки двух экономических диктаторов: Ратенау и Баллина. Баллин встал во главе Центрального Закупочного общества. Ратенау возглавил Отдел стратегического планирования в военном министерстве. Была организована сеть Военных обществ, основанных на частной инициативе, но действовавших при поддержке государства. В их руках фактически находилась экономическая жизнь Германии. Во главе всей этой системы находился Ратенау, которого пресса называла «начальником генерального штаба позади линии фронта», фигура, ярко иллюстрирующая характер еврейского влияния в Германии до, во время и после мировой войны. Сын одного из крупнейших промышленников в предвоенной Германии, в молодости Ратенау писал в книге «Впечатления» (1902 г.):

«Слушай Израил! Юдофилы говорят: еврейский вопрос не существует. Недостаточно пройти в воскресный полдень по Тиргартештрассе или бросить вечерком взгляд на фойе театра. Странное дело! В сердцевине немецкой жизни мы видим расу совершенно особую, странную… Среди песков Брандербурга замечаешь “азиатскую орду”. Выделанная веселость этих людей не дает прорваться наружу древней и неутолимой ненависти, которую они несут на своих плечах. Тесно связанные друг с другом, строго изолированные от внешнего мира, они образуют не живой орган немецкого народа, но особый организм, чуждый его телу».

Ратенау унаследовал состояние отца и стал одним из крупнейших промышленников и финансистов Германии. В 1909 году он писал Венской газете «Ней Фрейе прессе»:

> *«300 человек, знающих лично друг друга, решают судьбы континента».*

И в другой раз:

> *«Настало время, чтобы влиятельные международные финансовые круги, давно скрывавшие свою власть над миром, провозгласили бы ее открыто!»*

Вспоминая после конца войны свои впечатления в связи с ее началом, он приводил разговор с другом:

> *«Я сказал: "Никогда не наступит такой момент, чтобы Кайзер, в качестве покорителя мира, проехал на белом коне под Бранденбургскими воротами. В такой день мировая история потеряла бы свой смысл"».*

Тем не менее ему был поручен пост экономического диктатора Германии, и он его принял. Известный экономист, лауреат Нобелевской премии фон Хайек считает, что именно «в кабинетах Ратенау» были заложены основы для прихода к власти национал-социалистов: бюрократизация и централизация хозяйства, начатые во время войны, привели к тому, что к 33-му году хозяйством Германии могла руководить только диктатура. Но Ратенау и через многочисленные публикации пропагандировал идеи унификации и централизации хозяйства. Хайек пишет:

> *«Вероятно, он больше, чем кто-либо другой, повлиял на взгляды современников. А некоторые из его ближайших сотрудников образовали позже ядро аппарата, проводившего геринговскую четырехлетку».*

Судя по мемуарам из этой эпохи, Военные общества были переполнены евреями. Книга, посвященная этому вопросу, приводит такие примеры (правда, может быть, крайние, но дальше уж идти и некуда). Вот состав руководства Общества по снабжению текстилем: Кон, Цейтлин, Гершфильд, Самилевич, Геллер, Эйснер, Зоммерфельд, Фейтульберг, Симон, Платнер, Симон (еще один!), Вильнер. В Военно-металлургическом акционерном обществе немцы составляли 13%, евреи — 87%; в обществе, ведавшим снабжением кожей, немцы — 2%, евреи — 98%. Общества и принадлежавшие к ним фирмы выплачивали неслыханные дивиденды: 300, 400, 700 и даже 900%. Спекуляции за несколько дней давали возможность выиграть миллионы. Создавались состояния в сотни миллионов. Все время: как в течение войны, так и после ее окончания, — шли судебные процессы: поставки фальшивых товаров, спекуляции, злоупотребление служебным положением с явным перевесом еврейских имен. Несколько раз под суд попадал Гельфанд-Парвус, участник русской революции 1905 года, пропагандист теории «перманентной революции», но одновременно и биржевой спекулянт-миллионер, вместе с его постоянным сотрудником Шклярцем. Уже после войны, когда у власти стояли социал-демократы, партийные товарищи Парвуса, в связи с очередным скандалом министр культов Хениш сделал газете «8 ур абендблатт» такое заявление:

> *«Что касается до операций Парвуса, может быть, действительно несколько рискованных, я этого не знаю, то не забывайте, пожалуйста, что Парвус не корректный немецкий мещанин и, благодаря всему пройденному им пути, таковым стать не может. В его жилах несомненно очень своеобразно смешиваются еврейская, русская (? — И. Ш.) и татарская (?? — И. Ш.) кровь. Такой человек имеет право, чтобы его судили по законам его собственного существа и прожитой жизни».*

(Этот Хениш — министр культов! — был главным редактором издававшегося Парвусом и Шклярцем журнала «Глоке».)

Когда в 1918 году Германия оккупировала Украину, то государственный секретарь Буше-Хадденхаузен сообщил в комиссии рейхстага, что закупки зерна (т. е. фактически конфискация) на Украине будут поручены «знающим местные обстоятельства евреям». В Австро-Венгрии с той же целью было организовано Общество для импорта зерна. Его руководство — Кон (председатель), Рейф и Герфель (заместители), Фишль, Гибиан, Гехорзам, Горовитц, Германн, Леви, Сойка, Верхеймер.

В странах противоположного лагеря можно видеть аналогичную картину, прежде всего в отношении централизованного управления экономикой. Например, в США хозяйственным диктатором был Бернард Барух (аналог немецкого Ратенау). Он был сначала биржевым спекулянтом, но во время войны возглавил ВПК — Военно-Промышленный Комитет (War Industry Board).

Он характеризовал работу ВПК как выработку «приоритетов», например, «направить ли паровозы генералу Першингу (в армию) или в Чили для транспорта селитры, необходимой для изготовления аммуниции войскам Першинга».

Его противники обвиняли его в установлении экономической диктатуры и называли «сверхпрезидентом».

После войны он стремился закрепить опыт ВПК:

> *«Необходимо регулировать не только цены, но и капитал, рабочую силу, производство. Этого нельзя добиться без авторитета, контроля и руководства промышленностью, достаточного, чтобы организовать ее и управлять как единой цельной системой. Нужен совершенно новый подход, при котором каждый завод и все сырье, каждый предприниматель и рабочий есть части одной гигантской промышленной армии».*

В 1930-е годы Барух пропагандировал создание планов мобилизации американского хозяйства для следующей войны, вступление в которую США он считал необходимым. (Он писал, что был просто одержим этой идеей.) «Я не знаю такого

животного», — говорил он о нейтралитете. При этом как аргумент он использовал то, что Гитлер использует опыт ВПК, совершенно параллельно тому, что говорил Хайек о влиянии Ратенау на геринговскую четырехлетку.

В области финансов аналогичную роль играл Пауль Варбург (аналог немецкого Баллина). Причем до 1914 года он был совладельцем Гамбургского банкирского дома Варбургов, возглавляемого его братьями. (Один из этих братьев по поручению германского правительства даже пытался вступить в Стокгольме в контакт с русским политическим деятелем Протопоповым в неудавшейся попытке прощупать возможность сепаратного мира с Россией.)

Вот пример, касающийся уже высокой политики. Американский миллиардер Генри Форд отправился в 1917 году в Европу в надежде добиться заключения мира. Позже он писал:

> *«Всякий раз, как я пытался пробиться к министру или коронованной особе, в дверях мне преграждал дорогу секретарь-еврей. Без их согласия я не мог пробиться к власть имущим. Поэтому я пришел к выводу, что именно им и принадлежит власть в Европе».*

И, действительно, в разное время секретарем Лойд Джорджа был Филипп Сассун, Асквита — Эдвин Самуэль Монтегю, Клемансо — Мандель, Лубе — Гуго Обендорфер.

На возросшую роль еврейского влияния в мировой политике обращает внимание Д. Рид на примере следующего инцидента. В начале 1918 года большой контингент английских войск был переброшен в Палестину для полного ее очищения от турок, несмотря на то, что естественно было ожидать решительного немецкого наступления на Западном фронте с использованием войск, освободившихся на Восточном фронте. Решение явно было очень спорным и принято под большим давлением; для его осуществления потребовалось уволить нескольких политиков и военачальников. Действительно, немецкое наступление началось через 2 недели

после начала английского наступления в Палестине. Англичанам пришлось перебрасывать свои войска назад в Европу, и они потерпели крупное поражение.

Война закончилась Версальским миром, его условия вырабатывались на мирной конференции, где принимали участие представители Всемирной сионистской организации и отдельные влиятельные еврейские группы. К тому времени уже в так называемой декларации Бальфур Англией было дано обязательство создать в Палестине еврейский «национальный очаг». Эта декларация формально была всего лишь письмом тогдашнего министра иностранных дел Англии Бальфура лорду Ротшильду. (И понятие «национального очага» очень неопределенно.) Но в дальнейшем она рассматривалась как основной документ, приведший позже к созданию государства Израиль.

Наиболее болезненными мирные переговоры были для Германии, для нее это были не переговоры — ей диктовали условия. Главой немецкой делегации был Брокдорф-Ранцау, немец и даже граф (перед тем посол в Дании, через него осуществлялось финансирование большевиков). Но главой экономической делегации был Мельхиор, еврей, перед тем глава экономической миссии в оккупированной Украине. В экономическую делегацию входили также Варбург, Жатан, Вассерман, Соломонсон.

На мирной конференции вершилась судьба воссоздаваемой Польши. Под давлением влиятельных еврейских групп (в основном американских) основные страны-победительницы настаивали на принятии Польшей обязательств, желательных для польского еврейства. Польская делегация возражала против подобных обязательств, предполагая, что они будут вытекать из общих гарантий всем гражданам, которые будут даны в конституции новой Польши. Но страны-победительницы настаивали на специфических гарантиях, используя, как рычаг влияния, затягивание решения вопроса о западных границах Польши. Иногда речь шла о национальных меньшинствах вообще, но участники ясно выделяли именно евреев. Бальфур

направил письмо (25 июня 1919 г.) польскому премьеру Падеревскому, имевшее характер предостережения, со ссылкой на общественное мнение Англии и Империи (особенно Канады). В окончательный текст декларации о создании польского государства было включено заявление о защите прав евреев. Однако еврейские организации (главным образом, американские) требовали расследования реального положения евреев в Польше, в частности, слухов о погромах. Американский посол в Польше Гибсон утверждал, что речь идет о незначительных местных инцидентах. Госсекретарь Лансинг также считал, что их значение было сильно преувеличено американской прессой. Он организовал встречу Гибсона с представителями американских еврейских организаций Брандэсом и Франкфуртером. Те грозили Гибсону, что сенат больше не утвердит его послом. Сенат, правда, его утвердил, но Лансинг дал ему указание более не публиковать свои сообщения о положении евреев в Польше. В связи с этими событиями в Польшу была направлена из Америки комиссия во главе с близким сотрудником президента Вильсона и видным представителем американского еврейства Г. Моргентау (бывшим послом в Турции). Одновременно из Англии был направлен с аналогичной миссией сэр Стюарт Самуэль, брат влиятельного полковника сэра Герберта Самуэля, на которого Вейцману когда-то указали, как на «еврея в правительстве».

В 1920 году в связи с войной с Советской Россией польские газеты писали, что при наступлении Красной Армии еврейское население ее торжественно встречало, а отступающие польские части обстреливали. Подобные настроения привели к приказу военного министерства от 6 августа 1920 года. Он предписывал вывести еврейских солдат из воинских соединений, так чтобы они не составляли в них более 2%, и объединить их во вспомогательные строительные части.

В послевоенной Европе Германия была «больной ее частью». Напряжение войны и суровые условия Версальского договора привели к резкому падению жизненного уровня. Почти по всем показателям производство с 1913 по 1919 год

упало примерно вдвое: по добыче каменного угля, железной руды, производству чугуна, стали и т. д. А к 1923 году производство упало еще более чем вдвое. Заболеваемость туберкулезом увеличилась в 2,5 раза. Инфляция, приведшая вскоре к полному обесценению марки (за 1921—1922 гг. более чем в 1000 раз), рост безработицы — все это создавало почву для революционных толчков. Началом была «ноябрьская революция» 1918 года, когда была упразднена монархия. Она была результатом не прямого революционного захвата власти, а давления со стороны Антанты, забастовок, отдельных волнений в армии.

Власть оказалась в руках социал-демократов (9 ноября 1918 г.). Как мы уже говорили (гл. 9), еврейское влияние в немецкой социал-демократии было очень сильно. Теперь это отразилось на общегерманской ситуации. Первые дни власть была в руках двух «уполномоченных» (подразумевалось — рабочих уполномоченных) Эберта и Гаазе. (Напомним, что в главе 9 имя Гаазе встречалось в перечне депутатов рейхстага от социал-демократической партии, которые в то же время принадлежали к иудейскому вероисповеданию.) Потом роль высшего правительства играл Совет народных «уполномоченных», созданный 12 ноября 1918 года. Он состоял из 6 человек: Эберта, ответственного за внутренние дела и военные вопросы; Гаазе, ответственного за иностранные дела; Шейдемана, ответственного за финансы; Дитмана, ответственного за демобилизацию; Ландсберга, ответственного за прессу и информацию; Барта, ответственного за социальную политику. Эберт и Гаазе были равноправными сопредседателями. Этой группе подчинялись министры и статс-секретари, в среде которых было произведено мало изменений. Введен был лишь статс-секретарь по делам казначейства Шиффер и новый министр продовольствия Вурм (его мы встречали в гл. 9), а также заменен министр экономики. Позже был введен статс-секретарь Гуго Прайс (сын еврейского торговца) со специальной целью готовить новую конституцию. Рассматривались две кандидатуры на это место: Прайс и Макс Вебер,

но выбор остановился на Прайсе. Он и стал главным разработчиком конституции, в которой он стремился заменить традиционное деление Германии на «земли» разделением на департаменты по французскому образцу. Только сильное сопротивление (в частности, выступления Макса Вебера) заставило отказаться от этого плана.

После принятия конституции Эберт был выбран президентом и было сформировано правительство во главе с Шейдеманом, в котором Шиффер был заместителем премьера и министром финансов, Прайс — министром внутренних дел, Ландсберг — министром юстиции.

Но, по аналогии с Россией можно предположить, что не меньшую роль, чем правительство, играл избранный Всегерманским съездом советов Центральный Совет Германской Социалистической Республики, председателем которого был Коэн (Рейс).

С момента ноябрьской революции сразу же стало энергично развиваться левое крыло социал-демократии. 11 ноября 1918 года был создан Спартаковский союз, во главе которого К. Либкнехт, Р. Люксембург, Л. Йогишес, П. Леви, но также и некоторые немцы, например, Ф. Меринг и В. Пик. 29 декабря этот союз трансформировался в Компартию Германии. Движение «спартаковцев» существовало и раньше официального создания союза (была Спартаковская группа еще в 1916 г.). Движение спартаковцев пользовалось поддержкой из России, что было одной из причин разрыва советско-германских дипломатических отношений и высылки советского посла Иоффе. На организационном съезде КПГ присутствовал Карл Радек. Он выразил надежду, что скоро в Берлине будет заседать международный Совет рабочих депутатов и «русские рабочие будут сражаться совместно с немецкими на Рейне, а немецкие с русскими на Урале». Именно ноябрьская революция освободила Радека из немецкой тюрьмы; после Октябрьской революции 1917 года он был направлен в Германию и немецкое правительство обвиняло его в поддержке революционной деятельности при помощи посла Советской России Иоффе.

В первых числах 1919 года спартаковцы попытались захватить власть в Берлине, но были разбиты войсками, оставшимися верными правительству, причем были убиты К. Либкнехт, Р. Люксембург и Л. Йогишес. После этого во главе КПГ стал П. Леви.

10 января 1919 года была провозглашена Бременская советская республика и продержалась около месяца.

Вскоре после подавления попыток захвата власти в Берлине и Бремене кризис разразился в Мюнхене. Военный крах Германии привел к захвату власти солдатами и рабочими. Во главе правительства некоторое время находился Курт Эйснер (сын еврейского купца). Ближайшими его сотрудниками были Яффе и Ландауер. Формально власть принадлежала ландтагу, где большинство имели буржуазные партии. Но потом развернулись довольно темные события. Эйснер был убит графом Арко, и одновременно произошел разгром ландтага (видимо, заранее подготовленный). В феврале 1919 года была провозглашена Баварская советская республика. К ней обратился Ленин, набрасывая в виде вопросов ясную программу действий: «Какие меры Вы приняли против буржуазных палачей Шейдемана и К°? Вооружили ли Вы рабочих и разоружили буржуазию? Взяли ли заложников из среды буржуазии?» Именно Баварская республика осталась в воспоминаниях многих немцев как пример наибольшего руководящего участия евреев в революции. Бежавшее из Мюнхена в Бамберг правительство заявляло:

> *«В Мюнхене свирепствует русский террор, развязанный чужеродными элементами».*

Основными деятелями были либеральные социалисты Ландауер и Мюзам (в молодости отошедший от иудаизма) и коммунисты Левин, Левинэ, Толлер, Аксельрод. Аксельрод недавно прибыл из Москвы как корреспондент РОСТА. Кажется, единственным немцем среди игравших там первые роли был матрос Эгельхофер.

Попытка коммунистической революции в Мюнхене была подавлена войсками, как и в Берлине.

К десятилетию этих революционных битв, в 1929 году, в Берлине вышла книга «Иллюстрированная история ноябрьской немецкой революции», изданная явно левым, быть может, коммунистическим, издательством. Книга очень интересная: кроме описания этих волнующих событий, там, на фотографиях, можно увидеть революционные толпы, лица их вождей. Но несколько деятелей удостоены особыми, большими портретами, в целую страницу.

Кто же они?

Карл Маркс, Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Лео Йогишес, Эуген Левинэ.

Таков, по-видимому, и был облик революционного движения Германии той эпохи.

Дух революционного движения Германии этого периода отражал съезд «независимой» (т. е. более радикальной) социал-демократической партии в октябре 1920 года. С речью, длившейся несколько часов, там выступил тогдашний глава Коминтерна Зиновьев. Он нападал на «правых» социал-демократов и предсказывал, что «в Германии теперь возникнет большая единая коммунистическая партия и это будет величайшим событием нашего времени». Выступавшие с возражениями Гильфердинг и Мартов, протестовавшие против «диктатуры Москвы», получили у делегатов гораздо меньшую поддержку. На съезде большинство делегатов высказалось за слияние с Коммунистической партией. Образовалась Объединенная Коммунистическая партия Германии, в которую вошла половина членов «независимой» с.-д. партии и которая стала секцией Коминтерна. Равноправными вождями новой партии стали Пауль Леви (от коммунистов) и Эрнст Деймиг (от «независимых»). Это описание взято из книги уже послевоенного (после Второй мировой войны) немецкого историка, предельно осторожного в вопросе о еврейском влиянии. Но и из него видно, что, когда решалась судьба влиятельной немецкой партии, раз-

давались голоса людей, из которых только Деймиг имел немецкую (не еврейскую) фамилию.

Такой же всплеск еврейских имен мы встречаем в Германии в разных областях. Так, в Пруссии во главе правительства и министерства внутренних дел стоял Гирш, в Саксонии премьером был Граднауэр (прежде сотрудник фирмы Парвуса — Шклярца), в Мекленбурге — Рейнеке-Блох. Даже такой строго-прогрессивный (позже) автор, как Томас Манн, в 1919 году записал в дневнике:

> *«Мы говорим о типе русского еврея, вождя мирового движения, этой взрывоопасной смеси еврейского интеллектуального радикализма и славяно-христианских мечтаний. Мир, обладающий еще инстинктом самосохранения, должен со всем напряжением энергии, как по законам военного времени, подняться на борьбу с этим человеческим типом».*

И Черчилль писал тогда:

> *«Это течение среди евреев возникло не сейчас. Со времени Спартака-Вейсхаупта (то, что и Вейсгаупта Черчилль зачислил в евреи, подчеркивает, как потрясены были тогда многие внезапно проявившимся еврейским влиянием в революционных партиях. — И. Ш.) и вплоть до Карла Маркса, дальше до Троцкого (Россия), Белы Кун (Венгрия), Розы Люксембург (Германия) и Эммы Гольдман (Соединенные Штаты)… Теперь эта банда проходимцев из подполья Европы и Америки схватила за шиворот русский народ и стала непререкаемым владыкой громадной страны».*

В 1920 году попытку свергнуть социал-демократическое правительство предприняли военные (Капповский путч). Она тоже была подавлена, но как реакция на нее возникла Красная армия Рура численностью около 100 000 человек, уста-

новившая контроль над большей частью Рурской области и просуществовавшая около 20 дней. Уже на излете этой эпохи революций и переворотов стоит попытка захватить власть в Мюнхене, в которой участвовал Гитлер (1923 г.). В том же году Франция и Бельгия оккупировали Рейнскую область. Возникшие там столкновения, чудовищная инфляция, сепаратизм привели Германию опять, как в 1918—1919 годах, на грань гражданской войны. Возникали коммунистические и национал-социалистические вооруженные группы. В этой напряженной ситуации ни одна из сторон не была готова отказаться от апелляции к антиеврейским настроениям, видимо, широко распространенным. Так, представительница крайнего левого течения в социал-демократии, Руфь Фишер (сама еврейка), говорила:

> *«Кто призывает бороться с еврейским капиталом, тот уже борец на классовом фронте, если даже он сам этого не понимает. Свергайте еврейских капиталистов, на фонарь их! Но не забыли ли вы про Стиннеса и Клекнера?»*

В 1925 году в коммунистической газете «Роте фане» появились статьи Троцкого, Зиновьева, Сталина и Бухарина, связанные с «революционной ситуацией» в Германии. В частности, Сталин писал:

> *«Коммунистическая революция в Германии является сейчас величайшим мировым событием. Победа революции в Германии будет иметь большее значение для пролетариата Европы и Америки, чем имела победа Русской революции. Победа немецкого пролетариата несомненно перенесет центр тяжести мировой революции из Москвы в Берлин».*

Оглядываясь на несостоявшуюся немецкую коммунистическую революцию, мы можем сопоставить ее как «вариант»

с нашей революцией. И, в частности, установить, что участие евреев было там не меньше, чем у нас, в России. И если революция не победила, то уж никак не потому, что в нее было вложено мало еврейских сил.

Сейчас позабытые, часто погибшие от руки своих же коммунистов, Аркадий Маслов, Руфь Фишер, Вернер Шолем, Артур Розенберг, Хайнц Нейман, Ивен Кац и многие другие тогда числились среди ведущих вождей революции и, если бы обстоятельства сложились для нее благоприятно, если судить по аналогии с Россией, верно служили бы ей. Все это заставляет еще раз продумать взгляд, что в России евреи устремились в революцию, так как при прежнем режиме они были угнетены. Ведь Германия тогда считалась примером идеального, равноправного вхождения евреев в жизнь окружающей страны.

В те же 20-е годы закончилась и загадочная политическая карьера, да и сама жизнь Вальтера Ратенау. Еще во время войны, в 1918 году, когда в Германии был арестован К. Радек, обвинявшийся в подготовке революции, Ратенау посещал его несколько раз в камере и имел с ним многочисленные беседы. Об этом факте рассказывает Радек, но, к сожалению, не упоминает о содержании бесед. С интересом относился Ратенау и к недолговечной Советской республике в Мюнхене как шагу в правильном направлении — построению централизованной и управляемой экономики. Теперь он входит в правительство сначала как министр восстановления, а в 1922 году как министр иностранных дел. Но он поддерживал так называемую реальную политику выплаты Германией чудовищных репараций, растягивавшихся на несколько десятилетий (например, в речи на съезде немецко-демократической партии 12—14 ноября 1921 г.). Для правых он оказался идеальной фигурой «еврейского плутократа, продающего Германию». В результате в 1922 году он был убит террористом, как подозревают, из тайной националистической организации «Консул».

Конечно, сосредоточение такой большой власти в руках евреев, да еще в столь болезненный для Германии момент, сильно повлияло на всю жизнь. Например, когда

премьер-министром Пруссии был Гирш, туда было допущено несколько сот тысяч евреев, переселившихся из Польши, Галиции и восточных областей, отошедших к Польше. Это в то время, когда вся Германия голодала, многие немцы остались без крова и работы.

За несколько лет евреи заняли гораздо более высокое положение в экономической и культурной жизни. В 1921 году была опубликована брошюрка «Еврейское влияние в Германии», составленная, как уверяет автор, по официальным статистическим данным и по данным прессы. Автор приводит очень яркие цифры. Например, вот некоторые данные о распределении по профессиям.

На каждую 1000 человек приходится:

	среди немцев	среди евреев
с/х рабочие	111	1,1
фабриканты	32	52
рабочие	138	34
владельцы торговых предприятий	9,7	133

Вот характеристика жилищных условий:

Число комнат в квартире	% во всем населении	% среди евреев
1	8,7	4,0
2	37,7	11,5
3–4	38,8	25,5
5–7	12,6	50,4
более 8	2,2	9,1

Процентное отношение еврейских и немецких директоров и членов наблюдательных советов акционерных обществ, приведенных Зомбартом для начала века (см. гл. 6, 7), сдвинулось вдвое. Среди адвокатов евреи составляли 43%, среди

высших чиновников юстиции — 78,7%, врачей было в Мюнхене: из 1098 — 644 еврея, в Гамбурге: из 734 — 412, в Кенигсберге: из 284 — 159.

Уже к началу войны среди преподавателей высшей школы евреев было 937, в то время как, если бы их число было пропорционально их доле в населении, их было бы 31.

На 100 000 мужчин приходилось студентов:

	среди немцев	среди евреев
1915 г.	74	556
1916 г.	81	587
1917 г.	111	662

На 100 000 детей посещают:

	немцев	евреев
народная (низшая) школа	92,7	41,9
средняя школа	4,6	25,2

По подсчетам автора, полностью в немецких руках находилось 5% всех газет, под еврейским руководством — 35%, под еврейским влиянием (состав сотрудников, объявления) — 60%. Из 806 членов немецкого союза издателей, т. е. из числа влиятельнейших в Германии издателей было 365 евреев. Из 3241 издаваемых в 1921 году журналов 1154 издавались евреями.

Среди руководства социал-демократической партии (более умеренной) евреи составляли 18%, «независимой» (отколовшейся, более радикальной) — 65%, коммунистов — 87%. Когда, например, в порядке демилитаризации была поставлена комиссия наблюдателей над военным министерством, то в ней из 8 членов было 7 евреев: Гольдшмидт, Кизвант, Леве, Шлезингер, Варшинский, Цукет, Брунн и Рипенбаум.

Странным образом столь резко возросшее влияние евреев на жизнь шло рука об руку с распространением националистических настроений, чувства отчуждения среди евреев.

Оно особенно ярко выразилось в книге известного еврейского национального деятеля Якова Клацкина «Проблема современного еврейства», вышедшей в свет в Германии в конце 20-х годов (мне было доступно 3-е издание 1930 г.). Еще позже те же мысли автор изложил в брошюре, появившейся с хвалебным предисловием Эйнштейна. Обособление от остальных народов — в этом автор видит цель всего еврейства. Методом же является укрепление «духовного гетто, переносных стен еврейского государства», «шатров Израиля», т. е. воспитание (на религиозной основе) психологии чуждости, неслияния с другими народами.

> *«Наши мудрецы говорили: "Для других народов мира изгнание не есть рассеяние (галут). Но для Израиля, который не ест их хлеб и не пьет их вино, изгнание воистину становится галутом"».*
>
> *«Прочная стена, созданная нами, отделяла нас от народа страны, а за стеной жило еврейское государство в миниатюре. Так, по его мнению, и должно оставаться».*
>
> *«Повсюду мы среди коренных наций чужаки и хотим несгибаемо держаться нашей отчужденности».*
>
> *«Можем ли мы называть страны нашего рассеяния отечеством, мечтая и стремясь к освобождению от изгнания? Что за удивительное, удивительно возлюбленное отечество, которое мы называем Галут (рассеяние) и из которого мы стремится вырваться!»*
>
> *«Это "страна чужих", "насильственное отечество"».*
>
> *«Мы всегда должны повторять: "Непреодолимая пропасть зияет между вами и нами, нам чужд ваш дух, ваши мифы и сказания, ваше национальное наследство, ваши обычаи и привычки, ваши национальные и религиозные святыни". "Нам чужды дни вашей национальной памяти, радости и горести вашей национальной жизни, история ваших побед и поражений, ваши гимны и боевые песни, ваши национальные устремле-*

ния и надежды. Ваши национальные границы не разделяют наш народ, и ваши пограничные споры не наши. Поверх них распространяется наше единство вопреки всем связям и разделениям вашего патриотизма".

«Евреи, геройски павшие, сражаясь в войсках окружающего их народа, деятели культуры — все это, — заявляет автор, — предатели еврейского национального дела, растратившие впустую свои таланты и жизни».

Он ставит в пример предков:

«Талмудическая политика наших отцов не знала иного патриотизма, кроме еврейского. Они огорчались победами своего народа-хозяина, если они приносили несчастье народам другой страны. Их симпатии народам и странам были подчинены исключительно интересам еврейства. Они часто принадлежали не их стране проживания, а стране проживания их соплеменников, если положение евреев в этой стране было лучше».

Это даже не проповедь пассивного отстранения, а призыв к битве. Прежде всего, против христианства:

«Где раздается сейчас голос еврейства против величайшей лжи истории? Осмеливается ли еврейство бросить человечеству клич: «Раздавите гадину!»

Он призывает:

«Потребовать от своего угнетателя признания внутреннего бессилия, короче, духовной капитуляции перед иудаизмом».

Но и всю жизнь он воспринимает как войну:

«Наше галутное существование в некотором смысле есть состояние перманентной войны».

«Это состояние неослабевающей битвы с окружающим нас чуждым миром, который стремится нас поглотить».

Надо представить себе положение Германии того времени.

Поражение, национальное унижение, голод, безработицу, болезни (% больных туберкулезом, например, или детская смертность были в несколько раз выше, чем во Франции). Для многих немцев в этих условиях воспоминания о «героической войне», когда они боролись со всем миром, оставались единственным утешением. (Мы не беремся здесь обсуждать, «правильно» это было или нет.) Но в то же время существовало влиятельное движение «антимилитаризма», например, союз «Новое отечество», позже переименованный в «Лигу прав человека», в руководство которого входили Эйнштейн, Бернштейн, издатель журнала «Вельтбюне» Якобсон, журналист Тухольский, Курт Эйснер, Генрих Манн, Кэте Кольвиц, близкий сотрудник Ратенау — Макс Дессуар и др., призывавший каждого немца в своей душе осознать вину немцев перед Францией. Такое течение очень легко могло приобрести антинемецкий оттенок (например, когда журнал «Вельтбюне» обвинял правительство в том, что армия тайно перевооружается, нарушая Версальский договор). Но часто наличествовало и прямое желание под видом антимилитаризма в духе Гейне и Берне поглумиться над «тупыми немцами». Например, основанная Моссе «Берлинер тагеблатт» (с этой газетой мы уже не раз встречались) в приложении «Ульк» систематически публиковала фельетоны редактора Тухольского (крайнего либерала, заявившего, что он из иудаизма «выходит»), под псевдонимом Теодор Тигер, в которых высмеивались и оплевывались офицеры вплоть до призыва «сорвать с них погоны!». Дошло до того, что военный министр, социал-демократ Носке, вынужден был обратиться в суд. Но орган социал-демократической партии «Форвертс» (редактор Куттнер) поддержал не своего партийного товарища, а Тухольского.

В издающемся в Израиле на русском языке журнале приведены размышления известного израильского философа Шмуэля Бергмана:

«Наша роль в диаспоре — это роль паразитов. Возьмем тех евреев, которые жили и творили в Германии накануне Первой мировой войны и вскоре после нее. Возможно, что у них была, даже несомненно, была какая-то стимулирующая роль в немецкой культуре. Но если говорить о самовыражении нации, еврейской нации, о ее вкладе в мировую культуру, то общий итог их деятельности, мне кажется, был резко отрицательным. То же самое можно, по-видимому, сказать и о нашей роли в сегодняшней Америке, хотя тут я не специалист.

Трудно объяснить все это человеку, не жившему в ту эпоху. Были журналы такие, как «Тагебух» Шварцшильда, «Вельтбюне» З. Якобсона, со страниц которых евреи регулярно, словно инъекцию, вспрыскивали нигилизм и раздражение в кровь немецкого народа. О да, евреи умели многое подмечать и в силу своей безответственности могли позволить себе высмеивать любые отрицательные стороны немецкой жизни, немецкое офицерство, буржуазию, домашний уклад, могли выставлять напоказ их отталкивающие черты. Все это началось давно, еще со времен Гейне. Авенариус (редактор журнала «Кунстворт», сыгравший большую роль в становлении Кафки как писателя) однажды написал: «Евреи являются администраторами немецкой литературы». И это была правда… Более того, если говорить о тогдашних немецких или чешских евреях, то их «роль» внушала им ощущение превосходства, высокомерия по отношению к окружающему народу. Между тем ощущение это было абсолютно безосновательно, ведь они на самом деле существовали-то благодаря физической и духовной деятельности этого народа. Любопытно, что

в Германии в то время развивалась и чисто немецкая литература, которую евреи вообще не читали: эта литература рассказывала о жизни крестьян, которая евреев совершенно не интересовала. Таким образом, существовали как бы две немецкие литературы: та, которая интересовала евреев, и та, которую они игнорировали. И то, что при этом евреи владели многими крупными газетами и издательствами и в определенной степени контролировали таким образом развитие немецкой литературы, было нездоровым и опасным явлением».

Автор приходит к очень суровому выводу:

«…в общем, вклад евреев имел нигилистическое влияние (как мне кажется, и в сегодняшней американской литературе), и в нем было что-то неуловимо паразитическое».

И, действительно, это начинается еще с Гейне, писавшего, например:

Большой осел, что был мне отцом,
Он был из немецкого края;
Ослино-немецким молоком
Вскормила нас мать родная.

Немцам внушалось, что они стадо ослов, опасное для соседей, так как по своей тупости способны растоптать нормальных людей. И это выплескивалось на талантливейший из западноевропейских народов, воинственный и сильный духом народ, гордый, вплоть до самовозвеличения. Ясно теперь, и без труда можно было предвидеть еще тогда, что эта линия поведения могла иметь лишь два хода: либо немцам окончательно сломают хребет, либо их толкнут — на отчаянную, безумную попытку сопротивления. Второй исход и реализовался, и это был, мне кажется, хотя и не единствен-

ный, но один из существенных факторов, породивших германский национал-социализм.

На эти чувства налагались непрерывные финансовые скандалы, опять с перевесом еврейских фамилий. Так, дело спекулянта Юлиуса Бармата, рассматривавшееся в 1925 году, гремело по всей Германии, и его имя стало нарицательным. Например, Радек издал брошюру «Барматовская социал-демократия», где писал о «польско-еврейско-голландско-немецких спекулянтах», которые, по его словам, были особенно тесно связаны с социал-демократией, в то время как Штреземан опирался на концерн «русского еврея Литвина».

Конечно, не одна Германия, но и другие страны, побежденные в Первой мировой войне, перенесли в послевоенные годы особенно тяжелое время, разруху, восстания. Так, в Венгрии, появившейся на свет из осколков Австро-Венгрии, в 1919 году возникла Венгерская Советская республика. Не раз отмечалось поразительное (по непропорциональности со всем населением) участие евреев в ее руководстве. Так, О. И. Левин пишет:

> *«По данным известного венгерского социолога Оскара Ясси, самого еврея по происхождению (если не ошибаюсь, формально не ушедшего от иудаизма), занимавшего пост министра национальных меньшинств в первом революционном, добольшевистском правительстве, так называемого периода Карольи, соответствующего у нас периоду Временного правительства, число евреев-руководителей большевистского движения доходило до 95%. Во избежание недоразумений следует еще прибавить, что Ясси отнюдь не "черносотенец". Он принадлежит к группе весьма радикальной, всю жизнь боролся за всеобщее избирательное право, аграрную реформу, требуя уничтожения крупного землевладения, равноправия национальностей и установления демократического строя, и вынужден теперь, при реакционном правительстве Хорти, жить в эмиграции».*

Дополнительные сведения содержатся в цитированной выше книге Зомбарта. Он ссылается на семинарскую работу своего ученика, написанную по венгерским материалам того времени. Зомбарт пишет:

> *«В Венгрии в 1919 году все основные вожди были евреи: Бела Кун, Погани, Самуэли, Корвин-Клейн, Кунфи, Лукач. Из 33 народных комиссаров, членов правящего совета, 24 были евреи; 9 неевреев занимали менее влиятельные места (комиссаров по делам украинского или немецкого меньшинства и т. д.)»*

Далее приводятся подсобные данные, из которых мы заимствуем только несколько типичных примеров:

> *«Народный комиссариат по военным делам: из 7 народных комиссаров 6 евреев, из 52 глав секций — 39 евреев. Народный комиссариат внутренних дел: оба комиссара и их заместители — евреи. Народный комиссариат финансов: все три комиссара и все их заместители — евреи. Народный комиссариат просвещения: все 5 комиссаров — евреи, из 27 глав секций — 21 еврей. Народный комиссариат земледелия: 1 комиссар еврей (врач) и 2 — христиане (пастух и каменщик). Совет народного хозяйства: 4 комиссара — евреи и 2 — христиане (рабочие)».*

В 1922 году Вейцман вел переговоры с итальянским министром иностранных дел, синьором Шанцером, «возможно, еврейского происхождения» (в то время, как премьером был Лузатти, тоже еврей).

Вот особенно драматический пример из жизни послевоенной Италии описывает Р. Михельс.

В 1920 году сложилась критическая ситуация, напоминавшая предреволюционную. Рабочие захватывали заводы и иногда по месяцу их оккупировали, создавались рабочие во-

оруженные отряды. Тогда правительству удалось организовать встречу предпринимателей и рабочих на общенациональном уровне, и кризис удалось предотвратить. Кто же с кем встречался? Предпринимателей представлял генеральный секретарь союза предпринимателей Оливетти — еврей, а рабочих — Террачино из Турина и Бруно Леви из Генуи, оба евреи. И это в Италии, в которой тогда на 39,5 млн. населения приходилось 50 тысяч евреев!

2. Ко второй войне

В Англии, в развитие традиции, начавшейся еще с Д'Израэли, евреи занимали высокие государственные посты. Например, сын Иосифа Айзека, виконт, барон, лорд, маркиз Рединг был главным судьей, вице-королем Индии и министром иностранных дел. Герберт Самуэль был не только главой либеральной партии, но и Верховным эмиссаром в Палестине, которая после войны была превращена в «подмандатную территорию Англии». Он занимал этот пост в 1920—1925 годах. Еще в 1914 году, когда Вейцман старался завязать контакты с английским правительством по поводу переселения евреев в Палестину, ему сказали: «У вас есть еврей в правительстве», — и указали на Герберта Самуэля. За время правления Самуэля в Палестине ее еврейское население выросло вдвое. Брат же Герберта Самуэля Стюарт, как сказано выше, был направлен в Польшу, чтобы удостовериться, что евреи не подвергаются там притеснениям.

С 1920 года начались ожесточенные столкновения еврейских поселенцев с коренными палестинцами. Тогда в них участвовал отряд, организованный Жаботинским, который был приговорен за это к 15 годам тюрьмы. Вскоре Самуэль амнистировал Жаботинского, но тот отклонил амнистию, так как она распространялась и на осужденных арабов. Тогда приговор ему был пересмотрен и отменен. Интересно, что, говоря об этих столкновениях, Вейцман без колебаний называет их «погромом», как и столкновения в 1929 году. Он говорит о «иеруса-

лимском погроме». И по поводу России он говорит о «тысячах жертв погромов», в то время как при самых крупных столкновениях число жертв было несколько десятков. То есть Вейцман фактически предлагает рассматривать «погромы» 1902—1906 годов в России как аналог позднейших арабо-еврейских столкновений (в гораздо более слабой форме).

Драматическая история, героем которой был очень известный человек, произошла в США. Речь идет о Генри Форде, одном из крупнейших промышленных деятелей США начала XX века. Он был человеком широких интересов и порывов, пытался добиться установления мира во время Первой мировой войны, имел свои экономические идеи. Он проповедовал идею «классового сотрудничества» при капитализме, «народного капитализма». Собственно, и его успех в производстве автомобилей, названных его именем, есть отражение тех же идей. Его принципом было производство (и продажа) большого числа автомобилей по доступным ценам, «чтобы каждый фермер мог иметь свой автомобиль». И рабочие на его заводах получали более высокую зарплату (по крайней мере, так утверждал он) и пользовались рядом социальных преимуществ. Одним из аспектов его многогранной активности была покупка газеты в его родном городе Дерборне, вблизи Детройта, где концентрировались его заводы. В этой газете «Независимый из Дерборна» (может быть, в названии скрывается некоторый каламбур) обсуждались различные вопросы современной общественной жизни, особенно в США. В частности, в 1920—1922 годах там был опубликован целый ряд статей, посвященных влиянию евреев на различные стороны жизни США. Позже он опубликовал книгу на эту тему: «Мировое еврейство» (тему которой он характеризовал как «исследование еврейского вопроса») и большой сборник материалов «Еврейская деятельность в Америке». Он сформулировал следующее положение:

> *«Мы боремся не с людьми, но с принципами, ложными принципами, которые истощают моральные*

жизненные силы народа. Эти принципы происходят из источника, который легко обнаружить, и распространяются методами, которые легко указать. Их можно остановить, раскрыв их. Когда люди узнают характер и источник влияний, захватывающих их, этого уже будет достаточно».

Форд писал, например:

«Возражая против того, что евреи действуют как единое целое, говорят, что м-р Каан — один из наиболее влиятельных консерваторов. Роза Пастор Стокес и Морис Хилквист — радикалы, консервативно настроенный лидер профсоюзов — Самуэл Гомперс, а его самый влиятельный радикальный соперник — Сидней Хилльман. Что касается "либерального центра", то он, со своими Брандесами, Макками, Феликсами Франкфуртерами, дает ту же картину. Но ведь это просто означает, что все оттенки американской общественной жизни находятся под влиянием евреев!»

Он рассказывает и о своем личном опыте:

«С момента появления в печати этих моих писаний, они находились под организованным запрещением. Почта, телеграф и словесная проповедь действовали все в одном и том же направлении: о каждой из моих статей кричали, что это травля. На первый взгляд могло показаться, что в них действительно есть нападение на беспомощный и достойный жалости народ, пока, наконец, не стало ясно, что крик о помощи отмечен печатью власть имущих. Денежные средства тех, кто протестовал, и число членов союзов, председатели которых возбужденно требовали моего отречения от всего, что появилось в печати, ясно на это указывали. В глубине всей этой шумихи скрыта идея

бойкота; эта угроза и была причиной того, что все попытки предать гласности разоблачения самого невинного содержания по еврейскому вопросу до сих пор кончались в Америке неудачей».

Та же судьба ожидала и самого Форда. В 1927 году он вынужден отречься от своих взглядов (в письме лидеру американского еврейства Маршалу) и даже публично сжечь свою книгу.

Произведения, опубликованные Фордом, часто наивны и малоубедительны, например, он придает очень большое значение «Протоколам сионских мудрецов» и вообще идее заговора. Да это и неудивительно. Форд считает, что еврейское влияние в Соединенных Штатах начало проявляться со времени гражданской войны, то есть, приблизительно со времени, когда он сам родился. За такой короткий срок общество не способно осознать всю сложность ситуации, с которой оно столкнулось: авторы отражают лишь некоторое смутное чувство тревоги и готовы довольствоваться сравнительно поверхностными объяснениями. Но несравненно более яркой является судьба самого Форда: какая же сила нужна была, чтобы сломить мощь его промышленной империи?

После окончания Первой мировой войны во всем мире возникло много антилиберальных движений, противопоставлявших концепции парламентско-демократического государства идею национального и корпоративного государства. После прихода к власти в Италии в 1922 году фашистского движения их всех стали называть фашистами. Они пришли к власти в ряде стран: Италии, Венгрии, Румынии, Австрии, Германии, Испании, Португалии. Но из них реальной силой, способной утвердиться в мировом масштабе было лишь течение немецкого национал-социализма. Хотя оно много заимствовало и имело много общего с другими фашистскими течениями, оно, по-моему, является совершенно уникальным явлением, которое может быть понято лишь из особенностей германской идеологии и ситуации в Германии после Первой мировой войны. Появление этой новой исторической силы вы-

звало опасения как западных демократий (Франции, Англии, США), так и СССР. Была предпринята попытка объединить свои усилия в борьбе с расширявшимся фашистским влиянием, в то время неудавшаяся, она реализовалась на какое-то время в 1941—1945 годах. Именно в рамках такой политики в 1934 году СССР вступил в Лигу Наций и постоянно пропагандировал там «политику международной безопасности».

В это время в работе Лиги Наций принимал участие Нахум Гольдман (хотя трудно понять, какое государство он тогда представлял). Он вспоминает об этой эпохе:

> *«До войны большинство советских дипломатов были евреями».*

И конкретнее:

> *«Однажды Литвинов явился в Женеву с 14 делегатами, из которых 11 были евреями. Я спросил министра: зачем Вам эта синагога? (Употребляется другой, неизвестный мне еврейский термин, означающий еврейскую религиозную общину.)»*

Литвинов ответил, что евреи знают иностранные языки (но ведь и выжившие русские интеллигенты их знали?).

Но случай был не единичный. Например, когда началась гражданская война в Испании, то поддержка республиканского, антифранкистского лагеря со стороны СССР направлялась почти исключительно руководителями еврейского происхождения. Начальником военной разведки в это время был С. П. Урицкий, Главным военным советником был генерал Штерн (под кличкой Клебер), специально в авиации генерал Смушкевич. Слуцкий (под псевдонимом Маркос) руководил чистками, в частности, уничтожением ПОУМ (Коммунистической партии Каталонии). Послом СССР в Испании был Розенберг, а резидентом Орлов (Фельдбин). Командующим 12-й интернациональной бригадой был Мате Залка (Франкль), работавший

под именем Лукач, а крупнейшими пропагандистами Эренбург и Кольцов (Фридлянд). Мне известно имя только одного влиятельного нееврейского советского представителя в Испании во время гражданской войны — это Антонов-Овсеенко, который был советским консулом в Барселоне.

В 1935 году на 7-м конгрессе Коминтерна была провозглашена политика «Народного фронта», что требовало отказа от взгляда на некоммунистических социал-демократов как на «социал-фашистов» и основного врага. «Народный фронт» и победил на выборах во Франции в 1936 году. Выдвинутым премьером стал Леон Блюм, тот самый, о котором упоминается (см. гл. 9) в связи с его слабостью ставить на руководящие посты в руководимой им партии в основном своих соплеменников (хотя Бердяев в статье, написанной после Второй мировой войны, называет его «одним из самых честных, идеалистических и культурных деятелей Франции»). Впрочем, политика «Народного фронта» не оказалась успешной, его правительство во Франции не продержалось и двух лет.

Положение евреев в Германии стало меняться к худшему в связи с приходом Гитлера к власти, так как антиеврейская концепция играла основную роль в его идеологии. Вскоре после его прихода к власти Американский еврейский конгресс организовал бойкот немецким товарам, а Всемирный еврейский конгресс призвал к сопротивлению Германии всеми средствами, так что американские газеты писали: «Иудея объявила войну Германии». В Германии были приняты известные Нюрнбергские законы, закрывавшие евреям (за некоторыми исключениями) доступ к ряду профессий: офицеры, профессора в высшей школе, врачи и т. д. Это вызвало широкую эмиграцию, в основном среди еврейской интеллигенции. Однако ситуация, видимо, не приобрела еще драматического характера. Немецкий историк, уже наш современник и поэтому в подобных ситуациях чрезвычайно осторожный, пишет:

> *«После Нюрнбергских законов немецкие евреи имели несколько сравнительно спокойных лет. Их эми-*

грация поощрялась, и большое число оставшихся создали поразительно жизнеспособный и разнообразный образ жизни… В экономике положение евреев почти не изменилось, и в законах, касающихся хозяйственной жизни, часто рядом с подписью Адольфа Гитлера стояли подписи еврейских банкиров».

Перелом произошел в связи с так называемой хрустальной ночью. Поводом к ней послужило убийство в 1938 году польским евреем Гриншпаном 3-го секретаря немецкого посольства в Париже фон Рата. Впрочем, это был не первый случай. Так, в 1936 году глава нацистской иностранной организации в Швейцарии был убит Давидом Франкфуртером. Ситуация напоминала современную ситуацию в США после терактов 11 сентября 2001 года: государство должно было найти ответ на террористический акт, направленный против его граждан. Гитлеровская Германия ответила организацией «хрустальной ночи». Было разгромлено большое число магазинов, сожжено несколько синагог. Евреи подвергались избиениям, несколько десятков человек было убито. Десятки тысяч были задержаны, в большинстве случаев отпущены с обязательством покинуть Германию. Более того, через 2 года, выступая 30 января 1939 года перед рейхстагом, Гитлер сказал, что если еврейский финансовый капитал развяжет мировую войну, то результатом будет «уничтожение еврейской расы в Европе». Так как война началась и Гитлер не раз обвинял еврейский финансовый капитал в том, что он был «поджигателем войны», то многие видят в этой фразе Гитлера указание на имевшийся у него уже тогда план «окончательного решения еврейского вопроса», сводившийся к физическому уничтожению еврейского населения Европы.

В 1939 году началась война между Германией и союзом Англии, Франции и Польши, в 1941 году в нее оказались втянуты СССР, США и Япония. Война действительно стала мировой.

На время войны приходятся жестокие преследования евреев национал-социалистическим режимом. Безусловно, очень

большое число евреев было уничтожено. Я лично уверен в этом не столько по имеющимся литературным источникам, сколько по рассказам, услышанным сразу после конца войны. Жители самых разных мест из оккупированных территорий СССР, которых не было никаких оснований заподозрить в преувеличении, рассказывали, что немецкие власти объявляли о регистрации евреев, определенные группы их депортировались, а потом никто уже ничего о них не слышал. После войны это уничтожение больших масс восточноевропейских евреев получило название «холокост» (трудно переводимый термин, видимо, древнегреческого происхождения, означающий примерно «жертва через сожжение»). Иногда употребляется термин «катастрофа». Этому посвящена целая литература. Причем не отрицается, что и другие народы в это время перенесли катастрофу, но тогда, знаменательным образом, это слово пишется с малой буквы. Такое выделение страданий, перенесенных именно евреями, как некоторого совершенно особого явления как-то задевает нравственное чувство. Ведь и потери поляков, сербов, белорусов вряд ли поддаются точному подсчету и были для этих народов национальной катастрофой. Хотя сна-

яния гитлеровского режима, от которого она спасла мир, чтобы заставить замолчать протесты против установления этой власти в Восточной Европе. Наконец, западные демократии, пресса которых находилась под сильнейшим еврейским влиянием. А возражать в те годы никто бы и не посмел.

Поэтому точные, численные данные о еврейской «катастрофе» вряд ли могут внушать доверие, но громадная катастрофа, несомненно, постигла тогда евреев (как и многие народы Европы). Вероятно, катастрофа восточноевропейского еврейства имела такой же масштаб, как и средневековые бедствия евреев времен «черной смерти» или восстания «пастушков». Мне, честно говоря, непонятна позиция тех, кто оспаривает «каноническую» цифру в 6 миллионов уничтоженных нацистами евреев. Одни из них отрицают существование газовых камер, но, собственно говоря, чем лучше выстрел в затылок? Другие оспаривают саму цифру в 6 миллионов, подчеркивают, что потери других народов были часто не менее трагическими, чем у евреев. Такое утверждение представляется вероятным — по причинам, о которых я говорил. Но разве, если окажется, что убитых было «всего» 2 миллиона, то это снимет остроту проблемы? Однако в любом случае, мужество этой небольшой группы, преследуемой по всему миру, внушает уважение. Заведомо далеко не все они являются немцами, пытающимися забыть неприятный эпизод своей истории, доказать, что была «обычная война». Например, одним из первых был француз Рассинье, участник Сопротивления, попавший за это в немецкий концлагерь. Да и борются они, в любом случае, за освобождение от произвольно накладываемых запретов, за свободу научного исследования и человеческой мысли вообще.

Произошедшая трагедия, конечно, оказала влияние на отношения евреев с другими народами, влияние, которое еще долго будет давать о себе знать.

Нам трудно вообразить те мучительные и болезненные переживания, которые вызывали в еврейской душе воспоминания о трагедии, разразившейся во время войны. Намек на них сквозит в публикации, появившейся в еврейском самиз-

датском журнале «Евреи в СССР». Хотя, по-видимому, появилось довольно много выпусков этого журнала, принимаются какие-то меры к тому, чтобы он оставался в очень ограниченном круге читателей. Во всяком случае, автору удалось познакомиться лишь с двумя выпусками. В одном из них за № 15 (июль-сентябрь 1977 г.) приведена часть перевода (начало в № 9—13) произведения М. Элнинса «Закаленные яростью». Там рассказывается о созданной в 1945 году в Западной Европе еврейской организации ДИН, имевшей целью месть немцам за преступления против евреев. Организация имела своих людей в военной администрации всех оккупирующих держав, снабжавших ДИН информацией, подложными документами и военной формой. Первая акция была направлена против тайной организации немецких подростков, припрятавших в лесу оружие, собиравшихся по ночам в лесу со знаменем у костра. 140 подростков были перебиты автоматами и гранатами. «…За что? Об этом надо спрашивать кого-то другого». Далее следует описание ряда таких акций.

> *«Они прихватили особой Шварца и по дороге оставили его с перерезанной глоткой…»*
>
> *«Они допрашивали Ветцеля два дня, а затем утопили…» и т. д.*
>
> *«Они совершенно открыто подъезжали к дому человека, которого хотели поймать, или шли к месту его работы, или просто останавливали его на улице. Командир группы предъявлял свое удостоверение (фальшивое удостоверение, полученное через своих людей в оккупационных войсках), и человеку сообщали, что его вызывают в штаб для стандартного допроса. Чаще этого было достаточно. Если человек упорствовал, тогда его просто били по голове и втаскивали в машину».*

Захваченным немцам обещали сохранить жизнь, если они выдадут других скрывающихся нацистов, грозя, что «если он солжет, то его ждет мучительная смерть».

«Его все равно убивали. Конечно, это было не по правилам крокета, но ведь они и не играли».

«Способ убийства зависел от обстоятельств, но чаще всего это было удушение».

«Их, действительно, учили, и когда-то они в это верили, что вина бывает только конкретная, между человеком и человеком. Но годы научили их другой правде, и кровь 6 млн. евреев кричала о другой действительности».

«Сотни тысяч немцев принимали прямое участие в уничтожении европейских евреев; это было делом рук целого народа, и поэтому возмездие должно было быть прямо связано с размерами содеянного зла».

«Итак, они начали убивать немцев, не зная, в чем состоит их конкретная вина, а зная только, что эти люди принесли смерть и пытки еврейскому народу».

«Теперь они вспоминают это как "первый охотничий сезон". Они выследили и убили более сотни людей. Никто из тех, кто попал в руки ДИН, не ушел».

Однажды, проникнув в похищенной военной форме и с фальшивыми документами в лагерь, где содержались интернированные офицеры СС, они заложили мину под барак.

«Куски обитателей барака СС дождем посыпались на весь лагерь».

Но под конец они почувствовали, что эффект их деятельности недостаточен.

«То, что немцы сделали евреям как евреям — эти евреи из ДИН сделают немцам — они не оставят незатронутой ни одной немецкой семьи. В конце 1945 года они начали работать над "Тохшет Апеф" — планом А. Это был план убийства миллиона немцев».

К сожалению, после этого стоит: «Продолжение в следующем номере», а номер этот автору недоступен. Впрочем, вряд ли он и необходим. Миллион немцев все же, надо надеяться, не убили, а бездна ненависти и победа ее над нормальными человеческими чувствами видна и так. И дело не в действиях этих несчастных безумцев, порожденных кошмаром, который редкая душа может перенести. Но вот кто-то написал об этом книгу, снабдив оправдательными фразами, некоторые из которых мы привели. А кто-то счел необходимым в 1977 году перевести ее и довести до сведения «Евреев в СССР».

Те же чувства проявлялись в планах, которые предлагались в отношении Германии в период войны. Так, в 1941 году в США появилась книга Т. Кауфмана «Германия должна погибнуть», в которой предлагался план стерилизации всего немецкого народа. Причем в это время США еще не воевали с Германией. Во время войны близкий советник Рузвельта, Моргентау-младший, разработал план расчленения Германии, уничтожения в ней любого крупного производства, включая рудники и шахты, уменьшения доступа немцев к образованию, превращения Германии, в основном, в сельскохозяйственную страну, поставляющую сельскохозяйственных рабочих и в другие страны, сокращение населения и контроля оккупационных властей над прессой. Этот план, видимо, встретил сначала одобрение Рузвельта и Черчилля, но после войны не был осуществлен, так как немцы понадобились в качестве союзников в начавшейся «холодной войне». Тем не менее Моргентау опубликовал свой план отдельной брошюрой (удивительно, как этот план в деталях совпадает с тем, что происходит сейчас с Россией).

К тому же типу болезненных переживаний я отношу и многократно делавшиеся утверждения, что в массовом уничтожении евреев гитлеровцами виноваты многие другие народы, не воспринявшие весь трагизм происходившего. Или концепцию, согласно которой Холокост был следствием давно развивавшегося «антисемитизма», а «антисемитизм» проистекал из христианства, возлагающего вину за распя-

тие Христа на евреев. Ведь не утверждали же поляки, что в массовом их уничтожении нацистами, в том, что Гитлер объявил о «конце польского государства навеки», виновно все человечество. Такие чувства, чем бы они не были вызваны, потом начинают жить своей жизнью.

Ведь не может народ, имея дело с немцами, исходить из одного мировоззрения, а с арабами или русскими — из другого. Такую же реакцию, может быть, только в менее яркой форме, будет вызывать всякий «враг» или даже тот, кто «стоит поперек дороги».

Позже знаменитый еврейский философ Мартин Бубер писал по этому поводу:

> *«Самое тяжелое влияние национал-социализма заключается в том, что он заразил своей философией насилия другие народы. Эта победа "недочеловеческого" (Untermenschliches) над человеческим никакой народ так глубоко не затронула, как еврейский… Мы осознали это несчастье, когда группа вооруженных евреев напала на арабскую деревню. Это был наш грех, еврейский грех против Духа. Наша вера в Дух оказалась недостаточной, чтобы устоять против распространения этого дьявольского, позорного учения в собственном народе».*

Глава 13

При коммунистическом строе

1. Построение социализма в одной стране

Теперь в нашей стране тщательно вытесняется из памяти воспоминание о тесной связи между коммунизмом и еврей-

ством. Но долгое время это нисколько не скрывалось, даже подчеркивалось. Например:

Мы много плачем, слишком много стонем,
Но наш народ, огонь прошедший, чист.
Недаром слово «жид» всегда синоним
С святым, великим словом коммунист.

(Можно найти в любом сборнике стихотворений Маргариты Алигер.)

Хотя русская грамматика здесь и хромает, но настроение выражает определенное: равенство «большевик-еврей» не считалось «глупым» (как писал когда-то Горький) как раз в еврейской среде. В главе 11 мы приводили списки членов Политбюро, которые дают основание говорить о руководящей роли еврейства в партии, а следовательно, и во всей стране. Но именно в отношении этого показателя, в представительстве евреев в самой верховной власти происходят дальше некоторые изменения. На XIV съезде (1926 г.) в Политбюро (состоявшем из 9 человек) оказываются только 2 еврея: Троцкий и Зиновьев. А на XV съезде (1927 г.) в Политбюро не оказалось ни одного еврея! Оно состояло из Бухарина, Ворошилова, Калинина, Куйбышева, Молотова, Рыкова, Рудзутака, Сталина и Томского. Точно так же и на XVI съезде (1930 г.) в Политбюро не было евреев. Потом, правда, вверх пошли новые евреи, из числа поддерживавших Сталина: Каганович, Мехлис. Но они численно никогда уже не достигали того веса, как в первые послереволюционные годы. Этот процесс связан с борьбой, происходившей внутри партии, с возникновением оппозиций, отстаивавших собственную программу на съездах.

И здесь проявилась очень важная черта: еврейство не выступало как единая, координированная сила. Еврейские силы оказались распыленными между борющимися фракциями (что, зато, сохраняло влияние, какая бы фракция ни победила). Совершенно очевидно, что если бы после смерти Ленина Троцкий, Зиновьев, Радек действовали бы единым фронтом, то они

подчинили бы себе партию. С точки зрения теории «еврейской власти» раскол между Троцким и Зиновьевым на XIII съезде был самоубийственным. Это демонстрирует особый характер действия «еврейства» в нашей стране, а значит, вероятно, и во всей истории. Этим не отрицается ни его существование, ни значительность для судеб других народов. Но в часто высказываемую концепцию «всемирного заговора», руководимого из единого центра (например, «Сионскими мудрецами») факты не укладываются. Причем не укладываются столь очевидно, что эта концепция выглядит как ловушка, поставленная на пути тех, кто пытается осмыслить роль еврейства.

Мы склонны представлять всякое «сообщество», обладающее некоторым органическим единством, по аналогии с человеком, формирующим свои цели, находящим пути их достижения, чьи органы подчинены этим целям и импульсам, поступающим из головного мозга (а может быть, из души). Но, даже если ограничиваться биологическими аналогиями, можно указать на примеры других, очень жизнеспособных организмов. Например, гидра не имеет ни головного, ни спинного мозга, и ее нервные клетки расположены более или менее равномерно по всему телу. Но она способна выбрасывать яд, парализующий жертву, захватывать ее, глотать и переваривать; изгибать свое тело в нужном направлении. И если разрезать ее на несколько частей, то каждая из них воссоздаст такой же организм.

Возвращаясь к нашей истории, можно заметить, что хотя, благодаря межфракционной борьбе, силы еврейства оказались распыленными и его участие в верховном руководстве партии уменьшилось, вес его в тогдашней жизни нисколько не упал. Борьба оппозиций привела к тому, что, в конце концов, партия (ее наиболее активная часть) сплотилась вокруг одной программы: насильственной коллективизации деревни и индустриализации за счет полученных от деревни средств. В другой работе я аргументировал точку зрения, что коллективизация была самым радикальным, определяющим моментом русской истории XX века. И в

этом переломном событии еврейские силы играли не меньшую роль, чем в гражданской войне. Да коллективизация и была, собственно, завершением гражданской войны, в которой коммунистическая власть не смогла победить деревню и вынуждена была отступить, перейдя к нэпу.

Коллективизация была грандиозным сломом социальной структуры России, сохранившейся еще с дореволюционного времени. Недаром Сталин называл ее «второй революцией», «революцией сверху». За несколько лет был уничтожен тип жизни, существовавший веками в деревне (а деревня еще к 1929 г. — это было 80% населения России): индивидуальное семейно-трудовое хозяйство. Этот слом был осуществлен с громадным применением насилия, да и неудивительно, крестьянство боролось, как могло, были тысячи восстаний. Для подавления их использовались войска. Была восстановлена практика времен гражданской войны, члены Политбюро регулярно получали сводки ОГПУ. И под конец коллективизация привела к грандиозному голоду 1933 года, такого же масштаба, как голод 1923 года (такого, кажется, в России не бывало со Смутного времени). Историки и до сих пор не могут определить число его жертв, приводимые ими цифры колеблются от 3 до 7 млн.

Конечно, коллективизацию осуществляла вся партия и особенно ее верхи: Сталин, Молотов и т. д. Но количество еврейских фамилий в этом процессе поражает. Одним из самых главных организаторов коллективизации был Яковлев (Эпштейн), нарком земледелия СССР, зав. сельхозотделом ЦК, председатель комиссии Политбюро по подготовке постановления о темпах коллективизации. Председателем Колхозцентра был Каминский, потом Беленький. Председателем Центросоюза был Хинчук, потом Зеленский, его заместителем Киссин, председателем Зернотреста Калманович, председателем сельскохозяйственной секции РКП — Розит. В особенно ответственные районы направлялись специальные комиссии Политбюро: на Украину во главе с Молотовым, на Северный Кавказ во главе с Кагановичем. В порядке «борьбы с сабо-

тажем» в это время на Кубани было арестовано 15 тыс. человек. Молотов на Украине издал «директиву», совместно с секретарем ЦК КП(б) Украины Хатаевичем, требуя «репрессий и беспощадной расправы с преступными элементами в правлении колхозов». Перед тем Хатаевич проводил коллективизацию на Волге, где был секретарем ВКП(б) Средневолжского района. Другой раз на Украину командируется Каганович, откуда сразу телеграфирует Сталину, что арестовал трех директоров совхозов. (На телеграмме пометка Сталина: «Хорошо».) Из Одессы он (вместе с пред. ГПУ Украины Балицким) сообщает, что из Одесской области необходимо выселить на Север 500 семей. В Казахстане коллективизацию проводил Шая Голощекин (ранее организатор убийства Николая II и его семьи). В результате скот был уничтожен почти весь, кочевники-казахи бежали в Китай или гибли. Кампания коллективизации по всей стране «теоретически» поддерживалась журналом «На аграрном фронте», редактором которого был Крицман. Можно было бы назвать множество менее влиятельных имен, таких, как Анцелович, Вольф, Нусинов, Райтер… Все эти люди участвовали в планировании и осуществлении коллективизации. Их подписи стоят под декретами, конкретно формулирующими меры, принимаемые в определенных районах и на определенных этапах. Их имена — в числе участников совещаний, планирующих эти меры. Конечно, в проведении коллективизации активно участвовали (на руководящих ролях) также Молотов, Андреев, Жданов, Орджоникидзе, Калинин… а верховное руководство было в руках Сталина. Но они не принадлежали к одному незначительному (численно) этническому меньшинству.

В коллективизацию партии удалось то, чего она не смогла сделать в гражданскую войну — уничтожить крестьянство «как класс». Ясно, что это была трудная, рискованная задача: недаром партия лет 6 (от XIII до XVI съезда) колебалась, прежде чем отважилась на ее осуществление. И проводилась она под громадным террористическим давлением, которое называлось «раскулачивание». Как централизованная операция, спла-

нированная в ЦК, шли аресты крестьян, отправка в концлагеря, высылка на Север. Даже по официальным отчетам можно проследить высылку около 2 млн. человек (Сталин говорил Черчилю о десяти миллионах кулаков). Всю эту часть проведения коллективизации осуществляло ОГПУ. И здесь мы видим, пожалуй, еще большую концентрацию еврейских имен, чем в ЧК во время Гражданской войны.

Руководил работой ОГПУ фактически Ягода (Иегуда) при больном председателе ОГПУ Менжинском. Одним из наиболее известных концентрационных лагерей, где содержались арестованные крестьяне, был «Беломорканал» — строительство Беломоро-Балтийского канала. В связи с окончанием строительства канала орденом Ленина (высшая тогда награда) были награждены следующие лица: Ягода, Коган, Берман, Фирин, Рапопорт, Жук, Френкель, Вержбицкий. (Вержбицкий здесь добавлен в воспитательных целях, это был «инженер-вредитель», перевоспитанный в лагере.)

Недаром в изданной после войны в Иерусалиме Краткой еврейской энциклопедии после названия статьи «Концентрационные лагеря» стоит мелким шрифтом — немецкие. Иначе пришлось бы вспомнить о «Беломорканале» и всем ГУЛАГе.

ОГПУ имело экономический отдел и, кроме того, для поддержки коллективизации направляло в области полномочных представителей (ПП). Так, директивы в связи с коллективизацией Поволжья (Средне-Волжский округ) подписывали: секретарь ВКП(б) округа Хатаевич, ПП ОГПУ Баки, начальник ЭКО Рейфшнейгер. Начальником этого ЭКУ на Украине был Блат, ПП в Средней Азии был Беленький, по Казахстану — Каруцкий, ПП в Крыму, на Урале, в Сталинграде — Рапопорт, различные руководящие должности в ЭКО ОГПУ занимали Вайнштейн, Вайзагер, Волков (Вайнер), Генкин Дейч, Ершов (Лурье), Слуцкий и Тизенберг, помощником начальника ЭКУ ОГПУ был Фельман. И множество имен на должностях в ОГПУ, не непосредственно связанных с деревней: заместители председателя Трилиссер и Мессинг, зам. нач. ГУЛАГа Берман и Плинер, нач. Особого

отдела ОГПУ Леплевский, начальник Секретного Оперативного Управления Полномочного Представителя ОГПУ Дейч, зам. нач. Особого отдела Залин (позже нач. НКВД Казахстана), начальник лагерей особого назначения (также строительства канала «Волга — Москва-река») Коган и т. д., и т. д. Список можно далеко продолжить, достаточно полистать документы того времени, теперь обильно публикуемые. Недавно общество «Мемориал» опубликовало ценный справочник «Кто руководил НКВД, 1934—1941», где приведены краткие биографии руководителей НКВД разного уровня, с указанием национальности. Приложена даже таблица национального состава «руководящей верхушки». Хотя период, рассматриваемый в справочнике (с 1934 г.) приходится на время, несколько более позднее, чем коллективизация, но данные за 1934—1936 годы не должны существенно отличаться от того, что было в предшествующие годы — чистка «органов» еще не началась. Мы видим здесь:

конец 1935 г.	русские — 31,25%	евреи — 38,54%
начало 1936 г.	русские — 30,00%	евреи — 39,09%

И это еще при том, что, как видно из текста, национальность определялась так, как она указывалась в официальных анкетах.

Необходимо еще отметить, что коллективизация совпала с эпохой нового усиления гонения на религию и особенно на Православную Церковь. Было даже постановление Политбюро, указывавшее одновременно с организацией колхоза закрывать в деревне церковь. Антирелигиозной кампанией руководил Ярославский (Губельман), глава Союза воинствующих безбожников: была объявлена «безбожная пятилетка», в конце которой «имя Бога не будет произноситься в нашей стране». (Стоит сопоставить с тем, что в 20-е годы борьбой с Православной Церковью руководил Троцкий, а ближайшим помощником его был Шпицберг.) При посещении Горьким Америки в 1922 году состоялось его интервью с Шолом-

Ашем. Тот был обеспокоен слухами о «растущем антисемитизме» в России и сказал:

> *«Все евреи без исключения считают, что было бы величайшей бедой, которая привела бы к страшной резне, если бы, не дай бог, власть перешла в другие руки. Огонь антисемитизма пылает в России, как никогда, и стоит только пошатнуться большевистской цитадели, как будет принесено в жертву все еврейское ее население».*

Горький согласился и ответил, что напрасно еврейские большевики участвуют в осквернении русских святынь:

> *«Русский мужик хитер и скрытен. Он тебе на первых порах состроит кроткую улыбку. Но в глубине души затаит ненависть к еврею, который посягнул на его святыни… Еврейские большевики должны были оставить эти дела для русских большевиков… Ради будущего евреев в России надо предостеречь еврейских большевиков: держитесь подальше от святынь русского народа! Вы способны на другие, более важные дела».*

Шолом-Аш продолжает:

> *«Я обратил его внимание на то, что еврейские большевики не щадят не только русских святынь, но и еврейских. Он сказал, что знает об этом и считает, что борьба с древнееврейским языком, с синагогами, тем более, с лучшим театром России (! — И. Ш.), древнееврейским театром "Габима" — есть не что иное, как идиотство и варварство».*

(Тут Горький не давал советов вроде того, чтобы оставить это русским большевикам.)

Второй причиной антисемитизма Горький считал зависть русских к более талантливым и работоспособным евреям:

«Россия не может быть восстановлена без евреев, потому что они являются самой способной, активной и энергичной силой».

Если под восстановлением России понимать укрепление коммунистической власти (включая коллективизацию), то это наблюдение подтверждается фактами. Еврейство оказывало поддержку, жизненно необходимую коммунистической власти, далеко не только через участие в НКВД. Не меньшее значение имела идеологическая поддержка. Она была многогранна. Рассмотрим пример литературы. За 20-е и 30-е годы возникла целая литература, пропагандировавшая действия власти, стремившаяся создать соответствующую им духовную атмосферу. Например, коллективизации и раскулачиванию предшествовало литературное течение, стремившееся привить ненависть к деревне и крестьянину, причем все это обнималось образом «Старой Руси», «Рассеюшки». Конечно, это течение литературы, обслуживавшее власть, состояло далеко не из одних евреев, как не одни они служили и в ЧК, и в НКВД. Но поражает и в этом случае непропорциональное количество еврейских имен, и азарт, как кажется, искреннее сочувствие, с которым они ринулись на это поле деятельности. Из тех, кто был известен еще до революции, Пастернак и Мандельштам стали своими людьми в салонах советско-еврейской верхушки. У представителей русской литературы судьба была другой. Маяковский рвался идти тем же путем, но не выдержал. Горький был 10 лет эмигрантом, потом вернулся. (Что, хотя бы отчасти, я думаю, связано с его патологической ненавистью к деревне и крестьянину. Его возвращение и совпало со «сплошной коллективизацией».) Есенин, в поэмах 1918 г., отразил чувство тогдашних коммунистических верхов, «штурмовавших небо», переделывавших мир: логику («диалектику») и даже эстетику насилия и уничтожения. Но после этого изолированного периода вся социальная сторона его поэзии была сплошным стоном боли. И как ни объяснять его смерть, ясно, что в той жизни он су-

ществовать не мог (например, на него было заведено несколько, кажется, 8 дел, часть с обвинением в «антисемитизме», в те годы расстрельным). И уж совсем не стали «поэтами власти» Ахматова, Цветаева, тем более Гумилев, Клюев. Но после революции в литературу вступило новое поколение. И вот среди них Булгаков и Платонов были гонимы всю жизнь (и, в значительной степени, еврейскими деятелями), Павел Васильев расстрелян. Шолохов пользовался благосклонностью власти. Но «Тихий Дон» никак не назовешь просоветским произведением. Почему его печатали (при всех правках) — это и есть, мне кажется, истинная «загадка Шолохова».

А, с другой стороны, целый поток еврейских имен самого разного уровня талантливости и просто способностей, ревностно служивших власти. Например, Джек Альтаузен, Алигер, Бабель, Багрицкий, Безыменский, Билль-Белоцерковский, Гроссман, Данин, Ильф, Исбах, Каверин, Казакевич, Кирсанов, Крон, Мандельштам, Пастернак, Рыбаков, Светлов, Серебрякова, Сельвинский, Славин, Уткин, Шатров, Шейнин, Ясенский. А долгое время их «политкомиссаром» был Авербух. Тут удивительно то, как сочетается искренняя любовь к власти и творимым ею делам с сильным национальным чувством. И даже не сочетается, а объединяется (приведенные выше стихи Алигер, трогательное посещение раввина у политработника Бабеля, баллада о «рыжем Мотеле» Уткина и т. д.). Пожалуй, наиболее ярко это объединение выражается у одного из наиболее талантливых из них, Багрицкого. Он тоньше других почувствовал пафос того, что, как надеялись, происходит: полной перекройки мира по воле властителей новой жизни. И полной смены для этого и эстетики, и этики:

Но если он скажет:
«Солги!» — солги,
Но если он скажет:
«Убей!» — убей.

Все знают его стихи:

Их нежные кости сосала грязь,
Над ними захлопывались рвы,
И подпись на приговоре вилась
Струей из простреленной головы.

Конечно, любая власть (а особенно власть такой мощи!) увлекает толпы людей, готовых ей служить (кто за страх, а кто за совесть). И среди этих толп было много и русских. И, в частности, творивших эту новую эстетику уничтожения и расстрела. Но вот у Маяковского: Белогвардейца поймали и к стенке! А Рафаэля забыли, забыли Растрелли вы… — как-то беззубо расстрел переносится на картины и здания. Были чьи-то стихи, что «человек рожден для расстрела», но забылись. А Багрицкий справедливо в этом течении занял место классика. И в последней, предсмертной, своей поэме «Февраль» он рассказывает об изнасиловании русской девушки. Национальное самоощущение «лирического героя» резко подчеркнуто:

Моя иудейская гордость пела,
Как струна, натянутая до отказа…

А только уж потом:

Я ввалился.
Не снимая сапог, не сняв кобуры…

И ведь совершенно неправдоподобно, что поэма, написанная с таким пафосом, была «чистой лирикой», передавала лишь переживания автора. Очевидно, это символическое описание того, что, как автор себе представлял, произошло со страной.

Интересно, что изданное позже (1973 г.) собрание воспоминаний современников поэта тем ярче воспроизводят этот дух, чем ближе воспоминания написаны к тому времени. Так, у А. Адалис (1935 г.):

«Мы принадлежим к поколению, которому не пришлось разочаровываться. Мы действительно стали

> *“управителями”, “победителями”, “владетелями” одной шестой части земли… Эдуард Багрицкий принадлежал к поколению и классу победителей. Все, что было завоевано ими, принадлежало и ему».*

У Бабеля:

> *«Я ловлю себя на мысли, что рай будущего, коммунистический рай, будет состоять из одесситов, похожих на Багрицкого».*

Действительно, во всем этом течении одесситы составляли большую часть. В старой своей работе я обращал внимание на то, что книги Ильфа и Петрова, приобретшие такую громадную популярность, были далеко не безобидным юмором. Говоря коммунистическим языком, они «выполняли социальный заказ», а по более современной терминологии, «дегуманизировали» представителей чуждых, «старых» слоев общества: дворян, бывших офицеров, священников. То есть представляли их в таком виде, что их «ликвидация» не будила никаких человеческих чувств. Позже появилась работа, из которой я узнал, что мои догадки имели весомое подтверждение.

Например, Петров писал:

> *«Я вел следствия, так как следователей судебных не было. Дела сразу шли в трибунал. Кодексов не было и судили просто: “Именем революции”…»*

А ведь такие слова, как напоминает автор работы, произносились в связи с расстрелом.

А об Ильфе его друг, писатель того же «потока», Славин вспоминает, что тот подарил своему другу книгу с подписью:

> *«Майору государственной безопасности от сержанта изящной словесности».*

И ведь все сказанное относится только к литературе. А были аналогичные «потоки» и в журналистике (Эренбург, Заславский, Гроссман, Маковский, братья Фридлянд: Кольцов и Ефимов), и в кино, названном Лениным, «из всех искусств для нас самое важное» (Зархи, Каплер, Кармен, Ромм), да и во многих других областях.

2. В социалистической стране

Существует широко распространенная, почти общепринятая концепция того, как складывалась судьба евреев в нашей стране во время и после революции. Эту концепцию можно встретить в трудах известнейших западных советологов в западной прессе и радиопередачах, в наших средствах информации. Чаще всего высказывается она как общеизвестная, безусловно доказанная, не нуждающаяся уже ни в каких аргументах. Она состоит из следующих положений:

1. В дореволюционной России евреи были в униженном, угнетенном положении, ограниченные чертой оседлости и процентной нормой под постоянной угрозой погромов.

2. Революция освободила евреев, дала им равноправие, и они приняли активное участие в государственной и культурной деятельности.

3. Начиная с конца 30-х годов интернационалистические тенденции в политике партии и советского государства стали постепенно сменяться русско-националистическими. Это связывают с приходом к власти Сталина. Изменилось и положение евреев. Их стали вытеснять из многих частей государственного и партийного аппарата. После конца войны власть стала проводить открыто антисемитскую политику, кульминацией которой было «дело врачей». Было подготовлено выселение всех евреев в Сибирь, не состоявшееся только из-за смерти Сталина.

4. После смерти Сталина власти перешли к более осторожной, но систематической политике антисемитизма, продолжавшейся до краха коммунистического строя. Евреи были

тогда наиболее дискриминированной нацией Советского Союза. Их национальная культура не развивалась, они встречались с постоянной дискриминацией в своей работе, их детям был затруднен доступ к высшему образованию, еврейская эмиграция произвольно ограничивалась.

Мы видели, что первые два положения очень далеки от объективной картины истории. Что касается двух последних, то они также являются блестящим примером еврейского уменья навязать, внушить другим свою точку зрения, как бы она ни расходилась с фактами.

По поводу периода, о котором мы перед этим говорили (начало 1930-х годов), приведенные факты говорят за себя. Евреи явно были в это время опорой строя. Хотя спор о сроках проведения массовой принудительной коллективизации проходил на самом верху между Сталиным, Молотовым, Куйбышевым, с одной стороны, и Бухариным, Рыковым, Томским — с другой, но реализовавшаяся линия развития явно соответствовала желаниям еврейства. Иначе оно не приняло бы такого энергичного участия в ее реализации, да и власть не допустила бы на столь ответственные посты представителей недовольного или хотя бы не сочувствующего меньшинства.

Некоторые вопросы, действительно, могли бы возникнуть немного позже, во второй половине 1930-х годов, когда на показательных процессах замелькали столь знакомые имена еврейских вождей партии: Зиновьева, Каменева, Радека, Розенгольца, Ягоды… Вопросы могли бы возникнуть, но, странным образом, не возникли. Это очень странно, если иметь в виду постоянную еврейскую возбужденность и склонность всюду видеть гонения на них. Например, в конце 1980-х годов в России возникло общество «Память». Трудно сейчас вспомнить тот шум, который тогда начался по всему миру, с разоблачением «роста антисемитизма» и «угрозы погромов». Было даже специальное постановление Европейского Совета с требованием «Память» запретить. А ведь она не оказала *никакого* влияния на жизнь (кроме того, что дала повод для этого шума).

Сейчас, 10 лет спустя, это очевидно, да и тогда при желании легко было разглядеть. В то время, как в 1930-е годы, были расстреляны все еврейские члены Политбюро (кроме временно спасшегося Троцкого) и, казалось, было о чем задуматься! И в то же время я, например, не знаю ни о каких высказывавшихся тогда обвинениях в «антисемитизме» руководства СССР. (Если не считать того, что Троцкий обвинял в антисемитизме Сталина, да заодно и Бухарина! — такого интернационалиста, так старавшегося отмежеваться от своих национальных корней! Но это явно было стремление использовать в борьбе любое оружие.)

Очевидно, были какие-то специальные причины, почему этот болезненный вопрос не возникал. Основную роль, конечно, играло общее чувство удовлетворения советского еврейства своим социальным статусом, которое каким-то путем становилось известным во всем мире. Это чувство было ярко отражено в книге еврейско-немецкого писателя Фейхтвангера «Москва 1937». Она вообще была апологией и восхвалением тогдашнего строя СССР, включая и волновавший Запад вопрос о показательных процессах.

В ней есть подзаголовки, вынесенные на поля: «Удовлетворенность евреев»; «Разрешение еврейского вопроса»; «Еврейские крестьяне»; «Молодая еврейская интеллигенция»; «Еврейский национализм в Советском Союзе».

В последнем разделе автор сообщает:

> *«Национализм советских евреев отличается некоторого рода трезвым воодушевлением.*
>
> *Единодушие, с которым евреи, встречавшиеся мне, подчеркивали полное согласие с новым государственным слоем, было трогательным».*

Глава в целом называется «Национализм и интернационализм», но в основном посвящена все тому же вопросу.

Другой причиной была растущая мощь гитлеровской Германии. Вся пропаганда в СССР внушала страстную не-

нависть к фашизму, солидаризируясь в этом с позицией Всемирного еврейского конгресса (который, как сказано выше, призвал к борьбе с Германией). Наконец, важным показателем являлся такой эпизод. В 20-е и 30-е годы в СССР действовало Еврейское Телеграфное Агентство (ЕТА), независимо от официального ТАСС, распространявшее по всему миру свою информацию о Советском Союзе. Этому ЕТА в 1931 г. Сталин дал интервью по неизменно животрепещущему вопросу об «антисемитизме». Он сказал:

> *«Национальный и расовый шовинизм есть пережиток человеконенавистнических нравов, свойственных периоду каннибализма. Антисемитизм как крайняя форма расового шовинизма является наиболее опасным пережитком каннибализма…*
>
> *В СССР строжайше преследуются законом антисемитизм как явление глубоко враждебное Советскому строю. Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью».*

В принципе в такой формулировке нет ничего нового, она лишь повторяет обычную позицию солидарности коммунистической власти и еврейства. (Кроме разве несколько странного сопоставления: антисемитизм — каннибализм. Неужели предполагалось, что «антисемиты» ели евреев?) Но интересно то, что это заявление не было тогда опубликовано в советской печати, хотя почему-то было опубликовано в «Правде» 5 лет спустя, в 1936 году. И в том же 1936 году в докладе Молотова о новой конституции 30 ноября 1936 года мы читаем:

> *«Что бы ни говорили современные каннибалы из фашистских антисемитов, наши братские чувства к еврейскому народу определяются тем, что он породил гениального творца идей коммунистического освобождения человечества, научно овладевшего высшими достижениями германской культуры и культурой дру-*

гих народов Карла Маркса, что еврейский народ наряду с самыми развитыми нациями дал многочисленных крупнейших представителей науки, техники и искусства, дал много героев революционной борьбы против угнетения трудящихся и в нашей стране выдвинул и выдвигает все новых и новых замечательных, талантливых руководителей и организаторов во всех отраслях строительства и защиты социализма».

Повторение того же самого нестандартного термина «каннибализм» дает основание предполагать, что оба эти действия: публикация старого заявления Сталина и пассаж в речи Молотова были сознательно совершены в одном и том же году. Они вместе являлись гарантией коммунистического руководства, которая должна была успокоить сомнения, вызванные большим числом евреев среди жертв тогдашних чисток. Видимо, этих заверений оказалось достаточно. Здесь мы встречаемся с особенным свойством мировой еврейской солидарности: интересы отдельных индивидуумов (иногда очень большого их числа) легко приносятся в жертву интересу «коллектива». Также еврейского юношу Гриншпана, убившего немецкого дипломата в Париже фон Рата (и тех, кто стоял за аналогичными покушениями), мало интересовало, как это отразится на евреях, живущих в Германии. С этим явлением мы встретимся и позже.

Такого типа тонкими путями поддерживалась связь коммунистической партии и еврейства. И она действительно проявлялась в жизни. Вот, например, как описывает руководство НКВД в 1937 году Р. Конквест (такой крайний и верный последователь либеральных взглядов!) в известной книге «Большой террор»: нарком Ягода (Иегуда), заместитель Агранов (Сорензон), начальник ГУЛАГа М. Берман, экономический отдел Миронов (Каган), Оперативный отдел Паукер, Спецотдел Гай (Штоклянд), Иностранный отдел Слуцкий (заместители: Б. Берман и Шпигельглас), Транспортный отдел Шанин.

Влиятельная группа евреев находилась в армии. Среди вновь учрежденных генералов были Якир, Фельдман, Д. Шмит, ВВС командовал Смушкевич, начальником политуправления Красной Армии был Гамарник, потом этот пост занимал Мехлис (а раньше Гамарника его занимал Сергей Иванович Гусев = Яков Давыдович Драбкин). Очень велик был вес евреев в верхах государственного аппарата. Наркомами в середине 30-х годов побывали: М. Рухимович (оборонной промышленности), Л. М. Каганович (путей сообщения), М. М. Каганович (авиационной промышленности), Розенгольц (внешней торговли), Гилинский (пищевой промышленности), Берман (связи), Халепский (связи), Вейцер (внутренней торговли), Анцелович (лесной промышленности), Зеленский (председатель Центросоюза) и т. д. Советской внешней политикой руководил Литвинов (Баллах), подавляющее большинство послов во влиятельных странах были евреи.

Я хорошо помню атмосферу торжествующего еврейского национализма в конце 30-х годов. Каждый год с громом и фанфарами извещалось о победах советских исполнителей на международных конкурсах, и это бывали почти без исключения евреи. (А многие ли из них выдержали испытание временем? Кто знает или помнит сейчас столь тогда прославленных Бусю Гольдштейна, Лизу Гиюльс, Мишу Фихтенгольца и т. д.?) Повсюду гремели песенки самого популярного композитора страны — Дунаевского: его мелодия стала даже позывным сигналом советской радиостанции. (Помню рассказ одного знакомого Шостаковича: Шостакович, познакомившись с какой-то женщиной, сказал ей, что он композитор. Тогда она с уважением воскликнула: «Так Вы, может быть, знакомы и с Дунаевским!») Еврейский театр был столь популярен, что туда ходили даже те, кто ни слова не понимал на идиш, часто только для того, чтобы встретить там влиятельное лицо. С торжеством сообщали газеты о все новых победах лучшего шахматиста мира Ботвинника. Самые известные певцы Большого театра, наиболее печатающиеся писатели, поэты, журналисты были евреи.

Евреи были тогда и опорой власти, и наиболее привилегированной частью советского общества.

И все же число еврейских фамилий в руководстве СССР (члены ЦК, наркомы) несколько уменьшается. Например, из наркомов середины 30-х годов, имена которых были приведены выше, большинство были расстреляны в предвоенные годы. Но все же число членов ЦК, избранных на XVII съезде (1934 г.) и на XVIII съезде (1939 г.) почти одинаковое и среди них примерно одинаковое число евреев. Среди наркомов или лиц такого же ранга (председателей комитетов при СНК) в 1939—1940-е годы (это несколько больше 40 человек) мы видим Л. М. Кагановича, Жемчужину, Дукельского, Гинзбурга, Землячку (Залкинд), Мехлиса, Берию. Для сравнения: двое армян Микоян и Тевосян и один грузин Сталин. Так что ни о какой дискриминации евреев говорить невозможно, да тогда никто так и не считал. Террористический режим, утвердившийся в стране и в партии, затрагивал евреев, как и других. В верхушке НКВД произведены были массовые аресты, там было очень много евреев, их оказалось много и среди арестованных. Но я тогда ни от кого не слышал жалоб на то, что аресты имеют какую-то антиеврейскую специфику, да и потом их в литературе не встречал.

С началом же войны интересы мирового еврейства и коммунистической власти в СССР настолько совпадали, что невозможно было сказать, кто кому служит. Так, в 1941 году был создан Еврейский антифашистский комитет (ЕАК), куда входили известные тогда деятели еврейской культуры СССР: актер (и руководитель Еврейского театра) Михоэлс (Вовси), писатель Квитко, поэт Фефер и др. Вероятно, Политбюро и Агитпроп рассматривали ЕАК как орудие советского влияния на Западе и особенно в Америке. Возможно, некоторые из членов Комитета смотрели на коммунистическую власть как на орудие для достижения определенных еврейских национальных целей. Но какое это имело значение? И для тех, и для других надо было тогда (во время войны) делать одно и то же. Единство было столь велико, что сменявшие друг друга

ответственные секретари ЕАК: Эпштейн и Фефер, а также заместитель Фефера — Хейфец, были сотрудниками НКВД, и это не приходило в конфликт с их национальными чувствами (Фефер, например, опубликовал во время войны свое самое национально-ориентированное стихотворение «Я еврей»). Комитет связался с американскими еврейскими организациями: Еврейской секцией Международного рабочего ордена, Американским комитетом еврейских писателей, артистов и ученых, Еврейским советом помощи России. От их имени, как представители ЕАК, Михоэлс и Фефер получили приглашение в США. Частным штрихом, характеризующим эту поездку (1943 г.), является то, что (как рассказывает один из руководителей советской разведки Судоплатов) Михоэлс и Фефер перед отъездом были приняты Берией, указавшим им «убедить американское общественное мнение, что антисемитизм в СССР полностью ликвидирован вследствие сталинской национальной политики».

> *«Оперативное обеспечение визита Михоэлса и разработку его связей в еврейских общинах осуществлял Хейфец» (советский резидент в Сан-Франциско).*
>
> *«По их (двух советских разведчиков. — И. Ш.) сообщению, Оппенгеймер и Эйнштейн были глубоко тронуты тем, что в СССР евреям гарантировано безопасное и счастливое проживание». Вскоре удалось уговорить Оппенгеймера «взять на работу специалистов, известных своими левыми убеждениями, на разработку которых уже были нацелены наши нелегалы».*
>
> *«Таким образом, Оппенгеймер и Ферми и Сциллард помогли нам внедрить надежные агентурные источники».*
>
> *(Цитаты — из книги Судоплатова).*

Но, кроме того, представители ЕАК встречались с президентом Всемирной сионистской организации (и будущим президентом Израиля) Вейцманом, президентом Всемирного еврей-

ского конгресса Гольдманом, раввином Вайсом, Эйнштейном и многими другими ведущими еврейскими деятелями.

3. Расставание…

Только после окончания войны стало понемногу обнаруживаться, что мировое еврейство и коммунистическая власть в СССР — это не одно и то же и в чем-то их интересы могут расходиться. Существование каких-то различий стало проявляться начиная с 1948 года, когда возникло государство Израиль. Само возникновение этого государства явно лежало в области общих интересов. Оно было прокламировано Советом Безопасности ООН, где СССР не только не воспользовался «правом вето», но и активно поддерживал это решение. На заседании Совета Безопасности советский представитель Громыко сказал:

> *«Тяжелые жертвы, которые еврейский народ понес в результате произвола гитлеровцев в Европе, еще более подчеркивают необходимость для евреев иметь свое собственное государство и справедливость требований о создании самостоятельного еврейского государства в Палестине».*

Руководители советской политики надеялись приобрести в лице Израиля рычаг для влияния на Ближнем Востоке или же по инерции следовали тенденциям мирового еврейства. СССР был одним из первых государств, признавших Израиль. Известно, что в начавшемся арабо-израильском конфликте СССР вначале снабжал Израиль оружием.

Но тут выяснилось, что ЕАК играет некоторую самостоятельную роль, отличную от запланированной для него коммунистической властью. Он оказался центром, притягивавшим национальные чувства евреев СССР. Туда поступали сотни писем с призывами активнее помогать Израилю: одни настаивали на разрешении ехать в Палестину, другие предлагали собирать деньги для помощи Израилю. Тогда это было не-

что совершенно неслыханное: человек, имевший отдаленного родственника за границей или получивший оттуда несколько писем, и то уже был уязвим. А ведь вся работа ЕАК была известна НКВД хотя бы через секретарей Комитета. На это наложилось еще то, что посла государства Израиль Голду Меир приветствовали в Москве толпы евреев (обычно при посещении ею синагоги). Сама же Меир всегда придерживалась проамериканской ориентации, которую вскоре приняла и вся политика Израиля. Выяснилось, что советское еврейство считает возможным активно поддерживать политику, отличную от политики коммунистической власти.

Как позже стало известно, и сам ЕАК еще раньше уже сделал шаг в этом направлении. Еще в конце войны, в 1944 году, он направил письмо в правительство, предлагая создать в Крыму Еврейскую советскую социалистическую республику. Именно этот термин употреблялся, так что явно подразумевалась республика, равноправная Украине или Казахстану, по советской Конституции имевшая право на отделение (не говоря уж о своей компартии, правительстве и т. д.). Это тоже был неслыханный поступок в тогдашней жизни. В среде руководителей ЕАК уже «делили портфели»: в президенты новой республики прочили Михоэлса и т. д. (но не сохранилось, судя по тому, что мне приходилось читать, слухов о будущем «первом секретаре», т. е. новое государство не планировалось по шаблону советской республики). Все это было прямым нарушением основного принципа коммунистической власти: «решения передаются только сверху вниз». Власть, только что выигравшая страшную войну, чувствовала себя всесильной и не могла уступить. Но по всем ее действиям видно, с каким трудом (или страхом?) она шла на конфронтацию. Сначала было постановление Политбюро о роспуске ЕАК с очень характерной припиской: «Пока никого не арестовывать». Потом начались аресты руководителей ЕАК. Михоэлс, по-видимому, был убит агентами МГБ, причем официально его объявили жертвой транспортной аварии. Уже более 20 лет политическое устранение в СССР такой декорацией не обставлялось. Выяс-

нилось, что председателя Коминтерна Зиновьева или Председателя Совнаркома, наследника Ленина, Рыкова можно попросту расстрелять. А поступить так с актером Михоэлсом слишком опасно. Казалось бы, по поводу Михоэлса Сталин мог повторить свой вопрос: «А сколько дивизий у римского папы?» Но в какой-то другой иерархии Михоэлс оказался опаснее и весомее Рыкова. Та же печать осторожности, не свойственная коммунистической государственной машине, лежит на всем «деле ЕАК». Следствие велось больше трех лет, суд состоялся лишь в 1952 г. Все следствие несет следы какой-то скрытой борьбы сил, чего раньше (в деятельности ЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ) заметно не было. Летом 1952 года Верховный суд прерывает следствие с тем, чтобы отправить дело на доследование. Но решение, видимо, уже было принято в Политбюро. Суд состоялся, но длился два месяца (а не несколько дней, как обычно). Подсудимые могли свободно задавать друг другу вопросы и оспаривать показания. Но участь их была предопределена, все члены ЕАК, кроме одной женщины, академика Л. Штерн, были приговорены к расстрелу (13 человек). По другим делам, связанным с этим, было расстреляно еще 10 человек. Всего репрессировано 110 человек.

Можно себе представить шок, испытанный коммунистическим руководством, когда оно обнаружило, что «неразрывная связь», соединявшая его с еврейством, существует лишь до определенного предела. Оно столкнулось с силой, от которой оно раньше себя не отделяло и границы влияния которой определить не могло. Так, жена Молотова Жемчужина (Карповская) оказалась очень близкой Михоэлсу, стало известно, что он называл ее «хорошей еврейской дочерью» и сравнивал с библейской Эсфирью. Надо перечитать «Книгу Эсфири», чтобы оценить значительность такого сопоставления. С другой стороны, о жене Ворошилова (Голде Горбман) ее родственница рассказывает:

«Когда возникло государство Израиль, я услышала от Екатерины Давыдовны фразу: “Вот теперь у нас

тоже есть родина". Я вытаращила глаза: это говорит ортодоксальная коммунистка-интернационалистка!»

(А значит, Советский Союз, как тогда говорилось, «родина трудящихся всего мира», для нее родиной не был!)

И, наконец, одним из расстрелянных членов ЕАК был Лозовский (Дризо), в течение войны глава Совинформбюро, зам. министра иностранных дел. А за сыном сотрудника Лозовского Шамбергом была замужем дочь Маленкова, на сестре же Шамберга был женат Лозовский. Как тогда часто бывало, Шамберг-старший написал письмо в ЦК, в котором заверял, что ничего о «шпионско-националистической» деятельности Лозовского он не знал. А Маленков развел свою дочь с Шамбергом-младшим. Но видно было, что тут образовались связи, разрывая которые, надо было резать по живому телу.

После этого началась «кампания против космополитов», закончившаяся «делом врачей» и оборвавшаяся со смертью Сталина. Эти-то действия и являются обычно основаниями для утверждений, что после войны в СССР утвердилась «политика антисемитизма» и даже готовился план «депортации евреев в Сибирь». Такой взгляд очень трудно согласовать с тогдашним реальным положением в стране.

Прежде всего, неправильно интерпретировать «дело ЕАК» как акцию, характеризующую особую антиеврейскую направленность тогдашней советской политики. Это «дело» следует рассматривать на фоне всей тогдашней жизни. Например, приблизительно в то же время развертывалось «Ленинградское дело», в котором криминалом считалась, видимо, некоторая «русская ориентация», хотя выражена она была гораздо слабее, чем «еврейская ориентация» в «деле ЕАК». Речь шла о предложении некоторой группы крупных партийных деятелей создать компартию РСФСР, перенести ее ЦК и Совмин в Ленинград. Главной фигурой среди обвиняемых был Вознесенский, член Политбюро, долгое время единственный 1-й заместитель Сталина как предсовмина. Вознесенскому приписывают мобилизацию советской промышленности во вре-

мя войны и организацию ее восстановления. И тем не менее Вознесенского в отличие от Михоэлса можно было судить и расстрелять. Кроме Вознесенского, были расстреляны Капустин, Кузнецов, Попков, Родионов и другие, а всего было репрессировано около 2000 человек. Если рассматривать «дело ЕАК» как яркое проявление «сталинского антисемитизма», то «Ленинградское дело» надо было бы считать столь же ярким проявлением сталинской русофобии.

На самом же деле, в обоих случаях режим стремился взять под контроль некоторые национальные импульсы, допущенные им во время войны в пропагандистских целях. Эти действия составляли лишь элементы в цепи мер, предпринятых после войны для консолидации победившего и укрепляющегося коммунистического строя. Сюда же относились законы об укреплении колхозного строя, ужесточение идеологического контроля: в науке (биология, история), культуре (литература, музыка) и т. д. Но теперь все больше и больше весь этот фон, определявший реальную жизнь, игнорируется и остается как будто одно жестокое подавление ростков еврейского национального сознания, иногда интерпретируемое даже как продолжение «традиции погромов и кровавого навета». В действительности число репрессированных по «Ленинградскому делу» было, видимо, значительно больше, чем по «делу ЕАК». Причем в первом случае речь шла о людях, всерьез принявших тост Сталина «за здоровье русского народа» и аналогичные тогдашние действия. Во всех же известных мне случаях людей, арестованных в связи с «делом ЕАК», жертвы, хоть ни в чем и не были виноваты, но с точки зрения тогдашней власти нарушили основные неписаные законы, явившиеся абсолютными: например, публично приветствовали Голду Меир при посещении ею синагоги или дружили с иностранными корреспондентами и т. д. То есть с точки зрения уже укрепившегося (и еще укрепленного выигранной войной) коммунистического режима, якобы претендовали на экстерриториальность.

Тем не менее режим не прибег к обычной тактике массового террора не только против людей, нарушавших его непи-

саные законы, но и «с запасом», против целых слоев, способных таких людей породить. Явно было, что имеются какие-то трения, но совершенно нового типа, еще не встречавшиеся в истории коммунистического режима.

Напомню факты. В газетах появилось выражение «космополит» (часто с прилагательным «безродный»), которое, как всем было ясно, связывалось с еврейским происхождением. Пожалуй, трудно установить тождество этих двух понятий: «космополит» — «еврей», имея в виду тот смысл, который вкладывался тогда советской прессой. Чувствовалось, что термин «космополит» никак не применим, например, к Кагановичу, Мехлису, Говарду Фесту или Иву Монтану. Скорее, термин «космополит», в его тогдашнем употреблении, можно расшифровать как «еврейский националист, действующий противоположно интересам и политике партии». Космополитам приписывались попытки оказать разлагающее влияние на патриотизм советских граждан, ослабить целостность и прочность советского строя, заражая советских людей буржуазной идеологией, очернить историческое прошлое входящих в СССР народов. С другой стороны, понятие «космополитизма» понималось иногда и шире его еврейского аспекта. Так, многие научные теории, вроде теории странствующих сюжетов Веселовского, были осуждены как «космополитические». Одновременно в газетах появлялись статьи другого типа — фельетоны уже не политического, а бытового уровня, где описывались жульнические махинации какого-нибудь дельца с подчеркнуто еврейским именем и фамилией.

Проводились и практические действия, имеющие целью перевести некоторых евреев с их влиятельных должностей на менее влиятельные. Я знаю собственно один пример: снятие нескольких евреев с должностей заведующих кафедрами, а также перевод нескольких других из Москвы на работу в провинцию.

Наконец были произведены аресты. Была арестована группа врачей, обвинявшихся во «вредительстве» — умерщвлении под видом лечения ряда партийных вождей и в поку-

шении на жизнь других, в том числе Сталина. Большинство этих врачей были евреи, но среди них было несколько русских. Однако еврейский аспект этой акции был подчеркнут обвинениями в связях с еврейской благотворительной организацией — «Джойнт». Это дело было прекращено сразу после смерти Сталина. Все присужденные к заключению в лагеря по «делу ЕАК», а также находившиеся под следствием по другим делам были освобождены.

Газетная кампания, увольнения, аресты, расстрелы… На первый взгляд, перед нами типичная сталинская чистка — вроде гонений на «вредителей-статистиков», «троцкистов», «правых уклонистов», вроде чистки в армии и в советском аппарате в 1936—1937 годах и т. д. Однако, присмотревшись внимательно, сразу убеждаешься, что здесь какое-то совсем другое явление. Совсем другой характер имели перемещения: из заведующих кафедрой университета — не на лесоповал, а в заведующие сектором института Академии наук или другого института. Перевод на работу в провинцию не носил характер грубой ссылки, преддверия ареста. Соответствующее лицо вызывалось в министерство, где ему, как правило, предлагали отправиться в какой-нибудь далекий город, вроде Владивостока. Но дальше начиналось нечто в других случаях невозможное: это лицо отказывалось, выдвигало свои условия, и после долгих переговоров соглашалось перейти на работу куда-нибудь совсем недалеко, например, в Серпухов или Коломну, куда можно ездить из Москвы. Еще более показательна была атмосфера, окружавшая тех, кто оказывался жертвой подобных мер: не созывались собрания, где их обличали бы во всех возможных грехах, а их коллеги каялись бы в потере бдительности, от них не отворачивались знакомые, на новой работе к ним относились безо всякой подозрительности. Странным образом атмосфера была наполнена уверенностью, что никакая катастрофа здесь не грозит.

Следует обратить внимание и на такую сторону этой ситуации. Всю кампанию проводили люди, имевшие большой опыт чисток, у которых образовался известный стандарт того,

как это делается. Чтобы в данном случае все не пошло по этому стандартному пути: массовые аресты всех, входящих в преследуемую группу населения, бесправное положение лиц, хоть как-то с ними связанных, многочисленные суды, десятки и сотни тысяч расстрелянных, чтобы события не развернулись по этому знакомому трафарету, нужны были специальные, строгие и точные инструкции. Иначе сработала бы привычка, уже ставшая второй натурой. Таким образом, мне представляется несомненным, что вся эта акция была задумана как действие, необычное в предшествующей политике, по своему масштабу совершенно не соответствующее привычным образцам чисток, как нечто, принципиально от них отличное — и были приняты тщательные меры для того, чтобы она именно так реализовалась.

Как же оценить то, что произошло? По-видимому, мы сталкиваемся здесь с первым случаем каких-то трений между партией и еврейством, с первым случаем, когда интересы этих сил в чем-то не совпали. То, что раньше, на протяжении трех десятилетий, такая ситуация ни разу не возникла, показывает на удивительное их сродство. Они не совпадают, ни одну нельзя считать органом другой, но они так тесно связаны, что между ними ни разу не возникли хоть сколько-нибудь заметные трения. Наоборот, принимались тщательные меры для устранения возможных недоразумений: еврейская поддержка Советской власти на Западе, законы, ставящие антисемитов вне закона или поддержка широкой еврейской культурной и национальной деятельности в СССР. Когда в 30-е годы большое число евреев, пострадавших в рядах оппозиций, могло бы вызвать тревогу еврейства, Сталин и Молотов выступают с ожесточенными нападками на «антисемитов». Все это можно объяснить лишь тем, что в тот период каждая из двух сил воспринимала другую как для себя абсолютно необходимую, без тесного сотрудничества ни одна не могла надеяться достигнуть своих «целей» (понимая этот термин в том смысле, который мы указали в начале работы). И вот эта, казавшаяся нерасторжимой связь оказалась в 1948—1953 годах заметно

ослабленной. Смысл произошедшего тогда переворота в отношениях между партией и еврейством можно видеть в том, что они *разделились,* стали отныне выступать как две независимые силы. Независимые, но отнюдь не враждебные: происходившие у нас в эти годы события являются лишь прениями, неизбежными при размежевании двух столь мощных сил.

Примером того, как тесно коммунистическая власть продолжала быть связана с еврейством, может служить история передачи американских секретов производства атомного оружия Советскому Союзу. Наиболее драматические эпизоды этой истории относятся в эпохе Второй мировой войны, а корни идут еще глубже, но и после войны здесь происходили поразительные события. Их описывает, например, руководитель советской разведки в этой области генерал Судоплатов. Он пишет, что во время войны 90% агентов, от которых была получена важная информация, были евреями. Ко времени войны относится и установление контакта советской разведки с научным руководителем американского атомного проекта Оппенгеймером (о роли, сыгранной в этом ЕАК, упоминалось выше). Более подробно Судоплатов сообщает:

> *«В использовании Оппенгеймера как источника важную роль играла жена Василия Зарубина, Елизавета… Она обладала классической семитической красотой, привлекавшей мужчин, и была одним из самых успешных агентов-вербовщиков… Она происходила из семьи революционеров, родственников Анны Паукер, основателя компартии Румынии».*

Эта удивительная женщина была сначала женой Блюмкина, работавшего в том числе и на Троцкого. Она донесла на него, и он был расстрелян. Потом была заброшена в США и работала под руководством Хейфеца. Их влиянию автор приписывает, что Оппенгеймер пригласил работать в Лос-Аламос Фукса, эмигранта из Германии. Она же играла решающую роль в «использовании» Лео Сцилларда — еврея из Венгрии.

После войны Берия распорядился прекратить получение информации от Оппенгеймера и Сцилларда и ориентировать их на борьбу против создания американской водородной бомбы. А Фукс переехал в 1946 году в Англию и систематически передавал информацию советскому агенту вплоть до ареста Фукса в 1950 году. Об этом периоде я могу нечто почерпнуть из собственных воспоминаний. Помню, как гораздо позже, в 1970-е годы, ныне покойный Д. Сахаров рассказал мне, что переданные Фуксом сведения фактически содержали все американские атомные секреты, все, что можно передать письменно. Так, необходимые затраты, ископаемые, человеческий опыт передать на бумаге невозможно, а все остальное Фукс нам сообщил. Помню, что тогда мне это показалось слишком фантастическим, я подумал, что Сахаров преувеличивал. Но воспоминания Судоплатова рисуют приблизительно ту же картину. Он верит также, что полученные данные давали главное: уверенность, что накопленный американцами запас атомных бомб недостаточен, чтобы начать атомную войну раньше середины 1950-х годов. И те же воспоминания Судоплатова показывают, какую поистине незаменимую роль в получении информации играла еврейская помощь: от основных фигур атомного проекта — Оппенгеймера и Сцилларда — до «связных» типа Коэна или супругов Розенберг, да и советских офицеров разведки, работавших в США — Хейфеца, Натана Сильвермастера, жены Зарубина.

Нам осталось еще рассмотреть версию о готовящемся еврейском погроме и выселении евреев в Сибирь. Концепция «окончательного решения еврейского вопроса», якобы подготавливаемого, но не осуществленного Сталиным, заключается в следующем. Утверждается, что Сталин предполагал организовать показательный процесс «врачей-убийц». Там, в частности, должно было появиться новое (сравнительно с другими подобными процессами) действующее лицо — общественный обвинитель, эта роль предназначалась Эренбургу. Подсудимые, конечно, должны быть признаны виновными и приговорены к повешению на Красной площади. Но по дороге возму-

щенный народ казнит их сам и начинает еврейский погром. Защищая евреев от этого погрома, власти сажают их в поезд и отправляют в Сибирь. Там уже началось строительство бараков для ссыльных евреев.

Когда Сталин будто бы изложил этот план своим соратникам, он столкнулся с сопротивлением: Каганович выступил против и даже разорвал свое удостоверение члена Президиума ЦК. Сталин предложил голосовать — все оказались против него. В первый раз в жизни встретив оппозицию своих соратников, Сталин пришел в такое возбуждение, что с ним случился удар, от которого он так и не оправился. Стоит попытаться продумать этот рассказ, как становится очевидной его полная неправдоподобность. Сталин и любое другое окружение не могли бы в то время (если бы даже хотели) найти опору в партии для такой грандиозной акции. Вот как описывает, например, Авторханов еврейское влияние в Политбюро того времени («Загадка смерти Сталина»). Из 11 членов Политбюро:

Каганович — еврей;

Берия — еврей на $^1/_2$ (его мать была еврейкой, но, что гораздо важнее, он опирался, как мы скоро увидим, на еврейскую поддержку);

Молотов, Андреев, Ворошилов имели жен-евреек;

у Маленкова муж дочери был еврей;

у Хрущева жена сына была еврейкой.

Террор в стране уже давно не имел такого масштаба (выселение сотен тысяч). Я уже говорил, что притеснения евреев имели тогда очень ограниченный характер, никак не соответствующий столь жестокой мере. Нереальным выглядит «мужественное» сопротивление соратников Сталина, особенно Кагановича, раньше спокойно выдавшего на смерть своего брата. Но главное, в подготовку такого грандиозного мероприятия должны были быть вовлечены десятки, вероятно, даже сотни тысяч людей. Должны были быть учтены все евреи (и должно было быть выработано «определение» еврея: по паспорту, по национальности одного или обоих родителей). Надо

было проинструктировать отряды, производившие аресты, подготовить железнодорожные составы, даже изменить график железнодорожного движения: предстояло перебросить одновременно из одного конца страны в другой несколько миллионов людей. Где же свидетели этого? За прошедшее время эмигрировало несколько сот тысяч человек из самых разных слоев советского общества: должны бы среди них оказаться свидетели, и уж, конечно, они рассказали бы подробности. Эренбург уверял, что ему показывали письмо московской еврейской интеллигенции с просьбой о выселении евреев, и он будто бы отказался его подписать. Почему никто больше этого письма не видел? Таких вопросов возникают десятки.

Я позже с удовлетворением прочел в воспоминаниях Судоплатова, что он считает эту версию неправдоподобной на основании тех же аргументов.

Для оценки этой истории очень важно, что нам известно ее происхождение. Она появилась на Западе и стала там известна из двух «независимых» источников. Первым был Эренбург, рассказавший об этом под большим секретом Сартру. Иными словами, были приняты все меры для того, чтобы эта история стала широко известна на Западе. Второй источник еще более очевидный — это советский посол в Голландии Пономаренко (ранее член Президиума ЦК и секретарь ЦК). (Об этих источниках сообщалось несколько раз, например, в книге Авторханова «Загадка смерти Сталина».) Таким образом, правдоподобнее всего, что эта история была сознательно «запущена» на Запад наследниками Сталина. Смысл ее очевиден: она должна была доказать, что новое руководство не только не питает дурных намерений по отношению к евреям, но и рисковало своей жизнью для того, чтобы спасти их от преследований. Это предположение подкрепляется и другими аналогичными заявлениями. Так, Хрущев в своих воспоминаниях рассказывает, что Сталин в застольной беседе подал ему идею устроить еврейский погром на одном из московских заводов, но он, Хрущев, никак на это предложение не прореагировал. Это также, конечно, просто декларация хорошего

отношения к евреям, ибо сама история, по нравам того времени, нереальна. Как бы Хрущев ни относился к евреям (их поддержка могла быть для него очень важна), в тот момент они никак не могли защитить его от того, что он будет арестован и в ту же ночь расстрелян.

Таким образом, пора, по-видимому, сдать эту историю окончательно в архив, признав ее легендой, в которой интересно лишь то, с какой целью она создана. Популярность же легенды объясняется тем, что в ее распространении были заинтересованы обе силы, выступающие в этой области: партийное руководство, унаследовавшее власть после Сталина, и еврейство. Наследники Сталина — так как в переходный период, когда их власть еще не утвердилась, они этим демонстрировали свое расположение к еврейству, декларировали, что имеющиеся разногласия не перерастут в серьезный разрыв. Еврейство — так как этим подчеркивалось положение евреев в СССР как гонимых, преследуемых коммунистической властью, а это, во-первых, мобилизовало их и Запад на защиту их попранных прав, а во-вторых, ставило крест над деликатной проблемой их роли в революции и в управлении страной в течение следующих за революцией 25 лет.

В этой связи невольно приходит в голову вопрос о причине смерти Сталина. Конечно, он умер в таком возрасте, когда смерть, вероятнее всего, наступает по причинам отнюдь не загадочным. Но если обсуждать «загадку смерти Сталина», то очень естественно поставить ее в связь с теми трениями, которые возникли тогда между возглавлявшейся Сталиным партией и еврейством. В качестве важного фактора в этой ситуации следовало бы обратить внимание на Берию, с одной стороны, долго возглавлявшего почти всесильные органы безопасности, а с другой — опиравшегося, по-видимому, на мощную еврейскую поддержку. Это видно, например, по той борьбе, которая тогда происходила в коммунистических партиях восточноевропейских стран. По-видимому, их руководство — это были в основном ставленники Берии. В то же время оно состояло в большинстве своем из евреев. Вот, на-

пример, описание событий в Чехословакии из книги Т. Уайтлин «Комиссар» (англ.):

> *«Первой мишенью против позиций власти Берии явилась Чехословакия. Все ключевые позиции власти Берия предоставил там своим союзникам».*

Однако одна поразительная черта характеризует всю эту акцию. Почти все арестованные высокие чины во главе с их лидером Рудольфом Сланским (настоящая фамилия которого — Зельцман) — Бедрих Гелиндер, Рудольф Марголис, Андре Симоне, Артур Лондон и девять других протеже Берия были евреями.

Дуглас Рид приводит цитату из английской газеты «Нью стейтсмен» за 1952 год, рисующую похожую картину:

> *«В Чехословакии, как и во всей остальной центральной и юго-восточной Европе, вся партийная интеллигенция, как и руководители тайной полиции, по своему происхождению в значительной части — евреи; рядовые граждане привыкли поэтому отождествлять партийное начальство с евреями и обвинять во всех бедах "еврейских коммунистов"».*

В Польше непосредственной опорой Берии был глава госбезопасности Якуб Берман. Из трех лиц, в руках которых находилась власть, Гомулка, Берут и Берман: двух последних называли ставленниками Берии.

В этой связи можно вспомнить, что и «дело врачей» было одновременно направлено против Берии — он косвенно обвинялся в недостаточной бдительности, до него ставленник — министр внутренних дел Абакумов — был тогда арестован.

Можно допустить, что Сталин, стараясь стать более независимым в отношении еврейского влияния, пытался ограничить и власть Берии, еврейские связи которого ему были, конечно, ясны. Но успел ли он? Ведь и еврейская сторона,

вероятно, не без боя уступила свое исключительное положение. Не случайно при обсуждении любых вариантов «загадки смерти Сталина» ключом к «загадке» оказывается Берия. После смерти Сталина, конечно, сразу же встал вопрос, как сложатся дальнейшие отношения между партией и еврейством. Вряд ли, однако, новое руководство готово было отказаться от того более независимого по отношению к еврейству положения, которого добилось при Сталине. Быть может, это и было одной из причин свержения Берии. Но, наученное судьбой Сталина, оно должно было искать каких-то путей, чтобы заверить еврейские силы внутри страны и вне ее в отсутствии каких-либо серьезных агрессивных намерений. Тут и могла пригодиться легенда о наследниках Сталина, спасших, рискуя своей жизнью, советских евреев от высылки в Сибирь. Такая схема представляется мне логичной, хотя из этого, конечно, отнюдь не следует, что она действительно реализовалась.

Обсуждение легенды о подготовлявшейся Сталиным депортации евреев немного приоткрывает тенденции, господствовавшие среди его наследников, и подводит к рассмотрению послесталинского времени. В эту эпоху мы встречаемся с совершенно новым и исключительно важным явлением — появлением еврейской эмиграции из СССР. Здесь мы опять сталкиваемся с тем, что в вопросе, жизненно важном для еврейства, советское руководство уступает еврейским настояниям. Раньше мы встретили подобный пример в связи с созданием государства Израиль. Однако теперь ситуация гораздо драматичнее, так как надо было принять решение, затрагивающее не территорию, расположенную далеко от советских границ, но внутреннюю жизнь Советского Союза. Причем одну из основ этой жизни. Казалось, до тех пор, пока Советский Союз будет существовать, до тех пор ни о какой эмиграции не может быть и речи, не может быть поколеблена монопольная власть государства над человеком. Достаточно вспомнить законы о невозвращенцах: они считались государственными изменниками, и даже члены их семей подлежали ссылке. Да собственно психологически это отношение и сохранилось:

эмиграция приравнивалась к измене. Тем более поразительно, что на этом фоне еврейская эмиграция была разрешена.

Сам факт такой громадной принципиальной уступки гораздо важнее, чем то, какими путями удалось ее добиться. Однако и эти методы давления интересны. Здесь прежде всего бросается в глаза американское экономическое давление; его обычно и считают основным фактором. Вряд ли, однако, это справедливо. Ведь после конца войны Сталин решительно отклонил предложение присоединиться к плану Маршалла, приманку миллиардных кредитов. А тогда Запад несомненно удовлетворился бы с его стороны несравненно меньшими уступками. По-видимому, были другие, более эффективные методы давления. И так как не видно, какое давление, кроме экономического, могло исходить извне (влияние «мирового общественного мнения» вряд ли можно принимать всерьез), то логично предположить, что это было давление советского еврейства, которое продолжает сохранять влиятельное положение в партийном и советском аппарате и которому советское руководство должно было идти на уступки, как бы болезненны они для него ни были.

Другим пробным камнем для выяснения отношения партии и еврейства является отношение СССР к государству Израиль. Казалось бы, оно такое, что хуже быть не может*. Но отбросим прежде всего пропагандную кампанию, ибо уж в политике-то «брань на вороту не виснет». Остается снабжение оружием и инструкторами врагов Израиля на Ближнем Востоке. Конечно, это болезненно для Израиля, когда из соседних стран время от времени террористы, снабженные советским оружием, совершают налеты на его территорию. Но на это Израиль может ответить такими же, только гораздо более эффективными налетами на территорию Ливана, Иордании, Сирии, Ирака. Серьезным является для него и для всего еврейства вопрос о том, могут ли угрожать соседи его существованию. Тут советская политика подверглась решающему испытанию во время арабско-израильской войны 1972 года. Когда после на-

* Это написано в 1970-е годы.

чала военных действий США начали массированную поставку вооружения Израилю, судьба войны решалась тем, вступит ли с ним СССР в гонку в этом отношении. Но СССР от гонки отказался, и арабы проиграли войну, чем была предрешена переориентировка президента Египта Садата на Америку, так как он увидел, что только таким способом может добиться хоть каких-то уступок. Опять СССР принял то решение, в котором было заинтересовано еврейство, хотя благодаря этому потерял свой самый мощный плацдарм на Ближнем Востоке — Египет. Мы видим, что в вопросах, жизненно важных с еврейской точки зрения, партия всегда уступала еврейству, как бы болезненна для нее эта уступка ни была.

С другой стороны, борьба партии за то, чтобы в какой-то мере сохранить независимость от еврейского влияния, продолжалась. Насколько серьезные социальные сдвиги вызывала до сих пор эта тенденция? Как пригодился бы здесь общинный, добросовестно обработанный статистический материал! Конечно, ничего подобного нет в нашем распоряжении. А картина, общее впечатление определяется еврейскими жалобами, раздающимися и здесь, и особенно громко на Западе. Но здесь приходят на память слова Достоевского о народе, который громче всех других умеет жаловаться. И так действительно было, начиная еще с античности. Например, Иосиф Флавий утверждает, что число убитых в Иерусалиме во время восстания, подавленного Титом, было 1 млн. 100 тыс. человек, в то время как, по подсчетам Тацита, все население Иерусалима — мужчины, женщины и дети — составляло лишь 600 тыс. человек. Подобную картину мы встречаем практически во всех странах, о которых удается получать сведения. Так, в начале XX в. в Германии газеты часто писали о неравноправном, ущербном положении евреев, существовали общества для его устранения. В то же время в средних школах (выше народной школы) училось в процентном отношении евреев в 4—5 раз больше, чем христиан, студентов было в 5,5 раза больше, профессоров и доцентов — в 20 раз. Евреи в среднем были в 3—4 раза богаче христиан, среди директоров крупнейших предприятий они

составляли 13%, в наблюдательных советах — 24%, а во всем населении — 1%. (Сведения взяты из книги В. Зомбарта.)

Мы уже напоминали, что в начале века Макс Нордау совершенно серьезно заявил, что евреи — самая нищая нация мира, беднее эскимосов. В 1911 году (на IX Сионистском конгрессе) он говорил о гонениях на евреев — «преступлении против миллионов невинных людей, не имеющем прецедентов в столь изобиловавшей избиениями “истории”(!). Теперь же даже нельзя понять, какие притеснения евреев он имел в виду. Даже сейчас, при неслыханном господстве евреев в США, там существует Антидиффамационная лига, ставящая себе целью бороться с дискриминацией евреев. Еще недавно она выступила с заявлением, что число евреев, занятых в банковском бизнесе, слишком мало, что этот бизнес является бастионом антисемитизма!

Так что мы не будем полагаться на усвоенную всем миром картину, а обратимся к тем крохам фактов, которые мы все же можем добыть.

По-видимому, не вызывает сомнений, что постепенно произошло вытеснение многих евреев из некоторых самых важных, ключевых позиций советского общества: верхушки партии (например, секретари обкомов), генералитета, самого верхнего слоя дипломатического корпуса, может быть, руководства КГБ. Но от этого еще очень далеко до дискриминации всего еврейского населения, до попыток понизить его социальный статус. (Почему, собственно, наличие значительной группы евреев в Политбюро или Совете Министров способствовало бы повышению статуса всех евреев? Для объяснения надо было бы предположить, что, занимая высокие посты, евреи действуют не как представители партии или государства, а как еврейские националисты, представители еврейства. Но именно такое заключение евреи обычно с негодованием отвергают как «антисемитское».) Как же обстояло дело? Здесь мы вступаем в область, где фактические сведения ничтожны. Безусловно, кое-где пытались ограничить прием евреев на работу, в некоторых (буквально, нескольких) высших учебных

заведениях ограничивался прием евреев. С другой стороны, несомненно, что во многих областях их влияние оставалось очень сильным. Например, в науке, в области идеологии. Так, в Академии наук, среди академиков и членов-корреспондентов евреи составляли более 10% (а во всей стране — всего 0,8%). Еще больше евреев было в Союзе советских писателей или Союзе советских композиторов. К сожалению, издаваемые у нас справочники, как правило, обходили вопрос о национальности (и я не могу придумать другого объяснения, как желание не заострять обсуждаемую здесь тему). Но вот попалось исключение: справочник Союза композиторов РСФСР за 1968—1972 гг. указывает национальный состав Союза (оплошность была исправлена, и в следующих изданиях эти данные исчезли). Мы узнаем, что на 1 июня 1973 года из 874 членов Союза русских — 484, евреев — 218, далее идут армяне — 34, татары — 25 и т. д., т. е. евреи составляют около $^1/_4$ всех членов Союза. В Ленинградской организации их даже более 36%, Московской — 28,5% за счет того, что в Чувашии — 0, Бурятии — 0, Воронежской организации — 0, Верхне-Волжской — 1 (на 20 членов) и т. д. Надо учитывать и самый принцип подсчета: национальность определяется опросом или по паспорту. А при таком принципе подсчета (принятом и при переписи) евреи составляли в 1970 году 0,8% населения. Сейчас большинство евреев по паспорту числятся русскими, следовательно, в действительности число евреев в Союзе композиторов РСФСР было гораздо больше: очевидно, что евреи составляли там большинство, а с полукровками подавляющее большинство. А в воспоминаниях одного жившего в то время композитора я нашел упоминание, что руководство Ленинградского Союза композиторов было: председатель Фингерт, ответственный секретарь Иохельсон, второй секретарь Кессельман, организационный секретарь Курц.

Сошлюсь также на недавнюю книгу В. Топорова. В предисловии автор сообщает, что он стопроцентный еврей, крещен няней, которая была за это уволена, атеист и русский патриот. То есть он всюду чувствует себя не своим, и это тол-

кает его на своеобразные наблюдения, часто маскируемые под фраппирование читателя (подзаголовок книги — признания скандалиста). Так, он пишет:

> *«Мелкобуржуазная масса местечкового еврейства образовала главный кадровый резерв социальной — пролетарской по самоназванию и целеположению — революции».*

А обращаясь к предполагаемому собеседнику-еврею, говорит:

> *«Отвергни обвинение в еврейском иге 1917—1937 годах — такого ига не было. Хотя об исключительном еврейском преобладании в карательной и пропагандистской системах самореализующейся Утопии тоже не забывай».*

И конкретно он сообщает о «предперестроечном» времени:

> *«Ленинградская писательская организация процентов на восемьдесят состояла из явных или замаскированных евреев».*

Как материальное, так и социальное положение (возможность получить лучшую работу, учиться) гораздо выше у городского населения, чем в деревне, особенно это относится к большим городам, а население Москвы представляло собой (как и сейчас) избранную элиту. Поэтому важной социальной характеристикой положения любой группы населения является ее распределение между деревней, городом, большими городами и Москвой. В связи с этим приведем данные из еврейского самиздатского журнала «Культура»:

> *«Практически все евреи (96—98%) живут в городах, причем в больших городах в непропорционально большем количестве, чем в малых и средних».*

Дальше автор приводит цифры: на Украине евреи составляют менее 3% населения, а в Киеве — 10%, в СССР (и РСФСР) — 1%, а в Москве — 3,5%.

Мы приведем некоторые цифры, относящиеся к вопросу об образовании. Это, конечно, лишь один из многих аспектов проблемы но он типичен для общего положения, и, пожалуй, именно по этому поводу тогда было больше всего протестов. При этом, чтобы наши сведения были гарантированно непредвзятыми (или, вернее, чтобы их предвзятость могла быть лишь односторонней), мы будем брать их только из еврейских источников.

В издающемся в Израиле на русском языке журнале «Время и мы» опубликована статья И. Домальского. В ней автор сообщает (ссылаясь на советский статистический ежегодник «Народное хозяйство СССР»), что в 1972/73 учебном году в СССР было 4630,2 тыс. студентов, из них евреев — 88,5 тыс., т. е. 1,9%. Если учесть, что по переписи 1970 года евреи составляют 0,8% населения, то мы видим, что даже по этим данным процент евреев среди студентов более чем в два раза превосходил их процент среди населения. О доступе к аспирантуре и далее к научной деятельности говорят другие сведения из той же статьи (здесь автор ссылается на не поступившую в открытую продажу брошюру «Статистические материалы к юбилею Академии наук СССР»). Среди научных работников в 1973 году евреи составляли 6,1%. Значит, их процент был в 7,5 раза больше, чем их доля в населении! (Интересно, что автор, видимо с неодобрением подчеркивает, что русские составляли 66,7% научных работников, составляя лишь 53,0% населения страны, т. е. их процент в 1,2 раза больше доли в населении!)

И в более поздней книге Р. Рывкиной сообщается, что процент еврейских студентов постоянно сокращался — с 7,5 в 1927 году до 3,7 в 1959-м и 2,18 в 1962-м. В то время как доля евреев в населении была меньше 0,2%. Она пишет:

«Они активно использовали предоставленные им права и за годы советской власти, успешно интегриро-

вавшись в социальную структуру советского общества, достигли многого.

Первые послевоенные годы вызвали грандиозный всплеск социальной активности евреев».

Этот «всплеск», как она говорит, и позже создал своего рода каналы для последующей, более плавной интеграции евреев в российское общество.

Автор приводит резюме:

«Евреи занимали весьма видное место в структуре советского общества: доля евреев среди ученых, работников вузов, медицинских работников была значительно большей, чем в среднем среди городского населения страны».

(Заметим, что сравнение происходит только с городским населением). Например, научных работников и преподавателей вузов среди евреев было почти в пять раз больше, чем среди городского населения.

В другом номере того же журнала «Время и мы» приведено интервью с социологом Зеевом Кацом, преподающим советскую социологию в Иерусалимском университете. Упомянув, что в Соединенных Штатах от 80% до 90% евреев получили за последнее десятилетие высшее образование и что положение примерно таково и во Франции, Италии, Аргентине, Румынии, автор продолжает:

«То же относится к молодому поколению евреев в Советском Союзе. Примерно 70% заканчивает университеты и институты, являясь наиболее образованной частью молодежи в СССР (выделено мною. — И. Ш.)».

Все факты, которые мне известны, подтверждают верность последнего наблюдения. И даже гораздо шире: евреи в СССР в 70-е и 80-е годы являлись самой привилегированной соци-

альной группой в области образования, доступа к престижным сферам деятельности, материального благосостояния. Они жили в городах, в основном крупных, и почти они одни обладали возможностью эмиграции. Конечно, это положение они отстаивали в борьбе и соревновании с сотрудниками других национальностей советского и партийного аппарата, видевших в них опасно влиятельных конкурентов и соперников. Но нас-то сейчас интересует результат этой конкуренции…

Да и в самой власти позиции еврейства были весомы. Например, у Брежнева были два внешнеполитических советника. В обязанности одного входило формулировать внешнюю политику СССР по отношению к Западу, другого — к Востоку. Оба они — евреи.

После краха коммунистического строя возникла целая литература, описывающая притеснения, которым евреи тогда подвергались. Типичным примером является книга с драматическим названием «В плену у красного фараона», из которой мы приведем несколько выдержек (они относятся, правда, только к периоду до смерти Сталина). Там приводятся письма-доносы в «вышестоящие инстанции» или заключения комиссий, созданных в ответ на подобные «сигналы». Вот примеры содержащихся там утверждений:

«В Большом театре:
Директор (и.о.) — Леонтьев — еврей
Главный дирижер — Самосуд — еврей
Дирижер — Файер — еврей
Дирижер — Мелик-Пашаев — армянин
Дирижер — Штейнберг — еврей
Дирижер — Небольсин — русский
Замдиректора филиала Б.Т. — Габович — еврей
Худ. рук. балета — Мессерер — еврей
Зав. хором — Купер — еврей
Зав. оркестром — Кауфман — еврей
Главный концертмейстер — Жук — еврей
Главный администратор — Садовников — еврей

В редакции «Комсомольской правды»: половину среди руководящих работников составляли русские и половину евреи.

В редакции газеты «Труд» в результате гонений численность евреев, работавших в редакции, с 50% в 1950 год сократилась до 20% в 1951 году.

В медицине: в Москве имеется 3 института психиатрии, 4 клиники и 5 нервно-психиатрических больниц. В руководстве всех этих учреждений, за исключением одного института, стоят врачи еврейской национальности».

Я сам был современником таких кампаний, часто, в их индивидуальном аспекте, очень несправедливых, так как сплошь да рядом с работы увольняли (или переводили на другую работу) как раз более порядочных людей. Много раз я тогда задавался вопросом: что это такое? Инициатива снизу или инструкция сверху? И в конце концов пришел выводу, что и то и другое. На всех уровнях шла борьба за «место под солнцем», и не только для себя, но и для своих детей.

Процесс, собственно говоря, был совершенно естественный, начавшийся еще во время Великой Отечественной войны. Масса русских стала пробиваться к власти, в частности, в партию. Возникла еврейско-русская конкуренция, в основном не называемая вслух, долго продолжавшаяся с переменным успехом. Эти партийные русские, лишенные национального самосознания, робко останавливавшиеся перед ясной формулировкой своей идеологии, казалось бы, не имели никаких шансов против еврейской сплоченности, несущей еще следы «классического иудаизма» и кагальной организации. Но в их руках оказались механизмы, созданные гораздо раньше, в 20-е и 30-е годы, для борьбы, в основном, с русскими социальными группами: потомками дворян, священников и т. д. Это была всепроникающая система детальных анкет, «спецотделов» во всех учреждениях и т. д. Они и воспользовались этим орудием для борьбы со своими еврейски-

ми конкурентами. Их предки, русские дворяне, священники, крестьяне, может быть, побрезговали бы использовать такие средства. Но это было поколение, уже рассматривавшее сложившийся стиль жизни как нечто заданное. Да и во власть, в партию, как правило, стремились не самые чистоплотные. В результате еврейство оказалось в основном вытесненным из некоторых сфер жизни, которые оно рассматривало как законно себе принадлежащие: верхи КГБ, армии, дипломатического корпуса, из некоторых престижных столичных вузов. Конечно, это было совсем не похоже на истребление дворян, священников, «старых интеллигентов» 1918—1920 годов или коллективизацию. Но для «еврейства», для тех, кто находился «в еврейской сфере», это воспринималось как нечто чудовищное, неслыханное (думаю, вполне искренно). И еврейство с возмущением отшатнулось от коммунистического строя. Это был поворот, заметный во всей жизни. Я помню, как обратил внимание: раньше (например, до войны) в присутствии еврея (или состоящего в браке с еврейкой или евреем) отрицательно о строе старались не говорить. И далеко не всегда из страха, что донесет, но это казалось нетактичным, как говорить при человеке о легкомысленных похождениях его жены. А в 1960-70-е годы еврей — это был обычно скептик, ничего хорошего не ожидавший от «этого строя» или «этого народа».

Тогда появилось так (впоследствии) называемое правозащитное движение. Казалось бы, в жизни действительно было много несправедливостей и, в основном, касающихся вовсе не евреев: колхозники не имели паспортов, притеснялась религия и т. д. Но в этом «движении» евреи оказались представленными совершенно непропорционально. Взять хоть нашумевшие процессы того времени: Даниэль и Синявский, Гинзбург и Галансков и т. д. То есть положение было похожим на то, что было в революционном движении до 1917 года. И, что важнее, в результате из всего движения стали слышны лишь требования свободы эмиграции — в основном это была еврейская эмиграция.

Да и само мощное стремление евреев к эмиграции указывало на изменение их положения в СССР, вызывавшее их неудовлетворенность и недовольство. Это недовольство ярко отразилось в публикациях эмигрировавших евреев. В моей старой работе «Русофобия» приведено много примеров презрительных, прямо враждебных высказываний новых эмигрантов о России и русских. Мне кажется, что их настроение наиболее точно уловил поэт И. Бродский, сказавший о России:

«Где, грубо говоря, великий план запорот».

Видимо, существовали какие-то (быть может, смутные, явно не сформулированные) ожидания по поводу России, в которые русские упорно не захотели вписаться. Читая произведения издающихся на Западе еврейских авторов, я часто тогда поражался, что русские вызывают большую ненависть, чем немцы. Так, Зинаида Шаховская приводит цитаты из произведения «Поздняя любовь» Амос Оза, где автор предается фантазиям о том, как еврейские танки идут по России:

> *«Дрожит и стонет русская земля. Рушатся и падают церкви. Киев, Харьков, Приднепровье, Ростов — все повержено, все сметено с лица земли. Месть! Месть!»*

В этом котле эмоций и сложилась тогда концепция о преследовании евреев в СССР или даже о преследовании евреев как главном преступлении коммунистического режима.

Но эта эмиграция по масштабам не шла ни в какое сравнение с многомиллионной дореволюционной еврейской эмиграцией. Подавляющая часть еврейского населения осталась в СССР и продолжала вести упорную борьбу за сохранение своего привилегированного положения. Тогда существовали десятки и сотни путей, чтобы преодолеть меры, предпринимаемые конкурирующей частью аппарата. Вот запомнившаяся история тех времен.

Дочь одного знакомого работала в журнале, регулярно публиковавшем письма читателей. Туда приходило много писем, где раздраженные авторы полностью выписывали еврейские фамилии, имена и отчества тех, кого обвиняли в каких-то махинациях. А начальником отдела, куда шли письма, был еврей. Вот он вызывает девушку и спрашивает:

— Деточка, ведь вы не антисемитка?

— Конечно, нет!

— Так зачем заострять внимание на этих пошлых выпадах? Вы меняйте фамилии на какие-нибудь обычные — ну, там Сидоров или Петров.

И вот выходит журнал с описаниями приключений мифических Сидоровых и Петровых…

Были и другие пути, основанные на влиянии, сохранившемся в аппарате ЦК и вообще во власти. Время от времени те, кто слишком рьяно пытался расчистить место для «русских кадров», платились карьерой. Ярким примером была судьба партийного философа Г. Ф. Александрова — одно время главы Агитпропа и министра культуры СССР. Даже Сталин явно с осторожностью нащупывал здесь свою линию. Так, писатель Симонов говорит в воспоминаниях, что однажды, когда при присуждении Сталинских премий Маленков назвал настоящую (еврейскую) фамилию писателя, печатавшегося под псевдонимом, Сталин оборвал его, сказав, что этого делать не нужно. Да и позиция Симонова явно была лавированием между двух полюсов влияния.

С еще другой стороны, сложившуюся ситуацию характеризует любопытный факт, на который обращает внимание в своей книге Солженицын. В 1955 году был переиздан «Толковый словарь» Даля. На обложке написано: «набрано и напечатано с издания 1880—1882 гг.». Но текст, связанный со словом «жид» и производными от него — «жидовский» и т. д., пропущен (почти целая страница). Чтобы при этом не нарушалась нумерация страниц, потребовалась большая и координированная работа: редакторов разных уровней, ответственных за набор и т. д. Да ведь тогда каждое издание проходило

через цензуру (Главлит). Как это все было скоординировано, как обеспечено, что никто не задал вопроса? При том, что, например, слова «кацап» и поговорки вроде «С москалем дружи, а камень за пазухой держи» — остались. Что тут было такого неприемлемо-оскорбительного — ума не приложу. Вот воистину какое-то ритуальное действие!

Как же реагировало еврейство и, с другой стороны, коммунистический аппарат на проявившееся разделение интересов? Реакция еврейства (как всегда) была очень резкой. В несколько лет из опоры строя оно превратилось в наиболее активную оппозиционную группу. Ярким признаком является необычайное по численности участие евреев в «диссидентском движении». Не вдаваясь в анализ этого сложного явления, отметим, что громадным еврейским участием были отмечены далеко не все «неправительственные» действия того времени. Например, когда речь шла о борьбе с загрязнением Байкала, с проектом поворота русских рек, даже с алкоголизмом, с бессмысленным притеснением Церкви, тут нельзя было сказать, что евреи более активны, чем другие. Энергия главным образом концентрировалась на действиях заведомо тогда запретных, внешне-протестного характера: демонстрации, пресс-конференция для иностранных корреспондентов, издание журнала (чаще всего дело кончалось одним номером). Несколько лет издавался самиздатский журнал «Хроника», описывавший преследования тех, кто совершал подобные действия. И доминировали темы: «запрет еврейской эмиграции», «еврейским детям закрывается доступ к образованию», «в СССР растет антисемитизм». Эти же темы подхватывались западной прессой и особенно радио, а таким способом во многократно усиленном размере пропагандировались внутри страны. Еврейская ориентация всего этого движения видна из списка наиболее разрабатываемых тем, из имен авторов, да и по другим признакам. Например, в 1971 году В. Н. Осипов начал издавать самиздатский журнал «Вече» (редкий журнал, не связанный с еврейской темой, издававшийся 2 года). Немедленно в «Хрони-

ке» появилось сообщение, что начал выходить самиздатский журнал «националистически-антисемитского направления», причем сообщение было сразу повторено западными радиостанциями. У Осипова сохранились еще связи (по лагерю) с кем-то из издателей «Хроники», и он обратил их внимание на то, что в журнале вообще о евреях не говорится. Тогда в следующем выпуске «Хроники» появилась поправка от имени редакции, что «Вече» — журнал не антисемитский, хотя и националистический. Иностранные радиостанции, конечно, об этой поправке уже не сообщали. По латинской поговорке: «После этого не значит вследствие этого», трудно не сопоставить с этим «расхождением», что в то же время быстро и радикально изменилось отношение западной интеллигенции к коммунистической власти в СССР. После войны Сартр писал, что слухи о концлагерях в СССР следует игнорировать, так как «это может привести к отчаянию французского пролетариата». Но в 80-е годы книги на эти темы становятся все популярнее — просто бестселлерами. Например, один из французских левых, Пьер Дэкс, в период «сердечного согласия» разъяснявший, что лагеря в Советском Союзе — это свидетельство полного устранения эксплуатации человека человеком, теперь писал восхищенное предисловие к «Одному дню Ивана Денисовича». Оценка коммунистического строя меняется от «блистательного эксперимента» до «империи зла». И есть основания видеть источник этого изменения в расхождении коммунистической власти и еврейства. Например, левый публицист Исаак Дейчер пишет в биографии Сталина, когда доходит до «дела врачей»:

> *«Теперь Сталин нанес удар по самому корню той идеи, которой жила революция, государство и партия; он уничтожил как свидетельство о революции, так и грамоту, подтверждающую идеологическую правомочность его режима. Этим действием сталинизм совершил самоубийство еще до смерти своего создателя».*

Как ни сильно это сказано, а похоже, что близко к истине. Свою репутацию в глазах Запада Сталин, кажется, тогда погубил. Были затронуты, очевидно, какие-то жизненно важные центры, в частности, определявшие оценку советской жизни западным общественным мнением. Как корабль, хорошо слушающийся своего кормчего, это общественное мнение стало решительно менять свой курс. И скоро корабль уже уверенно двигался в новом направлении. Газеты пестрели заявлениями эмигрантов, рассказывающих о несправедливостях и жестокостях советской жизни. Американский сенат принял резолюцию о расчленении СССР. Левые французские философы, вроде Глюксмана и Леви, уверенно выступали с обвинением сталинистов. Даже среди западных коммунистов появилось течение еврокоммунизма, стремящееся в чем-то отмежеваться от советских образцов.

Какова же была реакция коммунистической власти? Далеко не симметричной! Даже в пропагандистской литературе было запретно упоминать о еврейском влиянии. Было изобретено выражение «сионизм», формально использующее название еврейского течения, имевшего цель — создать свое государство, но иногда как бы намекавшее на еврейство вообще. Эта робость доказывает, что власть не противопоставляла себя еврейству, не ощущала его своим противником. В то время как евреи, эмигрировавшие из СССР, заполнили «русскую» редакцию «Радио Свобода» и там отчетливо клеймили коммунизм рабским и бесчеловечным строем, советские пропагандисты робко лепетали о «сионизме», упрекая его в вечной враждебности к социализму и коммунизму (Марксу, Троцкому?). То есть из двух оппонентов (отражавших позицию еврейства и коммунистической власти) один ничем не выражал опасения вызвать непоправимый разрыв, а другой явно был скован этим страхом.

Так в 80-е годы коммунистический режим полностью утратил ту мощную внутреннюю и общемировую еврейскую поддержку, которой он пользовался в течение многих десятилетий.

Глава 14

Современный Запад
(После Второй мировой войны)

1. Создание государства Израиль

Конец Второй мировой войны совпал с резким усилением еврейского влияния на Западе. Наиболее ярким событием в этом направлении было создание государства Израиль. Новое государство было создано решением Совета Безопасности ООН в 1948 году. Согласно этой резолюции в Палестине предполагалось создать два государства — еврейское и арабское, а Иерусалим поставить под международный контроль. Из этих положений до сих пор реализовалось лишь одно — создание еврейского государства. Иерусалим оккупирован Израилем и объявлен его столицей. Более 1000 лет тому назад тогда нищая Европа выступила против гораздо более богатого Востока и хоть на какое-то время отвоевала свои святыни. А теперь цивилизация, называющая себя христианской и по видимости господствующая над миром, мирится с тем, что Святой для христиан Город захвачен государством, где положение христианства очень близко к тому, которое было в Советском Союзе, и где, например, возможно публичное сожжение Евангелия согласно предписаниям Талмуда (Шахак приводит случай ритуального сожжения 13 марта 1980 года в Иерусалиме сотен экземпляров Евангелия членами религиозной группы Яд Ле'ахим, субсидируемой министерством Израиля). При этом обе сверхдержавы — США и СССР — поддержали решение. Более того, в сразу же возникших арабо-израильских столкновениях обе они оказывали военную помощь еврейской сторо-

не. Дуглас Рид приводит цитату из газеты «Нью-Йорк геральд» (от 5 августа 1948 г.):

> *«…Россия оказала конкретную помощь, когда в ней была наибольшая нужда… Россия открыла свои склады вооружения Израилю… На параде еврейских частей в Тель-Авиве на их плечах красовались новенькие чехословацкие винтовки».*

О советском снабжении оружием еврейских организаций в Палестине еще до 1948 года рассказывает в воспоминаниях советский разведчик высшего ранга П. Судоплатов.

Нахум Гольдман, которого мы уже цитировали, вспоминает:

> *«Без Советского Союза государство Израиль вообще не существовало бы. И не столько потому, что русские голосовали за его создание, сколько благодаря тому, что во время арабского вторжения в 1948—1949 годах все вооружение Израиль получал из коммунистических стран».*

Бен Гурион со всегдашним своим мужеством об этом напоминал:

> *«Если сейчас я принимаю вас в еврейском государстве, — сказал он журналистам Израильского телевидения, — то этим мы обязаны гораздо больше Советскому Союзу, чем Соединенным Штатам, ибо во время нашей войны за независимость, когда мы были окружены арабскими армиями, мы не получили из США ни одного ружья».*

К тому времени уже, вероятно, всем в мире было ясно, что еврейское государство в Палестине не сможет собрать всех неассимилировавшихся евреев мира, оно способно было

лишь осуществить старый замысел Ахад-Гаама — стать государственным центром мирового еврейства.

С другой стороны, возникновение еврейского государства создавало ряд болезненных проблем. Во-первых, теперь каждый человек, считающий себя евреем и не переехавший в Израиль (а таких, по чисто материальным соображениям, всегда будет большинство), оказывался перед лицом вопроса: гражданином какой страны он себя считает? Теперешний выход, допускающий «двойное гражданство», можно объяснить только распадом общественного сознания, затронувшим его основные категории. Родина у каждого может быть только одна, так сказать, по определению, как пол у каждого только один. Конечно, в обоих случаях возможно некоторое промежуточное состояние, но это патология, как правило болезненная и для того, кто в этом состоянии оказался, и для окружающих. Какие бы штампы в паспорт ни ставить, чувство родины у большинства людей сохраняется прежним. Запись в графе «пол» не изменит отношение человека к этому «пункту». И не только в сознании еврея, не живущего в Израиле, возникает вопрос о его истинной родине, но и в сознании окружающих. Какое-то время можно такие вопросы из общественного сознания вытеснить, фактически добиваясь для евреев особого положения сравнительно с другими народами. Но такое табуирование болезненно и само разрушает общество.

Во-вторых, создание еврейского государства в Палестине сделало очевидной проблему, до того замалчивавшуюся, — проблему того народа, который там уже жил. Мы видели, что противоречия были, и проявлялись в кровавых арабо-еврейских столкновениях (уже в 1920-е годы). Еще раньше произошел любопытный инцидент. На мирной конференции в Версале состоялась встреча сионистской делегации с Советом десяти (представителями основных стран-победительниц). Неожиданно один из членов сионистской делегации Сильвэн Леви напомнил, что в Палестине уже живет 600 тыс. арабов, приезжающие евреи богаче и приобретают собственность арабов, а принятие принципа «национального очага» поднимет опасный

вопрос о правах евреев на всю эту землю. После этого другие члены делегации не подали ему руки на прощание. Однако сам вопрос о «национальном очаге» был спасен вмешательством американского государственного секретаря Лансинга.

Но в целом, создание нового государства — это был эксперимент, начатый «на чистом месте», без груза травмирующих исторических воспоминаний. Число евреев, живших в Палестине под властью Оттоманской империи, было ничтожно (несколько тысяч человек), и еврейские переселенцы могли заново сами создавать свои отношения с окружающим народом — арабами.

Основатель современного сионизма Герцль, по-видимому, имел в виду создание чисто светского еврейского государства, в котором собралось бы большинство евреев мира, получив таким образом, наконец, возможность жить в собственной стране. Вскоре, однако, стала ясной неосуществимость этого плана. Такие представители сионизма, как Ахад-Гаам и Бубер, переносили центр тяжести на духовную сторону, рассматривая переселение в Палестину как конструирование модели новых отношений евреев с другими народами. Так, в 1921 году XII Сионистский конгресс в Карлсбаде принял под влиянием Бубера резолюцию, в которой говорилось:

> *«Два великих семитических народа, которые уже некогда объединяло культурное творчество, сумеют и в час их возрождения объединить свои жизненные интересы в общем деле».*

Резолюция кончалась так:

> *«Конгресс категорически заявляет, что еврейская колонизационная работа не затронет права и интересы арабского народа».*

Однако вскоре Палестину захлестнула волна еврейского терроризма, цель которого была доказать невозможность со-

вместного существования евреев и арабов и заставить Великобританию поделить Палестину на два государства. Резолюция же XII конгресса вытаскивалась на свет только тогда, когда надо было доказать британским властям, что увеличение еврейской иммиграции ничем не грозит арабам. Ахад-Гаам писал тогда:

> *«Великий Боже, так вот к какому концу мы пришли! Неужели такова цель, к которой стремились наши отцы, ради которой страдало столько поколений? Неужели это и есть мечта о возвращении в Сион, которую тысячелетиями лелеял наш народ? Вернуться в Сион, чтобы полить его почву невинной кровью… Если это "Мессия", то я не хочу дожидаться его явления».*

В 1938 году Бубер писал:

> *«Все больше голосов повторяют: с волками жить — по-волчьи выть. Они забывают, что мы приехали сюда, чтобы опять стать людьми».*

В 1948 году он протестовал против распространенной среди евреев точки зрения, что в арабо-израильском конфликте они — жертвы:

> *«Кто на нас напал? По сути те, кто ощущали себя жертвами нашей агрессии. Они называли нас разбойниками, а мы им отвечали, что эта земля принадлежала нам 2000 лет назад. Перестанем играть словами! Правда заключается в том, что мы сами начали с мирной агрессии, когда проникли в страну».*

Еврейский деятель Роберт Велч так описывает наступившие события:

> *«Вместо "общности интересов", сотрудничества народов и "общей родины" — оказалась смертельная ненависть и вражда, передающаяся из рода в род. $^{1}/_{2}$ млн.*

арабов бежали из Палестины, арабские деревни сравнивались с землей, арабские земли, по праву войны, как "имущество без хозяина" переходили в руки еврейского государства и раздавались новым иммигрантам или "округляли" уже существовавшие еврейские владения».

И действительно, арабо-израильское противоборство в Палестине стало самым продолжительным военным конфликтом XX века. Сейчас беженцами стали 2,5 млн. арабов, убито более 100 тыс. человек. Палестинских арабов поддерживает (по крайней мере, им сочувствует) весь исламский мир, где действуют некоторые террористические организации. Ими был совершен ряд жесточайших террористических актов: взрыв автобуса, в котором ехали школьники, убийство спортсменов на Олимпиаде, убийства отдельных лиц. Как на это отвечало вновь возникшее государство Израиль? Такими же террористическими актами, обычно лучше организованными и технически оснащенными. Впервые за последний век (если исключить гитлеровскую Германию) появилось государство, открыто не признающее никаких норм и законов. При этом весь мир мирится с тем, что в другом случае вызвало бы жесточайшие репрессии: с убийством представителя ООН Бернадотта, бомбардировкой ядерного центра в Багдаде, оккупацией части Ливана, резней арабов в Палестине, похищением людей и т. д. Для сравнения напомню: после погромов 1938 года в Германии («хрустальная ночь»), тоже вызванных терактом против немецкого дипломата, известный социолог Клаудиус Мюллер опросил (с обязательством сохранения тайны) 41 члена национал-социалистической партии об их отношении к этому событию. Из них 63% выразили безусловное возмущение, 32% дали неопределенный ответ и только двое одобрили погром, «так как на террор надо отвечать террором». Вот позицию этих двух самых крайних нацистов разделяет государство Израиль. В конце XX в. ту же позицию отрицания международного права усвоили и США, и НАТО (Ирак, Сербия, Афганистан). Конечно, главной причиной был распад СССР, ис-

чезновение противовеса. Но нельзя недооценивать того, что в течение полувека существовал прецедент, хотя и с протестами, и возмущением, но принимавшийся всем миром.

Таким образом, не только как фактор еврейской истории, но и для осознания истории всего человечества важно понять логику такой особенной политики государства Израиль, причем с самого момента его возникновения. Объяснение этого предлагает Израиль Шахак в книге, которую мы раньше цитировали. Он видит причину в том, что сионизм, возникший в эпоху Герцля и Вейцмана как чисто национальное и светское течение, для укрепления своих позиций постепенно все больше стал опираться на поддержку влиятельных ортодоксальных раввинов и «классического иудаизма». Постепенно его основой стала так называемая еврейская идеология, вытекающая из принципов «классического иудаизма», какой описан в гл. 4. В частности, оттуда заимствованы принципы отношения евреев к неевреям, содержащиеся в талмудической литературе. Эта концепция используется и политиками в своих целях. Например, как говорит Шахак, Бен Гурион был атеистом и даже бравировал своим пренебрежением религиозными правилами, но во время войны 1956 года он объявил в кнессете, что истинная цель войны — «восстановить царство Давида и Соломона», причем при этих словах почти все депутаты встали и запели гимн Израиля. Такой же религиозный исток имеют и неоднократно формулировавшиеся требования «библейских границ», которые простираются (в максимальных размерах) в Египте — до окрестностей Каира, в Ираке — до Ефрата, в Турции — до озера Ван, включают Ливан и Сирию, Иорданию, Кувейт, Кипр.

Главной идейной основой как внутренней, так и внешней политики государства Израиль является, как считает Шахак, наследие талмудических законов. Он пишет, что в детстве изучал талмудические правила об отношениях евреев к неевреям, и пишет:

> *«Мне представляется, что ни сионизм, включая и его по видимости светский аспект, ни израильская по-*

литика, начиная с самого основания государства Израиль, ни позиция, усвоенная поддерживающей Израиль диаспорой, не могут быть поняты, если не принимать во внимание глубокого влияния этих законов и принципов того общества, которое их создало и которое они отображают… Существование в виде центра политики Израиля важной компоненты, основанной на "еврейской идеологии", делает ее изучение политической необходимостью. Эта идеология, в свою очередь, основывается на отношении исторического иудаизма к неевреям… Она необходимо влияет на многих евреев, независимо от того, осознают ли они это сами.

Жесткое отношение классического иудаизма к неевреям глубоко влияет на его последователей: не только ортодоксальных евреев, но и тех, кого можно назвать эпигонами: сионистов. А через их посредство влияет и на политическую ориентацию государства Израиль…»

В книге приводится множество примеров конкретного осуществления такого влияния, из которых мы можем привести лишь несколько.

Прежде всего, это связано с принципом, рассматривающим государство Израиль как «еврейское государство»:

«Положение, делающее Израиль "еврейским государством", имело с самого начала первостепенное значение для израильских политиков и внушалось еврейскому населению всеми возможными способами…»

В 1985 году кнессет принял подавляющим большинством конституционный закон (т. е. имеющий большую силу, чем какой-либо другой), согласно которому к парламентским выборам не допускается партия, программа которой отрицает принцип «еврейского государства» или предлагает изменить его демократическим путем. Принцип «еврейского государства» заключается в том, что Израиль «принадлежит»

(это официальный термин) лицам, признанным «евреями» израильскими властями, причем независимо от места проживания этих лиц. Обратно, Израиль официально «не принадлежит» его нееврейским жителям. Согласно израильскому праву, «евреем» считается тот, у кого мать или бабка, или прабабка (по материнской линии) — еврейка, или же лицо, обращенное в иудаизм путем процедуры, признанной удовлетворительной израильскими властями. Согласно основополагающему Закону о возвращении, такое лицо, прибыв в Израиль, автоматически получает гражданство. Например, может быть избрано в кнессет, хотя бы оно не знало ни одного слова национального языка.

Лица, официально признанные «евреями», обладают, сравнительно с другими жителями Израиля, рядом преимуществ в праве выбора места жительства или при получении работы, вообще эта категория жителей и остальные жители государства не равны перед законом. Так, 92% территории Израиля принадлежит государству и управляется Израильской земельной администрацией (Izrael Land Autority) согласно нормам, установленным Национальным фондом (Jewish National Fund), органом Всемирной сионистской организации. Эти нормы запрещают право на жительство и на открытие предприятия нееврею — исключительно по этой причине. Как пишет Шахак: «Такая дискриминация формулируется во множестве законов, даже если они — несомненно, чтобы обойти “проблемы” — явно не пользуются терминами “еврей” и “нееврей”. Однако эти термины четко содержатся в Законе о возвращении и другие законы могут просто говорить, например, о “гражданстве, полученном в порядке возвращения на родину”.

Идеологически основой является концепция «выкупа» (или искупления?) земли. Как пишет Шахак:

> *«С начальной школы еврейским детям внушается, что эта великая идея применима не только на всем пространстве государства Израиль, но и на том, что после 1967 года стали называть “земли Израиля”.*

Официальная идеология признает «выкупленными» (или спасенными) земли, ставшие собственностью «евреев», хотя бы они находились в частной собственности, в собственности еврейского государства или Еврейского национального фонда. Остальные земли считаются «не выкупленными» (или оккупированными). Идея «выкупа» или «спасения» всей земли, т. е. перехода всей ее в собственность евреев, неоднократно, в качестве окончательной цели, высказывалась рядом сионистских лидеров. Как формулирует Шахак:

> *«Утопия этой "еврейской идеологии", принятой государством Израиль, считает, следовательно, целью — землю, полностью "спасенную", никакая часть которой не принадлежит и не обрабатывается неевреями».*

Как идеологию, так и практику государства Израиль Шахак считает невозможным даже сопоставить с режимом апартеида в Южной Африке (еще существовавшим во время написания его книги). В Южной Африке считалось, что 87% земли «принадлежит» белым, а 13%, в принципе, — черным, и там существуют официально суверенные государства, называемые «Бантустан». Но «еврейская идеология» не признает «принадлежности» ни одной пяди земли Израиля неевреям. За ними не признается права на какие-либо символы суверенитета — и это проводится в жизнь неукоснительно. Шахак приводит пример, когда в 1974 году шейх Хеброна устроил празднество, куда были приглашены арабские вожди, склонные к компромиссу с Израилем. По этому случаю его дворец был украшен его флагами. Но еврейские группы обратились с протестом к Голде Меир и Моше Даяну, указывая, что флаги «нееврейского государства» не могут подниматься на земле Израиля, это противоречит священным принципам, согласно которым земля «принадлежит» только евреям. Так как эти принципы признаются всеми сионистами, то правительство вынуждено было запретить шейху вывешивать свои флаги, он, оскорбленный,

отменил прием, и вся Арабская Лига заняла более жесткую антиизраильскую позицию.

В основе такой политики лежит, согласно Шахаку, традиция «классического иудаизма», какой сложился к началу II тысячелетия после Р.Х. В частности, выработанные там принципы отношения к неевреям. Он пишет:

> *«Всякий, кто жил в Израиле, знает, до какой степени эта позиция ненависти и жестокости по отношению ко всем язычникам укрепилась и широко распространилась среди евреев страны. Как правило, эти чувства не демонстрируются внешнему миру. Но после основания государства Израиль, войны 1967 года и увеличения власти Бегина, определенное меньшинство евреев, как в Израиле, так и вне его, стало более четко высказываться на эту тему. В последние годы антигуманные концепции, согласно которым рабство есть "естественная" участь язычников, публично высказываются в Израиле, даже на телевидении — еврейскими землевладельцами, эксплуатирующими рабочую силу арабов, в частности, детей».*

2. США и Западная Европа

Эти болезненные тенденции государства Израиль не имели бы слишком большого значения для остального мира, подобно «фундаменталистским» принципам, которыми руководствуются некоторые исламские государства. Но разница заключается в том, что Израиль стал центром всего мирового еврейства и оказывает на него сильнейшее влияние, а через него — на весь мир. То, что происходит в Израиле, обнаженно показывает, — что же происходит во всем еврействе.

Опять цитируем Шахака:

> *«Если действенность "еврейской идеологии" зависит от относительной силы Израиля, то последняя,*

в свою очередь, определяется, в значительной степени, поддержкой Израиля евреями диаспоры и, в частности, в Соединенных Штатах…

Сильное давление, оказываемое организованной еврейской общиной США в пользу любой израильской политики, должно учитываться любой американской администрацией при выработке политики на Ближнем Востоке. То же явление заметно в Канаде, не имеющей серьезных собственных интересов на Ближнем Востоке, и которая тем не менее еще более абсолютно поддерживает Израиль, чем США. В этих двух странах (а также во Франции, Англии и многих других странах) еврейские организации поддерживают Израиль с той же нерушимой верностью, с которой до последнего времени коммунистические партии были преданы СССР… В Израиле хорошо известно, что произраильский шовинизм и фанатизм, распространенный среди организованных евреев диаспоры, намного превосходит шовинизм израильских евреев. Этот фанатизм особенно ярко выражен в Канаде и США…

Но откуда этот шовинизм, часто экстремистский, одной части американского еврейства, но не разделяемый другой? Надо принять во внимание общественное, а значит, и политическое значение еврейских организаций "закрытого" типа: туда в принципе не допускаются нееврейские члены… Это те, кого можно назвать «организованные» евреи. Они большую часть времени, когда не заняты на работе, проводят в обществе других евреев, поддерживая, я думаю, психологию еврейской исключительности и принципы классического иудаизма по отношению к неевреям. Они, конечно, не могут свободно высказывать эти принципы в США, где неевреи составляют более 97% населения. Но их истинные чувства зато "компенсируются" поддержкой "еврейского государства" и их отношением к неевреям на Ближнем Востоке».

Ярче всего подобное положение проявляется в США, о которых критик Кэйзин написал в журнале «Ньюсуик» еще в 1971 году:

> *«Я не думаю, что где-либо в истории еврейского народа имелось что-нибудь подобное тому влиянию, какое еврейские интеллектуалы оказывают на американскую культуру. В этом смысле Америка, действительно, — самый большой успех для евреев».*

В книге Э. Нитобурга о современном положении евреев в США, написанной несколько лет назад, сообщается, что сейчас в США живет около 6 млн. евреев, которые составляют 2,7% населения США и 3,5% городского населения. Среди менеджеров и администраторов их доля — 40,7%, вообще в элитных профессиях — 71%. Их доля среди студентов более чем вдвое превосходит долю других частей населения, среди аспирантов — более чем в три раза. Они составляют более чем $^{1}/_{10}$ часть всех профессоров, а в наиболее престижных университетах — Гарварде, Йеле и т. д. — от 20 до 30%. В книге говорится:

> *«Основой, костяком американской этнической общины является ее высокоорганизованная часть, представленная системой тесно связанных между собой общественно-политических, религиозных, культурно-просветительных, благотворительных институтов и организаций, объединяющих большинство американцев еврейского происхождения».*

Одной из самых влиятельных «закрытых» еврейских организаций, несомненно, является Б'най Б'рит, о которой Энциклопедия Юдаика писала, что это — одна их самых старых и самых многочисленных еврейских организаций взаимопомощи, объединенная в ложи и капитулы.

Там же сообщается, что она имеет (на 1970 г.) 500 тыс. членов, 17 000 мужских лож, из которых 25% находятся вне Северной Америки, объединяет 210 тыс. членов и имеет бюджет в 13 млн. долларов. Согласно Нитобургу она имеет филиалы в 40 странах. В 1971 году в опубликованном письме вице-президента этого ордена Д. Кауфмана говорится:

> *«В настоящее время Б'най Б'рит играет более существенную роль в решении судеб и будущего евреев в диаспоре, поскольку она приняла на себя решение задач, которые государство Израиль не может выполнять на законном основании, будучи суверенным государством и не имея возможности вмешиваться в дела других стран».*

Органом ее является Антидиффамационная лига (АДЛ). Можно увидеть многократно мощное влияние АДЛ. Например, в 1974 году АДЛ заявила, что евреи недостаточно представлены в американском финансовом бизнесе! Что он — последний оплот антисемитизма в США!

Деятельность АДЛ многогранна и имеет большую историю: включает, например, постоянные попытки вытеснения из американской культурной жизни «Венецианского купца» Шекспира, который ее стараниями был запрещен еще в 1933 году в школах Западного Нью-Йорка и Балтиморы. АДЛ неустанно борется с теми частями христианской литургии, которые она считает «антисемитскими». Какие именно это части, определить трудно, так как неоднократно высказывалась и такая точка зрения, что корень «антисемитизма» находится в самом существовании христианства, которое объявляет евреев виновниками в смерти Христа. Например, такова точка зрения, высказанная в цитированной книге Я. Каца. Не формулируя, однако, своей окончательной цели, АДЛ ведет в этом направлении неустанную борьбу. Так, в отчете за 1937 год приводилось 759 наблюдавшихся проявлений антисемитизма, среди которых: 74 статьи и брошюры, 115 лекций

и т. д. и 25 представлений Страстей. После поражения Германии под постоянным давлением находилось представление Страстей, каждые 10 лет на Пасху исполнявшееся жителями села Обераммергау в Баварии (с 1634 г. в благодарность за окончание эпидемии чумы). В 1980 году под давлением АДЛ американское военное министерство особым письмом обратило внимание американских военных, служивших в Западной Германии, на «антисемитский дух» этих Страстей в Обераммергау (лично сообщение американца, служившего тогда в армии и не пожелавшего, чтобы его фамилия называлась). В Соединенных Штатах АДЛ добилась запрета молитв в общественных местах и чтения Священного Писания перед началом занятий в школе. Ряд процессов, выигранных АДЛ, запрещал празднование Рождества в школах и других публичных местах, особенно публичную демонстрацию таких христианских символов, как крест и ясли.

Но основной целью все же оставалось преодоление такого болезненного факта, как распятие Христа — в то же время основоположного убеждения для каждого христианина. В этой связи большая работа была развернута еврейским отделением ордена Б'най Б'рит в контакте с Обществом иудео-христианской дружбы. Представитель Б'най Б'рита Жюль Исаак несколько раз был принят папой. Сначала, в 1949 году, — Пием II, потом, в 1960 году, Иоанном XXIII. Католическая Церковь выразила свое видоизмененное отношение в постановлении II Ватиканского собора «Заявление о нехристианских религиях». Это Заявление было принято собором 14 октября 1965 года (голосованием 1173 против 250) и провозглашено в энциклике папы (Nostra Aetate — «Наше Время»). В нем, в частности, говорится:

> *«…то, что произошло во время Страстей, не может быть вменено в вину ни всем без различия иудеям, жившим в то время, ни иудеям нашего времени. Хотя Церковь и есть новый народ Божий, однако иудеи не должны быть представлены ни отверженны-*

ми Богом, ни проклятыми, как будто бы это вытекало из Священного Писания».

Принятие Заявления протекало на Соборе сложно. Сначала был принят текст, звучащий еще более радикально (голосование 651 против 99 при 242 воздержавшихся). Но папа отложил его утверждение на год. Потом был принят цитированный выше текст. В воспоминание этой энциклики — в 1986 году — уже новый папа, Иоанн-Павел II, посетил (видимо, впервые после распятия Христа) синагогу (в Риме) и сказал:

«Связи, соединяющие нас с иудейской религией, не объединяют нас так ни с какой другой религией».

Н. Гольдман тоже участвовал в переговорах с Ватиканом. Он остался недовольным принятым решением:

«Принятый Собором текст стал водянистым».

По следам заявления Ватиканского собора было опубликовано «Заявление» французского епископа, в котором говорится:

«В противоположность утверждениям очень древней, но спорной экзегезы, нельзя вывести из Нового Завета, что еврейский народ был лишен своей избранности… вероятнее всего, что именно из того, что фарисеи и первые христиане были близки во многих взглядах, они с такой энергией спорили друг с другом…»

Ведь эта «спорная экзегеза» — само Евангелие (напр., Мф 23: 37—38). И «спор» христиан с фарисеями включал ведь и распятие Христа.

С тех пор существует смешанная комиссия из евреев и католиков, заседающая трижды в году, чтобы выявлять и исправлять спорные места в католических книгах.

Кажется, христианство не знало еще такого публичного отречения от Евангелия, несмотря на все гонения. Даже во время Французской революции, когда католическим священникам грозила гильотина, от Евангелия они не отрекались. Какая же сила нужна была, чтобы так сломить католическую Церковь? В продолжение Средних веков в Европе постоянно раздавались требования уничтожить имеющиеся экземпляры Талмуда, так как там имелись кощунственные и оскорбительные для христиан пассажи. Этот спор перешел и в новое время. Нарождающееся гуманистическое течение выступало в защиту Талмуда, особенно этим был известен И. Рейхлин. Теперь же все перевернулось. Идя навстречу требованиям иудейского фундаментализма, католическая Церковь отказывается от некоторых центральных частей христианской веры. И ведь это происходит не под угрозой средневековых пыток или костров инквизиции!

Конечно, современное духовное падение католической Церкви нельзя свести только к вопросу ее отношения к иудаизму. Оно проявляется и в других сферах. Например, во многих странах она отказалась от латыни как языка, на котором служат мессу, а возражавший против этого епископ был лишен сана. Мы привели весь этот эпизод лишь как пример всепобеждающего еврейского влияния в современном западном мире. Видимо, даже более радикальные постановления были приняты синодами некоторых протестантских церквей (говорящие об ответственности этих церквей за гитлеровские преследования евреев. В большинстве случаев — об ответственности предков) — об этом сообщается в сборнике статей «Русская идея и евреи».

Основной видимой силой, обеспечивающей это влияние, являются, несомненно, СМИ: газеты, журналы, телевидение. И особенно ярко это сказывается в центре западного мира — США. Журнал «Тайм», сообщающий о скандале с генералом Брауном (о чем будет рассказано ниже), приводит его слова: «Они, знаете ли, владеют банками в нашей стране, да и газетами. Только посмотрите, где еврейские деньги…» — но назы-

вает этот взгляд «упрощенным». Статья ссылается на недавно вышедшую книгу Стефена Айзекса «Евреи в американской политике», откуда приводит сведения, что евреи возглавляют корпорации, владеющие тремя основными американскими телекомпаниями, являются издателями таких газет, как «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост» и «Уолл-стрит джорнэл», но в целом владеют только 3,1% всех американских газет и около 8% ежедневно распространяемых газет.

Журнал «Тайм» подтверждает, что три крупнейших телеканала и три крупнейшие американские газеты: «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост» и «Уолл-стрит джорнэл» принадлежат евреям (заметим, что и директор самого журнала «Тайм», — очень распространенного, — Д. Левин). Если говорить подробнее, то еще в 1896 г. «Нью-Йорк таймс» приобрел А. Окс, происходивший из немецких евреев; главным редактором газеты был А. Розенталь, потом — М. Френкель; владельцем газеты был Сульцбергер, а потом — Окс-Сульцбергер. Газетой «Вашингтон пост» владел сначала Ю. Мейер, а потом — его дочь Кэтрин Грехем. Газету «Уолл-стрит джорнэл» возглавлял П. Кан. Эти сведения относятся к 70—80-м годам, но похоже, что картина менялась все в ту же сторону. Например, такое впечатление оставляет книга Дюка. Следует заметить, что подавляющая часть американских газет перепечатывает международные известия и «проблемные» статьи из основных центральных газет, лишь дополняя их местными новостями.

Мы привели высказывание журнала «Тайм» о власти над основными американскими телекомпаниями. Речь тогда шла о компаниях CBS, ABC и NBC. Ими руководили: CBS — Пэли, ABC — Гольдензон и NBC — Сарнов.

То же относится и к основным кинокомпаниям, названия которых (но не теперешних хозяев!) обычно можно увидеть на киноэкране. Это компании: «Уолт Дисней», — которую возглавляет Эйскер, «Тайм Уорнер» — Левин, «Уорнер бразерс» — Гольдберг, «20 Сенчури Фокс» — Черниц; «Юниверсал Пикчерз» принадлежит компании «Сигран», прези-

дент которой — Бронфман — крупнейший производитель спиртного и президент Всемирного еврейского конгресса. Фирма «Метро-Голдвин-Мейер» содержит и в названии имена двух из своих основателей (в 1924 г.), а третьим был М. Лев. Мейер руководил фирмой до 1950-х гг. Историк кино Арнхейм писал:

> *«Без преувеличения можно утверждать, что американская киноиндустрия есть дело рук восточноевропейских евреев, в прошлый (т. е. XIX) век пересекших океан. Те люди, которые потом стали руководителями всемирно известных предприятий с гигантскими капиталами и армиями сотрудников: Цукор, Голдвин, Мейер, Уорнер, Шенк, Фокс, Лев — начинали с жалких накопленных грошей».*

Но средства информации, конечно, — лишь орудие для достижения власти. Более реальные размеры власти проявляются в занятии высших государственных постов. Это можно отчасти проследить на примере США. Евреи в качестве членов правительства США находятся систематически, начиная с президента Джонсона (1965 г.): министр образования и социального обеспечения Коэн. Никсона обвиняли в нелояльности относительно евреев (был слух, что пленки его разговоров с помощниками, которые так добивались от него в связи с «импичментом», содержали жалобы на усиливающееся еврейское влияние). Тем не менее (а может быть, именно поэтому) он назначил Киссинджера государственным секретарем, Шлезингера — министром обороны, Барнса — главой Федерального Резервного Фонда (организация, определяющая валютную политику США) и Гармента — главой департамента Белого Дома по гражданским правам. Сменивший его Форд оставил на своем посту Киссинджера и назначил Леви министром юстиции и Гриншпана главой Федерального Резервного Фонда. И так мы приходим к концу президентства Клинтона, когда государственный секретарь — Мадлен Олбрайт,

военный министр — Коэн, министр финансов — Рубин, глава Национального Совета Безопасности — Бергер, глава Федерального Резервного Фонда — Гриншпан. Введен пост специального представителя еврейской общины при президенте, его занимает Футлик. В книге, изданной комитетом Госдумы, цитата из журнала «Уолл-стрит джорнэл», сообщающего, что на последних президентских выборах 75% избирательных затрат одного кандидата — Гора — было оплачено еврейским капиталом, а у другого — Буша — эта доля достигала 30—50%. И вот по поводу правительства нового президент Буша в «Вашингтон пост» уже появилась статья Р. Коэна «В этом правительстве нет евреев», где отмечается, что ближе всего к этому только Линда Шавец, которая хотя бы замужем за евреем.

Здесь я приведу цитату из книги Д. Дюка «Еврейский вопрос глазами американца». Как я уже говорил (гл. 1), автор не всегда тщательно обосновывает свои утверждения. Но, с другой стороны, в книге имеется множество точных ссылок на книги и журналы. Некоторые мне удалось проверить, и они оказались правильными. Поэтому я приведу его цитату из израильского журнала (мне недоступного) «Маарив». Автор — Бар-Иозеф Авионат, статья называется «Евреи, правящие при дворе Клинтона». Там говорится:

> *«В США больше не существует нееврейского правительства. В нынешнем правительстве евреи являются полноправными партнерами в принятии решений на всех уровнях. Возможно, некоторые аспекты еврейских религиозных законов, касающихся понятия "нееврейское правительство", стоило бы пересмотреть, так как они устарели для США».*

Это можно было счесть преувеличением эмоционального автора, но дальше читаем:

> *«В Совете Национальной Безопасности семь из одиннадцати высших должностных лиц — евреи».*

Дальше следует их список, а потом:

«Ситуация не намного отличается и в администрации президента, где полно рьяных сионистов…»

И опять длинный список.

Наконец, можно вспомнить ряд ярких эпизодов, происходивших за последние 30—40 лет. Например, при президентстве Картера представителем США в ООН был негр Эндрю Янг. Он занимал по отношению к Администрации президента крайне независимую позицию. Он вел себя, как избалованный и капризный ребенок, все время делая заявления, очень неприятные для Госдепартамента: например, что в США больше политзаключенных, чем в СССР, или что кубинские войска в Анголе являются стабилизирующим фактором. Тем не менее все ему сходило с рук. Но вот он в частном порядке встретился с представителем Палестинских арабов при ООН Зухди Лабибом Терзи. Последовало заявление израильской разведки, и Картер немедленно уволил Янга. А ведь Янг был очень важным для Картера лицом: он в качестве одного из виднейших руководителей негритянской общины США помог Картеру в его предвыборной кампании заручиться голосами негров. Отставка Янга вызвала среди негров большое раздражение. Картеру вскоре предстояли перевыборы; он должен был выбирать между 18 млн. негров и 5 млн. евреев, но выбор, по-видимому, был ему очевиден.

Другой такой эпизод связан с выступлением генерала Брауна, председателя объединения начальников штабов США («военного № 1» в США). Мы упоминали о нем выше. Генерал выступал перед студентами университета Дьюка. Речь зашла о политике США на Ближнем Востоке. Сначала он держался осторожно, но вдруг сорвался. Говоря о «еврейском лобби», генерал сказал:

«Вы не поверили бы, как оно влиятельно! К нам являются представители Израиля, чтобы получить

вооружение. Мы говорим, что Конгресс это не поддержит, а они отвечают: не беспокойтесь о Конгрессе, это мы берем на себя. Так говорят иностранцы, но они этого действительно могут добиться!»

Дальше следовали приведенные выше слова об источниках еврейского влияния: банках и газетах.

Та же статья приводит другие интересные подробности. Как только появилось сообщение (в упомянутой выше «Вашингтон пост») о выступлении генерала, как Белый Дом, Пентагон и Конгресс были захлестнуты потоком писем и телеграмм, содержащих возмущенные протесты. Пресс-секретарь Белого Дома и военный министр Шлезингер осудили выступление Брауна. Президент Форд вызвал его в Овальный зал Белого Дома и отчитывал 10 минут. Сенатор Джавиц потребовал провести расследование, а сенатор Проксмир призвал к отставке генерала. Сам Браун сразу принес извинения и заявил, что его слова «не выражают его истинных взглядов», а что право лоббировать свои интересы есть «самое сердце» демократии.

Наконец, был еще один эпизод, оставивший заметный след в печати. Он связан с судьбой конгрессмена США Финдли. Финдли был членом подкомиссии по связям с Европой и Ближним Востоком. В этом качестве он совершал поездки на Ближний Восток и встречался с руководителями Сирии и Йемена (в частности, чтобы добиться освобождения американского агента, осужденного за шпионаж в Йемене). В 1978 году он встретился с Арафатом и высказывался за переговоры Израиля с ООП (что совпадало с тогдашней официальной позицией США). Вскоре положение его резко изменилось. От него отшатнулись его соратники по партии, его явно боялись, даже Рейган. Несмотря на это, ему удалось в 1980 году быть переизбранным в Конгресс. Но в 1982 году была произведена перекройка избирательных округов, назначены дополнительные выборы — и их он проиграл. Хотя проигрыш его был всего за счет 1% голосов, и он считает, что причин для его поражения

было много, но еврейские организации громогласно заявляли, что его провалили они за его «антиизраильскую» позицию.

Но реакция Финдли казалась не такой, как у героев других аналогичных происшествий, он заинтересовался явлением, с которым столкнулся, стал собирать материалы из прессы, сам брал интервью — и в результате опубликовал книгу об израильском лобби в США, наполненную большим количеством фактов.

Там он описывает других, поплатившихся политической карьерой за неосторожные, казалось бы, невинные высказывания, критикующие политику Израиля: конгрессмены Мак Клоски, Фаунтрой, Дюмалли, сенаторы Эдлай Стивенсон (кандидат в президенты), Фулбрайт, Абурецк, Рибиков, Матиас, Перси, посол Вест, журналисты Роджер Бродерик, Энн Гайер, киноактриса Ванесса Редгрейв, государственный чиновник Квандт (заместитель Бжезинского), Янка, профессора Хомский, Экбаль Ахмат, Мазер Хамид, священник, настоятель наиболее престижного протестантского собора в Вашингтоне Сайр и т. д.

Автор описывает разнообразные формы давления: организация провала на выборах, угроза бойкота в профессиональной деятельности после ухода из политики, срывы собраний, взлом квартир… Надо заметить, что американцы гораздо более деликатные люди, чем мы, русские. У нас считается, что человек подвергается преследованиям, если его сажают в лагерь, избивают или убивают. Американцы восприимчивы к гораздо более тонким воздействиям: достаточно ученому не быть включенным в какой-то дополнительный грант, так что летом он не сможет поехать с семьей отдохнуть на Болеарские острова, — и он уже чувствует себя гонимым.

О том, что происходит в военном ведомстве, Финдли рассказывает просто чудеса. Ведущие переговоры представители Израиля оказываются лучше осведомленными о состоянии американских вооружений, чем сотрудники оборонного ведомства. Они просят о поставках вооружений, засекреченных еще в США, — и добиваются их. Если американские пред-

ставители имеют какие-то возражения против желаний Израиля, — они боятся доверить это бумаге, чтобы их карьера не пострадала. Секретные документы пропадают пачками, и многие израильские чиновники высылались, но США никогда не выдвигали официального обвинения в шпионаже. «Военные, — говорит Финдли, — называют Пентагон "израильским магазином самообслуживания".

Обычным средством давления являются звонки и заявления конгрессменов, утверждающих, что те или иные поставки совершенно необходимы для безопасности Израиля. Конгрессмены, в свою очередь, находятся под давлением многочисленных еврейских организаций, мобилизующих своих членов для звонков, писем или посещений конгрессменов. Любая неподатливость вызывает обвинения в «антисемитизме» или «враждебности к евреям». Распространяются «списки врагов», опасных в этом смысле. Это давление столь эффективно, что в некоторых случаях учебные заведения возвращают деньги, полученные для определенных программ, только потому, что они были предложены арабскими странами. В других — отказываются от сотрудничества с американцами арабского происхождения.

Вот конкретный эпизод из этой книги. Известный «Географический журнал» напечатал статью о Дамаске, в которой в небольшом абзаце о тамошней еврейской общине говорилось о ее сравнительно благоприятном положении. Это вызвало бурю протестов, редакция получила более 600 возмущенных писем. От нее требовали публикации противоположной оценки. Напрасно редактор доказывал, что журнал существует с 1888 года и никогда подобной практики не придерживался. Состоялась бурная демонстрация у стен редакции. В дело вмешался Американский еврейский конгресс. В результате редакция сдалась и напечатала заявление, в котором говорилось: «Наши критики были правы. Мы ошибались».

Пресса настолько восприимчива к подобному давлению, что когда руководитель Совета еврейских общин Беренбаум и другие еврейские активисты, встретившись с представите-

лями редакции «Вашингтон пост», сообщили им, что у газеты «есть еврейская проблема», то газета согласилась, чтобы в течение недели Беренбаум наблюдал за обработкой и сообщением новостей в редакции.

При таком давлении, естественно, принимаются решения, явно противоречащие национальным интересам США. Как пример Финдли приводит ассигнование в 1984 году 250 млн. долларов на развитие производства в Израиле нового истребителя Лави, который становился конкурентом самолетам, производимым тогда в США. Причем за это решение голосовало 379 депутатов Конгресса, против — 40. Один из возражавших сказал:

> *«В результате будет потеряно 6000 рабочих мест… У американцев не только забирают их доллары, чтобы создать иностранную промышленность. Они должны еще потерять свою работу».*

Но, пожалуй, наиболее драматический эпизод, когда американские интересы были принесены в жертву интересам Израиля — это эпизод с кораблем «Либерти». Эпизод совершенно одинаково описан и в книге Финдли, и в книге Дюка. Существуют и специально ему посвященные книги.

Событие, о котором идет речь, произошло 8 июня 1967 года, во время очередной арабо-израильской войны. Тогда вооруженными силами Израиля было расстреляно американское разведывательное судно «Либерти», причем погибли 34 и были ранены 171 моряк. На следующий день израильское правительство принесло извинения, сказав, что приняло судно за египетский корабль. Однако ряд писавших об этом авторов приводят доказательства того, что нападение было умышленным и, более того, что это было известно правительству США. По воспоминаниям оставшихся в живых, нападение произошло днем, в 2 часа. Корабль сначала облетело несколько реактивных самолетов. Легкий бриз, дувший в это время, развевал американский флаг, явно различимый.

Потом корабль подвергся атаке израильских самолетов. Он был обстрелян из пулеметов, а на палубу сброшены напалмовые бомбы. Потом судно было расстреляно ракетами с торпедных катеров. Обстрелу подверглись и спасательные шлюпки, спущенные с корабля. Более того, вблизи находились два американских авианосца «Саратога» и «Америка». Дважды, в ответ на сигналы бедствия «Либерти» с них поднимались на помощь самолеты, но были возвращены приказом высшего начальства (в одном случае — министра иностранных дел Макнамары). Только на следующий день, когда стало ясно, что судно упорно не желает тонуть, появилась помощь и раненые были эвакуированы вертолетами. Как утверждает, например, Финдли, властям уже тогда было известно, что нападение было преднамеренным, а ЦРУ предупреждало о нем за 2 дня. Причиной всей акции он считает опасения правительства Израиля, что судно могло остановить подготовку израильского нападения на Сирию (которое произошло действительно 2 дня спустя, хотя Израиль заключил перемирие с арабскими странами). Финдли говорит, что президент Джонсон организовал дымовую завесу, благодаря которой и 16 лет после его ухода факты почти неизвестны. Правительство США приняло версию Израиля. Назначенная комиссия опубликовала отчет, в котором умалчивалось, что государственная принадлежность корабля была очевидна задолго до атаки, не упоминалось о напалмовых бомбах и расстрелянных шлюпках. Говорилось, что атака продолжалась 2 минуты, хотя она заняла более 70 минут. Выжившим морякам был дан приказ строго придерживаться официальной версии и не сообщать никакой другой информации.

Основным источником разоблачений стала публикация бывшего офицера «Либерти» Эннса. Для (тогдашнего) положения в США характерно, что он все же смог издать свою книгу в 1980 году, через 2 года после ухода на пенсию. Он секретно собирал воспоминания своих выживших товарищей. Книга вызвала, как говорит Финдли, интернационально координированное сопротивление: Минобороны США, Анти-

диффамационной лиги, Американо-Израильского комитета общественных отношений, издательств, средств информации и израильского Мининдела.

Эннс все же мог провести ряд выступлений на тему книги, но его там прерывали, называя лжецом и антисемитом. Письма такого же содержания он продолжал получать еще 10 лет.

И несмотря на такую общественную атмосферу, в 1984 году сенатор Д'Амато внес законопроект о необходимости «погасить вспышку охватившего страну антисемитизма» — и он был принят в качестве закона в 16 штатах.

Очень многого во внешнеполитической области добился для Израиля президент Картер. При нем было заключено в Кэмп-Дэвиде израильско-египетское соглашение. По меркам Первой или Второй мировой войны Египет подписал «сепаратный мир» с Израилем. Я записал себе тогда следующее сообщение Би-би-си:

> *«Газета "Санди таймс" в воскресенье 15 октября написала, что "за один день президент Картер превратился из неопытного человека, вмешивавшегося в чужие дела, в мудрого государственного деятеля… Президент Картер не может быть столь неспособным, чтобы не выучить свой урок" (т. е. сделать правильный вывод)».*

И позже, вплоть до наших дней, можно видеть, что Израиль третирует США, как своего вассала. Он указывает им, каким странам и какое оружие они могут продавать. Израиль нарушает условия договора, по которому США передают ему оружие, и когда они приостанавливают очередные поставки, он в гневе разрывает договор; испуганные США идут на попятный. Дело дошло до комической жалобы президента Рейгана (на пресс-конференции 1 октября 1981 г.), что Израиль оказывает слишком большое давление на внешнюю политику США.

Когда голосами арабских стран Израиль был исключен из Международного агентства по атомной энергии (вполне законно, так как он отказывался дать доказательства того, что использует атомную энергию только в мирных целях), то США покинули это Агентство вместе с ним. Госдепартамент заявил, что такова же будет реакция США, если Израиль попытаются исключить из любого другого специализированного агентства ООН. Наконец, когда была опасность, что страны «третьего мира» смогут добиться исключения Израиля из ООН, США объявили, что тогда и они выйдут из этой организации. Кажется, что США по отношению к Израилю потеряли свою независимость.

Уже во второй срок его президентского правления Клинтон пытался добиться мирного урегулирования на Ближнем Востоке. Как выражение своего недовольства неуступчивой позицией Израиля, он не пригласил в Белый Дом находившегося в США израильского премьера. Сразу же появилась секретарша из его аппарата Левинская, начавшая рассказывать об их связи, причем с массой грязных подробностей. По этому поводу уже начали развертывать процедуру «импичмента» (причем президент обвинялся не в его поступках, а в том, что сначала их отрицал). Тут, видимо, Клинтон осознал, в чьих же руках власть. В тот день, когда сенат принял решение о начале процедуры — 12 декабря 1998 года — Клинтон полетел в Израиль с женой и всей семьей (включая собачку). Причем премьер Израиля утверждал даже, что не приглашал Клинтона, а он сам настоял на поездке. После ряда унижающих его публичных покаяний, Клинтон был прощен, «импичмент» не состоялся. В Израиле взяло верх радикальное течение. В сентябре 2000 года Ариэль Шарон посетил арабскую святыню Аль-Харам. В арабских кругах Шарон имеет прозвище «ливанский мясник»: он был военным министром, когда произошла резня в лагерях арабских беженцев Сабра и Шатила и был удален из правительства под влиянием возмущения этой резней, в том числе и в Израиле. Появление Шарона около арабской святыни было яв-

ной провокацией, да оно так и было обставлено, его охраняло несколько тысяч полицейских. Это дало новый толчок «интифаде», положение стало быстро ухудшаться, сам Шарон стал премьером и теперь (конец 2001 г.) мы имеем полномасштабную арабо-израильскую войну.

Кем же считают себя евреи в США? По оценкам социологов, $^{9}/_{10}$ из них предпочитают интегрироваться в американское общество и не являются сторонниками сионизма. Однако $^{4}/_{5}$ считают, что поддержка Израиля Вашингтоном — в интересах США. В 1988 году Джерри Гобин сказал:

«Государство Израиль занимает теперь центральное место в определении еврейской идентичности».

Конечно, таково же еврейское влияние не только в США, но во всем западном мире. Например, в конце 1960-х — начале 1970-х годов Запад переживал тяжелый кризис. Главным образом, это были студенческие волнения: студенты захватывали университеты. Но также волнения негров в США. Термин «революция» был у всех на устах: вожди движения утверждали, что совершается 5 революций: экономическая — свержение капитализма; национальная — отделение нескольких южных штатов от США; политическая — уничтожение репрессивного демократического строя; сексуальная — уничтожение буржуазной семьи; психоделическая — объединяющая культуру совместного приема наркотиков и танцев под рок-музыку (вместе это должно было уничтожить буржуазную индивидуальность). И опять, как в русской революции 1917 года, как в германские революционные годы 1918—1923, как в венгерской революции 1918 года, среди руководителей оказалось непропорционально много евреев: Кон Бендит, Джерри Рубин, Аллен Гинсберг. Идеологические вожди этого движения происходили из философской «Франкфуртской школы», были последователями одновременно Маркса и Фрейда и почти без исключения евреями: Адорно («после Освенцима поэзия невозможна»), Маркузе, Хоркхеймер, Фромм.

Ярким примером является судьба историков, известных под общим названием «ревизионисты». Общее у них то, что они стремятся пересмотреть стандартно принятые на Западе взгляды на историю Второй мировой войны. Некоторые из них доказывают, что цифра 6 млн. евреев, погибших от рук гитлеровских властей, — очень преувеличена. Другие доказывают, что немцы в концлагерях не пользовались газовыми камерами. Мне лично не очень понятно, что ими движет, как я уже говорил в гл. 12. Но каковы бы ни были мотивы «ревизионистов», поразительны не они, а тот ответ, который эти исследователи встретили. Современный немецкий историк очень осторожно говорит об этом:

> *«Однако остается весьма прискорбным, что в признанной литературе столь полно утрачено основное правило науки: "выслушать и другую сторону".*

Действительно, «ревизионистам» не отвечают, если о них упоминают, то лишь как о «неонацистах» или «правых радикалах», но зато они постоянно преследуются. Ряд этих авторов присужден к тюремному заключению: в Канаде, Германии, Франции, Швейцарии. Другие присуждены к крупным штрафам или уволены с работы без права на пенсию (т. е. обречены на нищенское существование). При этом им никто не инкриминировал иных действий кроме написания книг, в которых приводятся аргументы против утверждений, признанных «неприкасаемыми». Вот итог многовековой «борьбы за свободу слова» на Западе! Теперь уже нельзя попасть в тюрьму за утверждение, что земля движется вокруг солнца, зато вполне возможно за книгу, содержащую аргументы о числе жертв «катастрофы», о том, были ли газовые камеры в тех или иных немецких лагерях и т. д.

Надо сказать, что хотя сознание среднего американца манипулируемо и управляемо, как хороший автомобиль, — они все же твердо держатся за свою «первую поправку», провозглашающую свободу слова, и в США подобные суды до сих

пор невозможны. Но ведь приговор суда — не единственное несчастье, которое может постигнуть людей! Например, американские «ревизионисты» создали целый институт: — «Институт исторических исследований», — а несколько лет тому назад здание института загорелось, и библиотека погибла. Д. Дюк в своей книге пишет:

> *«Когда некоторые из моих друзей по патриотическому движению ввели в обращение… термин Сионистское Оккупационное правительство, или СОП, я думал, что название несколько преувеличено, но после долгих размышлений и изучения этого вопроса я осознал, что это наиболее подходящее описание грустных дел в Вашингтоне в сфере внешней и внутренней политики».*

Факты, которые мы привели, указывают на то, что так же дело обстоит во всем западном мире и не только «в сфере внешней и внутренней политики», но и религии, политических и социальных взглядах, да и вообще всей жизни.

Глава 15

Во второй революции в России
(Конец 1980-х — начало 1990-х годов)

В конце 1980-х — начале 1990-х годов в нашей стране произошел переворот не менее радикальный, чем революция 1917 года. Изменился политический строй и экономический уклад страны. Страна распалась на части. Все виды производства сократились в 2 раза и больше. Начались войны между вновь образовавшимися государствами. В результате этих войн, общего падения уровня жизни и распространившегося чувства безнадежности население сократилось на много

миллионов человек, рождаемость в России стала ниже, чем была в последнюю войну.

Этот переворот обычно называется «перестройкой» — лукавый термин, выдуманный сначала для того, чтобы скрыть характер совершающихся перемен (а возможно, свое непонимание того, что из всего этого получится. Дескать, это не реформы, а всего лишь перестройка). Такой переворот имеет полное право называться революцией. Для краткости я буду называть его революцией 1990-х годов (хотя какие-то роковые сдвиги начались несколько раньше).

Итак, Россия пережила вторую революцию за один век. Каково же было в ней еврейское участие? Прежде всего, бросается в глаза, что когда начались первые сдвиги, власть находилась полностью в руках русских людей (в чисто этническом смысле). Я помню, еще из тех времен одно торжественное заседание Академии наук, где появилось все горбачевское Политбюро. Оно было мне хорошо видно, и меня поразило — какие все русские лица! И действительно, среди них не было даже того большого числа украинцев, которые появились при Брежневе. За исключением временно появившихся там Шеварднадзе и Алиева, это были великороссы. Не говоря уж о том, что не было ни одного еврея. Вероятно, были какие-то советники, секретари, сотрудники ЦК. Но ведь не советники выбирали Политбюро, а члены Политбюро назначали их!

А чтобы яснее оценить, что же произошло, перешагнем через несколько лет и перенесемся во время, когда основные тенденции уже сформировались и победили. В 1996 году в американской газете на русском языке «Новое русское слово» появилась как бы итоговая статья по интересующему нас вопросу. Надо сказать, что газета ориентируется на общину приехавших из России евреев. Этот факт газетой не затушевывается — об этом говорят, например, печатающиеся там объявления о свадьбах, похоронах, собраниях и т. д. Вот к этому кругу читателей газеты и обращается статья. Она называется «Еврейское счастье», а ее автор — Леонид Радзиховский — публицист из России. Приурочена статья к важному

событию — учредительному съезду Российского еврейского конгресса, который вошел в состав Всемирного еврейского конгресса. Но по этому поводу автор высказывает и ряд общих суждений о положении евреев в современной России:

> *«Евреи сегодня составляют огромную часть российской элиты — художественной, интеллектуальной (это, впрочем, было всегда в течение последнего века), а также политической и коммерческой.*
>
> *Политики: Жириновский, Явлинский, Чубайс, бывший министр иностранных дел Козырев и новый министр тех же дел Примаков, министр экономики Ясин, помощники президента Лифшиц и Сатаров, губернатор Нижнего Новгорода Немцов, первый вице-премьер правительства Москвы Ресин и т. д., и т. д. С некоторой натяжкой в этот ряд может быть включен и Гайдар…*
>
> *Евреи составляют и огромную часть ранней капиталистической элиты страны. Почти все крупнейшие банки Москвы возглавляют евреи. Банк «Столичный» — Александр Смоленский, «Мост-банк» — Владимир Гусинский, «Менатеп» — Михаил Ходорковский, «Российский кредит» — Виталий Малкин, «Альфа-банк» — Петр Авен и Михаил Фридман… К числу крупнейших предпринимателей России относят того же Владимира Ресина — короля московского строительства, а также скандально известного певца Иосифа Кобзона, постоянно обвиняемого в связях с мафией, Бориса Березовского и других».*

Спустя два года, тот же вопрос был затронут в статье, напечатанной в выходящей в Москве многотиражной газете «Аргументы и факты». Автор — писатель Э. Тополь, начавший писать в СССР, затем уехавший в Америку (книги его, кажется, детективного жанра, сам я не читал). Статья называется

«Возлюбите Россию, Борис Абрамович!»

и в качестве подзаголовка:

«Открытое письмо Березовскому, Гусинскому, Смоленскому, Ходорковскому и остальным олигархам».

«Открытое письмо» написано широко: там высказывается и взгляд на мировую миссию евреев, и рекомендации по поводу действий в современной России. Но сейчас я выделю только оценку автором теперешней ситуации в России. Она изложена им в разговоре с Березовским «в старинном особняке, реставрированном с новорусским размахом и роскошью…» Вот что сказал автор:

«Борис Абрамович… На телевидении есть, как Вы знаете, программа "Куклы". Там действуют куклы Ельцина, Ястржембского, Черномырдина, Куликова и прочих. Но главный кукловод — за экраном, и его фамилия — Шендерович. А в жизни есть российское правительство — Ельцин, Кириенко, Федоров, Степашин. Но главный кукловод имеет длинную еврейскую фамилию — Березовско-Гусинско-Смоленско-Ходорковский и так далее. То есть впервые за тысячу лет с момента поселения евреев в России мы получили реальную власть в этой стране».

Вот это и есть та картина нынешней ситуации, которую рисует автор. И она, как видно из продолжения диалога, не встречает возражения у Березовского. Дальше тоже высказываются интересные точки зрения, поэтому продолжим цитату. Автор говорит:

«— Я хочу спросить вас в упор: как вы собираетесь употребить ее? (власть над Россией, как было сказано выше. — И. Ш.) Что собираетесь сделать с этой страной? Уронить ее в хаос нищеты и войн или поднять из грязи? И понимаете ли вы, что такой шанс выпада-

ет раз в тысячу лет? И чувствуете ли свою ответственность перед ***нашим*** *(выделено в оригинале. — И. Ш.) народом за свои действия?*

— Знаете… — затруднился с ответом Б. А. — Мы, конечно, видим, что финансовая власть оказалась в еврейских руках, но с точки зрения исторической ответственности мы на это никогда не смотрели…

— И никогда в своем узком кругу не обсуждали эту тему?

— Нет».

Пропуская рассуждения Березовского о причинах неудачливости русских банкиров, продолжим цитировать мысль автора:

«— Ну раз уж так случилось, что у нас вся финансовая власть, а правительство состоит из полукровок Кириенко и Чубайса, вы ощущаете всю меру риска, которому вы подвергаете наш народ в случае обвала России в пропасть? Антисемитские погромы могут обратиться в новый Холокост.

— Это исключено, — сказал Б. А. — Знаете, какой сейчас процент антисемитизма в России? Всего восемь процентов! Это проверено научно!»

Но автор не соглашается с такой оптимистической позицией и приводит еще один аргумент:

«Знаете, когда в Германии все немецкие деньги оказались в руках еврейских банкиров, думавших лишь о приумножении своих богатств и власти, там появился Гитлер, и кончилось это Холокостом».

Приведем еще одно свидетельство, исходящее из тех же кругов. В 1997 году Израиль посетила делегация ведущих банкиров России: Авен, Березовский, Гусинский, Малкин,

Хаит (почти точно по списку, приведенному в статье Радзиховского). Они дали коллективное интервью израильскому телевидению. Кассета с записью попала в Россию и ходила здесь по рукам.

Вот отрывки:

«Произошло колоссальное, невиданное перераспределение собственности. 75% собственности, бывшей в руках государства, после 1991 года перешло в частные руки». (Березовский)

«Таких прибылей и таких доходов, как в России, не было нигде». (Хаит)

«50% капитала принадлежат еврейскому бизнесу». (Малкин)

Выступающие приоткрывают и те пути, которыми был совершен этот переворот. Иногда очень лирично:

«Начинали с мелочей… — а потом: пошло, пошло, пошло, пошло…» (Гусинский)

Но иногда и более конкретно:

«Можно было двигаться вправо, влево, вперед, назад». (Малкин)

«Этот период сопровождался всеобщей доверчивостью». (Малкин)

«Два года вообще не платили никаких налогов». (Хаит)

«Появилась возможность перераспределять богатства стоимостью в миллиарды». (Березовский)

«Это было ничье!» (Березовский)

«От одной росписи чиновника зависело, тебе ли это перейдет». (Березовский)

Есть рассуждения и более общего характера:

«Если вы помогаете власти, то вы зарабатываете моральный авторитет. И это интегрированное мнение крупного бизнеса влияет на кадровые назначения». (Малкин)

Вопрос ведущего: «А не пытались ли вы повлиять на выборы?»

Ответ:

«Попытались (с широкой улыбкой) — и повлияли». (Гусинский)

Далее — аналогичные идеи:

«Вложения в СМИ — это не бизнес, а защита своих (и не только своих) интересов». (Березовский)

В 1996 году, в связи с приближавшимися выборами, было опубликовано письмо российских предпринимателей, где властным голосом указывались основные линии будущей политики России. Письмо подписали одиннадцать «предпринимателей» и среди них — Березовский, Смоленский, Ходорковский, Фридман. В письме указывается:

«…надо четко проводить грань между конструктивной политикой и политическими спекуляциями на национальной теме. Мы все — россияне.

Мы не можем заниматься изнурительной и бесплодной педагогикой.

…отечественные предприниматели обладают необходимыми ресурсами и волей для воздействия на слишком беспринципных и слишком бескомпромиссных политиков».

Словом, это был голос новой власти.

В цитированной раньше книге В. Топорова затрагивается вопрос роли евреев в «перестройке»:

> *«Евреи (и те, кто ощущает себя таковыми, и те, кто всего лишь рассматривает себя и своих близких как неизбежные жертвы грядущих утеснений и репрессий) сделали в массе своей капиталистический, "демократический", проельцинский выбор, волей-неволей, — а точнее, с великим энтузиазмом! — взяв на себя тем самым часть ответственности за общегосударственные и социально-экономические метаморфозы самого пагубного свойства. Огромную часть ответственности. И в очередной раз проявили национальную беспечность, хотя бы потому, что эту ответственность рано или поздно возложат только на них».*

Во время президентских выборов 1996 года состоялось собрание еврейской общественности в Доме кино в поддержку Ельцина. «Еврейская газета» рассказала о нем под заголовком: «Евреи делают свой выбор». Деятели культуры Израиля прислали письмо в «Еврейскую газету» с призывом «воспротивиться реставрации». Ту же тенденцию показывает и то, что 20 млн. русских жителей СССР, оказавшихся за границами России, не получили права участия в выборах. Но зато в Израиле были созданы избирательные участки специально для выходцев из России. Д. Фурман, обсуждающий этот же вопрос на языке цифр, результатов «социологических опросов», пишет (на основании опросов еще 1991 г.):

> *«С тем, что на Западе создано лучшее из возможных обществ и нам надо следовать за Западом, согласились 13,2% русских и 52,5% евреев».*

Автор (не приводя здесь процентов) утверждает, что евреи, сравнительно с русскими, «особого стремления стать бизнесменами не проявляют».

«Однако, когда речь идет не о себе, а о детях, профессию бизнесмена выбирают 18,6% русских и 30% евреев. С тем, что рынок — самая эффективная форма хозяйства, к которой надо как можно скорее прийти, несмотря на все издержки, согласились 22,1% русских и 30% евреев. Процент согласившихся с тем, что "Россия должна защищать интересы русских в других бывших республиках СССР любыми средствами, вплоть до применения военной силы и изменения границ", — в два раза ниже среди евреев, чем среди русских. В утверждении: "Россия не должна вмешиваться во внутренние дела других независимых государств, даже если там нарушаются права русских" — соотношение даже 1 к 4».

Автор формулирует и свои выводы из данных приведенного опроса:

«Везде, во всем мире роль евреев в прогрессистских и революционных движениях всегда была совершенно не пропорциональна их удельному весу в населении. В истории России… революционные идеологии пользовались в еврейской среде особенным успехом, и роль евреев в нашей революции была особенно велика. Проявляется ли эта активистская стратегия сейчас, во время нашей второй, антикоммунистической революции? Естественно, проявляется…»

При этом указывается на следующую закономерность. Во время «первого революционного цикла»:

«Большинство политически активных евреев выступило на стороне революции… одновременно устанавливающей тоталитарный строй…

На мой взгляд, в очень смягченной форме… ту же логику в отношении большинства евреев мы видим и в 1989—1993 годах».

Автор объясняет это одной причиной: страхом «антисемитизма», хотя, как он подчеркивает, речь идет больше о «страхе», чем о каком-то реальном факторе жизни.

Еще в 1994 году В. Гусинский, уже упоминавшийся (например, в цитате из статьи «Еврейское счастье») как представитель «ранней капиталистической элиты России», выступая по радио «Свобода», сказал:

> *«Мы финансировали весь политический спектр, который не занимает крайне радикальной фашистской или националистической позиции… Это наша страна, и мы не можем допустить, чтобы сюда пришли фашисты».*

Поскольку «фашисты и националисты» в этих кругах означает тех, кто пытается заговорить о русских интересах или хотя бы естественных интересах государства (это подтверждает громадное число примеров), то по смыслу вышесказанного все остальные получают содержание от «ранней капиталистической элиты», огромную часть которой, по свидетельству все той же цитированной выше статьи, «составляют евреи».

Социолог Р. Рывкина в книге, посвященной специально положению евреев в России после «перестройки», пишет:

> *«Еврейская интеллигенция снова являет собой один из наиболее активных отрядов реформаторов — банкиров, руководителей новых общественных организаций, работников прессы и др.»*

Хотя, к сожалению, здесь автор не приводит никаких конкретных данных, но предлагается некоторое объяснение этому явлению:

> *«…евреи конкурентоспособны для занятия мест в новых и наиболее сложных формах экономики — таких, как финансы, внешние экономические отношения, рынок ценных бумаг, компьютерный рынок и т. д.»*

(Именно от социолога интересно было бы узнать — что значит «конкурентоспособность»: наследственные способности, лучшее социальное положение и т. д.?)

И при столь весомом влиянии на жизнь отношение еврейства к России трудно назвать симпатией. Так, Р. Рывкина приводит данные опроса среди евреев на тему: «В какой период русской истории вы предпочли бы жить?» Больше всего из респондентов ответило: «Вообще предпочел бы не жить в России». И уже гораздо меньше — при Горбачеве, при Брежневе и т. д.

Можно привести много аналогичных примеров. Но вывод уже ясен. Как в 1917 году «еврейство» как целое поддержало революцию, так и в революцию 1990-х годов оно оказалось на стороне «перестройки» и поддерживало то направление жизни, которое придало этому понятию существующий сейчас смысл. Конечно, далеко не все «демократы» были евреями (хотя число их и тех, кого Радзиховский относит к «еврейской сфере», было там очень велико и бросалось в глаза). Но в противоположном лагере «патриотов» евреев почти не было.

Об этом же говорит и Топоров в другой связи:

> *«Вторая еврейская революция (как и первая — в 1917-м) грозит обернуться трагедией — и для всей страны, и для торжествующего сиюминутную победу еврейства».*

Как же произошел этот грандиозный переворот? Он начался с призывов, подкрашенных коммунистической риторикой: «ускорение», «больше социализма»… А кончился (всего через несколько лет) тем, что собственность богатейшего в мире государства ушла из его рук (сейчас оно владеет едва 10% богатства страны). Куда же ушло остальное? Распродано? Но государство нищее, оно не может содержат армию, народное образование, медицину, часто запаздывает выплачивать пенсии. Значит — в частные руки, по рецепту, который Березовский описал израильскому телевидению: «Появилась

возможность перераспределять богатства стоимостью в миллиарды. Это было ничье! От одной росписи чиновника зависело, тебе ли это перейдет». А какими средствами добывалась «роспись чиновника», об этом есть целая мемуарная литература, но ведь не в деталях техники дело!

Почему же власть выпустила все это из рук: и богатства, и страну? Конечно, в таком кризисе сплеталось несколько факторов.

Прежде всего это изменение коммунистического общества, как-то почти мгновенно выродившегося. И особенно — его верхнего слоя. Совершенно пропал импульс борьбы за свою власть, сплоченность и способность к жертвам ради завоевания и удержания власти. Эти свойства господствовали в ленинском окружении (уж головой-то своей все они рисковали). Окружение Сталина еще об этом помнило. Но позже рулить страной стали люди, которым казалось, что власть у них «сама собой». А вот жертвы, которые надо ради нее приносить, воспринимались как нечто внешнее и необязательное. Прежде всего, безусловное подчинение, «монолитное единство», обеспечиваемое «данью кровью» — периодическими арестами и расстрелами. А, во-вторых, — раздражающее богатство страны. Оно было в их власти, — но только «по должности». Своего вольготного положения нельзя было формально передать детям, надо было идти на хитрости. А с крахом карьеры вообще все терялось. Возникало дразнящее чувство, что богатство «мое — и не мое», и мысли, как бы его сделать своим попросту, хотя бы и отказавшись (частично) от власти. Такой центральный деятель этого переворота, как Гайдар, признает, что суть его можно выразить словами «деньги за власть».

Но как второй фактор нельзя не отметить то, что мощная сила еврейства теперь легла на противоположную чашу весов.

При том «разводе» еврейства и коммунистического строя, о котором сказано в гл. 13, и протекала «перестройка». Эти несколько лет, 1988—1991 годы, остаются и до сих пор скры-

тыми в некотором тумане. Главные решения принимались за кулисами. Кто решил выдать всю сферу влияния СССР («социалистический лагерь») Западу? Это не обсуждалось, несмотря на видимость нарождающейся демократии, а участники и до сих пор об этом помалкивают, разрешение вывозить за границу нефть (или ее продукты) и продавать там по ценам, несоизмеримым с внутренними в СССР, открыло дорогу разграблению страны. Кто его дал, под каким давлением? Ведь у власти находились люди, выросшие, работая в области экономики, они не могли не понимать, что они делают. Не говоря уж о решении «распустить» СССР, не подумав о границах, о живущих за ними людях.

Но и за этим туманом можно разглядеть некоторые реалии. Весь этот экономически-политический переворот был произведен быстро — за 2—3 года. Важно было, чтобы основная масса народа не успела осознать, что же происходит: что их сбережения исчезнут, пенсии сократятся, как шагреневая кожа, что учителя и инженеры превратятся в «челноков», офицеры будут уволены. Всю систему тогдашних реформ один из их главных организаторов назвал «операцией, проводившейся под наркозом, без согласия больного».

Роль этого «наркоза» играли средства информации. В качестве яркого примера я приведу радиостанцию «Свобода». Ее передачи начинались с объявления, что она финансируется конгрессом США. После распада советского блока конгресс США обсуждал вопрос, не закрыть ли радиостанцию «в связи с окончанием холодной войны», т. е. не было сомнений, что она создана как орудие «холодной войны». А после начала «перестройки» глушение прекратилось, и радиостанцию можно было слушать в любой точке СССР, 24 часа в сутки. И она вмешивалась в нашу жизнь, была орудием определенной политики. Как принципиальный тезис было провозглашено, что цель «перестройки» — «мутация русского народного духа». Постоянно разъяснялась порочность русской истории, русской культуры. Грубейшая брань изливалась на русских писателей: Астафьева, Белова, Распутина, термины «мрако-

бес» или «взбесившийся» были из самых сдержанных. И пропагандировался сепаратизм любого толка: прибалтийский, украинский, даже сибирский.

Кто же были люди, готовившие этот материал? Мне попался в руки список ведущих передачи (редакторов) эпохи начала «перестройки». Из 20 человек не менее половины занимают еврейские фамилии: Ройтман, Левин, Хенкин и т. д. Когда радиостанция была организована, там работало много эмигрантов «второй волны». Потом группа эмигрантов эпохи попущения эмиграции из СССР, направившаяся вместо Израиля в Европу, подняла шум, обвиняя этих русских сотрудников в «антисемитизме». Они добились перевода русских сотрудников на второстепенные посты и заняли их места. Тогда к списку руководящих работников прибавилось еще несколько еврейских фамилий: Хенкина, Тольц, Матусевичи, исчезли: Красовский (русский) и Гарсиа (итальянец). К концу 80-х годов, как сообщает работавший там М. В. Назаров, из 23 руководителей русской редакции русскими были 4 или 5. Позже та же группа сотрудников объявила «антисемитской» передачу по книге Солженицына, так как там было сказано, что убийца Столыпина Богров — еврей. Редактор должен был оправдываться, доказывать, что он сам — еврей… Но все это уже не было изолированным от России явлением, редакция «Свободы» переплеталась с советскими и российскими СМИ. Многие называвшиеся на «Свободе» фамилии появились потом у нас: Марк Дейч, Вадим Белоцерковский, Савик Шустер…

Позже еще большей силой стало телевидение. «Приватизация» происходила и там: большая часть ушла из управления государства, а как результат, руководителями трех (из шести) каналов Центрального телевидения стали евреи. В народе его называют «кошерное телевидение» или «Тель-Авидение». Наиболее яркий пример такого канала — это канал НТВ. Его владелец Гусинский стал одновременно председателем Российского еврейского конгресса, владельцем газеты «Сегодня» и радиостанции «Эхо Москвы», его обычно и называют «медиа-магнатом». Канал НТВ долго играл особенную роль.

Например, в первую чеченскую кампанию все телевидение было враждебно настроено к русским войскам и внушало симпатию к отрядам Дудаева. Но на НТВ это было заметно особенно, постоянными были передачи из дудаевской Чечни. Введение войск в Чечню объявлялось и неконституционным, и нарушающим права человека. Но такие возражения не возникали, когда в 1993 году из танков расстреливался парламент России.

Неизменно враждебен был канал союзу России с Белоруссией и президенту Белоруссии — Лукашенко (даже больше, чем остальное телевидение).

Явно болезненными для русского сознания были порнографические публикации, заполнившие в тот период (да заполняющие и до сих пор) российские СМИ. Болезненными, так как исторически русское сознание эти темы отталкивало. С момента возникновения письменной литературы у нас не было ничего аналогичного ни любовной лирике менестрелей, ни «Тристану и Изольде». Все любовные мотивы в древнерусской литературе сводятся, кажется, к «Плачу Ярославны». Такой слом национальных стереотипов был, несомненно, одним из факторов разрушения национального сознания. И тут канал был впереди — с постоянной программой на эту тему.

Ярким эпизодом был показ по этому каналу в 1997 году фильма «Последнее искушение Христа». Я видел раньше кассету с этим фильмом. Он показался мне сознательно отвратительным: там есть, например, постельные сцены с участием Марии Магдалины и Христа (даже если интерпретировать это как «видения распятого»…). На многочисленные протесты они отвечали: «Нам никто не может запретить показывать то, что мы хотим». Это, как оказалось, совершенно верно. Но интереснее вопрос, *зачем* им нужно было такой фильм показывать? Ведь они не могут показать все фильмы, какие-то выбирают. И, к сожалению, ответ довольно ясен. Сначала фильм предполагалось показать именно на православную Пасху. То есть подразумевалось сознательное оскорбление религиозного чувства православных. Был официальный протест Патри-

арха — кто как не он имеет право выступать от имени православных? Но и шире — вся русская культура и история основана на Православии. Ведь, прощаясь с погибшими на Куликовом поле, Дмитрий Донской сказал:

> *«Положили вы головы свои за святые церкви, за землю Русскую и за веру христианскую».*

Эти категории сливались. Так что это действие НТВ было направлено против всех русских. И при том, что владелец канала занимает столь высокое положение в официальной еврейской иерархии, что главный режиссер канала — Файфман. Казалось бы, мы далеко ушли от Средневековья, когда дикая толпа обвиняла евреев в кощунственных по отношению к христианству действиях. Зачем же искусственно вновь создавать почву для таких чувств?

Сейчас считается, что канал притесняется и это даже нарушает «свободу слова в России». Но свелось это притеснение к тому, что Гусинский живет где-то за границей, а сотрудники НТВ разделились на две части и теперь вещают по двум каналам.

Но вернемся к началу «перестройки». Тогда в средствах информации кипела идеологическая борьба. С одной стороны, борьба против «сталинизма» или «командной системы». Считалось это очень смелым, хотя тогда уже ничем не грозило. Как видится ретроспективно, непосредственным врагом «демократической прессы» было тогда государство, хоть и ослабевшее, но стоявшее на пути «приватизации» (хотя, может быть, никаких четких планов и не было). Но, с другой стороны, чувствовалась какая-то душевная связь всех этих журналистов с эпохой 20-х годов, с «комиссарами в пыльных шлемах», как они писали. Поэтому «линией боя» был объявлен 1937 год; о его ужасах писали с каким-то сладострастием, а всю предшествующую эпоху защищали, чуть ли не бросаясь под танки (фигурально, разумеется). Как тогда писали: «На дворе двадцатые годы. Не с начала, так с конца». И защища-

ли их: «Для чего надо уравнять преступность и безнравственность Сталина с безвыходностью революционеров?» Вот, оказывается, как надо понимать ЧК!

В этой атмосфере появился очень сильно разрекламированный роман Рыбакова «Дети Арбата» — как раз о тяжелой участи в 34—38 годах детей коммунистической верхушки, поселившейся на Арбате (откуда и название). Роман, сейчас совсем забытый, был тогда использован как рычаг для поворота массового сознания, широко поддержан обычным приемом: «впервые сказанная, замалчивавшаяся правда». В нем отражается и интересующая нас тема — еврейское участие в происходившем процессе. Вопрос сразу ставится радикально. Например, автор, Анатолий Наумович Рыбаков, описывает, как два героя — один Борис Соловейчик, другой Саша (видимо, полукровка) — сталкиваются с человеком, в терминологии 20-х годов, «из бывших» (да всего лишь бывшим поваром высокого класса), Антоном Степановичем. Они заговаривают о возвращении домой из ссылки, где находились. Дальше — такая сцена:

«— Домой? — Антон Степанович с ненавистью посмотрел на Бориса.— Где он, дом-то? В вашем Бердичеве? (…)

— А ну, чеши отсюда, мать твою через семь гробов в мертвый глаз! — сказал Саша.

— Нет! — Борис встал, подошел к двери, накинул крючок.

— Вы чего, ребята? — беспокойно забормотал Антон Степанович. — Я ведь в шутку.

— Последний раз шутил, стерва, — усмехнулся Саша.

Борис навалился на Антона Степановича, прижал голову к стене.

— Ребята, пустите, — хрипел Антон Степанович, выкатывая дрянные белесые глаза.

— Не до конца его, Боря, на мою долю оставьте, — сказал Саша.

Эта одутловатая морда была ему противна! Падаль! Задумал над ними издеваться. Гад! Рванина! (…)»

Слова старика, нет спора, были хамские. Но реакция была символичной, совсем в духе закона 1918 года об антисемитизме — «ставить вне закона».

Не успел отшуметь гул по поводу «Детей Арбата», как появилась новая сенсация — повесть Гроссмана «Все течет». Гроссман был одним из виднейших пропагандистов коммунистической эпохи, начиная еще со сталинских времен, такого же масштаба, как Эренбург. Еврейская тема тоже играла роль в его жизни. Например, первый опубликованный им рассказ «В городе Бердичеве» отражал ее очень ярко. А рассказ «Треблинский ад» даже распространялся на Нюренбергском процессе. С другой стороны, он подписал письмо Сталину, требующее самой суровой кары «врачам-убийцам», хотя «процесс врачей» еврейством, в основном, воспринимался как проявление «государственного антисемитизма». Повесть «Все течет» была написана в начале 60-х гг., закончена незадолго до смерти автора (1964 г.), хранилась в тайне и стала известна сначала в Самиздате. С победой «перестройки» она была опубликована официально и, вместе с романом Гроссмана «Жизнь и судьба», внедрена средствами информации в общее сознание как новое откровение, «снятие запретов». Повесть, действительно, поразительная. Там очень четко излагается новое понимание русской истории, собственно, даже России (автор говорит о «русской душе»), как проявлении принципа «вечного рабства». Причем это относится уже не к какому-то периоду («сталинизм») или социальному слою, автор видит осуществление такого принципа во всей истории («тысячелетняя раба») и даже в русской душе («рабской») и вообще — «реторта рабства».

В некотором смысле эта повесть выражала квинтэссенцию одного настроения, распространенного в те годы. Стремление побыстрее осуществить тогдашние реформы сопровождалось страхом, что этому воспрепятствует некото-

рая сила, которая суммарно воспринималась как «русский национализм». Подавлению опасного «русского национализма» служила и концепция «русской души — вечной рабы», и ходкий в те годы термин «имперские амбиции». Одно время расплывчатый образ «врага перестройки» — «русского национализма» — конкретизировался в образе общества «Память». По этому поводу по всему миру была развернута кампания, вполне сопоставимая по масштабу с кампанией вокруг «Дела Дрейфуса» или «Дела Бейлиса». Об угрозе, исходящей от общества «Память», писали и коммунистические газеты, и американские. Даже Европейский парламент принял постановление, требующее запрещения этого общества. Сейчас с тех пор прошло 11—12 лет и видно, что «Память» никак себя не проявила, ни в чем не повлияла на нашу жизнь. То есть вся эта мировая кампания отражала, как сейчас говорят, «виртуальную реальность». Но и шире — весь мир был взбудоражен страхами, что из России ему грозит «русский национализм» и «антисемитизм». Газета «Вашингтон пост» опубликовала статью «Гласность делает слышными голоса антисемитов». Советский академик (ныне покойный) Гольданский напечатал в той же газете статью «Антисемитизм: возвращение русского кошмара» (русский перевод был опубликован в «Советской России»), где сообщает американскому читателю, что в нашей стране «процветают» некие «монархо-фашисты», которые «стремятся закончить то, что начал Гитлер». В качестве единственного примера он приводит потасовку, произошедшую в Доме литератора в Москве. Этот «инцидент в ЦДЛ» тогда обошел всю демократическую прессу, хотя все его жертвы были чьи-то разбитые очки. (Точнее говоря, одна человеческая жертва была, но как раз со стороны «Памяти»: Смирнов-Осташвили был арестован, осужден на несколько лет и «найден повесившимся в камере» за несколько месяцев до выхода на свободу.) И в то же время русских совершенно реально убивали при погромах в Душанбе или в Туве. Но группа демократических общественных деятелей

взволнованно требовала восстановления «закона против антисемитизма» (как в 1918 г.).

Тут была видна очень сложная связь этих двух «фобий» — «русского национализма» и «антисемитизма». Когда в Кишиневе происходили демонстрации с чудовищными лозунгами: «Утопим русских в еврейской крови» — демократическая пресса не была обеспокоена. Когда в Прибалтике на парадах маршировали части ветеранов СС — это ее тоже не волновало. Видимо, речь шла вовсе не об отражении реальных интересов или чувств основной массы евреев, тем более тех трех миллионов «в еврейской сфере», которых насчитал Радзиховский. Наоборот, их интересы грубо попирались ради стремления к власти и богатствам небольшого слоя — вспоминаются отношения «патрициев» и «плебеев» в кагале, о которых говорит Брафман. В частности, подогревавшиеся слухи о грядущих еврейских погромах вызвали усиление эмиграции именно из этого широкого круга людей, имевших много связей с нашей жизнью. Они болезненно рвали эти связи, уезжали, гонимые страхом, «спасая детей». Теперь уж видно, что никакой реальной «угрозы погромов» не было и в помине. Помню, в те годы со мной пожелал встретиться один приехавший в Москву раввин из Иерусалима. Зашла речь и о страхе погромов. Скептически улыбаясь, он сказал, что никак не берется оценить обоснованность этих страхов. Но, заверял он, чувство страха — очень реальное.

Конечно, это нагнетание страха облекалось в форму поисков «антисемитизма», что продолжается и до сих пор. Так, Р. Рывкина утверждает «антисемитизм» как вечную особенность народов России:

«Стало ясно: антисемитизм в России (речь идет об антисемитизме политических группировок) инвариантен всем ее политическим режимам: он сохраняется независимо от того, какая именно власть устанавливается в стране» (т. е. у власти Ленин, Горбачев, Ельцин — все равно «антисемитизм»?).

Хотя что же этот страшный термин значит, по-прежнему остается неясным. Сама исследовательница различает *четы-*

ре его вида. Который же из четырех имеют в виду, когда кого-то в этом обвиняют?

Да и в книге приведены данные опроса среди евреев об «антисемитизме», причем на вопрос, существует ли он, ответ был практически единогласно положительный, а вот что с ним столкнулся в конкретной форме сам респондент или член его семьи — положительно ответило в два раза меньшее число. И когда приводятся приведенные примеры «антиеврейской пропаганды», то мы встречаем «интерес телевидения к национальной принадлежности активных политиков», «национальный привкус в уголовных делах, например, Якубовского или Вейнберга», и даже «отношение к Боровому».

Когда состоялся тот разговор с Березовским, о котором рассказывает Тополь, то первый, на вопрос о возможном Холокоста в России, ответил: «Это исключено! …Это проверено научно!» Думаю, что про себя вожаки это знали все время. Пусть были покалечены тысячи жизней. Но зато по всему миру был укреплен облик русских погромщиков, России — чреватой погромами. А власть, обуздывающую новыми реформами такую страну, Запад готов был поддержать, махнув рукой на все каноны демократии.

Вероятно, подобное поношение русских имело и другие цели (или было прорывом иррациональных эмоций). Продолжалось оно все время — и продолжается до сих пор. То телевидение показывает свинью, про которую говорят, что это — Россия с ее неизлечимыми комплексами; потом ее моют в тазике, убивают и куски мяса раздают смеющимся участникам представления. То газеты обходит фотография, где человек заглядывает под хвост муляжа коровы. Подпись: «Путешествие в глубь России». Это с показа галереи Марата Гельмана. (Я впервые увидел это произведение в журнале «Итоги». Оно сохранилось у меня в воспроизведении газеты «Завтра».) Потом заявление, что русские уже много столетий — это больной, «который ходит под себя», или что русским место в тюремной камере, причем «у параши». Рассуждения о том, что русская история идет веч-

но по какому-то порочному кругу, что Россия опасна для мира, как атомная бомба.

Вот из недавнего. В Интернете за 2001 год — сообщение о новой выставке художника Максима Кантора:

> *«Речь идет о России, которую Кантор трактует как некую мировую черную дыру: уродливая клякса на карте мира, самопоглощающий пустырь. Населенный множеством обитателей: кривые, корявые, прячущие лица в складках жира…»*

И т. д. — полторы полные страницы такого текста. В конце автор рецензии сочувствует художнику, обличающему «кривоногих ублюдков. Они все равно ничего не поймут».

20 лет назад я написал для Самиздата работу «Русофобия», где по статьям сейчас уже забытых авторов в Самиздате или в новой эмиграции, как археолог по косточкам, восстанавливал это странное явление отвращения и ненависти к русским, охватывавшее людей, проведших большую часть жизни в России. И вот уже больше 10 лет с ужасом вижу, как это демоническое чудовище лязгает зубами со страниц газет, с экранов телевизоров. Из пропаганды дух русофобии перетек во внешнюю политику. С каким-то сладострастием наше правительство отталкивало те части русского народа и другие народы, которые стремились не оторваться от России, готовы были платить за это кровью: в Крыму, Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии. Начало было заложено при старательном министре иностранных дел Козыреве (потом — члене Президиума Российского еврейского конгресса), но продолжается и до наших дней, хотя бы последней сдачей Приднестровья.

Какова же сейчас позиция еврейства в России? Об этом имеется содержательная книга А. Севастьянова «Чего от нас хотят евреи». Именно по этому вопросу в книге собран большой фактический материал, приводящий автора к цельной точке зрения (хотя некоторые суждения книги мне кажут-

ся менее обоснованными, продиктованными эмоциями или какими-то другими переживаниями).

Прежде всего, автор отмечает, что эпоха, когда основной целью организованного еврейства считался отъезд в Израиль или США, кончилась. Я сам помню, как более 19 лет назад мне было адресовано «Открытое письмо», в котором автор лирично замечал, что «для наших народов настала пора расставания». И таково было распространенное ощущение в еврейских кругах.

Теперь же положение резко изменилось. «Расставание» настало для писавшего мне автора (он поселился в США), но не для «наших народов». Севастьянов сообщает о секретном соглашении между США, Израилем и СССР (еще в 1989 г.), по которому выезд евреев в США резко сокращался. Об этом говорится в «Меморандуме об эмиграции советских евреев», составленном Международным комитетом «За открытые границы», который содержится в недоступном мне сборнике. С выездом в Израиль ситуация подтверждается более общедоступными источниками. «Еврейская газета» не раз сообщала о растущем отрицательном отношении к приехавшим в Израиль из СССР-России евреям. Так, директор канцелярии премьера Либерман сказал:

> *«Я уже не раз говорил, что в нашем обществе проявляется дискриминация в отношении репатриантов из бывшего Союза. Сложилась ситуация, когда каждый русскоязычный бизнесмен зачастую рассматривается как член русской мафии, любая симпатичная женщина, которая хорошо одевается, считается проституткой, про каждого второго инженера говорят, что его диплом куплен, а каждого третьего репатрианта подозревают в том, что он агент КГБ».*

Более конкретно опрос общественного мнения, опубликованный в «Еврейской газете», утверждает:

«34% израильтян заявляют: “Алия из стран бывшего СССР пугает меня”. 63% граждан страны категорически про-

тив организации новых волн массовой эмиграции из СНГ. 80% общественности: “Новые репатрианты соперничают с израильтянами на рынке заработной платы” (…) ассоциации в отношении новых репатриантов из бывшего СССР: паразиты (25%), наркоманы/проститутки (19%).

Отдел «по борьбе с особо тяжелыми преступлениями» израильской полиции решено переименовать в «отдел по борьбе с русской мафией и организованной преступностью».

Я помню, что лет 15—20 тому назад меня поражало, что любая просьба о вызове в Израиль (даже по аргументам вроде: «у меня была, теперь умершая, еврейская тетя») немедленно удовлетворялась. Зачем нужна была властям Израиля эмиграция из СССР таких людей? Зато сейчас введены новые правила для вызова даже туристов из стран СНГ. Более того, по сообщениям «Еврейской газеты», в последние дни в прессе публикуются новые требования религиозных партий, касающиеся, между прочим, и таких изменений, которые могут предотвратить эмиграцию в Израиль неевреев — членов семей евреев.

И эмиграция, естественно, идет на убыль. Р. Рывкина пишет: «С 1992 года эмигрантский бум… начал уходить в прошлое». Она сообщает, что среднегодовое количество получивших разрешение на эмиграцию упало вдвое.

С другой стороны, Севастьянов приводит ряд фактов о систематическом укреплении еврейских общин в Европе. Так, согласно «Еврейской газете»:

> *«По соглашению с еврейской общиной после распада СССР в 1991 году Бонн разрешил большому числу еврейских беженцев из бывшего Союза поселиться в Германии. Эти мигранты получают жилье, денежную помощь, проходят бесплатные курсы изучения немецкого языка. Они также могут при желании получить немецкое гражданство… еврейское население Германии удвоилось, достигнув шестидесяти тысяч».*

И по данным Р. Рывкиной после 1992 года подавляющая часть эмигрирующих евреев едет в Германию (70—80%) и несравненно меньше в Израиль и США.

О другой стране, по словам директора отдела СНГ Еврейского агентства для Израиля:

> *«Еврейская община Венгрии — это, по нашим оценкам, от 80 до 150 тысяч человек… Мы преподаем им иврит, знакомим с древней и современной историей еврейского народа, организуем еврейские лагеря, поддерживаем еврейские школы, готовим еврейских учителей… В Венгрии действуют ныне десятки еврейских организаций, которые охватывают от 80 до 130 тыс. евреев, живущих в стране».*

На этом фоне становится понятным изменение позиции еврейской общины России. Так, руководитель московского бюро Еврейского агентства говорит:

> *«Существует крайний подход, что все евреи должны вернуться в Израиль, существует и значительно более умеренный…*
>
> *Еврейский народ очень обеспокоен ассимиляцией или, если хотите, исчезновением. Это одна из насущных проблем. В ее решении Израиль больше помогает самой диаспоре».*

Формулируются новые цели Еврейского агентства для Израиля: «Укрепление связи между диаспорой и Израилем, развитие еврейского образования…»

Глава отдела репатриации и абсорбции Еврейского агентства заверяет, что его сотрудники «сделают все возможное, чтобы в 1996 году репатриация евреев осталась, по крайней мере, на прежнем уровне», но выражает уверенность, что «каждый еврей, его дети и внуки, даже если они

не репатриируются в Израиль, останутся евреями». А на той же конференции А. М. Мордухович:

> *«Пора говорить о конкретных действиях. Нам не хватает общения. Надо помнить, что это наш город — Москва».*

Эмиграция евреев из СССР-России в Израиль, составлявшая в начале 1990-х годов 300 тыс. человек в год, упала в 1996 г. до 60 тыс. Но зато был создан Российский еврейский конгресс (РЕК) — российский филиал Всемирного еврейского конгресса. Автор «Еврейской газеты» формулировал:

> *«Перед РЕК стоят три основные задачи.*
>
> *• Первая заключается в том, чтобы открыто заявить на весь мир, что они — евреи и готовы признать себя частью еврейской общины.*
>
> *• Вторая задача — собрать основную часть еврейского населения России под сенью объединенной еврейской общины.*
>
> *• Третья цель — добиться того, чтобы состоятельные евреи взяли на себя труд помогать еврейским организациям».*

Другой автор в той же газете:

> *«РЕК — это, с моей точки зрения, переходный период в формировании еврейской общины России. Завершился период активности, основывавшийся на энтузиазме и дилетантстве, и наступил период больших конкретных программ, период объединения российского еврейства, интеллектуального, религиозного, промышленного и финансового».*

Описав резкий поворот настроений российского еврейства от всеобщей увлеченности эмиграцией к обустройству в

России, Севастьянов приводит и аргумент, объясняющий неизбежность такого поворота. Мы уже приводили свидетельства еврейских авторов о богатствах, оказавшихся в руках еврейских «бизнесменов» в результате «перестройки». И если в некоторых случаях эти богатства имели форму счетов в западных банках, то в других — иной характер. Например, из статьи в газете «Известия»:

> *«Настало время объяснить, кто такой Борис Березовский и почему его слово в решении программных вопросов (на телевизионном канале ОРТ) последнее и часто единственное. В уставных документах он фигурирует как член совета "Объединенного банка" и заместитель председателя Совета директоров ОРТ. Одновременно Березовский является главой АО "ЛогоВАЗ", и хотя в Совете директоров ОРТ эту коммерческую структуру представляет другой человек, фактически Борису Березовскому принадлежит 8% акций "Объединенного банка" и 8% акций "ЛогоВАЗа" в уставном капитале Общественного российского ТВ. То есть 16 процентов, тогда как у остальных "частников" — от 3 до 5».*

Или из «Еврейской газеты»:

> *«Леонид Рейтман подробно рассказал о том, как развивается его бизнес и каких масштабов он достиг: "Я владею целым кварталом — площадью 17 тысяч квадратных метров — в районе метро "Таганка" в Москве, — говорит он. — Сдаю эти дома в аренду — и получаю прибыль. Цена на эту недвижимость растет с каждым годом"».*

И ряд других примеров таких богатств, которые невозможно увезти с собой. Из числа еврейских «олигархов», которые упоминались выше, за последние годы некоторые оттеснены (в той или иной степени) от плодов «перестройки»,

но зато появились другие: Абрамович, Мамут… так что картина остается прежней.

И тогда же «Комсомольская правда» опубликовала список «самых богатых людей России» и размеры их состояний (в миллиардах долларов):

Ходорковский	3,7
Абрамович	3,0
Фридман	2,2
Потанин	1,8
Богданов	1,6
Алекперов	1,4
Дерипаска	1,1

(причем сумма капиталов первых трех заметно превосходит оставшихся четырех). А ведь тут перечисляются только «верхи», за которыми скрываются массы «бизнесменов» среднего и мелкого уровня. Поэтому вывод Севастьянова представляется хорошо обоснованным и справедливым также и два года спустя после публикации его работы. Он формулирует «цель» (доминирующую тенденцию) еврейства в России как «двуединую»:

> *«...интеграция евреев в российское общество и российский истеблишмент при сохранении полноценной национальной идентичности».*

Эта интеграция связана с громадным усилением влияния российского еврейства. Ситуация становится сопоставимой с той, которая была в России в 1920-е годы. Можно видеть, что проявляются тенденции отстаивать это влияние столь же решительно, как и тогда. Например, помню, что страшный расстрел 1993 года застал меня в Японии (по приглашению тамошних математиков). События свалились, как снег на голову. Телевизор показывал расстреливаемое, горящее здание, но что он говорил — по-японски — было непонятно. Можно было достать

американские газеты, но веры им совсем не было. Первая газета на русском языке, наконец появившаяся, был «Московский комсомолец». И в воспоминания врезалось два суждения:

> *«Они хотели русского порядка, они его получат». (Хинштейн)*
>
> *«…поддерживаю однозначно. На наших глазах гулял русский фашизм». (Гусман)*

И известны во множестве заявления того же типа: как правилен был расстрел, какое наслаждение вызвало это зрелище, что на этом не следует останавливаться…

Благодаря глухому, неорганизованному сопротивлению народа все еще не восстановлен закон 1918 года: «ставить вне закона…». Но соответствующее настроение явно есть.

В очень возбужденной статье профессор университета Бар-Илан в Израиле, Элиезер Воронель-Дацевич, пишет:

> *«Сегодня многие убеждены, что Россией правят евреи. Я так не считаю. Россией правят самые обыкновенные подонки, национальность которых в данном случае не важна. К несчастью, всплывшие на поверхность страшные фигуры обладают соответствующими фамилиями. Но для меня… речь идет о другом — о корабле, который они захватили».*

Топоров замечает:

> *«У нас не то чтобы вызревал новый государственный антисемитизм (чего нет, того нет), но создается для него все более и более благоприятная почва. И создается она, прежде всего, самими евреями — преуспевающими, раскрученными (на современном жаргоне это значит рекламируемыми. — И. Ш.), торжествующими, но отказавшимися от какой бы то ни было рефлексии по поводу национальной (она же в данном случае ма-*

фиозная) природы своего успеха; более того, возбраняющим подобную рефлексию всем остальным…

Однако попытка добиться симметрии (отчасти предпринятая в предыдущих строках) неизбежно срывается: юдофилы и юдофобы еще кое-как уравновешивают друг друга, но реакция самих евреев на обсуждение деликатной и мучительной проблемы — реакция неизменно неадекватная — искажает картину…»

Реакция, в самом деле, загадочная. Возможно, существует некоторый глубинный комплекс, связанный со средневековыми истреблениями и подкрепленный Гитлером, который в начале перестройки, при наступившем ослаблении власти вызывал иррациональные страхи. Но за 10 с лишком лет вполне можно было бы понять их эфемерность (особенно при рациональном еврейском уме). А тот же академик Гольданский более чем через 10 лет после первой статьи написал другую (на этот раз адресуясь не к американским, а к российским читателям), где повторял:

«На исходе XX века наиболее пострадавшая от гитлеровцев страна стала главным средоточием нацистской идеологии…»

Этого уж не объяснишь иррациональными комплексами. Да и я тогда в связи с появлением в печати «Русофобии» получал такие драматические письма… Один человек писал, что реальность грядущих погромов не может быть оспорена, и спрашивал, что я «в таком случае» скажу? Другой (женщина) спрашивал: «Как сможете Вы жить на свете, Игорь Ростиславович, если на Вашей совести окажется кровь невинных?» С тех пор прошло около 15 лет! Хотя бы извинился кто-либо из них? Не слышно. Но продолжим Топорова:

«…Особенно это стало заметно в последние годы, когда препоны негласного государственного антисеми-

тизма пали, а за деньги стало возможно купить все, что угодно. В том числе и хасидский праздник в Кремле. В том числе и эфирное время, а затем — и само телевидение. Оскорбительное словечко "Тель-Авидение" появилось не на пустом месте».

Действительно, тоталитарное единообразие наших средств информации в этом вопросе показывает хотя бы их реакция на недавно (весна 2002 г.) прокатившуюся по Европе волну протестов против действий израильских властей в происходящей сейчас израильско-арабской войне. Толпы на улицах европейских городов сжигают американский и израильский флаги. Ученые призывают к научному и культурному бойкоту Израиля, призыв подписали многие сотни ученых. Ряд ученых, живущих в США, возражали.

Протест против действий Израиля на оккупированных арабских территориях опубликовала генеральный секретарь Эмнести Интернэшнл Ирена Хан. Эмнести Интернэшнл открыла специальный сайт в Интернете, посвященный этой проблеме.

В одном из самых распространенных американских журналов — «Тайм» — автор статьи спрашивает:

«Почему американцы и европейцы так по-разному относятся к положению на Ближнем Востоке?» — и предлагает ответ, который можно было предсказать: «Прежде всего потому, что тень и позор Холокоста исходит из прошлого и налагает свою холодную руку на наше современное понимание мира».

Безусловно, одновременно арабские организации совершают кровавые террористические акты в Израиле. Я совершенно не компетентен судить о всем вопросе, однако несомненно, что это важнейшие «новости». И в то же время лично я не встретил ни одного упоминания об этом в наших средствах информации, и ни один из тех, кого я спрашивал, тоже ничего не слышал.

В романе «1984» Орвелла рассказывается, как проявившие политическую неблагонадежность люди вычеркиваются из истории, называются «неличностями» (nonpersons). И все эти события, волнующие Европу, у нас сделаны «несобытиями».

Глава 16

Еврейские таланты

Последние главы дали, быть может, представление о фантастическом росте влияния еврейства в мире. За какие-нибудь 200—300 лет из обитателей местечек, скованных своими кагалами, евреи превратились в самую влиятельную группу современного мира: в хозяев международных финансов, экономики, да и человеческих душ (через средства информации). Случай в истории почти беспрецедентный. Собственно, мне приходит в голову только одно похожее явление: распространение греческого влияния в эпоху эллинизма, начиная с войн Александра Македонского и до римского завоевания. Территориально этот процесс охватывал не «весь мир», но, для того времени, сопоставимое пространство: от западной Индии на Востоке до Сицилии и Южной Италии на Западе. И весь процесс тогда был еще быстрее: от IV до III в. до Р.Х. Ясны и причины такого взрывообразного распространения греческого влияния: греки несли с собой совершенно своеобразную, обаятельную, притягательную культуру. Вместе с ними распространялась «греческая образованность». Так что непосредственная причина эллинизма довольно очевидна: она лежит в необычайном творческом потенциале, которым обладали греки. Ведь за несколько веков они создали: и основные концепции естествознания, науки, которыми мы живем до сих пор; и греческую литературу — от Гомера до классической трагедии;

и греческую скульптуру; и архитектуру. В греческом обществе возникла и достигла полного расцвета демократия со всеми ее достоинствами и пороками.

Не являемся ли мы свидетелями аналогичного «еврейского эллинизма»? Некоторые внешние отличия бросаются в глаза. Например, в эпоху эллинизма греческое влияние было связано с распространением греческого языка, а сейчас мы не наблюдаем никакого проникновения еврейского языка в нееврейскую среду. Но все же, может быть, принципиальная причина аналогична? Быть может, основная причина еврейского влияния — в большом творческом потенциале евреев, в еврейской талантливости? Такая точка зрения часто высказывается. Например, Розанов рассказывает, что поэт Минский сказал ему: «Конечно, евреи способнее русских и желают сидеть в передних рядах кресел». Приводятся имена евреев-корифеев современной науки: Маркса, Фрейда, Эйнштейна. И «современная музыка» началась с Шенберга и Альбана Берга. Первую консерваторию в мире создал Мендельсон-Бартольди. У нас, в России, первые консерватории были организованы: в Петербурге — Антоном Рубинштейном и в Москве — Николаем Рубинштейном. В литературе новые направления пошли от Гейне и Кафки. И множество подобных примеров.

Этот аргумент следует разобрать. И, прежде всего, начать с наиболее знаменитых фигур: Маркса, Фрейда, Эйнштейна. Когда-то был даже такой анекдот (вероятно, возникший в еврейской среде) — «о трех великих евреях».

Влияние Маркса на человеческие умы было очень сильно, но непродолжительно. Началось оно уже после его смерти, а за последние десятилетия резко упало, и, видимо, надолго или навсегда. Я еще помню время, когда учение Маркса в нашей стране внедрялось силой власти, но и на Западе почти вся интеллигенция в той или иной форме его принимала. Можно было высказывать свое несогласие, но со множеством оговорок («я, конечно, не отрицаю глубину этих идей и фундаментальность их научного обоснования…»). Только редкие люди, уже получившие признание раньше, рисковали выска-

зывать «безоговорочное несогласие» (примеры будут приведены позже). Но я неоднократно убеждался, что как в социалистическом лагере, так и вне его приверженность марксизму основывалась не на знакомстве с работами Маркса, особенно политэкономическими. Влияние Маркса имело совсем другой источник. В речи, произнесенной на его похоронах, Энгельс сказал: «Маркс, прежде всего, был революционером». То есть основным стимулом его жизни было свержение, разрушение существовавшего тогда жизненного уклада. Эта точка зрения подробно аргументирована в книге Зомбарта. Он доказывает, что как реализация этого импульса, его следствие возникла и концепция диктатуры пролетариата, и пролетарская революция, и классовая борьба, и прибавочная стоимость, и политэкономические работы. Да это отчетливо видно и из переписки Маркса и Энгельса. Из нее видно, что необходимость теоретического обоснования, оформленного как научное исследование, вытекала из логики революционной борьбы. Так, еще в октябре 1844 года Энгельс пишет Марксу:

> *«Наши люди… очень деятельны, но чувствуется недостаток в надлежащей опоре. Пока наши принципы не будут развиты — в двух-трех книгах — и не будут выведены логически и исторически из предшествующего мировоззрения и предшествующей истории как их необходимое продолжение, вся работа останется половинчатой…»*

26 ноября 1847 года он призывает Маркса «наказать Луи Блана»:

> *«…покажи ему на деле, насколько мы выше его (…). Теоретическая сторона до сих пор, к сожалению, составляет единственную нашу силу, но для этих поборников "социальной науки", "закона достаточного производства" и т. д. это имеет большое значение».*

Наконец, 31 января 1869 года:

> *«…для того чтобы поддержать, вопреки Фогту и компании, свой престиж у публики, нам нужно выступить с научными произведениями… Будь хоть раз менее добросовестен по отношению к своей собственной работе; для этой паршивой публики она все еще слишком хороша. Главное, чтобы вещь была написана и вышла в свет, а слабые стороны, которые тебе бросаются в глаза, ослы не заметят».*

И только в 1860-е годы Маркс начинает создавать этот теоретический фундамент революционной деятельности (после предварительного эскиза в 1859 г. — «Критики политической экономики»). Он начинает работать над «Капиталом». И 18 июня 1862 года пишет Энгельсу:

> *«Я сильно увеличиваю этот том, так как немецкие собаки измеряют ценность книги ее объемом».*

То есть Маркс и Энгельс очень верно почувствовали, что тогдашняя революционная работа получит мощный импульс, если ей дать «научное основание». В то время ссылка на авторитет науки имела просто завораживающую силу. Это чувствовали и предшественники Маркса и Энгельса — Сен-Симон и Фурье, но эту «научную основу» создавали очень наивно. Например, Сен-Симон утверждал, что он открыл в обществе «закон тяготения», аналогичный ньютоновскому; Фурье говорил о закономерностях, аналогичных «эллипсу, гиперболе и параболе». Но ни тот, ни другой не могли сказать, в чем же эти «законы» состоят. Маркс гораздо удачнее имитировал научный стиль. Такая наукообразность производила потрясающее впечатление, как видно по воспоминаниям тогдашних революционеров (например, Веры Засулич).

Маркс стремился завершить свои политэкономические сочинения, так как они должны были составить научный фунда-

мент будущей революционной деятельности. И казалось, что волна революции все растет. Парижская коммуна вызвала новый взлет надежд Маркса и Энгельса. Но и здесь (как раньше, во время революции 1848 г. в Германии) надежды на оправдались. В I Интернационале Бакунин оказался успешнее Маркса с Энгельсом в сфере подпольных интриг. Основной стимул теоретических исследований Маркса исчез — и он их оставил. «Капитал» вышел в свет в 1867 году и до своей смерти в 1883 году Маркс к этим проблемам в печати не возвращался. Он стал интересоваться проблемами обоснования дифференциального исчисления. К несчастью для Маркса, эти его «математические рукописи» популяризировались одно время в СССР и стали широко известны. Они имеют все черты безнадежного дилетантизма и ума, работающего вхолостую.

Идейно же Маркс был очень стандартным представителем XIX века. Например, он безоговорочно усвоил господствовавшую тогда концепцию прогресса, только соединив ее с уже существовавшей тогда концепцией классовой борьбы. В его анализе генезиса капитализма очень мало новых идей, исследования М. Вебера или В. Зомбарта гораздо ярче, оригинальнее.

Широкая популярность пришла к Марксу уже после его смерти, когда его последователи возглавили руководство немецким рабочим движением, созданным раньше Лассалем. Энгельс неизменно подчеркивал свое второе место после Маркса («всегда играл при Марксе вторую скрипку»), но зато среди живых оказался первым хранителем и толкователем идей уже ушедшего от нас гения. Тогда, в конце XIX века, и началась всемирная слава Маркса.

Но успех марксизма всегда определялся его связью с революцией. Марксизм имел успех как «пророчество», то есть предсказание события, наступлению которого сама концепция способствует. И это-то само пророчество оказалось опровергнутым историей. Социалистическая революция как на подбор происходила отнюдь не в самых капиталистически развитых странах, а «диктатура пролетариата» устанав-

ливалась в странах на 80% или на 90% крестьянских. И в заключение, общество, построенное марксистской партией, оказалось неустойчиво: распалось не под влиянием внешнего конфликта или природных бедствий, а под воздействием собственных сил разложения. Все это вызвало обвальное падение интереса к марксизму. Например, сейчас в России даже сторонники коммунизма на своих митингах и демонстрациях никогда не носят портретов Маркса. И любопытно: интерес к Марксу просто «угас». Это не имело характера отказа от какой-то научной теории, отказа, основанного на ее критике, обсуждении ряда ее слабых мест. Теперь стало видно, что как успех марксизма, так и упадок интереса к нему, являются чисто идеологическими явлениями. Они не имеют никакого отношения к науке.

Мне кажется, что Фрейд даже дальше отстоит от науки, чем Маркс. На эту тему можно привести много аргументов, но ограничусь одним конкретным примером. Это отрывок из статьи Фрейда «Неудовлетворенность культурой», которая считается одной из его наиболее глубоких, идеологических работ. Речь заходит о том, как человек подчинил себе огонь, и Фрейд пишет (в длинном подстрочном примечании):

> *«Психоаналитический материал, при всей его неполноте и неоднозначности, позволяет высказать, по крайней мере, одно — звучащее фантастически — предположение относительно происхождения этого огромного человеческого достижения. Для первобытного человека было как будто обычным при встрече с огнем тушить его струей своей мочи, находя в этом детское наслаждение. Существующие легенды не позволяют сомневаться в первоначальном фаллическом толковании взвивающихся ввысь языков пламени. Тушение огня при помощи поливания мочой — вспомним, что к этому позже прибегали и дети-гиганты — Гулливер в стране лилипутов и Гаргантюа у Рабле — было, таким образом, подобно сексуальному акту с мужчиной,*

наслаждению мужской потенцией в гомосексуальном соревновании. Тот, кто первый отказался от этого наслаждения, кто пощадил огонь, тот смог унести его с собой и поставить себе на службу. Он укротил огонь природы тем, что заглушил огонь своего собственного сексуального возбуждения. Эта большая победа цивилизации стала как бы наградой за то, что человек превозмог свой инстинкт. В дальнейшем женщина как бы была избрана в качестве хранительницы плененного и закрепленного в домашнем очаге огня, потому что она по своему анатомическому строению не могла поддаться соблазну наслаждений такого рода».

Казалось бы, человек, написавший это, не имеет представления о том, что такое научное исследование. Все это не только бездоказательно, но вообще не имеет смысла: почему, отказавшись от удовольствия пускать мочу в огонь, человек тут же овладевает огнем? — такие вопросы задавать бессмысленно. (Или почему Гулливер — дитя-гигант?) И ведь это не отдельная странность, случайное затмение разума, такими рассуждениями полны работы Фрейда. Человек, мыслящий таким образом, может быть кем угодно: маньяком, фантастом, проповедником, мифотворцем, но уж к науке он не имеет никакого отношения. А между тем — недавно был юбилей Фрейда и весь мир превозносил его как величайшего ученого нашего (т. е. XX) века!

Мне уже давно казалось, что когда повторяют утверждение, что Маркс и Фрейд — великие ученые, речь идет о прямом внушении, которое так же явно противоречит фактам, как «новое платье короля». Но я, вероятно, не рискнул бы публично высказать такое еретическое суждение, если бы не встретился с мыслями фон Хайека:

«Если наша цивилизация выживет, что возможно лишь если она осознает свои ошибки, я думаю, будущие поколения будут смотреть на наше время как на

эпоху суеверий, в основном связанных с именами Карла Маркса и Зигмунда Фрейда».

Он подчеркивает, что речь идет о «суевериях в самом буквальном смысле слова…»

Причем ту же самую мысль высказал Карл Ясперс и, очевидно, Хайек не знал этого высказывания Ясперса (примерно на 20 лет более раннего). При том, что фон Хайек считается одним из ведущих экономистов XX века, лауреатом Нобелевской премии по экономике, а Ясперс — очень известный философ — сначала создал себе имя как психиатр (и, в основном, с профессиональной точки зрения критикует Фрейда). Так что Хайек уж, безусловно, компетентно обсуждает Маркса, а Ясперс — Фрейда.

Что касается Эйнштейна, то положение здесь, как мне кажется, более тонкое. Вряд ли можно сомневаться в том, что он был исключительно талантливым физиком. Но в общем мнении ему присвоена какая-то другая роль. Он считается как бы образцом, символом научного гения. Когда хотят кого-то похвалить, говорят: «прямо Эйнштейн». Его лицо появляется как символ, когда нужно как-то символизировать науку, даже человеческий интеллект. В его подробной биографии говорится о «канонизации Эйнштейна». В 1919 году газета «Берлинер иллюстрирте» опубликовала его портрет и написала: «Альберт Эйнштейн — новый гигант мировой истории». Знаменитый историк Тойнби пишет: «Достижения естествознания XX века воплощаются для нас в личности Эйнштейна» (хотя вряд ли сам в эти достижения вникал). Вот такое место в общественном сознании кажется мне неоправданным, сфабрикованным. И «коллективное бессознательное» почувствовало этот «рекламный» характер образа Эйнштейна: сейчас мультипликационное изображение Эйнштейна рекламирует по телевидению пиво. Думаю, что с Ньютоном или Гейзенбергом это было бы просто невозможно.

Физика очень бурно развивалась в конце XIX — начале XX веков, вызывала бурный интерес и привлекла много сил.

В целую плеяду (не менее десятка) талантливейших физиков, таких, как Резерфорд, Лоренц, Пуанкаре, Планк, Бор, Гейзенберг, Шредингер, Дирак и другие, как мне представляется, входит и Эйнштейн. Причем некоторые из них глубже и разностороннее его. Главной заслугой Эйнштейна обычно признается создание «теории относительности». Она была создана в два этапа: «специальная теория относительности» (СТО) и «общая теория относительности» (ОТО). Основная работа Эйнштейна по СТО относится к 1905 году. Практически одновременно (на 2 недели раньше) появилась на ту же тему работа Пуанкаре — поразительного мыслителя: в первую очередь математика, одновременно выдающегося физика и философа. Так что в крайнем случае Эйнштейн мог бы претендовать на создание СТО — одновременно и независимо от Пуанкаре. Но положение сложнее. Теория относительности именно потому стала так известна, что требовала отказа от некоторых, казавшихся очевидными, представлений, например, одновременности двух событий. Но Пуанкаре еще в 1898 году написал работу «Измерение времени», в которой доказывал логическую необоснованность этого понятия. Содержание этой работы было включено в философскую книгу Пуанкаре «Наука и гипотеза», вышедшую в свет в 1902 году, которая приобрела очень большую популярность. Эйнштейн на эти исследования Пуанкаре нигде не ссылается, и кажется, что они остались ему неизвестными. Но воспоминания современников показывают, что они их изучали вместе с Эйнштейном и находились под сильным их влиянием. В отзыве, в связи с предложением Эйнштейну должности профессора в Цюрихе, Пуанкаре писал: «Господин Эйнштейн — один из самых оригинальных мыслителей, которых я знаю; несмотря на молодость, он уже занимает очень почетное место среди ведущих ученых нашего времени. Особое восхищение вызывает та легкость, с которой он воспринимает новые идеи (более точный перевод: адаптируется к ним) и делает из них все возможные выводы».

Один из наиболее известных выводов СТО — это «эквивалентность массы и энергии», в некотором смысле реализующа-

яся в атомном взрыве. Этот принцип впервые был установлен австрийским физиком Хазенерлем, соучеником Шредингера, погибшим на фронте во время Первой мировой войны. В комментариях к Сочинениям Шредингера о Хазенерле говорится:

> *«В 1904 году, рассматривая излучение в замкнутой области, сформулировал для этого случая эквивалентность массы и энергии».*

(Эйнштейн, который сформулировал ее в самом общем виде, не знал работы Хазенерля.) Что касается СТО, то работа Эйнштейна над выводом основного ее уравнения, как теперь выяснено, происходила в период интенсивной переписки Эйнштейна и крупнейшего математика того времени (после смерти Пуанкаре) — Гильберта. Причем Эйнштейн стремился угадать наиболее простой вид этого уравнения просто из того, что оно должно было удовлетворять определенным условиям, а Гильберт математически вывел его из определенного общего принципа. При этом ссылок на вклад Гильберта в работах Эйнштейна нет. Сохранилось, однако, его более позднее письмо Гильберту, «примирительного» характера. (В разное время давались различные интерпретации взаимоотношений Эйнштейна и Гильберта. Я привожу версию, наиболее благоприятную для Эйнштейна).

Можно представить себе ученого-отшельника, мало интересующегося чужими исследованиями, до многого доходящего самостоятельно и не очень интересующегося проблемами приоритета (такие бывали). Но Эйнштейн как раз таким не был. В наиболее подробной его биографии говорится о его докладах в Германии, Франции, Японии, где он пропагандировал свои идеи:

> *«В мае — июне 1925 года они (супруги Эйнштейны) вновь отправились путешествовать, посетив на этот раз Аргентину, Бразилию и Уругвай. Куда бы они ни приезжали, от Сингапура до Монтевидео, по-*

всюду местные еврейские общины устраивали им самый радушный прием».

Споры по вопросу о приоритете проходят через всю историю науки. И часто позже можно увидеть, что на какое-то время господствует односторонняя точка зрения, преувеличивающая роль одного ученого за счет других. Но общая закономерность здесь такова: перекос в пользу одного лица может возобладать тем в большей степени и продолжать господствовать тем дольше, чем большую социальную поддержку имеет это лицо. Такая социальная поддержка может реализоваться как мощная научная школа или даже как поддержка некоторых интеллектуальных или политических течений. Такую роль в судьбе Эйнштейна несомненно играло то, что он примыкал к нескольким течениям, исключительно влиятельным в мире. Прежде всего, еврейское национальное движение. Еще начиная с 1919 года он был тесно связан с одним из виднейших деятелей сионизма Блюменфельдом, которому «не раз поручал подготовку своих заявлений по вопросу сионизма» (как пишет его биограф). Эйнштейн, видимо, не был сторонником сионизма, но тесно сотрудничал с этим движением. В 1921 году он посетил США вместе с Вейцманом для сбора средств для «Еврейского университета» в Палестине; в 1923 году — Палестину, где был гостем английского комиссара по Палестине Герберта Самуэля. Другим мировым движением, способным оказать мощную поддержку, был пацифизм, как сторонник которого Эйнштейн выступал с начала Первой мировой войны. (Парадоксальным образом, во Второй мировой войне он способствовал созданию атомного оружия.) Он был сторонником «Соединенных Штатов Европы», членом «Союза за новое отечество» («Лига борьбы за права человека»), «Общества друзей новой России» (с 1923 г.) и т. д. То есть Эйнштейн был активным участником «левого» течения, исключительно влиятельного на Западе тогда — да и после.

Этим, мне кажется, объясняется «иконописный» облик, созданный Эйнштейну, хотя он, несомненно, был одним из

талантливейших физиков своего поколения. Его неустанные 15-летние занятия теорией относительности имели (наряду с работами других авторов) громадное значение для создания этой теории (особенно после смерти Пуанкаре). Ему принадлежат и другие физические работы, например, о фотоэлектрическом эффекте, за что ему и была присуждена Нобелевская премия в 1929 году. Но совершенно бесплодная его деятельность всю последующую жизнь после 1920 года трудно совместить со знакомым нам обликом сверхгениального физика.

Если говорить о других именах, то Гейне, например, писал очаровательные стихи — недаром его переводили и Лермонтов, и Тютчев. Но в этом он лишь следует течению немецкого романтизма. А то, чем он завоевал совсем особое место, — это желчная сатира «фельетонный стиль», введенный в поэзию. Некоторая выдумка, чуждая собственно поэзии. Как и у Кафки, описание жутковатых, вызывающих гадливость ситуаций — вроде предчувствия современных «фильмов ужасов», но пока с более слабыми техническими средствами. Или изобретение двенадцатитонной системы в музыке у Шенберга. Создание консерваторий, сначала в Лейпциге, потом в Петербурге и Москве Мендельсоном-Бартольди и братьями Рубинштейнами, несомненно, оказало сильнейшее влияние на развитие музыки. Но это было скорее социальное, организационное действие. И покойный композитор Свиридов в посмертно опубликованных размышлениях высказывает мысль, что с этим был связан поворот в сторону массового производства музыкантов-профессионалов и что большинство тогдашних крупнейших композиторов, как на Западе (Шуман, Брамс, Вагнер), так и в России («Могучая кучка»), шли другим путем и находились в недружественных отношениях с этим направлением.

Евреев действительно очень много среди «талантов второго и третьего уровня», «ремесленников культуры», и их роль в культуре повышалась по мере того, как повышалась роль массы: массовых изданий, журналистики (газетной, радио- и теле-), когда науку стали двигать не индивидуальные ученые,

а научные институты, успехи науки стали определяться капиталовложениями; а число ученых выражается в миллионах.

Трудно сказать, что здесь было причиной, а что следствием: приспособляли ли евреи культуру к своему стилю мышления или стали массой в нее идти, когда она приобрела близкий им стиль. Скорее всего, оба процесса переплетались.

Как правило, большое участие евреев в какой-либо области культуры определяется совсем не их творческими способностями в этой области, а какими-то другими, гораздо более сложными причинами. Если, например, евреи составляют большинство членов Союза советских композиторов, то из этого еще нельзя заключить об их выдающейся одаренности как композиторов. 874 члена (только в РСФСР) не могут состоять из одних ярких талантов — их на каждое поколение родится лишь несколько. Союз композиторов — сильно бюрократизированная организация, типичный орган «идеологического сектора». Среди его членов подавляющее большинство обладает более чем средними творческими данными, и прием в него определяется очень многими факторами, в большинстве своем к музыке не имеющими отношения. В довоенное время (до Второй мировой войны) ситуация в этой области, вероятно, была аналогичной (с еще большим преобладанием евреев). А чьи имена остались? Шостакович, Прокофьев, Мясковский… В посмертно опубликованных заметках композитора Свиридова приводятся такие наблюдения:

> *«Союз композиторов давно перестал быть организацией, занимающейся творческими проблемами. Тот смысл, который вкладывался в дело его организаторами, — утрачен. Он (союз) превратился в кормушку для рядовых композиторов, в гигантскую организацию самопропаганды и творческого самоутверждения для его энергичных руководителей-функционеров. Они держат при себе целые штаты людей, работающих для славы своих патронов. Их послушные клевреты сидят во всех учреждениях, руководят почти (всей)*

музыкальной жизнью страны: государственными заказами (огромные деньги), концертными организациями; свое издательство, музыкальные отделения радио и ТВ, собственная — и общая! — печать. Есть опасность превратить государственные организации в филиалы Союза композиторов, управляемые предприимчивыми безответственными функционерами Союза композиторов через послушных, посаженных ими людей, занимающих ответственные посты в советских учреждениях. В их руках — пропаганда за границей, где они проводят по несколько месяцев в году, представляя своей подчас бездарной музыкой нашу культуру и искусство. Эта переродившаяся организация, которой управляют ловкие дельцы, требующие себе с антрепризой непомерных почестей. Им курится непомерная лесть, вызывающая недоумение и отвращение у человека со (неразборчиво) вкусом.

Театры, оркестры, государственные заказы, собственные дома отдыха, дома творчества, лечение. Миллионы народных денег на этих прихлебателей. В их руках — вся мировая антреприза (и советская тоже); образование (консерватории и музыкальные школы), где они научно унижают отечественную культуру, отводя ей место «провинции»; музыкальные отделы в газетах и журналах и вся специальная печать; Союзы композиторов (в Российской Федерации целиком); филармонии; критика (почти 100%) — то есть общественное мнение. Музыкальные отделы министерств подконтрольны Союзам композиторов. Радио и ТВ (тут, правда, не целиком), музыкальные театры, оркестры и их руководители (почти на 100%). Все это великолепно, по-военному организовано, дисциплина железная и беспрекословная, порядок абсолютный, беспощадность — как в Сабре и Шатиле. Работают в редакциях десятки лет. Это люди опытные и умелые, но их опыт и умение направлены не во благо, а во вред нашей культуре».

Здесь совпали данные, случайно попавшие ко мне в руки, о национальном составе Союза советских композиторов и многолетние наблюдения выдающегося композитора о работе этого Союза. Но нет оснований предполагать, что такая ситуация имела место только в музыке. А ведь это относится только к последнему, послевоенному времени.

Если же идти несколько глубже в прошлое нашей страны, то мы столкнемся с грандиозными процессами, которые изменили ее социальную структуру. Мы уже ссылались на книгу Ю. Ларина (Лурье), посвященную положению евреев в СССР. Там говорится, что до революции в мелких городах и местечках России жило 2 млн. 200 тысяч евреев, а сейчас (т. е. в 1926 г.) их там осталось только 800 тыс. Спрашивается, на чьи же места переселились в города почти 1,5 млн. евреев? Прежде всего, буквально — в какие дома, квартиры они вселились? Ведь жилищного строительства тогда не было совсем и получить квартиру можно было, только удалив или «уплотнив» ее хозяина. А потом и более широко — чьи места в партийном и советском аппарате, промышленности, науке и культуре они заняли (ибо в деревню, очевидно, не направились)? Тот же автор сообщает и некоторые результаты этой грандиозной перетряски.

> *«На Украине 26% всех студентов были евреи, а в медицинских вузах — 44,8%. В РСФСР евреи составляли 11,4% студентов (в то время как до революции, с Польшей, Литвой, Молдавией, евреи составляли 2,4% населения). В Москве евреи составляли в 1920 году — 2,2% населения, в 1923 г. — 5,6% и в 1926 г. — 6,5%».*

Но ведь и их дети занимали места чьих-то детей, может быть, даже и не родившихся. Еще подростком я сделал такое наблюдение. Мои родители происходили из самой небогатой и нечиновной дореволюционной интеллигенции. У них сохранился небольшой круг знакомых, в основном еще гимназических друзей. И вот я заметил, что все они либо были не женаты, либо не имели детей. Да и у моих родителей я

был единственный ребенок. Потом я вспомнил, что и в школе не встречал детей из русских дореволюционных интеллигентских семей. Из приятелей, которых я могу вспомнить, у одного отец был электромонтер, другой жил с матерью, которая была уборщицей… У меня были приятели по школе, родители которых были врачи, инженеры, адвокаты… Но они были евреи. То есть по моим личным воспоминаниям, русская дореволюционная интеллигенция вымирала. И после этого оставалось пустое, «свободное» место. Гораздо позже, уже в 1970-е годы один еврейский публицист так суммировал ситуацию:

> *«Заменив вакуум, образовавшийся после исчезновения русской интеллигенции, евреи сами стали этой интеллигенцией».*

Евреи не были затронуты уничтожением помещиков и дворян. Тем более, их не коснулся самый страшный катаклизм этой эпохи — коллективизация и раскулачивание. Для сравнения: в конце 20-х годов создавались сельскохозяйственные еврейские поселения в Крыму и под Одессой. Они были строго добровольными, поселенцы бесплатно снабжались машинами и скотом, освобождались от налогов. В 1923 году Госбюджет выделил на эти поселения 5 млн., американская еврейская организация «Джойнт» — 20 миллионов! А всего-то по плану должно было быть поселено 26 000 семей, но и этот план не удалось выполнить… Кровью крестьянства была выиграна война, а «инвалиды — жители сельских местностей» не получали даже пенсии. В 1946 году многие сельские районы опять посетил голод, но к тому времени, как мы слышали, 98% евреев уже жило в городах. Дальше все уже шло «само собой», почти без усилий. Приведу один пример из более позднего времени. В издающемся в Израиле на русском языке журнале рассказывается следующая история.

> *«Елена Исааковна Щорс, числящаяся по паспорту русской, на самом деле является внучкой Героя граж-*

данской войны Николая Щорса, легендарного командарма, известного по песне "След кровавый стелется по густой траве".

Женой Щорса в то незабываемое время была Фрума Ростова, настоящую фамилию которой я не знаю. Эта железная чекистка Фрума, давя контрреволюционеров, как клопов, во вверенном ей для этой цели городе Ростове, сумела родить от Н. Щорса дочь Валентину, которая, в свою очередь, подрастя, вышла замуж за физика Исаака Халатникова, в настоящее время являющегося членом-корреспондентом Академии наук СССР (напечатано в 1976 г.; позже — академик). История его карьеры еще более поучительна, так как, живя в городе Харькове, он был вызван академиком Ландау для учебы в его семинаре. В то время Ландау, угнетенный длинным списком еврейских фамилий, образующих школу его учеников, натолкнулся на фамилию Халатникова, что дало ему повод ошибочно подумать, что он разбавит школу физиков-теоретиков хоть одним русским человеком, о чем его неоднократно просили партия и правительство. Можно представить, как матюгался Ландау, узнав, что этот харьковчанин Халатников никакой не Халатников, а Исаак Маркович».

С какой удивительной легкостью, с одесским юмором подается здесь и тема «железной чекистки, давившей контрреволюционеров, как клопов», и более современная тема «длинного списка еврейских учеников» Ландау. Ведь это тяжелое моральное обвинение: все равно как брать на работу только своих родственников.

Мне неизвестно, насколько правильно автор описывает положение в школе Ландау, скорее, его статья характеризует направление опубликовавшего ее журнала. Однако в высказываниях учеников другого крупнейшего физика-теоретика (и математика) того времени Боголюбова чувствуется го-

речь, вызванная положением «аутсайдеров» по отношению к уже сложившейся школе Ландау. Началось все с конкуренции глав школ на почве теории сверхтекучести гелия, о которой Боголюбов доложил в Академии наук в 1946 году, а Ландау к тому времени занимался более 5 лет. Ученик Боголюбова, Д. Широков (впоследствии академик) пишет:

> *«По воспоминаниям участников… собрания, Дау (Ландау) резко критиковал докладчика. Однако он скоро переварил и оценил все услышанное, так как всего лишь две-три недели спустя направил в печать статью, где ad hoc (т. е. без обоснования. — И. Ш.) была предложена кривая с перегибом для спектра возбуждений… Кривая Ландау вытекает из формулы Н. Н. (Боголюбова) при некоторых предположениях о характере взаимодействия между атомами гелия-II. Однако какой-либо ссылки на Н. Н. в публикации Ландау не содержится».*

Другой ученик Боголюбова, В. Г. Соловьев пишет:

> *«Осенью 1953 года Н. Н. Боголюбов был избран академиком по Отделению физико-математических наук. В это время господство школы Ландау было полным. Поскольку работы Н. Н. Боголюбова, выполненные вне школы Ландау, вызывали большой интерес, то всячески подчеркивалось, что он не физик-теоретик, а математик».*

В связи с избранием Боголюбова академиком, я сам помню, что знаменитый математик Л. С. Понтрягин рассказывал мне позже, что Ландау (с которым они тогда были в приятельских отношениях) говорил ему:

> *«Как жаль, что Вы не баллотируетесь, а то бы мы Вас избрали вместо Боголюбова».*

Причем основные достижения Понтрягина относились тогда к топологии, и Ландау никак не мог их оценить. Говоря о начале 1950-х гг., тот же В. Г. Соловьев пишет:

> *«Если на семинаре Ландау доклад одобрен, то тем самым одобрена публикация или диссертация. Если научное направление не получило поддержки на семинаре, то оно практически не имело шансов для развития... Под исправным участником семинара считался тот, кто сдал теоретический минимум Ландау, состоявший из девяти экзаменов. Во время каждого экзамена, который лично принимал Ландау, нужно было решить три задачи и ответить на дополнительные вопросы… Я узнал, что некоторые экзаменующиеся заранее знали предлагаемые задачи. Я же не знал ни одной… и поэтому посчитал… что, возможно, имеет место какой-то скрытый отбор».*

Дальше автор говорит по поводу учеников Боголюбова:

> *«Создавались искусственные трудности нашим публикациям редакцией "ЖЭТФ" и существовавшей тогда советской редакцией "Nuclear Phisics"».*

Потом он пишет:

> *«После 1965 года школы Ландау и Боголюбова, а также другие направления в теоретической физике мирно сосуществовали».*

Но я думаю, что такому мирному концу значительно помогли совершенно экстраординарные политико-административные способности Н. Н. Боголюбова.

А дело ведь явно не ограничивалось одной школой. Я помню аналогичные научные школы и семинары в математике. И дело не ограничивалось одной страной. В миро-

вом масштабе так создавались репутации, решались вопросы приоритета, раздавались знаменитые премии…

Но все эти соображения не затрагивают все-таки самой сущности проблемы. Вот к обсуждению этой сердцевины вопроса я и хочу сейчас перейти. Как мне кажется, она заключается в том, что талантливость народа в принципе не измеряется талантливостью отдельных его представителей.

Когда мы говорим, например, о человеке, то имеем в виду не идеальную работу какого-либо его органа, вроде поджелудочной железы, но ту деятельность, которая свойственна его человеческой индивидуальности, в старомодной терминологии, произведение его души. И талантливый народ опознается не по количеству его талантливых представителей, но по способности создавать собственные, только этому народу свойственные ценности — плоды народной души, как греческая драма, итальянская живопись, немецкая музыка, русская литература, персидская поэзия… Иногда — это продукт творчества нескольких близких народов: например, современная физико-математическая картина мира создана романо-германскими народами.

В этом смысле евреи как народ оказались лишенными творческого начала. Еще в древней Иудее вся культурная деятельность была, по-видимому, полностью подавлена единой целью — созданием этноцентрической религии. И позже вряд ли кто-либо может указать хоть какой-то продукт именно еврейской культуры. Это можно было бы пытаться объяснить тем, что жизнь евреев протекала в рассеянии, хотя не мешало же это им сохранять сознание национального единства, а у других народов это сознание всегда бывает связано с существованием национальной культуры. Но вот создание чисто еврейского государства Израиль в этом ничего не изменило. Положение стало даже более острым. Казалось бы, такие яркие еврейские таланты проявляются в странах, где евреи вкраплены в незначительных количествах, как уран в окружающей руде. Если их соединить вместе, должен был бы произойти просто атомный культурный взрыв! Но на деле ока-

залось — пустота. Даже в специфически еврейских областях деятельности. Например, почти все лучшие скрипачи мира — евреи, но я не слыхал ни об одном, вышедшем из Израиля. То же относится к шахматистам. Израиль (как признанное государство) существует уже более полувека, а он породил меньше талантов, чем другие маленькие страны: Голландия, Дания, Норвегия. Мы видели и в этом обзоре, что евреи внесли большой вклад в развитие определенных течений человечества. Например, в развитие капитализма в Западной Европе. Но капитализм уже складывался в Италии, Франции. Евреи участвовали только в том, чтобы придать ему определенные черты: финансово-спекулятивное направление. Или в развитии социализма в XIX и XX веков. Но сам социализм как учение существовал задолго до этого, с Платона. Евреи же играли громадную роль в превращении его в основу революционного движения, в победе социалистической революции и утверждении революционной власти. Кроме того, евреи, после эпохи эмансипации (в XIX—XX вв.), участвовали в культурной деятельности многих стран, наряду с представителями коренных (как сейчас говорят — титульных) народов. Например, в развитии немецкой литературы и музыки, общеевропейской физики и математики, мировых финансах и т. д. И в своей собственной специальности — математике — я знаю много имен еврейских способных, талантливых математиков начиная с XIX века, в своей жизни встречал их и сам. Но все они действовали в той культурной математической традиции, которую уже создали западноевропейские народы. В ней японцы, евреи, русские, китайцы и т. д. были лишь продолжателями. Да хоть такой яркий пример, как гениальный цикл песен Шостаковича «Из еврейской народной поэзии». Видимо, существовал яркий фольклор еврейских местечек, частично был даже собран (как я слышал, еврейскими музыкантами). Но, чтобы превратить его в музыку мирового масштаба, понадобился Шостакович.

Я способен указать лишь на один творческий акт, свойственный именно евреям как народу, это создание самих

себя: совершенно уникального, не встречавшегося до того сплава религии и национальности, замешанного на идее избранности. И сохранение и укрепление этого удивительного феномена на протяжении более чем двух тысячелетий. Но это совсем не те плоды культуры, о которых мы говорим в связи с греками, римлянами, немцами, китайцами и т. д. В обычном же, более стандартном понимании, евреи участвуют в деятельности других народов, в рамках уже созданной этими народами культуры. Причем делают развитие некоторых областей или направлений более интенсивным. В своей старой работе «Русофобия» я сравнивал роль евреев в русской революции с ролью катализаторов в химических реакциях. Это вещества, ускоряющие химическую реакцию, хотя в их отсутствие реакция все равно бы происходила, но менее активно.

С этим связана более глубокая, объективная опасность слишком значительного участия евреев в развитии какой-то области. Они сами нуждаются в том, чтобы существовала основная масса представителей народа, в принципе создающего новую культуру. Без этого (т. е., например, если евреи становятся большинством, «доминируют») само культурное творчество иссякает, в нем не остается места и для евреев. Наступает ситуация, аналогичная той, которая существует в государстве Израиль.

А ведь сейчас в мире имеются именно подобные тенденции. Социолог Кац из Иерусалимского университета пишет:

> *«Возникает вопрос, кому предстоит стать интеллектуальной элитой постиндустриального общества — евреям или населению, составляющему абсолютное этническое большинство в той или иной стране».*

Автор обращает внимание на то, что

> *«…при этом Израиль должен стать центром и притом духовным центром мирового еврейства…» —*

и выражает сомнение:

> *«Вряд ли это этническое большинство согласится на то, чтобы 80 или 100 процентов евреев имели высшее образование, а остальное население отставало от них во много раз, чтобы евреи оставались руководителями ведущих научных центров в тех странах, где по численности они составляют ничтожный или сравнительно ничтожный процент».*

«А ведь так выглядит картина сегодня», — продолжает автор и приводит ряд действительно поразительных примеров: в основном техническом институте США — Массачусетском технологическом институте — едва ли не все ведущие научно-административные посты, включая должность президента института, занимают евреи, президентом Лондонского Королевского общества (английской академии в области естественных наук) является еврей, евреи занимают ведущие места во многих университетах Франции и других стран Запада.

Здесь проглядывается некая концепция ближайшего будущего человечества, почти «Утопия»: с переходом к постиндустриальному обществу творцами культуры становятся не индивидуальности, не Галилеи, Ньютоны, Фарадеи, не Рублевы или анонимные средневековые иконописцы и строители храмов, а громадные коллективы — предприятия и научно-исследовательские институты. Само понятие «культура» приобретает новый смысл — это массовое, машинное производство, та «штемпелеванная культура», о которой писал А. Белый. А вождями этой деятельности становятся евреи, объединенные мировым духовным центром — Израилем. Здесь страшит даже не то, что евреи узурпируют роль, которую могло бы играть «этническое большинство», а то, что эта «Утопия» уж слишком похожа на предвидения Замятина, Хаксли и Орвелла.

Глава 17

Обсуждение

1. «Что такое еврей»

Здесь мы попытаемся сформулировать некоторые выводы из предшествующих, исторических, глав. Эти выводы, безусловно, дают картину с очень большим числом белых пятен. История еврейства слишком объемна (хотя бы только по охватываемому ею времени), чтобы ее можно было охватить какими-то четкими формулировками. Да и Достоевский еще писал:

> *«Не настали еще все времена и сроки, несмотря на протекшие сорок веков, и окончательное слово человечества об этом великом племени еще впереди».*

Мне кажется, что мысль эта вполне верна и сейчас. Поэтому я ставлю себе очень ограниченную цель — извлечь из известных исторических фактов несколько конкретных выводов, которые пригодились бы в будущем (я имею в виду прежде всего русских, но не только их), чтобы выработать свое отношение к этому загадочному явлению — еврейству. А точнее, установить такие отношения с ним, которые учитывали бы наши основные исторические цели.

И прежде всего, мы можем вернуться к вопросу, обсуждавшемуся в начале работы: что за общность образует еврейство? Недавно этому вопросу посвятил особую работу влиятельный в еврейских кругах раввин Адин Штейнзальц. Заголовок этой работы: «Что такое еврей» — мы и переняли в качестве заголовка раздела. Хотя вопрос сам по себе не новый — об этом

много писали, в том числе и еврейские авторы: что такое еврейство? — нация, религия или некий «дух еврейства»? Как оказалось, вопрос этот очень тонкий, и я не собираюсь предложить на него свой ответ, лишь суммировать некоторые наблюдения, вытекающие из предшествующего исторического обзора.

Приведенные выше исторические очерки позволяют отметить некоторые постоянно встречающиеся черты, которые связываются с еврейством. Так, в книге об «Антисемитизме в древнем мире» С. Я. Лурье отмечает особое свойство еврейского народа (в античности):

> *«Он, не имея ни своей территории, ни своего языка, и, будучи разбросан по всему миру, тем не менее… остается национально-государственным организмом».*

Достоевский говорит:

> *«Нет, такой необыкновенно сильный и энергичный народ, такой беспримерный в мире народ не мог существовать без Status in statu» (т. е. не образуя государство в государстве. — И. Ш.).*

И Яков Клацкин пишет о «еврейском государственном устройстве»:

> *«Мы спасли его как переносное государство, которое и в диаспоре создает нам аналог государственной автономии», «прочная стена, созданная нами, отделяла нас от народа страны, а за стеной жило еврейское государство в миниатюре».*

Русский религиозный философ XX века о. С. Булгаков говорит:

> *«И самой таинственной из судеб Израиля остается именно его единство».*

И другой мыслитель того же течения В. Зеньковский:

> *«Что больше всего поражает в еврействе после рассеяния — это его единственная и исключительная живучесть как национального целого».*
>
> *«Мировое еврейство… остается единым… во внутренних императивах жизни, определяющих особую судьбу, особый путь еврейства».*

Все это лишь разные аспекты наблюдения Гретца о «чудесной взаимосвязи, нерасторжимо соединяющей члены еврейского мира», которое было приведено в самом начале работы.

Естественно, проще всего было попытаться найти объяснение при помощи тех категорий, которые обычно в истории формируют человеческие общности: религии и нации. Например, дореволюционное русское законодательство воспринимало евреев исключительно как религиозную общину («лица иудейского вероисповедания»). Такова же была точка зрения евреев в период увлечения эмансипацией и ассимиляцией: «Мы — просто немцы Моисеева закона» (или англичане, русские и т. д.). Сейчас превалирует другая точка зрения: евреи — это национальность. Так, сионизм в эпоху Герцля и Вейцмана был чисто светским национальным течением. Например, Вейцман говорил (после Второй мировой войны, в связи с созданием государства Израиль):

> *«Хотя мы будем уважать верования каждого человека, мы не можем перевести стрелки часов назад, сделав религию основой государства… Религия не должна контролировать деятельность государства».*

(Правда, реальность оказалась не соответствующей этой декларации.)

Спор о том, являются ли евреи нацией или объединены религией, имеет и более давнюю историю. Он бросает, на-

пример, свет на загадочную раннюю статью Маркса «К еврейскому вопросу». В ней имеется ряд поражающих высказываний, например:

> *«Химерическая национальность еврея есть национальность купца, вообще денежного человека. Деньги — это ревнивый бог Израиля, перед лицом которого не должно быть никакого другого бога».*

Если эти мысли были бы опубликованы сейчас, то Маркс немедленно был бы заклеймен как антисемит.

Видимо, объяснение такой странной ситуации связано с более широким контекстом этой статьи. Она является ответом на две статьи Бруно Бауэра по тому же вопросу. В них Бауэр доказывает, что еврейский вопрос — это вопрос религиозный. Христианское государство, утверждает он, не основывается на принципе равных прав. Евреи должны либо бороться против самих принципов христианского государства, либо довольствоваться местом (и рядом привилегий), им предоставляемым. Они хотят, однако, оставаясь евреями, иметь те же права, что и христиане, то есть требуют для себя особого положения. Для Маркса же была особенно неприемлема концепция, основывающая историю на религиозных принципах, ему необходимо было свести всю ситуацию к экономическим взаимоотношениям евреев и христиан. Ради этого он готов рисовать своих соплеменников самыми черными красками и делает даже знаменитое предсказание:

> *«Как только обществу удастся упразднить эмпирическую сущность еврейства, торгашество и его предпосылки, еврей станет невозможным…»*

(Что было так убедительно проверено в России после революции 1917 г.!)

Видимо, ни одна из этих точек зрения, что еврейство — это религия или нация, — не делает все явление более по-

нятным. Все, что было в этой работе раньше изложено, приводит, мне кажется, с необходимостью к тому, что для понимания требуется соединение обеих точек зрения: еврейство является уникальным сплавом религии и нации. Все недоумения происходили из того, что еврейство пытались вместить в один из известных рядов исторических явлений. Либо говорили: это народ, как греки, римляне, немцы, французы… Но выходило непохоже. Либо, что это религия: как античное язычество, буддизм, индуизм, христианство, ислам. И опять не подходило. Разгадка в том, что это — явление без аналогов в истории: единственный случай этноцентрической религии и скрепленной религиозным чувством нации, причем оба компонента соединены идеей избранности. Это видно в таком осколке современного еврейства, как Израиль. Более 80% населения считает себя атеистами, а раввинат определяет важнейшие стороны жизни: форму брака, признание гражданства и т. д. Очевидно, ортодоксальный иудаизм признается атеистическим населением Израиля необходимым фактором национального сплочения.

Такого сплетения, взаимопроникновения нации и религии не было нигде. Античные греки считали, что их боги — также и боги троянцев. Согласно Гомеру, троянцы поклонялись Зевсу, Аполлону, Афродите. Когда греки соприкоснулись с более широким кругом народов, они исходили из того, что те поклоняются тем же богам, лишь под другими именами. Например, Геродот говорит: «Египтяне поклоняются Дионису, которого они называют Озирисом». Так называемые мировые религии: буддизм, христианство, ислам, тем более, обращаются ко всему человечеству. Но если вспомнить такие талмудические изречения (приводимые Эйзенменгером):

> *«…народы земли не называются людьми, так как их души происходят от нечистого духа, людьми же называются израильтяне, души которых происходят от святого духа Божия».*

Рабби Симон бен Иахаи говорит:

> *«Вы называетесь людьми, другие же народы называются не людьми, но скотами», —*

то становится очевидным, что мы имеем дело с каким-то явлением совсем иного плана, чем известные религиозные или национальные группы.

Итак создалась очень устойчивая традиция. Например, известный современный еврейский идеолог М. Гефтер, вспоминая свою молодость, пишет:

> *«…я не был тогда евреем. Знал, но не ведал. Быть может, отталкивал это знание, но все же не из страха! Скорее — следуя комплексу Маугли».*

То есть: образ человеческого ребенка среди зверей, совершенно в духе рабби Симона бен Иахаи. Да и Нахум Гольдман спрашивает, в чем защитный механизм, сохранивший еврейство при всех преследованиях? И отвечает:

> *«Этот механизм может быть описан в нескольких словах; евреи относились к своим преследователям как к низшей расе».*

Более того, еврейство не является формальным объединением еврейской национальности и иудаизма. О каких религиозных или национальных корнях можно говорить, например, в связи с евреями, участвовавшими в революции 1917 года: Троцким, Зиновьевым и т. д.? Так, Литвинов был убежденным сторонником еврейской ассимиляции и в анкетах писал себя русским, Максимом Максимовичем, хотя от рождения назывался Меер Генох Мовшевич Баллах.

Живущая сейчас в Германии С. Марголина — публицист из «третьей эмиграции» — предлагает пересмотреть этот вопрос:

«Вопрос, который обычно обходится при обсуждении особой роли евреев в советском обществе, несмотря на его центральный характер, таков: правильно ли приписывать еврейскую национальность ассимилированным евреям, не воспринимавшим себя как евреев? Во время революции, когда пришли к власти евреи, оторвавшиеся от еврейства, национально-еврейские мыслители подчеркивали, что революционеры не были "подлинными" евреями или даже были предателями еврейского народа. Однако это была защитная мера против обвинений евреев в ответственности за красный террор. Симон Дубнов… считал эти тонкости и подразделения несущественными сравнительно с ненавистью населения. В 1918 году большевистское ЦК в Смольном в народе называли "еврейским правительством".

Дубнов с горечью занес эту "шутку" в дневник, вполне осознавая, что она полностью соответствует истине…

Со своим народом нельзя порвать просто по своему "желанию" или "решению". Можно воспринимать себя как нееврея и все же принадлежать еврейской традиции со всем, с чем она связана…

На вопрос о его еврействе Троцкий отвечал: я социал-демократ и ничего больше… Евреи, отказывавшиеся, как Троцкий, от еврейства, не хотели понять, что их тип "нееврейскости" был типично еврейским… Исаак Дейчер писал: "Еврейский отщепенец, порывающий с еврейством, принадлежит вполне определенной еврейской традиции"».

Некоторые идеи, воспринятые первоначально в религиозной форме, могут впитываться народом на протяжении многих поколений, а потом проявляться у потомков, порвавших с религией, но в другой формулировке. Так, Куприн в письме Батюшкову, цитированном в гл. 10, приводит прямо

«словарь» для перевода одной и той же идеологии с языка Ветхого Завета на язык современного эмансипированного еврейства. Он говорит, что основная концепция современного ему прогрессивного еврейства есть только перевод на другой язык основных положений ортодоксальной еврейской традиции и сводит их в такую таблицу:

Современная точка зрения	Традиционная точка зрения
а) еврейский народ — самый талантливый, с самой аристократической кровью;	а) еврейский народ — избранный, божий народ и ни с кем не должен смешиваться;
б) исторические условия лишили его государственности и почвы и подвергли гонениям;	б) но Бог разгневался на него за грехи и послал ему испытания в среде иноплеменных;
в) никакие гонения не сокрушили еврейства, и все лучшее сделано и будет сделано евреями.	в) но Он же пошлет Мессию и сделает евреев властителями.

И С. Марголина пишет:

> *«Еврей — не фантастическая выдумка. Его самовосприятие начинается с ощущения своего "различия". Прежде всего это связано с традицией "избранности", которая после потери религиозного содержания трансформировалась в чувство превосходства. То есть еврей ощущает себя другим не только ввиду своего опыта соприкосновения с неевреями, но также через передаваемое культурой целеположение "быть чем-то иным и особенным".*

Или, Зиновьев в «Истории РКП(б)»:

> *«Они ("экономисты") говорили: "Что же, по-вашему, рабочий класс — мессия"? На это мы отвечали и отвечаем: мессия, мессианство — это не наш язык, мы не любим таких слов. Но то понятие, которое в них вкладывается, мы принимаем: да, в известном смысле ра-*

бочий класс — мессия и роль его — мессианская, ибо это тот класс, который освободит весь мир».

Вот так, переведенные на другой язык, религиозные идеи могут вдохновлять и объединять людей, считающих себя атеистами и материалистами.

Розанов утверждает, что еврейство образует общность более тесную, чем национальная или религиозная:

«Они в сущности родные друг другу».

Так их характеризует и Гершензон:

«14 миллионов людей, чувствующих себя как бы одной семьей».

Да и рабби Штейнзальц, в статье, название которой мы приняли для этого параграфа, предлагает свою точку зрения: евреи — это «Дом Якова» или «Дом Израиля», это — семья, то есть такая общность, из которой невозможно выйти, даже декларируя публично свой разрыв с ней.

И В. Топоров, как бы «изнутри», описывает нетривиальный характер этого «единства»:

«Внешность, фамилия, родственные связи, трудно уловимые, но все же вполне определенные черты национального поведения выделяют этнических евреев, метисов и порой квартеронов (сильная кровь!); среди опознавательных признаков надо, несомненно, назвать болезненную реакцию на саму постановку еврейского вопроса, зачастую присущую и людям нееврейского происхождения, но состоящих в браке с евреем или еврейкой, особенно при наличии детей».

Конечно, в истории люди часто объединялись: в государства, племена, партии, разные союзы. Но, начиная с ан-

тичности, современники (в том числе и еврейского происхождения) выделяли еврейство как нечто отличное от других аналогичных явлений. Приведу одну аналогию. Отдельная пчела является, по ряду признаков, довольно примитивно организованным существом: например, она не может поддерживать температуру, отличную от температуры окружающей среды. Но пчелиный улей имеет многие черты гораздо более высоко организованного существа. Например, в нем поддерживается постоянная температура +33…+34°С (в той части улья, где находятся яйца и личинки и в период их выращивания). Пчелы все время обмениваются пищей (когда радиоактивный сироп дали менее чем 0,1%, вскоре 70% всех пчел стали радиоактивными). То есть улей обладает аналогом обмена веществ. Пчелы, все время помахивая крылышками, создают ток воздуха — аналог дыхания. Наконец, улей «размножается» половым путем: трутни и матки по набору хромосом аналогичны мужским и женским половым клеткам. Ввиду ряда таких свойств некоторые энтомологи считают, что функционирование улья можно понять, лишь мысля его как СВЕРХОРГАНИЗМ, клетками которого являются отдельные пчелы. Отметим, однако, что подобная форма организации жизни встречается лишь среди низших животных, а более высокие формы жизни связаны с развитием различных аспектов индивидуальности и индивидуальных связей.

Вот такой сверхорганизм и возник в виде еврейства. Его возникновение заняло более двух тысячелетий и включало создание религиозной концепции избранного народа, идеологии классического иудаизма и кагальной организации, многочисленных еврейских организаций (типа ордена Б'най Б'рит) и других «закрытых» еврейских обществ современного Запада.

В истории встречаются и другие человеческие объединения, аналогичные сверхорганизму. Яркий пример — большевизм, опирающийся на «партию нового типа». Именно от большевизма нам сохранилось наиболее яркое описание этого явления «изнутри» — свидетельство руководящего боль-

шевика Пятакова. Это его рассказ (во время поездки за границу) своему бывшему партийному товарищу, записанный, а потом опубликованный там. Пятаков подчеркивает именно отказ от своей индивидуальности ради слияния с партией, жертву «гордостью, самолюбием и всем прочим». Он даже заявляет, что если партия признает черным то, что ему видится несомненно белым, то и он заставит себя считать так же. Он описывает, как мучительно такое «насилие над собой». Сравнительно с этим «отказ от жизни, выстрел в себя из револьвера — сущие пустяки». Но все искупается необыкновенным чувством «чести и счастья» быть в рядах партии, «делающей невозможное возможным». (Полный текст сохранившегося рассказа Пятакова я привел в своей книге о социализме.) И параллелизм здесь не случаен: речь идет о духовно родственных явлениях. Если Шахак называет средневековые еврейские общины, построенные по типу кагалов, «одним из самых “закрытых” и тоталитарных обществ во всей человеческой истории», то неудивительно, что сложившаяся там духовная традиция была незаменима для создания тоталитарного общества XX века. Если Гершензон пишет, что в еврействе народная воля «должна была пропитать личную волю каждого индивидуума», то это напоминает слова Пятакова, что «идейный большевик-коммунист» будет считать черным то, что, как он видит, белое, если таково решение партии.

Именно благодаря этим качествам «сверхорганизма», созданным за несколько тысячелетий, еврейское участие в образовании нового «сверхорганизма» оказывается особенно эффективным. Мы пережили это в русской революции 1917 года и последовавшие десятилетия. Когда же, в силу самых естественных причин, число евреев в руководящем слое общества упало (лишь сравнительно с прежним, — оставаясь значительно выше доли в населении), то и коммунистическая власть распалась. Россия была подчинена другому, капиталистически-спекулятивному укладу — и в этом повороте еврейское влияние оказалось столь же доминирующим.

2. «Судьбы еврейского народа»

Розанов, много думавший о роли евреев в нашей жизни, писал: «Ни об одном еще народе не хочется так сказать, что он — с “призванием”, будь то добро или зло, свет или тьма. Факт — в некоторой специализации, в существовании “исключительных способностей”; некоторого “штанд-пункта” в бытии ли историческом, в психологии, “умоначертании”». Можно ли из известной истории того, как формировалось еврейство, вывести, в чем заключается это «призвание»? Ведь это, собственно то же, что ответить на вопрос, в чем «смысл» или «цель» истории еврейского народа. Можно сразу же отмести такие вопросы, как «слишком неопределенные» и «не имеющие смысла». Но вот великий композитор — Шостакович — писал, по поводу именно той области, которой он посвятил свою жизнь: «Смысл в музыке — это для многих звучит непривычно… Но, несмотря на их наивность и даже грубость, эти вопросы, несомненно, имеют право на существование». Может быть, тогда это верно и в отношении вопросов о смысле в истории? И уж тут трудно не согласиться с Розановым — если по поводу какого народа, то, прежде всего, еврейского, такой вопрос оправдан всей историей. Другое дело, что вопросы эти предельно трудны. И Достоевский предупреждал, что для ответа на них «не пришли еще времена и сроки». Тем не менее об этом было написано много. И сама многоголосица мнений показывает, что короткого и окончательного ответа нет. Из всего, что мне известно, на меня самое глубокое впечатление произвела работа М. О. Гершензона «Судьбы еврейского народа», ее название я и взял в заглавие этого параграфа. Прежде всего, для меня было ошеломляющим открытием: Гершензон, автор и даже организатор «Вех», тонкий специалист по русской литературе, казался мне примером полностью ассимилировавшегося еврея (да он не раз и писал «мы, русские интеллигенты»…); а тут такая страстная поглощенность судьбой еврейского народа! А кроме того, работа насыщена сильным чувством

и глубокими, убеждающими мыслями. Например, статья Гершензона в «Вехах» производит гораздо меньшее впечатление. Автор, видимо, чувствует неразрешимость вопроса приемами привычного нам рационального мышления, опирающегося на исторические или социологические факторы, поэтому он апеллирует скорее к образам и чувствам.

К сожалению, объем нашей работы позволяет привести лишь некоторые отрывки из статьи Гершензона. Вот как автор характеризует всю эту эволюцию в целом:

> *«Глубокомысленный, сложнейший замысел — и элементарная ясность плана; основные линии так отчетливы, что их способен проследить ребенок; но каждая определена тончайшими соображениями и служит многообразным задачам целого: таковы создания гениального художника — и так творила душа еврейского народа его внешнюю историю».*

И более подробно, по этапам:

> *«Если всмотреться поближе, в зачатках еврейства обнаруживаются странные черты… Еврейский народ твердо помнил из своего детства одно: что его религия и законы образовались не обычным путем, не в прочном укоренении оседлости, а на ходу, в движении. Это была страстная, нетерпеливая воля…Сплотив из песчинок неразложимый народ, она тотчас изнутри расколола его и потом столетия дробила на части, все мельче, пока вовсе не распылила совсем. Но новые атомы должны были быть качественными, отличались от первоначальных: в каждом из них должна была действовать народная воля. Она должна была проницать личную волю каждого индивидуума так, чтобы он, осуществляя свои эгоистические желания, самым характером своих желаний и способом их осуществления служил ее целям.*
>
> *Изгнание было нужно душе народной; она захотела оторваться от земли, исторгнуть свои корни.*

При Ездре и Неемии… еврейство сделалось как бы одним твердым телом, не плотски — но духовно, ибо все атомы его были теперь пропитаны единой волей.

Катастрофа 70-го года, окончательное крушение еврейского царства, не была внешним событием, но сама воля еврейства, довольно и обдуманно произвела ее в вещественном мире своими духовными силами, в срок, какой она сочла благовременным.

Еврейское начало в мире кипятилось и процеживалось более тысячи лет; теперь оно было окончательно готово: крепчайший и чистый настой (…). На протяжении дальнейших веков еще несколько раз приходилось крепче затягивать срединный узел, чтобы еврейский ум не разложился в человечестве; таково было создание Мишны во II и Талмуда в V веке, таков был раввинат и кагальная система.

В общем цель достигнута: еврейство не имеет земного града.

За две тысячи лет еврейство сумело порвать крепчайшие цепи, какими человек привязан к земле. Потому же, я думаю, еврейский народ стал народом подвижных профессий, народом ремесел, торговли, обмена. Земледелие запрещено еврею его народным духом, ибо, внедряясь в землю, человек всего легче прирастает к месту и к устойчивой форме жизни. 14 млн. людей, чувствующих себя одной семьей, разбросано по 70 странам; народ, имевший свою культуру, внутренне распылен по двадцати инородным культурам; народ, забывший родную речь и говорящий на многих чужих языках, народ-хамелеон, народ-торгаш, оторванный от природы, хиреющий в городах».

Автор задумывается и над тенденцией, значит, в каком-то смысле, над целью этой эволюции. Он подчеркивает, что она далеко небезболезненна, конфликтна:

«Не безделицей было еврейство для мира все эти двадцать веков: народы со жгучим интересом следили за ним, и чем дальше смотрели, тем ярче их взор разгорался страхом и ненавистью. В том деле, которое делает еврей, есть какая-то вечная истина, но какая страшная. Мир думал, что он казнит еврейство, а на самом деле служил ему, как он служит всякой воле. Если бы не религия, не Тора и сознание общности своей, народ не прошел бы сомкнутым строем через такие муки. Вот последняя неподвижность: для верующего еврея — незаменимая Тора и неразложимое еврейство; для неверующего — по крайней мере последнее. Сказать ли мое предвидение? Но факты сами гласят, как открытая книга. Я вижу, что таинственная воля еврейского народа направлена к тому, чтобы разрушить и этот последний оплот…

Мне кажется, еврейство вступает ныне на последнюю стадию своего пути.

Мы уже теперь можем с уверенностью предвидеть: человек в еврействе станет нищ духом; не к этой ли цели стремится и все человечество.

Они насытятся пищей, которой мир еще не вкушал, ибо все мирские ценности — как бутафорские яства».

В работе Гершензона, сильно склоняющейся в мистическую сторону, можно выделить несколько конкретных положений, которые можно сопоставить с приведенным выше историческим материалом, да и фактами современной жизни.

• Неустанная, на протяжении трех тысячелетий, выработка сплоченности еврейства, подчинения его «единой воле»: как «кипячение и процеживание настоя».

• Также движущийся в одном направлении процесс, характеризуемый терминами «отрыв от земли», «отрыв от корней», «еврейство… не имеет земного града».

• В столь тяжелых условиях единство поддерживается религией (Тора, Галаха) и национальным самоощущением.

• Предвидение, что и эти связи будут разрушены. На первый взгляд звучит парадоксально: что же тогда значит еврейство, если отказаться от этих двух принципов общности — религии и нации?

Но ведь, например, Радзиховский насчитывает в России примерно 600 тыс. евреев по паспорту и около трех млн. «в еврейской сфере». Растет число смешанных браков среди евреев, сейчас оно уже превышает половину всех браков. Так, может быть, это осуществление мечты ассимилицианистов: евреи «растворяются» в русских? Но Гершензон понимает это иначе:

«Зерно прорастает — шелуха должна лопнуть».

Он пишет:

«Кто есть еврей? — В ком действует народная сила еврейства… национальная воля, действующая в нем, сама уклонит его шаги на должный путь».

Видимо, во всем мире сложился слой, состоящий из ортодоксальных и из нерелигиозных евреев, тех, кто (по ленинскому определению) «с примесью еврейской крови», членов их семей и людей, так или иначе примыкающих к еврейству, как вообще часто люди льнут к любой власти.

Чем же объединяется весь этот слой? Шахак указывает, как на организующий центр — ортодоксальное еврейство с центром в Израиле и еврейские национальные организации в диаспоре (то есть по всему миру). Он утверждает, что Израиль контролируется раввинатом и его политика определяется в большей степени, как он говорит, «еврейской идеологией», чем геополитическими (хотя бы и империалистическими) интересами страны. Но, говорит он:

«Кроме политики Израиля, как можно думать, "еврейская идеология" влияет и на значительные группы, если не на большинство евреев диаспоры».

Это влияние, особенно в США, как он говорит, осуществляется через еврейские организации «закрытого» (эксклюзивного) типа, которые в принципе не допускают нееврейских членов. И зная, как еврейство умеет внушить другим свои точки зрения, заразить своим настроением, можно себе представить, как велико воздействие радикального, организованного еврейства на других евреев, членов их семей и близких им людей. Например, Израиль совершает агрессивные, террористические действия против арабов, вызывая их крайнюю ненависть. А потом евреи диаспоры запугиваются угрозами, что если теперь не поддержать политику Израиля, то арабы там перережут всех евреев, да, пожалуй, начнутся еврейские погромы и по всему свету. Я хорошо помню, как лет 12 тому назад у нас в стране несколько раз возникала волна страхов близких погромов. И если сам процесс, вероятно, был искусственно организован, то истерика страха, скорее всего, была искренней.

Так что речь, по-видимому, идет о власти (в наше время — власти над почти всем миром) некоторого слоя, в котором евреи (как бы это слово ни понимать), возможно, и не составляют большинства, но их участие необходимо для единства и дееспособности всего слоя. Уж на что Гершензон: русский интеллигент, знаток русской литературы, участник и даже организатор «Вех»; судя по многим указаниям — не религиозен, уж тем более не связан ни с каким кагалом, но и он это ярко ощущает:

> *«Еврейское начало неистребимо, нерастворимо никакими реактивами. Еврейский народ может без остатка раствориться в мире — и я думаю, что так и будет, но дух еврейства от этого только окрепнет».*

Наконец, как понимать ту тенденцию «отрыва от земли», «отрыва от корней», которую постоянно подчеркивает Гершензон? Эти слова кажутся какой-то бессодержательной риторикой (а в статье Гершензона — аргументом в борьбе

против сионизма, чему статья в значительной части посвящена). Однако они совпадают с тенденцией, двигавшей западный мир в течении последних веков. Это — создание так называемой «технологической цивилизации», которая начинает с уничтожения крестьянства как основной опоры жизни и строит жизнь, все более опирающуюся на технику, так что ее иногда и определяют как стремление уничтожить природу, заменив ее искусственной природой — техникой (но ведь человек — часть природы!). Теперь это прокламируется как идеология «постиндустриального общества», а реализуется так, что в биржевые спекуляции вкладывается в десятки раз больше средств, чем в реальную экономику. Эту экономическую политику настойчиво проводит Федеральная резервная система, ведающая выпуском долларов США. Долговременные ее председатели — Поль Волькер и Аллан Гриншпан. И самые крупные состояния теперь образуются либо на биржевых спекуляциях, либо на производстве объектов «виртуальной реальности». Да и наша революция 1917 года провозглашала «интернационализм», то есть порывала с такими «бутафорскими яствами», как родина и патриотизм. Тогда же боролись и против «буржуазной семьи». Да и «сексуальная революция», бушевавшая на Западе в 1960—1970-е годы, ставила ту же цель. А употребление наркотиков понималось как путь к уничтожению «буржуазной репрессивной индивидуальности». И в книге Жака Аттали, написанной 10 лет назад, предсказывается, что в XXI веке судьбу человечества будет определять новое поколение победителей и побежденных:

> *«Покончив с любой национальной "привязкой", порвав семейные узы, заменив все это миниатюрными микропроцессорами… потребители из привилегированных районов мира превратятся в "богатых номадов". Возникнут и мириады бедных кочевников. Эти обнищавшие пираты будут курсировать по всей планете в поисках пропитания и крова над головой. Чувство привязанности к*

тому месту, которое рождало все культуры, превратится лишь в слабое, достойное сожаления воспоминание».

И в качестве итога:

«Он (человек) со вставленными в него искусственными органами станет и сам искусственным существом, которое можно будет купить или продать, как любой другой предмет или товар…

Таким образом он приобщится к тому, что в конечном счете восходит к культу индустриального каннибализма».

Можно было бы отмахнуться от всего этого как от несерьезной риторики. Но автор — фигура серьезная (из алжирских евреев; был экономическим советником президента Миттерана, потом — первым президентом созданного Международного валютного фонда). Видимо, он хочет передать какие-то тенденции теперешней правящей элиты мира. И впечатляющее совпадение даже в терминах — Гершензон говорит о еврейской религии и законах: «образовались не обычным путем, не в прочном укоренении оседлости, а на ходу, в движении»; Аттали — о будущей «цивилизации кочевников», «ведущие оседлый образ жизни общества — только промежуточный этап между двумя этапами номадизма».

Если признать верным мнение Гершензона, что всю историю еврейства пронизывает стремление к «отрыву от корней», «отрыву от земли», то здесь, в этом направлении, оно шло впереди человечества. Причем его мысль сформулирована Гершензоном еще тогда, когда только формировались предпосылки для «постиндустриального общества».

Гершензон утверждает, что, развивая эту тенденцию, еврейство этим помогает осуществить «цель, к которой стремится все человечество». Все ли оно действительно к этому стремится, установить трудно, но течение такое несомненно существует. Несколько конкретнее он поясняет это положение

тем, что в результате «все мирские ценности» станут «как бутафорские яства». Возможно, здесь и лежит причина всех конфликтов между еврейством и другими народами, тянущихся через всю историю. Другие народы не просто консервативно держатся за свои «мирские ценности» — они чувствуют, что их потеря равнозначна гибели народа. Религия, национальные традиции, мораль, семья — составляют «невидимое тело» народа, без которого его видимое тело гибнет. Заведомо все «обычные», существовавшие до сих пор народы (кроме, может быть, еврейского) не способны насытиться этой «пищей, которую мир еще не вкушал», по формулировке Гершензона. Для них свои земные ценности не «бутафорские яства», а условие, без которого они не смогут существовать.

В то же время мы видели, какой колоссальной силой обладает еврейство и с какой невероятной энергией эту силу применяет для насаждения принципов, которые стремится внушить остальному человечеству — будь то всемирная революция или господство «мировых ценностей» в унифицированном «новом мире».

В гл. 2 мы приводили слова Гретца, что миссия евреев — стать учителями всего человечества. Эта точка зрения высказывалась многократно. В отношении к России ее недавно сформулировал один еврейский поэт:

Мы там, куда нас не просили,
Но темной ночью до зари
Мы пасынки слепой России
И мы ее поводыри.

Вот такая установка и была, возможно, «общим знаменателем» всех столь разнородных конфликтов, в которые еврейство было втянуто в своей истории, а обвинения в жестоком ростовщическом проценте, винокурении и даже в стремлении к руководству революционной работой или деятельности в ЧК — ГПУ — НКВД — только частными проявлениями этого столкновения мировоззрений.

3. Опять вопрос о власти

Если еще раз даже бегло перечитать предшествующие главы, то, мне кажется, прежде всего бросится в глаза одно явление — поразительный рост влияния еврейства во всем мире. Американец Дюк пишет, что в патриотических кругах США тамошнюю власть характеризуют как СОП — сионистское оккупационное правительство. Если таково положение в США, то что же сказать о всем мире, которому они сейчас диктуют свою власть? Поэтому вряд ли можно ориентироваться в современной мировой ситуации, если избегать самого, вероятно, запретного вопроса: есть ли основания для утверждения, что сейчас имеется еврейская власть над миром?

Мне кажется, что на такой вопрос нельзя просто ответить «да» или «нет». Да так, собственно, обстоит дело с большинством вопросов жизни. Один покойный математик смеялся над попытками получить на любой вопрос один из этих двух ответов: а если бы вас спросили, сколько вам лет? — говорил он.

Мне представляется, что ситуация в мире сейчас близка к той, которая нами обсуждалась в гл. 11. Там мы обсуждали уже вопрос: верно ли, что первые годы после революции 1917 года в России была еврейская власть? Интересное соображение на эту тему высказывает, как мне кажется, С. Семанов в недавней статье. Он говорит, что среди французов распространено убеждение, будто все немцы — блондины. Фактически, оказывается, блондинов среди немцев меньше половины. Но все же процент блондинов среди немцев во много раз больше, чем среди французов. Так что неверное мнение французов отражает объективно верное наблюдение. Такой же степенью достоверности, говорит Семанов, обладает и часто высказывавшееся мнение, что «Советская власть в первые два десятилетия после революции была еврейской». Мне кажется, во всех этих случаях речь идет о приближен-

ном утверждении, пренебрегающем рядом деталей. Так, мы можем рассматривать отдаленный предмет в общих очертаниях невооруженным глазом, или, если нам нужно видеть его в подробностях, в подзорную трубу. С этой точки зрения, вероятно, нечего пенять американцу Дюку, когда он говорит, что власть в России после революции принадлежала евреям, ему достаточно и такой степени приближения. Но русскому важно знать свою историю в больших деталях, тем более, что сейчас для этого есть возможность.

Таким же первым приближением к истине представляется мне утверждение, что сейчас существует власть «еврейства» над всем миром. Оно отражает некоторую важную истину, что в нескольких ключевых сферах деятельности, связанных с властью: финансах, СМИ, политической машине, — евреи занимают исключительно влиятельное место и когда они настроены единообразно, способны играть определяющую роль. Но такое приближенное видение игнорирует ряд важных деталей. Прежде всего, речь идет не обо «всем мире»: этим силам не подчинен Китай, в значительной степени — Индия. Еще не полностью — Россия. Во-вторых, ни в какой структуре, связанной с властью, евреи не занимают все места. Еврейское влияние эффективно именно тем, что оно проявляется в течениях (будь то мировая пролетарская революция или рыночная экономика и «мировые ценности»), захватывающих многих представителей других народов — русских, немцев, англосаксов.

Мы сталкиваемся здесь с непривычной формой доминирования или власти. Она отличается, например, от власти арабов в период мусульманской экспансии (VII—VIII вв.). Тогда все было ясно. Была четко провозглашенная идеология — ислам. Столь же четко было и деление на господствующих и подчиняющихся (например, налоги платили только покоренные немусульмане). Причем, некоторое время это деление было и этническим — мусульмане, в основном, были арабами.

Теперь многие чувствуют, что над большой частью мира установлена новая власть: противники называют ее

«мондиализмом» или «глобализмом», и она связана с доминирующим еврейским влиянием такого же масштаба, как в России в первые десятилетия коммунистической власти. Как и тогда, самая существенная особенность новой власти заключается в том, что еврейское влияние в ней несводимо к цифрам, выражающим еврейское присутствие. То есть чувствуется, что поражающие цифры можно установить, но не в них суть дела. Предположим, во главе какого-нибудь всемирного банка стоит человек с очень типичной еврейской фамилией. Но ведь не он определяет политику банка (во всяком случае, не единолично). А состав совета директоров узнать гораздо труднее, да и вполне предполагаю возможным, что евреи там большинства не составляют. И ведь в случае необходимости главой можно было сделать какого-нибудь лорда: они для этого особенно подходят. Сейчас нет никакой возможности оценить, какой процент мест занимает еврейство в важнейших структурах мировой власти, да в этом и нет необходимости: видно, что участие этого фермента необходимо для эффективного функционирования власти. Вопрос не меряется числами: в человеческом организме присутствуют ферменты в долях, измеряемых миллионными частями грамма, но наличие их абсолютно необходимо для жизни организма.

С другой стороны, вся эта власть действует вовсе не в направлении удовлетворения непосредственных, человеческих интересов основной массы 14 или 15 млн. евреев мира. И. Шахак, С. Марголина и другие выражают чувства тех, кому невмоготу жить, замыкаясь в «закрытые» еврейские общества, находиться под постоянным давлением их руководства и поддерживаемых искусственно древних страхов и табу. Да так было и всегда. Ни еврейские революционеры в России, ни еврейские банкиры, снабжавшие их деньгами, не заботились о судьбе сотен тысяч евреев, которые будут разорены в результате революции или убиты в смуте, как и руководители еврейских организаций США, призывавшие к экономической войне с гитлеровской Германией, разжигавшие страсти, которые

привели к терактам против немецких функционеров, видимо и сейчас игнорируют связь этого с тем, что они называют Холокостом. Я, по крайней мере, никогда не видел обсуждения возникающей тут проблемы ответственности. Ведь они-то знали, с кем имеют дело. А «План Кауфмана» или «План Моргентау» ведь мог прямо служить листовкой для возбуждения духа «зондеркоманд».

Я помню, как впервые, лет 30 тому назад, столкнулся с подобным же отношением в одной рукописи, ходившей тогда по рукам. Автор, чрезвычайно национально-ориентированный еврей, видел будущее еврейского народа в развитии государства Израиль на основе принятия христианства все большим числом евреев. Попутно он упоминал о евреях, погибших от гитлеровских гонений, и ставил вопрос: как же нам к ним относиться? Ответ поразил меня:

> *«Они были безнадежны для создания нашего нового государства. Это была "сухая солома", которая должна была сгореть».*

Я тогда так и ахнул, ведь писал это еврейский националист! Однако с тех пор такие высказывания (а иногда обвинения сионистского руководства в такой точке зрения) время от времени всплывали, как и сам термин «сухая солома». Да и жизнь евреев под властью кагалов, судов «бет-дин» и «тайных преследователей», как ее описывает, например, Брафман, рисуется очень не сладкой. Брафман и пишет:

> *«Талмуд, лежащий в основании жизни евреев, еще в древности разделил их на два, резко разграниченные между собой сословия — патрициев и плебеев — и определил их отношения специальными правилами».*

Среди этих правил и такие, что плебей «не посвящен ни в какие тайны», его «позволяется разорвать, как рыбу», семейные связи патриция с ним рассматриваются как скотоло-

жество. Все государственные повинности распределяются патрициями и ложатся на плебеев.

Уже в послевоенное время (1960-е гг.) исследователь еврейского происхождения Анна Аренд в книге о происхождении тоталитаризма говорит об особых взаимоотношениях еврейства и власти при «старом режиме» (до эпохи Французской революции) в Европе. Эти отношения основывались, по ее мнению, на привилегированном положении «избранных» евреев, т. е. верхушки еврейских общин.

Такое положение они удерживали за счет того, что препятствовали модернизации остальной части общин. В том, что еврейские банкиры продолжали оставаться чуть ли не единственной опорой власти в эпоху демократических революций, А. Аренд видит одну из причин антиеврейских чувств («антисемитизма»), выразившихся, в конце концов, в действиях нацистских властей («катастрофа»),

Таким образом, вопрос о влиянии «еврейства» не является национальным вопросом, он не укладывается и в религиозные рамки. В конечном счете, это вопрос о власти, причем сейчас идет речь о власти почти над всем миром.

Положение во многом аналогично тому, которое было в России после революции 1917 года. Процесс «глобализации» вызван глубокими историческими причинами, которые связаны с прошлым западноевропейских народов. Но для его быстрого завершения и эффективного поддержания вновь складывающейся власти необходим тот «фермент», который дает «еврейство».

4. Заметки для России

Более чем для какой-либо другой страны, для России сейчас очевидна необходимость выработки осознанного, национального отношения к феномену «еврейства». В XX веке Россия пережила две катастрофы революционного характера: 1917 год и переворот конца 1980—1990-х годов, которые вместе настолько ее потрясли, что сейчас под вопросом находит-

ся ее дальнейшее существование. В обеих этих катастрофах громадную роль играла еврейская часть населения России. В обоих случаях народ оказался расколот — в 1917 году на «белых» и «красных», в 1990-е годы — на «патриотов» и «демократов». И в обоих случаях еврейство как целое определенно связало себя с одной стороной: с совершимся переворотом. Это — фундаментальный исторический факт, касающийся и русского, и еврейского народа. Он должен быть как-то осознан обоими народами — и еврейским, и русским, на этом примере видно будет, насколько способен каждый из этих народов осознать свою историю.

Хочу подчеркнуть, что, говоря о выработке своего осознанного отношения к еврейству, я вовсе не имею в виду, что тем самым произойдет «решение еврейского вопроса» (в России). Как говорит Топоров,

> *«“окончательное решение”, насильственная депортация и прочие “прелести”, грезящиеся пусть крайне незначительным национал-радикалам, неосуществимы хотя бы практически».*

(По его оценкам, сейчас в России Нюрнбергские законы распространялись бы на 10—15 млн. человек.) Да абсурдность подобных импульсов и продемонстрирована уже убедительно Гитлером. В его речах такая формулировка несколько раз встречалась, но он, кажется, так никогда и не сказал, что он под этим «решением» подразумевал. И мне кажется, что на самом деле у него никакой определенной мысли и не было. Одно время он обсуждал идею выселения европейских евреев на Мадагаскар, но для этого ему не хватило Мадагаскара (да и многого еще). И самое главное, такой путь уродует душу избравшего его народа, а у русских никогда и не найдет отклика — «это доказано научно», как сказал Березовский в беседе с Тополем.

Кроме того, подобная формулировка вообще кажется мне опасной в принципе, так как она маскирует незаметную логи-

ческую ловушку. Когда говорят о «решении» какого-то вопроса, то молчаливо предполагают, что такое «решение», хотя бы теоретически, существует, надо только его найти. А это часто далеко не очевидно и иногда просто неверно. Математика, например, знает множество вопросов, не имеющих решения: квадратура круга, трисекция угла и т. д. Доказательство отсутствия решения вопроса (при точной его формулировке) часто бывает даже связано с большим прогрессом в науке.

Вот поучительный пример, касающийся именно того вопроса, который нас в этой работе интересует. Как уже упоминалось в гл. 4, в начале XIX века, при правлении Павла I, Державину было поручено расследовать причины бедственного положения крестьян Белоруссии (частых голодов). Он пришел к выводу, что в числе нескольких причин большую роль играет экономическая деятельность тамошних евреев. В поданном им «Мнении» он предлагает систему мер, таких, как: отмена власти кагалов и учрежденных ими сборов; изменение системы образования евреев; отмена ранних среди них браков; привлечение евреев к фабричному и ремесленному труду; создание новых фабрик; привлечение их к сельскохозяйственному труду; переселения. Эти предложения вызвали энергичное сопротивление кагалов. Их действия отражены в книге Брафмана (документы 280—286). В одном из приводимых им документов (№ 280) говорится:

> *«Суббота, 1-го числа тебер 5562 (1802) года, неделя по отделу Миккец.*
>
> *В чрезвычайном собрании в присутствии предводителей городов и всего кагального состава постановлено вследствие неблагоприятных вестей из столицы — Петербурга — о том, что судьба всех евреев передана ныне в руки пяти сановников, которым дана полная власть распоряжаться ею по своему усмотрению, мы принуждены отправиться в Петербург с целью просить Государя, да возвысится его слава, чтобы у нас никаких нововведений не было. А так как это дело требу-*

ет многих расходов, то с общего согласия решено установить временный процентный сбор, который должен быть введен в следующем порядке: 1) от наличных капиталов, товаров и обеспеченных долгов всякий должен внести 0,5%; 2) от недвижимого имущества 0,25%; 3) от годичных доходов с домов и лавок владельцы обязаны внести 10%; 4) молодые четы, живущие на иждивении своих родителей — 1% со всего их состояния…»

Державин приводит дошедший до него слух об этом сборе и что таким образом предполагалось собрать 1 млн. рублей на «подарки». И вот четко продуманная Державиным система мероприятий была передана (уже при Александре I) в комитет, где большинство составляли богатые землевладельцы (в основном — поляки), сдававшие свои земли в аренду евреям. Александр I все более отчуждался от Державина, и тот под конец был уволен с поста министра, который занимал, а комитет решил все оставить по-прежнему.

Сейчас можно было сказать, что этого заранее следовало ожидать. Тогда наивность Державина была объяснима: это было время, когда Россия лишь несколько десятилетий как включала большие массы евреев в свое население. Сложность и трудность проблемы тогда не была еще ясна. Но нам-то видно, что речь идет о «вопросе», который пытались «решать» и египетские фараоны, и ассиро-вавилонские цари, и римские императоры, и средневековые короли, и русские цари, и Гитлер. И все одинаково неудачно. Нет признаков того, что люди стали за протекшее время настолько мудрее, что теперь смогут этот вопрос «решить». Более вероятно, что он относится к числу «неразрешимых» — по крайней мере, в рамках того периода истории, который охватывает последние тысячелетия.

Такая странная, казалось бы, ситуация: «вопрос» есть, а «решения» — нет. Но, с другой стороны, довольно обычная жизненная ситуация. Вот, например, я старею — это мой «вопрос». Есть ли у него «решение»? По-видимому, нет (если исключить то, которым воспользовался Фауст — подписы-

вать договор кровью, обращаться к ведьме…) Но здесь есть две линии поведения. Я мог бы игнорировать свой «вопрос», т. е. вести себя так, будто остаюсь молодым. Вероятно, это быстро кончилось бы плохо. Например, я отправился бы на восхождение, у меня закружилась бы голова, я сорвался бы и разбился, а заодно, может быть, сорвал бы и того, с кем связан одной веревкой. Или я могу отдать себе отчет в своем «вопросе» и попытаться с ним жить, т. е. учитывать его в своем поведении. Видимо, такова же единственная реальная установка, которую русские могут принять в «вопросе» русско-еврейских отношений.

Во всяком случае, представляется совершенно очевидным, что никакая эмиграция вопроса русско-еврейских отношений не разрешит. Не существует страны, способной принять такое население — на это не способен не только Израиль, но и США. Да и нет стремления к такого масштаба отъезду. Мне кажется вполне обоснованной точка зрения А. Севастьянова (его аргументы приведены в гл. 15), согласно которой влиятельные еврейские круги больше не считают для себя существенной задачей — эмиграцию евреев из России в Израиль. Например, С. Марголина писала (в начале 1990-х гг.):

> *«Сейчас опять совершается Исход, размер еврейской эмиграции из Советского Союза не оставляет никакого сомнения в том, что речь идет о ликвидации одного из крупнейших центров еврейства в Новейшей истории».*

Да и в сборнике «Русская идея и евреи» почти каждая статья прокламирует этот Исход, а один автор даже спрашивает, не знак ли это божественного проклятия: «Се, остается вам дом ваш пуст»!! Сейчас, однако, уже ясно, что никакой «Исход» нам не грозит (включая и божественное проклятие). И не видно причин, которые могли бы в обозримое время изменить это положение. Когда-то Ахад-Гаам писал: «Еврейская масса осуждена оставаться в рассеянии». Точно так же рус-

ские «осуждены» в ближайший исторический период жить рядом с крупной (одной из крупнейших в мире) еврейской общиной, а она «осуждена» жить рядом с нами. И только учитывая этот факт, мы можем реально планировать свое будущее.

Русские, безусловно, могут сотрудничать и с ортодоксальными иудаистами, не собирающимися покидать России, и с теми, кто ставит себе целью переезд в Израиль, и со всеми другими оттенками «находящихся в еврейской сфере». Могут сотрудничать в науке, искусстве, предпринимательстве, любой работе. Причем евреи будут полезны России именно потому, что они так отличаются от других народов. Но одно условие является предпосылкой существования любого народа и устойчивой жизни его страны. Условие это заключается в том, что власть в стране, которую он составляет, должна, в основном, находиться в руках этого народа, должна хоть приближенно отражать этнический состав страны. Причем не только вершина государственной власти: глава государства или правительство, но руководство всех уровней и во всех областях деятельности — в политике, СМИ, культуре, господствующей Церкви, экономике, и (как это ни трудно) даже в финансах.

В XX веке Россия приобрела такой богатейший опыт, испытала, кажется, все известные формы правления: неограниченную монархию, конституционную монархию, тоталитарный строй и демократию партий по западному образцу. И всюду мы видели, что существует некоторый правящий слой. А функция той или иной формы правления — добиться, чтобы этот правящий слой обеспечивал выполнение тех важнейших требований, которые остальное население ставит в жизни. Только представители власти, родственной по происхождению остальному народу, способны почувствовать, какие решения могут быть приняты народом в качестве «своих». Только в этих рамках решения могут находиться различными путями: голосованием, захватом власти и т. д.

А если сохранится положение вроде того, которое (очень схематично) рисует Тополь?

«У нас (по контексту — евреев) вся финансовая власть, а правительство состоит из полуевреев Кириенко и Чубайса, — то такая власть, даже вопреки своему желанию, будет толкать Россию в катастрофическом направлении. Сам принцип связи народа и власти не механичен. Для его осуществления необходимо, чтобы власть в России находилась в русских руках. Иначе русские станут вымирать еще быстрее, перестанут защищать Россию, вообще утратят чувство связи своей судьбы и судьбы страны. Россия рухнет в пропасть раздоров и иноземных завоеваний, где погибнет множество не только русских, но и евреев (да может обернуться и всемирной катастрофой). Аккуратно, постепенно сделать Россию нерусской не удастся. Ведь русские — не североамериканские индейцы. Наоборот, сравнительно с русскими, еврейство более архаично: врастает в современную жизнь, опираясь на древние концепции, отчасти — ветхозаветные, отчасти — талмудические и постталмудические».

В этом, как мне представляется, и состоит основная причина русского кризиса, что власть у нас нерусская, причем уже почти целый век. Да и раньше, до революции, жизнь все больше кренилась в эту сторону. Формулировка из статьи Тополя, что «мы получили реальную власть в этой стране», является очень упрощенным отражением сложной картины. Реально власть международная («интернационалистская» — как и раньше). В элите этой власти еврейство численно, вероятно, в меньшинстве, но играет чрезвычайно существенную роль, благодаря выработавшемуся в нем «механизму сплочения» и своей идентификации с властью. Поэтому понимание его роли есть необходимая предпосылка сохранения, в нынешних условиях, русского народа.

Такая точка зрения кажется особенно очевидной в современной России, где более 80% населения — русские. С другой стороны, мы видели, к каким катастрофическим последстви-

ям приводит нарушение принципа родственной, национальной связи власти и народа. Любая революция есть потрясение. Но не обязательно она связана с уничтожением целых слоев населения, всей исторической традиции. Когда же руководство в ней оказалось с громадным перекосом нерусским, она привела к серии катастроф. Если бы народ обладал тогда теперешним опытом, он мог бы почувствовать, уже по одному этому признаку, что это какая-то «не наша» революция, хорошего от нее русским и России нечего ждать.

Таким образом, мы можем сформулировать следующие положения:

1. Русские живут под одним небом с исключительно сильной, «пассионарной» «исторической общностью», в ряде отношений гораздо более сильной, чем многие народы. Например, своим многотысячелетним историческим опытом, или особенным «механизмом сплочения», выработанным за эти тысячелетия чувством — «как одна семья», по словам Гершензона и рабби Штейнзальца, — до которого нам, русским, еще очень далеко. Можно лишь с завистью прочесть одну из заповедей средневекового раввина, приведенную Шахаком:

> *«Любить каждого еврея — значит заботиться о нем, как о самом себе».*

(Правда, в форме для русских чуждой: «заботиться о нем и о его деньгах, как о себе и своих деньгах».)

2. Сосуществование в одной стране с влиятельной группой, отождествляющей себя с еврейством, или, по терминологии Л. Радзиховского, находящейся «в еврейской сфере» — это судьба русских на ближайшем этапе истории.

3. Мы должны жить вместе, но это очень непростое сосуществование. У многих евреев жизнь среди русских, в русской по духу стране, вызывает яростное неприятие. Какова основа этого неприятия? Что рождало Гершуни, Богрова, Свердлова, Френкеля? — понять трудно, да, может быть,

и не это сейчас главное. Важнее этот факт признать. Конечно, это было не «неравноправие», не еврейские погромы или «дело Бейлиса». Хотя вера в это глубоко укоренилась в еврейской среде. Но ведь начиная с середины XIX века в Германии не существовало для евреев никаких ограничений. Германия часто приводилась как пример страны, где евреи не имеют претензий к обществу — и ставилась в пример России. И тем не менее, как мы видели, участие евреев в руководстве германской революцией 1918—1923 годов было едва ли не больше, чем в русской 1917 года. И если революция в Германии тогда не победила, то уж не потому, что в нее было вложено мало еврейских сил.

Отношение Вейцмана к России дает пример этого априорного неприятия. Так, он пишет:

> *«Я мало знал о язычниках, но уже очень рано они стали для меня символами злых сил, с которыми я должен сражаться, напрягая все свои молодые способности, чтобы завоевать свое место в жизни».*

И действительно, он часто говорит о своей ненависти к России, даже не пытаясь ее объяснить: «зная о моей ненависти к России, он обратился ко мне…» и т. д.

И это радикальное неприятие именно русского строя жизни мы встречали вплоть до последнего времени (см. главу 15).

Такое печальное обстоятельство надо иметь в виду, не закрывать на него глаза. Видимо, есть что-то в русских для определенного духовного склада трудно переносимое. Но не нам же, благодаря этому, ломать свою национальную психику. Тем, кому невмоготу с нами жить, надо, конечно, дать возможность уехать — да такая возможность сейчас и есть. С теми, кто предпочитает остаться, найти форму сосуществования. Для них, по возможности, безболезненную, но прежде всего предполагающую сохранение русской национальной идентичности. Ведь мы просто не можем уехать из своей страны, да нам, в масштабе народа, некуда и ехать.

4. Чтобы Россия была жизнеспособной, власть, во всех областях жизни и на всех уровнях, должна быть, в основном, русской, а в ближайшие века наиболее вероятный претендент на власть с нерусской стороны — это представители мирового еврейства (хотя не исключительно они). Тем не менее такая констатация никак не связана с каким-либо духом озлобления. Концепция «возмездия» вообще чужда русскому сознанию. В русском сознании, например, монгольское завоевание отнюдь не отпечаталось как Холокост. Тут просто формулируется условие — и логически довольно очевидное, и на опыте не раз подтвержденное — для нормальной, устойчивой жизни народа. Без чего вся наша страна долго не просуществует, а это трагично ударит по всем ее жителям, — включая и живущих здесь евреев. Да и неоднократно раздавались протесты, именно с еврейской стороны, против тех путей, на которые толкает жизнь международное еврейство.

Существует уже старинная традиция такого «еврейского диссидентства». Вероятно, она начинается еще со знаменитого Д'Акосты (XVII в.). Брафман, авторы сборника «Россия и евреи», Анна Арндт. Уже в послевоенное время — С. Марголина. Она пишет, например, о бестактности современных евреев, слишком громко стонущих о преследованиях, якобы переживаемых ими:

> *«В сравнении с кровавыми столкновениями в Нагорном Карабахе, повешенными узбекскими детьми и разорванными на части женщинами, в сравнении с замерзшими в снегу осетинскими грудными младенцами еврейский вопрос с размазыванием антисемитизма и погромными фантазиями не занимает слишком видного места. Солидный моральный капитал, приобретенный евреями в связи с Освенцимом, по-видимому, растрачен. Мир тоже имеет теперь право относиться к евреям, как ко всем другим народам. Судьбу евреев нельзя отрывать от судьбы других народов, борьба за права евреев не прогрессивнее борьбы за права других народов».*

Так же и Топоров:

> *«И все же существует некая национальная паранойя, заставляющая евреев всячески раздувать мимолетную, уже минувшую или вовсе мнимую опасность, самым пагубным для себя образом, пренебрегая по времени опасностью подлинной».*

Наконец, Шахак просто с отчаянием пишет о превращении Израиля в тоталитарное государство:

> *«Исторический иудаизм и два его наследника, ортодоксальный иудаизм и сионизм, оба являются заклятыми врагами концепции открытого общества в применении к Израилю».*

Он призывает пересмотреть отношение к «еврейскому прошлому», признать существование «еврейской исключительности» и даже адресует той идеологии, на которой и то, и другое основывается, призыв Вольтера: «Раздавить гадину!»

Было бы чудесно, если бы некоторый духовный переворот внутри еврейского народа устранил давление международного еврейства, которое мы испытали в течение протекшего века: «хождение во власть», отношение к нашим жизненным ценностям как «бутафорским яствам». Но ни один народ не может полагаться на то, что решение его проблем само придет извне. Поэтому, надеясь на то, что известные нам публицисты отражают широкое течение еврейской мысли, русские могут в вопросах, касающихся их будущности, рассчитывать только на свои силы.

5. Конечно, в теперешнем положении России, вообще звучит горькой иронией — говорить о каких-то русских силах. Но надо надеяться на то, что всеми пережитыми катастрофами русский народ все же не убит, а только сбит с ног и постепенно приходит в себя.

К тому же, главная сила, которой сейчас придавлена Россия, — денационализировавшееся общество Запада, международный финансовый капитал с центром в США и такими орудиями, как НАТО, — сама переживает глубокий кризис. Упадок духовного творчества — и художественного, и научного, — падение роли национальных государств, рост ощущения «конца», грозящей гибели — атомной ли войны, перенаселения ли или экологического кризиса, — наконец, глубокий финансовый кризис и рост терроризма (а, может быть, терроризм и есть попытка скрыть финансовый кризис) — все это признаки конца того типа цивилизации, который сложился в Западной Европе и США. XXI век неизбежно будет свидетелем падения этого цивилизационного типа: примером такого внезапного распада было разрушение Советского Союза. В последней своей работе я подробно проанализировал аргументы, подтверждающие неизбежность этого исхода. Тогда бремя, давящее Россию, несравненно уменьшится и появится вероятная возможность самим определять свою судьбу. Именно такое предположение дает, во всяком случае, основание для продолжения жизни и усилий:

Пусть бой и неравен, борьба безнадежна.
Над нами светила молчат в вышине,
Под нами могилы — молчат и оне.

Истинный трагизм нашей истории заключается в том, что к этому моменту, когда физически мы могли бы определять свое будущее, мы можем оказаться не готовыми идейно. Именно поэтому, как предпосылку создания русской власти, следует нашей первой задачей поставить — отстоять свое право осмысливать, обсуждать свою судьбу и историю. Обсуждать свободно, не оговариваясь десять раз, что «хоть мы и русские, — но не шовинисты», не стремясь каждое высказывание уравновесить другим, его смягчающим, не двигаясь тут, как солдат по заминированному полю, в результате чего читатель (а может быть, и сам автор) перестает понимать, о

чем, собственно, идет речь. Одним словом, без «внутреннего цензора» (не говоря уж о внешнем). Ведь мы принадлежим к виду Homo sapiens, и разум, способность обсуждения и понимания является одним из самых мощных орудий, которыми человек пользовался за все время своего существования. Как же можно требовать, чтобы в вопросе, столь важном для нашего народа, мы от него отказались или пользовались им только в определенных узких рамках?

6. А ведь именно в вопросе, который обсуждается в этой работе, давление на человеческую мысль особенно сильно — почти по всему миру. Именно здесь сейчас пролегает линия борьбы за свободу мышления. Обвинение в «антисемитизме», о котором один американский публицист сказал: «Что это такое — никто не знает, но всякий знает, что если вас в этом обвинят, то ждите больших неприятностей», — используется ведь, чаще всего, именно как цензурный аргумент.

Недавно вся ситуация выкристаллизовалась очень ясно на одном примере. В связи с появившейся книгой Солженицына, посвященной русско-еврейским отношениям, редактор «Международной еврейской газеты» высказался неодобрительно:

> *«Сегодня не та пора, когда стране нужно очередное противостояние, которое ни к чему позитивному не приведет, лишь создаст еще один, на этот раз весьма опасный узел».*

То есть, говоря словами Тополя:

> *«Впервые за тысячу лет с момента поселения евреев в России мы получили реальную власть в этой стране».*

И теперь уже «не та пора, когда» стоит вспоминать, как это получилось. Высказана очень понятная мысль и очень разумная — но с точки зрения еврейства. С русской точки зрения, столь же естественно попытаться понять, как такая

ситуация сложилась, чтобы ее изменить и добиться того, чтобы она больше не повторилась.

Еще яснее этот мотив звучит в отклике на ту же книгу небезызвестного Марка Дейча:

> *«Зачем "живому классику" это постыдство и даже я бы сказал, паскудство — сто лет спустя подробно выяснять, было ли преувеличено некое газетное сообщение о зверствах погромщиков?»*

Тут уж прямо высказана запретность неприкасаемой темы. И действительно, криминал находится уже на первой странице книги, где автор говорит:

> *«…я верю, что эта история — попытка вникнуть в нее — не должна оставаться "запрещенной"».*

7. Вопрос, который мы обсуждали в этой работе, очень важен для русского народа. Найти к нему то отношение, которое соответствует нашим национальным интересам, — это необходимое условие дальнейшего существования России. Но в математике, например, четко различаются необходимые и достаточные условия. И выработка верного подхода к вопросу о русско-еврейских отношениях является, безусловно, лишь необходимым условием дальнейшего существования России. Пусть мы добьемся того, что власть в России на разных уровнях будет по преимуществу русской. Но где гарантия, что она найдет правильное решение? Ведь и русская власть может оказаться продажной, эгоистической или просто глупой. Да и в своей истории мы видели ряд примеров. Например, в Смутное время одни бояре самых древних родов звали в Кремль польского короля, а другие спешили поклониться Тушинскому вору. И разрушительные импульсы, приведшие под конец к революции, имели основоположниками дворян древних родов: Чаадаев, Бакунин, Герцен. А в следующем поколении те, кто вырабатывал иде-

ологию враждебности к исторической России — Чернышевский, Добролюбов, Писарев — были, безусловно, русскими. Как потом и множество революционеров, еще позже — «демократов», тоже были русскими. Русским было и Временное правительство, и горбачевское Политбюро. Да и в наше время, если бы отсутствие заметного еврейского влияния гарантировало следование русским интересам, то идеальной партией были бы современные коммунисты. А они, несмотря на все драпировки, все время идут на компромиссы за счет русских интересов: Крыма, Севастополя, Приднестровья и т. д. Да и вообще, видимо, неправильно видеть причину всех трудностей и несчастий народной жизни в каком-то *одном внешнем* факторе. Так, Лев Толстой не раз говорил, что главная причина всех бед — частная собственность на землю. Как ему повезло, что он не дожил до 30-х годов, когда ее отменяли! Меньше повезло многим антикоммунистам, которые были уверены, что стоит устранить коммунистическую власть — и остальное уж как-то устроится. И многие дожили до того, что коммунизм действительно исчез, но жизнь стала только хуже. В таком же положении можно оказаться, если сейчас поверить, что основная и единственная причина русских катастроф — непропорциональное еврейское влияние на русскую историю.

8. Выработать тот подход к русско-еврейским отношениям, который соответствовал бы русским национальным интересам, — лишь необходимое условие выхода России из теперешнего кризиса. *Лишь необходимое, но жизненно важное.* Еврейское влияние на русскую историю XX века было громадным. Это факт, говоря словами Левина (в сборнике «Россия и евреи»), «безусловный, который надлежит объяснить, но бесполезно и бесцельно отрицать». Конечно, не это влияние определяло русскую историю, но уже появившимся в ней тенденциям оно давало радикальную интерпретацию, часто катастрофическую для русской судьбы. Чтобы оценить еврейское влияние, совершим «мысленный эксперимент»: предположим, что по какой-то фантастической причи-

не евреи в XX веке вообще не влияли бы на жизнь России. Конечно, все равно Россия переживала бы кризис в начале XX века. Но исчезла бы почти вся финансовая база оппозиционной печати, да и большинства партий. Конечно, деньги все равно давали бы Рябушинский и Морозов, но масштаб был бы совсем не тот. Не оказалось бы руководителей у Боевой организации эсеров, не было бы «Бунда», во главе социал-демократов Плеханов был бы почти в одиночестве и не сумел бы создать большевизм. Не состоялось бы убийство Столыпина. Можно сказать, что нашелся бы русский убийца, как русские террористы, покушавшиеся на него на Аптекарском острове. Но ведь то покушение и не удалось; исполнители, значит, были недостаточно «способными». Бесполезно гадать, как пошла бы наша история, но ясно, что иначе. Может быть, Февральская революция кончилась бы ничем, как революция 1905 года; может быть, силы крестьянских восстаний и белых армий победили бы в гражданской войне; или коллективизация не удалась бы. Видно только, что история пошла бы иначе, а ведь и небольшого облегчения падавших на Россию ударов было достаточно, чтобы она выкарабкалась — судьба ее не раз колебалась, как весы.

И такой же «мысленный эксперимент» даст тот же результат в связи со «второй революцией» — переворотом 1990-х годов. Дело не в президентах СССР и России, явно слушавшихся каких-то чуждых сигналов. Но масса политиков, администраторов, финансистов, в основном по списку из статьи «Еврейское счастье», пропагандистов, мгновенно из коммунистов превратившихся в демократов, создала эффект настоящей лавины. А не будь разрушение всей жизни так стремительно, народ, возможно, успел бы осознать происходящее, выделить из себя какие-то национальные силы.

Сравнение этих двух кризисов — 1917 года и 1990-х годов — показывает, что мы, русские, очень медленно усваиваем урок истории. Правда, и период, разделяющий оба кризиса, был очень неблагоприятный для осознания нами своей национальной судьбы. Но все же, хоть некоторые представители

интеллигенции могли бы донести до народа более отчетливое видение. Но что жалеть о прошлом! Опасно, что и к следующему повороту истории мы можем оказаться столь же неподготовленными. Не допустить хоть этого — вот реальная задача, над которой еще можно, а значит, и должно работать.

9. Многие, размышлявшие об истории еврейства, приходили к тому, что имеют дело *с загадкой. Как же* нам быть перед лицом этой загадки, пока еще «не исполнились все времена и сроки»? Ведь просто игнорировать ее мы не можем, от нее зависит наша жизнь, да и само существование. В таком случае возможны три отношения. Первое — игнорировать саму проблему, убедить себя, что ее не существует. Это — худший выход. Он и был испробован при коммунистической власти, когда вообще вопрос о межнациональных отношениях пытались решить путем запрета его обсуждения (как, впрочем, и многие другие вопросы). Второй подход — постараться угадать разгадку, как бы перепрыгнуть пропасть незнания, отделяющую нас от ответа. Так возникало несколько концепций, из которых самой простой является концепция еврейского заговора, формируемого три тысячи лет тайным еврейским правительством. Все такие концепции имеют то общее, что их нельзя ни доказать, ни опровергнуть, да они и не претендуют на фактологическое или логическое обоснование. В них можно лишь верить или не верить. Третий подход заключается в том, чтобы не претендовать на окончательный ответ, «разгадку». Но собрать те факты, которые можно извлечь из скопившегося за эти три тысячи лет фактического материала и сформулировать выводы, которые из них вытекают. А на этой почве попытаться нащупать некоторую линию поведения, хотя и сознавая, что она основывается на «неполной информации». Ведь в жизни мы никогда «полной информацией» не обладаем. Этот принцип и лежит в основе настоящей работы. Он следует мысли Гёте:

> *«...понять постижимое и спокойно принять непостижимое».*

Жизнь полна загадок — и в математике, и в физике, и в биологии, и в истории — особенно во всем, что связано с человеком. Нужно известное чувство смирения, чтобы принять тот факт, что разгадку большинства из них никто не узнает в течение нашей жизни.

Послесловие к «трехтысячелетней загадке»*

Я перечел свою книгу об истории еврейства («Трехтысячелетняя загадка»), и чувство, которое я испытал, было — неудовлетворенность. Уж раз автор замахнулся на такую широкую историческую перспективу, думал я, то он мог бы сделать больше конкретных наблюдений, освещающих современное положение и возможное будущее мира. Это я и хочу, в некоторой степени, попытаться восполнить здесь. При этом все факты (включая и цитаты) берутся из моей книги. Естественно, выводы, к которым я прихожу, в некоторой степени повторяют книгу (или являются уточнением высказанных там мыслей).

Прежде всего, из всех собранных в моей книге фактов следует, что среди каких бы народов ни жили евреи, они всегда рассматриваются этими народами как опасные чужаки.

Конечно, взаимоотношения богатея и его должника, помещика и крестьянина и т. д. вызывают трения и часто приводят к межнациональным конфликтам. Но поразительно то, что наряду с армяно-азербайджанскими противоречиями, трениями между русскими и украинцами и т. д. всегда (т. е. на протяжении всего периода, от которого мы имеем надежно датированные источники) упоминается еще одна нация (или религиозная группа?). Это явление ведь можно наблюдать в течение примерно трех тысяч лет! Так что оно должно было бы стать предметом серьезных исторических раз-

* «Наш современник». № 11. 2009.

мышлений. В периоды резкого изменения условий жизни та же самая нация (или религиозная группа?) часто с невиданной энергией участвует в этих изменениях и всегда именно в более радикальном лагере. (Как можно было видеть в Германии в период «революционной ситуации» в 1920-е годы и как произошло в нашей стране трижды за один XX век: в период революции 1917 года и ее укрепления, в период коллективизации около 1930 года и во время «перестройки» в 1990-е годы.) Причем в результате таких радикальных изменений жизни в нашей стране погибало каждый раз много миллионов людей: крестьян, защищавших свою землю, или уже не сопротивлявшихся крестьян, или просто людей (в том числе и детей), не научившихся «играть по новым правилам».

Само изложение фактов может происходить на самых разных уровнях — от никак не аргументированных и ни на чем не основанных заявлений (например, Диодор Сицилийский или Манефон утверждают, что евреи — это египтяне, зараженные какой-то кожной болезнью и изгнанные из Египта) до корректного, компетентного, хотя и очень осторожного обсуждения какой-то конкретной ситуации, вроде книги Вальта и Мершаймера «Израильское лобби» («The Israel Lobby»), но где тот же основной вопрос подразумевается. «Вопрос» же заключается в том, что небольшая часть населения страны определяет некоторые важные стороны ее жизни. Собственно, аналогичную точку зрения подтверждают и древнейшие (из надежно датированных) еврейские религиозные тексты. Для противодействия обсуждению этого «вопроса» применяется по всему миру (в разные времена) широкий диапазон средств: тюрьмы, суды, казни, журналистика и СМИ. То, что большинство народов, сталкивавшихся с еврейством, воспринимают его как потенциальный источник опасности, поясняют слова современного (и печатающегося в России) автора — Д. Фурмана: «Везде, во всем мире роль евреев в прогрессистских и революционных движениях всегда была совершенно не пропорциональна их

удельному весу в населении». То есть (в согласии с высказываемой в моей книге точкой зрения) принципиальные изменения в обществе совершаются согласно некоторым общим законам, и их инициаторами ни в коей мере нельзя считать евреев. Но когда ход Истории приводит к слому традиции, к резкому изменению жизни, тогда возникают «прогрессистские и революционные движения», в которых роль евреев «всегда была совершенно не пропорциональна их удельному весу в населении».

Как показывает материал, собранный в моей книге, в последние несколько веков влияние евреев во всем мире резко возросло — это, в последние десятилетия, связано с процессом, называемым «глобализацией». Кажется, что выполняются суждения немецкого публициста В. Марра, писавшего (в XIX в.) в книге «Победа еврейства над германством»: «Мы покорены, да еще нам запрещено об этом говорить». Как же в таком положении будут существовать другие народы мира? (Ведь из многих фактов, приведенных в моей книге, видно, что мстительность — существенная черта еврейской психологии и их участие в «прогрессистских и революционных движениях» часто стимулировались стремлением к мести за препятствия на пути к желаемым ими преобразованиям.) Поэтому можно предположить, что победа того «прогрессистского движения», которое во всем мире сейчас возглавляется евреями, приведет во всем мире к террору, аналогичному тому, который свирепствовал в нашей стране в 20-е и 30-е годы прошлого века. Кажется, что у человечества нет стратегии, способной этому противостоять. Но мне представляется, что такой путь возможен. О нем я и хотел здесь сказать — это и есть основное содержание настоящей работы.

Для оценки всей ситуации важно отметить, что «еврейский вопрос» существовал, как рассказывается в моей книге, примерно так же давно, как это можно проследить по письменным источникам. Точнее говоря, в ту эпоху, в которую человечество существовало в форме государств. (А на обсуждение более широкой исторической эпохи мы и не замахиваемся.)

Так, ряд античных авторов называют тот «Исход из Египта», о котором рассказывает Библия, — «изгнанием». Во всяком случае, ту эпоху можно считать первым письменно зафиксированным проявлением «еврейского вопроса». Но тогда он отнюдь не был «решен», о чем свидетельствует вся дальнейшая история еврейства. Уже на нашей (по крайней мере — на моей) памяти Гитлер не раз говорил об «окончательном решении еврейского вопроса», но в чем заключалась эта «окончательность», как часто бывало с планами Гитлера, было неясно. Ведь большая часть еврейства находилась тогда в Америке, и повлиять на их судьбу Гитлер никак не мог. Таков исторический диапазон, в котором проявляется «еврейский вопрос». Из этого (и других фактов, собранных в моей книге) можно сделать вывод, что «вопрос» в принципе не разрешим (по крайней мере, в эпоху государственного существования народов). Этот тезис подробнее обсуждается в моей книге. То есть, по крайней мере, в ближайшие века мы обречены Историей жить с евреями, а они — с нами. Иначе говоря, разумный выход заключается в том, чтобы научиться жить с этим вопросом, который, видимо, не может быть «решен» в настоящих исторических условиях (так же как, например, невозможно полностью «искоренить преступность», хотя возможно принять меры для того, чтобы она не подчинила себе жизнь). «Вопрос» же для нас заключается в том, чтобы при этом сосуществовании мы смогли сохранить свое национальное лицо.

Намек на тот образ жизни, который мог бы удовлетворить этим условиям, содержится в одном замечании В. В. Розанова. В явной связи с тем же «вопросом» он обращает внимание на то, что аналогичная ситуация существует и в животном мире. А именно, большинство нам известных животных являются или травоядными, или плотоядными. Причем, как замечает Розанов, травоядные объединяются в большие стада, а численность плотоядных каким-то образом удерживается на сравнительно невысоком уровне. Эта аналогия между неевреями — травоядными и евреями — плотоядными подтверждается многими аргументами.

Во-первых, это аргумент численности, указанный Розановым. Действительно, даже в период господствующего положения в каком-либо обществе (например, в нашей стране в 20-е годы или сейчас в Израиле) евреи, несмотря на свою известную «плодовитость», какой-то неизвестной силой удерживаются в жестких пределах, в то время как окружающий народ плодится, хотя и находится в худших материальных условиях.

Во-вторых, принципиальная роль плотоядных и травоядных в жизни довольно близка. Собственно, это растения обеспечивают существование всех животных, превращая солнечный свет в питательные вещества. Травоядные питаются растениями, а плотоядные — травоядными. Но все же травоядные совершают некоторую часть процесса питания, которая используется плотоядными и без которой они не могли бы существовать. В подтверждение рассматриваемой аналогии я хотел бы обратить внимание на то, что евреи активны и часто полезны в своей деятельности, но они способны лишь, так сказать, «работать на уже вспаханном поле». Например, Мендельсон, Малер или Берг были, несомненно, талантливыми музыкантами. Но они смогли проявить себя только тогда, когда была создана западная музыка — Габриэлли, Шютцем, Бахом, Гайдном и др. Или, в России евреи были очень активны в последние века (не будем обсуждать сложный вопрос, было ли это во благо или на горе аборигенам), но в любом случае, это стало возможно лишь после того, как страна была распахана и создано русское государство. И так же обстоит дело с любым видом деятельности, как подробнее описано в моей книге. Но главный вклад в мировую культуру, обычно приписываемый еврейству, — это создание монотеистической религии. Однако ведь это было то направление, в котором двигалась мысль всего человечества в те века! Так, у Гомера часто встречается выражение «Зевс и Судьба так решили». У Платона часто вместо слов «Боги» встречаем — «Божество». Наконец, самым радикальным шагом в направлении монотеизма была реформа египет-

ского фараона Эхнатона, примерно за 1350 лет до Р. Х. Она явно оказала решающее влияние на религиозное мышление всего Ближнего Востока. Так что и здесь мы встречаем проявление той же черты.

Да, наконец, я и сам сталкивался с этим явлением. У меня было много учеников-евреев. И некоторое число евреев, у которых я учился. Это были талантливые и (что особенно важно) — трудолюбивые математики. Но ведь нельзя забывать, что сама физико-математическая концепция мира, в рамках которой мы все работали, была создана западноевропейскими (романо-германскими) народами. А представители других наций — евреи, русские, китайцы, индусы и т. д. — являются лишь продолжателями уже заложенной традиции.

Третьим аргументом в пользу рассматриваемой аналогии является то, что плотоядные (хищники, например, кошки) могут существовать и охотиться, только если они мало заметны. В частности, они должны все время вылизывать себя, устраняя запах (это замечание принадлежит одной моей знакомой). С этим можно сопоставить неприязнь евреев к обсуждению «еврейского вопроса». Например, в моей книге несколько раз цитируется книга В. Топорова «Двойное дно». В предисловии автор описывает свое парадоксальное положение «не своего» ни в какой национальной группе, что придает его наблюдениям своеобразную интересность. В частности, говоря о «еврейском типе поведения», он пишет: «... среди опознавательных признаков надо, несомненно, назвать болезненную реакцию на саму постановку еврейского вопроса, зачастую присущую и людям нееврейского происхождения, состоящим в браке с евреем или еврейкой, особенно при наличии детей».

Между этими сопоставлениями и реальными проблемами, которые сейчас встают перед человечеством (или встанут в ближайший век), имеется прямая связь. Обратим внимание на то, что влияние еврейства во всем мире (в развитии капитализма, в социалистическом движении и в постсоциали-

стическую эпоху) стало особенно заметно в последние десятилетия, совпадая с периодом господства европейской (или, как ее иногда называют, Западной) цивилизации в мире. Но в нескольких моих работах (публиковавшихся последние лет 10) я приводил аргументы, указывающие на то, что эта цивилизация сейчас клонится к упадку. Происходящий сейчас экономический кризис лишь одно из подтверждений этих мыслей. Вероятно, Западная цивилизация из этого кризиса сумеет как-то выбраться, но он является лишь репетицией ее глобального краха. Можно думать, что неизбежное (как мне представляется) крушение господства Западной цивилизации над всем миром даст возможность как-то по-новому построить отношения между еврейством и другими народами. Собственно, в этом заинтересованы и сами евреи, так как другие народы должны сначала «вспахать поле», на котором, как выше было отмечено, евреи и способны трудиться. Но вряд ли они сами способны это осознать. В их «генетическую программу» твердо заложена уверенность в том, что они призваны быть «учителями человечества».

Иначе говоря, тогда это изменение отношений станет реально возможным. Но произойдет ли это в действительности, зависит от нашего поведения (и поведения наших потомков). Здесь приходит на ум мысль, высказанная Достоевским в одном черновом наброске: «Все эти парламентаризмы, все исповедуемые теперь гражданские теории, все накопленные богатства, банки, науки, жиды — все это рухнет в один миг и бесследно — кроме, разве, жидов, которые и тогда найдутся, как поступить, так что им даже в руку будет работа». (Собр. соч. М., 1984. Т. 26. С. 167—168.) Это высказывание звучит сейчас грубо из-за употребления слова «жиды», которое в настоящее время является бранным. Но ведь когда писал Достоевский, оно таким не было. Стоит заменить это слово любым употребительным сейчас синонимом, и мы получим поразительно точное предвидение того, что действительно произошло в России, сформулированное за сорок лет до предсказываемых событий.

В такой ситуации естественно вспомнить об обсуждавшейся аналогии. Ведь и травоядные, и плотоядные существуют на Земле многие миллионы лет. И, пользуясь указанной аналогией, можно подметить формы возможного сосуществования евреев и других народов, не посягающие на национальное существование этих «других» народов. Ведь надо же верить опыту жизни!

В частности, травоядные животные существуют, объединяясь в большие стада. Параллельно этому можно предположить, что народы Земли способны обеспечить свое автономное существование в форме более или менее национально-однородных государств, что и происходит на протяжении всей истории (примером является современная Россия). Нации, объединенные в такие государства, должны выработать в себе образ «плотоядного», опасного для национального существования. Народы, следуя инстинкту самосохранения, должны стремиться вытолкнуть их из позиций, существенных для жизни нации. Они должны охранять нацию от проникновения «чужаков». С примером такого поведения я сталкивался, когда гулял когда-то по Подмосковью в обществе своей собаки. Собака явно напоминала коровам волка и вписывалась в их «образ врага». Поэтому, увидев ее, объединенные в стадо коровы, опускали головы и, выставив рога, наступали на собаку. Один раз, как мне рассказывал встретившийся пастух, они даже растоптали маленькую собачку. Этот прием, видимо, эффективен — он дает возможность диким травоядным защититься от хищников. Например, как рассказывают зоологи, волки редко нападают на оленя, находящегося внутри стада, иначе они рискуют быть убитыми рогами или копытами оленей. Чаще волки задирают больного оленя, отставшего от стада.

Таким образом, ряд давно выработанных природой приемов служит для поддержания численности популяций травоядных на постоянном уровне. Эти же приемы, с соответствующими изменениями, могут служить (и давно служат) аналогичной цели в социальной жизни человечества. Разу-

меется, изменения будут иметь место — не напрасно же вид Homo sapiens тысячи лет существует в состоянии человечества. Должно же было выработаться отличие современных наций от стада коров!

РУССКИЙ НАРОД
В БИТВЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга посвящена вопросу, о котором трудно сейчас не задуматься: можно ли найти какую-то логику в цепи драматических переворотов, потрясших нашу страну за прошедший век? Если надеяться на то, что русский народ выживет, то он должен осмыслить эти события как некоторый *опыт,* и это осмысление должно помочь в выборе дальнейшего пути.

Помню, как эта мысль укреплялась во мне очень давно, несколько десятилетий тому назад. И, с другой стороны, как трудно было выработать какую-то объективную картину, когда публикация документов находилась под контролем строжайшей цензуры! Один из способов обойти эту трудность был такой: понять логику нашей революции и послереволюционных лет, пользуясь аналогией с Французской революцией, во многом так похожей. А литература тут была гораздо доступнее. Попробовав и этот путь, я поражался благоприятным условиям работы историков Французской революции, которым было доступно большинство архивов революционных времен. Я хорошо помню, как для себя формулировал условия их работы: «Это примерно так, как если бы каким-то чудесным образом нашим историкам стали доступны архивы ЦК и ЧК». И вот то, что казалось возможным лишь в фантазии, совершилось в реальности — правда, как следствие колоссального слома всей жизни. И эти, и многие другие архивы открыты для исследователей, и квалифицированные историки издают сводки документов нашей истории. Для нескольких поколений в современной России появилась уникальная воз-

можность соединить личное ощущение критического периода истории страны с доступом к разнообразному и надежному фактическому материалу. В теперешнем всеобщем упадке — это одно из немногих положительных явлений жизни (а возможно, единственное). И может быть, оно провиденциально дано нам, чтобы будущие поколения, осознав причины теперешнего распада, смогли найти выход из него.

Изложенные мысли и стимулировали мои работы, собранные в этой книге. Для удобства читателя я формулирую здесь основные мысли, которые кажутся мне новыми (по крайней мере, когда я писал соответствующие работы, эти мысли мне в литературе не встречались). Аргументы, подтверждающие эти тезисы, содержатся в работах, которые собраны в книге.

1. Социалистическое общество, построенное в СССР, и капиталистическое общество Запада не являются антагонистами, в принципе не противоположны друг другу. Наоборот, это два варианта, два пути, на которых может утвердиться «технологическая цивилизация», начавшая складываться на Западе еще несколько веков назад.

2. Революция 1917 года явилась насильственной развязкой длинного периода борьбы и колебаний в связи с основным вопросом: принять ли России основные принципы «технологической цивилизации» или бороться за поиски своего пути? Это относится к обоим этапам революции — и к Февральскому, и к Октябрьскому. В частности, пришедшее к власти учение марксизма было органическим порождением «западной» идеологии. В своей большевистской форме марксизм был тогда наиболее сильным и жизненным проявлением «западнического» течения.

3. Весь период «военного коммунизма» и Гражданской войны Россия была охвачена волной крестьянских восстаний, которые становятся понятнее, если их рассматривать как единую крестьянскую войну, подобную Пугачевщине, крестьянской войне XVI века в Германии, Жакерии во Франции и т. д. Видимо, это была единственная крестьянская война в истории, в которой крестьяне не были побеждены государ-

ством. Накал ярости с обеих сторон и, в частности, громадные, многомиллионные жертвы, на которые шли крестьяне, делает малоубедительным чисто экономическое объяснение этой Крестьянской войны. Она более похожа на религиозные войны, пережитые Западной Европой в XVI и XVII веках. Для находившейся у власти большевистской партии это была попытка осуществить идеи «Коммунистического манифеста» — основные принципы, на которых партия была создана.

4. После окончательного укрепления коммунистической власти жизнь партии проявлялась в возникновении череды оппозиций. Это было, по существу, единое движение, стремление более активной части партии вернуться к программе «военного коммунизма», требование реванша за поражение в Крестьянской войне и переход к нэпу. Наконец, более чуткая часть руководства (включая Сталина) поняла, что у партии, собственно, и нет другой программы, на проведение которой ее можно было бы мобилизовать. Коллективизация и выполнила эту программу, осуществила то, что не удалось сделать в крестьянской войне.

5. Индустриализация за счет деревни — это был путь развития, предложенный Западом, западный вариант построения «технологической цивилизации». В принципе, это было принятие Россией чужого пути развития, что отражалось в тогдашнем лозунге «догнать и перегнать!». Россия была переведена в разряд «догоняющих», то есть «отставших» стран.

6. Принятие западного, чуждого России пути развития означало, в духовном смысле, отказ от своей независимости. Это принудительно привело позже, в 1980—1990-е годы, к потере независимости в других областях жизни. Переворот конца 1980-х — начала 1990-х годов был не «отрицанием», а логическим завершением переворота 1917 года и особенно коллективизации.

Трудно удержаться от того, чтобы не высказать здесь несколько соображений относительно возможного будущего. Изменения жизни, вызванные переворотом конца 1980-х — начала 1990-х годов, были наиболее явным подчинением России

западному варианту «технологической цивилизации». Но есть много признаков того, что мы достигли *крайней точки* в этом направлении развития и дальше жизнь потечет уже в обратном направлении. Главным признаком наступающего изменения исторической тенденции, господствовавшей последние века, является, как мне кажется, явственное ослабление Запада. Он выглядит сейчас очень сильным материально и крайне агрессивен. Но ведь историей нельзя управлять при помощи крылатых ракет или даже водородных бомб. Главной силой Запада было не техническое оснащение, а привлекательность его уникальной культуры. В петровские времена, и даже раньше, русских дворян привлекали на Западе не чисто материальные радости. В своих усадьбах они могли бы сладко есть и пить, а крепостные крестьянки водили бы вокруг них хороводы. На Западе их привлекала (часто лишь угадываемая) обаятельная культура. Там они знакомились с Вергилием и Гомером, их притягивали идеи Декарта и Лейбница, возникающая великая наука. Ничего подобного сейчас Запад предложить не может. Высокое художественное творчество завершилось там уже в XIX веке. Быть может, величайшим духовным достижением Запада было создание физико-математической картины мира. Она была, в принципе, завершена в первой половине XX века. Сейчас, когда говорят о современных достижениях человечества, обычно упоминают спутники или компьютеры. Но это техника, а не наука, цель науки — открытие законов природы. Многие указывали на этот признак угасающей цивилизации: исчерпание духовного творчества, когда все интеллектуальные силы общества сосредоточиваются на технике. Таким же признаком является империализм, попытки создания «мировой империи». Да и все признаки близящегося конца, которые отмечали у существовавших ранее цивилизаций, практически всегда можно встретить у современного Запада. И если России удастся сохранить некоторую независимость от Запада, не стать полностью его «придатком», то она имеет еще шанс войти в «постзападническую» эпоху истории.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РЕВОЛЮЦИЯ И ЭПОХА КОММУНИЗМА

Русские в эпоху коммунизма

Три идеи

Обсуждая возможности спасения нашей страны и народа в теперешнем гибельном положении, часто видят главную беду в том, что у нас нет для этого «положительной программы». Строго говоря, это неверно. Многие авторы и партии предлагали ряд конкретных мер, причем часто эти меры группировались и располагались в порядке очередности, как это и полагается в «положительной программе». Например: непримиримая война коррупции, прекращение утечки валюты за границу, «пересмотр приватизации», контроль над экспортом и импортом с целью стимулировать производство, ограниченная инфляция, национализация или закрытие большинства банков, законодательное введение больших сроков заключения за неуплату налогов в крупных размерах (как в США), обязательное указание источника денег при крупных покупках, введение карточек, непризнание разделения русского народа и т. д. и т. д.

Да и странно было бы, если бы таких мер не существовало, ведь выходили же другие страны из тяжелого кризиса: США при президентстве Рузвельта, Германия в начале власти Гитлера, Германия и Япония после окончания Второй мировой войны — причем в разных условиях. Редактор журнала «Москва» Л. И. Бородин даже сетует, что такими предложениями редакция завалена; они приходят «ежемесячно, если не еженедельно». Он пишет: «Ради справедливости скажем, что читать некоторые из подобных материалов было интересно, как вообще интересно любое развитие мысли, тем более если оно продиктовано добрыми намерениями. Представьте себе, к примеру, трактат об освоении марсианских пустынь, в котором все логично, научно и убедительно и отсутствует лишь одна маленькая деталь — как попасть на Марс» («Москва», 1998, № 1). То есть, как Л. И. Бородин пояснил в другом месте, такие проекты содержат выглядящие разумными планы, но без указания того, какими силами эти планы можно было бы воплотить в жизнь.

Из этого следует, что обсуждение нашей сегодняшней ситуации надо было бы начинать не с построения конкретных «положительных программ», а с обзора того, какие вообще силы действуют сейчас в историческом поле и на какую (или на какие) из них мы, русские, могли бы опереться. Наиболее четко положение сформулировал, мне кажется, С. Г. Кара-Мурза: «Если бы дело было в том, что к нынешнему положению нас привела политика Ельцина, — было бы полбеды. Народ каким-то образом сделал бы усилие и сменил режим. Беда в том, что режим имеет согласие слишком большой части народа. Согласие не на частности — тут большинство кряхтит и проклинает, — а на главное, на чем стоит этот режим. На идею масштаба религиозного: жить, наслаждаясь малыми радостями, даже если народ в целом умирает. И режим создал узаконенные «зоны наслаждения» буквально для всех: для пьяниц и спортсменов, для христиан и сатанистов, для демократов и коммунистов. Множество маленьких мирков, которые обособились в свои капсулы,

приобрели статус и небольшую подпитку — при условии, что не мешают народу в целом умирать» («Наш современник», 1998, № 11—12).

Значит, противопоставить этому положению можно только ценности, более привлекательные для человека, чем «малые радости» в «зонах наслаждения», ценности, ради которых этими «радостями» можно жертвовать, потому что такая жертва возвышает и приносит удовлетворение. И прежде всего необходимо дать себе отчет в том, какие вообще сейчас существуют духовные концепции или течения «религиозного масштаба», то есть способные объединить народ и вести его на борьбу и жертвы. Так, например, пытался Достоевский осмыслить современную ему жизнь более ста лет назад. Он пытался выделить основные идеологические силы, движущие человечеством. Он называл их «идеями». Одна статья в «Дневнике писателя» называется «Три идеи». И действительно, весь XX век оказался полем борьбы (и взаимодействия) именно *трех* «идей». Мне трудно соотнести их с теми «идеями», о которых писал сам Достоевский, но основные концепции XX века видны отчетливо. Это:

1. Либерально-демократическая идея.

Основные ее положения:

— крайний индивидуализм, каждый (юридически) свободен делать свой выбор, но и не имеет основания рассчитывать на поддержку других;

— полная свобода и даже культ конкуренции; рынок как основной регулятор экономики;

— всеобщее и равное избирательное право; политическая власть как бы делится на миллионы формально одинаковых кусочков, и каждый полноправный гражданин получает свой кусочек — голос на выборах; потом они объединяются вокруг партий, воздействующих на общество через СМИ.

2. Коммунистическо-социалистическая идея.

Ее принципы:

— жизнь определяется не как составляющая множества индивидуальных воль и решений, а на основе единого, строго

рационально разработанного плана, которому эти воли должны подчиняться;

— в самом конкретном виде это экономический план страны на несколько лет, а в самом общем — план развития всего человечества; такой глобальный план (предвидение или пророчество) является единственно допустимой и обязательной идеологией общества, а экономические планы монопольно определяют его экономику.

3. Национальная идея.

Сравнительно с двумя другими течениями явление ее в XX веке было внезапно и нежданно. К концу XIX века национальный фактор казался в истории преодоленным, каким-то пережитком — причем по мнению как либералов, так и социалистов. Но уже мировая война 1914 года показала, насколько это было неверно, вызвав шок целых слоев интеллигенции («потерянное поколение»). Именно национальные силы превратили Первую мировую войну из обычной войны за определенные территории в войну на уничтожение. Потом в германском национал-социализме национализм оказался силой, вырвавшейся из-под всякого человеческого контроля. И после Второй мировой войны национальные расколы сотрясают мир на всех континентах. Но, с другой стороны, национальное единение дало силы подняться поверженным Германии и Японии.

И сейчас на ближайшее будущее не видно других сил, на которые мы сможем опереться, поднимаясь из теперешнего падения. Так что на предвидимое будущее наша судьба будет, очевидно, складываться из этих трех составляющих — как вектор в трехмерном пространстве с этими осями координат. Обсуждению этих сил и их влияния на судьбу русского народа (или некоторых аспектов этой проблемы) и посвящена настоящая работа.

Дальше я полностью исключаю из рассмотрения вопрос о влиянии либерально-демократической идеи. Он потребовал бы отдельного исследования. Особенно когда речь идет о влиянии этой идеи на судьбу России. Здесь возникает громадная трудность, сущность которой в следующем.

Попытка внедрения либеральной концепции привела за последние десять лет к тому трагическому состоянию нашей страны, которое всем уже хорошо известно. А тем самым и концепция глубоко скомпрометирована, она вызывает омерзение и ненависть. Хочется все это проклясть целиком и от всего отрешиться — и не только от того, что хлынуло к нам за последние годы, но и более принципиально: от всего «европейничанья», начиная с Петра. И в такой реакции есть здравое зерно: этот «западный прогресс» в тех формах, в которых он стал выкристаллизовываться с XVII века, уже по всему миру показал свою болезненную, даже смертельную сущность. Он губит не только другие, традиционные цивилизации, но и деревню, и вообще природу, всюду убивает живое и заменяет его техникой.

Но, с другой стороны, это громадная сила, не владея которой хоть в какой-то степени народ не имеет надежды выжить. Эта сила связана с интеллектуальным переворотом, происшедшим на Западе одновременно с установлением там либерально-демократического уклада общества: с так называемой научно-технической революцией XVII—XX веков. Причем весь дух, весь идеологический базис научно-технической революции неразрывно связан с основными принципами либерально-демократического уклада общества. Благодаря научно-технической революции возможность западных стран производить определенные материальные ценности увеличилась в сотни, тысячи и миллионы раз. Когда мы часто пишем, что высокий жизненный уровень Западной Европы и Северной Америки происходит из-за того, что одна пятая человечества живет за счет других четырех пятых, то это правда, но не вся правда: производительные возможности Запада колоссально возросли в результате переворота научно-технической революции. Да этот же переворот дал в руки Запада и громадные силы, при помощи которых он подчинил себе почти все остальное человечество, орудуя в случае необходимости так, как мы это сейчас видим на примерах Ирака и Сербии.

Вопрос о том, как России относиться к происшедшему на Западе перевороту, встал уже давно. Один раз Россия выбрала свой ответ: в эпоху Петра I. Несмотря на все недостатки этого ответа, он дал России двести лет устойчивого развития, избавил ее от судьбы Индии и Китая. За это время страна достигла своих естественных пределов, была создана великая русская культура XIX века.

Сейчас тот же вопрос возникает вновь. И опять полный отказ, полное отрицание представляется невозможным: очевиднее всего, из соображений безопасности страны. Но есть и более глубокая причина: мы слишком многое приняли в себя от Запада — во всей культуре, в самом типе мышления. Наконец, такое решение не соответствовало бы духу русской традиции. Россия, как заметил В. В. Кожинов, легко воспринимает культурные импульсы, и это дает толчок ее самостоятельному развитию. Так мы восприняли вместе с принятием христианства глубокую византийско-греческую традицию, в эпоху петровских реформ — традиции постренессансной Западной Европы.

Здесь возникает важнейшая и очень трудная задача для русского национального сознания: что (и как) из продуктов либерально-демократического развития Запада (включая научно-техническую революцию) можно усвоить и использовать, не разрушая страну и ее национальную традицию. Я только отметил эту громадную проблему, чтобы подчеркнуть, что не собираюсь ее здесь обсуждать.

Работа посвящена двум другим движущим идеям XX века: национальной и социалистическо-коммунистической. Но начать надо с обсуждения этих двух исторических явлений: нации и социализма (или коммунизма). При этом мне придется иногда повторять некоторые соображения, высказывавшиеся в моих более ранних работах, — это делается для удобства читателя.

Дальнейшее содержание работы: общее изложение тех основных (в моем понимании) двух концепций, о которых сказано выше, их реализация в нашей новейшей истории и,

наконец, обсуждение того, как эти вопросы преломляются в нашей сегодняшней жизни и влияют на наше будущее.

Нация

Практически во все известные нам времена люди живут, объединяясь в группы, большие, чем семья, и меньшие, чем все человечество. В известной нам письменной истории действующими лицами являются нации, формирующие государства. В более древний период и в современных догосударственных обществах такую же роль играет племя. Оба понятия объединяются в одно — этнос.

По какому принципу происходит объединение в этнос? Громадную роль играет родственность, единство происхождения, как в семье. Аристотель говорил, что государство произошло из семьи, а он имел в виду национальное государство. Во многих обществах распространен миф, согласно которому все их члены рождены, как растения, родной землей (автохтоны), и поэтому все в некотором смысле братья друг другу. С другой стороны, в жизни каждой нации играет роль большое число людей иного происхождения, как бы «усыновленных» нацией, благодаря усвоению ее культуры и других духовных ценностей. Таким образом, нация — это сложное материально-духовное единство, и эти две стороны в ней не разорвать. Таковым же является и человек, как его, например, описывает Державин в оде «Бог»:

Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей Ты телесных,
Где начал Ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.

Таково же положение этноса, соединяющего в себе и материальные (происхождение, «кровь»), и духовные элементы

(мифы, религия, культура, общая история). Он, аналогично человеку, связывает «цепь существ».

Роль этносов, видимо, связана с тем, что, объединяясь в эти группы, люди приобретают возможность находить ответ на вопросы жизни, абсолютно непосильные индивидуальному человеческому уму. При этом то, как находится ответ, остается совершенно непонятным индивидуальному уму: ответ объясняют тем, что «так повелось исстари», или что так указал мифический предок, или что делать иначе — грех, табу. Это совершенно другой путь контакта человечества с окружающей средой, чем индивидуальное рациональное мышление.

Один из самых поразительных примеров таков. При небольшом размере племен в известных нам примитивных обществах (а в палеолите и неолите они, вероятно, были еще меньше) очень велика, казалось бы, вероятность браков между близкими родственниками. Мы знаем, что такие браки часто дают неполноценное потомство, и кажется, что человечество с самого начала было обречено на вырождение. Однако оно существует уже миллионы лет в значительной мере благодаря действующей во всех известных обществах системе брачных запретов, называемой *экзогамией.* Простейший из них заключается в том, что племя разделяется на два клана и запрещается брать жену из своего клана (видимо, эта ситуация отразилась во многих сказках, когда герой отправляется куда-то «в тридесятое царство» добывать себе невесту). При этом дети зачисляются в клан матери. Уже этот запрет исключает браки между матерью и сыном, братом и сестрой. Но система запретов гораздо сложнее и исключает браки между близкими родственниками в далеком колене. Иногда молодые люди влюбляются вопреки экзогамным запретам («Ромео и Джульетта» первобытного общества). О таких драматических случаях рассказывают песни. Обычным выходом является совместное самоубийство. «Убей себя, убей себя!» — кричала мне мать», — говорится в одной песне нивхов. Конечно, члены этих племен не имеют представления о вредных гене-

тических последствиях кровнородственных браков. Для них экзогамные запреты — типичное табу. Да и наше отталкивание от идеи кровосмешения никак не сводится к заботе о здоровье возможного потомства.

Чтобы не создалось впечатления, что решение жизненной проблемы глобально, целым этносом, является особенностью первобытного общества, приведу пример из сравнительно недавней истории. Речь идет о происхождении современных капитализма и демократии — «либерально-демократической идеи». Они возникли в результате Реформации — грандиозного переворота, совершившегося в Западной Европе в XVI—XVII веках. Но сама Реформация не выдвигала ни капиталистических, ни демократических принципов. Ее основоположник Лютер даже торговцев и тех приравнивал к ворам и никогда не покушался на авторитет и власть германских князей. Центральной идеей Реформации была *идея спасения:* спасения человеческой души в преддверии грядущего Страшного суда, которого ждали со дня на день. Основное богословское положение Лютера заключалось в том, что «спасение дается только верой», то есть *никакие* совершенные в этой жизни поступки не могут перевесить первородного греха человека. Очевидно, что это было учение, уводящее от всякой мирской деятельности.

Во времена английской революции 1640—1660 годов революционерами тоже двигали религиозные идеи. Они ожидали «пятую монархию» — монархию Иисуса Христа (это течение называлось квинтомонархизмом). Один из созванных Кромвелем парламентов назывался «парламентом святых». Каждому разумному человеку в то время должно было бы быть ясно, что «прогрессивным строем» является абсолютная монархия — такая, как испанская, французская, оттоманская, а парламенты — это атавизм, пережиток Средневековья. И тем не менее на этом пути сначала в Англии, а потом в Западной Европе и Северной Америке была достроена система промышленного капитализма, общества, основанного на всеобщем избирательном праве, произошла научно-техническая

революция. И только несколько столетий спустя Макс Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма» (1)* показал, почему же для создания столь практичного и мирского капиталистического демократического общества был необходим религиозный переворот Реформации. Несомненно, существует много других примеров такого решения задачи «групповым разумом» племени или нации (хотя бы открытие земледелия и приручение животных).

Конечно, совершенно непонятно, как этот «групповой разум» находит решение, недоступное индивидуальному человеческому разуму. Но ведь точно так же непонятно, как десять миллиардов клеток человеческого головного мозга вместе сочиняют стихи или доказывают теоремы.

Этот путь выбора народом правильного ответа, основанный не на рациональном, логическом мышлении, хорошо чувствовал Лев Толстой.

В «Войне и мире» он не раз возвращается к этому вопросу: «В исторических событиях очевиднее всего запрещение вкушения плода древа познания». О Кутузове говорится: «Против воли государя и по воле народа он был избран главнокомандующим». Что за непонятный механизм «избрания»? Основа его — национальная. Князь Андрей думает: «А главное, почему веришь ему, это то, что он русский». «На этом же чувстве, которое более или менее смутно испытывали все, и основано было то единомыслие и общее одобрение, которое сопутствовало народному, противному придворным соображениям, избранию Кутузова главнокомандующим». «Только признание в нем этого чувства (национально-русского) заставило народ такими странными путями, из в немилости находящегося старика, выбрать его, против воли царя, в представителя народной войны». Принадлежность к нации дает человеку более высокие жизненные цели, помогает оторваться от «малых радостей» или, наоборот, совсем безрадостных

* Здесь и далее цифры в скобках обозначают порядковый номер цитируемого издания в списке использованной литературы, который приводится в конце работы.

трудностей жизни, способных полностью его поглотить, особенно в периоды, когда привычная жизнь резко ломается. Ведь вся известная нам история есть история не отдельных людей, а народов. И только через принадлежность к народу человек может ощутить себя участником грандиозного процесса истории. Его жизнь приобретает некоторую высшую осмысленность и ценность, ради которой он способен многим жертвовать. Недаром в войнах, как правило, руководители государств апеллируют к национальным чувствам народа, призывая его к жертвам — и обычно с успехом.

Коммунизм

Я не буду вдаваться в тонкости, различающие понятия коммунизма и социализма, мне и самому они не очень ясны. Напротив, я постараюсь охарактеризовать в общих чертах «социалистически-коммунистическую идею», пользуясь терминами «социализм» и «коммунизм» как синонимами.

Очень важно иметь в виду, что идея эта (как бы она ни называлась) вовсе не продукт последних веков, не идеология пролетариата, возникшего в результате промышленного переворота в Западной Европе. Наоборот, она очень древнего происхождения, то есть относится к числу основных концепций, «архетипов» цивилизованного человечества. Ее законченное, глубоко продуманное изложение известно нам уже из сочинений Платона в IV веке до Рождества Христова.

Платон обсуждает вопрос: как *построить* идеальное государство? Это очень характерно: и всюду впоследствии социалистическая концепция возникает как результат индивидуального рационального мышления, как социальное «изобретение», подобное паровозу или телевизору. Ее можно назвать идеей религиозного масштаба — но лишь в смысле масштаба ее воздействия на людей, способности увлекать их. Возникает же она принципиально другим путем, чем религия или национальное чувство. Двумя тысячелетиями позже Платона Бухарин пишет: «Капитализм не строили, а он строился».

Наоборот, «процесс строительства коммунизма является в значительной степени сознательным, то есть организованным».

Платон начинает с утверждения, что величайшее благо для государства — это единство среди его граждан, «когда чуть ли не все граждане одинаково радуются или печалятся». А главное препятствие для этого то, что «невпопад раздаются возгласы: «Это — мое!» или «Это — не мое!». И то же самое насчет чужого». То есть, говоря современным языком, — частная собственность. И Платон решительно заявляет, что ради блага государства частная собственность должна быть упразднена. Но вопрос не такой простой. Надо решить, *какая именно* частная собственность отрицательно действует на общество. Отношение *к чему именно* («Это мое») препятствует единству государства: к моей руке, моему дому или к моим акциям, полученным по наследству от родителей? И центральным тут является вопрос: обладает ли человек частной собственностью на себя или он сам должен рассматриваться как собственность общества? А остальные аспекты частной собственности либо подкрепляют и реализуют то положение, что человек ничьей собственностью не является, либо, наоборот, являются болезненными искажениями такой установки.

Платон занимает самую крайнюю позицию: человеку не принадлежит *ничего,* а сам он *целиком принадлежит* государству (надо отметить, что он подробно говорит лишь об элите описываемого им общества — о тех, кого он называет «стражами»). Стражи живут и столуются вместе. Платон пишет: «...у них не будет никакой собственности, кроме своего тела». Но он идет и дальше. Ведь «моя жена», «мой муж», «мой ребенок» — это тоже «мое». С характерным для него интеллектуальным бесстрашием Платон планирует изгнать из общества и эти отношения. Определенным мужчинам и женщинам разрешается на время соединяться, чтобы произвести детей по решению лиц, стоящих выше в иерархии общества. Дети воспитываются все вместе и не знают своих родителей, а те — своих детей. Религия, мифы, искусство

подвергаются жесткой корректировке и цензуре с целью воспитания качеств, необходимых государству.

Более чем за две тысячи лет, прошедших со времен Платона, никто к этой идеологии ничего принципиально нового не прибавил. Она многократно переизлагалась, в чем-то смягчалась ее отпугивающая прямолинейность, она приспосабливалась к особенностям других времен. Но основная идея была та же. Зато много разных мыслей было высказано о том, *каким путем* можно воплотить в жизнь этот идеально сконструированный общественный строй. Сам Платон надеялся, что это произойдет, когда на троне окажется «царь-философ». Но в результате двухтысячелетней эволюции этой идеологии доминировать стала точка зрения, что она будет претворена в жизнь массовым восстанием, которое подготовит и возглавит меньшинство наиболее преданных и последовательных сторонников идеологии (как бы те же «стражи» Платона). Вехами этих поисков являются «Утопия» Томаса Мора, «Город Солнца» Кампанеллы, учения Сен-Симона, Фурье, Бакунина, Маркса и Ленина и много других вариантов. Но ядро учения, привлекавшее к нему, было одно: это ощущение человека как элемента грандиозной государственной или партийной машины, построенной из человеческих компонент, многомиллионной *мегамашины*. Чтобы стать таким элементом, человек должен от многого отказаться, но зато, идеально вписавшись в ритм машины, слившись с нею, он получает сверхчеловеческие возможности, власть над людьми и способность вершить историю. Наиболее яркое изложение этой «социалистической идеи» принадлежит, по-моему, Г. Пятакову. Исключенный из партии как троцкист, он потом был принят обратно, временно занимал довольно высокие посты и, в частности, возглавлял советскую торговую делегацию в Париже. Там он встретился со своим бывшим товарищем по партии Н. Валентиновым. Валентинов записал их разговор и много лет спустя опубликовал его. Нервно ходя по кабинету и зажигая одну папиросу за другой, Пятаков изложил ему такие мысли. Напомнив ленинское определение диктатуры пролетариата как

«власти, опирающейся на насилие», он разъясняет, что здесь насилие, осуществляемое над другими, — самая тривиальная сторона. Суть дела — в насилии, осуществляемом над собой. «Мы должны пожертвовать и гордостью, и самолюбием, и всем прочим», «мы выбрасываем из головы все ею (партией) осужденные убеждения, хотя бы мы их защищали, находясь в оппозиции». «Категория обыкновенных людей не может сделать мгновенного изменения, переворота, ампутации своих убеждений» — «легко ли насильственное выкидывание из головы того, что вчера еще считал правым, а сегодня, чтобы быть в полном согласии с партией, считать ложным? Разумеется, нет. Отказ от жизни, выстрел в лоб из револьвера — сущие пустяки перед другим проявлением воли, именно тем, о котором я говорил».

Люди, усвоившие эту психологию насилия над собой, оказываются тем более способными применить насилие к другим людям в масштабах, казавшихся ранее невозможными. Тут вступает в силу другая часть ленинского определения диктатуры пролетариата: «...власть, осуществляемая партией, опирающаяся на насилие и не связанная никакими законами». Вот в последних словах Пятаков и видит основной смысл этой формулировки. «Закон есть ограничение, есть запрещение, установление одного явления возможным, другого невозможным». От этого-то и следует отказаться. Так возникает партия, «несущая идею претворения в жизнь того, что считается невозможным, неосуществимым и недопустимым». «Для нее область возможного действия расширяется до гигантских размеров, а область невозможного сжимается до крайних пределов, до нуля». Ради чести и счастья быть в ее рядах люди идут на те жертвы, которые описаны выше.

Я уверен, что это идеология не одного только Пятакова, а той партийной элиты, к которой он принадлежал. Недаром и Сталин однажды назвал партию «своеобразным орденом меченосцев», хотя такая поэтическая фразеология была ему совершенно не свойственна. И Бухарин называет партию «революционным орденом». Эта концепция обычно подкреплялась

взглядом на всю Вселенную как на механизм, функционирующий, как и общество, по механическим «законам прогресса, подтвержденным новейшими достижениями науки», или по «законам диалектического материализма». Возникал взгляд, претендующий на истолкование с единой точки зрения всего бытия — в этом смысле претендующий занять место религии. Но в буквальном смысле эта идеология религией не является, так как абсолютно «посюсторонняя».

Эта «социалистическая идея» обладает необычайной притягательностью для проникшихся ею людей. История показывает нам многочисленные примеры революционеров, идущих на смерть или каторгу, коммунистов, осуществляющих вооруженной рукой продразверстку с риском быть растерзанными крестьянами, и т. д. Да это же видно в цитированном монологе Пятакова. В другой его части он говорит: «Я слышал следующего вида рассуждения... Она (партия) может жестоко ошибаться — например, считать черным то, что в действительности явно и бесспорно белое... Всем, кто подсовывает мне этот пример, я скажу: да, я буду считать черным то, что считал и что могло мне казаться белым, так как для меня нет жизни вне партии, вне согласия с ней...» Многие из того слоя партийной элиты, к которому принадлежал Пятаков, подтвердили делом его слова. Они проявили бешеную энергию на фронтах Гражданской войны, но безропотно пошли на гибель, когда так решила партия. И многие из них действительно заявили, что «считали черным то, что казалось белым», признав на показательных процессах обвинения, иногда, бесспорно, выдуманные. (При самой крайней подозрительности по поводу бывших революционеров — «революцию не делают в белых перчатках» — многие самообвинения были фактически опровергнуты или просто бессмысленны.)

XX век отличается тем, что в это время во многих странах осуществляется попытка построить государство на основе социалистической идеи. Само по себе это в истории — не новость. Государства, построенные по такому принципу, существовали в разное время в Месопотамии, Древнем Египте,

Древнем Китае, в Перу до испанского завоевания, в государстве, организованном иезуитами в Парагвае, и т. д. Это было многократно описано историками, о чем говорят хотя бы названия книг: «Государственный социализм в XV веке до Р.Х.», «Коммунистическая христианская республика Гуарани» и др. Но в XX веке социалистические революции потрясли весь мир. Конечно, центральным событием была революция в России. Но одновременно были социалистические революции в Баварии и Венгрии, позже — в Китае, на Кубе, во Вьетнаме и в Камбодже. Это был мировой кризис, эпицентр которого находился в России.

Признаком всемирного характера социалистического движения в XX веке была и та моральная поддержка, которую большая часть западной интеллигенции оказывала Советскому Союзу (а позже — маоистскому Китаю и Кубе).

В грандиозных переворотах, связанных с социалистическими революциями XX века, с той «социалистической идеей», которую я попытался сформулировать выше, смешивались и к ней присоединялись внешне схожие, но принципиально отличные элементы жизни — такие, как навыки коллективных форм труда, требования социальной справедливости и т. д. Например, в русской общине земля время от времени подвергалась переделу. Однако на земле, выделенной ему, крестьянин хозяйствовал самостоятельно, решая, где и что ему сеять, когда убирать, когда свозить... То есть труд его носил творческий характер в сотрудничестве с природой. Это была форма хозяйствования, по духу противоположная «трудовым коммунам» времен «военного коммунизма» и колхозам более позднего времени. Или, в другом случае, когда английское лейбористское правительство после Второй мировой войны, опираясь на высокие налоги на капитал, развернуло широкую программу социального обеспечения, включая бесплатную медицинскую помощь и бесплатное снабжение лекарствами, — то основой все же оставался капитал, прибыли которого облагались высокими налогами. Наоборот, партии ортодоксально-социалистического толка, например коммуни-

стические, всегда относились подозрительно к такой борьбе за улучшение социальных условий трудящихся, называя ее «тред-юнионизмом», «борьбой за пятачок», «экономизмом» или «подкупом верхушки рабочего класса».

Во всех известных попытках осуществления коммунистического идеала вслед за эпохой радикальных преобразований следует период компромиссов и отказа от крайних принципов. В одной статье В. Г. Распутина о коммунизме, его роли в истории России говорится: «Призванный погубить страну, он постепенно стал державником, на свой, разумеется, твердолобый и непререкаемый манер, которому не близко до желаемого блага». Мне кажется, что здесь намечается и более широкая, и очень плодотворная мысль. Если говорить о наших «трех идеях», то и «коммунистическая идея», и русская «национальная идея» существовали в XX веке не в каких-то разных пространствах и даже, большую часть времени, не разделенные фронтом. Власть в России была коммунистической. Но национальная русская традиция имела за плечами тысячу или тысячи лет и не могла внезапно исчезнуть. Обе «идеи» влияли друг на друга и видоизменяли друг друга.

Собственно, я думаю, прививший термин «советская власть» подразумевает, конечно, не «власть Советов» — они были подчинены партии, — а ту именно реальную форму, которую «коммунистическая идея» приняла в России под влиянием многообразных воздействий жизни, и в частности русской национальной традиции. Вот именно протекавший в реальной жизни процесс взаимодействия этих двух фундаментальных идей и важно рассмотреть. Следующая часть работы содержит некоторые соображения на эту тему.

Революция и гражданская война

Конечно, вопрос не новый. Разные точки зрения можно найти, например, в «круглом столе» («Наш современник», 1997, № 11), состоявшемся в связи с 80-летием Октябрьской революции.

Один из ответов, предлагавшихся на сформулированный выше вопрос, заключается в том, что как раз в XX веке «коммунистическая идея» и «национальная русская идея» практически совпали. Согласно этому взгляду, коммунистическая революция реализовала чаяния подавляющего большинства русского народа. Буржуазно-масонская Февральская революция развалила Россию. Гражданская война была навязана контрреволюционными генералами и Антантой, но она была одновременно процессом «собирания России» новой властью.

Мне кажется, что в этой точке зрения фактами подтверждается только то, что относится к Февральской революции. Она действительно разрушительно подействовала на страну. Но как только вслед за революцией активизировалась большевистская партия, она включилась именно в эту разрушительную деятельность и играла в ней наиболее активную роль. Октябрьская революция логически предполагала гражданскую войну. Партия, совершающая революцию, берет тем самым на себя ответственность за возникающую потом гражданскую войну, если речь идет не о смене одного монарха другим, а об изменении всего экономического и политического уклада. Но в данном случае положение еще более ясное. Едва прошел один месяц с начала Первой мировой войны, как Ленин уже сформулировал свой лозунг о превращении войны империалистической «в беспощадную гражданскую войну». Он и дальше его постоянно пропагандировал. И в этом он был принципиален и последователен как марксист. Маркс писал: «Мы говорим рабочим: вы должны пережить 15, 20, 50 лет гражданской войны и международных битв, и не только для того, чтобы изменить существующие отношения, но чтобы и самим измениться и стать способными к политическому господству». То есть гражданская война рассматривалась как метод создания «нового человека».

Еще в январе 1918 года, когда гражданской войны не было, Крыленко говорил на III съезде Советов: «Красная Армия в первую очередь предназначена для войн внутренних». Бухарин писал: «Пролетарская революция есть... разрыв

гражданского мира — это есть гражданская война (...), в огне гражданской войны сгорает общенациональный фетиш». Он негодует, что Каутский ужасается по поводу «самой страшной» гражданской войны, называя это «чудовищным ренегатством». Или Свердлов на заседании ВЦИКа четвертого созыва ставит задачу: «...расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря (...), разжечь там ту же гражданскую войну, которая шла не так давно в городах (...), только в том случае сможем мы сказать, что мы и по отношению к деревне сделали то, что смогли сделать для городов».

Таким образом, идея гражданской войны принадлежит к числу основных концепций, принятых руководством большевистской партии, — это, собственно, была та форма, которую классовая борьба принимала в эпоху пролетарской революции.

Еще до Октябрьской революции параллельно разработке и внедрению идеи гражданской войны развивалась идея борьбы за поражение своего правительства в идущей мировой войне. Ленин писал: «Русские социал-демократы были правы, говоря, что для них меньшее зло — поражение царизма, что *их* непосредственный враг — больше всего великорусский шовинизм»; «Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству. Это — аксиома». Он имеет в виду явно не одни «желания», призывая к политике, которая «несовместима, по большей части, с законами о государственной измене». «Пролетариат не может ни нанести классового удара своему правительству, ни протянуть (на деле) руку своему брату, пролетарию «чужой», воюющей «с нами» страны, не совершая «государственной измены», не содействуя поражению, не помогая распаду «своей» империалистической «великой» державы». Эта программа и реализовалась.

Финансирование германским генеральным штабом большевистской партии в период между Февральской и Октябрьской революциями подтверждено столькими свидетельствами, как редко какой исторический факт. Тут и опубликованные в 1950-е годы документы германского генерального штаба, и свидетельства современников. Однако все это было лишь

продолжением старой традиции. Так, в 1904 году на Международном социалистическом конгрессе в Амстердаме Плеханов заявил, что он считал бы победу царизма в войне с Японией поражением русского народа, и под гром аплодисментов обнялся с японским делегатом Катаямой. Аналогичные заявления делались немецкими и французскими делегатами на различных конгрессах II Интернационала перед Первой мировой войной. Но когда дело дошло до реальной войны, их марксистские убеждения оказались недостаточно последовательными. А ведь еще Маркс писал Энгельсу: «Я вполне согласен с тобой относительно Рейнской провинции. Заглядывая в будущее, я вижу нечто, что будет сильно отдавать «изменой отечеству»; вот это для нас фатально. От поворота, который примут дела в Берлине, будет зависеть, не будем ли мы вынуждены занять такую же позицию, какую в старой революции заняли майнцские клубисты». («Майнцские клубисты» — группа немецких иллюминатов, способствовавших во время войны с революционной Францией сдаче Майнца французам, а потом агитировавших за присоединение Рейнской области к Франции.)

Выше уже приводилась мысль Ленина, что в число мер, способствующих поражению «своего» правительства, необходимо включить развал «своей» державы. И более конкретно: «Кто пишет против «распада России», тот стоит на буржуазной точке зрения». Этот вопрос обсуждался на VII партконференции в апреле 1917 года. Там Ленин говорил: «Почему мы, великороссы, угнетающие большее число наций, чем какой-либо другой народ (? — *И. Ш.),* должны отказаться от признания права на отделение Польши, Украины, Финляндии... Если Финляндия, Польша, Украина отделятся от России, в этом ничего худого нет. Что тут худого? Кто это скажет, тот шовинист». И это в то время, когда, например, самое крайнее украинское движение, Рада, добивалось только автономии в пределах России.

Логическим следствием этой политики был Брестский мир, после которого границы Советской России на Западе в

основном совпали с границами теперешней, постперестроечной Российской Федерации, — оттуда они и происходят. Трудно предположить, что большевистское руководство или лично Ленин заранее рассчитывали на поражение Германии на Западном фронте, позже освободившее их от пут Брестского мира. Они скорее преувеличивали силы Германии, обычно приводя ее как пример наиболее организованного, самого передового капиталистического государства в Европе. Их истинная надежда была — так и несостоявшаяся мировая пролетарская революция.

После поражения Германии на Западном фронте и в результате Гражданской войны размеры Советской России стали быстро расширяться. Именно этот процесс, по-видимому, и дает пищу концепции «собирания Российского государства» коммунистической властью. Подобные мысли высказывались и тогда, во время Гражданской войны, но, как правило, людьми, жизнь которых была разбита разразившейся катастрофой, готовых хвататься за соломинку, принимать любую утешающую мысль (сейчас, когда наша страна переживает такого же масштаба катастрофу, мы можем очень хорошо понять подобную психологию).

Такими были, например, герои романа Булгакова «Белая гвардия». В романе Савинкова «Конь бледный» описывается белый офицер, проникший в Советскую Россию с целью убить Дзержинского. Для этого он становится командиром Красной Армии и против своей воли начинает ей сочувствовать — видит, что это настоящая армия, спаянная дисциплиной. Позже, после окончания Гражданской войны, подобные взгляды высказывало целое направление — «сменовеховцы». Но это направление выросло уже на ядовитой почве эмиграции (эмиграция — страшная вещь, говорил Герцен, испытавший ее на себе). Даже Пуришкевич писал: «Советская власть — это твердая власть, — увы, не с того лишь боку, с которого я хотел видеть твердую власть над Россией».

В качестве показателя подобных настроений иногда приводят цифры, указывающие на значительное число дорево-

люционных офицеров, воевавших в Гражданскую войну в Красной Армии, рассматривая это как признание ими «государственнического» характера новой власти. Но при этом нельзя, например, забывать, что была объявлена мобилизация офицеров и что Троцкий сообщил на заседании ЦИКа в июле 1918 года: «Каждый военный специалист (так назывались тогда дореволюционные офицеры. — *И. Ш.*) должен иметь и слева и справа по комиссару с револьвером в руке». Троцкий утверждает, что сообщил Ленину про мобилизованных бывших офицеров — они должны выбирать: «...с одной стороны — концлагерь, а с другой — служба на Восточном фронте». У многих из мобилизованных в качестве заложников оставались семьи. Только учитывая все эти факторы, можно было бы попытаться оценить участие бывших офицеров в Гражданской войне на стороне Красной Армии как признак их сочувствия (хоть в какой-то степени) одной из сторон.

Но кто определенно таких мыслей не высказывал — это вожди большевистской партии (когда Ленин говорил, что «мы оборонцы с 25 октября 1917 года», то тут же оговаривался: «...та отечественная война, к которой мы идем, является войной за социалистическое отечество, за социализм как отечество, за Советскую Республику как *отряд* всемирной армии социализма»). Традиция исторической, национальной России была им глубоко антипатична, их цель была — мировая революция. Одну свою речь (после Февральской революции) Троцкий закончил лозунгом: «Будь проклят патриотизм!» Один близкий Ленину человек, впоследствии эмигрировавший, уверял, что Ленин ему сказал: «Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать, — это только этап, через который мы проходим к мировой революции». Но подобные высказывания можно встретить и в Собрании сочинений Ленина, например: «...интересы мирового социализма выше интересов национальных, выше интересов государства» (как аргумент в пользу Брестского мира).

Еще в 1919 году перед войсками Украинского фронта ставилась задача прорыва на помощь советской Венгрии. Был

сформирован венгерский «Отряд Фекете». Но тогда рассчитали, что сил не хватает.

Типичным примером была война с Польшей в 1920 году. Целью ее было не нанесение удара польской армии, чтобы вернуть Польшу как часть Российской империи или отстоять Западную Украину и Западную Белоруссию. Цель была — прорваться в Германию на помощь немецкому пролетариату. Приказ Тухачевского гласил: «Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару... Вперед на Запад!» Именно эта установка стала одной из причин поражения. В результате 130 тысяч красноармейцев попали в польский плен. В первые же два года 60 тысяч из них умерли от бесчеловечных условий в польских концлагерях (2). Это была плата русской кровью за попытку разжечь мировую революцию.

Тогда же, в разгар удара по Польше, Тухачевский написал статью в форме обращения ко II конгрессу Коминтерна. Он пишет: «Война может быть окончена лишь с завоеванием всемирной диктатуры пролетариата (...). Государство, находящееся под властью рабочего класса (...), должно создать себе достаточные силы для завоевания буржуазных государств всего мира». Для этого, «учитывая неизбежность мировой гражданской войны в ближайшее время, необходимо теперь же создать генеральный штаб III Коммунистического интернационала». «Мы стоим накануне мировой гражданской войны, руководить которой со стороны пролетариата будет Коммунистический интернационал». Эта статья включена в книгу, само название которой красноречиво: «Война классов» (3). В ней говорится: «Захват государственной власти в буржуазной стране может идти двумя путями: во-первых, путем революционного восстания рабочего класса данной страны и, во-вторых, путем вооруженного действия со стороны соседнего пролетарского государства». Согласование этих двух направлений революции, изнутри и извне, и должно, по мнению автора, быть функцией Коминтерна.

Такие взгляды были широко распространены. Бухарин, например, пишет, об империалистической войне, национально-

сепаратистских восстаниях, гражданской войне внутри страны и, наконец, классовой войне «между государственно организованной буржуазией и государственно организованным пролетариатом». «Начавшаяся *эпоха революций* (...) есть эпоха неслыханных классовых битв, вырастающих в *классовые войны».* Декрет, изданный в январе 1918 года, характеризует Красную Армию как «поддержку для грядущей социалистической революции в Европе».

Приписывать большевикам эпохи Октябрьской революции стремление к «собиранию России» значит ошибочно переносить на них чувства, испытываемые многими сейчас. Им-то русская историческая традиция была чужда и враждебна, виделась, по словам Ленина, как «великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями и капиталистами». Цель большевистского руководства была — мировая пролетарская революция. Как писал Ленин, «мы и начали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию».

Верно ли, что Октябрьская революция реализовала основные чаяния народа? В 1917 году народ, прежде всего, был глубоко травмирован войной. Действительно, представим себе тогдашнее положение: приносятся колоссальные жертвы (1 миллион 650 тысяч убитых и умерших от ран). Как это понять рядовому солдату? Ради чего эти жертвы? Война идет среди населения, говорящего не по-русски, часто настроенного недружественно к русским (в Польше, Литве, Галиции, Румынии). Народом она не воспринималась как «защита Отечества», не апеллировала к исторически сложившимся чувствам. Вероятно, именно это имел в виду Столыпин, когда в письме Извольскому писал (в 1911 году): «Война в следующем году, особенно в том случае, если ее цели непонятны народу, станет фатальной для России и династии»; «Россия выстоит и одержит победу только в народной войне». Изо всех партий большевики одни призывали к немедленному прекращению войны («воткнуть штык в землю»). Это соответствовало чаяниям определенной, вероятно большой, части народа.

Но в результате Октябрьской революции вместо мира народ получил еще три года Гражданской войны. Эта война, вызванные ею эпидемии и голод унесли, по подсчетам разных историков, 13—17 миллионов человек. То есть по масштабу катастрофа далеко превосходила даже «перестройку» (если не гадать о будущем). В то же время за три года предшествовавшей мировой войны потери России (по всем причинам) составили 5 миллионов человек (включая население оккупированных территорий). И эта Гражданская война была заранее запланирована (как писал Ленин), специально разжигалась в деревне (как говорил Свердлов), ее всеми силами стремились превратить в мировую (как об этом писали Бухарин и Тухачевский).

Крестьянская война

Другим вопросом, игравшим драматическую роль в революции, был вопрос о земле. Россия была крестьянской страной: $^4/_5$ населения были крестьянами. Крестьяне страдали от безземелья. Поэтому неурожайный год сразу оборачивался голодом. На почве безземелья все время возникали крестьянские восстания, цель которых была — захват помещичьих земель. В XX веке первый взрыв крестьянских волнений был в 1902 году в Левобережной Украине. Боевой лозунг, что от безземелья крестьян спасет раздел помещичьих земель, распространяли все левые партии: кадеты и все, кто левее их. Так что после Февральской революции власть оказалась полностью в руках партий, стоящих за отчуждение помещичьих земель. Но одни партии считали, что для этого необходим декрет Учредительного собрания, другие предлагали создать комиссии для справедливого раздела. Одни большевики предлагали немедленный раздел. Это и обеспечило им широкую поддержку (иногда активную, чаще — пассивную) во время Гражданской войны.

Встает основной вопрос: в какой мере крестьянское безземелье было преодолено в результате этой политики? В со-

временном учебнике для студентов исторических факультетов (31) говорится: «Что касается общего количества перешедшей к крестьянам земли, то историки до сих пор затрудняются назвать более или менее правдоподобную цифру». Действительно, оценки очень различны. Так, в отчете Наркомзема, изданном в 1920 году, сообщается: «Специальная анкета центрального отдела землеустройства позволила установить, что увеличение площади на едока выразится в ничтожных величинах: десятых и даже сотых десятины на душу» (39).

Прежде всего необходимо оценить степень и причины крестьянского безземелья. Вот что писал Н. Д. Кондратьев:

«По данным переписи 1916 года, по 47 европейским губерниям на долю крестьянских посевов приходилось 89,2% всех посевов. Крестьянам принадлежало 93,9% всех рабочих лошадей, 94,2% крупного рогатого скота, 94,3% всех свиней. В рыночном обороте хлеба на долю крестьянского хлеба приходилось 78,4%» (4). Те же цифры приводят и другие экономисты, например Челинцев. Но, видимо, в «крестьянские посевы» включаются и посевы крестьян на арендуемой у помещиков земле, а плата за аренду ложилась тяжелым грузом на бюджет крестьянина. С другой стороны, говорит Кондратьев, «десятина земли дает пшеницы: в Англии — 138 пудов, в Германии — 121 пуд, во Франции — 79 пудов, в России — 42 пуда. Чем же это объясняется? Этого нельзя объяснить плохой природой России, плохим климатом и плохой почвой. Климат значительной и самой плодородной части Южной России не хуже климата Германии, Франции и Англии. Тепла и влаги у нас не менее, чем там. То же самое нужно сказать о нашей почве. Наш южный чернозем даже превосходит почву Западной Европы. Объяснение нужно искать в плохой обработке земли, в отсталости крестьянского хозяйства» (5). (Кондратьев происходил из малозажиточной крестьянской семьи, был старшим из десяти детей. Окончил церковноприходскую школу и церковно-учительскую семинарию. Сдал экзамен на аттестат зрелости и поступил в университет. Впоследствии стал крупнейшим ученым с мировым именем, открытые им

«кондратьевские циклы» стали общепризнанным в мире законом экономики. Принадлежал к партии эсеров, хотя и не был политически активным. Таким образом, его высказывания — это суждения исключительно компетентного специалиста, смотрящего на вопрос именно с «крестьянской», отнюдь не с «буржуазно-помещичьей» точки зрения.)

В цитированной статье Кондратьев считает, что имеется 56—60 миллионов десятин пригодной для земледелия помещичьей, казенной, монастырской земли, которую можно было бы разделить между крестьянами. Он считает, что если передел произвести так, чтобы обеспечить землей самых малоземельных, то можно добиться того, чтобы каждое крестьянское хозяйство имело не менее 10 десятин земли. Кондратьев считает, что это утолит немедленный земельный голод, и выступает за такой передел. С другой стороны, он подчеркивает очень тяжелое положение сельского хозяйства. Например, 36% хозяйств — безлошадные; что они будут делать со своими десятью десятинами, если их получат?

Но вот в результате революции вся земля была поделена «по-черному». В другом месте Кондратьев говорит, что в 1916 году по 24 обследованным губерниям Европейской России на хозяйство в среднем приходилось 4,97 десятины пашни (5). А в статье, написанной В. П. Даниловым и Н. А. Ивницким (6; введение), то есть двумя наиболее компетентными в этой области современными специалистами, утверждается, что к 1927 году среднее крестьянское хозяйство в СССР обладало 4—5 десятинами пашни. То есть после революции размер пашни на одно хозяйство сначала (к 1919 году, согласно данным Кондратьева) упал вдвое, а за десять лет вернулся к прежним размерам. И за это было уплачено миллионами человеческих жизней и духовной травмой, сказывавшейся еще в течение десятилетий!

По-видимому, представление о необъятных помещичьих землях, раздел которых надолго сможет решить крестьянские проблемы, было пропагандистским мифом, очень умело внушенным левыми партиями (кадетами и всеми левее их). (Мы

все были свидетелями аналогичного явления, когда в начале «перестройки» средства информации начали массированную атаку на «привилегии». Помню обошедшую тогда многие газеты фотографию дачи какого-то маршала, довольно потрепанной. А в то же время можно было видеть своими глазами возникающие как грибы мини-дворцы дельцов, под прикрытием этих криков делящих богатства страны.)

Но самое существенное заключается в том, что помещичьи земли были крестьянами вовсе не «получены», а отвоеваны (и то меньше чем на десять лет) в ожесточенной трехлетней войне против новой власти.

Конфликт, возникший между новой коммунистической властью и деревней, имеет две стороны: идеологически-юридическую и практически-жизненную. *Идеологически большевики всегда были решительными противниками передачи земли крестьянам: они требовали национализации земли, передачи ее в распоряжение государства.* Еще в резолюции VII партконференции РСДРП(б) в апреле 1917 года говорится: «...означая передачу права собственности на все земли в руки государства, национализация передает право распоряжаться землей в руки местных демократических учреждений». Но прямое провозглашение и проведение такой программы вызвало бы сопротивление всей крестьянской России. Из тактических соображений Ленин соглашался пойти на временный отказ от нее: «Мы становимся таким образом — в виде исключения и в силу особых исторических обстоятельств — защитниками мелкой собственности, но мы защищаем ее лишь в ее борьбе против того, что уцелело от «старого режима».

После прихода большевиков к власти эти взгляды нашли отражение в нескольких декретах и постановлениях. Первым и наиболее известным был Декрет о земле от 26 октября 1917 года. В нем декларировалась безвозмездная передача помещичьих земель крестьянам. К декрету был приложен наказ для руководства, составленный из 242 местных крестьянских наказов. В этом наказе говорится, что земля, перешедшая к крестьянам, поступает в «уравнительное землепользование»

(этот принцип лежал в основе дореволюционной общины). Этим большевистское правительство временно отказалось от исполнения своей программы и приняло эсеровскую программу. Да и Ленин говорил на III конгрессе Коминтерна: «Наша победа в том и заключалась, что мы осуществили эсеровскую программу; вот почему эта победа была так легка». Но дело не было столь однозначно. Слова об отмене частной собственности на землю, содержащиеся в наказе, могли (как и было впоследствии) служить оправданием перехода ее под контроль государства.

Вскоре после Декрета о земле, 19 февраля 1918 года, был опубликован «Основной закон» о земле, где подтверждалась отмена «всякой собственности» на землю, недра, воды и леса. Все они передавались «трудовому народу». При этом земля для занятия сельским хозяйством отводится: в первую очередь сельскохозяйственным коммунам, во вторую — сельскохозяйственным товариществам, в третью — сельским обществам и лишь в четвертую — отдельным семьям и лицам.

А еще через год — 14 февраля 1919 года — издается положение ВЦИК «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию». В нем говорится, что «вся земля в пределах РСФСР, в чьем бы пользовании она ни состояла, считается единым государственным фондом и находится в распоряжении соответственных народных комиссариатов»; «Необходим переход от единоличных форм землепользования к товарищеским. На все виды единоличного землепользования следует смотреть как на переходящее и отживающее. В основу землеустройства должно быть положено стремление создать единое производственное хозяйство, снабжающее Советскую Республику». Таким образом, идея национализации, создания единого общегосударственного земледельческого хозяйства была не оставлена, а со временем формулировалась все более четко.

Конечно, средний крестьянин вряд ли следил за резолюциями партконференций, декретами и законами. Реально деревня и новая власть столкнулись в вопросе о хлебе, а

конкретнее — в связи с продразверсткой. Продразверстка, то есть обязательство крестьян *продавать* определенную часть урожая, была как мера военного времени введена еще до Февральской революции, а монополия государства на торговлю хлебом была установлена Временным правительством. Особенность же продразверстки, проводившейся после Октябрьской революции, заключалась в том, что власть пыталась конфисковать практически весь хлеб, *ничего* не давая взамен. Более того, уже в мае 1918 года Свердлов огласил план внесения Гражданской войны в деревню, цитированный выше, была объявлена продовольственная диктатура, создана продовольственная армия, издан декрет о комбедах. В Конституции РСФСР 1918 года и СССР 1922 года «кулаки» были объявлены «лишенцами». В этих условиях продразверстка приняла формы, на которые крестьяне ответили непрекращающейся чередой восстаний — крестьянской войной. Теперь, когда многие архивы рассекречены, по этому вопросу изданы сборники документов (7, 8, 9), систематические обзоры (10, 11). Из них возникает картина «забытой войны», помнить которую было не нужно ни белым, ни (тем более) красным. Но которая тем не менее на какое-то время определила ход истории.

Вот несколько примеров (взятых из этих публикаций), как проводилась продразверстка. Из доклада партии эсеров в Тамбовской губернии в 1920 году: «Так как хлеба в губернии все-таки мало, то в некоторых волостях крестьяне оказываются не в состоянии даже покупкою покрыть причитающуюся с них «норму», отдают семена, отдают оставленную для собственного потребления «норму», а когда и этого не хватает, отказываются наотрез и молчаливо ждут наказания: «И так и так умирать, пусть стреляют». Случаи массовых расстрелов крестьян уже были в 3—4-х местах губернии... Зарегистрировано также несколько случаев самоубийств крестьян; в одном из сел Тамбовского уезда покончил самоубийством даже местный «комиссар»-большевик, которому постановлено, под угрозой расстрела, невыполнимое требо-

вание — взять с деревни еще по 5 пудов хлеба, когда перед тем мужики уже дважды внесли эту норму».

Из сводки ВЧК: «Продотряды, согласно заявлению крестьян, безжалостно выметают все до зерна, и даже бывают случаи, где берут заложниками уже выполнивших разверстку» (в сводке это относится к «недоразумениям»). Из другой сводки: «Путем ареста, принудительных работ я заставляю их («кулаков». — *И. Ш.*) подчиняться необходимым распоряжениям». Вот картина того, как осуществлялась продразверстка «приехавшим в уезд (Борисоглебский) гражданином Марголиным»: «В ход была пущена порка... Порют продармейцы, агенты и сам гражданин Марголин, за что был арестован Ревтрибуналом, но по приказу из Тамбова ныне выпущен из тюрьмы с допущением к исполнению своих обязанностей. Продовольственную разверстку гражданин Марголин начинает таким образом. По приезде в село или волость он собирает крестьян и торжественно заявляет: «Я вам, мерзавцам, принес смерть. Смотрите, у каждого моего красноармейца по сто двадцать свинцовых смертей на вас, негодяев». Затем начинается требование выполнить продразверстку, а потом порка, сажание в холодный сарай и т. п.». Из заявления Никольского волостного совета крестьянских депутатов: «...отряд с пулеметом, во главе с Пузиковым, каковой арестовал и посадил в холодные амбары несколько крестьян, наложил на них денежные штрафы, дал полчаса времени на размышление, по истечении которого неуплатчик должен был быть расстрелян. Одна женщина, не имея денег, спешила продать последнюю лошадь, чтобы выручить из-под ареста невинного мужа, и не успела явиться к назначенному часу, за что муж ее был расстрелян». Сверх того, множество жалоб на то, что продразверстка накладывается совершенно произвольно, не пропорционально возможностям, а отобранные продукты расхищаются или не вывозятся и гниют.

Другой причиной резкого отпора крестьян была мобилизация в Красную Армию. Если судить по результатам мобилизации, то крестьянство определенно не желало воевать за

большевиков: целые области отказывались подчиниться приказу о мобилизации. Например, когда в 1918 году была объявлена мобилизация в Красную Армию в Поволжье и восточнее, вплоть до Сибири, то явилось менее 20%. Такие же цифры приводятся по областям Центральной России в 1919 году. В некоторых областях число дезертиров доходило до 90%. По разным губерниям приводятся цифры в сотни тысяч дезертиров. Общее число дезертиров в Европейской России только во вторую половину 1919 года превышало 1,5 миллиона человек. Еще одной причиной были репрессии против Церкви.

Эти причины вызвали цепь крестьянских восстаний, а по существу Крестьянскую войну 1918—1921 годов по всей территории, контролировавшейся властью РКП(б). Мы сделаем очень короткий обзор ее по опубликованным в последнее время документам (7—11).

1918 год

Массовые восстания начались с лета 1918 года. В Центральной России их было не менее 300: в Смоленской, Воронежской, Новгородской, Псковской, Костромской, Петроградской губерниях. Одно было под Москвой — в Дмитровском уезде. Особенно массовым было пензенское восстание. В связи с его подавлением Ленин телеграфировал: «Необходимо произвести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев. Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Телеграфируйте об исполнении». «Крайне возмущен, что нет ровно ничего определенного от Вас о том, какие же, наконец, серьезные меры беспощадного подавления и конфискации хлеба у кулаков пяти волостей проведены Вами. Бездеятельность Ваша преступна. Надо все силы направлять на одну волость и очистить в ней все излишки хлеба». «Повторяю приказ прибывшим с экспедицией латышам остаться пока, до нового распоряжения, в Пензе. Выделяйте надежнейших из ваших восьмисот солдат и действуйте беспощадно — сначала против одной волости, доводя дело до конца». Ленин завизировал телеграмму Цюрупы, в которой

требовалось назначить по каждой волости заложников, на которых возложить обязанность собрать все излишки хлеба и вывезти его на ссыпные пункты.

Впрочем, захват заложников практиковался и безо всяких указаний. Из донесения ВЧК: «В уезде убит организатор комитета бедноты. В ответ на это в г. Череповце расстреляны заложники: кирилловский епископ Варсонофий, игуменья Ферапонтиевского монастыря Серафима...» (всего 10 человек). Из другого донесения ВЧК: «Чрезвычайные комиссии уже заблаговременно забирают заложников... в ответ на покушение на члена ЧК приговорены к расстрелу 50 заложников...» По поводу подавления восстаний сводка ЧК сообщает: «Невельская чрезвычайная комиссия совершила массу расстрелов... произвела массу арестов заложников — городской буржуазии и деревенских кулаков». Те же меры применялись и к дезертирам. Лишь в одном уезде Симбирской губернии было расстреляно до 1000 крестьян, не явившихся по мобилизации. В 40 волостях Тамбовской губернии против крестьян применялись броневики.

К концу 1918 года восстаниями было охвачено более половины территории, контролировавшейся большевистской властью. О потерях крестьян встречаются лишь данные по отдельным районам: расстреляно 600 человек, 750, 1200... Все эти меры не достигли своей главной цели — было собрано лишь несколько процентов намеченной продразверстки.

1919 год

Разгоревшись в 1918 году, крестьянская война развернулась в полную силу в 1919-м. К этому времени положение центральной власти заметно улучшилось. Была разгромлена власть «Комуча» в Поволжье вплоть до Урала. В конце 1918 года капитулировала на Западе Германия и началось продвижение в глубь Украины частей Красной Армии. Но государственное давление на деревню только увеличилось. Сохранилась продразверстка в столь же крайних формах. Монополия государства была распространена на всю продукцию сельского

хозяйства, вплоть до грибов и ягод. Увеличились повинности: гужевая, трудовая, по расчистке железнодорожных путей от снега — и, как всегда, с расстрелами за невыполнение приказов. Увеличился объем мобилизации в Красную Армию.

Расширялась и крестьянская война. Восстания с участием десятков и сотен тысяч крестьян охватили всю территорию, контролировавшуюся большевистской властью. За первую половину года сведения о них имеются по 124 уездам Европейской России. Одним из самых массовых была «чапанная война» (от слова «чапан» — крестьянская одежда) — от Поволжья до Урала. В ней участвовало несколько десятков тысяч крестьян, выдвигались командиры из числа крестьян, имевших военный опыт, создавались штабы. Был избран свой совет, издавался свой печатный орган. Причины: мобилизация, реквизиции, порки плетьми, уничтожение икон. Подавлением руководил Фрунзе. В военных действиях убито более 1000 повстанцев, из них более 600 расстреляно ЧК и трибуналами.

Но самым драматическим эпизодом этого года был террор против донских казаков («расказачивание») и их ответное восстание. О нем скажем подробнее.

После революции в донском казачестве взяла верх позиция нейтралитета в борьбе между белыми и красными. Но вскоре Гражданская война проникла и к ним: борьба между войсками Краснова и Миронова. Миронов не только воевал с войсками Краснова, но и помогал Красной Армии в обороне Царицына. Однако в руководстве большевиков было укоренено априорное отношение к казакам как к врагам. Например, по поводу терского казачества в обращении Народного комиссариата по делам национальностей (наркомнацем был Сталин) в 1918 году говорилось: «Первое место по заслугам перед советской властью следует отдать чеченцам и ингушам, они почти поголовно вооружены и наносят казацким бандам непоправимые удары (...), горцы борются с контрреволюционным казачеством...» По поводу донских казаков Сталин писал Ленину, что «целыми полками переходили на сторону Миро-

нова казаки для того, чтобы, получив оружие, на месте познакомиться с расположением наших частей и потом увести за собой в сторону Краснова целые полки». На самом деле в значительной степени именно войска Миронова помогли разбить Краснова и открыли путь Красной Армии на Дон.

С этого времени (январь 1919 года) и начинается «расказачивание». Основные принципы были сформулированы в Директиве Оргбюро ЦК РКП(б) (точнее — в циркулярном письме) от 24 января. Положения этого документа были выработаны в начале января в переписке между Свердловым и Донбюро (председатель Сырцов, обычный корреспондент Свердлова — Френкель). В Директиве предлагается:

«1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно. (...)

5. Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи. (...)

7. Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка» (то есть оккупация).

Еще 15 января Френкель писал в ЦК РКП: «Предстоит очень большая и сложная работа по уничтожению... кулацкого казачества как сословия, составляющего ядро контрреволюции». Свердлов дал указание никакой местной власти на Дону не допускать, «руководство должно пока остаться за Реввоенсоветом фронта». Инструкция Реввоенсовета «О борьбе с контрреволюцией на Дону» рекомендует: «...обнаруживать и немедленно расстреливать: а) всех без исключения, занимавших служебные должности (...), е) всех без исключения богатых казаков (...), и лица и целые группы казачества, которые активного в борьбе с советской властью участия не принимали, но которые внушают большие опасения, подлежат усиленному надзору и, в случае необходимости, аресту» (подписи: Реввоенсовет Южфронта И. Ходорковский, В. Гиттис, А. Колегаев, управделами В. Плятт). В другой раз Реввоенсовет пишет: «Необходимы концентрационные лагеря с полным изъятием казачьего элемента из пределов Донской области». Донбюро предписывало: «1. Во всех станицах, ху-

торах немедленно арестовывать всех видных представителей данной станицы (...), хотя и не замеченных в контрреволюционных действиях, и отправлять как заложников в районный революционный трибунал (уличенные, согласно Директиве ЦК, должны быть расстреляны). 2. (...)В случае обнаружения у кого-либо оружия будет расстрелян не только владелец оружия, но и члены его семьи».

Инструкции воплощались в жизнь. Из письма в казачий отдел ВЦИК: «Трибунал разбирал дел по 50 в день. Смертные приговоры сыпались пачками, часто расстреливались люди совершенно невинные, старики, старухи и дети. Расстрелы производились часто днем, на глазах у всей станицы, по 30 — 40 человек сразу». Из письма Шолохова Горькому: «...бессудный расстрел в Мигулинской станице 62 казаков-стариков или расстрелы в Казанской и Шумилинской (...) в течение 6 дней число расстрелянных достигло (...) 400 с лишним человек». Военком Особого экспедиционного корпуса В. А. Трифонов (уже в июле, после начала восстания): «...в Вешенском районе были расстреляны 600 человек (...) в помещении Морозовского ревкома были обнаружены 65 изуродованных казачьих трупов». Командированный из Москвы пишет: «Расстреливались безграмотные старики и старухи, которые едва волочили ноги, урядники, не говоря уже об офицерах. В день расстреливали по 60—80 человек. Принцип был такой: чем больше вырежем, тем скорее утвердится советская власть на Дону (...). Во главе продовольственного отряда стоял некто Гольдин. Его взгляд на казачество был таков: казаки — его враги, нагаечники, зажиточные, а посему до тех пор, пока казаков не вырежем и не заселим пришлым элементом Донскую область, до тех пор советской власти не будет». Обнаружены постановления трибуналов о расстрелах: в станице Казанской — 87 казаков, Мигулинской — 64, Вешенской — 46, Еланской — 12.

Результатом было вешенское, или верхнедонское, восстание в марте 1919 года. Восставшими была проведена мобилизация мужчин от 19 до 45 лет и создана армия в 30 тысяч

штыков. Из воззвания восставших: «Восстание поднято не против Советов или Советской России, а только против партии коммунистов». Реакция коммунистических властей была такой: «Все казаки, поднявшие оружие в тылу красных войск, должны быть поголовно уничтожены, уничтожены должны быть и все те, кто имеет какое-либо отношение к восстанию и противосоветской агитации, не останавливаясь перед процентным уничтожением населения станиц, сжечь хутора и станицы, поднявшие оружие против нас в тылу» (из Директивы Реввоенсовета 8-й армии; подписи: Якир, Вестник). Другие директивы: массовое взятие заложников, примерное проведение карательных мер и т. д.

В апреле Донбюро писало: «Существование донского казачества (...) стоит перед пролетарской властью угрозой контрреволюционных выступлений (...). Все это ставит насущной задачей вопрос о полном, быстром и решительном уничтожении казачества как особой бытовой экономической группы».

Такая политика, конечно, только усиливала сопротивление казачества. К нему присоединились крестьяне Воронежской губернии и некоторые части Красной Армии. Восставшие распространяли Директиву Оргбюро как свои агитационные материалы. Были и среди большевистского руководства голоса, указывавшие на эту связь. Но они плохо воспринимались. Еще 20 апреля Ленин писал Сокольникову: «Верх безобразия, что подавление восстания казаков затянулось». Он же ему 24 апреля: «Я боюсь, что Вы ошибаетесь, не применяя строгость, но если Вы абсолютно уверены, что нет силы для свирепой и беспощадной расправы, то телеграфируйте немедленно и подробно». Но 5 мая опять Сокольникову: «Промедление с подавлением восстания прямо-таки возмутительно (...), необходимо (...) вырвать с корнем медлительность. Не послать ли еще добавочные силы чекистов?» 15 мая — Троцкому: «Очень рад энергичным мерам подавления восстания». Но было уже поздно. Восстание разлилось так широко, что разгромило весь тыл Южного фронта Красной Армии, и уже в мае Добровольческая армия прорвала фронт.

Другим проявлением настроения казачества был бунт корпуса Миронова, окончившийся, в отличие от вешенского восстания, быстрой неудачей.

Летние восстания не ограничились Югом: например, тогда же были восстания в Костромской и Ярославской губерниях. Здесь из дезертиров организовалась целая армия «зеленых». 600 дезертиров, поддержанные 1500 крестьянами, вступили в бой с отрядом под командованием Френкеля. При подавлении восстания было убито 300 крестьян, расстреляно 60 руководителей, взяты заложники. За два дня боев сожжено пять селений. При подавлении восстания в Петропавловской волости тем же Френкелем было убито в бою и расстреляно 200 крестьян.

Разгром Красной Армией Добровольческой армии Деникина не ослабил давления на деревню, что и вызвало множество восстаний во второй половине года: в Пермской, Вятской, Воронежской, Костромской, Нижегородской, Ярославской губерниях. На сторону восставших крестьян переходили и части Красной Армии, состоявшей из таких же мобилизованных крестьян. Например, подняла мятеж дивизия Григорьева. Возникшее восстание охватило Херсонскую и Екатеринославскую губернии.

1920—1921 годы

Победа центральной власти в Гражданской войне была уже обеспечена. Ее противники остались только на периферии: Врангель в Крыму, Польша и Дальний Восток. Но война с деревней продолжалась. В начале года военное положение сохраняется в 36 губерниях: там шла крестьянская война. В феврале — марте вспыхивает крупнейшее восстание в Поволжье и Уфимской губернии — «вилочное восстание». Как и другие восстания, оно было вызвано проведением продразверстки — когда выгребался весь хлеб до остатка и крестьяне обрекались на голодную смерть. В восстании участвовали русские, татары, башкиры. Их армия насчитывала 35 тысяч человек (а по некоторым донесениям ЧК — 400 тысяч). При

подавлении восстания применялись артиллерия, бронепоезда. По официальным данным, потери восставших — 3 тысячи человек убитыми и ранеными.

За первую половину года число дезертиров превысило 1 миллион человек. Они смешивались с крестьянскими повстанцами. Все эти формы крестьянского сопротивления назывались властью «бандитизмом». В постановлении Совнаркома «О мерах борьбы с бандитизмом» были введены «ревтрибуналы» вне фронтовой полосы: «Приговоры ревтрибуналов безапелляционны, окончательны и никакому обжалованию не подлежат». Была создана Центральная комиссия по борьбе с бандитизмом, председателем которой был назначен Склянский (одновременно заместитель Троцкого по Реввоенсовету).

В июле крестьянская война опять вспыхнула в Заволжье и на Урале. На этот раз ее вождем стал популярный командир Красной Армии, награжденный орденом Красного Знамени, Сапожков. Движение получило название «сапожковщина». Оно охватило Самарскую, Саратовскую, Царицынскую, Уральскую, Оренбургскую губернии. Сапожковцы заняли Бузулук. Из сводки ЧК: «Была объявлена запись добровольцев, проходившая с большим наплывом крестьян. На подавление были брошены все наличные силы этого района». Ленин требовал: «...от селений, лежащих на путях следования отрядов сапожковцев, брать заложников, дабы предупредить возможность содействия». К сентябрю основные силы движения были разгромлены.

Самый известный эпизод крестьянской войны — антоновское (то есть под руководством Антонова) восстание в Тамбовской губернии. Собственно, крестьянская война шла в этой области с 1918 года. Особенно гибельным стало положение крестьян в связи с неурожаем 1920 года. Зимой начался голод. В докладе Антонова-Овсеенко, составленном уже после подавления восстания, говорится: «Уже к январю половина крестьянства голодала. В Усманском, частью Липецком, Козловском уездах голод достиг крайних пределов (жевали

древесную кору, умирали голодной смертью)». В то же время в донесении ЧК констатируется: «...взимание продразверстки, доходившее в некоторых местах Тамбовской губернии до геркулесовых столпов и своими методами не уступая методам инквизиции». На продовольственном совещании председатель губисполкома Шлихтер сказал: «Деревня поймет, что время, когда она могла не подчиняться этой власти, прошло. И как бы ни были тяжелы веления этой власти, предъявляемые деревне, она должна их выполнять». Естественно, крестьянские восстания вспыхнули по всей области. Ленин требовал (в записке Дзержинскому и Корневу): «Скорейшая и примерная ликвидация (антоновского движения. — *И. Ш.*) безусловно необходима (...). Необходимо проявить больше энергии и дать больше сил». Но антоновская армия насчитывала уже 10 тысяч штыков. Велась активная агитация, распространялось много листовок. К началу 1921 года число повстанцев дошло до 40 тысяч. Власти пошли на отмену продразверстки в Тамбовской губернии. Одновременно предписывалось: «В случае повторных вспышек восстания все здоровое мужское население от 17 до 50 лет арестовывать и заключать в концентрационные лагеря».

В апреле 1921 года командовать войсками, брошенными на подавление восстания, был назначен Тухачевский — один из известнейших военачальников Красной Армии. На Тамбовщину были направлены также Уборевич, Котовский, от ЧК — Ягода, Ульрих. Была сконцентрирована армия более чем в 100 тысяч штыков. Применявшаяся тактика в документах Красной Армии и властей называется «оккупационной системой». Она включала: занятие определенной территории, контрибуции, разрушение домов как повстанцев, так и их родственников, взятие заложников (иногда целыми семьями), создание концлагерей. Из приказов Тухачевского:

> *«Переселять в отдаленные края РСФСР семьи несдающихся бандитов. Имущество этих семей конфисковывать»; «...бандиты, участвовавшие с оружием в руках*

не менее месяца, и все бандиты полков особого назначения (...) подлежат расстрелу».

«1. Граждан, отказывающихся называть свое имя, расстреливать на месте без суда.

2. Селениям, в которых скрывается оружие... объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия.

3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.

4. Семья, в которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший в этой семье расстреливается без суда.

5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда».

«Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми удушливыми газами».

Имеется документ, детально описывающий одну такую операцию.

В ряде документов обсуждаются детали функционирования концлагерей: сообщается количество нетрудоспособных, женщин, беременных женщин, детей, грудных детей, опасность возникновения эпидемий. Вот доклад комиссии ВЦИК об исполнении этих приказов: «В Паревке (...) первые заложники в количестве 80 человек категорически отказались дать какие бы то ни было сведения. Все они были расстреляны, и взята вторая партия заложников. Эта партия уже безо всякого принуждения дала все сведения о бандитах, оружии, бандитских семействах (...). В Иноковке, куда уполномоченный поехал из Паревки для проведения аналогичной операции и куда слух о паревской операции дошел раньше, даже не пришлось брать заложников. Население добровольно само пошло навстречу комиссии. Один старик привел своего сына и сказал: «Нате еще одного бандита»...»

Разгром «антоновщины» в основном был завершен к концу 1921 года. О масштабах репрессий говорит один пример. В селе Никольском с 8 тысячами жителей в русско-японскую войну погиб один солдат, в германскую — 50, а за 1920—1921 годы — 500 крестьян. По-видимому, это движение произвело сильное впечатление на большевистское руководство — например, в документах для внутреннего пользования стандартный термин «бандитизм» в этом случае заменяется на «крестьянское повстанческое движение».

Другое восстание, даже большего масштаба и приблизительно в то же время, происходило в Западной Сибири: в Тюменской губернии и в частях Челябинской, Екатеринбургской, Омской губерний. Восстание началось в январе 1921 года. Была проведена мобилизация и создана армия численностью около 100 тысяч человек. Повстанцы захватили многие крупные города, в частности Тобольск, где выпускали свою газету. Против них были брошены крупные части. В основном восстание было подавлено к апрелю 1921 года. Террор против участников восстания имел все типичные для того времени черты. Сохранились дела по обвинению несовершеннолетних (15—17 лет) в «службе у бандитов» (например, как сестры милосердия). Историк, работавший в архивах Тобольска, видел надписи, сделанные детским почерком на больших листах: «Не убивайте нас!» Такие листы вывешивались в деревнях, когда в них вступали коммунистические карательные отряды.

Мы пытались лишь пунктирно очертить контуры крестьянской войны. Не упомянуты здесь махновское крестьянское движение, длившееся три года на Украине, громадное крестьянское восстание в Карелии в 1921 году и многое другое. Главное — крестьянская война шла по всей России все три года после Октябрьской революции. Ленин признал, что «крестьянские восстания (...) представляют общее явление для России». В результате Ленин вынужден был констатировать, что продолжение политики «военного коммунизма» «означало бы наверняка крах советской власти и диктатуры пролетариата». Ленин, писавший раньше: «...мы скорее ляжем все кость-

ми», чем разрешим свободную торговлю хлебом, вынужден был провозгласить «отступление» — нэп. Крестьянство не «выиграло» крестьянскую войну, не установило своей власти, но «отбилось» от противника.

Выиграть войну в тех условиях крестьянство и не могло. На это рассчитывал и Ленин. Он говорил Г. Уэллсу: «...Крестьяне других губерний, неграмотные и эгоистичные, не будут знать, что происходит, пока не придет их черед... Может быть, и трудно перестроить крестьянство в целом, но с отдельными группами крестьян справиться очень легко». Говоря о крестьянах, Ленин наклонился ко мне и перешел на конфиденциальный тон, как будто крестьяне могли его услышать» (12).

Но почему это безумие продолжалось три года? Почему Ленин, умевший просчитывать на столько ходов вперед, придумывать такие нетривиальные ходы, не увидел самую простейшую истину: что физически невозможно обирать крестьянство, обрекая его на голодную смерть, когда крестьянство составляет $^4/_5$ населения страны? Да и то, что с крестьянством погибнет от голода оставшаяся $^1/_5$ населения. Почему этого не увидело окружение Ленина, состоявшее из далеко не глупых людей (хотя некоторые, осторожные, предупреждения были)? Почему вместо ленинских телеграмм, призывающих к строгости, свирепости, беспощадности, не слались другие, напоминающие, что, если мужики перемрут, есть всем будет нечего? Ведь неправильно представлять себе крестьян того времени как анархическую стихию, вышедшую из берегов, которую любыми средствами надо было ограничить, чтобы спасти страну. Такую точку зрения высказал, например, Ленин Горькому: «Ну, а по-вашему, миллионы мужиков с винтовками в руках не угроза культуре, нет? Вы думаете, Учредилка могла бы справиться с их анархизмом? Вы, который так много — и так правильно — шумите об анархизме деревни, должны бы лучше других понять нашу работу».

Но факты этого не подтверждают, как видно из опубликованных теперь документов. Крестьяне шли на безнадежное (в каждом отдельном случае) сопротивление вовсе не потому,

что не хотели вообще давать хлеб государству. Прежде всего это была оборонительная война, борьба за свое существование. Яркий пример — верхнедонское восстание 1919 года. Ведь в руках казаков оказался текст директивы, по своей свирепости превосходившей немецкий план «Ост» последней войны. Власти просто не оставляли казакам свободы выбора. Так обстояло дело и во многих других случаях. Как в тылу Колчака крестьянские восстания были вызваны новой мобилизацией, в тылу Деникина — попытками отобрать назад помещичьи земли, так и в тылу Красной Армии каждый раз — вполне конкретными причинами.

Вот причины восстаний, согласно сводкам ЧК. В 1918 году это была борьба против насильственного введения «коммун». Позже — против повинностей, полностью разрушающих хозяйственную жизнь: продразверстки, «чрезвычайного налога», гужевой повинности и т. д. Они ассоциировались с образом «коммуниста» или «коммуны». Например (в Поволжье): «Долой коммунистов и коммуну! Долой жидов!» Конкретные требования были: отмена продразверстки, хлебной монополии, свободная торговля, сдача хлеба «по известной норме с души». Крестьяне протестовали против закрытия церквей, уничтожения икон. Лозунг: «Долой войну! Не давать солдат в Красную Армию!» — тоже легко понять: против войны только что именно большевики громче всех агитировали. А если выступающий на митинге спрашивал: «Почему Ленин приехал к нам из Германии?» — то это свидетельствовало не об «анархизме», а скорее о некоторой политической любознательности. Наконец, программа Союза трудового крестьянства, действовавшего во время антоновского восстания, является довольно стандартной для того времени программой партии левого направления.

Произошло столкновение двух несовместимых жизненных установок. С одной стороны — марксистской, социалистически-коммунистической, видящей идеал в обществе, построенном как грандиозная машина из человеческих элементов. Бухарин описал его как «трудовую координацию

людей (рассматриваемых как «живые машины») в пространстве и времени». Ленин планировал труд рабочего: «отбытие 8-часового «урока» производительной работы» при условии «беспрекословного повиновения масс единой воле руководителей трудового процесса». А с другой стороны, этому противостояло восприятие жизни крестьянина, выросшее из глубокой древности, основанное на индивидуально-творческом труде в единстве с Космосом. Ненависть к крестьянству заложена в марксизме, начиная с самых его истоков. Маркс и Энгельс называли крестьян «варварской расой», «варварством среди цивилизации», писали об «идиотизме деревенской жизни». В «Коммунистическом манифесте» говорится: «Общество все более раскалывается на два больших враждебных лагеря, на два больших, стоящих друг против друга класса — буржуазию и пролетариат». Наличие крестьянства было бьющим в глаза противоречием этой концепции. Недаром Маркс назвал крестьян «неудобным» (или «неправильным») классом. Ленин называл крестьян «реакционным классом», классом «с сохраняющимся, а равно возрождающимся на его основе капитализмом».

На IX съезде партии в 1920 году Троцкий предложил широкий план «милитаризации» экономики. Доклад был представлен от ЦК, и к тексту имеется ряд одобрительных заметок Ленина. Идея заключалась в организации «рабочей силы» по военному образцу, в виде «трудармий». По поводу «милитаризации» на съезде развернулась оживленная дискуссия. Противником плана Троцкого выступил В. Смирнов. Но оказывается, вся дискуссия шла лишь о том, можно ли эту форму организации «рабочей силы» применять в промышленности, к пролетариату. Троцкий говорит: «Мы мобилизуем крестьянскую силу. (...) Здесь слово «милитаризация» уместно, но, говорит т. Смирнов, если мы перейдем в область промышленности...» Вот только здесь и возникали разногласия, а по поводу крестьян все были единодушны. Да Троцкий и прямо называл крепостное право «при известных условиях прогрессивным».

Горький, в этом полностью солидарный с большевизмом, всю жизнь ненавидел мужика. Он писал: «...полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень — почти страшные люди». Он сказал Воронскому: «Если бы крестьянин исчез с его хлебом — горожанин научился бы добывать хлеб в лаборатории». Чуковскому: «Я... недавно был на съезде деревенской бедноты — десять тысяч морд — деревня и город должны непременно столкнуться (...), здесь как бы две расы». Чуковский пишет: «Я спросил его, о чем будет читать он. Он сказал: о русском мужике. «Ну и достанется же мужику!» — сказал я. «Не без того, — ответил он. — Я затем и читаю, чтоб наложить ему как следует. Ничего не поделать. Наш враг... Наш враг».

Бухарин уже в период нэпа называл крестьян «курицей, которая должна превратиться в человека». Пропитанные этой идеологией партийные вожди, руководители продотрядов и военных частей и набросились на крестьян как на самых заклятых врагов, как на нелюдей. Крестьянская война была войной за существование крестьянства. Речь шла о «ликвидации крестьянства как класса». И понадобилось три года, чтобы через этот порыв ярости, сознание чуждости и даже несовместимости крестьянства и новой власти (трудно назвать ее советской властью, так как большинство ее противников в крестьянской войне тоже выступали под лозунгом Советов) пробилось понимание, что победить в тот момент вряд ли можно, а победа означала бы общую гибель. Тогда и был введен нэп, идеи которого циркулировали уже несколько лет до того. На время землю, а точнее, свое существование крестьяне защитили.

Если же говорить об «осуществлении народных чаяний», то следует вспомнить еще об одной народной нужде. Февральская революция началась из-за перебоев со снабжением хлебом. Ленин писал, что политика Временного правительства несет «гибель, немедленную и безусловную гибель от голода». Предотвратить ее может только «социализм, который один даст измученным войной народам мир, хлеб и свободу». «Хлеб

есть и может быть получен, но не иначе как путем мер, не преклоняющихся перед святостью капитала и землевладения».

Через пять месяцев после Октябрьской революции Кондратьев писал: «Вся страна хорошо помнит, что большевики, стараясь привлечь к себе народные массы, выдали им один весьма серьезный вексель: они обещали дать народу хлеб. Прошло уже пять месяцев, как они стоят у власти, и мы вправе спросить: как обстоит дело с платежом по векселю?» Он рассказывает, что сразу же после переворота «Всероссийский продовольственный съезд выделил из своего состава Совет десяти и поручил ему предложить Совету народных комиссаров оставить дело продовольствия вне политической борьбы, сохранить в этот трудный момент уже налаженный аппарат продовольственных организаций (...). 27 ноября в здании Министерства продовольствия Совет десяти вместе с двумя товарищами министра был арестован», «а затем, когда всякая система продовольствия уже была смята, когда население сплошь и рядом совершенно не получало хлеба, вынуждено было само доставать хлеб, большевики в лице продовольственного диктатора на час — Л. Троцкого (такого знатока в этой области!) издают жестокий приказ о расстреле на месте неподчиняющихся мешочников, которые виноваты разве только в том, что хотят есть, а им не дают».

Кондратьев резюмирует: «Своим переворотом большевики хлеба не дали, а приблизили голод». Его предсказания сбылись. К хлебу стали подмешивать опилки, глину. Голод начался в 1921 году. Ему сопутствовали массовое вымирание, самоубийства, людоедство, протесты (в том числе протесты женщин), подавляемые оружием. К концу года голодало более 23 миллионов человек. По данным Прокоповича (одного из организаторов Комитета помощи голодающим), от голода умерло 5 миллионов человек, беженцев было 21 миллион человек. Есть и оценки числа погибших в 2,5 миллиона человек.

Но если судить деятелей той эпохи мерками нашей, то это никак не объяснит их действий. Они совсем не были похожи на современных политиков, и прежде всего тем, что поставили

на кон свои головы. Я случайно имел возможность почувствовать атмосферу, в которой они жили. Мой учитель, известный математик Б. Н. Делоне, учился в Киевском университете на курс старше О. Ю. Шмидта, известного позже как организатора полярных экспедиций. Но по образованию Шмидт был математик. После Октябрьской революции он вступил в РКП(б) и был в ленинском правительстве замнаркомфина. После окончания Гражданской войны Делоне и Шмидт встретились и проговорили целую ночь. Как мне рассказывал Делоне, Шмидт сказал ему: «Вы не представляете себе, Борис Николаевич, что значит жить три года, постоянно чувствуя веревку на шее!» А ведь это относилось ко всей большевистской верхушке. Их психология была совершенно отлична от теперешних политиков, обещающих (искренне или нет) добиться выплаты пенсий и зарплаты, приостановить инфляцию. Их же такие мелочи не интересовали. Они, как говорил Маркс, «штурмовали небо». Они считали, что на их глазах родится новый человек и новый мир. А ведь эти слова не ими были выдуманы: «И увидел я новое небо и новую землю» (Апок 21:1). Такого масштаба видения открывались и им, конечно, в их материалистическом и классовом восприятии. И ради них кровь могла течь реками, а люди — гибнуть миллионами.

Сталин и оппозиция

Мы рассмотрели самую радикальную точку зрения: что русская национальная идея после 1917 года совпала с коммунистической идеей и осуществлялась через нее. Существует другая точка зрения на этот вопрос, близкая к этой, но менее радикальная. Именно она сейчас кажется многим убедительной. Она сложнее: признает, что Ленин собрал вокруг себя много людей без роду и племени, чуждых России и даже враждебных русской национальной традиции. Они смотрели на Россию лишь как на материал, как на «спичку», при помощи которой можно разжечь пожар мировой революции. Но после революции в партию вступило много людей, духовно

связанных с Россией. Опираясь на этот слой, Сталин победил «ленинскую гвардию» во время столкновений с различными «оппозициями». Физически он их уничтожил в 1937 году. Избавившись от них, он смог восстановить могущество России. Это он делал жестокими методами, но другого пути тогда просто не было. В Великую Отечественную войну и после нее Сталин повернул развитие страны опять в русло русской исторической традиции. Частично это была «контрреволюция», или «реставрация» исторической России, а некоторые говорят, что по духу — даже монархии.

Такая концепция имеет гораздо больше опоры в фактах. Во-первых, она не отрицает очевидного: вненационального и даже антирусского духа большевистского движения перед революцией и во время Гражданской войны, ориентации на мировую революцию, до которой надо только «продержаться», а там все проблемы решатся сами. Во-вторых, в ее поддержку можно привести такие факты, как изменение фразеологии сталинских речей во время войны; введение старых воинских званий, золотых погон; прекращение — во время войны — гонений на Православную Церковь (возобновленных при Хрущеве) и другие. Вот эту точку зрения и интересно разобрать.

Прежде всего напомним историю борьбы Сталина с «ленинской гвардией». Такая борьба, конечно, происходила, и в 1937 году весь этот слой был уничтожен. История этой борьбы распадается на этапы: борьба «генеральной линии партии», которую провозглашал Сталин, с различными «оппозициями» на XIII, XIV, XV и XVI съездах. На XIII съезде оппозиция была троцкистской, а ЦК представлял «триумвират» — Зиновьев, Каменев и Сталин. На XIV съезде оппозицию возглавляли Зиновьев и Каменев, а от ЦК выступали Сталин, Бухарин, Угланов и другие. На XV съезде выступала «объединенная оппозиция», возглавляемая Троцким, Зиновьевым и Каменевым, а от ЦК выступали Сталин, Рыков, Угланов, Каганович и другие. На XVI съезде положение было сложнее. Определенные разногласия и раньше проявлялись на Политбюро и пленумах ЦК. Но на съезде некоторой группе, названной «бухаринской»,

было предъявлено обвинение в «правом уклоне». Никакого столкновения двух точек зрения на съезде не было. Обвиненные в «правом уклоне» признавали свои ошибки (Рыков, Томский, Угланов; Бухарин на съезде не присутствовал). При этом выступавшие часто называли свою прошлую деятельность «оппозиционной». Противоположную позицию — «от ЦК» — занимали Сталин, Киров, Куйбышев и другие. Таким образом, личности, занимавшие позицию то «оппозиции», то «генеральной линии партии», сильно менялись.

Каков же был тот идеологический барьер, который их разделял, за что шла борьба? Легко убедиться, что на XIII, XIV и XV съездах «оппозиции», хотя состоявшие из разных лиц, высказывали примерно одну и ту же систему взглядов.

Их требования были таковы. Прежде всего, ускорение темпов индустриализации («сверхиндустриализация», по Троцкому). Но где взять для этого капитал? Ответ был: индустриализация должна быть проведена за счет крестьянства. Близкий единомышленник Троцкого Преображенский построил даже по этому поводу стройную теорию «социалистического первоначального накопления». Он напоминает «основные методы капиталистического первоначального накопления»: «грабеж некапиталистических форм хозяйства», одной из форм которого является «колониальная политика». «Сюда же относятся все методы насилия и грабежа по отношению к крестьянскому населению метрополий. Наиболее типичными методами являются: грабеж крепостных крестьян сеньорами (...) и налоговое обложение крестьян государством». В заключение этого экскурса приводится цитата из Маркса: «Эти методы в значительной мере покоятся на грубейшем насилии» вплоть до знаменитого восхваления насилия как «повивальной бабки всякого старого общества, когда оно беременно новым». После такого обзора автор переходит к положению «в период первоначального социалистического накопления». Он сразу отметает «колониальный грабеж» как недопустимый для социалистического государства. (Интересно было бы понять — почему? Люди были решительные, убежденные материалисты,

сторонники «классовой морали». Почему для них ограбление деревни было «допустимым», а «колоний» — нет?) «Совсем иначе обстоит дело с отчуждением в пользу социализма части прибавочного продукта из всех досоциалистических форм. Обложение досоциалистических форм (...) неизбежно должно получить огромную, прямо решающую роль в таких крестьянских странах, как Советский Союз», — формулирует Преображенский. Более того, «страна должна будет пройти период первоначального накопления, очень щедро черпая из источников досоциалистических форм хозяйства» (13).

Так как программа апеллировала к «повивальной бабке истории» — насилию, а опыт крестьянской войны был еще свеж, то заранее готовилась новая атака на деревню. Так же как крестьянская война называлась войной «против кулаков и бандитов», так и возбуждаемая «оппозициями» агрессивность по отношению к крестьянству формально адресовалась «кулакам». Если не понимать этой логики «переадресованной агрессии», то есть попросту замены слова «крестьянство» на «кулак», то ситуация кажется совершенно нелепой. Вожди государства заинтересованы в индустриализации. Капитал для нее получается продажей хлеба за границу. Подавляющую часть товарного хлеба дают зажиточные крестьянские хозяйства (те, кто в более узком смысле назывался «кулаками»). Казалось бы, их-то и надо поддерживать. Но государство, наоборот, с ними борется, а оппозиция понукает его бороться еще энергичнее. Всеми мерами — и экономическими, и политическими — зажиточные крестьяне выталкиваются из жизни. В результате деревня, очевидно, должна обеднеть и давать меньше хлеба и, значит, капитала для индустриализации. При этом никакой политической опасности для власти ни зажиточные крестьяне («кулаки»), ни крестьяне вообще не представляли: тогда не было ни малейших следов какой-либо попытки их организации.

Зато вполне логичным является проект использовать все крестьянство как замену колоний, за счет чего можно осуществить индустриализацию.

Опять возникает идея «внесения Гражданской войны в деревню». «Мы должны дать знать бедноте, что мы не позволим кулаку раздевать и грабить ее» (Зиновьев на XIV съезде, то есть в оппозиции). «Кулак обнаглел» (Крупская на XIV съезде, в оппозиции). «Дело идет к использованию нэпа некоторыми слоями крестьянства в очень сильной мере в направлении сопротивления нашим планам» (Каменев на XIV съезде, в оппозиции). Зиновьев (на XIV съезде, в оппозиции) цитирует письмо из деревни, где «сказаны самые серьезные слова: у нас подумывают о том, что это не чуть ли опять восстановление монархии, опять кулак поднимает голову»; «Злобой дня как раз и является усиление политической и экономической активности кулака». Но вдруг он забывает о «кулаке»: «Мы получили настроение недовольства в бедняцких массах против нас»; «Нельзя же не видеть этой основной опасности, нельзя не видеть, что десятки миллионов крестьянской бедноты тоже имеют вождей, нельзя не видеть, что демобилизованные красноармейцы, связанные с беднотой, поддерживают эти настроения». Это уже без иносказаний.

Линия ЦК объявляется отходом от ленинизма, «термидорианским уклоном». «Складывающаяся теперь в партии теория, школа, линия, не находящая теперь должного отпора, гибельна для партии»; «Речь идет о судьбах нашей революции»; «Крестьянин держит нас за руки в деле расширения и восстановления нашей промышленности» (Каменев, в оппозиции). Руководство обвиняется в недостаточно жестком администрировании. На XIV партконференции была отвергнута поправка Пятакова к резолюции: «Управление всем государственным хозяйством как объединенной системой (...). Задача проведения планового начала в нашем хозяйстве должна быть поставлена во главу угла всей нашей экономической политики».

Естественно, такое резкое противостояние («Дело идет о судьбах нашей революции») означало атаку на верховное руководство ЦК. Оно обвинялось в бюрократизме, «перерождении», и намекалось, что места наверху могут быть заняты новыми, по большей части молодыми партийцами. Перед

XIII съездом Троцкий издал книжку «Новый курс», в которой он писал: «Партия живет на два этажа: в верхнем — решают, в нижнем — только узнают о решениях». «Главная опасность этого курса (...) в том, что он обнаруживает все большую тенденцию к противопоставлению нескольких тысяч товарищей, составляющих руководящие кадры, остальной партийной массе как объекту воздействия». Это отсутствие демократии в партии, говорили они, направлено против «молодняка» (такой термин был тогда принят). В «Новом курсе» молодежь названа «барометром нашей партии».

Сторонники «генеральной линии» приняли бой, нигде не делая уступок. «В деревне власть скорее поддерживают зажиточные кулаки»; «Мы должны были держать курс на мужика — исправного хозяина. Эта задача остается» (Зиновьев на XIII съезде, еще против оппозиции). Оппозицию обвиняли: «Уклон в сторону переоценки кулацкой опасности»; «На деле этот уклон ведет к разжиганию классовой борьбы в деревне, к возврату к комбедовской политике раскулачивания, к провозглашению, стало быть, гражданской войны в нашей стране» (Сталин, XIV съезд). Сталин, объединяя идеи Ларина с положениями Зиновьева (то есть оппозиции), называет его сторонником «второй революции» в деревне (на XIV съезде). «Крестьянин, сдающий сегодня землю в аренду, превращается завтра в самостоятельного хозяина (...). Облегчение найма и аренды развязывает производительные силы деревни» (Яковлев, будущий организатор коллективизации, на XIV съезде — против оппозиции).

На обвинения в отсутствии демократии, в капитулянтстве отвечали: «Тов. Троцкий вместо реформ попытался сделать в партии революцию» (Рудзутак, XIII съезд, против оппозиции); «Когда они хотят взбудоражить партию против ЦК, в труднейший момент, позвольте им дать сдачи втрое. И мы будем это делать, руководствуясь всей страстью революционеров, а не любовью к ближнему» (Зиновьев, XIII съезд, против оппозиции). Оппозиции предъявляются обвинения: «срыв партийного единства», «пытается сорвать главные решения нашей пар-

тии», «противопоставляет себя съезду». «На X съезде Троцкий стоял за перетряхивание ленинских кадров сверху, в области профсоюзов, а теперь он перетряхивает те же ленинские кадры снизу, в области партии. И тогда, и теперь он стоял за перетряхивание ленинских кадров» (Сталин, XIII съезд).

На XV партсъезде борьбы с оппозицией не было: ее избивали. Из числа ее вождей Троцкий и Зиновьев уже были исключены из ЦК и на съезде не выступали. Нескольких других, пытавшихся выступать, прерывали, освистывали, сгоняли с трибуны. Но и сквозь улюлюканье съезда ораторы оппозиции пытались донести крик своей ненависти к крестьянству, облеченной, конечно, в форму предупреждения о «кулацкой опасности». «Разве нынешнее хозяйственное положение не подтверждает, что кулацкая верхушка деревни срывает наши государственные планы, план экспорта, а следовательно, и капитальных затрат?» (Каменев, в оппозиции). «Я должен констатировать, что в докладе т. Сталина нет и намека на лозунг о “форсированном наступлении на кулака”...» (Бакаев, оппозиция). Бакаев не вполне прав. В докладе Сталина говорится о том, что кулак растет и это — «минус в балансе нашего хозяйства». Но обсуждается этот вопрос действительно очень мирно и звучит предупреждение, что «не правы те товарищи, которые думают, что можно и нужно покончить с кулаком в порядке административных мер, через ГПУ».

Резолюция XV съезда оставляла общую цель «перехода к коллективной обработке земли», подчеркивая слабую реализацию этого положения в ближайшем будущем: констатировалось, что существуют лишь «ростки обобществленного сельскохозяйственного труда».

С оппозицией на XV съезде было покончено.

Победителем вышла группа, возглавляемая Сталиным, Бухариным, Рыковым и Томским. Но тут начались трения в победившей группе. Они долгое время не имели характера открытой формулировки расходящихся точек зрения, открытого противостояния. *Это* была «драка бульдогов под ковром». Реальная борьба происходила на пленумах ЦК, материалы ко-

торых не публиковались, и о ней только сейчас, после открытия многих архивов, можно составить представление (14—16). Суть конфликта заключалась в том, что Сталин стал, в принципе, шаг за шагом реализовывать основные положения «левых оппозиций», с которыми он до того вместе с Бухариным, Рыковым и другими боролся. Этот сдвиг, как сейчас можно заметить, начался втихомолку даже до XV съезда. Через Политбюро, где он располагал большинством, через Секретариат и ГПУ (фактически возглавлявшееся его сторонником Ягодой) Сталин начал проводить ряд конкретных мер, которые только позже стал оформлять в виде цельной программы.

Первым шагом было «овладение информацией», столь понятное теперь, в «информационный век». Это выразилось тогда в разгоне верхушки ЦСУ (Центрального статистического управления). Еще в 1925 году новое руководство ЦСУ дало новые, значительно большие цифры имеющегося у крестьян хлеба («невидимые запасы»), который, следовательно, было возможно у них изъять. Второй шаг заключался в подключении ГПУ к проведению хлебозаготовок, на первых порах — для сбора информации о «причинах, задерживающих выпуск хлеба на рынок его держателями». Это был 1926 год. Еще один шаг — создание в стране атмосферы страха, нависшей «интервенции». Были использованы незначительные столкновения с Китаем, убийство советского полпреда в Польше Войкова и взрыв бомбы в Ленинграде. Ответственность возлагалась на «консервативные круги Англии» и «белогвардейское подполье». Сталин рекомендовал взять заложников и «расстрелять пять или десять монархистов (...), дать ОГПУ директиву о повальных обысках», произвести «повальные аресты», провести «показательные процессы». Это было еще лето 1927 года, и Бухарин и Рыков вошли в комиссию по борьбе с «белогвардейщиной и ролью в этом иностранных правительств». Это все были подготовительные меры. Более реальные действия начались после XV съезда, в связи с хлебозаготовками. Они прокламированы в постановлении Политбюро, Наркомторга и ОГПУ, где «всем губотделам» предлагалось действовать «твердо,

жестко, не смущаясь никакими другими соображениями» (декабрь 1927 г.). ГПУ предписывало своим органам аресты по статье 107 УК (против спекуляций). Ряд высших партийных руководителей (включая Сталина) отправились на места для проведения хлебозаготовок. Молотов, например, был на Урале. Он сказал там: «Надо ударить по кулаку так, чтобы перед нами вытянулся середняк». Сталин был в Сибири. Он говорил, например: «Можно наверстать потерянное при зверском нажиме и умении руководить». ГПУ произвело аресты, по тем временам массовые — около 3000 человек. Производились обыски, искали хлеб. При этом, кроме хлеба, отбирали скот, постройки. Из Курской губернии: «...на 12 человек семьи оставили одну корову и старую лошадь. Сеять нечем». Из Актюбинской: на вопрос «подсудимого» — «За что же?» — судья ответил: «У нас цель раскулачить вас». Секретарь ВЦИК сообщал: «Хлеб забирался и у середняков, и у бедняков». (...) Имелись такие примеры, когда заставляли вывозить и остаток, имеющийся лишь на прокормление семьи, и посев.

Начал раскручиваться громадный маховик, который, все набирая скорость, через несколько лет привел к «сплошной коллективизации», «раскулачиванию» и голоду 1932—1933 годов. Сейчас об этом периоде издано несколько сборников документов (6, 15), имеются подробные документированные обзоры (14, 16).

Некоторое время никакие разногласия в Политбюро не проникали наружу. Бухарин даже высказывался за дальнейшее ограничение прав «кулаков». Разногласия вышли наружу на пленуме ЦК в апреле 1928 года. Сталин говорил о «кризисе хлебозаготовок», который объяснял «выступлением окрепшего при нэпе кулачества». «Мы имеем врагов внутренних. Мы имеем врагов внешних. Об этом нельзя забывать ни на одну минуту». Бухарин же считал, что «кулак представляет опасную силу в первую очередь постольку, поскольку он использует наши ошибки». Однако на пленуме ЦК в июле 1928 года подтверждалось сохранение нэпа и установка на подъем мелких и средних крестьянских хозяйств. Но потом

Бухарин писал, что эти резолюции остались «лишь литературным произведением».

На пленуме ЦК в июле 1928 года Сталин сформулировал новый в тот момент подход. Он объявил законной ситуацию, когда крестьянство «переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары от промышленности. Это есть нечто вроде дани, нечто вроде сверхналога». В начале 1929 года Бухарин, Рыков, Томский в ряде заявлений ухватились за эту излишне откровенную формулировку, назвав примененный Сталиным термин «дань» «категорией эксплуататорского хозяйства».

Но на том же пленуме ЦК Сталин высказал и другое положение, на десятилетия повлиявшее на судьбу нашей страны: «По мере нашего продвижения вперед... классовая борьба будет обостряться». Продолжение «чрезвычайных мер», несмотря на постановления пленума ЦК в июле 1928 года, привело к более явным столкновениям. Бухарин, Рыков и Томский грозили уйти в отставку. Ряд их заявлений в конце 1928-го и в начале 1929 года оказались такими же «литературными произведениями», как резолюции пленума ЦК в июле 1928 года. Усиление «чрезвычайных мер» предписывалось директивой СНК и ЦК, подписанной Рыковым (!) и Сталиным: «Обеспечить этими методами во что бы то ни стало выполнение намеченного годового плана хлебозаготовок». Рассылались циркуляры о проявлении «непоколебимой твердости по отношению к дезорганизующим хлебный рынок скупщикам и спекулянтам, с применением мер, вытекающих из закона».

«Чрезвычайные меры» предполагали действия, напоминающие продразверстку: определить «точный размер задания каждого села», создать «особую комиссию» из бедняцко-середняцкого актива для распределения заданий по отдельным хозяйствам, штрафы, «не судебный, а административный характер наложения штрафов», «пятикратный размер штрафа при отказе от выполнения задания», при вторичном отказе — арест.

В постановлении ЦК от марта 1929 года «О весенней посевной кампании» «расширение посевов» связывается с «коллективизацией крестьянских хозяйств». Циркуляр Нар-

комюста РСФСР предлагал: «Применяйте те же методы выявления преступной небрежности и разгильдяйства советских органов и антисоветской работы кулачества». В ноябре 1929 года появилась статья Сталина «Год великого перелома», где он утверждал, что началось «массовое колхозное движение», удалось организовать «коренной перелом в недрах самого крестьянства» в пользу колхозов. Тем не менее весной 1928 года Наркомзем РСФСР составил пятилетний план коллективизации, по которому в конце пятилетки (1933 г.) в колхозах будет лишь 4% крестьян. Летом 1928 года Союз союзов сельскохозяйственной кооперации поднял эту цифру до 12%, а в утвержденном весной 1929 года пятилетнем плане она выросла до 16 — 18%. По данным ЦСУ на 1 октября 1929 года, в колхозах состояло 7,6% крестьянских хозяйств. Но утверждение Сталина стало приказом на ближайшие годы.

Наступление на деревню, естественно, вызвало сопротивление. По данным ОГПУ, в 1928 году было 709 крестьянских выступлений, в 1929-м — 1027, в 1928 году 1307 террористических актов, в 1929-м — 2391. В 1930-м крупные крестьянские выступления (включавшие до 1000 человек) были в Поволжье, на Украине, в Сибири, на Северном Кавказе, в Казахстане. Против них применялись войска. В сводке ГПУ, присланной Сталину, указываются «сильно пораженные районы»: ЦЧО, Украина, Московская область, Узбекистан, Белоруссия, Грузия, Дагестан, Северо-Кавказский край, Киргизия. Просто «пораженные» районы: Нижняя Волга, Западная область, Армения. Только за январь — март 1930 года было 2700 массовых выступлений (не считая Украины), в которых участвовало около 1 миллиона человек. Начиная с февраля 1930 года всем членам Политбюро рассылались сводки ОГПУ.

Как всегда, партийное руководство прежде всего постаралось смягчить положение в нерусских районах. Так, Политбюро принимает в феврале 1930 года постановление, осуждающее «попытки механического перенесения методов и темпов коллективизации районов сплошной коллективизации на национальные районы». Тогда же ЦК принимает

постановление против «административных мер коллективизации» в Узбекистане и Чечне.

Но, наконец, в марте по поручению ЦК выступил Сталин со знаменитой статьей «Головокружение от успехов». Основную вину за «перегибы» он возлагал на «местных работников», их «головотяпство». Тем не менее он писал, что «огромнейшим достижением» является коллективизация 50% крестьянских хозяйств. В закрытом письме ЦК от 2 апреля 1930 года признавались повстанческое движение на Украине, Северном Кавказе и в Казахстане, массовые выступления крестьян в ЦЧО, Московской области, Сибири, Закавказье и Средней Азии, «перерастающие в антисоветское движение». Виноваты опять были «местные работники», но все это ставило под угрозу «дело коллективизации и социалистического строительства в целом». Был смягчен режим в деревне, что привело к массовому выходу из колхозов. Уровень коллективизации снизился в 2,5 раза. Процент крестьянских хозяйств, коллективизированных в 1930 году, таков: 20 января — 21,6%, 1 февраля — 32,5%, 20 февраля — 52,7%, 1 марта — 56%. К лету 1930 года из-за смягчения политики по отношению к деревне этот процент опять упал до 23,6%. Таково было положение страны перед XVI партсъездом.

На XVI съезде реально никакая оппозиция представлена не была. «Группа Бухарина» обвинялась в «правом уклоне», и ее представители приносили покаяние, но никаких своих оппозиционных взглядов не высказывали. Зато взгляды Сталина и его сторонников были развиты четко, программно сформулированы. Это:

1. Ускорение индустриализации: «Только дальнейшее ускорение темпа индустриализации нашей промышленности даст нам возможность догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны».

2. Всеобщая коллективизация как путь получения средств из деревни для индустриализации: принятые уже меры позволили «от лозунга ограничения и вытеснения кулачества перейти к лозунгу ликвидации кулачества как класса на основе

сплошной коллективизации». Вспомним также тезис Сталина о «дани», которую платит крестьянство.

3. Усиление «насильственных мер»: «...вопрос о чрезвычайных мерах против кулаков. Помните, какую истерику закатывали нам по этому случаю... А теперь мы проводим политику ликвидации кулачества как класса, политику, в сравнении с которой чрезвычайные меры представляются пустяшными. И ничего — живем».

4. Социальный раскол: «За нашими трудностями скрываются наши враги»; «Наша работа по социалистической реконструкции народного хозяйства, опрокидывающая вверх дном все силы старого мира, не может не вызывать отчаянного сопротивления со стороны этих сил. Оно так и есть, как известно»; «Доказано, что вредительство наших спецов, антисоветские выступления кулачества, поджоги и взрывы наших предприятий и сооружений субсидируются и вдохновляются извне»; «Необходимо прежде всего отбить атаки капиталистических элементов, подавить их сопротивление».

Таким образом, *Сталин изложил и принял к исполнению основные пункты программы левой оппозиции,* с которой он боролся на предшествующих трех съездах. Ее содержание, как мы помним, было: 1) усиленная индустриализация; 2) проведение ее за счет деревни; 3) подавление сопротивления деревни («кулака»). Был и еще один пункт: 4) для проведения этой программы смена верхнего слоя партии новыми, в основном молодыми, партийцами. Только последний пункт не был четко артикулирован на XVI съезде, хотя намек на него можно увидеть в утверждениях об усиливающемся сопротивлении классовых врагов. Как известно, позже Сталин и этот пункт очень радикально выполнил, о чем будет немного дальше рассказано.

Говоря все это, я вовсе не хочу обвинить Сталина в каком-то необычном двуличии или беспринципности. Радикальная смена позиции — дело далеко не редкое в карьере политика. Черчилль начал как либерал и, только будучи избранным в парламент, перешел в ряды консерваторов. Вероят-

но, есть основание в высказываниях Сталина на XVI съезде, что требования левой оппозиции были просто нереальны в то время: «Что было бы, если бы мы послушались «левых» оппортунистов из группы Троцкого — Зиновьева и открыли бы наступление в 1926—1927 годах... Мы наверняка сорвались бы на этом деле». И сама программа оппозиций, переходя из одних рук в другие, оттачивалась и продумывалась. Троцкий, например, намекал на то, что «верхи» партии «перерождаются», что их можно заменить «молодняком». Но куда девать «стариков»? На это у него не было ответа. Сталин провел их через чистки, а в конце концов расстрелял. На XIV съезде Каменев, нагнетая страх перед «мелкобуржуазной стихией», перед «мужичком», все же заявил: «И весь мой опыт, вся практика моей хозяйственной работы приводят меня к тому, что я не предложу: давайте устроим раскулачивание деревни». Сталин этот последний оставшийся шаг сделал. И т. д.

Гораздо важнее другое: оказалось, что у партии как целого и была-то *только одна программа,* лишь переходившая из одних рук в другие. Если Троцкого обвиняли в том, что он хочет устроить «революцию в партии», то Сталин позже сам назвал коллективизацию «революцией сверху» (причем не только в партии, а во всей стране). Если перед XIV съездом Зиновьев опирался на тезис Ленина, что «нэп введен всерьез и надолго, но, конечно, не навсегда», то на XVI съезде эту цитату взял на вооружение уже Сталин. На XIV съезде Сталин, предупреждая, что переоценка кулацкой опасности может привести к «гражданской войне в нашей стране», в то же время признавал: «Я думаю, что из 100 коммунистов 99 скажут, что больше всего партия подготовлена к лозунгу: “Бей кулака!” Дай только — и мигом разденут кулака». Сформулировав эту мысль, Сталин, несомненно, сделал для себя из нее вывод.

Это была все та же программа времен «военного коммунизма» и крестьянской войны. Ленин писал: «Мы живем в мелкокрестьянской стране, и, пока мы корней капитализма не вырвем и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвем,

для капитализма в России есть более прочная внутренняя экономическая база, чем для коммунизма». Этим внутренним врагом, очевидно, был крестьянин. На VIII партсъезде Рыков говорил: «Мы боремся с буржуазией, которая нарождается у нас потому, что крестьянское хозяйство пока еще не исчезло, а это хозяйство порождает буржуазию и капитализм». А в 1927 году Сталин подтверждал: «Союз рабочих и крестьян нужен нам не для сохранения крестьянина как класса, а для его преобразования и переделки в направлении, соответствующем интересам победы социалистического строительства».

Крестьянство представлялось опасностью не только потому, что «рождало капитализм». Оно по своему духу являлось антитезой социалистической идеи. И сначала Маркс, а потом его последователи (включая Ленина) неоднократно утверждали, что причина неудач всех попыток социалистической революции в Западной Европе была «деревенская буржуазия» (то есть «кулак», то есть деревня). Это была та же программа «милитаризации» крестьянства и создания «трудовых армий» — и «внесения гражданской войны в деревню». Но основные положения имели более давнее происхождение. Какие первые меры предлагает «Коммунистический манифест» Маркса — Энгельса после пролетарской революции? «Введение всеобщей трудовой повинности, учреждение трудовых армий, в особенности в сельском хозяйстве». Согласно тому же «Коммунистическому манифесту», проблему крестьянства должен решить капитализм: «Говорите ли вы о мелкобуржуазной, мелкокрестьянской собственности, которая предшествовала собственности буржуазной? Нам нечего ее уничтожать, развитие промышленности ее уничтожило и уничтожает изо дня в день». Но в России это положение «Манифеста» оказалось невыполненным, и работа досталась партии и государству.

Ленин и Сталин были великими тактиками, они умели остановиться у края пропасти, совершать «отступления», добиваться «передышки». Так произошли эсеровская формулировка о «социализации земли» в Декрете 1917 года, отмена

комбедов в 1918 году, нэп, заявления об отмене «чрезвычайных мер», статья «Головокружение от успехов». Но, учитывая это, можно сказать, что вся государственная политика, начиная с 1917 года, была планомерной политикой уничтожения крестьянства как класса, и, хотя вначале она казалась безнадежно утопичной, судя по сегодняшнему положению, ее такой уже не назвать.

Из-за чего же шла тогда ожесточенная борьба на съездах? Это не было столкновение двух принципиально разных позиций. У партии была одна программа, а борьба шла за то, кто ее будет выполнять. Но это и не была просто беспринципная борьба за власть нескольких личностей. Партия искала своего лидера. Говоря современным языком, это были выборы лидера «на конкурсной основе». Правда, в условия конкурса входило и то, что проигравший платит головой. В этой борьбе Сталин показал себя наиболее способным к проведению той программы, которую вынашивала партия. Он стал лидером и действительно осуществил эту программу самым последовательным образом.

Великий перелом

«Сплошная коллективизация» и «раскулачивание» вместе составляли второй этап войны против деревни, отделенный от первого промежутком всего в 7—8 лет. Но теперь баланс сил был совершенно иным. Во-первых, власть не имела соперников в виде белых армий, отвлекавших ее от крестьянской войны. Во-вторых, власть сильно укрепилась, за время нэпа были накоплены большие материальные запасы, укрепились партия, армия, ОГПУ. Поэтому вторая война против деревни и была выиграна, причем за сравнительно короткий промежуток — в три года.

В основном коллективизация была проведена за 1930—1931 годы. Данные о начале коллективизации до 1930 года были приведены выше. Новый штурм деревни начался к осени 1930 года. Пленум ЦК в декабре 1930 года постановил довести

долю коллективизированных хозяйств за 1931 год по стране до 50%, а в основных зерновых районах — до 80%. Действительно, к лету 1931 года эта доля составляла уже 52% по всей стране. К концу 1931 года она была 62%, к концу 1932-го составляла более $^{2}/_{3}$ всех крестьянских хозяйств и $^{4}/_{5}$ посевных площадей. На пленуме ЦК в январе 1933 года было объявлено, что решена «историческая задача перевода мелкого индивидуального раздробленного крестьянского хозяйства на рельсы социалистического крупного земледелия». К 1937 году было коллективизировано 93% крестьянских хозяйств.

«Раскулачивание» было лишь террористической стороной коллективизации. Зажиточные крестьяне чувствовали себя более независимо, они часто пользовались большим авторитетом, были более образованны. Очевидно, что они были потенциальными руководителями сопротивления деревни и их надо было подавить в первую очередь. Впрочем, в ряде официальных постановлений признавалось, что кампания «раскулачивания» направлялась и на крестьян, которые ни в каком смысле «кулаками» не были. Например, в конце 1933 года, когда коллективизация была в основном завершена, была разослана инструкция, подписанная Сталиным и Молотовым от имени ЦК и СНК, в которой говорилось:

> *«В результате наших успехов в деревне наступил момент, когда мы не нуждаемся в массовых репрессиях, задевавших, как известно, не только кулаков, но и единоличников и часть колхозников».*

Решающим толчком в деле раскулачивания была секретная директива ЦК от 30 января 1930 года. В ней подлежащие раскулачиванию делились на три категории: «контрреволюционный актив», «крупные кулаки и бывшие полупомещики, активно выступавшие против коллективизации», и «остальные».

Первых предлагалось арестовывать и репрессировать, то есть отправлять в лагеря или расстреливать. Их семьи, а также все, относящиеся ко второй категории, подлежали высылке

на поселение в отдаленные районы. Остальных предлагалось расселить в пределах краев их прежнего проживания. Общее число «кулаков» устанавливалось в 3—5% крестьянских хозяйств. По основным сельскохозяйственным районам страны для первой категории устанавливалась цифра в 60 тысяч, для второй — 150 тысяч хозяйств.

Сохранилась директива ОГПУ по «ударному проведению следствия, чтобы добиться разгрузки аппарата и мест заключения». В сообщении из Сибири для Сталина говорится:

> *«Работа по конфискации (...) у кулаков развернулась и идет на всех парах. Сейчас мы ее развернули так, что аж душа радуется; мы с кулаком расправляемся по всем правилам современной политики, забираем у кулаков не только скот, мясо, инвентарь, но и семена, продовольствие и остальное имущество. Оставляем их в чем мать родила».*

Председатель ГПУ Украины писал Орджоникидзе, что выселяли «и глубоких стариков, и старух, беременных женщин, инвалидов на костылях». Сохранился дневник учителя из Центральной России:

> *«В соседней комнате находились арестованные кулаки. Посмотрел на них: обыкновенные русские крестьяне и крестьянки, в зипунах, в полушубках, в поддевках. Многие в лаптях. Тут же копошились всех возрастов дети. (...) Кричали навзрыд, как по покойнику». Из дневника крестьянина-духобора: «В конце мая приехали солдаты, атаковали село ночью совместно с нашими партийными и выгоняли из домов стариков и больных, не было пощады никому. Было раскулачено около 26 дворов, и их угнали (...). Убит один Егор Медведев и увезен незнатно куда солдатами, и одна была ранена женщина — Настя Арищенкова, и еще угоняли других, брали по одному из семьи».*

Вся эта грандиозная акция искусно дирижировалась властью, которая то рассылала членов высшего руководства для подхлестывания коллективизации и раскулачивания (Калинина, Кагановича, Орджоникидзе, Яковлева), то издавала постановления, осуждающие «перегибы», чтобы стихия антикрестьянского насилия не вышла из-под контроля и не выплеснулась из берегов.

Но существенно, что акция была запланирована в общегосударственном масштабе. Инструкция ЦК от 20 февраля 1931 года предлагала ОГПУ в течение шести месяцев подготовить районы для расселения раскулаченных семей на 200—300 тысяч семей (чтобы оценить число людей, надо умножить по крайней мере на пять) под управлением специальных комендантов. Впоследствии к этому добавлялись дополнительные категории выселяемых.

Абсолютные цифры, как мне кажется, мало помогают понять такие события. Да и установить их точно, вероятно, невозможно. Все же приведем некоторые.

Из докладной записки Ягоды Сталину от 16 октября 1931 года следует, что за два года раскулачивания на север и в отдаленные районы страны выселено 1 158 986 человек. В их числе 459 916 детей. Всего же выселено и переселено 1 637 740 человек. Здесь не учитываются те, кто был в это время в лагерях и тюрьмах. В первые годы депортаций (1930—1931 годы) умерло 350—400 тысяч человек. В 1932—1933 годах из числа спецпереселенцев умерло 240 тысяч человек, а родилось 35 тысяч. Смертность детей была в 5—6 раз выше, чем у окружающего населения.

Большое количество детей среди спецпереселенцев понятно. В начале акции раскулачивания разрешалось оставлять на месте у родственников детей до 14 лет, но вскоре этот возраст был понижен до 10 лет.

Дух эпохи отражают скорее не абсолютные цифры, а то, как их воспринимали современники. Например, выступая на пленуме ЦК в январе 1933 года, нарком юстиции СССР Крыленко сказал:

«Если мы возьмем общее количество дел и лиц, осужденных по закону 7 августа (его содержание см. ниже. — И. Ш.), то на первый взгляд мы имеем как будто достаточно внушительную цифру — 54 645 человек... Но как только вы поставите вопрос, какого рода репрессии здесь применялись, вы увидите следующую картину: (...) применение высшей меры, которая была одним из основных мероприятий для того, чтобы ударить по прихлебателям этого классового врага; по тем, кто идет за ним, — она была применена судом первой инстанции всего на сегодняшний день в 2110 случаях. Реализована же в гораздо меньшем количестве — едва ли в 1000 случаях».

Горькие сожаления о недостаточном числе расстрелянных больше передают дух времени, чем абсолютные цифры.

Конечно, наступление на деревню вызвало ее сопротивление. Из сводок ОГПУ известно, что в 1930 году было 13 754 массовых выступления. Из них женских восстаний («с преобладанием женщин», согласно сводкам) — 3712. Точная информация по следующим годам, видимо, отсутствует. В сводках говорится об «усилении антисоветских настроений», о «массовых выступлениях», но число их не приводится. В любом случае силы были слишком неравны.

Одной из форм крестьянского протеста можно считать падение собранного урожая. В 1930 году было собрано 835 млн. ц., в 1931 году — 695 млн. ц., в 1932 году — 699 млн. ц. Это нельзя объяснить лишь погодными условиями. В сводках ГПУ руководители колхозов и совхозов часто обвиняются в «сокрытии» и «разбазаривании» собранного хлеба, то есть в раздаче его крестьянам в оплату труда. Появились «парикмахеры» — в основном женщины, ножницами срезавшие колосья на кашу, — и «несуны», уносившие зерно с токов за пазухой, в карманах. Против них был направлен закон от 7 августа 1932 года, определивший «в качестве меры репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного

имущества высшую меру наказания — расстрел с конфискацией всего имущества» и только при «смягчающих обстоятельствах лишение свободы не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества».

Интересно, что в Собрании сочинений Сталина, издававшемся уже в послевоенное время, но еще при его жизни и явно под его присмотром, указывается, что этот закон был написан лично им, и отмечается, в какой именно день он это сделал. Речь шла, конечно, о крохах. Недаром этот закон стал известен под именем «закона о колосках» или даже «закона о пяти колосках».

Падение хлебных сборов отнюдь не означало, что колхозники потребляют много хлеба. Об этом свидетельствует страшный голод 1932—1933 годов (16). Он был прежде всего следствием нового уровня выжимания хлеба из деревни, который стал возможным в результате коллективизации. Как велись хлебозаготовки, можно судить по многим сообщениям. Так, на Кубани были обвинены в «саботаже» и занесены на «черную доску» ряд станиц. В них прекращался завоз всех товаров, прекращалось кредитование и досрочно взыскивались все кредиты. Наконец, предлагалось провести проверку и чистку «всякого рода чуждых элементов», а ОГПУ поручалось «изъятие контрреволюционных элементов». Ответственный за хлебозаготовки на Северном Кавказе запросил у Политбюро разрешение на дополнительную высылку 5 тысяч семей и чистку колхозов от кулацких элементов (2—3%). 14 декабря 1932 года была осуществлена акция по выселению жителей станицы Полтавской. Согласно сообщению Ягоды Сталину, все население станицы — 9187 человек — погрузили в пять эшелонов и отправили на Урал. Часть была отправлена в лагеря. Косиор сообщает Сталину, что за один месяц в конце 1932 года ГПУ арестовало на Украине в связи с хлебозаготовками 1830 человек, в том числе 340 председателей колхозов.

Сейчас хорошо известно письмо Шолохова Сталину (апрель 1933 года) о хлебозаготовках в станице Вешенской,

так что напомним только отдельные места. Приводятся слова местного парторга Шарапова:

> *«Детишек ему стало жалко выкидывать на мороз! Расслюнявился! Кулацкая жалость его одолела! Пусть, как щенки, пищат и дохнут, но саботаж мы сломаем».*

Шолохов пишет:

> *«...за полтора месяца (с 20 декабря по 1 января) из 1500 коммунистов было исключено более 300 человек. Исключали, тотчас же арестовывали и снимали со снабжения как самого арестованного, так и его семью. Не получая хлеба, жены и дети арестованных коммунистов начинали пухнуть от голода»; «...выселенные стали замерзать (...), выселили женщину с грудным ребенком. Всю ночь ходила она по хутору и просила, чтобы ее пустили с ребенком погреться. Не пустили, боясь, как бы самих не выселили. Под утро ребенок замерз на руках у матери»; «Число замерзших не установлено (...) точно так же, как никто не интересуется числом умерших от голода. Бесспорно одно: огромное количество взрослых и «цветов жизни» после двухмесячной зимовки на улице, после ночевок на снегу уйдут из жизни вместе с последним снегом, а те, которые останутся живы, будут полукалеками». Вот перечисление способов, при помощи которых добыли 593 тонны хлеба: «...сажание в холодную (...). В Вещаевском колхозе колхозницам обливали ноги и подолы юбок керосином, зажигали, а потом тушили (...). В Наполовском колхозе уполномоченный РК, кандидат в члены бюро РК Плоткин при допросе заставлял садиться на раскаленную лежанку (...). В Чукаринском колхозе секретарь ячейки Богомолов, подобрав 8 человек демобилизованных (...), после короткого допроса (подозреваемого в краже. — И. Ш.) выводил на гумно или в леваду, строил свою бригаду и коман-*

довал «огонь» по связанному колхознику. Если устрашенный инсценировкой расстрела не признавался, то его, избивая, бросали в сани, вывозили в степь и били по дороге прикладами винтовок, а вывезя в степь, снова ставили и снова проделывали процедуру, предшествующую расстрелу».

Сталин ответил Шолохову, что для разбора дела посылается Шкирятов и направляется необходимая помощь голодающим, но одновременно отчитал Шолохова за то, что он не видит политической стороны вопроса: «тихой» войны «хлеборобов» против советской власти.

С другой стороны, когда в одном районе Днепропетровской области крестьянам было разрешено оставить зерно на посев, Сталин направил всем партийным органам циркуляр, в котором объявлял руководителей этого района «обманщиками партии и жуликами, которые искусно проводят кулацкую линию», и потребовал их «немедля арестовать и наградить их по заслугам, то есть дать им от 5 до 10 лет тюремного заключения каждому». Просьбу смягчить план хлебозаготовок для Сибири Сталин отклонил и добавил: «Ответственность возлагаем на Эйхе, Грядинского и уполномочиваем их принять все меры репрессий, какие найдут нужным применить». Поразительна эта уверенность, что из репрессий может родиться хлеб!

Видимо, причиной голода были эти истребительные хлебозаготовки, бегство крестьян из деревни (за четыре года, к 1932 году, население городов выросло на 12,5 миллиона, за время коллективизации деревня потеряла 25 миллионов), а также засуха и другие природные факторы.

Голод начался еще в 1932 году, особенно широко он проявился к весне 1933 года. Сводки ГПУ сообщают о голодающих, опухших, умерших. Добавляется: «...приведенные цифры значительно уменьшены, поскольку райаппараты ГПУ учета количества голодающих и опухших не ведут, а настоящее количество умерших нередко неизвестно и сель-

советам». Секретарь Винницкого обкома сообщает: «В последнее время увеличилось число смертей и не прекращаются факты людоедства и трупоедства. В некоторых наиболее пораженных голодом селах ежедневно до 10 случаев смерти. В этих селах большое количество хат заколоченных, а в большинстве хат крестьяне лежат пластом и ни к какому труду по своему физическому состоянию не пригодны». Еще летом 1932 года Молотов, вернувшись с Украины, на заседании Политбюро сказал: «Мы стоим действительно перед призраком голода, и к тому же в богатых хлебных районах». Тем не менее Политбюро постановило:

> *«...во что бы то ни стало выполнить утвержденный план хлебозаготовок».*

Голод охватил Северный Кавказ, Урал, Нижнюю и Среднюю Волгу, Украину, Казахстан. Сотни тысяч крестьян бросились спасаться от голода в более благополучные области. За подписью Сталина и Молотова директива партийным, советским органам и ОГПУ утверждает, что «этот выезд крестьян» «организован врагами советской власти, эсерами и агентами Польши», предписывается «не допускать массового выезда крестьян в другие районы» и «немедля арестовывать пробравшихся».

Количество погибших в результате голода до сих пор не установлено. Население СССР с осени 1932 года по апрель 1933-го сократилось на 7,7 миллиона человек. Некоторые авторы оценивают число жертв голода в 7—8 миллионов человек. Как всегда, когда об этом стало можно писать, приводились большие цифры, теперь склоняются к несколько меньшим. Но порядок остается тем же.

Впрочем, хотя смертный голод прекратился, деревня продолжала голодать (во многих местностях, например, ели хлеб с примесями) вплоть до смерти Сталина в 1953 году. В памяти крестьян благодетелем, при котором жизнь стала смягчаться, остался Маленков.

В результате коллективизации крестьянство было лишено жизненных возможностей и прав (не очень, впрочем, обширных), которыми обладало тогда городское население. Крестьяне оказались в неравноправном положении, стали низшим слоем населения. Если реформы Столыпина юридически уничтожили последние остатки неравноправного положения крестьянства, сохранявшиеся со времен крепостного права, то теперь это неравноправное положение было восстановлено в гораздо большей степени. Так, указ от 5 октября 1906 года давал крестьянам право свободного получения паспортов и выбора места жительства. Колхозники же не являлись держателями паспортов (вновь введенных в 1932 году) и не имели права покинуть деревню, за исключением нескольких строго очерченных обстоятельств (призыв в армию, по спецнабору на стройки и выезд на учебу). Колхоз превратился в государственное предприятие. При этом, однако, над колхозником нависала угроза репрессий за невыполнение заданий по хлебозаготовкам, за невыработку нужного числа трудодней и т. д. — и он же нес бремя риска в случае неурожая.

Еще важнее, что изменился характер труда. Исчез творческий элемент, связанный с самостоятельным принятием решения крестьянином, с чувством ответственности. Что, где, когда сеять или жать — все определялось указаниями сверху, которые усиливались газетными кампаниями. Часто замечали, что главной причиной упадка советского сельского хозяйства была незаинтересованность колхозника. При этом подразумевается обычно его материальная незаинтересованность в результатах его труда. Но гораздо существеннее — потеря интереса к самому *процессу* труда. Он превратился в тот «урок», о котором писал Ленин по поводу рабочих. В этом важнейшем вопросе их жизни колхозники были в худшем положении, чем крепостные, сохранявшие на своих надельных землях возможность трудиться по своему собственному выбору. Из-за этого крестьяне, которые раньше готовы были голодать и отдавать все силы, лишь бы не расстаться со своим крестьянским образом жизни, стали бежать из деревни. Сначала (в предвоенные

годы) еще сохранялась инерция прежнего отношения, память о крестьянском труде на тех же полях. В следующем поколении и она стала выветриваться. К тому же деревня всегда оставалась дискриминированной. Например, после войны я часто разговаривал с одним жителем колхоза, еще молодым, но вернувшимся совершенно израненным с войны. От него я узнал, что он, как и все инвалиды войны из сельской местности, не получает никакого пособия или пенсии: их, считалось, должен был содержать колхоз.

И позже, при Хрущеве, при Брежневе, колхозников как будто нарочно приучали к тому, что они только поденщики, по чужим замыслам работающие на земле: у них то отбирали коров в колхозное стадо, то раздавали их обратно, то опять отбирали, чтобы привязанность к скотине не укреплялась в душе. Да и с их судьбами делали то же: то задумывали сселять в «агрогорода», то укрупняли колхозы, то измельчали. Одним росчерком пера колхоз мог быть превращен в совхоз, и наоборот. Об их жизни все знают по теперь уже классическим произведениям Ф. А. Абрамова, В. И. Белова, В. Г. Распутина.

Коллективизация была полной победой социалистической идеи над крестьянством. Еще в резолюции I Интернационала в 1869 году говорилось, что капитализм, наука, течение событий и интересы общества «приговаривают мелкое крестьянское хозяйство к постепенному исчезновению, без права апелляции и без снисхождения». Это у нас и произошло, только не «постепенно». Если установление первого крепостного права потребовало 200 лет, то новое закрепощение было осуществлено за 3 года. «Реакционный класс» был уничтожен, а отдельные его представители либо тоже были уничтожены, либо превращены в пролетариев.

Труд крестьянина нисколько не менее глубок и содержателен, чем труд ученого или писателя. Он имеет осмысленный, творческий характер, связан с природой, отражает ее цикличность. Представим себе, что математикам или поэтам «спускали бы сверху» «установки» для их работы,

организовали «теоремозаготовки» или «стихозаготовки» с переселением на Север, расстрелами и вообще в том духе, который описан выше, а потом объединили бы их в коллективы и, отобрав паспорта, заставили коллективно создавать продукцию в предписанном стиле и количестве. Ясно, что это был бы конец и математике, и поэзии. Точно так же пришел конец крестьянству. С той разницей, что из-за древности и живучести этого уклада «раскрестьянивание» все же растянулось на десятилетия.

В работе, появившейся более десяти лет назад, К. Г. Мяло предложила рассматривать коллективизацию как явление цивилизационного слома («Новый мир», 1988, № 8). К сожалению, эта точка зрения не была потом нигде детально развита, хотя, по-моему, обращает внимание на суть ситуации. Сейчас во всем мире большое признание получила роль крестьянства, даже возникла такая наука (или область знания) — «крестьяноведение» (17, 18). Стало проясняться, что крестьянство так же, как, например, семья, не связано с какой-либо «формацией» — феодализмом или капитализмом. Это особая форма цивилизации, существующая на протяжении нескольких тысячелетий. Началось изучение ее этических принципов, хозяйствования, искусства. Вот эта цивилизация и была разрушена коллективизацией и последовавшим раскрестьяниванием. Для России это означало и большее — разрушение традиционной русской цивилизации, основой которой была деревня.

Эта связь особенно ярко проявилась в литературном течении 20-х годов — как бы идеологической подготовке коллективизации. С поражающей яростью авторы обрушивались на своего врага, который представал то в виде «темной» деревни, то «Расеи». Например, очень известный тогда поэт Безымянский спрашивал:

О, скоро ли рукой жестокой
Расеюшку с пути столкнут?

А малоизвестный Александровский писал:

Русь! Сгнила? Умерла? Подохла?
Что же! Вечная память тебе.
Не жила ты, а только охала
В полутемной и тесной избе.

И не в литературе, а в реальности эпоха коллективизации была временем слома духовных основ жизни народа. Например, создание колхоза и раскулачивание часто сопровождалось закрытием церкви, снятием колоколов. Была даже директива ЦК о закрытии церквей и молитвенных домов. Из сводок ГПУ известно о 1487 восстаниях, вызванных подобными действиями. (Через месяц после выхода в свет такой директивы Сталин в статье «Головокружение от успехов» осудил эти действия.)

Ломке подверглись и семейные, родственные связи. В наиболее радикальных социалистических программах, начиная с Платона, планировалось уничтожение семьи, брака и общественное воспитание детей. В СССР такие меры никогда не осуществлялись. Но в 1930-е годы в газетах многократно появлялись *отречения* от арестованных родственников: отца, сына, брата. Тем самым внушалось, что подчиненность человека государству должна быть сильнее любых родственных связей, голоса крови. Именно за это и был так прославлен Павлик Морозов. О нем не просто скорбели как об убитом ребенке. Он прославлялся как герой, потому что поплатился своей только еще начинавшейся жизнью за подвиг, утверждавший новые моральные нормы: донос на отца-«вредителя».

Коллективизация для крестьянства была более радикальным переломом, чем революция 1917 года. Она разрушила многотысячелетнюю культуру и бесконечно уменьшила возможности выбора разных путей в будущее для народа. С этой точки зрения Сталин очень точно применил к ней термин «великий перелом». Так ее воспринял, например, и Н. Клюев. Он был арестован в 1934 году и на допросе показал: «Окончательно рушит основы и красоту той русской народной жизни, певцом

которой я был, проводимая коммунистической партией коллективизация. Я воспринимаю коллективизацию с мистическим ужасом, как бесовское наваждение». В его деле сохранилось стихотворение «Песня Гамаюна», в котором говорится:

К нам вести горькие пришли,
Что больше нет родной земли.
И Север — лебедь ледяной
Истек бездомною волной,
Оповещая корабли,
Что больше нет родной земли!

С другой стороны, и Сталин, по-видимому, осознавал какой-то роковой, поворотный характер коллективизации. В воспоминаниях о Второй мировой войне Черчилль рассказывает, что во время визита в Москву в августе 1942 года между ним и Сталиным произошел такой разговор. Черчилль: «Скажите, напряжение, вызванное войной, было столь же тяжелым для вас, как при проведении коллективизации?» Сталин: «Политика коллективизации — это была чудовищная борьба». Черчилль: «Я думаю, вам было тяжело, так как вы имели дело не с тысячью помещиков или аристократов, а с миллионами маленьких людей». Сталин: «Десять миллионов (он показал на пальцах, подняв руки). Это было страшно. Это продолжалось четыре года (...). Это было очень тяжело и трудно, но абсолютно необходимо». Черчилль: «Что же произошло?» (С «кулаками».) Сталин: «Многие согласились вступить в колхозы, некоторым была предоставлена своя земля в провинции Томск или провинции Иркутск и даже севернее, но большинство оказалось очень непопулярными и были убиты своими батраками».

То есть коллективизация представлялась Сталину более трудной и опасной, чем война с Гитлером, когда немцы прорвались уже к Волге.

В этой работе, в связи с крестьянскими восстаниями эпохи Гражданской войны, коллективизацией и раскулачивани-

ем, мы ссылались на сборники документов и обзоры архивных данных, составленные квалифицированными учеными, много лет (иногда — десятилетий) занимавшимися историей крестьянства советского периода. Это работы историков-профессионалов, не имевшие целью подтверждение каких-то политических взглядов (хотя авторы, вероятно, такие взгляды имели). Но за последние десять лет появилось много гораздо более легковесных публикаций, мотивировка которых была чисто политической: они использовали трагедию деревни, чтобы оправдать происшедший в последние годы перелом жизни. Это в принципе обреченная на неудачу попытка. Каждый своими глазами видит, как жизнь изменилась катастрофически к худшему — и для страны в целом, и для подавляющего большинства ее жителей.

Но такой прием фальшив и по более глубокой причине. Бессмысленно «выставлять оценку» общественному укладу на основании того, что происходило до или после того, как этот уклад имел место. Причем в обоих вариантах: ставить «положительную оценку» либо «перестройке» — апеллируя к трагедиям коммунистического периода, либо коммунизму — на основании катастрофы «перестройки». Действительно, предположим, в порядке «мысленного эксперимента», что в следующее десятилетие распад России примет масштаб распада СССР, тепловой и энергетический кризис с Севера и Дальнего Востока придет в Центр, наступит голод, как в 1921-м или 1933 году. (Многие признавали такое развитие вероятным.) Будет ли тогда оправдана точка зрения: «Мы виноваты, что не ценили положительных сторон политики Ельцина, реформ Гайдара и Чубайса; при них, по крайней мере, не было сплошного голодного мора»?

Да и вообще, сопоставление современности с периодом коммунистического строя не имеет смысла, так как сам этот период был очень неоднороден. Он распадался на резко различающиеся эпохи.

1. *Гражданская война и «военный коммунизм».* Тогда человеческая жизнь не стоила и полушки. Человека могли рас-

стрелять как заложника или просто убить за сапоги. Свирепствовал сыпной тиф. Сначала голодал город, потом страшный голод пришел в деревню.

2. *Нэп.* Для партии это был период «отступления и перегруппировки сил», для всей страны — поиска новых возможностей развития.

3. *«Сталинский период».* Это было время крайней бедности, недоедания, а иногда и голода. Почти все жили в «коммуналках». Я, например, могу по пальцам одной руки пересчитать своих знакомых, имевших отдельные квартиры. Но постоянно слышны были сообщения о поразительных успехах, строительстве нового, небывалого в истории государства.

4. *«Хрущевско-брежневский период».* Тогда стали покупать хлеб за границей и торговать нефтью. Появился комфорт: массовым явлением стали отдельные квартиры, пенсии, на которые вполне можно было прожить, частные автомашины.

Бессмысленно соединять в единый образ черты разных эпох: нельзя «к дородности Ивана Павловича прибавить развязность Балтазара Балтазарыча». Аргументы «зато мы строили великую державу» и «тогда наши квартиры были почти бесплатными» — относятся к разным эпохам.

Мне кажется, единственный способ понять нечто в нашей новейшей истории — это рассматривать весь XX век как единый кризис — начиная по крайней мере с войны 1914 года (или революции 1905 года) и кончая современностью.

Упущенная возможность: концепция Чаянова

Был ли «великий перелом» — раскрестьянивание России — неизбежен, предопределялся ли он железно предшествующей историей? Иначе говоря, существовала ли ему альтернатива тогда, в конце 1920-х годов (даже исходя из революции и Гражданской войны как уже свершившегося)? Хотя историю мы изменить не можем, но обсуждение ее и, в частности, подобных вопросов может способствовать ее уяснению.

Поскольку принятие курса на «сплошную коллективизацию» и «уничтожение кулака как класса» происходило параллельно борьбе с «группой Бухарина», то, естественно, возникает предположение, что линия этой группы как раз и представляла подобную альтернативу. Но чем больше я знакомился с произведениями Бухарина, материалами съездов тех времен и впервые сейчас рассекреченными материалами пленумов ЦК, тем более сомнительным мне казалось, что Бухарин и его единомышленники были способны предложить какую-то реальную альтернативную концепцию или план действий.

Говоря суммарно, причина видится мне в следующем. История всей партийной борьбы после смерти Ленина, да и история Гражданской войны, и даже вся марксистская идеология предполагали единственную программу — уничтожение крестьянства. Недаром Сталин, когда еще он с этой программой боролся, признавал, что ее исповедуют 99 членов партии из 100 (в принятой у них терминологии: «Бей кулака!»). Бухарин же и вся его группа были слишком тесно связаны с партией, чтобы противопоставить ей какую-то независимую точку зрения. Конкретно это можно подтвердить следующими соображениями.

1. Бухарин *никогда* не признавал за крестьянством права на самостоятельное существование, со своими собственными целями. Во время «военного коммунизма» оно для него явно подпадало под категорию «материала», который при помощи насилия и расстрелов перерабатывается в «коммунистическое человечество». Но и во время нэпа он считал, что оно еще должно «превратиться в людей» (а пока — всего лишь «курица»). Провозглашая и «блок», и «союз» пролетариата с крестьянством, он всегда понимал его так, что «руководящая роль должна принадлежать рабочему классу», а «в самом рабочем классе руководящая роль, в свою очередь, должна принадлежать коммунистической партии». Крестьянство то «переделывается» рабочим классом, то «втаскивается» в социализм «при помощи наших командных высот» и т. д. и т. д.

2. Как следствие, ни Бухарин, ни его группа *в принципе* никогда не могли отказаться от насилия по отношению к крестьянству. Если не расстрелами, то политикой цен. Бухарин предлагал еще в 1927 году производить «изъятие средств от населения (...) на дело индустриализации», соблюдая «необходимую меру и необходимую степень революционной законности в деревне». В принципе он не возражал против «чрезвычайных мер», которые, по его словам, «получили свое историческое оправдание», и, хотя он выступал против их постоянного применения, подчеркивал все же, что в случае необходимости «не откажемся от экстраординарных мер».

3. Бухарин и его группа *в принципе* не могли отказаться от идеи классовой борьбы в деревне. Бухарин писал о «мелкобуржуазных рыцарях крепкого хозяина, которые скорбят и хнычут по поводу форсированного наступления на кулачество». Он говорил на пленуме ЦК в апреле 1929 года: «Сколько раз нужно говорить, что мы за колхозы, что мы за совхозы, что мы за великую реконструкцию, что мы за решительную борьбу против кулака, чтобы перестать возводить против нас поклепы?» (19)

4. Бухарин и его группа вечно боялись обвинения во «фракционности», а значит, не могли выдвинуть свою, независимую программу и сплотить вокруг нее своих сторонников. На том же пленуме ЦК Бухарин говорил: «Вы новой оппозиции *не получите*. И ни один из нас никакой «новой» или «новейшей» оппозиции возглавлять *не будет».* А тогда их борьба теряла принципиальный смысл. Например, из письма, направленного Бухариным, Рыковым и Томским пленуму ЦК в ноябре 1929 года, вообще трудно понять, в чем же были разногласия. Это в основном жалоба на несправедливое отношение к трем авторам.

Переломить линию, назревавшую в партии с XIII съезда (а вернее, с эпохи «военного коммунизма»), можно было только очень радикальными мерами: обращением к той (уже значительной) части партии, которая чувствовала себя связанной с деревней, к красноармейцам — в основном выходцам из

деревни. Да и ко всему народу. В деревне распространялось движение за создание «крестьянских союзов» (сводки ГПУ часто сообщают об «агитации за крестсоюзы»). Можно было опереться на него. Но об этом Бухарин и никто из его последователей в принципе не были способны и помыслить.

К этому присоединяется и личный фактор: Бухарин не был «харизматическим лидером». Он был, например, очень ценим в партии за то, что умел открыто признавать свои ошибки. Но «вождь» не может признавать ошибок! Он зовет за собой единомышленников на бой, на жертвы. Что же будет, если они погибнут, а он честно признает, что ошибался? Сталин никогда не признавал никаких своих конкретных ошибок. Один раз он признал, что он груб (в чем Ленин обвинял его в своем «завещании»), но добавил: «С врагами партии». Ленин часто говорил: «Мы наделали массу глупостей» и т. д., но если он хотел взять назад свои конкретные тезисы в дискуссии с Троцким или Бухариным, то это делалось так, что Надежда Константиновна при личной встрече говорила: «Ильич считает, что разногласий больше нет». А Бухарин охотно открыто признавался в ошибках, а после объявления его «правым оппозиционером» не раз каялся и даже возносил славословия Сталину. И кто знает, может быть, и искренне? Психологию людей, способных по велению партии видеть черное белым, нам уже не понять.

Очень показательно и письмо, составленное Бухариным в ожидании ареста и гибели, которое он дал заучить жене. Прежде всего обращение: «К будущим вождям партии». Не к народу той страны, в управлении которой он так решительно участвовал, и не (как интернационалист) к человечеству или мировому пролетариату. Он чувствовал себя только членом партии! И поразительно заявление: «...вот уже седьмой год, как у меня нет и тени разногласий с партией». В такие моменты не лукавят. Ведь это значит, что его разногласия со Сталиным сводились к тому, что он опасался, как бы сталинский план не провалился. А когда он удался, разногласия отпали. Ведь и Сталин на XVI съезде обвинял бухаринскую

группу лишь в «паникерстве», сравнивал с чеховским «человеком в футляре».

Если и была в 1920-е годы выработана альтернатива политике индустриализации за счет уничтожения деревни, то искать ее надо не в области марксистской мысли. Как раз в то время в России произошел мощный взрыв новых идей в области экономики деревни. Конечно, этот «взрыв» был подготовлен десятилетиями напряженной и многогранной работы, шедшей еще с начала XX века. Пример и русской и французской революций указывает на то, что революции происходят не в период упадка страны, а, наоборот, в эпоху подъема — экономического, культурного. Они связаны с каким-то накоплением духовной энергии, которая иногда находит себе выход в разрушительном направлении. В истории России это ясно видно, и в частности в интересующей нас области.

В начале XX века в России возникло поразительно яркое течение в области изучения сельского хозяйства. Это были такие выдающиеся ученые, как Чаянов, Кондратьев, Челинцев, Минин, Макаров, Бруцкус, С. Булгаков, Литошенко, Студенский. К тому же поколению (и в близкой области исследований) относятся Н. И. Вавилов (учившийся на одном курсе с Чаяновым в Петровской сельскохозяйственной академии) и Питирим Сорокин (учившийся вместе с Кондратьевым в церковно-учительской семинарии). Каковы бы ни были их политические взгляды (по большей части, видимо, скорее «народнического», чем эсеровского направления), но явно для них гораздо важнее были их исследования и самый объект их — русская деревня. Поэтому несколько человек из них эмигрировали во время Гражданской войны, а потом вернулись, два-три эмигрировали насовсем, а подавляющая часть работала здесь и была уничтожена в 1930-е годы, выжили из них один-два человека. Для них явно важнее была возможность что-то делать, чем то, какое правительство у власти. Они работали и при царском правительстве, и при Временном, пытались (в основном безуспешно) работать во время «военного коммунизма», во время нэпа был расцвет

их деятельности, а в 1930-е годы оборвалась и она, и (в большинстве случаев) их жизнь.

Общим для всего этого направления можно считать убеждение, что основой экономики России является сельское хозяйство. Так, Чаянов писал:

> *«...всем известно, что основным фактом нашего народного хозяйства является то обстоятельство, что республика наша является земледельческой страной (...). Сообразно этому наше сельское хозяйство представляет собой мощный народно-хозяйственный фактор, во многом определяющий собою народное хозяйство СССР» (20).*

Кондратьев:

> *«Нужно вспомнить старую истину, провозглашенную еще физиократами и Адамом Смитом, что внеземледельческие отрасли страны не могут быть развиты больше, чем позволяют естественные ресурсы, которые дает ей сельское хозяйство».*

На III Всероссийском агрономическом съезде 1922 года сельское хозяйство было названо «основной отраслью приложения труда и развития производительных сил».

Вторым общим для всего этого направления положением было признание *семейно-трудового индивидуального хозяйства* основой земледелия. Чаянов считал необходимым опираться на мелкого производителя, «не разрушая его индивидуальности», имея в виду использование всех возможностей, заложенных в крестьянской экономике, а не ее разрушение. Он подчеркивал:

> *«Крестьянские хозяйства проявили исключительную сопротивляемость и живучесть. Часто голодая в тяжелые годы, напрягая через силу свою рабочую энергию (...), они почти повсеместно стойко держались» (21).*

Он считал, что положение (в частности, Маркса) о преимуществах крупного производства перед мелким не распространяется на сельское хозяйство. Напомним, что сейчас ряд экономистов утверждает, что и в промышленности роль мелких (иногда семейных) фирм не исчерпана, что именно они способствуют техническому прогрессу.

В 1927 году Молотов обратился к Кондратьеву с просьбой изложить свое мнение о развитии сельского хозяйства в связи с подготовкой X партсъезда. В представленном тексте Кондратьев писал:

> *«На ближайшее обозримое время вопрос о развитии сельского хозяйства будет, как и раньше (с точки зрения удельного веса), прежде всего вопросом развития индивидуальных крестьянских хозяйств...»*

Бруцкус, явно оспаривая марксистскую концепцию, писал:

> *«...при данных исторических условиях крестьянское хозяйство есть единственная прочная основа русского сельского хозяйства, а не какой-то пережиток».*

Наконец, третьим общим для всех положением было признание *кооперации* как пути для повышения товарности русского сельского хозяйства, выхода его на мировой рынок. Эта идея была сформулирована в русской экономической науке еще в начале XX века. Так, еще в «Заветных мыслях» Менделеев писал: «Желательно, чтобы начинающимся, и особенно кооперативным (артельным) предприятиям было оказано исключительное внимание и всякие с них налоги уменьшены ради их усиленного возникновения». Чупров еще в 1904 году высказал мысль, что именно кооперация спасет мелкое крестьянское хозяйство в его конкуренции с крупным. По его словам, идея кооперации являлась не менее важным открытием в области сельского хозяйства, чем достижения техники в промышленности.

Жизнь, казалось бы, подтверждала эту идею. С начала века до 1917 года количество разного рода сельскохозяйственных кооперативов в России увеличилось в 3 раза. В них состояло 14 миллионов человек, а с членами семей — 84 миллиона — более половины населения страны. Туган-Барановский писал в начале века, что по числу кооперативов и их членов предреволюционная Россия занимала «безусловно первое место во всем мире». Как писал Чаянов: «Вот именно на этот-то процесс кооперирования нашей деревни мы и хотели бы указать (...) как на начальную фазу того пути, который один может привести сельское хозяйство крестьянских стран к полной решительной переорганизации на началах самых крупных организационных мероприятий» (21). Точка зрения Кондратьева: «Лучшей формой развития самодеятельности населения, как показала практика всех стран, является организация и развитие сельскохозяйственной кооперации» (5).

Здесь можно было бы даже видеть некоторое сближение с марксистской мыслью: сразу приходит на ум статья Ленина «О кооперации», да даже и колхозы. Но практически никакого контакта всего этого направления «аграрников» с политикой власти не произошло. Состоявшиеся в 1918 году переговоры группы кооператоров (в нее входил и Чаянов) с Лениным закончились ничем. Ленин настаивал тогда на своих принципах кооперации, включавших обязательный поголовный охват кооперацией всего населения. Был национализирован Московский (кооперативный) банк. Ленин считал, что кооперация — «небольшой привесок к механизму буржуазного строя», «и какие угодно изменения, усовершенствования, реформы не изменят того, что это лавочка». Его цель была — «превратить всех граждан данной страны поголовно в членов одного общенационального или, вернее, общегосударственного кооператива». Наметившееся в какой-то момент сближение точек зрения не осуществилось.

Чаянов писал:

«Власть в пылу социалистического строительства наносит тягостные, часто губительные удары нашему

движению (...), нельзя усилиями государственного пресса волу придать форму верблюда и требовать при этом, чтобы он остался жив. Крестьянская кооперация мертва есть, и конвульсии, ее сотрясающие, нельзя принимать за жизнь».

Лишь после перехода к нэпу Ленин заметил, что кооперация находится в «состоянии чрезмерного задушения». В период нэпа «аграрники» получили возможность развивать свои идеи, и их творчество испытало новый подъем. Но с концепциями власти (Ленина или Бухарина) их идеи не состыковывались. Одни считали переходными и временными все формы кооперации, кроме «производственной» (как в колхозах), другие смотрели на кооперацию как на средство сохранить самое, с их точки зрения, ценное — семейно-трудовое хозяйство. Это отразилось и в жизни. К середине 1920-х годов, когда деревня была меньше всего подчинена государственному контролю, кооперация охватывала всего 3 миллиона членов против 14 миллионов в довоенное время.

Но все же с началом нэпа и до середины 1920-х годов между экономистами-аграрниками немарксистского направления и властями установился режим «мирного сосуществования». (Тем более что экономисты, о которых идет речь, были очень слабо вовлечены в политику, они готовы были сотрудничать с любой властью, если она позволяла им работать.) Так, Чаянов сотрудничал с Наркомземом. В 1920 году доклад «Генеральный план Наркомзема на 1921—1922 годы» был сделан им на президиуме Госплана. Он возглавлял две кафедры в Тимирязевской (бывшей Петровской) сельскохозяйственной академии: организации сельского хозяйства и сельскохозяйственной кооперации, руководил Институтом сельскохозяйственной экономики и за период 1923—1927 годов опубликовал много статей и книг.

Кондратьев также сотрудничал с Наркомземом — был начальником управления сельскохозяйственной экономии. Он был основателем и директором Института по изучению

народно-хозяйственных конъюнктур. Занимался разработкой перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства на 1923—1928 годы. Этот «план Кондратьева» был рассмотрен в 1925 году президиумом Госплана СССР с резолюцией: «Общие основы плана правильны». На это время также приходится большое число его публикаций.

Столь же интенсивна была в этот период работа других экономистов-аграрников немарксистского направления. Можно сказать, что интеллектуальный взлет, начавшийся в предреволюционные годы, пережил эпоху «военного коммунизма» и, может быть, достиг как раз своего пика к середине 1920-х годов.

Тогда был создан грандиозный массив, целый океан конкретных исследований, новых идей и концепций в области экономики и социологии земледелия, который только в последние годы начинает осваиваться.

В частности, национализация большой части экономики сделала первоочередной проблему планирования и тем стимулировала давний интерес Кондратьева к вопросам планирования и прогнозирования. Он различал две тенденции в планировании, которые называл «телеологической» и «генетической». В первой была задана некоторая цель, и план должен был разработать пути ее достижения, а иногда просто подобрать аргументы, доказывающие ее достижимость. Так, Калинин писал: «Большевики думают, что это можно сделать, а специалисты должны подвести теоретическую базу и технически обосновать это». Генетическая тенденция предполагала, что план исходит из анализа объективных тенденций развития, соединяя директиву с предвидением. Поэтому Кондратьев рассматривал многолетний план как общую установку, не доводя его до точных цифр: «Контрольные цифры могут быть директивными не в отношении точности их реализации, но в смысле нашего отношения к ним, вкладываемых в них волевых импульсов». На базе их составляются по мере развития хозяйства более точные краткосрочные планы.

В своем программном докладе Кондратьев говорил:

> *«Первое положение сводится к принципу свободы сельскохозяйственной инициативы и деятельности. Этот принцип вполне ясен. Россия страна земледельческая, земледельчески-крестьянская. Крестьянское хозяйство по самой своей природе живет частно-хозяйственной инициативой и интересом (...).*
>
> *Государство должно поэтому отказаться чертить полный план поведения отдельного крестьянина как хозяина и затем теми или иными средствами принуждения осуществлять этот план. Необходимо предоставить хозяйству свободу приспособления к условиям существования и рыночным конъюнктурам. Но государство должно влиять на самые эти конъюнктуры, если оно хочет, чтобы направление сельскохозяйственной деятельности шло в желательном русле».*

Если использовать современные термины, Кондратьев разработал теорию планирования в регулируемой рыночной экономике.

Созданный Кондратьевым институт и был предназначен для того, чтобы изучать те конъюнктуры, которые влияют на направление развития хозяйств, развивающихся на принципах свободы своей трудовой деятельности. Причем конъюнктуры эти были элементами не только общенационального, но и мирового хозяйства. Здесь Кондратьев открыл основоположный закон периодических колебаний мирового хозяйства с периодом приблизительно в полвека — «длинные волны», как он их назвал. Он подробно описал характер этих колебаний, социальные и экономические явления, сопровождающие периоды подъема и упадка. Его теория вскоре нашла очень точное подтверждение в мировом кризисе конца 1920-х — начала 1930-х годов. Сейчас «длинные волны» называются обычно «циклами Кондратьева». По этому вопросу возникла целая литература.

Главным же результатом работы всей этой группы исследователей на протяжении более чем двух десятилетий было, как мне кажется, создание стройной и конкретно обоснованной концепции развития семейно-трудового крестьянского хозяйства, при котором сохранялся бы творческий характер труда в индивидуальном крестьянском хозяйстве, и в то же время оно становилось конкурентоспособным на национальном и даже мировом рынке и приобретало возможность быстрого экономического роста. Разработанная концепция новой народнохозяйственной системы опиралась на труды целого поколения экономистов-аграрников, да и на их предшественников и учителей. Но индивидуальным автором концепции был Чаянов, и построение ее было основным делом его недолгой жизни.

Основные положения теории Чаянова таковы (21). Он анализирует то, что он называет «организационным планом» крестьянского хозяйства, и разбивает его на ряд «звеньев». Некоторые из них непосредственно связаны с индивидуальностью крестьянского хозяйства, которая была бы разрушена их обобществлением. О них он говорит: «Деятельность сельского хозяина носит настолько индивидуальный местный характер, настолько обусловлена особенностями каждого клочка эксплуатируемой поверхности, что никакая руководящая извне воля не сможет вести хозяйства, если оно сколько-нибудь интенсивно. Можно сказать, что все искусство сельского хозяина заключается в умении использовать частности. Только сам хозяин, за долгие годы практики изучивший свое хозяйство, может успешно вести его, а тем более реформировать».

Но это не значит, что сельское хозяйство не способно использовать преимущества крупного хозяйства. От организационного плана можно «отщепить» целый ряд звеньев, которые только выигрывают от объединения. Такое объединение создается кооперацией. Кооперация плодотворна для таких, например, звеньев земледельческого производства, как молотьба, сливкоотделение, приготовление масла, треп-

ка льна, продажа сельскохозяйственной продукции, покупка продуктов промышленности, получение кредитов и других.

Для большого числа этих форм деятельности Чаянов исследовал «дифференциальный оптимум», то есть размер охваченных кооперацией хозяйств, при котором она может быть максимально эффективна. Главный вывод заключается в том, что оптимум очень резко различается для разных видов деятельности. Например, «молочные товарищества работают на радиусах в 3—5 верст, свеклосахарные и картофельные — около 10, а остальные — закупочные, кредитные и страховые — на радиусах часто еще больших, не говоря уже о союзах сельскохозяйственных товариществ». Как следствие, чтобы их работа была эффективнее, крестьяне должны объединяться во *множество* кооперативов разных размеров по тому или другому профилю их деятельности.

Такую кооперацию Чаянов называет «вертикальной», в отличие от «горизонтальной», когда одна и та же группа крестьян объединяет все свои хозяйства, все звенья своего организационного плана и при этом для большинства из них не достигается оптимума. Типичный пример «горизонтальной» кооперации — колхоз. Как считает Чаянов, «вертикальная» кооперация соединяет мелкое хозяйство, не теряющее своей индивидуальности, с общегосударственным и даже мировым рынком. Он пишет:

«Что, в самом деле, замечательного на вид в том, что крестьянка, отдоив свою корову, чисто моет свой бидон и относит в нем молоко в соседнюю деревню в молочное товарищество, или в том, что сычевский крестьянин-льновод свое волокно вывез не на базар, а на приемный пункт своего кооператива? А на самом деле эта крестьянка со своим ничтожным бидоном молока соединяется с двумя миллионами таких же крестьянок и крестьян и образует свою кооперативную систему Маслоцентра, являющуюся крупнейшей в мире молочной фирмой и уже заметно реорганизующей ныне весь строй крестьянских хозяйств молочных районов. А сычевский льновод, обладающий уже достаточной кооперативной выдержкой, является частицей

кооперативной системы Льноцентра, являющейся одним из крупнейших факторов, слагающих мировой рынок льна».

И эта концепция не являлась рациональной конструкцией, вышедшей непосредственно из головы ее автора — как «Государство» Платона, «Утопия» Мора, «Город Солнца» Кампанеллы, «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса и т. д. Она опиралась на громадный массив практических работ, произведенных на протяжении нескольких десятилетий русскими, а также зарубежными кооператорами. Так, экспортное маслоделие в крупном масштабе возникло в конце XIX века в Западной Сибири на базе обильных кормовых угодий и в связи с созданием великого сибирского железнодорожного пути. Созданные там кооперативные заводы давали продукцию, по качеству лучшую, чем частновладельческие, и получили поддержку датских и английских экспортных фирм. Вскоре они вообще вытеснили частного предпринимателя. Потом Сибирский союз маслобойческих артелей сам вышел на лондонский рынок и освободился от всякого влияния других экспортных фирм.

Что касается кооперации льноводства, то это была область многолетних трудов Чаянова. С 1911 года, еще будучи (по теперешней терминологии) аспирантом, он начинает заниматься этим вопросом, а уже в 1915 году при создании Центрального товарищества льноводов (ЦТЛ) он избирается председателем правления. ЦТЛ быстро завоевало русский, а потом и мировой рынок для типично русской культуры, единственным конкурентом которой мог быть хлопок. ЦТЛ объединяло 500 тысяч крестьянских хозяйств. В 1916 году был заключен договор, согласно которому Льноцентр должен был поставить только в Швецию льна на сумму 3 089 644 рубля. Большие поставки производились и Франко-Британскому льняному комитету. Успех Льноцентра объяснялся тем, что кооперативный лен по качеству превосходил лен частных фирм.

Кооперацию Чаянов считал очень широко применимой при организации просвещения, в культурной работе, издательском деле, организации музеев и т. д. И эти идеи тоже

были им практически опробованы. Он участвует в работе Первого Всероссийского съезда по вопросам культурно-просветительской деятельности кооперации, сотрудничает в сборнике «Кооперация и искусство».

Чаянов считает кооперацию некапиталистическим путем развития сельского хозяйства и даже полагает, что она может способствовать вытеснению капиталистических элементов хозяйства. Например, он говорит, что крестьянин, живущий в нескольких верстах от города, вынужден обращаться к деревенскому ростовщическому кредиту, дающему деньги под 50 и более процентов в год. В то время как кооперативное кредитное товарищество дает возможность крестьянину получить кредит в местном банке под 6—8%.

Свою теорию Чаянов рассматривает как развитие многовековой русской традиции. Опору на семейно-трудовое хозяйство он видит еще в «Домострое» Сильвестра (XVI в.) — руководстве по деятельности большой семьи, двора.

Согласно Чаянову, семейно-трудовое сельское хозяйство — это совершенно особый тип экономики, к которому не применимы основные понятия классической политической экономии. Так как крестьянин — одновременно и владелец земли, и работник, то теряют смысл понятия заработной платы и земельной ренты. В его основе лежат «иные мотивы хозяйственной деятельности и даже иное понимание выгодности». В частности, кооператив не может иметь собственных интересов, лежащих вне интересов создавших его членов, он лишь обслуживает своих клиентов и подчиняется только им. «Кооператив будет весьма полезен, если даже вовсе не будет приносить никакой прибыли как предприятие, но зато увеличит доходы своих членов». Любопытно сравнить это положение с точкой зрения Зомбарта, согласно которой при современной форме «высокоразвитого капитализма» главными участниками становятся объединения, не имеющие никаких человеческих целей: банки, тресты и т. д. Мерой их успеха (то есть целью их деятельности) является их доход. Это как бы новые нечеловеческие «личности», которым подчиняется экономика.

Концепцию Чаянова помогает понять очень «нестандартное» ее освещение в написанной им фантастической повести «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (22). Действие начинается в 1921 году, и герой, при буржуазном строе называвшийся Алексей Васильевич Кремнев, а теперь — обладатель трудовой книжки № 37413, идет по Москве, вспоминая фразы, только что слышанные на митинге: «Разрушая семейный очаг, мы тем самым наносим последний удар буржуазному строю!», «Семейный уют порождает собственнические желания, радость хозяйчика скрывает в себе семена капитализма» и т. д. Потом он загадочным путем переносится в будущее — как ни странно, в 1984 год, так что книга вполне могла бы называться «Москва-1984». Но, в отличие от оруэлловской антиутопии, она изображает картину радостной, яркой жизни, построенной по принципам чаяновской концепции. Упоминается, что в прошлом был принят «декрет об уничтожении городов» и теперь существуют города с населением не больше 100 000 человек. Большая часть населения — крестьяне. «В сущности, нам были не нужны какие-либо новые начала, наша задача состояла в утверждении старых вековечных начал, искони веков бывших основою крестьянского хозяйства». «В основе нашего хозяйственного строя, так же как и в основе античной Руси, лежит индивидуальное крестьянское хозяйство. Мы считаем его совершеннейшим типом хозяйственной деятельности. В нем человек противопоставлен природе, в нем труд приходит в творческое соприкосновение со всеми силами космоса и создает новые формы бытия. Каждый работник — творец, каждое проявление его индивидуальности — искусство труда».

Вспоминая время, когда «крестьянское хозяйство почитали за нечто низшее, за ту праматерию, из которой должны были выкристаллизоваться высшие формы крупного коллективного хозяйства, отсюда старая идея о «фабриках хлеба и мяса», рассказчик добавляет: «Социализм был зачат как антитеза капитализма: рожденный в застенках германской капиталистической фабрики, выношенный психологией под-

невольной работы городского пролетариата, поколениями, отвыкшими от всякой индивидуальной творческой работы и мысли, он мог мыслить идеальный строй только как отрицание строя, окружавшего его». Это глубокое замечание. Маркс и Энгельс охотно даже преувеличивали тяжелое положение современного им рабочего: он не имеет собственности, он не имеет отечества, у него фактически нет семьи, его дети вынуждены работать. Но удивительным образом они именно в этом видели зародыш будущего социалистического общества: там тоже не будет ни собственности, ни семьи («буржуазной»), ни отечества и дети будут работать начиная с восьмилетнего возраста. То есть будущее общество оказывалось зеркальным отражением «проклятого прошлого».

По-видимому, в XX веке Россия оказалась в эпицентре столкновения двух всемирно-исторических стратегий развития. Одна стратегия связана с наступлением города на деревню. Это индустриализация за счет экспроприации деревни, превращение крестьян в пролетариат, рост городского населения за счет притока бегущих из деревни крестьян, постепенное обезлюдение деревни и концентрация горожан в многомиллионных городах-мегаполисах. Другая стратегия — это то, что Кондратьев называл «двусторонний, аграрно-индустриальный тип народного хозяйства». Он предполагает устойчивое равновесие между городом и деревней как двумя необходимыми частями народного хозяйства и культуры. Так складывалась, например, жизнь античной Греции. Подавляющая часть граждан Афинской республики были крестьянами, и только по особым случаям они собирались в городе. Для этих крестьян строился Парфенон и создавались статуи Праксителя. Это они смотрели драмы Эсхила, Софокла и Еврипида, которые редкий современный интеллигент способен прочесть. Да так было и во всем мире, и только в Новое время в Западной Европе город начал наступление на деревню, пожирая ее, наподобие раковой опухоли.

В России за последний век, или даже больше, мы видим драматическую борьбу за сохранение деревни: то через об-

щину, то через кооперацию. Ведь какие бы ни были различия взглядов Чаянова и Кондратьева, Столыпина и его предшественников, например Витте (историк В. П. Данилов обращает внимание на министра Александра III Бунге), или деятелей эпохи крестьянской реформы, всех их объединяло одно: желание предотвратить пролетаризацию деревни, сохранить тот драгоценный элемент индивидуального творчества, содержащийся в крестьянском хозяйстве, о котором говорит Чаянов. В борьбе этих двух путей развития путь, ориентирующийся на сохранение деревни, имел два героических достижения: отражение атаки на деревню в крестьянской войне 1918—1921 годов и создание Чаяновым и «организационно-производственной школой» плана развития экономики России. Это была программа, альтернативная коллективизации и раскрестьяниванию. Но в ней реально не находилось места партии. В случае ее принятия роль партии в жизни страны постепенно ослабевала бы. Можно, следовательно, сказать, что для России существовала альтернатива коллективизации, но для партии ее не было.

В результате победила установка на раскрестьянивание и ускоренную индустриализацию. То есть в принципе Россия приняла западный «проект», отказавшись от реализации собственного «проекта». Странным образом те, кто называл себя революционерами, приняли план развития, в интеллектуальном смысле отнюдь не революционный, основанный на чужих принципах. А те, кто себя ни в коем случае революционером не считал, предлагали действительно революционный план, основанный на совершенно оригинальных идеях.

Лишение крестьян собственности на землю, бегство их в города и пролетаризация, нищета и законы о бедных, лишающие их права выбора места жительства и работы, жесточайшие кары за преступления против собственности, а с другой стороны, быстрый рост промышленности, рост городов, государственной мощи и влияния во всем мире — все эти черты истории Англии XVIII—XIX веков как будто копируются в советской жизни после «великого перелома». Марксизм был

радикальным вариантом западного, чисто индустриального пути развития, предполагающего уничтожение деревни. Для осуществления технологической утопии, построения общества-машины были опробованы два пути: социалистический и либерально-демократический. В их конкуренции определялось, какой из них эффективнее.

Но Россия вступила на западный путь с опозданием на несколько веков. В результате возникло то, что называют «догоняющей экономикой». Да тогда и повторялся все время лозунг «Догнать!», рассчитывали, на сколько лет «отстали» и за сколько лет надо «догнать». Выпускались даже станки со штампом «ДИП» («Догнать и перегнать»). Однако в интеллектуальной, культурной области «догнать» вообще невозможно — в этом философский смысл парадокса об Ахиллесе и черепахе. Тот, кто впереди, всегда идейно сильнее, победить в соревновании можно, только исходя из своих собственных идей. Наиболее глубокий, трагический для нашей страны смысл «великого перелома» видится мне именно в том, что он столкнул Россию на движение «по чужим рельсам».

Однако русские — «идеологический» народ. Мы должны осознавать некоторый «смысл жизни» и согласно ему строить жизнь. Просто «догнать» кого-то таким «смыслом» быть не может. Тем самым главная составляющая жизни — ее мотивация — ушла. Как всякий исторический процесс, это выкристаллизовывалось в течение нескольких десятилетий — да тут еще вклинился такой посторонний процесс, как война. Но именно такова, как мне представляется, основа теперешнего распада нашей жизни. Подражание Европе, насильственно внедренное при Петре, то, что Данилевский называл «европейничаньем», хотя и было очень болезненным для страны, задело только верхушку общества. «Перелом» 1930-х годов поразил его корни. Отказ от своего пути, потеря духовной независимости через полвека привели к потере независимости экономической и политической.

Новое наступление на деревню решило не только ее судьбу, но и личную судьбу аграрников немарксистского направления.

Атака на них велась непрерывно — Крицманом, Мендельсоном и другими. Но с 1927 года в нее включились лица гораздо более высокого уровня. В 1927 году появилась статья Зиновьева «Манифест кулацкой партии». Эта «партия» характеризуется так: «Н. Д. Кондратьев — «теоретический» глава целой школы. «Столпами» этой школы являются: Чаянов, Челинцев, Макаров, Студенский, Литошенко и др.».

В то же время появились статьи Е. Ярославского, Ежова, Милютина, Деборина. Ситуация стала совершенно ясной, когда на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов в 1929 году Сталин сказал: «Непонятно только, почему антинаучные теории «советских» экономистов типа Чаяновых должны иметь хождение в нашей печати?..» На процессе «Промпартии» и на пленуме ЦК в декабре 1930 года упоминаются Кондратьев, Макаров, Чаянов, Литошенко и ряд «буржуазных профессоров», вредителей. Они были арестованы ОГПУ в 1930 году и обвинялись в принадлежности к «Трудовой крестьянской партии», в попытке свержения советской власти и восстановления буржуазно-помещичьего строя.

Сталин писал Молотову (2 августа 1930 года):

«Вячеслав! Ты, должно быть, уже получил новые показания Громана, Кондратьева, Макарова. Ягода привез их показать мне (...). Это документы первостепенной важности. Жму руку».

6 августа (о «деле» Кондратьева):

«Кондратьева, Громана и пару-другую мерзавцев надо обязательно расстрелять».

2 сентября:

«Между прочим: не думают ли господа обвиняемые признать свои ошибки и порядочно оплевать себя политически, признав одновременно прочность совет-

ской власти и правильность метода коллективизации? Было бы недурно».

Но вдруг 22 сентября — новый мотив:

«Подождите с делом передачи в суд кондратьевского «дела». Это не совсем безопасно (...). У меня есть некоторые соображения против» (23).

Причина такого изменения планов непонятна. Но открытого суда не было. Приговором коллегии ОГПУ 12 подследственных были приговорены к тюремному заключению на разные сроки. Кондратьев и Чаянов отбывают срок в Суздале, в монастыре, превращенном в тюрьму. Кондратьев болен, под конец с трудом передвигается. В 1938 году его судят опять, приговаривают к расстрелу и в тот же день расстреливают. Чаянов тоже тяжело болеет в тюрьме. В 1934 году тюремное заключение заменено ему ссылкой в Алма-Ату. В 1937 году его там арестовывают, судят и приговаривают к расстрелу. Приговор приводится в исполнение немедленно. К моменту казни Кондратьеву было 46 лет, Чаянову — 49.

Тридцать седьмой год

Об этом эпизоде нашей истории так много писали и говорили, что обойти его молчанием нельзя. Тем более что он имеет непосредственное отношение к обсуждаемому нами вопросу: сейчас широко распространено мнение, что это был переломный момент послереволюционной истории России, что именно тогда Сталин уничтожил «ленинскую гвардию», «интернационалистов» и тем самым обеспечил переход к «государственнической», «державной» политике, постепенно восстанавливая русскую национальную традицию.

Тут объединено несколько утверждений, среди которых есть и бесспорно справедливые. Несомненно, что в 1937 году (понимая под этим условным названием несколько ближайших

к нему лет) были или уничтожены или полностью вытеснены из жизни почти все «старые большевики», «ленинская гвардия». Однако главный вопрос заключается в том, насколько значительным для тогдашней жизни и для будущего было это событие, есть ли основания видеть в нем основной смысл того, что в эти годы происходило?

Для ответа на этот вопрос прежде всего желательно оценить численные размеры «ленинской гвардии» и ту роль, которую она к тому времени играла. Для этого можно обратиться к самому Ленину: «Если не закрывать себе глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией». Это было сказано в 1922 году. А еще раньше, на VIII партсъезде, он говорил: «Слой рабочих (? — *И. Ш.),* которые управляли фактически Россией в этот год и проводили всю политику, которые составили нашу силу, — этот слой в России неимоверно тонок. Мы в этом убедились, мы это чувствовали на себе. Если когда-нибудь будущий историк соберет данные о том, какие группы управляли эти 18 месяцев, какие сотни, тысячи лиц несли на себе неизмеримую тяжесть управления страной, — никто не поверит тому, что можно было этого достигнуть при таком ничтожном количестве сил».

Но об этом говорили и другие. Например, Зиновьев на XIV съезде утверждал, что в партии осталось «со стажем до 1905 года — 2000, из них половина инвалиды. До 1917 года — 8,5 тысячи». На том же съезде Молотов в организационном отчете докладывает, что «в низовых органах процент старых коммунистов убывает. По Московской области за время между съездами (то есть за год. — *И. Ш.)* увеличение в бюро ячеек процента коммунистов со стажем после января 1922 года — с 4 до 23%, для всех ячеек — с 29 до 61%».

Очевидно, на самом верху еще оставалось несколько тысяч человек из этого «тончайшего слоя». Но они многие годы усердно истребляли друг друга по собственной инициативе:

сторонники Зиновьева и Каменева — сторонников Троцкого, сторонники Бухарина и Рыкова — сторонников Зиновьева и Каменева. Этот процесс происходил не без участия Сталина, но отнюдь не по его инициативе. Он типичен для всех революций. Так, во Французской революции переворот 1789—1790 годов (включая крестьянские восстания) сменился якобинским террором 1793 года, при котором погибло большинство деятелей первого периода, а в 1794 году после термидорианского переворота погибла большая часть якобинцев. Аналогичную роль играла «культурная революция» в Китае. Но в СССР уже в начале 1930-х годов слой «старых революционеров» был политически уничтожен. О его весе (или, вернее, отсутствии веса) говорил столь компетентный человек, как Сталин (в отчетном докладе на XVII съезде): «Если на XV съезде приходилось еще доказывать правильность линии партии и вести борьбу с известными антиленинскими группировками, а на XVI съезде добивать последних приверженцев этих группировок, то на этом съезде — и доказывать нечего, да, пожалуй, и бить некого».

XVII съезд проходил в 1934 году, он назывался «съездом победителей» и состоял исключительно из сторонников Сталина (о чем также говорит и приведенная цитата). И вот из 1956 делегатов этого съезда 1108 были арестованы, из 139 членов и кандидатов ЦК, избранных на нем, арестовано было 98 человек. То, что «террор 37-го года» имел целью уничтожение «ленинской гвардии», — стандартная концепция западных советологов. Для доказательства обычно приводят ряд цифр — вроде того, что среди секретарей обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий в 1930 году 69% были с дореволюционным стажем, а в 1939-м — 80% вступили в партию после 1917 года. Но ведь при этом речь идет о немногих тысячах. Зачем же, чтобы их убрать, расстреливать многие сотни тысяч (согласно рассекреченным теперь сводкам НКВД—МВД)? На 1 апреля 1924 года партия имела 446 тысяч членов, к 1934 году — 3 миллиона 555 тысяч, то есть это как раз была партия людей, вступивших в нее после революции

и Гражданской войны. И в этой партии к 1938 году осталось 1 миллион 400 тысяч человек. Если даже говорить только о членах партии, то репрессии были скорее направлены против «сталинской гвардии», чем против «ленинской гвардии».

Но в том-то и дело, что репрессии отнюдь не были ограничены членами партии. Прежде всего, как обычно, забывают деревню. Тогда был принят следующий документ:

Строго секретно.
Всесоюзная Коммунистическая
партия (большевиков)
Центральный Комитет. № П 51/94.
3 июля 1937 года. Тов. Ежову,
секретарям обкомов, крайкомов,
ЦК нацкомпартий. Выписка из протокола № 51
заседания Политбюро ЦК. Решение от 2.VII.37 г.

(...) 94). Об антисоветских элементах. Послать секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий следующую телеграмму: «Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, потом по истечении срока вернувшихся в свои области, являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых областях промышленности. ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет возвратившихся кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные, менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД. ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок предста-

вить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке. Секретарь ЦК

И. Сталин» (7, 24).

В приказе наркомвнудела Ежова была установлена разнарядка по первой категории (расстрел) — 72 тысячи, по второй (заключение на 8—10 лет в лагере) — 186 500, а всего 259 450 человек. Разобранные архивные материалы показывают, что эти задания были перевыполнены по крайней мере в 3 раза, а по расстрелам — в 5 раз (7, 24).

Ту же картину — арест и расстрелы — можно видеть во многих социальных группах, не имеющих ничего общего не только с «ленинской гвардией», но и с партией вообще. Например, жестокие гонения обрушились на Церковь. Число жертв до сих пор не сосчитано. Иеромонах Дамаскин сообщает, что в 1937 году было арестовано, согласно архиву ФСБ, и расстреляно более 210 священников в Тверской (Калининской) области. Принимая Тверскую область как типичную славянскую область СССР, мы получим для всей страны цифру порядка 20 000 расстрелянных православных священников. Во всяком случае, ясно, что речь идет о десятках тысячах погибших (25). Из 25 000 церквей, действовавших в 1935 году, к 1939 году осталось 1277 (не считая оказавшихся на территории СССР после присоединения Западной Украины и Белоруссии). В 1937 году было арестовано около 50 епископов Русской православной церкви. Через год их оставалось 5, так что арестованы были почти все.

В этот же период были арестованы 34 члена Академии наук СССР, из них более половины расстреляны или умерли в тюрьме. Только трое — Бухарин, Осинский и Рязанов — были политическими фигурами (26).

Рассмотрим еще один, совсем другой слой — элиту советского авиастроения. Как и в области кооперации, взлет научных и технических разработок в области аэродинамики начался в России до революции, но продолжался и после нее.

Центральной фигурой здесь был Жуковский, основоположник современной аэродинамики. Благодаря его влиянию самолетостроение в России и позже в СССР находилось на очень высоком научном уровне. После Первой мировой войны стала очевидной громадная военная роль самолетостроения. В своих воспоминаниях маршал Жуков пишет:

«Можно сказать, что авиация была даже в какой-то степени увлечением И. В. Сталина».

И вот загадочным образом в период репрессий 1937 года разрушается верхний слой специалистов, обеспечивавших рост авиации.

Например, тогда наша страна вырвалась вперед в ракетной технике. В организованной в 1930 году Газодинамической лаборатории были разработаны так называемые «эрэсы» — реактивные снаряды, во время войны получившие название «катюши». Из трех человек, руководивших их разработкой, один — Петропавловский — скоропостижно умер, не дожив до 37-го года, а два других — Лангемак и Клейменов — были арестованы в 37-м и тут же расстреляны. В той же лаборатории работал и А. П. Королев — он тоже был арестован. О его судьбе рассказывает В. П. Глушко — один из создателей нашей космической техники. Он тоже был арестован, но не был расстрелян и попал не в лагерь, а в «шарашку»: официально — в КБ двойного подчинения (НКВД и НКАП).

Глушко пишет:

«События в 1938 году развивались так, что я с 1939 года получил возможность в КБ двойного подчинения (НКВД и НКАП) продолжить разработки по своей ракетной тематике — по ракетным двигателям на жидком топливе в применении к авиации (...). В Омске находилось тогда КБ Туполева — тоже двойного подчинения. А Туполев обращался в свое время с просьбой о том, что когда будут переводить заключенных авиа-

> *ционных специалистов, то [чтобы] их ему направляли. Вот Королев и попал в КБ Туполева и несколько месяцев провел в Омске, но после моего вторичного обращения его тут же прислали ко мне» (27).*

Из этого же рассказа видно, что Королев пробыл полтора года на Колыме. Туполев (как видно и из этого рассказа) тоже был арестован. Он просидел полтора года в одной камере с уголовниками, четыре раза ему сообщали, что он приговорен к расстрелу, и водили якобы на расстрел. Бывшее КБ Туполева было разбито на несколько частей. Среди них были три «шарашки»: самого Туполева, Мясищева и Петлякова. Другой ведущий авиаконструктор — Калинин (создатель «летающего крыла») сошел с ума в тюрьме и был расстрелян. Бартини просидел 10 лет. Таубин, создатель первой авиационной пушки, был расстрелян в 1939 году. Был арестован, но выжил, стал лауреатом Сталинской премии и академиком один из создателей ЦАГИ Б. С. Стечкин. Арестован был заместитель начальника ЦАГИ Некрасов, был арестован и вскоре погиб изобретатель реактивно-динамических пушек Курчевский. Уцелевшие конструкторы работали в «шарашках», но они были отрезаны от *планирования* стратегии самолетостроения, да и творческие их возможности были сильно снижены.

Весь этот разгром санкционировался на самом высшем уровне. Так, на XVIII партсъезде М. М. Каганович (брат Л. М. Кагановича, позже расстрелянный) говорил:

> *«Товарищ Сталин лично занимается вопросами оборонной промышленности. От него мы получаем конкретные указания в деле очищения нашей авиации от всяческих вредителей, мерзавцев... То, что делает товарищ Сталин, есть гарантия побед нашей авиационной промышленности».*

Да я могу, наконец, привлечь и собственные воспоминания. В 1937 году мне было 14 лет, и эту эпоху я отчетливо

помню. Например, мы жили тогда в большой коммунальной квартире, где помещалось семь семейств. И в одном из них был арест. На входной двери было семь звонков с фамилиями жильцов, и арестовывавшие обычно звонили не тем, кого шли арестовывать, — чтобы застать врасплох. В тот раз позвонили нам, мне четко врезалась в память атмосфера обреченности, созданная звонком... Была у нас дальняя родственница, троюродная сестра матери. Молодая женщина, замужем за молодым, но занимавшим сравнительно высокий пост (кажется, директора завода) человеком. Тогда таких называли «выдвиженцами». Они были еще молоды в 1937 году, значит, никакими «старыми революционерами» быть не могли. Он был арестован и осужден на «10 лет без права переписки», что означало — расстрел. Вскоре была арестована и она и пробыла в лагере 10 лет. Летом 1938 года я оказался с родителями в одном маленьком городке. Там нам рассказали, что в школах прекратились занятия немецким языком: арестовали всех учительниц немецкого языка. Пришло указание разоблачать немецких шпионов, а никого более похожего не оказалось... В классе, в котором я учился, у двоих моих товарищей были арестованы отцы. Потом я перешел в другой класс — и там в таком же положении был один из моих товарищей. Помню, как в то время нас собрала наша пионервожатая, очень славная девушка, ненамного нас и старше, почти наш товарищ. Она сказала нам, что существует предрассудок, будто нехорошо сообщать об антисоветских высказываниях своих родителей, — наоборот, так поступать правильно, это наш долг.

Позже давались неправдоподобно преувеличенные оценки репрессий того времени — по причинам, о которых речь пойдет позже. Например, Конквест в известной книге «Большой террор» утверждает, что число расстрелянных было 10—12 миллионов — больше, чем убитых на всех фронтах Великой Отечественной войны. Говорилось, что пострадала каждая семья и т. д. По моим воспоминаниям, масштаб арестов был таков, что каждый близко соприкасался с несколькими случаями ареста.

Как и во многих других случаях, мне кажется, что абсолютные цифры мало что проясняют. Что считать «много» — 10 миллионов, 1 миллион, полмиллиона? Важно то, какое влияние то или иное событие оказало на жизнь. Вот пример. Громадные человеческие жертвы в Первой мировой войне произвели колоссальное впечатление на сознание западного мира. Оно было травмировано тем, что жизни миллионов людей, в большинстве своем — молодых, были принесены в жертву чьим-то интересам. Возникла целая литература «потерянного поколения». Но после окончания войны по Европе прошла эпидемия гриппа «испанки», которая унесла больше жизней, чем война. И это не оставило никакого следа в общественном сознании. Также и по поводу «37-го года» было бы желательно понять, каково было воздействие той эпохи на жизнь.

Каков был смысл этой акции? Ее нельзя свести к ликвидации «ленинской гвардии», с таким же основанием ее целью можно объявить истребление крестьян, уничтожение священников или уничтожение лучших авиаконструкторов и т. д. Я не берусь утверждать, что у нее вообще была кем-то (например, Сталиным) заранее задуманная цель. Но результат, несомненно, был. Это был террор в буквальном переводе этого слова: страх. Страх стал постоянным фактором управления жизнью. Существенно было, что определенный процент жителей подвергался репрессиям, так сказать, «наугад» — безо всяких реальных оснований. Но поведение человека могло увеличивать или уменьшать вероятность его попадания в этот процент.

Если отказаться от моральных оценок, а попытаться оценить использование фактора страха (террор) лишь с точки зрения эффективности управления обществом, то можно указать и «отрицательные», и «положительные» стороны такой системы. Недаром страх (наказание) всегда связывается с законом и с воинской дисциплиной. «Положительной» стороной является упрощение управления обществом. Чтобы добиться какой-то цели, часто нет необходимости учитывать сложный баланс интересов различных его слоев, достаточно отдавать

определенные приказы. Это, пользуясь терминологией Кондратьева, полная победа телеологического принципа планирования над генетическим. «Отрицательной» стороной является то, что очень трудно провести черту, отделяющую правящий слой от основного народа, чтобы освободить правящий слой от давления страха. В истории это удавалось крайне редко — например, в Спарте, но там разделению спартанцев и илотов способствовало этническое различие. Как правило, господствующий слой оказывается даже под большим давлением, так как неподчинение его членов грозит всему режиму большей опасностью. Но правящий слой может дать согласие на «дань кровью» в критической ситуации, когда и ему и всему режиму грозит гибель. Когда же режим укрепляется, такая ситуация становится для него тягостной. Возникает кризис, когда сам правящий слой приходит в состояние конфликта с режимом, его создавшим. Различные фазы такого кризиса мы видели в нашей стране после смерти Сталина в 1953 году.

Я очень ясно помню этот фактор страха, присутствовавший в жизни. Некоторые игнорировали его сигналы — из чувства гордости, собственного достоинства или по легкомыслию. Как правило, они были очень недолговечны. Но большинство учитывало его в своем поведении. Даже в моем окружении — подростков, позже студентов — оценивалось, с кем о каких-то вопросах можно говорить, а с кем — не следует. Но был и еще один слой людей, реагировавших тем, что *изменяли* свое сознание, как бы ампутировали те мысли, высказывание (или иное проявление) которых могло быть опасным. Например, в своих воспоминаниях К. Симонов пишет, что плакал, узнав о смерти Сталина. Думаю, что в какой-то части сознания он был искренен: не изменив его соответствующим образом, он просто не смог бы выжить в той среде, к которой принадлежал.

Позже, в период «перестройки», чтобы оправдать ту «шоковую хирургию», которой подвергался народ, часто утверждали, что сознание всего народа претерпело именно такое изменение: стало «рабским» (правда, другие уверяли,

что таким оно было всегда). Уж не говоря о том, что обвинение исходило, как правило, от тех, кто раньше сам именно такую психику выработал (из того же слоя, что, например, К. Симонов), поэтому оно чисто фактически неверно. Тогда нужно было несравненно большее мужество для того, чтобы не перестать дружить с семьей арестованного, чем сейчас для поступка, считающегося самым смелым. А ведь так вело себя подавляющее большинство. И позже я не раз сталкивался с тем, что жители Запада вели себя как самые запуганные люди сталинских времен, причем под угрозой неприятностей, несопоставимых с тогдашними трагедиями. Жизнь в стране продолжалась на основе гораздо более древних традиций. В ней оставалось место и любви, и самопожертвованию, и энтузиазму творчества, и патриотизму. Но ощущение постоянно находящейся рядом опасности стало одним из ее элементов.

Странную трансформацию претерпела оценка событий 1937 года! Впервые открыто о них стало возможно говорить у нас после речи Хрущева на XX съезде. Он именно и формулировал «преступления культа личности Сталина» как «репрессии против ответственных партийных и советских работников». Тогда было даже постановление воздвигнуть памятник именно этим «жертвам» (в эмиграции Троцкий, конечно, гораздо раньше писал, что Сталин уничтожает «ленинскую гвардию»). После этого появился и Самиздат на эту тему, и с такой же ориентацией: например, воспоминания Е. Гинзбург. Тогда многих шокировала эта точка зрения: считать достойными внимания только испытания, выпавшие на долю узкого и весьма сомнительного круга. Как будто все другие просто не существовали! Их логика была: «Все шло так хорошо, мы действовали так успешно, готовы были и дальше послушно действовать — за что же?»

В ряде произведений постепенно вырабатывалась более взвешенная и справедливая точка зрения на нашу историю: что жертвы среди «руководящих работников партии и правительства» — это было далеко не самое страшное.

Было рассказано о несравненно больших жертвах в эпоху Гражданской войны и коллективизации. Хотя бы в романе М. Н. Алексеева «Драчуны», где описан голод 30-х годов, и в статье М. П. Лобанова «Освобождение», донесшей эту тему до широкого круга читателей, в «Архипелаге ГУЛАГ» А. И. Солженицына, в романах В. И. Белова «Кануны» и «Год великого перелома», в статьях В. А. Солоухина и В. В. Кожинова в «Нашем современнике» и т. д.

Но в последнее время стрелка как будто повернулась на 360 градусов и вернулась в прежнее положение. Опять стал популярен тот взгляд, что 37-й год в основном сводился к уничтожению «старых революционеров» — лишь с противоположной оценкой: «Так им и надо!» Это как бы было наказание им за то, что они творили во время революции. Или суровое напоминание нынешним врагам России. Я видел даже в одной газете статью «Да здравствует 1937 год!» (хотя заглавие, может быть, иронично?). Но в хрущевские времена и позже, когда главной трагедией сталинской эпохи провозглашали «избиение руководящих партийных кадров» как раз эти самые «кадры» или их потомки (физические или духовные), в то время это было хоть как-то понятно (хотя безжалостно, эгоистично). А сейчас авторы прямо противоположных — почвеннических, русских — взглядов предлагают считать расстрел Ягоды или Зиновьева событием, своим значением заслоняющим расстрел десятков тысяч «кулаков и уголовников» (то есть крестьян), вернувшихся из сибирской ссылки, расстрел десятков тысяч священников, расстрел Кондратьева, Чаянова, Флоренского, Клюева. Вот это представляется мне парадоксальным.

Война

Война вломилась в общество строящегося коммунизма как нечто нежданное и чуждое. Это кажется странным: по всей стране пели песни о том, что будет, «если завтра война», эта тема играла основную мобилизующую роль в госу-

дарственных средствах информации, расстрел Кондратьева, Чаянова, Флоренского обосновывался тем, что они готовили «интервенцию». Но дело в том, что ожидалась совсем не та война — это должна была быть «война классов», о которой писали Тухачевский и Бухарин, где нашим союзником будет пролетариат всех стран, а наши армии понесут знамена мировой революции. Вместо этого оказалась война не классов, а народов — Отечественная война.

То, что страна столкнется именно с такой перспективой, постепенно стало проникать в сознание партийных верхов после прихода Гитлера к власти в Германии — уж слишком громогласно он об этом заявлял. Поэтому предпринимались некоторые меры, чтобы учесть коренное изменение ситуации. Я помню, какое странное впечатление диссонанса производил тогда фильм «Александр Невский», героем которого был князь, а войско выступало с хоругвями. Но известно, что идеология — наиболее консервативная сторона человеческой жизни. Например, есть теория, что первым прирученным ездовым животным был, видимо, северный олень. Позже приручили лошадь, но, чтобы не порывать с традицией, некоторое время ей на голову привязывали рога оленя (такие скелеты найдены в захоронениях). Такое впечатление лошадиной головы с оленьими рогами производили и идеологические изменения, происходившие в предвоенные годы (подробнее об этом будет сказано позже).

Вот в этом состоянии «устаревшего» сознания, не соответствующего новой реальности, и застала война руководство СССР. В этом, по-видимому, и заключается одна из основных причин трагической ситуации, сложившейся в первые полтора года войны. Это видно хотя бы по воспоминаниям маршала Жукова. (Литература о войне огромна. Дальше я буду в основном ссылаться на воспоминания маршала Жукова — общепризнанного крупнейшего полководца этой войны.) К войне готовились, но как-то не в полную силу. Не предпринимался ряд мер, необходимых в условиях очевидной подготовки Германии к скорому нападению. Концентрация 3,5 миллиона человек в

приграничных районах никак не может быть секретом. Да и я сам помню, как радиостанции всего мира наперебой сообщали о немецких эшелонах, идущих к Польше.

Но руководство — в первую очередь Сталин и Молотов — какой-то частью сознания все же жило надеждой на то, что войны с Германией удастся избежать (или хоть оттянуть ее). Это подтверждают многие, часто цитировавшиеся свидетельства (например, воспоминания маршала Жукова), да это и понятно. Центром капиталистического мира для них были «англо-французские империалисты». От них, согласно марксистскому взгляду, и следовало в первую очередь ожидать главной опасности для социалистического государства. Надо сказать, что были и факты, подтверждавшие такой взгляд. Например, Мюнхенское соглашение. Во время советско-финской войны обсуждался вопрос об отправке англо-французского экспедиционного корпуса в Финляндию и о бомбардировках бакинских нефтепромыслов — вопрос отпал сам собой в результате поражения Финляндии и заключения мирного договора.

С другой стороны, имеется ряд свидетельств о разработке планов вторжения советских войск в Иран и Афганистан. В феврале 1941 года в несколько раз были увеличены штаты редакций газет Среднеазиатского военного округа, выходивших на языках фарси, урду, афганском, английском, и созданы редакции газет на языке пенджаби. Были массово изданы плакаты, изображавшие дехканина, благодарно обнимающего солдата Красной Армии, — в точности аналогичные плакатам, изданным в 1939 году при вступлении советских войск в Западную Украину и Белоруссию, на маневрах Среднеазиатского военного округа отрабатывалось освобождение народов близлежащих стран (40) (документы имеются в Центральном архиве Министерства обороны в Подольске). В одной работе (28) сообщается интересный факт: до начала войны советской промышленностью массово выпускался истребитель «МиГ-3» — перехватчик, предназначенный для действий на высоте 7—9 тысяч метров, в то время как высота

полета основной массы немецких бомбардировщиков была ниже 5700 метров (и это было хорошо известно). Естественной целью для такого самолета были «летающие крепости» и «либерейторы», поставляемые Соединенными Штатами Англии. Создается впечатление, что руководство страны не могло решить: к какой войне готовиться?

Трагически звучит рассказ Жукова о том, что, когда они с наркомом обороны Тимошенко утром 22 июня вошли в кабинет Сталина и доложили о начале военных действий, тот спросил: «Не провокация ли это немецких генералов?» «Немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Какая же это провокация?» — удивился Тимошенко. «Гитлер, наверное, не знает об этом», — настаивал Сталин. Трагична здесь полная неадекватность реакции, обернувшаяся миллионными жертвами. Сталин отказался даже разрешить войскам вести ответный огонь, пока Молотов не подтвердил, что германский посол сообщил об объявлении войны.

По тогдашним временам поразительно было молчание Сталина в течение 10 дней после начала войны. Надо представить себе жизнь тех лет, когда каждое важное действие или исходило от Сталина, или скреплялось его решением (по крайней мере, так внушалось, и многие этому верили). Все время говорилось о готовности к войне, о ней пели песни — и вот она началась. В сводках назывались все новые города, все дальше в глубь страны. Появилось «Минское направление» — все понимали это так, что немцами уже взят Минск. А Сталин все молчит — это было загадочным.

И речь Сталина 3 июля производит нецельное, иногда совсем странное впечатление. Например, он пугал слушателей тем, что «враг (...) ставит своей целью восстановление царизма», — а для большинства народа такая угроза была весьма абстрактной (молодые знали только по слухам, а для старших «до войны» означало время, о котором вспоминали со вздохом, как сейчас — до «перестройки»). В речи Сталин называет «великого Ленина», предлагает «сплотиться вокруг партии Ленина — Сталина», хотя каждый, кто учился в шко-

ле, знал, что в предшествующую войну с немцами Ленин (и вся партия) был за поражение «своего» отечества.

Хрущев, с его явно прорывающейся ненавистью к Сталину, рисует его в первые дни войны перепуганным, растерявшимся. Жуков говорит, что Сталин был растерян лишь в первый день войны, а вообще был «не трусливого десятка». Мне кажется, что личное поведение одного человека, хотя бы и обладающего абсолютной властью, не столь существенно для такого события, как начавшаяся война. Гораздо важнее то, что весь правящий слой оказался в ситуации, которая не вмещалась в их идеологию (а идеология-то и была фундаментом всей их деятельности). Им всем — и Сталину в первую очередь — приходилось приспосабливаться к новой ситуации, причем приспосабливаться очень быстро, когда существование страны, а тем самым и их власть не раз висели на волоске.

В войне так причудливо все сплелось, что победа стала условием выживания и России, и русского народа, и коммунистической партии, и, в каком-то смысле, самого Сталина. *В этой точке* их фундаментальные интересы совпали.

В войне более приемлемыми, более обоснованными оказались многие черты того стиля жизни, который был создан в 1930-е годы, да и личности самого Сталина. Это и всегда были методы «военного типа»: мобилизации, штурма и т. д. Теперь они (хотя бы отчасти) оказались оправданными логикой войны, когда вопрос шел о существовании страны. Нашли применение типичные черты сложившегося режима и стиля сталинского руководства: военно-диктаторского. Ведь в любой стране во время войны увеличивается вес подобных мер — хотя и не до такой степени, как это было у нас.

На время войны Сталин даже переступил через себя: он терпел рядом с собой ярких, талантливых людей, молчаливо признавая их превосходство в их сфере деятельности. Например, Жукова, да и целую группу полководцев, доказавших свое военное мастерство. Это видно, например, по мемуарам маршала Жукова. Так, до войны Сталин не информировал его

(начальника Генерального штаба!) о поступающих разведывательных данных. На просьбу о получении этой информации Сталин ответил Жукову: «То, что вам следует знать, вам будет сообщено». А уже во время войны Сталин обращался к Жукову и его заместителю Ватутину совсем по-другому, например: «Подумайте вместе и скажите, что можно сделать в сложившейся обстановке?» — и потом тотчас же утверждал их предложения. В экономике такое же положение занимал, видимо, талантливейший организатор-экономист Н. А. Вознесенский. (После войны Сталин услал Жукова в дальний военный округ, а Вознесенского расстрелял.)

Война потребовала громадных жертв. Они были вызваны несколькими причинами. Во-первых, к началу войны германская армия имела уже большой опыт боев (правда, только с несравненно слабейшим противником). Поэтому остановить немцев можно было, только идя на большие жертвы, чем те, на которые они были способны. Во-вторых, особое отношение немецких властей к жителям нашей страны как к существам низшего сорта — «унтерменшам» — было причиной колоссальной смертности в лагерях военнопленных и среди населения оккупированной территории. И наконец, потому, что воевали, конечно, так же, как действовали до того: не жалея людей. Жуков рассказывает, что Сталин обрывал военных, указывавших на то, что иногда людьми жертвуют без всякой пользы: «Нечего хныкать, на то и война». Да как иначе и могла руководить войной партия, недавно подавившая крестьянскую войну, совершившая коллективизацию и раскулачивание, сама только что прошедшая чистки и репрессии?

И все же упреки в слишком больших потерях кажутся мне наименее обоснованными из всех, которые можно сделать тогдашнему руководству (или лично Сталину). Очень трудно определить границу «разумных» жертв. Вот французы попробовали другой крайний путь: они настолько боялись потерь, что практически не воевали и войну проиграли без единого сражения. А главное, за жалобами на «чрезмерные потери» чувствуется некоторый подтекст. Для военного историка кри-

тический разбор какой-то операции имеет один смысл, для публициста — другой. Какой? Это часто явно высказывается: «просто завалили трупами», «никакой победы не было». То есть это попытка *дегероизации победы,* превращения ее даже в *постыдный* эпизод нашей истории. Еще Достоевский заметил этот прием тогдашнего «малого народа»: «Кто застыдится своего прошлого — тот уже наш».

А ведь мечта вбить народу в голову, что «никакой победы не было», казалась реально достижимой, почти достигнутой. Но сейчас видно, что не получилось, легче уничтожить народ весь целиком, чем вытравить эту память. Недавно по телевизору выступал один из тех активистов, которые в свое время наградили нас «перестройкой». Теперь он посвятил себя трудам на ниве образования, в меру сил стараясь и там совершить «перестройку». Он с неподдельной горечью жаловался на то, как въелись «стереотипы»: поступающие в институт будущие историки не хотят на вступительном экзамене рассказывать, что Советский Союз был «поджигателем войны», а у преподавателей не поднимается рука ставить им за это заслуженную двойку. Но это уже зубр, из реликтовых. А вся их братия почувствовала, сообразила, что этого народу не навязать. И забубнили о «Великой победе», стали «склонять головы» и открывать монументы.

Как обычно, такой пропагандистский прием рассыпается, если попытаться его логически осознать. Почему, собственно, даже очень большие потери делают победу менее героической? Ведь, например, в римской истории больше всего на Великую Отечественную войну была похожа Вторая Пуническая война. Она тоже началась с ряда разгромных поражений, враг стоял у ворот Рима, война продолжалась 17 лет, население Римского государства сократилось в два раза! И тем не менее она всегда считалась самым героическим эпизодом римской истории, никто из римских историков иначе ее не оценивал.

Точно так же память о Великой Отечественной войне останется героическим преданием нашего народа, доколе он будет существовать.

Война имеет непосредственное отношение к теме этой работы. Когда обсуждается «великий перелом» — раскрестьянивание и гибель русской деревни, — то русские, как правило, душой на стороне деревни; условно говоря, они спрашивают себя: «Как пережил бы эти события Есенин?» Единственный (хоть как-то понятный) аргумент на противоположной чаше весов связан с войной. Он заключается в том, что, мол, как бы ни был жесток и пагубен для будущего переворот 1930-х годов, без него не удалось бы выиграть войну; что иным путем нельзя было создать промышленность, при помощи которой была выиграна война. Собственно, это аргумент самого Сталина: коллективизация была необходима для индустриализации (при этом подразумевается, что индустриализация могла осуществляться только тем путем, которым тогда пошла). К этому иногда добавляют, что в 1930-е годы было достигнуто морально-политическое единство советского народа. Вот эти аргументы важно обсудить.

Могла ли индустриализация быть осуществлена без уничтожения традиционного индивидуального трудового крестьянского хозяйства — основы русской деревни? На этот вопрос ответ частично был дан жизнью. Индустриализация не только могла быть осуществлена, но уже осуществлялась в середине 1920-х годов с большой скоростью (29). Уже в 1927 году объем промышленной продукции превысил довоенный на 23,7%, в том числе по тяжелой индустрии — на 33,6%. В 1926—1927 годах начинается строительство 16 крупных электростанций, в том числе Днепрогэса. В 1926-м закладываются 7 новых угольных шахт, в 1927-м — 16. Строятся Керченский металлургический завод, несколько медеплавильных заводов, Риддеровский (будущий Лениногорский) полиметаллический комбинат, Мариупольский трубный завод, Ростовский завод сельскохозяйственных машин и т. д. Были заложены Сталинградский тракторный завод и Кузнецкий металлургический.

Все это делалось на основе экспорта хлеба, который давала деревня, несмотря на постоянное вторжение в ее жизнь

власти, находившейся под воздействием идеологических догм. Ведь возникало парадоксальное положение, на которое указывал, например, Кондратьев. Власть многократно заявляла, что ее опора в деревне — беднота. Какая же власть будет стремиться сокращать свою социальную опору? Конечно, сознательная политика «обеднения» деревни не могла проводиться, но возникала «ориентация на бедноту», которая препятствовала быстрому развитию сельского хозяйства. В результате в 1925—1929 годах производство зерна колебалось около уровня, немного более высокого, чем довоенный. Во всяком случае, утверждения о том, что «мужичок регульнул власть», являлись пугалом, отражая настроения тех «99 из 100 коммунистов», о которых говорил Сталин на XIV съезде, которых надо было сдерживать, чтобы они «вмиг» не «раздели кулака». Это пугало применял Каменев на XIV съезде в связи с тем, что в 1925 году хлебозаготовки дали на 200 миллионов пудов меньше, чем планировалось. Это действительно снизило темп индустриализации, однако гораздо больший урожай 1926 года позволил восстановить прежний темп. Но в 1928 году аналогичные трудности с хлебозаготовками послужили поводом для введения «чрезвычайных мер» — пролога коллективизации.

Первый пятилетний план (на 1928/29—1932/33 годы) был принят в качестве закона V съездом Советов в мае 1929 года. Он не содержал идеи «сплошной коллективизации» (предполагалось, что к концу периода в колхозы добровольно объединятся 18—20% крестьян, это была «дань» идеологии). Продукция промышленности должна была вырасти в 2,8 раза, производство средств производства — в 3,3 раза, сельского хозяйства — в 1,5 раза, национальный доход — более чем вдвое. Был разработан отправной (минимальный) план и оптимальный, отличавшийся от отправного примерно на 20%. Согласно оптимальному плану, производство чугуна предполагалось довести до 10 млн. тонн, электроэнергии — до 22 млрд. кВтч. Производительность труда в промышленности предполагалось поднять в 2,1 раза, реальную зарпла-

ту — в 1,7 раза, доходы крестьян — в 1,6 раза. Накопления, необходимые для этого очень быстрого развития экономики, предполагалось получить на основе подъема сельского хозяйства. Посевные площади должны были увеличиться на 22%, урожайность — на 35% (29—31).

Это был очень быстрый рост экономики. Реально ли было этот план выполнить? В очень взвешенно написанном современном учебнике для студентов-историков говорится: «При оценке первого пятилетнего плана историки единодушно отмечают взвешенность его заданий, которые, несмотря на их масштабность, были вполне реальны для выполнения» (31). Другое дело, что при этом ведущую роль играли бы экономисты типа Кондратьева и Чаянова, громадный массив выросших еще до революции экономистов и те коммунисты, которые были готовы учиться экономике, вникать в тонкости экономики и рынка. Но не у дел оставалась бы масса коммунистов, еще живших идеологией эпохи «военного коммунизма», жизненная установка которых сводилась к тому, чтобы «раздеть кулака».

Возникает и другой вопрос: достаточны ли были темпы развития экономики, установленные первым пятилетним планом, чтобы к началу войны обеспечить хотя бы тот уровень промышленности (в частности, военной), который мы реально имели? Дело в том, что вскоре после принятия первого пятилетнего плана его задания стали пересматриваться — в сторону резкого увеличения. (Наиболее известное действие — лозунг «Пятилетку — в четыре года», выдвинутый Сталиным в декабре 1929 года.) Поэтому может сложиться впечатление, что экономика развивалась значительно быстрее, чем предполагалось в первом пятилетнем плане. В том же учебнике (31) читаем: «Запланированные задания «первой пятилетки», по существу, были сорваны, и реальные результаты далеко отставали не только от контрольных цифр завышенного, но и первоначального «оптимального» плана». Например, было решено в 2 раза увеличить задание по выпуску цветных и черных металлов, автомобилей, сельскохозяйственных машин

и т. д. (29). Запланированные мощности Кузнецка и Магнитогорска повышались в 4 раза. Эти планы оказались нереальными. Более того, попытки их осуществления нарушили баланс частей экономики. Скорость роста индустрии упала с 23,7% в 1928—1929 годах до 5% в 1933 году. Были прекращены ассигнования на 613 из 1659 основных строящихся объектов тяжелой промышленности. Вместо предусмотренных пятилетним планом 60 доменных печей в строй вошли 32, из 57 прокатных станов, пуск которых был запланирован, в эксплуатацию ввели 13, из 70 мартеновских печей, которые предполагалось пустить, было пущено 38. Не были осуществлены не только гигантские планы, объявленные в порядке корректировки пятилетки, но и первоначальные задания первого пятилетнего плана. К концу пятилетки продукция выросла не в 2,8 раза, как планировалось сначала, а в 2,3 раза.

Задания второй пятилетки были уже скромнее: они предполагали увеличение продукции на 16,5% в год (вместо 30%, запланированных в первой пятилетке, реальность — около 20%). По скорости роста легкая промышленность должна была опережать тяжелую. Развитие шло очень неравномерно. В 1933 году производство выросло лишь на 5%, 1934—1936 годы дали около 20% в год, 1937—1938-е — 11—12%.

В 1939 году был принят третий пятилетний план (1938—1942 годы). Работа по нему шла тоже очень неровно. Так, в справке, представленной М. Сабуровым в Госплан в апреле 1941 года, говорится, что срыв в течение первых двух лет пятилетки выполнения плана черной металлургией и топливной промышленностью стал причиной «невыполнения плана по машиностроению, в значительной мере по капитальному строительству и производству металлических изделий широкого потребления» (31).

В качестве конкретного примера (29): по оптимальному варианту первого пятилетнего плана предполагалось довести выплавку чугуна до 10 млн. тонн. В январе 1930 года было решено повысить эту цифру до 17 млн. тонн. В результате в 1932 году было выплавлено лишь 6,2 млн. тонн,

то есть не было выполнено не только задание оптимального варианта (10 млн. тонн), но и минимального (8 млн. тонн). А заказанная цифра в 17 млн. тонн не была достигнута и к войне. В 1937 году выплавка чугуна увеличилась на 0,6%, в 1938-м — на 1%, а в 1939-м — уменьшилась на 0,1%.

Это отнюдь не значит, что в стране ничего не строилось. Жизнь всегда сильнее любых внешних вторжений в нее. Так жило крестьянство при крепостном праве, обороняло страну, заселяло все новые области. В этом объяснение и той загадки, что сейчас наша страна существует, несмотря на весь разгром. С самого начала XX века в России ощущался громадный прилив энергии во всех областях жизни — от крестьянской кооперации до классического балета. Для его реализации не была нужна военизированно-лагерная организация жизни. Он даже помог пережить ее калечащее воздействие. Так и в 1930-е годы: строилось много, и пафос строительства захватывал участвовавших в нем людей. Но ниоткуда не следует, что большего нельзя было достигнуть, развивая экономику в направлении, намеченном первым пятилетним планом, не ломая хребет крестьянству, опираясь на кооперацию и стратегию, предложенную Чаяновым. Раскрестьянивание было необходимо — но не для индустриализации, а чтобы следовать идеологии «военного коммунизма», «Коммунистического манифеста» и всего марксизма-ленинизма, для воспитанной в этом духе части партии, уверовавшей, что «насилие есть повивальная бабка всякого старого общества, когда оно беременно новым». Конечно, для создания оборонно-промышленного потенциала нужна перестройка экономики, но ведь смогла же Германия с 1932 по 1940 год увеличить свой военно-промышленный потенциал в 22 раза (как об этом пишет маршал Жуков), не уничтожая своего крестьянства. В духовном отношении политика 1930-х годов привела народ к войне глубоко расколотым. Из кого состояла армия, вступившая в бой в 1941 году? Во-первых, из крестьян, прошедших насильственную коллективизацию, аресты, высылку в Сибирь, голод и опять аресты, возвратившихся с севера «кулаков и уголов-

ников». Во-вторых, из рабочих, то есть в основном из тех же крестьян, не выдержавших обрушившихся на них гонений и завербовавшихся по набору или просто бежавших из деревни на новостройки. Надо очень сильно абстрагироваться от действительности, чтобы представить себе, что у этих людей не было тогда иных чувств, кроме порыва отдать жизнь за партию и товарища Сталина. Более правдоподобно, что народное сознание находилось под мучительным воздействием диаметрально противоположных сил.

В беседе с писателем Ф. Чуевым уже отставной Молотов сказал: «Мы обязаны 1937 году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны». Дело, конечно, не в 1937 годе (опять он выпячивается на незаслуженное место), а во всей политике 1930-х годов. Увы, она принесла плоды гораздо худшие, чем «пятая колонна». Трудно не связать с ней необычайно большое количество сдавшихся в плен в первые месяцы войны. О них можно судить по общим цифрам советских военнопленных: 4059 тысяч — по советским данным, 5200—5750 тысяч — по немецким (32); основная их масса относится на первый период войны (июль 1941 — ноябрь 1942). В книге (33), использующей немецкие источники, приводится цифра в 3,8 миллиона военнопленных до конца 1941 года. В советских официальных данных говорится о 939 тысячах военнослужащих, числившихся пропавшими без вести и вторично мобилизованных на освобожденных территориях. Очевидно, это солдаты, разошедшиеся во время отступления по деревням, работавшие там во время оккупации и не обнаруженные немцами. (Что касается «пятой колонны», то очень трудно представить себе Гитлера, сотрудничающего с Пятаковым или Бухариным. Парадоксально, но он высказывал мысль, что после победы над Советским Союзом доверит управление им Сталину, так как тот «знает, как обращаться с русскими».)

Но болезненнее всего в нашей исторической памяти останется, наверное, то, что около 1 миллиона граждан СССР участвовало в войне на стороне врага. Такого не было ни в войну 1914 года, ни в Отечественную войну 1812 года! Ведь

в 1812 году крепостные крестьяне могли бы воспользоваться вторжением Наполеона, чтобы поднять вторую пугачевщину. А они вместо этого ловили отступавших французских солдат! Очень глубок должен был быть раскол в народе России, чтобы появилось такое нетипичное для русских явление, как «власовское движение» (применяя этот термин условно, как название всех соединений советских подданных, участвовавших в войне на стороне немцев). Но основная масса народа не пошла по власовско-ленинскому пути — встала на защиту своей страны независимо от отношения к тогдашнему режиму. (При всем различии ситуаций позиция Ленина в Первую мировую и позиция Власова в Великую Отечественную войну основывались на общем принципе: отношение к общественному строю важнее отношения к стране.) Такова была и позиция крепостных крестьян в 1812 году. В этом, мне кажется, и состоит великий подвиг народа.

Если сравнивать дальше положительное и отрицательное влияние изменений в жизни, происшедших в 1930-е годы, на ход войны, то нельзя обойти сложившийся общий стиль руководства. Диктаторские приемы, приказы чуть ли не под угрозой расстрела («положить партбилет» — практически было равнозначно аресту). Все это стало стилем сначала в довоенной жизни, а потом — стилем ведения военных операций и персонально стилем Сталина. В воспоминаниях маршала Жукова не раз рассказывается, как и он, и другие военачальники ставили свою подпись под планами операций, бесперспективность которых они ясно понимали, — ибо таков был приказ Верховного главнокомандующего. Об этом много печальных историй рассказывает маршал Жуков — как в воспоминаниях, так и в докладе, подготовленном (но не произнесенном) для пленума ЦК в мае 1956 года (34). Например, как Сталин под угрозами расстрела послал его отбивать деревню Дедово, оторвав от командования фронтом под Москвой в самый опасный момент. «Был ли Сталин творцом вообще каких-либо операций?» — спрашивает Жуков. И отвечает: «К сожалению, был», перечисляя ряд неудачных операций, каждая из кото-

рых стоила десятков тысяч жизней. И ведь дело здесь не в Сталине, а в общем стиле руководства, который культивировался. Лично Сталин умел учиться и начиная с середины войны ограничивал свое вмешательство в области военного руководства, где были явно лучшие специалисты. Но ниже его шел целый слой военачальников, часто сознательно, а иногда подсознательно ему подражавших.

Сильно дезорганизовали армию аресты офицеров, когда из армии выбыло более 36 тысяч человек, арестованных или исключенных из партии за «связь с заговорщиками». Жуков пишет: «Накануне войны в Красной Армии почти не осталось командиров полков и дивизий с академическим образованием».

Часто возражают, что арестованы были военные, имевшие лишь опыт Гражданской войны да жестокого подавления крестьянских восстаний, — вроде Тухачевского и Якира. Но ведь других-то военных не было! И Жуков служил в Красной Армии под началом Тухачевского при подавлении антоновского восстания, а Шапошников был тогда у Тухачевского за начальника штаба. Дело было в том, кого кем заменять. После расстрела группы руководящих военных в 1938 году для руководства армией был создан Главный военный совет Красной Армии. Вот его состав: Блюхер, Буденный, Ворошилов, Мехлис, Сталин, Шапошников, Щаденко. Из них Блюхер был в том же году расстрелян, а всех остальных, кроме Шапошникова, Сталин вынужден был к середине войны отстранить от руководства военными операциями просто из инстинкта самосохранения, чтобы не проиграть войну. Именно этим своим политическим сподвижникам (некоторых он знал еще с Гражданской войны) Сталин больше доверял. А ведь Кулик, например, был перед войной ответственен за вооружение армии и воспрепятствовал вооружению ее автоматами, считая их «оружием полицейских». Люди типа Кулика и Мехлиса — это были злые гении армии: они пытались заменить полководческую бесталанность щедростью пролития солдатской крови.

Учитывая все сказанное, трудно согласиться, что уничтожение крестьянства и последующая политика 1930-х годов

были необходимы для победы в войне. Наоборот, победа была достигнута *вопреки им.* Ведь если бы коллективизация была проведена лишь как мера подготовки к войне, то, когда война была выиграна, ее можно было бы отменить. Этого тогда в народе и ждали: «После конца войны колхозы распустят» — это явно была мечта народа.

А вместо этого после окончания войны был издан ряд постановлений, ужесточающих колхозный строй, — например, введена уголовная ответственность за невыработанные трудодни — как на барщине.

Война-то, конечно, была выиграна — война с экономически более сильным и в военном отношении более опытным противником, — в этом нет сомнения. Вопрос в том, кто ее выиграл. Предположим, что экономика планировалась бы более рационально и к войне достигла бы более высокого уровня; нашим авиаконструкторам не мешали бы создавать новые самолеты и к войне наши самолеты превосходили бы немецкие, армия была бы широко вооружена «катюшами»; к началу войны авиация была бы своевременно поднята в воздух, войска мобилизованы, немцам нанесли бы сокрушительный удар и к зиме наши войска были бы в Берлине. Тогда, хотя бы отчасти, это была бы победа «коммунистической партии и лично товарища Сталина», как тогда писали.

Но события развивались по-другому. Война все-таки была выиграна, но это была победа народа, его жертвенности и героизма. И именно все те сложные и трагические условия, в которых победа добывалась, освещают масштабы народного подвига.

«Национал-большевизм»

Война, конечно, многое изменила в стране. И не только война, но и период, когда она надвигалась. Я имею в виду появление в политике некоторых «державных» элементов, иногда заимствованных из державного опыта дореволюционной истории. Эти изменения породили точку зрения, со-

гласно которой советская власть перестала быть марксистско-коммунистической, она «переродилась», как французская революция переродилась в империю Наполеона. А иногда даже говорят о «контрреволюции», о «реставрации» дореволюционной России. Большевизм, согласно этой точке зрения, превратился в национал-большевизм, то есть коммунистическая идея слилась с национальной. Здесь возникает важнейший вопрос для понимания нашей истории последних десятилетий.

Прежде всего отметим то, что само собой очевидно. Любая, самая революционная партия, захватив власть, както изменится, вынуждена будет использовать некоторые «державные» механизмы. Она не станет сама себя свергать и будет защищаться. Когда Ленин сказал от имени большевиков: «Мы отвоевали Россию (...). Мы должны теперь Россией управлять», — из этого уже вытекало, что они будут стремиться не дать завоевать ее кому-либо другому. Более того, они получили в руки одно из самых мощных орудий, тысячелетиями создававшееся человечеством, — государство. Как было не использовать его для достижения своих целей? Прежде всего — армию. После недолгих колебаний идея добровольческой Красной гвардии, партизанская война были отвергнуты и верх взял трезвый здравый смысл. Армия в Советской России была создана в общем на тех же основах, что и в других странах. Мы видели, что возникла даже идеология превращения армии в орудие мировой революции. Три года понадобилось для того, чтобы принять такое же решение по поводу другого важнейшего элемента жизни — денег. Есть много аналогичных примеров.

Тогда же, как реакция на эти явления, возникла и концепция «перерождения коммунистической власти». Возникла она в эмиграции — это было течение «сменовеховцев». Сталин на XIV съезде так сформулировал их взгляды: «Коммунистическая партия должна переродиться, а новая буржуазия должна консолидироваться, причем незаметно для нас. МЫ, большевики, оказывается, должны подойти к порогу демократической республики, должны потом перешагнуть этот порог и с помо-

щью какого-нибудь цезаря, который выдвинется не то из военных, не то из гражданских чинов, мы должны очутиться в положении обычной буржуазной республики». Это несколько утрированное изложение. Сменовеховцы верили, что советская власть перестает быть разрушительно-революционной, решает национальные задачи, восстановила единую и неделимую Россию. Эта идеология допускалась в СССР, существовал даже журнал такого направления — «Новая Россия»: видимо, считалось, что она ослабляет сопротивление некоторых кругов большевистскому режиму. Но сменовеховство, как всякая эмигрантская концепция, основывалось больше на желаниях, чем на знании жизни. Движение оказалось под влиянием организации «Трест», созданной ОГПУ.

В «перерождении» большевистскую партию обвинял и Троцкий, а после высылки из СССР — в «термидорианстве» и «контрреволюции». Это же утверждали и многие другие. Жизнь показала, что все они серьезно ошибались. Партия осталась достаточно революционной, чтобы совершить «вторую революцию» — коллективизацию, гораздо более радикальную, чем первая. Тривиальная схема: раз пришли к власти, значит, перестали быть революционерами — оказалась неверной. Государство стало как раз главным орудием для осуществления второй революции. Такую же вторую революцию («культурную революцию») пережил в свое время Китай.

Но начиная с 1930-х годов вопрос приобрел несколько иной оттенок. С приходом Гитлера к власти в Германии слишком очевидным стал национальный аспект мировой политики. Выше я привел соображения, аргументирующие тот взгляд, что эта ситуация слишком противоречила идеологии правящего слоя и поэтому хоть им и учитывалась, но лишь частично, с каким-то двойственным отношением. Были осуществлены действительно некоторые меры, тогда казавшиеся очень необычными.

До того политика партии имела явно антирусский характер. В документах, переданных XII съезду, Ленин настаивал, что русские должны «возмещать» неравенство, которое яко-

бы раньше существовало. Сталин, выступая как признанный знаток национального вопроса, на X, XII, XIV, XVI съездах заявлял, что в области национальных отношений главная опасность — «русский великодержавный шовинизм» (хотя что это значило — в те годы?). С точки зрения стратегии партии такая позиция объяснима. Ленин не раз сравнивал установление большевистской власти в России с завоеванием. Что же теперь представляет наибольшую опасность? Ясно, что сопротивление основного из завоеванных народов — русского. И политически логично опираться на антирусские тенденции, возбуждая их в других народах.

Например, в 1918 году было опубликовано подписанное Лениным и Сталиным обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Мыслимо ли было тогда такое обращение «к трудящимся православным»? В обращении к мусульманам говорилось, что их «мечети и молельни разрушались, верования и обычаи попирались царями и угнетателями России», хотя, например, исламское духовенство получало до революции материальную поддержку от русского правительства.

Я цитировал выше высокую оценку наркомнацем борьбы чеченцев и ингушей с «реакционным казачеством». В обращении Ленина «Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики» несколько раз повторяется призыв «не копировать нашу практику», «больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к местной буржуазии, интеллигенции и особенно крестьянам». Аналогичное постановление ЦК, подписанное Сталиным в связи с коллективизацией, было приведено выше. Та же идеология господствовала в исторических исследованиях и в преподавании русской истории. Это была концепция «проклятого прошлого». Руководящим историком России был Покровский. Он был так влиятелен, что его имя было присвоено Московскому университету (я сам поступил в «университет им. Покровского», но кончил «университет им. Ломоносова»). Книги его были полны какой-то иррациональной злобы против России,

даже вступавшей в противоречие с марксистскими взглядами. Например, для него Петр I был не личностью, а выразителем интересов «торгового капитала». Но он же, захлебываясь, утверждал, что Петр был и сифилитиком, и гомосексуалистом. Какие же интересы торгового капитала он таким странным образом отстаивал? Конечно, подобное же направление имела и официальная литература.

Начиная с середины 1930-х годов эта тенденция стала приглушаться указаниями сверху. Наоборот, были предприняты некоторые действия, имеющие целью стимулировать русские национальные чувства иди подчеркнуть преемственность с исторической Россией. Собственно, действий таких было немного, и я попробую их перечислить. При этом я упоминаю об изменениях, происшедших в жизни до войны, во время войны и после нее (может быть, какие-то я забыл, но это — основная их часть):

— указание прекратить очернение русской истории, осуждение «школы Покровского»;

— фильмы и книги исторического содержания о героических периодах русской истории;

— твердая «реабилитация» классической русской литературы — например, торжества по поводу 100-летия со дня смерти Пушкина;

— слово «родина» стало вполне безопасно произносить, оно приобрело положительный смысл;

— ослабление гонений на Православную Церковь, разрешение ей в 1943 г. (в ограниченных размерах) восстановить свою деятельность;

— восстановление прежних воинских званий, мундиров, погон. Восстановление похожей на дореволюционную школьной формы, раздельное, как до революции, обучение мальчиков и девочек;

— речи Сталина во время войны, где употреблялось слово «родина» (правда, обычно с прилагательным «социалистическая»), «наши великие предки — Суворов и Кутузов, Дмитрий Донской и Александр Невский»;

— тост Сталина «за здоровье русского народа»;

— выговор Демьяну Бедному за поставленную по его тексту оперетку «Богатыри», где он издевался над богатырями и князем Владимиром.

Этот список не включает каких-либо действий, связанных с основными факторами жизни, в основном эти изменения касались *внешности* в чистом виде (форма военных или школьников), иногда изменений языка официальных речей и статей (введение новых слов: «родина», «генерал», «патриот»). Иногда они притормаживали, смягчали ставшие вредными идеологические тенденции (например, в преподавании русской истории и литературы). Несомненно, все они несли «идеологическую нагрузку», были некоторыми «знаками». Вопрос заключается в том, свидетельствуют ли они о принципиальном изменении советского общества или касаются только некоторых внешних его сторон.

Самым принципиальным было изменение отношения к Православной Церкви, особенно если сопоставить его с иррациональной ненавистью, которая до того определяла политику власти в этой области (например, была объявлена «безбожная пятилетка» 1932—1937 годов и предполагалось, что к 1937 году «имя Бога не будет произноситься в нашей стране», а в реальности с 1935 по 1938 год число действующих православных храмов сократилось с 25 000 до 1277). Новые меры были предприняты лишь начиная с 1943 года и диктовались условиями войны. На оккупированной немцами территории были сняты ограничения с церковной жизни (Гитлер считал желательным распространение среди русских «любых суеверий»). Там было открыто около 10 тысяч храмов, ряд монастырей, крестились в большом числе взрослые, которых не крестили при рождении. При наступлении наших войск такая картина могла вызвать нежелательные настроения. Кроме того, в результате беспрерывных гонений Церковь была совершенно обескровлена и ни тени опасности для власти не представляла. Некоторое смягчение политики в отношении Церкви способствовало росту симпатий к СССР на Западе,

представительная деятельность Церкви за рубежом была целиком поставлена на службу официальной политике.

Впрочем, и позже были аресты священников, хотя и в меньших размерах. После открытия нескольких тысяч храмов, нескольких семинарий и духовных академий число их постепенно стали сокращать. Согласно докладу, представленному Сталину Советом по делам Русской православной церкви, к 1 октября 1949 года «изъято 1150 молитвенных зданий» (на бывшей оккупированной немцами территории). В 1948 году министр МГБ Абакумов подал Сталину докладную записку, в которой сообщается, что «церковники и сектанты значительно активизировали работу по охвату населения религиозным и враждебным влиянием». «В результате работы органов МГБ по выявлению и аресту антисоветского элемента среди церковников и сектантов за время с 1 января 1947 года по 1 июня 1948 года по Советскому Союзу за активную подрывную деятельность арестовано 1968 человек, из них православных церковников — 679 человек» (25).

Изменение отношения к русской истории и литературе было декларировано, но провести его в жизнь было труднее. Слой людей, писавших учебники и осуществлявших их издание, остался прежним, и их психология осталась той же. И до, и после войны учились по учебникам, где русская история состояла лишь из восстаний, вызванных бесчеловечным угнетением масс. Уже после войны я попытался представить себе впечатления ребенка, впервые знакомящегося с литературой в школе, а не дома. Первое стихотворение Пушкина, которое он узнает, — «Узник», Лермонтова — «Прощай, немытая Россия...», первое произведение Толстого — «После бала». То есть из первых (значит, самых сильных) впечатлений складывается облик России: тюрьма, страна рабов, порка солдат. Конечно, учитель не был обязан точно следовать учебнику, и многие преподавали историю и литературу иначе. Это и была половинчатость, характерная для той эпохи.

Самым ранним в этой цепи действий было письмо Сталина Демьяну Бедному (еще в 1930 году). Он упрекает Демьяна

за то, что тот изображает прошлое России как «сосуд мерзости и запустения», в то время как «революционеры всех стран с надеждой смотрят на СССР как на очаг освободительной борьбы трудящихся всего мира». Письмо интересно тем, что очень точно следует духу статьи Ленина «О национальной гордости великороссов», которая и цитируется. Предметом же «гордости» оказываются лишь люди и течения, способствовавшие разрушению российской государственности, — от Радищева до террористов 1870-х годов.

Мне не раз приходилось встречать как доказательство радикального изменения взглядов самого Сталина указание на то, что он много раз смотрел во МХАТе пьесу Булгакова «Дни Турбиных», где на сцене белые офицеры в золотых погонах изображаются вполне человечными. Тогда (до войны) эта пьеса была популярна (вероятно, по этой самой причине), и я ее видел. Я помню свое тогдашнее впечатление — тяжелое, горькое. С одной стороны, Турбины вызывали симпатию, несомненно, были людьми, любившими Россию, воевавшими за «единую неделимую». А с другой — они были так раздавлены совершившимся ее крушением, что готовы были прибиться к любой власти — хоть к гетману, хоть к большевикам. Я подумал тогда, что старому большевику вроде Сталина могло быть приятно видеть раздавленными и поверженными своих противников времен Гражданской войны. И вот оказывается, в письме к писателю Билль-Белоцерковскому Сталин выразил именно это отношение: «Если даже такие люди, как Турбины, вынуждены сложить оружие и покориться воле народа, признав свое дело окончательно проигранным, — значит, большевики непобедимы». То есть привлекала не традиция русской армии, погоны и мундиры, а то, что было показано поражение белых!

Достаточно, не поддаваясь воздействию пропаганды (а она, как будет показано ниже, обрушивалась на нас со всех сторон), реально вспомнить, о каких действиях шла речь, чтобы убедиться, что производились второстепенные, почти косметические изменения, никак не затрагивавшие основы

уже сложившегося тогда коммунистического строя. Это были скорее символические уступки русскому национальному чувству, необходимые, чтобы использовать его в войне (а после войны — в расчете на будущую войну).

Нет оснований представлять тогдашнюю политику как попытку какого-то руководящего слоя (или лично Сталина) хитро обмануть русских. Подъем жертвенного русского патриотизма постепенно становился силой, определяющей ход войны. Он оказывал давление на руководство, и оно, очень дозированно и осторожно, в чем-то ему уступало. То, как эта осторожная линия уступок определялась, видно по речам Сталина во время войны. Первая речь, по радио 3 июля 1941 года, выдержана строго в духе коммунистических стандартов, почти эпохи Гражданской войны. Враг «ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма». В духе строгого интернационализма упоминается угроза культуре и государственности народов, которых перечисляется двенадцать, и дальше еще стоит: «...и других».

Уже 6 ноября 1941 года появляется новый мотив: «Эти люди имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского» (впервые особо выделены русские). На параде 7 ноября 1941 года: «Пусть вдохновляет нас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского и Дмитрия Донского» — имена уж совсем не из коммунистического ряда (князья, Александр Невский — святой Православной Церкви). Однако потом: «Под знаменем Ленина — вперед, к победе». Все время сохраняются и прежние лозунги. Апелляция к «великому Ленину» — в приказах от 23.02.1942, 1.05.1942, 23.02.1943, 1.05.1943, 23.02.1945, к «большевистской партии» — 7.11.1942, 23.02.1943, 1.05.1943, 7.11.1943, 23.02.1944, 1.05.1944, 7.11.1944, 23.02.1945, 1.05.1945.

Наиболее ярким было выступление Сталина в связи с концом войны, 9 мая 1945 года: сжатое, лишенное штампов партийного языка. Говорится: «наша Родина» (без обычной прибавки «социалистическая»), «неисчислимые лишения и

страдания, пережитые нашим народом в ходе войны». Наконец, 24 мая 1945 года на приеме в Кремле Сталин провозгласил тост «за здоровье нашего советского народа, и прежде всего русского народа». Там русский народ был назван «наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза».

Собственно, это очень естественно, когда во время войны (или вообще в трудный момент) правительство апеллирует к патриотическим чувствам народа. Мы это видим и в наши дни: такие жесты, как праздник «Виват, Россия!» или открытие какого-нибудь монумента, очень дешево стоят: в буквальном смысле — стоят очень малых денег. А дать могут много. И такая мысль не была чужда большевистской традиции. К русскому патриотизму не раз апеллировали еще в трудные моменты Гражданской войны. Много фактов подобного рода приведено в книге М. Агурского (35). Например, в 1920 году во время польского наступления Стеклов (Нахамкес) писал в «Известиях»: «Народ, на который напали, начинает защищаться. Когда посягают на его святая святых, он начинает чувствовать, что в нем просыпается национальное сознание». Радек (Собельзон) считал одной из величайших заслуг Троцкого (Бронштейна), что «он сумел людям, пришедшим к нам из вражеского лагеря, внушить убеждение, что советское правительство борется за благо русского народа». Во времена советско-польской войны было опубликовано «обращение Брусилова», призывавшее бывших царских военных поддержать большевистскую власть ради блага России. Луначарский писал: «Сейчас сменовеховцы убедились, что советская конституция не противоречит «великодержавности». Троцкий в 1921 году: «Сменовеховцы пришли к выводу, что никто не может защитить единство русского народа и его независимость от внешнего насилия в данных исторических условиях, кроме советской власти»; «Особенно важно питать этими идеями военных». Виден несерьезный, внешний характер этих пропагандистских приемов. И люди-то как на подбор не русские (я нарочно указал их настоящие фамилии),

и говорят откровенно, что лишь стараются «внушить убеждение», будто борются «за благо русского народа». Развиваясь, эта традиция немного отшлифовала свой язык.

Как только война кончилась, даже и это, очень осторожное, попущение национальных русских чувств стало тормозиться. В 1945 году был основан влиятельный журнал «Вопросы истории», и передовая статья в его первом номере предостерегала против «искажений в наших исторических исследованиях», и в частности: «наклонности к великодержавному шовинизму», «положительной оценки политики царизма», «идеализации представителей правящих классов», «буржуазных взглядов на рост и распространение русского государства», «отказа от классового анализа исторических явлений». В другой статье в том же журнале продолжается список «искажений»: «Академик Тарле повторил ошибочное положение об оборонительном и справедливом характере Крымской войны»; «попытка оправдать войны Екатерины II тем, что Россия якобы стремилась к своим естественным границам... требования пересмотреть вопрос о жандармской роли России и о царской России как тюрьме народов... Понадобилось прямое вмешательство Центрального Комитета нашей партии, созыв им специального совещания историков, чтобы дать отпор этим ревизионистским идеям».

Единственная попытка хоть как-то претворить в жизнь декларации военного времени — хотя бы знаменитый сталинский тост и другие символические действия, — попытка, предпринятая целиком в рамках коммунистических структур и идеологии, закончилась арестами и расстрелами. Я имею в виду известное «ленинградское дело» 1949 года. Речь и шло всего о таких робких планах, как, например, план создать Российскую коммунистическую партию со своим ЦК в Ленинграде и перевести Совет Министров РСФСР в Ленинград. Но этим планам предшествовали некоторые действия ленинградских властей — такие, как возвращение многим улицам и площадям их старых названий (а иначе так и оставался бы Невский проспект проспектом 25 Октября, Литейный —

проспектом имени Володарского, а Владимирский — имени Нахимсона). Результатом было постановление Политбюро об «антипартийных действиях Кузнецова, Родионова и Попкова». (Вся эта драматическая история ярко изложена в работе С. С. Куняева. См.: «Наш современник». 1995, № 10.)

Аресты и расстрелы по «ленинградскому делу» параллельны таким же репрессиям по делу Еврейского антифашистского комитета. Последнее часто приводится как несомненное доказательство и самое яркое проявление сталинского антисемитизма. С тем же основанием «ленинградское дело» можно было бы считать примером сталинской русофобии. На самом деле в обоих случаях национальные чувства, использованные во время войны, должны были быть заторможены, когда война окончилась.

Весь этот сдвиг идеологии был не органическим изменением, а тактической мерой коммунистического строя, вынужденной Великой Отечественной войной. Такой же, как в свое время нэп, — это был «идеологический нэп». Действительно, я сам помню, как сначала резали слух эти слова: «офицер», «генерал», «Родина», как удивляли погоны и мундиры. Но, вероятно, не меньше в свое время при нэпе резали слух «акционерные общества», «тресты», «концессии». Ведь тогда была волна самоубийств среди коммунистов на почве «отхода от идеалов революции». На самом деле «идеологический нэп» оказался гораздо менее радикальным, чем «экономический нэп», — он всерьез не затронул ни одну из существенных сторон строя.

Концепция, что «со Сталина СССР стал возвращаться к националистической политике дореволюционной России», — по существу, западного происхождения. Ее, правда, высказывал раньше Троцкий (оказавшись тоже на Западе), но он был явно слишком пристрастен. Стандартной она стала в работах западных советологов. Это была идейная основа их понимания советской истории.

Я помню, что в 1970-е годы западные корреспонденты в Москве были этой идеей, как сейчас говорят, «зомбированы».

Их главный вопрос обычно был: «Согласны ли вы, что Советский Союз есть повторение дореволюционной России в другом облике?» И никакие попытки пробиться к фактическому обсуждению вопроса не помогали. Я обычно предлагал: «Давайте выясним, какую сторону жизни вы имеете в виду: государственное устройство, экономику деревни, экономику промышленности, положение религии, прессу и печать?» В ответ пожимали плечами и говорили: «Да, внешне, конечно, общего мало. Но (с надеждой) по существу?» И дальше сдвинуться было нельзя. Видимо, в самой простоте этой идеи («внешне все другое, а по существу — то же самое») есть нечто привлекательное и сопротивляющееся фактам. (Ну а кроме того, раскулачивание и Беломорканал как-то списываются на русскую национальную традицию — и это тоже привлекательно.)

Зачем нам сейчас об этом думать?

В нашем катастрофическом положении — когда реальным является гибель народа — стоит ли тратить силы на размышления об истории, о том, что все равно уже в прошлом? Мне кажется это необходимым, причем по нескольким причинам. Одна из них заключается в том, что из образов прошлого, из исторического материала создаются идеологические концепции, являющиеся орудиями современной идеологической борьбы и влияющие на наше будущее. Например, если внушить, что «русская душа — вечная раба», что Россия ничего не внесла в мировую цивилизацию, что у нее не было ни истории, ни литературы, что русские вечно угнетали другие народы, — одним словом, концепцию «проклятого прошлого» или «империи зла», то откуда возьмутся силы для защиты такой страны? Наоборот, ее разрушение покажется благим делом для всего человечества. Другой пример — течение, стремящееся стереть из народной памяти победу в Великой Отечественной войне и, если удастся, превратить ее в поражение.

Вот пример, более близкий к теме этой работы. В последнее время заметен резкий взлет интереса к личности Сталина.

О нем вышло много книг, напечатана масса статей, на демонстрациях видно много его портретов. Например, стала выходить серия «Русские судьбы», запланированная в тридцати томах. И первый том — это политическая биография Сталина, а том о Пушкине — где-то заметно позже. Причем этот новый прилив интереса к Сталину носит особую окраску. Сталин воспринимается не как коммунист, продолжатель идей Маркса и Ленина. Например, я не видел ни на одной демонстрации портрета Маркса, зато много портретов Сталина. В этом течении мысли Сталин воспринимается как русский патриот, продолжатель русской державной традиции. Мы имеем дело уже с некоторым явлением современности, отражающим какие-то современные социальные явления.

Из того, что изложено выше, казалось бы, видно, что восприятие Сталина как государственного деятеля русского патриотического направления никак не согласуется с фактами. Даже «национал-большевизмом» проводившуюся им политику нельзя назвать. Сталин мыслил и действовал строго в рамках марксистского коммунистического мировоззрения, усвоенного им в молодости. Совершенно оправдан был лозунг: «Сталин — это Ленин сегодня». Положение, что Сталин резко отошел от дореволюционного и непосредственно послереволюционного курса Ленина, столь же не обосновано фактически, как и многочисленные попытки доказать, что Ленин «извратил» или «исказил» Маркса, был скорее последователем Нечаева или Ткачева. Этот последний вопрос выходит за рамки настоящей работы, но можно привести множество аргументов, показывающих, что Ленин воспринял именно *центральное* ядро идеологии Маркса и сделал его своим орудием, при помощи которого «перевернул мир».

Как для Ленина не было более убедительного аргумента, чем цитата из Маркса, так и Сталин постоянно повторял, что он — «верный ученик великого Ленина» — и до войны, и во время войны, и после. Конечно, он руководствовался идеями Ленина в меняющихся условиях (как и Ленин — идеями Маркса). После войны широко был распространен слух, что

следующая война будет лет через десять-пятнадцать. Джилас в своих воспоминаниях утверждает, что слышал это от самого Сталина. Я слышал это от многих, имевших связи в высоких сферах (физиков-атомщиков, ракетчиков). Видимо, этот слух шел сверху. В случае успеха такая война вряд ли могла принести мировое господство, но обеспечивала бы господство над Европой. Так как тогда казалось, что Китай прочно включен в единый «социалистический лагерь», то вырисовывалась возможность создания единого коммунистического общества в размерах Евразии — наибольшее реально мыслимое приближение к идеалу мировой революции. На большее не мог рассчитывать и Ленин в период самых радужных революционных надежд 1919—1920 годов. Вероятно, это была мечта Сталина последних лет его жизни.

Да ведь Сталин оставил исчерпывающее свидетельство своей идеологии — последнее свое произведение, можно сказать, завещание: «Экономические проблемы социализма в СССР», написанное в год его смерти. Книга ясно характеризует идеологию и тип мышления Сталина. В ней — длиннейшие цитаты из Маркса, Энгельса, Ленина (одна цитата из Маркса длиной в две страницы). И не упоминается *ни один* другой экономист, хотя бы столь тогда знаменитый Кейнс (одно исключение — возражение давно забытому А. Богданову). Такое впечатление, что автор вообще не держал в руках работ экономистов, кроме «классиков». Зато марксизм молчаливо принимается как абсолютная истина: «мы, марксисты, исходим из известного марксистского положения...», «немарксистский — следовательно, глубоко ошибочный» и т. д.

Последовательно придерживаясь этих принципов, Сталин указывает на противоречие, существующее в современном ему социалистическом обществе СССР: это наличие денег и товарного производства. Он предвидел переход к «прямому продуктообмену». Какая странная картина! Выросла сложнейшая экономика, сам Сталин ежегодно утверждал бюджет, а в то же время планировал старое марксистское «отмирание денег». То есть он никогда не забывал идеологию своей мо-

лодости и «военного коммунизма». Даже колхозы, с его точки зрения, нарушали чистоту принципов социализма, «так как труд в колхозах, как и семена, — свой собственный».

> *«Когда вместо двух основных производственных секторов — государственного и колхозного — появится один всеобъемлющий производственный сектор с правом распоряжаться всей потребительской продукцией страны, товарное обращение с его «денежным хозяйством» исчезнет как ненужный элемент народного хозяйства».*

Совершенно так, как писали в 1920 году: «Наши дети, выросши, будут знакомы с деньгами уже только по воспоминаниям, а наши внуки узнают о них только по цветным картинкам в учебниках истории».

Этой марксистской идеологии Сталин и придерживался всю жизнь, лишь приспосабливаясь к новым фактам жизни (например, к войне). Был ли случай, когда Сталин поступил исходя из интересов русского народа, если его не заставляли это делать другие обстоятельства? Я таких случаев привести не могу. Но зато часто он поступался интересами русских. Например, во время войны в немецкой армии каждый солдат периодически получал отпуск — как откровенно признавал Гитлер, чтобы немецкий народ не сокращался. Сталин не мог не знать мер, принимаемых противоположной стороной, в других случаях их перенимал — но не в этом. (В начале войны это еще можно было объяснить отчаянным положением, но с 1943 года было ясно, что война выиграна, Сталин сам это говорил Жукову.) А в результате русские перенесли такой демографический удар, что в начале 1980-х годов в школах РСФСР училось приблизительно столько же детей, как и до войны. А в республиках Средней Азии — в 3—4 раза больше. И понятно: убиты во время войны были 1 русский из 16 и, например, 1 узбек из 36. Русские составляли около половины населения и 66% среди убитых (32). Но со своей точки зрения Сталин был прав:

после войны при коммунистическом строе стало жить гораздо большее число людей, чем до нее.

Примеров подобного рода много. Так, в 1936 году в связи с принятием новой конституции СССР и уже при полном всевластии Сталина была создана Казахская ССР, которой передали многие коренные русские земли и несколько миллионов русских жителей. Теперь их там жестоко притесняют. В 1945 году для поддержки коммунистического правительства Польши ей была передана большая территория в районе Белостока — Хелма, которую населяли два миллиона белорусов и украинцев (37). Теперь они подвергаются там свирепому ополячиванию и окатоличиванию. Сталин передал Порт-Артур Китаю и т. д.

Оценить роль государственного деятеля во время его жизни или вскоре после смерти — очень трудно. Здесь слишком влияют личные чувства (иногда субъективно совершенно оправданные). Объективной оценке роли Сталина очень помешал распространившийся было взгляд на него как на «мясника», «кровавого дебила». Конечно, Сталин был выдающимся политиком — об этом говорит хотя бы то, как он победил всех своих конкурентов в партии, а во время и после войны на новом для него дипломатическом поприще — западных политиков, даже таких выдающихся, как Рузвельт и Черчилль. Он умел ставить далекие цели, планировать их достижение и с колоссальными упорством и волей добивался успеха. Он хорошо знал людей (по крайней мере, некоторые их стороны), умел учиться (экономике, руководству войной). Он обладал колоссальной памятью и трудоспособностью. Черчилль писал, что среди современных ему политиков такой работоспособностью обладали только трое: он сам, Сталин и Гитлер.

Но вот и Гитлер был, конечно, выдающимся политиком (что признавал и Сталин). Главное для нас, не политиков, а обычных людей, — какие цели ставит себе политический деятель. Сталин же был политиком выдающимся, но не нашим, не русским (я здесь совсем не имею в виду его национальность). Целью его жизни было создание все большего социалистического государства на основах все более социалистических.

Для этого он, вероятно, сделал больше, чем кто-либо другой. А русский народ использовался при этом как средство.

Откуда же возник образ Сталина — русского патриотического вождя, столь мало согласующийся с его действиями? Из всех публикаций чувствуется, что он обращен не к прошлому, а к будущему. Это образ того вождя, о явлении которого мечтают. Пишут: «Новый Сталин нужен России», «Сталин грядет»...

Драматизм ситуации заключается не в том, что был создан образ Сталина, не соответствующий истории: какой-то искусственно созданный образ мог бы играть мобилизующую роль. Гораздо важнее, что появление такого деятеля, которого ждут и рисуют в образе Сталина, сейчас совершенно невозможно. Сталин мог проявить себя, только опираясь на партию того времени, поняв лучше других ее стимулы и возможности. Это были сотни тысяч отчаянных, волевых, диктаторски настроенных людей, готовых на жертвы и объединенных общим мировоззрением. Это были те, про кого Сталин говорил, что у 99 из 100 одна программа: «Бить кулака!»

Вот их дух (речь Рыкова на XV съезде):

> *«Товарищи! Товарищ Каменев окончил свою речь тем, что он не отделяет себя от тех оппозиционеров, которые сидят теперь в тюрьме. Я должен начать свою речь с того, что не отделяю себя от тех революционеров, которые некоторых оппозиционеров за их антипартийные и антисоветские действия посадили в тюрьму». (Бурные продолжительные аплодисменты. Крики «ура!». Делегаты встают.)*

Ободренный Рыков накаляет тон:

> *«...по «обстановке», которую оппозиция пыталась создать, сидят очень мало. Я думаю, что нельзя ручаться за то, что население тюрем [не] придется в ближайшее время несколько увеличить».*

Это, в свою очередь, приводит зал в еще больший восторг: бурные и продолжительные аплодисменты, крики «ура!», делегаты стоя приветствуют Рыкова, поют «Интернационал». Нам уже этих людей не понять: уж песни-то зачем петь по поводу того, что кого-то собираются посадить в тюрьму? Теперь такого слоя нет. Есть безжалостные и отчаянные люди — уголовники. Но их как слой в принципе объединить невозможно — они никогда не вылезут из своих «разборок». А без такого слоя никакой новый Сталин невозможен — он и был лишь продуктом их коллективной воли.

Часто обсуждают вопрос: был ли Сталин жесток, любил ли своих детей? Сталин, видимо, не присутствовал при казнях и пытках, как, например, Петр I. Но если верен рассказ о том, что Паукер, чтобы потешить Сталина, изображал перед ним, как Зиновьева вели на расстрел, то это свидетельствует об очень своеобразной психике. Да разве от этого что-то зависит? Гитлер был вегетарианцем, не пил алкоголя и любил свою собаку — многое ли это меняет? (Впрочем, не могу удержаться от одного замечания по этому, хотя и второстепенному, вопросу. Тонкое наблюдение принадлежит В. В. Кожинову: что русские иначе оценивают свою историю, чем Запад. Мы чувствительнее к совершенным у нас жестокостям. Например, русские в основном относятся к своей революции как к страшному, братоубийственному кровопролитию, а французы празднуют юбилей своей, устраивают парады и приемы. Иван Грозный был современником Генриха VIII, казнившего не меньше людей. Но в английской истории Генрих VIII остался «колоритной личностью», а в русской Иван Грозный — злодеем. Однако мы ведь русскими так до сих пор и остались. Может быть, в английской истории Сталин сохранился бы как «колоритная личность», а в русской памяти, думаю, останется злодеем.)

Весь новейший всплеск симпатий к Сталину имеет еще один печальный аспект. Это ожидание сурового, даже жестокого вождя, который нас спасет от надвигающейся гибели. При этом наши собственные усилия становятся излишними,

ненужными. Одна статья так описывает роль Сталина: «Он «выдирал» русский народ «из гнилого, омерзительного бытия, как выдергивают из болота тонущего — за волосы. Тот, кого спасают, кричит, захлебывается, проклинает спасителя». Тем самым нам внушается психология пассивности, устранения от простых собственных решений — от того, что сейчас нужнее всего. (Сам собой при этом возникает и взгляд на русскую историю как на «омерзительное бытие».) Глубокий характер этого явления подтверждается тем, что мечты о появлении такого вождя не обязательно связываются с коммунистическими симпатиями. А ведь кандидатов на роль вождя-спасителя, «сильных личностей» (оплачиваемых банкирами) — широкий выбор. Сейчас их время.

Кризис, переживаемый нашим народом, не может не порождать болезненных духовных явлений. Таковы, например, в нашем глубоком падении мечтания о том, что наша экономика сама собой «оздоровится», что нам помогут западные инвестиции или Международный валютный фонд... В том же ряду и мечты о вожде, который нас спасет одной своей волей и мудростью, без наших усилий. Это единая тенденция: в момент смертельной опасности вместо того, чтобы собрать последние силы для борьбы с ней, отдаться успокаивающей, расслабляющей мечте. Конечно, в каждом движении вождь нужен, но он порождается самим движением. Возникнет активный, жертвенный, борющийся за Россию слой, тогда-то и появится его вождь. Но не в обратном порядке!..

И по другой, даже более важной, причине обращение к истории актуально и злободневно. Ведь по-прежнему и коммунистическая, и русская национальная идея действуют в нашей жизни. Лозунги коммунизма сейчас привлекательны, как давно не были, благодаря тому падению всей жизни, которое совершилось после разрушения коммунистического строя, то есть стараниями не столько современных коммунистов, сколько их противников. Все то, что было достигнуто: бесплатное образование, бесплатная медицина, дешевые квартиры и лекарства, издания Пушкина миллионными

тиражами (и по доступным всем ценам), а под конец даже и Достоевского — все это представляется сейчас каким-то сказочным идеалом. И кажется естественным связывать это с осуществлением или, по крайней мере, с влиянием коммунистических принципов.

«После этого «не значит» вследствие этого», — говорит латинская пословица. Но, может быть, здесь мы имеем исключение — наш развал жизни является именно следствием того, что распался коммунистический строй, а не того, какие силы и как это осуществили? В такой мысли укрепляют и представители правящего сейчас слоя — средства информации, политики и оплачивающие их банкиры, постоянно заявляя, что именно коммунисты являются их главными противниками. Не приемлющие совершившегося распада жизни, естественно, отшатываются от его «архитекторов» к тем, кто представляется их противоположностью. И логика эта не связана лишь с озлобленными стариками, не умеющими «играть по новым правилам», как стараются представить это средства информации. Она будет действовать и дальше, захватывая новые поколения. Поэтому то, как будут сочетаться симпатии к коммунизму с национальным русским сознанием, — вопрос не только настоящего, но и нашего будущего.

Этот вопрос представляется мне следующим образом. Человеческое общество существует лишь благодаря тому, что оно создало язык. Но язык состоит не только из отдельных слов: иногда целые идеологические системы, научные теории, художественные произведения играют роль «слов» — имеют целью передать одно определенное чувство, одну мысль. И когда люди голосуют за коммунистическую партию, ходят на коммунистические демонстрации, употребляют термины или символы из эпохи коммунистического строя — это тоже язык, который следует понять. То есть надо понять, что они этим хотят выразить.

Мне кажется, что для большинства из 30 миллионов, голосующих за коммунистов или участвующих в коммунистических демонстрациях, это наиболее привычный для них

способ выразить свою верность стране, народу, исторической традиции России и неприятие происшедшего развала.

Для них красный флаг совсем не символ мировой революции, а знамя, под которым их отцы или они сами воевали. Ленин для них символизирует не идею диктатуры пролетариата — а государство, в котором они прожили всю жизнь. Сталин — не коллективизацию, а выигранную войну. То есть это как раз большая часть тех, кто отказывается принять то «главное, на чем стоит режим» (как это приведено в начале данной работы в формулировке С. Г. Кара-Мурзы): «Жить малыми радостями, когда народ умирает».

Но тогда возникает вопрос: почему же этот большой слой, группирующийся вокруг организованной партии, имеет такое слабое влияние на реальную жизнь? Неужели противники настолько умнее? Мне кажется, ответ в том, что, кроме того понимания нынешнего «коммунистического языка», которое было выше приведено, существует еще и другое — и это «разночтение» лишает силы все движение. О каком-то не выговоренном разногласии свидетельствует хотя бы такая деталь: в программе КПРФ утверждается, что партия основывается на «идеологии марксизма-ленинизма», — а портретов Маркса на коммунистических демонстрациях нет, как ветром сдуло. Не думаю, что большинство демонстрантов знает о странной, нутряной ненависти Маркса к русским (например: «... не в суровом героизме норманнской эпохи, а в кровавой трясине монгольского рабства зародилась Москва, и современная Россия является не чем иным, как преобразованной Московией»), — видимо, просто ощущается какая-то несовместимость.

В чем «идея» организации современных коммунистов — КПРФ? Что они хотят «загнать страну в концлагерь» — это неумная «пугалка». «Концлагерем» страна не была и при Брежневе. А современную КПРФ можно скорее обвинить в том, что она слишком комфортно чувствует себя в нынешней демократии, переходит на роль второй партии режима. (Сколько было их голосами утверждено премьеров и бюджетов, приведших к теперешнему обнищанию!) Уж в

прошлое-то они стремятся не больше Гайдара. Вполне вызывает доверие как искреннее выражение своей позиции формулировка Г. А. Зюганова на уже упоминавшемся «круглом столе» («Наш современник». 1997. № 11):

> *«КПСС погубили три фактора: монополия на собственность, монополия на власть, монополия на истину».*

Но не случайно здесь отсутствует еще один, как мне кажется, самый важный фактор: ненациональность, то есть, конкретно, «нерусскость» (в делах, а не на словах). Это погубило КПСС, губит и нынешнюю КПРФ и все примыкающее к ней движение. С течением времени партия, конечно, менялась. Особенно во время войны в нее вступали люди, привлекаемые совсем не традиционной марксистско-ленинской идеологией. Но сохранился — особенно в руководящем слое — как «генетическая память» исконный коммунистический «интернационализм». То есть интерес участвовать в какой-то мировой игре, где русские — только средство. Это передалось и верхушке современной КПРФ.

Типичным примером того, как коммунистические, уже послесталинские вожди откровенно пренебрегли интересами русского народа, была передача Украине Крыма в 1954 году. Это же сказалось и в экономической политике: вся страна (кроме богатого нефтью Азербайджана) дотировалась за счет РСФСР. В тяжелейшие годы войны были созданы Академии наук Казахстана, Узбекистана, Армении, Азербайджана, Татарский, Киргизский, Карело-Финский филиалы Академии наук СССР. В российских институтах готовилась национальная интеллигенция теперешних стран СНГ или республик Российской Федерации, которая сейчас часто с такой враждебностью относится к России. В РСФСР около 15% мест в крупнейших вузах отдавалось поступавшим вне конкурса учащимся других республик. В 1973 году на 100 научных работников имелось аспирантов: среди русских — 9,7 человека, белорусов — 13,4, туркмен — 26,2, киргизов — 23,8.

Русские и белорусы имели самый низкий процент лиц, обладающих ученой степенью. Таков же был и уровень жизни: в 1950-е годы доходы колхозников Узбекистана были в 9 раз выше, чем в РСФСР.

В идеологии постановление XXIV съезда КПСС (1971 год) декларировало: «Полное торжество социализма во всем мире неизбежно, и за это торжество мы будем бороться, не жалея сил» (чьих?). Тогда же «Правда» писала: «Да, Ленин родился в России, но российскую революцию он никогда не представлял себе иначе как составную часть и фактор мировой революции». Дух интернационализма был жив! Да и в речах тогдашних вождей ясной была полная отрешенность от исторической России, о «нашей стране» они говорили, только подразумевая: после 1917 года. Последнее такое заявление я помню от Горбачева. Еще будучи вторым человеком в партии (первым был Черненко), он поехал с визитом в Англию и на каком-то банкете напомнил, что «дипломатические отношения между нашими странами имеют долгую историю — они установились в 1924 году». Ну просто не мог он всерьез считать, что до революции у России и Англии не было дипломатических отношений! Очевидно, такова была сила идеологической традиции. (Впрочем, он-то легко выучивал новые слова и уже через несколько лет лепетал о «тысячелетней традиции» нашей страны.)

Было очевидно, что всякое соприкосновение с русской исторической традицией, попытка восстановления исторической памяти — болезненна для режима и вызывает ответный удар, обвинения в «патриархальщине», «антисоветизме», «идеализации старины», «отступлении от классовых критериев». Такие удары в свое время обрушились на В. В. Кожинова (за статью, где упоминалось «Слово о Законе и Благодати» Илариона Киевского), Ю. И. Селезнева (за книгу о Достоевском), Ю. М. Лощица (за книгу о Гончарове), М. П. Лобанова (за книгу об Островском), В. П. Астафьева и многих других. Удар начинался со статьи в «Коммунисте» или «Литературной газете» и реализовывался в запрете на публикацию, часто на многие годы.

С начала 1970-х годов тяга к национальным корням, к русской традиции стала пробивать себе дорогу и в официальных публикациях. Появился целый слой писателей, литературоведов, публицистов, пытавшихся осуществить эту тенденцию, не уходя в «подполье» или эмиграцию. После нападок на более низком уровне решительный удар со стороны партийного руководства был нанесен тогдашним руководителем Агитпропа А. Н. Яковлевым в статье «Против антиисторизма» («Литературная газета». 15 ноября 1972 г.). Автора беспокоило то, что, хотя Ленин уже предупреждал по поводу «патриархальщины», появились какие-то «проповедники теории «истоков», причем они ищут эти истоки «именно в деревне»... Если говорить точнее, то речь идет даже не о старой деревне, а о «справном мужике»... И с вершин Агитпропа напоминается: «...то, что его жизнь, его уклад порушили вместе с милыми его сердцу святынями в революционные годы, так это не от злого умысла или невежества, а сознательно». «А «справного мужика» надо было порушить. Такая уж она неуемная сила, революция». Но ведь статья на самом деле ставит принципиальный вопрос! Она предлагает всем критикуемым авторам открыто ответить на главный вопрос: надо ли было «порушить справного мужика»? Конечно, тогда это был скользкий прием: открыто заявить о своем сочувствии раскулаченным мужикам оппонентам Яковлева было слишком опасно.

Но вопрос не потерял актуальности и до сих пор (и, может быть, долго не потеряет). Теперь-то каждый может на него ответить. Если признать, что раскрестьянивание было необходимо — хотя бы, предположим, чтобы выиграть войну или построить мощную державу, создать паритет в гонке вооружений, — то прав оказывается Яковлев: «справный мужик» и должен был быть «порушен». Тогда надо извиниться перед ним за то, что его статья во всех русских кругах 27 лет считалась эталоном антипатриотизма. Или надо признать, что путь, предполагающий уничтожение сословия, которое составляет $^4/_5$ населения, недопустим, его нельзя и обсуждать (как не обсуждаем мы, например, экономических преимуществ умерщ-

вления всех стариков старше 60 лет), а необходимо сосредоточить все силы на поиске другого пути. Ведь если признать, что «исторически целесообразно» было уничтожить русское крестьянство, то почему не может оказаться, что «целесообразно» уничтожить и весь русский народ? (Разумеется, речь идет об уничтожении крестьянства *как сословия* земледельцев, свободно распоряжающихся своим трудом. Физически было уничтожено лишь несколько миллионов их. Но ведь так и Гитлер планировал поступить с русским народом.)

Было и другое направление русской литературы и публицистики, игнорировавшее партийную цензуру. За это расплачивались жестче: в лагерь пошли В. Н. Осипов, Л. И. Бородин... И так до самого конца: в записке, поданной Андроповым в ЦК КПСС в 1981 году, говорилось: «В последнее время в Москве и ряде других городов страны появилась новая тенденция в настроениях некоторой части научной и творческой интеллигенции, именующей себя «русистами». Под лозунгом защиты русских национальных традиций они, по существу, занимаются активной антисоветской деятельностью. Указанная деятельность имеет место в иной, более важной среде, нежели потерпевшие разгром и дискредитировавшие себя в глазах общественного мнения так называемые «правозащитники». Изучение обстановки среди «русистов» показывает, что круг их сторонников расширяется и, несмотря на неоднородность, обретает организационную форму. В связи с изложенным представляется необходимым пресечь указанные враждебные проявления...» (37)

Вот это равнодушие к судьбе русских, холодную настороженность к попыткам отстоять их интересы и унаследовала современная коммунистическая элита. Конечно, не на словах — сейчас уже все поняли, что патриотические слова прибавляют голоса на выборах, поэтому на словах все патриоты. Но как на деле? Вспомним начало войны в Чечне. Пресса коммунистической ориентации, сама КПРФ заняла в точности ленинско-власовскую позицию: «Мы ненавидим этот режим и будем бороться против войны, которую он ведет». А ведь

в тот момент в Чечне уже три года шла чудовищная этническая чистка: сгон русского населения, грабежи, изнасилования, массовые убийства. Военные действия могли бы ее остановить, да хоть освободить русских рабов! Но какова была реакция прокоммунистической прессы? Одна газета напечатала статью самого Дудаева, другая — карикатуру, где неуклюжий, громадный русский солдат наступает на маленького чеченца и тащит за собой царя. Съезд КПРФ потребовал «немедленного прекращения военных действий». И сейчас все обвинения в адрес Ельцина — не в допущенном сгоне практически всего русского населения (полмиллиона!), не в том, что оказались напрасными все принесенные жертвы, — а в «войне». Надо было «не воевать»! (Правда, через некоторое время это пораженческое настроение сошло на нет: слишком зазорно было разделять позицию течения, возглавляемого Ковалевым.)

Дума — а решают коммунистические голоса — объявляет недействительными Беловежские соглашения. Но всем ясно, что это ее решение есть просто декларация. А вот ратификация договора России с Украиной, легализующего границы, созданные этими соглашениями, — всецело в компетенции Думы. Тут она голосует «за». И решение опять зависит от коммунистических голосов, приходится даже С. Н. Бабурина, зам. председателя Думы, курирующего отношения со странами СНГ, заменить членом фракции КПРФ: Бабурин слишком громко возражал против договора. Уверяют, что это делается ради «дружбы с Украиной». Но голоса народа мы не слышим, а хочет ли теперешнее правительство Украины с нами «дружить»? Оно ничем этого не проявило. Сейчас их президент участвует в праздновании 50-летия НАТО, они проводят совместные маневры с НАТО. Да и договор снимает последние препятствия к вступлению Украины в НАТО (у нее теперь нет территориальных споров с другими государствами). Может быть, речь идет о «дружбе» компартий РФ и Украины? А ради этого окончательно отдаются Крым и Севастополь, рушится вся оборона России на Юге. Да наконец, в Крыму живут два миллиона русских,

отчаянно борющихся за свое единство с Россией. Кто дал право распоряжаться их судьбами, будто это чьи-то крепостные? Эта вторая «передача Крыма» куда вредоноснее, чем первая, хрущевская: тогда «передача» была в пределах одного государства, а сейчас — другой, очень мало дружественной стране. И, кроме того, речь идет не только о жителях Крыма, но и о 12 миллионах русских, живущих на Украине: в Донбассе, Причерноморье... Их судьбу договор ничем не облегчает. Если уж такой акт, предающий русские интересы, стал возможен, то чего же ждать в будущем?

Поговорим и о будущем. Антирусские силы клеймят любое проявление русских национальных чувств «фашизмом» либо «антисемитизмом». И постоянно требуют принятия закона против «фашизма» — «антисемитизма», который, вне всякого сомнения, будут использовать как оружие против отстаивания любых русских интересов. Естественно было бы, предвидя это, внести (а если удастся, то и принять) закон «против русофобии» или «против оскорбления русского народа». Но тут левая часть Думы молчит. И понятно: ее верхний слой уже вошел в мировую элиту, ездит в Страсбург заседать в Совете Европы — а там на это посмотрят неодобрительно. Картина яростного противоборства, когда одни требуют запрета противной партии, а другие грозятся «вывести народ на улицу», выгодна обеим сторонам, но надо признать, что партии или движения, принципиально противостоящих установившемуся режиму, сейчас нет.

В современной коммунистической прессе можно встретить восторги по поводу вступления России в Совет Европы и речь лидера КПРФ о том, что это событие «пойдет нашей стране на пользу, поднимет ее авторитет в мире». И описание сотрудничества Ленина с таким гуманным бизнесменом — Хаммером. Или статью, где обсуждается возможность избрать президентом России Басаева: «Тебя, Шамиль, готового за свой народ на все», так как-де у нас во власти есть субъекты и похуже (повторяя старую пораженческую большевистскую позицию!). Или празднование 100-летия замечательного ре-

волюционного поэта Багрицкого. Ведь самое его страшное стихотворение «Февраль» никак не сводится к тому, что еврей-революционер изнасиловал русскую: это его гордое понимание смысла революции (см. об этом в статьях К. Г. Мяло). Или статьи против владыки Иоанна Санкт-Петербургского с оправданием гонений на священников и верующих. Когда после этого в коммунистической газете встречаешь заявление, что коммунист сейчас — это, собственно говоря, синоним патриота, то остается только развести руками.

Конечно, в наше время любая оппозиция, даже дышащая марксистским духом, все равно чем-то полезна. Она что-то затормозила, процесс распада шел чуть-чуть медленнее. Но не ей под силу титаническая задача поднять Россию на ноги.

Как мне кажется, произойдет одно из двух: либо «язык» коммунистических понятий и символов будет заменен и осознан как требование социальной справедливости, стремление возродить великую страну, а марксистская «нерусскость» — как тенденция слоя, чуждого основной части народа (ничем не лучшего в этом смысле, чем «новые русские»), — это и был бы конец эпохи революции и Гражданской войны, тогда можно будет сказать, что «Россия переварила коммунизм» (по выражению В. Г. Распутина); либо русские надолго останутся расколотыми, большая их часть останется в стороне от борьбы за Россию.

Конечно, надежду сулит только первый выход. Россия находится в худшем положении, чем просто страна, потерпевшая поражение. Штамп «мессианства», гордыни избранничества, который любят клеить России, начисто выдуман. Но Россия всю свою историю опиралась на чувство, что она «сама по себе», не является ничьей копией, идет своим путем. То, что такие страны существуют (на единственность Россия никогда не претендовала), — надежда для мира. У человечества всегда должно быть несколько запасных вариантов. Истребительная и непонятная народу война 1914 года, революция, Гражданская война, коллективизация, раскулачивание, раскрестьянивание — не дали реализоваться тому собственному пути,

который вырабатывался Россией. Сейчас происходит лишь юридическое оформление этой потери независимости.

Но путь Запада — тупиковый, это сейчас многие видят. Он основан на принципиальном отрицании того, что человек — часть Природы. Он строит жизнь на принципах техники, отличных и даже враждебных основным принципам Природы. Природа гибнет, и рано или поздно дело дойдет и до человека — ее неотделимой части. Человечество должно создать образ жизни в единстве с космосом, а не в противостоянии ему. Органически близкая к космосу часть человечества — это крестьянство. Поэтому, вероятно, будущее зависит от способности людей восстановить тип жизни, в котором крестьянство играло бы достойную роль: «аграрно-индустриальный», как говорил Кондратьев. Россия имеет колоссальный и уникальный опыт именно в этом направлении. Существовавшие некогда возможности были упущены — до революции, в 1920-е годы. Теперь мы должны решать ту же задачу в неизмеримо более сложных условиях. Но зато у нас есть опыт и целый океан выработанных идей. Конечно, в буквальном смысле концепцию Чаянова не применить: страна совершенно другая, чем та, где $^{4}/_{5}$ населения были крестьяне. Но такие колоссальные концепции, как и рукописи, «не горят» — они дают парадигму своего индивидуального жизненного пути. Ведь мы — тот же самый народ, который выработал этот совершенно своеобразный, уникальный путь развития, пригодный для большой части человечества. В нас течет та же самая кровь (или, более по-ученому, у нас те же гены), сохранились культурные, духовные традиции. Из моря идей, созданных в России от Менделеева до Чаянова, мы можем черпать и сейчас. Почему же нам не удастся в теперешних условиях разработать план этого «третьего пути», которого все сейчас ждут? А сейчас, непосредственно, дело даже не за ним, но за первыми мерами, которые позволили бы народу хоть подняться на ноги.

А они более-менее ясны всем. Кто сомневается в том, что необходимо прекратить воровство в общенациональном

масштабе и судить главных воров; что нужно остановить выкачку последних ценностей из разграбленной страны; что нужно всеми оставшимися силами противостоять хищнику, пытающемуся поработить весь мир? Нужна власть, которая на деле показала бы, что она народу — *не враг,* что ее главный интерес — не снабжение Запада дешевым газом и нефтью, не тщательная охрана американского посольства в Москве, не заседания в Совете Европы, не квартиры в Москве и особняки под Москвой — а обеспечение народу хоть самого скромного прожиточного уровня и *надежды* на устойчивую жизнь. И для *этого* сейчас никаких открытий не нужно. Нужны самая обычная честность и (это, вероятно, нужнее всего) *политическая воля.* Она же дается широкой народной поддержкой, доверием. Мы видим это на примере президента Лукашенко, который твердо держится вопреки всем политическим расчетам: против него и правительства Запада, и Международный валютный фонд, и СМИ всего мира... А чтобы была народная поддержка, нужен народ, ощущающий себя единым организмом.

Тут моя работа возвращается к своему началу (точнее, к главе «Нация»). «Национальная идея» одна только и может стать главной движущей силой жизни. Рискну выговорить и самое крамольное слово: речь идет *о русской* национальной идее. Все народы России, только сплотившись вокруг русского народа, имеют шанс выжить, иначе — кто разделит судьбу банановых (теперь, скорее, кокаиновых) республик Латинской Америки, кто отойдет к Турции (на положении курдов), кто — к Китаю (на положении Тибета) — и уж без всяких парламентов, без интеллигенции, обучающейся в институтах Москвы. Сила национального единения и есть тот единственный ресурс, способный дать энергию для рывка, который положит конец нашему «смутному времени». Да, сейчас нет политической силы, способной реализовать русскую национальную идею, есть только попытки на ней спекулировать. Но так и каждый человек решает стоящую перед ним задачу — многими попытками, отбрасывая негодные варианты. У нас ушло

мучительно много времени на эти поиски — но ведь и задача-то грандиозная: в ней скрестились противоречия, которыми уже веками болеет человечество.

Социализм или капитализм?

Сейчас мне кажется гораздо более очевидным тот вывод, который я формулировал два года назад: противопоставление капитализма и социализма как альтернативных путей развития России — нежизненно, абстрактно. Это не противоположности, а две формы единой технологической цивилизации. И не случайно пятиконечная звезда использовалась как символ коммунизма и одновременно начертана на государственном флаге США. Обе формы связаны с массовым уничтожением и ограблением деревни, колоссальной концентрацией людей в городах, вытеснением человека техникой во все большем числе областей жизни и губительным экологическим кризисом. Оба понятия очень расплывчаты и имеют много сильно различающихся вариантов: коммунистический советский социализм, немецкий национал-социализм, камбоджийский, югославский социализм... С другой стороны — капитализм США, Южной Африки, Латинской Америки... А Швецию — вообще куда отнести?

Концепция капитализма и социализма как двух «общественных формаций», из которых вторая уничтожает и сменяет первую, — марксистская догма, не выдержавшая сравнения с действительностью, подобно всем таким догмам. По «Коммунистическому манифесту», капитализм создает необходимые предпосылки социализма, «производит своих собственных могильщиков» — пролетариат. Тот совершает революцию и «при помощи деспотического вмешательства в право собственности» устанавливает социалистический строй. В нашей стране, по крайней мере, все было наоборот. Социа-

лизм истреблял те жизненные силы, которые способствовали сохранению традиционного уклада жизни, мешали полному ее подчинению капиталистическому духу: крестьянское хозяйство и деревенскую жизнь, религию, чувство русского патриотизма. Социализм породил и «своих собственных могильщиков» — криминализированную партийную номенклатуру, она совершила революцию и теперь «при помощи деспотического вмешательства в право собственности» строит новую формацию, полностью подчиненную духу капитализма.

Конечно, во множестве вариантов социалистических государств, существующих сейчас или существовавших ранее, есть нечто общее, некая «квинтэссенция социализма». Именно она проявлялась некогда в мечтах о всемирной пролетарской революции, идее диктатуры пролетариата. Тогда это была мощная движущая сила жизни. Но у нас-то сейчас об этом уже все позабыли. Пытаясь примерить концепции капитализма и социализма к нашей реальности, мы видим, что они не помогают ориентироваться в жизни. Например, сейчас в пору обсуждать введение карточек на многие продукты. Но какая это была бы мера: капиталистическая или социалистическая? Ведь во время войны карточки были и в СССР, и в Англии! Реальное, глубинное разделение нашего общества проходит по совершенно другой линии: по отношению к России, ее индивидуальному лицу, исторической традиции. Являются ли они первичными ценностями, за которые прежде всего надо бороться, или могут быть объектом экономических и политических экспериментов, даже с риском летального исхода? А здесь противопоставление капитализма социализму никак не помогает: Россию одинаково приносили в жертву как интересам мировой революции, так и интересам «мирового экономического сообщества».

Но вот парадокс! Это, казалось, бы схоластическое противопоставление капитализма социализму вызывает колоссальный накал страстей.

Так, один автор пишет: «Все сторонники капитализма в России (...) предатели и враги простого русского советского

человека» («Правда», 22 декабря 1993 г.). Итак, в патриотическом движении появились уже свои «враги народа» и разыскивающий их НКВД. Другой же автор по поводу публикаций первого говорит: «Все это, в сущности, одна шайка, грызущаяся внутри себя за власть, но всегда готовая объединиться против того, кто посягнет на их общую основу — советчину». И добавляет: «Ни в одной своей статье, ни единым словом не одобрил я Совдепию» («Наша страна», 23 октября и 20 ноября 1993 г.). Хотя, например, весь мир, кроме автора, «одобрял Совдепию» за превосходную систему образования.

Видимо, проблема выбора между социализмом и капитализмом, нежизненная и надуманная в области реальной политики, вызывает очень реальные и острые переживания в области идеологии.

Как мне кажется, причина этого болезненного раскола в том, что термины вроде «капитализм», «социализм», «социалистический выбор и свобода» не определены хоть сколько-нибудь четко, не очерчен круг выражаемых ими понятий и эмоций. Это знаки, символы — целый язык, воспринятый неосознанно. Часто легче пересмотреть серьезную идеологическую концепцию, чем отучиться от такого «языка». А «язык» стал уже не соответствовать описываемым им сущностям. Мы сталкиваемся почти с недоразумением, но имеющим глубокие исторические корни и очень болезненным.

Я буду говорить здесь о тех, для кого основной болью сейчас является вопрос о судьбе России — быть ей или не быть? Это те, кто в общественной жизни составляет «патриотическое движение». И попытаюсь реконструировать, что же выражают входящие в него «коммунисты» и «антикоммунисты» своими лозунгами.

Для «коммуниста» слова «социалистический выбор» сегодня отнюдь не означают диктатуру пролетариата, «нарастание классовой борьбы» или стремление к мировой революции. Он выражает ими идею социальной справедливости, минимальной социальной защищенности для всех, провозглашение справедливости хотя бы как идеала, который если

и не достигается в жизни, то хоть не попирается слишком нагло. Если он несет на демонстрации портрет Ленина, то из этого не следует, что он Ленина хоть когда-то читал и с ним согласен. Это символ. Ленин для него — основатель государства, в котором он прожил всю свою жизнь, вне которого не мыслил своего существования и из которого оказался вышвырнутым. Поэтому любые нападки на Ленина ранят его. Многое, что творилось под властью Ленина, претит его душе, но, защищая свой символ, он старается свалить это на Троцкого и «троцкизм». Красный флаг напоминает ему не баррикады революции, а жертвы войны. А еще все эти символы выражают его протест против улюлюканья и гоготанья средств массовой информации, пытающихся изобразить всю ту жизнь, которую прожил он (а может быть, и его родители), как скотское состояние, лишенное человеческих признаков. (Да еще когда проповедники этих концепций — сплошь штатные пропагандисты той эпохи.)

Для «антикоммуниста» же социалистическая терминология ассоциируется с предательством в Первой мировой войне (ставка на поражение своего правительства, деньги от немцев), с уничтожением свободного русского крестьянства — ядра русской нации, предательством своих военнопленных во Второй мировой войне («У нас нет военнопленных, есть только предатели»), лагерями за колоски с уже убранного поля, запустением русской деревни, с 1970-х годов — талонами на продукты, автобусами из подмосковных городов за продуктами в Москву, быстрым ростом детской смертности и алкоголизма, цензурой и постоянным притеснением Церкви.

У «коммуниста» мне хотелось бы узнать, что он конкретно понимает под социализмом? Включает ли это понятие единую, обязательную идеологию? Монополию государства как единого предпринимателя-собственника? Связывается ли «коммунизм» с «марксизмом»? Например, программа крупнейшей коммунистической партии — КПРФ — содержит ссылку на «марксистско-ленинскую идеологию». Надо ли это понимать как принятие основных

принципов марксизма? Каково отношение к основоположному документу марксизма «Коммунистическому манифесту» и одному из основных его заявлений: «Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности»? Как это согласовать с тезисом о многоукладной экономике? Каково отношение к учению Маркса о диктатуре пролетариата (которое в известном письме к Ведемейеру он называл своим основным вкладом в теорию)? А если отбросить указанные элементы, то что останется от марксизма, кроме «гнилого реформизма», вызывавшего у Маркса столько презрения и злобы?

Для всех, кто готов сотрудничать с людьми коммунистических взглядов и с коммунистическими движениями, важно уяснить себе их отношение к ленинской тактике в вопросе такого сотрудничества. Например, к тезису «Независимость профсоюзов — контрреволюционная проделка» и к призыву «пойти на всякие уловки, хитрости, нелегальные приемы (?), умолчания, сокрытия правды, лишь бы проникнуть в профсоюзы». Или: «Участие в буржуазно-демократическом парламенте не только не вредит революционному пролетариату, а облегчает возможности доказать остальным классам, почему такие парламенты заслуживают разгона, облегчают успех их разгона». Как пример очень успешного применения этих принципов Ленин приводит «разгон Учредилки 5/1 1918». Ответить на эти и многие подобные вопросы необходимо самим сторонникам социалистических и коммунистических взглядов — это сделает их жизненную позицию более цельной и последовательной. И задавать их следует не сверху вниз, посмеиваясь над противоречивостью их убеждений, а обращаясь к ним (имея в виду тех, кто принадлежит к патриотическому направлению) как к союзникам, которым хотелось бы помочь и чьи взгляды необходимо понимать, чтобы с ними сотрудничать.

В свою очередь, обращаясь к «антикоммунисту», я хотел бы спросить у него: какую цену он считает не слишком высокой за победу над коммунизмом? В конце концов,

и Гитлер был последовательный антикоммунист — его победа привела бы к самому радикальному искоренению коммунизма. Антикоммунистом был и начальник штаба США генерал Тейлор, который, выйдя в отставку, заявил (в США крупным военным запрещено делать политические заявления, пока они находятся на действительной службе), что следует подвергнуть атомной бомбардировке районы, особенно густо заселенные русскими, тогда остальная страна развалится сама собой. После Второй мировой войны на Западе существовало течение яростной антикоммунистической эмиграции, обращавшееся к правительству США с призывом: «Атомной по Москве!» Но ведь то, что сейчас грозит России, по своим последствиям сопоставимо с планами Гитлера или генерала Тейлора. Когда на одну чашу весов положено уничтожение России, а на другую — полное и окончательное искоренение коммунизма, что для него («антикоммуниста») перевесит? Глядя с более высокой точки зрения: является ли коммунизм единственным проявлением зла на земле? И даже: является ли он сейчас самым крайним его проявлением?

Люди разных взглядов в любом случае могут сотрудничать в патриотическом движении: боролись же вместе католики, коммунисты и голлисты во французском движении Сопротивления. Но мне кажется, что ответы на вопросы, подобные сформулированным выше, очень очистили бы и прояснили атмосферу внутри патриотического движения. Это создало бы предпосылку для дружественного сотрудничества в основной стоящей перед нами задаче: спасти Россию от катастрофы, в которую она катится, и найти то сочетание элементов хозяйственной жизни, которое создаст уклад, соответствующий ее национальному духу и историческим традициям, обеспечит ее стабильное существование. Я уверен, что этот уклад будет включать широкую (хотя и не безграничную) свободу частной инициативы, уравновешенную политикой социальной справедливости, обеспеченной сильным государством.

Была ли «перестройка» акцией ЦРУ?

Где искать причину катастрофы?

Падение России, распад Советского Союза и катастрофа, все сильнее сотрясающая страны-осколки, — экономическая, социальная, духовная, — за последние 10 лет мы были свидетелями драмы, равную которой трудно найти в истории. И нет оснований думать, что мы уже докатились до дна, — скорее всего нас и наших детей ждут еще новые и новые испытания. Понять причины и смысл того, что произошло с нашей страной, — это будет, вероятно, надолго центральным вопросом русской мысли. Более того, без осмысления произошедшей катастрофы мы, я думаю, не сможем отыскать и выхода из нее.

Трудность этого вопроса соизмерима с его важностью. Уже сейчас на него предложено много ответов, высказано множество соображений. Мне кажется, что такая степень понимания, которая будет способна дать точку опоры для мировоззрения будущих поколений, может быть достигнута прежде всего в результате каждодневного опыта всего народа и лишь в результате многочисленных исследований и трудов: политических, социологических, экономических, художественных, как охватывающих весь этот исторический переворот, так и рассматривающих отдельные его аспекты. Настоящая работа посвящена обсуждению одного частного вопроса — впрочем, такого, ответ на который определяет подход к рассмотрению проблемы в целом.

Речь идет об обсуждении концепции, схематичную формулировку которой я взял в качестве заглавия работы. Более подробно — это точка зрения, согласно которой акт разрушения России, часто называемый «перестройкой», был результатом тайного действия сил, внешних по отношению к нашей

стране: разведок, иностранных правительственных структур, «миллиардов ЦРУ», может быть, даже Трехсторонней комиссии и т. д. А осуществлялось это действие по программам, разработанным «советологическими центрами» согласно стратегии «психологической войны», их засланными или завербованными «агентами влияния».

Здесь необходимо одно уточнение. То, что влияние разведок, агентов иностранных правительств, «советологических центров» и т. д. *имело место,* — вряд ли может вызвать сомнение. Конечно, ЦРУ, например, заранее разрабатывало планы на *случай* возникновения в СССР того или иного кризиса (как и КГБ, безусловно, имело планы на случай возникновения в США расовых беспорядков, глубокого экономического кризиса и т. д.). Странно было бы, если бы западные разведки и правительства не пытались влиять на течение событий в нашей стране. Не раз убедительно указывались и конкретные лица, в которых можно увидеть западных «агентов влияния». Речь идет о том, были ли подобные внешние воздействия *основной причиной* произошедшего кризиса или они являлись *второстепенными* факторами, способствовавшими его углублению.

Идея о целенаправленном внешнем влиянии, об агентах, внедрявшихся в партийный аппарат, десятилетиями продвигавшихся вплоть до самых его верхов, а потом внезапно его разрушивших, очень соблазнительна. Она согласуется с катастрофическим, внезапным (в исторических масштабах) характером произошедшего переворота. Именно так проявился бы тщательно подготовленный заговор. Но ведь и лавина в горах обрушивается внезапно — а разве это результат заговора? С другой стороны, можно представить себе и существование заговора — в каком-то смысле этого слова, — но чисто внутреннего характера. Мне кажется, что предположение, будто какая-то интрига Запада явилась основной причиной российской катастрофы, противоречит слишком многим фактам и самой логике истории. Далее излагаются аргументы, подтверждающие эту точку зрения.

Несоответствие масштабов

Первый аргумент носит общий характер — он опирается не на конкретные факты, но апеллирует к логике исторического процесса. А именно: как мне кажется, существует разительное несоответствие в *масштабах* рассматриваемого явления и предлагаемого его объяснения. Разразившийся в нашей стране кризис разрушил тысячу лет создававшуюся державу Россию — СССР и грозит существованию того осколка, который теперь называется Россией. В любом случае его последствия будут сказываться еще столетия. Он кардинально изменил ситуацию во всем мире. По всем признакам это крупнейшее *всемирно-историческое* событие, объяснить которое запланированными внешними воздействиями несоизмеримо мелко. Сторонники материалистического мировоззрения стремятся объяснить решающие повороты истории развитием производства, столкновением интересов сословий или классов. Другие историки видят причины духовного характера: религия, национальное самосознание народа. Но так или иначе, радикальные изменения в ходе истории объясняются действием фундаментальных исторических сил. А «агенты влияния» ЦРУ или госдепартамента такими силами не являются, хотя могут быть их инструментами.

Наши «агенты влияния» на Западе

Второй аргумент, наоборот, апеллирует к большому фактическому материалу (и поэтому его изложение займет гораздо больше места). Речь идет об очень простом логическом заключении: если мы считаем, что «агенты влияния» и другие внешние воздействия способны вызвать крушение великой державы — СССР и всего коммунистического мира, то надо признать, что такую же эффективность это оружие имело и в руках Советского Союза. Если же вспомнить известные по этому поводу факты, то будет ясно, что воздействие Совет-

ского Союза на западный мир было несравненно сильнее, чем обратное влияние, с Запада на Восток, — так что если бы судьба борьбы социалистического и капиталистического лагеря определялась «агентами влияния» (даже в самом широком смысле) и техникой «психологической войны», то сейчас в развалинах должен был бы лежать не социалистический, а капиталистический мир. Некоторые из этих фактов стали известны сравнительно недавно благодаря распаду структур, охранявших государственные тайны в СССР. Но большая часть была хорошо известна и раньше, только драматические события последнего десятилетия вытеснили их из памяти.

Я просил бы читателя на время отвлечься от своих политических симпатий и антипатий, не исходить из того, действовали ли определенные личности и течения на пользу нашей страны или во вред ей. Мы пытаемся оценить эффективность некоторого особого оружия: «агентов влияния», «психологической войны» и т. д. Мы как бы присутствуем на всемирном полигоне, где это оружие испытывается. А эффективность оружия не зависит от того, какой стороной конфликта оно используется.

Я сознательно напомнил здесь лишь одну сторону ситуации, так как другая — агрессивное давление США и Запада на остальной мир — сейчас все время перед глазами и ее-то нет опасности забыть. США — страна, содержащая самую большую армию за своей границей (более полумиллиона), осуществившая с 1946 по 1975 год 215 военных вторжений, — конечно, использовали все свои возможности для борьбы с СССР и коммунистическим лагерем. Цель дальнейшего — напомнить, что этому давлению долго противостояло не меньшее и часто более успешное давление. Фактов, иллюстрирующих такую мысль, существует очень много — я приведу лишь несколько самых ярких.

В Англии в 1930-е годы среди молодежи были широко распространены левые настроения: враждебность к существовавшему в стране строю и симпатии к СССР. Особенно широко эти настроения были представлены среди студентов

элитарных университетов: Оксфордского и Кембриджского. Члены коммунистических ячеек и «попутчики», сочувствующие коммунизму, легко входили в контакт с советской разведкой. Так, в 1930-е годы в Кембридже были завербованы Гарольд Рассел, Ким Филби, Дэвид Мак-Лейн, Гэй Берджес, Энтони Блент, Джон Кэйркросс. Впоследствии они заняли высокие посты в МИД, разведке и других правительственных органах. Они не только передавали ценную информацию НКВД, но и обрабатывали информацию, которая поступала в английские правительственные органы.

Так, во время войны правительство информировалось о том, что в Югославии борьбу с немцами ведут только партизаны Тито, в результате чего только им оказывалась помощь (Черчилль сказал: «Мне все равно, кому помогать, лишь бы они убивали немцев»). Мак-Лейн дослужился до поста первого секретаря английского посольства в США и имел доступ к секретной информации — не только английской, но и американской. В книге генерала НКВД Судоплатова (подробнее о нем будет сказано позже) сообщается, что именно от Мак-Лейна в 1941 году была получена первая информация об английском атомном проекте: это был документ на 60 страницах. Он же информировал позже советскую сторону о незначительном количестве атомных бомб, изготовленных в США к концу 1940-х годов, и о неспособности США начать тогда атомную войну. В 1952 году, опасаясь разоблачений перебежавшего на Запад сотрудника НКВД, Берджес и Мак-Лейн бежали в СССР. Другие члены той же группы сохраняли свое положение гораздо дольше. Так, Блент до 1972 года играл видную роль в организации охраны королевской семьи. В 1979 году он был разоблачен, но отделался тем, что был лишен рыцарского звания и уехал во Францию.

В США группа влиятельных советских агентов действовала в окружении президента Рузвельта, также начиная с 1930-х годов. Наиболее известны среди них Адджер Хисс и Декстер Уайт. Хисс играл ведущую роль в планировании экономики в начале президентства Рузвельта. В частности, им

разработан «Акт об упорядочении земледелия», оказавший большое влияние на экономику США. Потом он перешел в госдепартамент и занял там высокое положение.

Ко времени конференции в Ялте он стал основным советником Рузвельта по внешнеполитическим вопросам. Через его руки шли все документы госдепартамента, направлявшиеся Рузвельту. Он неоднократно присутствовал при переговорах Рузвельта со Сталиным. Госсекретарь Стеттиниус пишет в своих дневниках, что Хисс «всегда был за спиной президента». Хисс играл ведущую роль в создании ООН: в частности, он председательствовал на конференции в Сан-Франциско по разработке устава этой организации. Согласно заявлению сенатской комиссии, «занимая обе должности — председателя оргкомитета и высшего лица в госдепартаменте по делам ООН, он имел широкие возможности формирования секретариата ООН». В книге Судоплатова цитируется справка, составленная в НКВД о Хиссе: «в высшей степени симпатизирующий СССР». Нет, однако, указаний, что Хисс являлся платным агентом.

Декстер Уайт был заместителем министра финансов при министре Моргентау, из ближайшего окружения Рузвельта. Он был также руководителем действий министерства финансов, связанных с внешней политикой. Уайт играл решающую роль в создании Международного валютного фонда и был его директором. Имя Уайта упоминается в связи с одним из важнейших эпизодов Второй мировой войны: нападением Японии и вступлением США в войну. Неоднократно высказывалось предположение, что нападение было спровоцировано Рузвельтом и его советниками, систематически подготовлявшими вступление США в войну против Германии. Решающую роль играла нота США от 26 ноября 1941 года, ультимативно требовавшая вывода японских войск из Китая и выхода Японии из союза с Германией и Италией. Она явно не оставляла Японии другого выхода, кроме войны. Более того, высказывалось предположение, что Рузвельт догадывался о том, куда Япония нанесет удар, и, желая сделать конфликт необ-

ратимым, сознательно ослабил оборонную готовность базы в Перл-Харборе. Например, содержание ноты и ответ Японии не были сообщены командованию базы. Автором ультиматума от 26 ноября 1941 года, как выяснилось позже, был Уайт. Недавно в «Правде» появились статьи писателя В. Карпова, автора произведений о Второй мировой войне, где опять упоминается об этом. В одной из них говорится о советском агенте генерал-лейтенанте В. Павлове: «Я располагаю американскими документами... Был такой г-н Байт (то есть Уайт! — *И. Ш.),* с которым наш разведчик Павлов работал. Он представил Рузвельту проект той ноты, фактически написанной по «конспекту», одобренному Сталиным. Комиссия (по антиамериканской деятельности) несколько раз допрашивала Байта, и он после одного из допросов умер, несчастный! Он много доброго для нас сделал». Действительно, нападение Японии на США не дало ей возможности начать войну против СССР.

В заявлении комиссии Конгресса США говорится: «Алджер Хисс, Декстер Уайт и их сообщники из коммунистического подполья в правительстве обладали властью оказывать решающее влияние на американскую государственную политику и политику международных организаций во время Второй мировой войны и в годы непосредственно после ее окончания. Они обладали властью оказывать решающее влияние на создание и деятельность Организации Объединенных Наций и подчиненных ей учреждений. Их власть не была ограничена официальными должностями. Она заключалась прежде всего в доступе к руководящим правительственным деятелям, а также в их возможностях представлять или скрывать информацию, на которой должны были основываться решения их начальников».

Хисс и Уайт были разоблачены американской коммунисткой Элизабет Бентли, служившей связной НКВД, а также работавшим на ГРУ Уиттекером Чемберсом. Хисса не могли осудить за шпионаж, так как истек срок давности, но он был осужден на 5 лет за лжесвидетельство, так как сначала отрицал обвинения. Он отсидел 3 года и 8 месяцев. Уайт также от-

рицал обвинения, но когда ему были предъявлены фотокопии его донесений, сделанные Чемберсом, сознался. После этого был отпущен домой и на другой день найден мертвым.

Судоплатов пишет, что Хисс и Уайт были источниками информации и входили в ячейку Натана Григория Сильвермастера, выходца из России. Кличка Хисса была Марс. В ту же ячейку входил и Лаухлин Кэри, советник Рузвельта по иностранным делам во время войны. В 1949 году он покинул США. Данные о Хиссе были позже подтверждены на основании досье венгерского агента Ноэля Фильда, работавшего с тем же офицером ГРУ, что и Хисс. Как пишет Судоплатов, по данным офицеров ГРУ, Рузвельт создал для наиболее деликатных целей свою собственную разведывательную сеть, которой руководили Хисс, Гопкинс и Гарриман. Он считает, что против Хисса были еще более веские улики, но они были скрыты по соглашению с ФБР, чтобы не компрометировать Рузвельта и Трумэна.

Одновременно с Хисом, Уайтом и Кэри были разоблачены как советские агенты Натан Витт, секретарь Национального совета по трудовым соглашениям, Ли Прессман, юрисконсульт Конгресса производственных профсоюзов, Джон Абот, специальный помощник Генерального прокурора. Вообще, тогда в правительственном аппарате и печати влиянием пользовались люди «левых взглядов», с симпатией относившиеся к коммунизму и коммунистическим движениям — таким, как движения Кастро на Кубе или Мао в Китае, а с антипатией — к противостоящим им коррумпированным реакционным режимам.

Часто невозможно было определить, являлись ли они советскими «агентами влияния», орудиями «психологической войны» или просто «левыми». Так, полугосударственная организация — Институт тихоокеанских отношений — практически определяла американскую политику в Китае в течение пятнадцати лет. Это влияние значительно способствовало поражению Чан Кайши. Например, в правительственные круги передавалась информация, изображавшая китайских комму-

нистов как демократов и «сторонников земельной реформы». В результате Чан Кайши было предложено ввести в состав правительства коммунистов. Когда он отказался, полностью были прекращены поставки из США. Разработанная институтом финансовая политика вызвала колоссальную инфляцию в Китае и массовое недовольство населения режимом Чан Кайши. Эта политика проводилась министерством финансов под руководством Уайта и представителя этого министерства в Китае, Соломона Адлера, также разоблаченного позже как коммунистического агента.

Точно так же от руководства госдепартамента и от общественности долго утаивалась информация о том, что Кастро является коммунистом и получает поддержку от Советского Союза. Такую информацию, в частности, тщательно заглушал начальник отдела Карибского района в госдепартаменте Вильям Виганд. Хотя Виганд был дипломатом в Боготе в 1948 году, когда Кастро возглавил восстание в Колумбии и через захваченную радиостанцию передавал обращения, начинавшиеся словами: «Говорит Фидель Кастро, говорит коммунистическая революция». Когда Кастро возглавил восстание на Кубе, Виганд провел эмбарго на поставки оружия тогдашнему правителю Батисте. Пресса называла Кастро «новым Авраамом Линкольном» («Нью-Йорк таймс»), по телевидению его интервьюировали: «Ведь вы не коммунист, Фидель? Вы ведь верующий католик, не правда ли?» Ведущий резюмировал: «Народ Соединенных Штатов глубоко уважает вас и ваших людей, потому что видит в них возрождение духа Джорджа Вашингтона».

Мировое коммунистическое движение было несравненно большей силой, чем засланные или закупленные «агенты влияния», техникой «психологической войны» оно владело несравненно лучше, чем Запад. Особенно в эпоху Сталина и Хрущева, когда оно еще твердо направлялось Москвой и не возникали разные вольности и уклонения типа «еврокоммунистов». Постоянно внушалась идея, что коммунисты должны ставить интересы Советского Союза выше интересов «своей»

(как некогда писал Ленин, в кавычках) страны. Все время повторялись лозунги: «Советский Союз — родина трудящихся (или коммунистов) всего мира». Когда было создано НАТО, в противовес была проведена удивительная акция. В одной стране за другой на трибуну парламента выходил представитель коммунистической фракции и произносил фразу (во всех случаях в точности одну и ту же): «Коммунисты не будут, никогда не будут воевать против Советского Союза». Именно это стереотипное воспроизведение с нелепым повторением («не будут, никогда не будут») придавало всей акции характер «запланированности», выполнения директивы. И можно представить себе, каким аргументом иногда была подобная декларация, повторяющаяся в десятках стран, когда в некоторых странах (Франция, Италия) коммунисты составляли крупнейшую партию.

Пример: утечка атомных секретов США

Один частный сюжет особенно ярко характеризует переплетение всех этих сил: прокоммунистических настроений интеллигенции, «агентов влияния» и действий советской разведки. Это американский «Атомный проект» (создание атомной бомбы) и то, как информация о нем поступала советской стороне. Рассказать об этом сейчас особенно интересно, так как появилась новая и сенсационная информация — книга генерала НКВД П. Судоплатова (написанная совместно с сыном А. Судоплатовым) «Особые задания». Книга вышла на английском языке. На эту книгу мы уже ссылались. Судоплатов является компетентным свидетелем, так как именно он курировал в НКВД получение информации об «Атомном проекте» — для этого был создан особый «Отдел С» (по его фамилии) под его руководством.

Связи советской разведки с западными атомщиками начались еще до войны. Судоплатов* рассказывает, что еще в 1930-е годы, работая в Италии, агент НКВД Григорий Хейфец обратил

* *Судоплатов Павел.* Разведка и Кремль. М., 1996.

внимание на физиков Э. Ферми и Б. Понтекорво как на убежденных антифашистов и возможный источник информации.

Когда они эмигрировали в США, Хейфец связался через них с Оппенгеймером. В 1941 году Хейфец передал полученную от Оппенгеймера информацию о том, что ряд выдающихся физиков, включая Эйнштейна, участвуют в некоем тайном проекте и добились для него крупных ассигнований от правительства. Более тесную связь с Оппенгеймером установила агент НКВД Елизавета Зарубина. Хейфец познакомил ее с женой Оппенгеймера Екатериной, симпатизировавшей коммунистическим идеям и Советскому Союзу. Они вдвоем уговорили Оппенгеймера впредь воздерживаться от высказываний, отражающих коммунистические и вообще левые симпатии, а вместо этого делиться информацией с группой немецких антифашистов. Под их влиянием он привлек к работе в Лос-Аламосе Фукса, согласившегося работать с советской разведкой. В эту группу был включен и один из крупнейших физиков Сциллард. Характерной является позиция одного из курьеров, использовавшихся этой группой, — Мориса Коэна, завербованного НКВД, еще когда он добровольцем участвовал в гражданской войне в Испании. Коэн, в свою очередь, привлек к работе свою жену Лону. Первая ее реакция была — это предательство! Но муж убедил ее, что они борются за всеобщий мир и справедливость, а это в принципе не может быть предательством. В результате Лона стала очень эффективным курьером — впоследствии именно она передала чертежи атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму.

Судоплатов говорит, что с такими людьми, как Оппенгеймер, Ферми и Сциллард, нельзя было обращаться как с обычными агентами. Вместо денег или шантажа Хейфец использовал атмосферу общих интересов и идеализма. НКВД тщательно старалось обращаться с Оппенгеймером и другими как с друзьями, а не рядовыми агентами, играло на идее сохранения мира через равновесие сил. Использовались и другие аргументы. Судоплатов пишет: «В 1943 году всемирно знаменитый актер московского Еврейского театра Соломон Михоэлс

вместе с известным еврейским поэтом Итиком Феффером совершил поездку по США как представитель Еврейского антифашистского комитета. Перед их отъездом Берия проинструктировал Михоэлса и Феффера подчеркивать большой вклад евреев в культуру и науку Советского Союза. Их цель была собрать деньги и убедить американское общественное мнение в том, что антисемитизм в СССР уничтожен в результате политики Сталина. Хейфец постарался, чтобы мысли, распространяемые ими, дошли до Оппенгеймера. Хейфец утверждал, что Оппенгеймер, сын еврейского эмигранта из Германии, был глубоко взволнован информацией о том, что положение евреев в Советском Союзе было прочным».

Оппенгеймер и Ферми имели клички *Звезда* и *Издатель,* иногда — для обоих — *Звезда.* Так, телеграмма из Нью-Йорка, передававшая дату первого атомного взрыва, шла как информация от Карла (Фукс), Млада (Понтекорво) и Звезды (Оппенгеймер и Ферми). Оппенгеймер, Ферми и Сциллард помогали НКВД внедрять своих «кротов» в основные атомные центры — Теннесси, Лос-Аламос и Чикаго — как ассистентов в этих лабораториях. Первое сообщение об удачной цепной реакции было получено от Понтекорво. Через несколько часов после завершения эксперимента советский агент получил телеграмму с условным текстом: «Итальянский мореплаватель достиг Нового Света». К лету 1943 года НКВД получило 286 секретных документов. От одного только Оппенгеймера было получено 5 секретных документов, описывавших развитие «Атомного проекта». Полученные НКВД отчеты содержали фотографии установок в Окридже и 12-страничный отчет, содержавший описание бомбы, «тот отчет стал основой нашей программы на ближайшие 3—4 года», — пишет Судоплатов. НКВД был информирован не только о технических деталях проекта, но и о личных отношениях и трениях между сотрудниками. Совершенно особую роль играла информация, полученная от Фукса. «В 1944 году от Фукса мы знали график, объем и развитие Манхэттенского проекта. От него мы узнали принцип взрыва атомной бомбы и причину, почему именно

этот метод был выбран. Он же сообщил сравнительный анализ действия реакторов с воздушным и водяным охлаждением. Планы завода по разделению изотопов урана, которые сильно сокращали объем, необходимого уранового сырья». В 1946 году Фукс переехал в Англию и был там связан с советским агентом, с которым встречался 6 раз, обычно каждые 3 или 4 месяца, в Лондоне. Фукс сообщил точное количество произведенного в США урана U_{235} и плутония. Отсюда следовало, что только к 1955 году запас бомб США и Англии будет достаточен для военного поражения СССР. Сталин мог быть уверен, что в 1940-е или в начале 1950- годов Запад не пойдет на войну. Я помню выступление Хрущева, где он отдавал справедливость Сталину, что только благодаря его железной выдержке Советский Союз ни в чем не уступил Западу, когда тот обладал монополией на атомную бомбу. Теперь видно, что железная выдержка опиралась на прочное основание — донесения Фукса. Вообще, многое сейчас видится по-новому. Например, часто повторялся рассказ Трумэна, как он сообщил Сталину на Потсдамской конференции о создании нового сверхоружия — атомной бомбы и как на лице Сталина не дрогнул ни один мускул. Теперь мы знаем, что самообладание Сталина имело вескую основу: вероятно, о ряде этапов «Атомного проекта» он узнавал раньше Трумэна (как вице-президент, тот не был допущен ко многим секретам).

Наконец, нельзя не упомянуть о роли, которую во всей этой истории играл патриарх атомной физики — великий Нильс Бор. По словам Судоплатова, Бор не был советским агентом, но влиял на политические взгляды Оппенгеймера. Он уговаривал Рузвельта и Черчилля поделиться с Советским Союзом информацией об «Атомном проекте» и создать единый атомный центр. На более близкий контакт он пошел в 1945 году. Тогда в США был опубликован так называемый «Отчет Смита», содержавший много информации о производстве атомной бомбы. Официальная цель отчета — информировать общественное мнение. Но он имел и другую цель — дезинформировать советских физиков. Там

было столько неверных утверждений, что Оппенгеймер отказался подписать его. Чтобы отсеять эту дезинформацию, была организована встреча с Бором. Организовать ее помог прогрессивный датский писатель и давний друг Советского Союза Андерсен Нексе. С советской стороны был направлен сотрудник НКВД Лев Василевский и физик Терлецкий (я довольно хорошо знал Терлецкого, но и не подозревал о его тайной деятельности!). Согласно отчету Василевского, когда они встретились с Бором, тот очень волновался, у него дрожали руки. Он, видимо, почувствовал разницу между пропагандой идеи «партнерства с союзником» и встречей с агентом секретной службы. Поэтому на следующих встречах Василевский не присутствовал. Бор ответил на 22 вопроса Терлецкого. Отчет Терлецкого сейчас у нас опубликован.

Непосредственно созданием советской атомной бомбы руководил Курчатов. В письме Курчатова заместителю председателя Совета Министров Первухину, приведенном у Судоплатова, говорится: «Материалы, с которыми мы познакомились, дают возможность получить важнейшую ориентировку для наших исследований и узнать о новых научных и технических подходах к проблеме». Под давлением Сталина и Берии, требовавших скорейшего создания бомбы, Курчатов пошел по пути копирования американского образца. Так, согласно Судоплатову, возникла бомба, взорванная в 1949 году. Но параллельно шла работа и над более самостоятельным вариантом, который осуществился в бомбе, взорванной в 1951 году.

«Левые»

После рассмотрения этого примера вернемся к общей картине влияния со стороны Советского Союза и коммунистического мира на Запад. Гораздо шире, чем коммунистическое движение, во всем мире существовало «левое» движение, крайне враждебно относившееся к капиталистическому строю, особенно к США, и с очень большой симпатией — к коммунизму и Советскому Союзу. К этому течению принад-

лежали многие из духовных и интеллектуальных вождей Запада. Так, престарелый Бернард Шоу, посетив в 1931 году Советский Союз, сказал: «Для меня, старого человека, составляет глубокое утешение, сходя в могилу, знать, что мировая цивилизация будет спасена... Здесь, в России, я убедился, что новая коммунистическая система способна вывести человечество из современного кризиса и спасти его от полной анархии и гибели». А когда его спросили о слухах по поводу голода, сопутствовавшего коллективизации, возразил: «Помилуйте, когда я приехал в Советский Союз, я съел самый сытный обед в моей жизни!» Шоу был одним из представителей очень влиятельного в Англии течения «фабианского социализма», к которому принадлежал ряд видных писателей, экономистов, министров и премьеров. Один из них, генеральный секретарь лейбористской партии Гарольд Ласки, писал, что критика Советского Союза может ослабить позиции социализма и лейбористской партии. Еще ярче высказался французский философ П. Сартр, когда, уже после войны, на Запад стали проникать слухи о концлагерях в Советском Союзе, — он призывал игнорировать эти слухи, «так как они могут вызвать отчаяние французского пролетариата». Частным, но ярким примером того, как тесно западная левая интеллигенция была связана с коммунизмом, служит история убийства Троцкого в Мексике. Так, вилла, на которой жил Троцкий, была предоставлена ему знаменитым мексиканским художником Риверой (коммунистом). С другой стороны, в первом (неудавшемся) покушении участвовал не менее знаменитый художник Сикейрос, а после второго (удавшегося) убийцу пытался спасти Пабло Неруда, служивший тогда в чилийском посольстве.

В послевоенное время возникла целая сеть международных организаций левого направления, враждебных западному и дружественных по отношению к социалистическому лагерю. Тут был Всемирный конгресс сторонников мира, Всемирный совет мира, Всемирный совет церквей и многие другие. Их деятельность сейчас кажется (если ее вспомнить) даже прозрачнее, чем была тогда: мы видим, как действовали те меха-

низмы, которые сейчас действуют в нашей стране, — только тогда они были направлены в обратную сторону.

Например, когда Советский Союз имел большое преимущество над Западом в численности армии и обычных вооружениях, а вся надежда Запада покоилась на преимуществе в атомном оружии, — Всемирный конгресс сторонников мира опубликовал «Стокгольмское воззвание», требовавшее абсолютного запрета атомного оружия. Его, как говорили, подписало по всему миру 500 млн. человек, а в СССР — 115,5 млн. («то есть все взрослое население», как говорится в Большой советской энциклопедии). Позже, когда был достигнут паритет в атомном оружии, требования его запрета утихли. (Так, в наши дни «демократы» и «правозащитники» яростно требуют запрета применения авиации в Чечне — ее нет у Дудаева, но ею обладают федеральные войска.)

Всемирный совет церквей почти на каждой сессии поднимал голос то против американских зверств во Вьетнаме, то против апартеида в ЮАР (что вполне было достойно осуждения). Но странным образом он хранил строгое молчание по поводу темы, которая, казалось бы, должна быть ему ближе всего: жестокого гонения на Русскую православную церковь (входившую в этот Совет), осуществленного Хрущевым, когда за два года было закрыто более половины действовавших тогда храмов, были произведены аресты священников и епископов. (Так в наше время «наше» телевидение, как только началась военная операция в Чечне, держало зрителей в постоянном шоке: экран не покидали картины разрушенных зданий, горы трупов, плачущие дети. И в то же время, в течение трех лет правления Дудаева, занавес полного молчания был опущен на происходившую в Чечне трагедию, когда сотни тысяч русских были путем террора согнаны со своих земель, изгнаны из домов и бежали в Россию, многие тысячи были избиты, покалечены, изнасилованы, убиты. Жители казачьих станиц рассказывали, что посылали обращения, наполненные этими страшными фактами, и президенту, и в Думу, и на телевидение, и в газеты, но не получили ни от кого даже ответа!)

В послевоенные годы существовал обширный круг широко известных (или широко разрекламированных) односторонне ориентированных «левых». Это были известные философы, священники (даже настоятель Кентерберийского собора, то есть высший иерарх англиканской церкви), ученые, писатели, артисты, эстрадные певцы. Их приезды в Советский Союз сопровождались приемами и приветствиями (наших «демократов» встречают сейчас в США более скромно). Было создано несколько премий — Международная Сталинская (потом — Ленинская) премия «За укрепление мира между народами», Международная премия мира, — которыми они награждались. (Точно так же, как сейчас можно получить премию в США, если настойчиво добиваться поражения России в Чечне и натравливать Запад на Россию.)

«Новые левые»

Критического состояния положение в США достигло в 1970-е годы, когда проявились мощные антиправительственные силы, особенно в связи с войной во Вьетнаме. Протесты против этой войны возникли с начала 1970-х годов, а вскоре стало ясно, что по тем или иным причинам силы, контролирующие средства информации, заинтересованы в том, чтобы США проиграли войну во Вьетнаме. Освещение этой войны носило утрированно односторонний характер, знакомый нам по освещению военных действий в Чечне нашими средствами информации. Сходство почти цитатное, например: «Даже испытывая симпатию к ребятам, летящим на американских самолетах, и к их семьям, приходится признать большее мужество северных вьетнамцев... избранный лидер западной демократической страны действует как обезумевший тиран... Посылая «В-52» против таких населенных районов, как Ханой или Хайфон, можно иметь лишь одну цель: террор. Это была реакция человека, охваченного сознанием своей недостаточности и неудачи, способного только бомбить, карать, разрушать».

Каждый день американцы видели на экранах своих телевизоров падающие бомбы, разрушения, невинные жертвы. Обозреватели интервьюировали отправляющихся во Вьетнам солдат, задавая им вопросы: «Вы понимаете, что может с вами случиться?», «Вы боитесь за свое будущее?», «Вы согласны, что дух вашего подразделения низкий?». Военные новости излагались в северовьетнамской редакции. Телекомпании передавали специально снятый северовьетнамский фильм и отказывались передавать фильм, приготовленный по заказу правительства США. Политики, корреспонденты, общественные деятели отправлялись в Северный Вьетнам, передачи велись прямо оттуда (как передачи из бункера Дудаева). При этом показывались разрушенные налетами школы и больницы, но не военные объекты.

Постепенно это настроение захватило и конгресс. После того как Киссинджер подписал Парижское перемирие с Северным Вьетнамом, означавшее американскую капитуляцию, постановления, которые принимал конгресс, стали носить гротесковый, издевательский характер. Конгресс санкционировал, например, поставки оружия в Южный Вьетнам и Камбоджу, которые были обещаны, но отказал в поставках боеприпасов к нему. Вскоре пал не только Южный Вьетнам, но и Камбоджа и Лаос.

Когда после окончания войны в США стали прибывать беженцы из Юго-Восточной Азии и освобожденные американские военнопленные из Вьетнама, они оказались очень нежелательными гостями для средств информации. Соответственно их и встречали. Если, интервьюируя преступника в тюрьме, ему из деликатности закрывали лицо, то у беженцев спрашивали их имена и место их жительства, совершенно не заботясь о том, как это отзовется на их оставшихся родственниках. Пленных допрашивали — раскаиваются ли они, вспоминая о жертвах, вызванных их бомбами, и смущенно свертывали передачу, когда они пытались рассказать о притеснениях и пытках, перенесенных в плену. В результате вокруг них была создана такая атмосфера, что, как многие из них потом пи-

сали, они оказались изолированными в собственной стране и иногда даже в собственной семье.

Идейной основой всей кампании против вьетнамской войны служила концепция борьбы с «американской империалистической идеологией», которая должна была быть искоренена. Я помню, что очень часто слышал тогда эти слова от своих американских коллег, которые почти все были «левыми». И после этого для меня очень знакомо звучали призывы к «борьбе с имперским мышлением», раздавшиеся с началом «перестройки» в нашей стране. Примечательно, что теперь, когда США уже несомненно ведут чисто имперскую политику, причем в очень грубой форме, слов об опасности «американской империалистической идеологии» в Америке не слышно — во всяком случае, из «левых» кругов и средств информации.

Отношение левых радикалов и средств информации к войне во Вьетнаме было лишь одним из проявлений глубинных духовных изменений в американском (а также и во всем западном) обществе. В нем распространилась враждебность ко всему господствовавшему тогда образу жизни. Так, специалист по средствам массовой информации (занимавший при президенте Никсоне пост представителя по связи со средствами информации) Брюс Гершензон в книге «Боги антенны» описывает дух, господствовавший в американском кино в начале 1970-х годов: «Взгляните на созданные в то время фильмы, высмеивавшие правительство. Их было много. А фильмы, хвалившие его? Их не было или было очень мало. Взгляните на фильмы, осмеивавшие полицию. Их было много. А фильмы, ее хвалившие? Их не было или было очень мало. Взгляните на фильмы, осуждавшие американское общество в целом. Их было много, а фильмы, изображающие его с симпатией? Их не было или было очень мало. Взгляните на фильмы, критиковавшие американскую политику во Вьетнаме. Их был много. А фильмы, ее оправдывающие? Их не было или было очень мало. Соединенные Штаты были искаженно представлены на экране». Видимо, не было у них только фильма «Так

жить нельзя». Но как этот стиль отличается от современного американского кино, полного героями войны во Вьетнаме и доблестными полицейскими!

Волна негативных чувств, поднятая вьетнамской войной, после прекращения военных действий вылилась в Уотергейтском деле. В обычной грязи американской политической жизни Никсон вряд ли переступил какую-то новую границу (во всяком случае, в цитированной выше книге Гершензон приводит ряд примеров аналогичных действий предшествовавших президентов). Но он имел репутацию «правого», например, в начале своей политической карьеры способствовал разоблачению Хисса, в то время как левые политические круги пытались заглушить возникший скандал. И он произнес крамольную фразу о «молчаливом большинстве», тем самым ставя под вопрос право средств массовой информации говорить «от имени народа». Вот как, например, торжествовало телевидение по поводу конца «дела Уотергейта»: «Речь идет о том, как избавиться от трупа. Президент как дохлая мышь на кухонном полу американского дома. Вопрос в том, кто возьмет ее за хвост и выбросит на помойку. Теперь не особенно важно, подаст ли он в отставку, тем самым отправив себя в гигиенический контейнер, или конгресс выкинет его при помощи мусорного совка. Но, исходя из срочных санитарных соображений, необходимо удалить этот разлагающийся политический труп из Белого дома. Действие должно быть быстрым и кратким. Цветов не присылать».

Согласно идеологии левого движения, зло современного западного общества заключалось не в господстве классовых интересов капиталистов, а в «структурах» и организациях, ловивших маленького человека в свои сети и превращавших его в механическое средство для достижения своих абсолютно бесчеловечных целей. Человек, вписывающийся в эту систему и пытающийся по ее правилам добиться своего маленького счастья, и представляет наибольшую опасность.

Такие люди включают газ в газовых камерах и сжигают напалмом деревни. Публицист, изучавший студенческие

беспорядки той эпохи (о них будет сказано подробнее ниже), видит их основную причину во «всеохватывающей ненависти к людям, представляющим власти или администрацию: правительству, полиции или администрации университета». Тон задавало убеждение, что «американское общество и правительство прогнило до предела, когда улучшение его невозможно, так что разрушение университета равносильно тому, чтобы отломить сук у безнадежно сгнившего дерева». В такой распространенной газете, как «Интернэшнл геральд трибюн», можно было встретить заявление: «Жизнь не может быть хуже и бесполезнее, чем в Америке сейчас». Декан известного учебного заведения — Иэйльской драматической школы — заявил, что поддержит любые произведения искусства, цель которых — разрушение общества.

Общество, согласно взглядам «левых», было основано на «буржуазных гражданских правах», которые устанавливали режим «репрессивной терпимости», на самом же деле было «тоталитарным, основанным на манипулировании, репрессивным и антидемократичным». Как говорилось в одной декларации: «Наше сопротивление лишило ореола законности и святости институты, потерявшие благодаря этому авторитет и уважение. Поскольку в наших глазах они нелегитимны, они не могут быть основой права». Институты и действия западного общества, как правило, характеризовались как «фашизм». Один из лидеров движения «новых левых» Том Хайден в публичной дискуссии на вопрос об их целях ответил: «А у нас их нет. Сначала мы совершим революцию, а потом выясним, зачем она была нужна».

Этот общий подъем агрессивности специфически выразился в молодежных (главным образом студенческих) волнениях, прокатившихся по всему западному миру, а в США — еще и в негритянских волнениях. Студенческие волнения проявлялись в основном в оккупации университетских зданий (это называлось «освобождением университета»), а также в бойкоте занятий (и особенно экзаменов). Летом 1970 года волнениями были охвачены почти все 2500 высших учебных

заведений США. В ответ на захваты университетов власти использовали полицию, дубинки, газ, аресты.

Арестованы были тысячи студентов (только в одном колледже в штате Огайо — 500). В Вашингтоне накануне общенациональной демонстрации кроме полиции в боевую готовность было приведено 5600 солдат регулярных войск. Такая же волна студенческих выступлений прокатилась по Франции, Германии и другим западным странам. Демонстрации собирали десятки тысяч человек. В Париже 13 мая студенты захватили Сорбонну, объявив Парижский университет «автономным народным университетом, постоянно открытым для трудящихся», и удерживали ее больше месяца.

Студенческие волнения концентрировались вокруг двух основных лозунгов. Прежде всего — это протест против войны во Вьетнаме. В США студенты, получавшие военные повестки, демонстративно жгли их. Как сообщила газета «Нью-Йорк таймс», из американской армии дезертировало 73 тысячи человек. Я хорошо помню один типичный пример борьбы с вьетнамской войной, так как этот эпизод возглавлял мой коллега, хорошо известный математик из университета Беркли. Протестующие пытались остановить поезда, везущие солдат для отправки во Вьетнам. Для этого они легли на рельсы. Ситуация очень красочно описана в студенческой газете: «Поезд мчался на нас. Негодяи, они не хотели остановиться! Убийцы!» Студенты, однако, как и планировалось, в последний момент отбежали. Но на следующий день мой коллега вскочил на подножку и стоп-краном остановил поезд. Его осудили и приговорили к штрафу. Когда я его спросил, зачем он это сделал, он ответил, что это был самый дешевый способ добиться освещения его позиции большинством газет. Но война во Вьетнаме рассматривалась лишь как один из признаков вырождения системы и как повод, мобилизующий на борьбу с ней. Один из наиболее влиятельных идеологов «новых левых», Герберт Маркузе, писал: «Если в этом смысле Вьетнам может рассматриваться не просто в качестве очередного события международной политической жизни, а

скорее как событие, связанное с сущностью системы, то, быть может, он знаменует и поворотный пункт в развитии системы, возможно — начало конца».

Другим лозунгом студенческого движения в США было равноправие негров. В этом оно сливалось с непосредственно негритянским движением и его наиболее радикальными течениями типа «черных пантер» и «черной власти». Они требовали правительственных капиталовложений для поднятия жизненного уровня негров, освобождения негров от военной службы (так как армия США используется для угнетения цветных народов), вооружения негров для защиты от зверств полиции и даже «проведения под наблюдением ООН плебисцита в черной колонии США, в котором примут участие только граждане этой черной колонии и в ходе которого будет выяснена воля черного народа относительно своей национальной судьбы» («черные пантеры»). Идея сепаратистского «суверенитета», победившая в Советском Союзе, созрела на 20 лет раньше в США! Белое американское общество обвинялось в заговоре с целью истребления негров. Негритянский писатель и общественный деятель Джеймс Болдуин предупреждал: «Белая Америка, по-видимому, всерьез рассматривает вопрос о массовом уничтожении». Другой негритянский лидер Стокли Кармайкл говорил: «Многие из нас чувствуют — многие из нашего поколения чувствуют, — что они готовы начать геноцид против нас».

Степень агрессивного возбуждения, охватившего студентов, характеризует следующий, почти анекдотический случай. Профессор, читавший лекцию об истоках итальянского фашизма, привел цитату: «Теперешнее состояние непереносимо, истеблишмент удушает все живое, спонтанная ненависть молодых сил нации должна подняться, чтобы сокрушить дряхлую систему и освободить основные силы обновления и революции». Не успел он закончить цитату, как шквал рукоплесканий поднялся в аудитории. И в нем потонули заключительные слова лектора, что цитата — из Муссолини!

Агрессивность вела к прямому насилию и подталкивалась в эту сторону лидерами. Один из них провозгласил: «Как бы мы этого ни хотели, мы недостаточно сильны, чтобы разрушить Соединенные Штаты. Но мы достаточно сильны, чтобы разрушить Колумбийский университет!» Негритянский лидер Ф. Фанон призывал к «революционному насилию» и «революционной жестокости». Немецкий лидер левых Р. Дучке выдвинул лозунг: «Партизанская борьба в джунглях больших городов!» Сартр заявил, что время культуры ушло, наступило время революции. Действительно, эти было время подъема левого терроризма: «группа Баадер-Майнхоф» в Западной Германии, «красные бригады» в Италии... И виднейшие представители западной интеллигенции поддерживали, подстрекали и оправдывали их. Например, Г. Белль писал по поводу «группы Баадер-Майнхоф», на совести которой было много убийств, что «к ее боевикам следует применять те же нормы, что и к противоположной воюющей стороне в войне».

Революция

Все левые движения вдохновлялись образом революции. Предполагалось, что грядет неслыханная по радикальности революция, которая разрушит весь фундамент прежней жизни. В отличие от всех прежних революций, она будет направлена не на одну сторону жизни общества, а будет состоять из пяти революций: экономической, политической, национальной, сексуальной и «психоделической». Экономическая революция должна была разрушить капиталистическую систему и основанное на ней «общество потребления», политическая — «систему», превращающую человека в манипулируемый автомат. Национальная революция, предполагалось, освободит национальные меньшинства (прежде всего — цветных в США) от эксплуатации белого большинства и народы «третьего мира» — от эксплуатации Запада. Сексуальная революция должна была разрушить буржуазную, патриархальную, моногамную семью. И это была не чистая риторика. Создавалось

впечатление, что на какое-то время западный мир помешался. Порнографическая литература и секс-клубы превратились в одну из самых доходных сфер бизнеса. Газеты пестрели объявлениями вроде такого: «Супружеская пара ищет другую пару для совместного проведения отпуска в групповом браке». Иногда к этому добавлялось слово «стерео» — означавшее, что в групповом браке будут участвовать и лица одного пола. Возникли целые коммуны, состоявшие в групповом браке, где не играл роли ни возраст, ни пол участников, — например, знаменитая «Коммуна № 2» в Западном Берлине. Наконец, «психоделическая революция» предполагала разрушение «буржуазной индивидуальности» посредством коллективного употребления наркотиков и рок-музыки, которая, как считалось, играет аналогичную роль. Новая «культура наркотиков» противопоставлялась старой культуре, в которой общение было связано с потреблением алкоголя. Ряд политических деятелей включали в свою программу требование свободной продажи некоторых наркотиков — особенно марихуаны. Один из вождей «новых левых», Джери Рубин, предлагал даже марихуану как проверку на «левизну». Профессор университета может и клеймить войну во Вьетнаме, и признать экзамены репрессивными действиями, но предложи ему на вечеринке сигарету с «травкой» — и он испугается. Значит — не наш.

Движение «новых левых» опиралось на философию, разработанную яркими и очень популярными тогда мыслителями: Сартром, Адорно, Маркузе. Основой этой философии была концепция «тоталитарности» и «репрессивности» западного общества. Как говорил Маркузе, «тоталитаризм есть не только террористическая организация общества, но и нетеррористическая, экономико-технологическая организация, действующая через манипуляцию создаваемыми потребностями... система производства и распределения, вполне совместимая с «плюрализмом» партий, газет и т. д.». «Массовое производство благ не порождает свободу, оно создает лишь эффективный контроль». «Массовое производство и массовое распределение тотально подчиняет себе всего индивидума».

«Под властью репрессивного единства свобода может быть превращена в мощный инструмент контроля». Создается язык из терминов-штампов: «свобода», «равенство», «демократия», «мир», настойчиво внедряемый в сознание. «Эти ритуализированные концепции делаются иммунными по отношению к противоречиям, с которыми они сталкиваются». «Сама терпимость буржуазного общества является репрессивной терпимостью» — худший вариант тоталитаризма, опирающийся на внедрение репрессивных потребностей в самую структуру инстинктов человека. Человек настолько приспосабливается к этой репрессивности, что перестает ее ощущать, тем более — бороться против нее. Маркузе сравнивает граждан современного западного общества с прирученными домашними животными или подопытными кроликами.

В результате возникает существо, для которого Маркузе придумал термин «одномерный человек». Все «собственно человеческое» вытесняется из сознания и подчиняется целям производства. «Уничтожение «двумерной культуры» происходит не путем отрицания и отбрасывания «культурных ценностей», но через их полное включение в установленный порядок, через их массовое воспроизводство и распределение». Как писал Ионеско, «концлагеря (немецкие. — *И. Ш.)* были не исключительным, чудовищным явлением. Это была лишь квинтэссенция и образ того адского общества, в котором мы живем». В результате, как говорил Адорно, подлинная борьба за будущее начинается лишь тогда, когда придет сознание, что так жить просто невозможно, а свет надежды может только охладить пыл и решимость бойца.

Это мироощущение формулировалось в концепции «Великого Отказа» — тотального отрицания всего существующего общества, признания того, что в нем нет ничего позитивного. Этот отказ основывался на «негативной диалектике» — восприятии жизни как «негативной тотальности», в чем Маркузе считает себя продолжателем Маркса и Гегеля. Выход может быть в психологии «перманентного вызова», «перманентного восстания» и бунта даже против «наиболее возвышенных про-

явлений традиционной культуры, против наиболее эффективных проявлений технического прогресса», воплощающих во всех случаях «социальную репрессивность».

Таким же духом было движимо и «левое искусство», и его идеологи. Адорно писал:

> *«Сейчас музыка души превращается в музыку рынка». Музыка «тем лучше, чем глубже может запечатлеть силу общественных противоречий и необходимость их преодоления, чем яснее она выражает в антиномиях собственного формального языка бедственное состояние общества».*

Преодоление противоречий подразумевает «увековечение страдания» и «трансценденцию отчаяния». Он вообще признавал возможность существования лишь культуры, выражающей невозможность ее в теперешнем виде. Андре Бретон призывал развивать «антикультуру». Г. М. Энценсберг писал:

> *«Культура — последний оплот буржуазии».*

Когда Сорбонна была оккупирована студентами в мае 1968 года, надписи на стенах гласили: «Культура — извращение», «Долой искусство — мы не хотим жрать труп!», а Сартр более конкретно заявлял:

> *«Что касается «Моны Лизы», то я дал бы ее сжечь и нисколько бы об этом не пожалел».*

Перед нами признаки тотального кризиса, охватившего тогда Запад, затронувшего самые основы общества и грозившего его существованию. Налицо была идеология абсолютного неприятия сложившегося на Западе общественного уклада, ненависти и готовности к насилию и разрушению. Эта идеология опиралась на концепции, разработанные течением острых и широко мыслящих философов, во многих случаях очень

тонко подметивших и проанализировавших коренные дефекты современного западного общества. Тогда не раз высказывалась мысль, что Запад повторяет русскую историю с опозданием на 100 лет: терроризм, полное отталкивание интеллигенции от власти, сочувствие террористам, всеобщее ожидание революции. Дословно повторяются те же самые идеи. Например, приведенное выше высказывание левого лидера Хайдена, что революция является самоцелью, надо сначала ее совершить, а потом решить, что делать дальше, повторяет неоднократно высказанную Бакуниным идею: «Так как нынешнее поколение само находится под влиянием этих гнуснейших условий жизни, которые оно теперь разрушает, созидание не должно быть его задачей, а задачей тех чистых сил, которые возникнут в дни обновления». Знаменательно, что среди надписей, оставленных на стенах Латинского квартала студентами за время его оккупации в мае 1968 года, встречалось гораздо больше цитат из Бакунина, чем из Маркса.

Внутренний кризис имел, конечно, и далекие геополитические последствия. Не только была проиграна вьетнамская война, но почти весь Индокитай: и Лаос, и Камбоджа попали под власть коммунистического режима. Многие африканские страны находились под влиянием Советского Союза или Китая — последней, по-видимому, была Ангола. Александрия стала базой советского военно-морского флота. Брюс Гершензон пишет: «Америка уступила свою позицию мировой державы» (именно это сейчас можно сказать о России). В Лос-Анджелесе в 1961 году сенатор Додд сказал: «Выступая в декабре в Париже, я утверждал, что если пройдет еще 15 таких лет, как последние 15 лет, то свободный мир (термин, обозначавший США и их союзников. — *И. Ш.)* не будет более существовать. В свете того, что произошло за прошедшие 8 месяцев, я должен пересмотреть этот срок. Нам больше не осталось 15 лет». Выступая перед комиссией конгресса, генерал Ведемайер, возглавлявший стратегическое планирование штаба США во Второй мировой войне, на вопрос председателя, сколько времени осталось у Аме-

рики, чтобы попытаться предотвратить «коммунистическое господство», ответил: «Сэр, по моему скромному убеждению, сейчас уже слишком поздно».

Для обсуждаемой нами темы особенно важно, что все элементы кризиса, переживаемого после войны западным миром: студенческие волнения, терроризм, приход к власти коммунистических правительств в Китае, Вьетнаме, Лаосе, Камбодже, на Кубе и в Анголе, прокоммунистические настроения интеллигенции, — все это лица, пытавшиеся бороться с кризисом, как правило, объясняли «рукой Москвы», действиями «коммунистических агентов». Ключевыми словами, присутствовавшими почти во всех выступлениях, статьях и книгах представителей этого лагеря, были: «коммунистический заговор».

Каким образом Запад смог преодолеть этот кризис и выйти из него (хотя бы временно) в 1980-е годы — это вопрос, ответ на который очень существен для понимания хода истории в последние десятилетия. Но безусловным является глубокое ослабление и внутренний раскол Запада в течение 1950 — 1970-х годов. Мы обрисовали, и то лишь частично, мощное влияние Советского Союза и коммунистического мира через «идеологическую войну», при помощи «агентов влияния» и спецслужб. Если бы этот фактор играл в жизни решающую роль, то бесспорно, что западный мир к настоящему времени был бы разрушен.

Сопоставление с Сербией

Наконец, в качестве еще одного аргумента мы применим обычный прием рассмотрения другой, аналогичной ситуации — то, что в естественных науках называют «контрольным экспериментом». Для России таким «контрольным экспериментом» может служить Югославия, которая приблизительно в то же самое время пережила столь же жестокое потрясение. Югославия тоже распалась — но на этом аналогия заканчивается. Сербы не сдались, их правительство

не заняло униженно-угодливую позицию по отношению к силам Запада, сербы в Боснии и Крайне борются за свое существование. И, как это ни странно, при вопиющем неравенстве сил, кажется, сербы начинают выигрывать, несмотря на временные отступления. Сам дух народа заметно отличается от того, что можно наблюдать у нас. При блокаде (санкциях ООН) и войне им не легче, чем нам, но общее ощущение гораздо увереннее. Как правило, они говорят: «Мы готовы воевать сколько угодно, мы завещаем эту войну нашим детям, но восстановим Великую Сербию».

А ведь то же самое оружие: «агенты влияния», «психологическая война», — да еще подкрепленное войсками НАТО, действует и в отношении Югославии. Ярким примером «агента влияния» был Милан Панич, американский гражданин, с ошибками говоривший по-сербски, приехавший в Югославию в 1992 году, получив на это специальное разрешение госдепартамента США. Он был назначен премьер-министром; казалось бы, над страной был окончательно установлен контроль. Но через полгода, в декабре 1992 года, он попытался баллотироваться в президенты, полностью провалился и исчез с политической сцены. Значит, различие ситуации в Югославии и России определяется какими-то внутренними причинами, по-разному проявляющимися в наших странах.

Так почему же тогда распался Советский Союз, разрушена и продолжает разрушаться наша экономика, седьмая часть русского народа находится на положении неполноправных граждан других государств, а сепаратизм грозит целостности оставшейся России? На этот вопрос моя статья не претендовала предложить ответ. Я хотел только аргументировать вывод, что основная, определяющая причина лежит не в каких-то внешних воздействиях Запада, а во внутренних процессах, происходивших в стране. Мне кажется, что этот вывод — оптимистический (насколько может быть оптимистичным что-то в нынешнем состоянии катастрофы).

Неверно, что «Запад победил Советский Союз в «холодной войне». Победа предполагает большую силу духа и

жертвенность, а Запад слаб так же, как и прежде. Военные силы 24 стран победили Ирак, уничтожив 150 000 иракцев. Но как нервно реагировало тогда американское общественное мнение! Жертвы американцев измерялись десятками. Но, как писали газеты, если бы их были сотни, то карьера президента Буша была бы кончена (впрочем, она закончилась и так). Даже Сомали изгнало американцев со своей территории! Кризис Запада не осознан и не изжит, а только загнан внутрь. Не даны сколько-нибудь вразумительные ответы на вопросы, поднятые критиками западного общества из числа философов течения «новых левых».

Теперешнее полное изменение соотношения сил в мире — это не следствие усиления Запада, не действия каких-то неподконтрольных нам сил, а результат внутренних событий, произошедших в нашей стране, то есть в конце концов результат определенных действий (или бездействия, когда нужно было действовать) определенных лиц в нашем обществе или в нашей истории. А значит, такими же действиями положение может быть изменено. Мы еще имеем шанс — а если не мы, то наши потомки.

Как умирают народы

Мы вымираем?

Состояние русского народа в последние годы трудно характеризовать иначе как *катастрофа.* Его численность сокращается приблизительно на миллион человек в год — вот уже в течение трех лет. Если так будет продолжаться, то к середине следующего (XXI в. — *Ред.)* русских будет около 50 миллионов человек.

И как раз за это время, вероятно, подавляющая часть земель России станет гораздо более ценной: согласно ана-

лизу многих экологов, промышленная деятельность ведет к усиленному выделению в атмосферу таких газов, как метан и углекислый газ, создающих так называемый «парниковый эффект», и, как следствие, приведет к повышению температуры к 2030 году примерно на 2,5˚С», а в северных районах — до 8˚С. Это сделает многие южные земли засушливыми и неплодородными, другие будут затоплены океаном, уровень которого поднимется в результате таяния полярных льдов. Но как раз необъятные области нашего Севера станут плодородными, и условия жизни в них станут гораздо легче. Население Юга, где ухудшение климатических условий совпадает с центром самого быстрого роста населения, будет стремиться заселять плодородные и удобные для обитания земли России. Да уже и сейчас мы испытываем давление громадной человеческой массы Китая.

Резко сократившееся население не будет в состоянии ни освоить, ни защитить наши громадные земли от давления Востока и Юга. Какая у нас будет армия через 20 лет, предопределено уже сейчас, здесь ничего никакими мерами изменить нельзя — эти мальчики уже родились. Вот подсчеты одного демографа. Оптимальная численность армии, необходимой для России, — 1,5 млн. человек и 500 тысяч человек войск МВД, что, при двухгодичной службе по призыву, требует призыва 700 тысяч человек. В 1993-м и 1994 годах родилось по 600 тысяч русских мальчиков, число которых ко времени их призыва из-за бытовых смертей сократится до 500—520 тысяч человек, а после медицинской выбраковки и вследствие уклонения от службы даст 100—150 тысяч русских призывников. Другие нации дадут не более 50 тысяч человек (2).

Падение рождаемости и вымирание сказались на русских гораздо сильнее, чем на других народах России. Показатель естественного прироста у русских в 4 раза ниже (3). Уже в 1989 году русские, составлявшие 82% жителей страны, дали примерно такой же абсолютный прирост, как и все остальные нации (4). Этот процесс приведет к резкому росту численности нерусских наций в республиках, входящих в Российскую

Федерацию, и к еще большему усилению сепаратизма. А если не русские, то кто же сможет удержать Россию от распада?

Те же признаки катастрофического упадка мы видим и в других областях жизни. Производство упало в два раза, и российская продукция почти полностью исчезла с нашего рынка. Останавливаются уже не отдельные заводы — работа прекращается в целых городах. Зарплату выдают только перед президентскими выборами. Из родильных домов только $^1/_3$ детей выписывают здоровыми.

Весь развал жизни — от страны в целом до отдельного производства — глубоко потряс дух народа. Бешено растут наркомания и алкоголизм. За 1993 год число умерших от отравления суррогатами алкоголя увеличилось на 85%. Было совершено 40 тысяч убийств. 56 тысяч человек покончили жизнь самоубийством — это почти в 4 раза больше, чем число убитых за всю войну в Афганистане (5).

Так что же, нам, русским, приходит конец? Наши враги с восторгом кричат, что — да! да! так оно и есть, на иной выход нечего и надеяться! Было бы опасным самогипнозом с порога отбрасывать такую возможность. Закрывая глаза на опасность, мы заранее отказываемся с ней бороться. Как ни страшно об этом говорить, нам пора обдумать этот вопрос, не отдавая себя исключительно во власть эмоций.

Действительно, народ — это социологический организм, имеющий, как и биологические организмы, начало и конец. История полна примеров народов, сошедших с ее арены. Такова многоэтапная гибель античности: сначала упадок городов-государств материковой Греции, потом эллинистической цивилизации, наконец, гибель Римской империи. Еще один пример — гибель Византии. Некоторые народы существовали очень недолго, исчезая внезапно: вандалы, авары-обры («И есть притча в Руси и до сего дне: погибоша аки обре»). Жизнь других очень длительна — например, у китайцев. История дает богатый материал для сопоставлений. Используя его, можно попытаться почувствовать, переживаем ли мы сейчас конец существования нашего народа или

можно надеяться, что мы являемся современниками лишь очень глубокого кризиса?

Конец античности — параллели

В истории упадка Римской империи проявляется ряд явлений, хорошо нам знакомых по нашей последней истории.

1. Появляется чувство, что империя своими размерами и своими завоеваниями взвалила слишком тяжелый груз на составляющие ее народы. Тацит сообщает, что еще Август оставил завещание, в котором советовал не увеличивать более размеры империи (6). Долгое время его наследники следовали этому совету — исключением было длившееся более сорока лет завоевание Британии. Последний взлет завоевательной активности был при Траяне в Дакии и Месопотамии (начало II века; все даты относятся ко времени после Рождества Христова). Но его наследник Адриан отказался от всех завоеваний Траяна в Месопотамии и перешел к оборонительной политике. Войны становятся все дороже. Ростовцев говорит: «Войны Траяна были бедствием для империи»; «Адриан понял, что у империи нет ресурсов для завоеваний» (7). Появляются оборонительные сооружения: Траянов вал в Восточной Европе, «стена Антонина» в Шотландии.

2. Уменьшается роль «государствообразующей» нации — в Римской империи — римлян и вообще жителей Италии. Уже Веспасиан (I в.) уменьшал число итальянских солдат в легионах, так как они вербовались из недовольной и возбужденной среды жителей итальянских городов. Он покровительствовал самому широкому предоставлению римского гражданства жителям городов западных провинций (8).

Большинство императоров первой половины II века, «золотого века Антонинов», происходили из провинций: Траян и Адриан — из Испании, Антонин Пий и Марк Аврелий — из Галлии.

Септимий Север (конец II — начало III века) упразднил преторианскую гвардию, вербовавшуюся из жителей Ита-

лии, и заменил ее солдатами, вербовавшимися из провинций — в основном с Дуная. Дион Кассий пишет: «Тем он совершенно погубил молодежь Италии, которая обратилась к разбою и профессии гладиаторов вместо военной службы»; «Он пополнил столицу толпой солдат, диких на вид, которых страшно было слушать» (видимо, большинство из них не говорило по-латыни) (9).

Во времена Северов (III в.) армия уже в основном состояла из жителей провинции. «Самыми боеспособными были легионы, набранные в Германии, Фракии и Иллирии — лишь недавно присоединенных к империи». «В III в. растет число наемников из числа наименее цивилизованных частей империи; арабов, мавров, фракийцев, бриттов, германцев, сарматов. Новая римская армия не была *римской* армией. Она была армией римского императора и государства, но не народа в самом широком смысле. Она не была частью населения и не представляла его интересов» (10).

Жители Италии официально утратили свое привилегированное положение в 212 году, когда эдиктом императора Каракаллы звание римского гражданина было присвоено всем свободным жителям империи. Экономически Адриан (II в.) еще пытался поддерживать Италию, но потом он отказался от надежды сохранить ее экономическое превосходство и посвятил свои усилия провинциям. Септимий Север (III в.) порвал с политикой Антонинов и встал на путь полной варваризации империи (11).

3. Убыль населения. Ростовцев считает, что в эпоху Антонинов (II в.) она касалась лишь Италии и, может быть, Греции, но Зеек (12) полагает, что уже тогда она охватила всю империю. Во всяком случае ясно, что процесс обезлюдения начался с «центральных» областей империи — Италии. Еще Август издавал рескрипты, которые должны были способствовать прочности браков и рождению детей. Эдуард Мейер пишет: «Нерон и Траян учредили продовольственную помощь многодетным семьям, которую, в противоположность нашему обеспечению старости, можно назвать обеспечением юности.

Была создана программа обеспечения и воспитания государством бедных детей путем ассигнования огромных капиталов, которые беспрестанно увеличивались в результате пожертвований». Но «несчастье бездетности и безбрачия остается неизменным» (13). (В то время применялся метод «планирования семьи», не менее эффективный, чем все, известные сейчас, — детоубийство.) По поводу III века Ростовцев пишет: «Теперь уже мало кто воспитывал детей — в любом сословии. Депопуляция стала центральным явлением империи. Можно было эвакуировать целую провинцию, как Дакия, и расселить ее население в других провинциях на Дунае. Это показывает, как мало было население в Дакии и на Дунае» (14).

Заметим, что еще Полибий, описывая упадок городов Греции, говорил: «В наше время бездетность и недостаток в людях сделались в Греции повсеместными, и благодаря этому города опустели и доходы уменьшились». «Люди не хотят воспитывать детей и обыкновенно воспитывают лишь одного или двух» (15). Комментируя это место, Эд. Мейер пишет: «Как и римские государственные люди, Полибий требует вмешательства власти». «Понятно, что все эти законы и премии за обилие детей оказались совершенно бессильными» (16).

4. Упадок деревни. Светоний писал, что еще во времена Августа бесплатные раздачи хлеба римскому пролетариату губили земледелие (17). В I веке Дион Хризостом рассказывает о местности, где $^{2}/_{3}$ земли в запустении. Богач предлагает землю даром, даже с денежной помощью. За обработку большого участка обещают права гражданства (18). Зеек пишет: «Еще во времена Гракхов и даже Цезаря законы, пытавшиеся возвратить население из города в деревню, встречали много желающих ими воспользоваться. После аграрного закона Тиберия Гракха нашлось 77 тысяч бедняков, готовых переселиться из Рима в деревню. Но со временем это прекратилось: население Рима все более забывало свое сельское происхождение» (19).

При Антонинах (II в.) упадок земледелия (особенно в Италии) пытались остановить власти. Нерва предлагал раздавать землю бедным гражданам. Траян заставлял сенаторов покупать

землю на родине и помогал итальянским земледельцам — крупным и мелким, снабжая их дешевым кредитом (20).

5. Общий упадок экономики. Ростовцев видит в III веке «колоссальный упадок деловой активности». С этим связан гигантский рост цен. Так, цена на зерно в I и II веках была в основном постоянной. К концу II века она выросла в 2,5 раза, а к эпохе Диоклетиана (конец III в.) — в 15 000 раз! Современной инфляции соответствует уменьшение ценности денег: постепенное исчезновение золотых монет и уменьшение доли серебра в «серебряных». К концу III века доля серебра в монетах уменьшилась до 5%(21). Цена динария с I до III века упала более чем в 30 раз (22).

6. Криминализация. Ростовцев пишет об эпохе Северов (начало III века): «Банды разбойников господствовали над империей. В Италии армия бандитов под командой Булла терроризировала страну многие годы». «Разбойники господствовали на земле и на море». «Господство пиратов, казалось, возродило давно забытые времена I века до Р. Х.» (23).

7. Сепаратизм. Области империи, уже несколько веков, казалось бы, органически сросшиеся с ней, объявляют о своей независимости, и их только с трудом удается вновь подчинить центральной власти. Так, в III веке отделяется Галлия, провозглашая Галльскую империю. Отделяется Пальмира при правительнице Зенобии и даже завладевает Египтом. После победы над Пальмирой происходит восстание в Александрии во главе с Фирмом. Таких вождей сепаратистских движений было несколько десятков — источник III века даже называет десятилетие с 260 по 270 год «эпохой тридцати тиранов».

Но поразительным образом и императоры проводили политику, способствовавшую разделению страны. Так, Диоклетиан в конце III века разделил власть с другим правителем. Каждый из них принял титул Августа, а потом взял в помощь еще одного соправителя с титулом Цезаря. Империя была разделена на четыре части, в каждой из которых один из соправителей имел суверенную власть. Потом такое разделение власти над частями империи применялось неоднократно.

Известен конец всей этой цепи явлений. Империя стала неспособной оборонять себя: войск не хватало, и желания бороться за ее сохранение не было. Соседние племена хлынули через границы: франки, аллеманы, готы, персы. Рим перестал быть столицей уже при первом — Диоклетиановом — разделении империи на четыре части. Столицей той части империи, в которую входила Италия, был не Рим, а Милан. Позже, когда Константин Великий на время восстановил власть над большей частью империи, он перенес столицу в Византию (330 г.). Временем окончательного разделения империи на Западную и Восточную считается 395 год. В 410 году готы взяли Рим. Временем падения Западной Римской империи считается 476 год. Ее захлестнули потоки вторгшихся соседних народов, и она распалась на ряд государств.

Контраргументы

Из предшествующего изложения может сложиться впечатление, что существует некий предопределенный путь, которым идут народы, когда приближается конец их истории, и что русские сейчас точно повторяют все основные этапы этого пути, как по какому-то шаблону.

На самом деле положение, видимо, сложнее. Действительно, существуют черты, почти всегда сопровождающие гибель государства и конец истории создавших его народов. Это сокращение населения; упадок деревни; общее разрушение экономики, в частности рост цен и обесценение денег; падение роли «государствообразующей» нации и ослабление патриотического чувства (или «имперских амбиций», как говорят наши враги); наконец, рост сепаратизма и распад государства. И мы их ясно видим в нашей современной жизни.

Но упадок античности сопровождался и другими, не менее существенными чертами, для современной России нехарактерными. Прежде всего, это падение духа армии. Само существование Римской империи, видимо, не воспринималось населявшими ее народами как ценность, за которую стоит идти

на жертвы. С вторгшимися варварскими народами старались вступить в компромисс, им выделяли для расселения земли в опустевшей империи или пытались от них откупиться. Но мы-то всего лишь 50 лет назад одержали победу в одной из самых жестоких войн, пережитых человечеством, — и победа эта потребовала высочайшей жертвенности и напряжения всех сил народа. Трудно представить себе, что за 50 лет глубинная психология народа могла радикально измениться.

Да и сейчас в Чечне армия воюет, шельмуемая и поносимая средствами массовой информации, которые, особенно в начале кампании, неприкрыто выступали как средства пропаганды в пользу противника. Армия дважды довела операции до победного конца — и дважды после этого была остановлена приказом с самого верха, чтобы противник мог пополнить свои ряды и снаряжение и спокойно расстреливать и взрывать наших солдат и генералов. Армия воевала в условиях до предела некомпетентного планирования кампании, при недоедании и невыплате жалованья. И в то же время, когда я был в прошлом году в Чечне в составе небольшой делегации, многие военные нам рассказывали, что если за солдатом приезжала его мать, то начальство безоговорочно разрешало ему покинуть армию — но почти никто на это не соглашался. Имея позади себя, быть может, более опасных врагов, чем впереди, армия и могла-то воевать только из-за силы духа, неожиданно для всех в ней проявившегося.

Столь же принципиальным явлением, сопровождавшим конец античности, был глубокий духовный и интеллектуальный упадок. Например, Р. Ю. Виппер пишет, что императоры эпохи Антонинов (II в.) были «окружены плеядой ученых, писателей, ораторов, которых используют на службе имперской администрации». Он перечисляет Плиния Младшего, Диона Хризостома, Арриана, Фронтона, Города Аттика, Аппиана, Апулея, Лукиана, Авла Геллия. Он называет их время «последним веком процветания античной культуры» и пишет, что «у них нет продолжения, за ними следует быстрый, неудержимый упадок» (24). Но в наше время никак

нельзя увидеть признаков духовного упадка. Сейчас в России работает множество ярких и глубоких писателей, композиторов, скульпторов, исполнителей, перечислять которых нет необходимости — они всем известны. Современная духовная культура на редкость разнообразна: в музыке, например, есть яркие представители как «модернистского» направления, так и композиторы, опирающиеся на народную традицию и на литургическую музыку.

Все собранные выше признаки, обычно сопутствующие гибели народа, в других случаях сопровождают глубокий кризис, все же преодолимый. История иногда совершает резкие, непредсказуемые повороты. Народ, казалось бы, обреченный на исчезновение, вдруг подымается и входит в новый период плодотворной жизни. Например, во время 4-го Крестового похода западные крестоносцы в 1203 году взяли штурмом и до конца разграбили Византию. Вместо Византийской империи возникла так называемая Латинская империя, большая часть земель в которой была поделена между крестоносцами (в основном — французами). Но в Малой Азии сохранилось небольшое государство — осколок Византийской империи, называвшееся Никейской империей. Оно было зажато между турками-сельджуками и латинянами, захватившими Византию. Да еще папский престол побуждал монголов к походу против него, дабы окончательно искоренить остатки православной «схизмы». И тем не менее греки-византийцы выдержали, Латинская империя просуществовала всего 40 лет, и в 1261 году была восстановлена Византийская империя под властью новой династии Палеологов. Византии было суждено еще два века плодотворной жизни. В частности, в этот период возникла глубокая богословская система св. Григория Паламы и движение исихастов на Афоне. Оно оказало решающее влияние на духовную жизнь России, собиравшейся с силами для освобождения от монгольского ига. Последователями исихастов были св. Сергий Радонежский, а позже — св. Нил Сорский. Именно из Византии двух последних веков ее существования Россия получила второй (после крещения

при св. Владимире) духовный импульс, определивший ее судьбу на следующие века (25).

Да и то, что французы, вдохновленные Жанной Д'Арк, смогли победить в Столетней войне и очистить от англичан свою землю, было совершенно непредсказуемо. Точно так же трудно объясним выход России из Смуты XVII века, когда в Москве сидел польский царь, Смоленск был взят поляками, Новгород — шведами, а представители лучших родов России собрались у Самозванца в Тушине. Наконец, как смотрели современники на будущее России после монгольского нашествия, показывает хотя бы появление такого произведения, как «Слово о погибели русской земли». Вряд ли тогда могли подумать, что ярчайшие периоды русской истории еще впереди.

Я помню, что много спорил о характере законов истории с покойным Львом Николаевичем Гумилевым, считавшим, что в ней действуют закономерности, подобные естественнонаучным, и что поэтому возможно (хоть в масштабах столетий) предсказание будущего течения истории. Но он меня не убедил. Мне кажется, что и множество фактов, подобных приведенным выше, противоречит такому взгляду. А главное, история есть результат действий людей, каждый из которых обладает свободной волей, и вместе они способны, в принципе, повернуть свою жизнь вопреки всем расчетам и материальным силам. Собственно, это и утверждал св. Александр Невский словами: «Не в силе Бог, а в правде!»

Поэтому мне представляется, что указанные выше факты и параллели приводят к следующему выводу. Да, Россия находится в жесточайшем кризисе, может быть, самом жестоком в ее истории. Мы вымираем и отступаем. Мы уже занесли одну ногу над пропастью. Не видеть этого, закрывать глаза — значит наверняка в эту пропасть обрушиться. Наоборот, именно трезвое и ясное видение нависшей катастрофы может дать силы, чтобы найти из нее выход. И это даже в русском духе. Наш народ не раз собирал все свои силы именно тогда, когда гибель казалась неотвратимой, — когда была взята Москва или враг стоял на Волге.

Россия без русской силы

В чем же глубинная причина сегодняшнего кризиса России? Кажется, его общая схема ясна уже многим. Коммунистический режим вырастил хищную номенклатуру, с вожделением смотревшую на богатства страны, которыми она в каких-то пределах могла распоряжаться, но не могла превратить в свою частную собственность. В то же время выросла мощная криминальная экономика. Объединившись, они совершили переворот, который отдал им в руки большую часть богатств страны.

Но ведь при этом был разрушен старый аппарат власти, и каждый из нас получил большую свободу действий. Почему же не сформировались силы, которые предотвратили бы развал? Конечно, переворот произошел в период, когда очень многие чувствовали, что страна переживает кризис — и экономический, и духовный. Широко распространилось чувство, что жизнь надо менять, — и на первых порах это способствовало перевороту. Но мы составляем неглупый и достаточно интеллигентный народ; почему же так долго можно было грабить и разваливать страну под видом реформ? Ведь весь этот «процесс» реформ-разграбления продолжается почти 10 лет — достаточно времени для его осознания. Мне кажется, что когда говорят, будто мы стали жертвой еще невиданного «информационного оружия», то это просто значит, что мы не отдаем себе отчет в том, что на самом деле произошло.

Чтобы это хоть немного прояснить, представим наше положение в виде очень грубой и приближенной схемы. В обществе действует нечто вроде «социальной механики»: одни силы уравновешивают другие; если некоторая сила ничем не уравновешивается, то она беспрепятственно движет страну в ту сторону, куда направлена. Одна сила сегодня очевидна — это интересы вновь образовавшегося слоя, захватившего в свои руки колоссальные богатства. Мне трудно привести другой пример из истории столь внезапного захвата таких ценностей.

Этот слой обладает громадной мощью — деньгами, на которые приобрел и средства информации, и правительственный аппарат, и какие-то вооруженные силы. Недавним проявлением силы этого слоя было нашумевшее ультимативное «письмо финансистов». Тоном господина они требуют, чтобы разные партии, сохраняя, если хотят, внешние различия, заявили, что едины в главном — неприкосновенности банкирской власти и финансов, на которых она основывается.

Другая сила, действующая в том же направлении, — это люди, ненавидящие Россию, которым отвратительна ее обширность, глубина ее истории, национальный характер русского народа и тип русской цивилизации. Не буду на этом останавливаться, так как давно и подробно писал на эту тему в своей работе «Русофобия».

Наконец, еще одна сила, действующая так же, как и две предшествующие, — это финансисты и политики Запада. Прежде всего на Запад потекли из России грандиозные богатства. Новые богачи, унаследовавшие хищно-грабительскую психологию криминальной экономики, готовы довольствоваться небольшой частью захваченного, лишь бы она была реализована быстро. Благодаря этому Запад может перекачивать из России за полцены, а то и за бесценок ее природные богатства — как раз в то время, когда истощаются запасы в «третьем мире», откуда он их до сих пор брал. С другой стороны, Запад всегда ощущал Россию как своего исторического антагониста. Он готов был приветствовать Советский Союз, когда там уничтожалось крестьянство («отсталый, реакционный класс»), особенно когда Советский Союз воевал с Гитлером. Но все время оставалось чувство, что в глубине Советского Союза запрятана чуждая и непредсказуемая Россия. И вдруг СССР разрушается как по волшебству.

Но вот есть ли реальная сила, действующая в каком-то другом направлении? Ее не видно. Никакая оппозиционная партия такой силой не является. Даже если она приобретет большинство в парламенте, парламент можно разогнать, а то и расстрелять.

Но сейчас нет нужды даже в таких драматических действиях. Что может сделать любая партия, приди она сегодня к власти? Мы видим, что в Москве продаются предметы, почти исключительно привозимые из других стран: еда, лекарства. Телевизор забит рекламой, но продукция России там фактически не рекламируется — кроме банков. Сейчас Запад может вызвать катастрофу — по крайней мере в Москве, — не прибегая ни к интервенции, ни к бомбардировкам. Только совершенно экстраординарные меры способны дать России возможность вырваться из накинутой на нее петли. Вероятно, что-то вроде введения карточек, отказа платить долги, согласия затянуть туже пояс и пойти на еще большее ухудшение жизни в течение нескольких лет, чтобы потом добиться достойного существования. Но партии, готовой к этому, нет (включая и коммунистов): ведь к такому повороту всей жизни надо упорно готовить своих единомышленников, а сейчас об этом никто не смеет заговорить. Да еще теперешняя чудовищная преступность, не отграниченная четко от всей экономической и политической жизни. Лишь самые жесткие меры дадут шанс с нею справиться, но кто способен на них пойти?

Однако может ли хоть в принципе существовать сила, которая бы уравновесила те, которые движут Россию к полному развалу? Мне кажется, что может, и притом только одна. Ведь каждое государство связано с каким-то народом: либо (что бывает редко) оно только из этого народа состоит, либо этот народ составляет в нем большинство и исполняет «государствостроительную» функцию. Поэтому существование государства невозможно без существования этого народа. Народ же есть не просто совокупность людей, близких по крови: они должны быть объединены чувством общей судьбы, готовностью бороться за свое место под солнцем, за свою страну. Вот это и есть единственная сила, способная удержать страну на краю пропасти, спасти в момент, казалось бы, неизбежной гибели. В нашей стране это — сила русского национального самосознания. Да, именно она всегда и спасала страну: от Куликова поля до Сталинграда. Ее-то сейчас в сколько-нибудь органи-

зованном виде нет: русское патриотическое движение до сих пор политической силой не стало. И в этом основная причина того, что мы не способны выбраться из катастрофы.

Казалось бы, наоборот, сейчас все патриоты. Но уже то, что этот облик принимают самые противоположные течения, внушает сомнение в их искренности. Как можно разобраться в этом маскараде патриотических масок? Способ самый простой: обратить внимание на конкретные, часто мучительные вопросы, стоящие перед русским народом.

Прежде всего с положением 25 миллионов русских, оказавшихся за пределами России. Более или менее внятно о них упоминают все. Но какое политическое течение формулирует конкретные требования? В первую очередь, права русского народа на воссоединение. Так, Западная Германия не признала де-юре разделения страны, обязалась бороться за ее воссоединение — и добилась своего! Кроме того, следовало бы добиваться статуса русского как второго официального языка, автономии районов, где русские составляют большинство, второго гражданства, того, что имеют десятки наций в России. А в Прибалтике — элементарного равноправия (в Латвии для неграждан — в основном это русские — существует 68 запретов на профессию, они живут как евреи по нюрнбергским законам в первые годы гитлеровского режима). Кто требует, чтобы экономические отношения со странами, где живет много русских, учитывали их положение? Из сколько-нибудь влиятельных партий — ни одна. (За исключением разве Жириновского, — но его декларации уже мало кто, кажется, принимает всерьез.)

Или такой, казалось бы, специальный, но болезненный именно для русского патриотического сознания вопрос, как положение Севастополя. Севастополь — это Черноморский флот, оборона всего русского Юга. Это, кроме того, чисто русский город, украинский язык там слышен только по радио. Но сверх всего этого он весь наполнен великими историческими воспоминаниями о Крымской войне, Великой Отечественной; там каждый камень пропитан русской кровью.

Севастополь — одна из национальных святынь России. Такие святыни поддерживают и скрепляют народ, как знамя — армию. Их сдача символизирует капитуляцию. Да и чисто юридически Севастополь — город России: после войны он был выведен из состава Крымской области и сделан городом республиканского подчинения РСФСР, так что хрущевская передача Крыма Украине, сама по себе незаконная, на Севастополь не распространялась. Отношение современных политических течений? В 1993 году Верховный Совет принял постановление, подтверждающее российский статус Севастополя. Президент тогда сказал, что ему за это постановление стыдно. Украина подала жалобу в Совет Безопасности, и произошло почти беспрецедентное: представитель России присоединился к этой жалобе на свой Верховный Совет! Но и КПРФ не высказала четкого отношения к вопросу о российском статусе Севастополя. Ведь за Севастополем стоит Крым, а Коммунистическая партия Украины голосует за то, что Крым — неотъемлемая часть Украины. Не слыхали мы и того, какова точка зрения нашего президента на статус Севастополя и Крыма. Да и есть ли такая точка зрения?

Наконец, самый больной на сегодняшний момент вопрос — о Чечне. Кроме влияния на судьбу российской государственности, на дальнейший распад России, ситуация в Чечне имеет сугубо русский национальный аспект. Во время трехлетнего правления Дудаева русское население Чечни подверглось свирепому террору: убийствам, пыткам, избиениям, изнасилованиям, цель которых была — сгон этого населения с их земли, захват домов и земель. Были убиты десятки тысяч русских, сотни тысяч превратились в нищих беженцев. Произошла крупнейшая в нашей стране после конца войны этническая чистка. И, несмотря на весь накал, с которым обсуждается положение в Чечне, именно этот вопрос, касающийся сотен тысяч русских, никого не волнует (исключение составляют лишь думская комиссия Говорухина и несколько общественных деятелей). В Чечне проводятся выборы — как будто не изгнана значительная часть

русских избирателей. Собираются совещания по Чечне, в которых участвуют представители чеченских боевиков, старейшины тейпов, мусульманское духовенство, — но никогда представители изгнанных русских. Еще дальше вглубь идет вопрос о землях, веками раньше заселенных русскими и по хрущевскому произволу переданных Чечено-Ингушетии, — Наурском и Шелковском районах на левом берегу Терека. По какому праву эти казачьи земли остаются в Чечне, их поливают русской кровью и сгоняют с них коренное казачье население? Об этом хранит полное молчание весь спектр политиков — от президента до КПРФ.

Президент уже не первый раз объявляет о конце военных действий в Чечне, хотя противоположная сторона их не думает прекращать. Но ненамного отличается и политика КПРФ, требующей «немедленно остановить военные действия» (26). Собственно, здесь проявилось полное единство — президент так и поступил, за что и расплачиваются русские солдаты, которых расстреливают каждый день, эшелоны с которыми пускают под откос. Требование немедленно остановить военные действия — чем же отличается оно от позиции Ковалева или Юшенкова?

Корреспондент из Грозного пишет мне: «Со времени моего детства и вплоть до предвоенных месяцев типичной была уличная сценка: на одного или группу русских мальчиков нападает ватага чеченят, бьют даже не жестоко, а так, чтобы сильнее унизить, и все это под одобрительные молчаливые взгляды взрослых».

Другие рассказывают о массовых насилиях над русскими женщинами, русскими мальчиками. По рассказам, в Чечне множество русских рабов, рабов продают и дарят, при попытке к бегству — убивают. На стене в Грозном — надпись: «Русские, не уходите, нам нужны рабы».

Но всего этого как бы нет для «партийной» России — от президента и всей партии власти, от Ковалева и Явлинского до КПРФ (особенно же для более ортодоксальных коммунистических партий).

Таким образом, если судить не по общим декларациям или символическим действиям, а по конкретным требованиям и обязательствам (тем более — делам), то не оказывается ни одного политически весомого движения, которое исходило бы из русских национальных интересов.

Русское патриотическое движение как политическая сила — до сих пор не состоялось. Это не есть смертельный диагноз — может быть, народ очень медленно приходит в себя в новой ситуации развала и упадка и постепенно собирает свои силы. Но на данный момент положение таково, на него нельзя закрывать глаза, и, только учитывая этот тяжелый факт, можно постараться оценить перспективы на будущее.

Опять выборы без выбора

Из нашей страны на Запад хлещет сейчас золотой поток — десятки миллиардов долларов в год. Изрядная часть этого богатства оседает в карманах новых богачей в России, основная часть — питает Запад. Тем создается сильнейшее поле интересов, порождающее те мощные социальные силы, о которых было сказано выше. Им же у нас никакая равномощная реальная сила не противостоит. Ведь надо отдать себе отчет, что спор идет, ни много ни мало, о господстве над Россией — самой богатой и самой большой страной мира. Это такие богатства, за которые ведут мировые войны.

Чтобы представить себе масштаб явления, удобно рассмотреть какую-нибудь параллель. Например, во второй половине XVIII века во Франции и Англии бурно развивался капитализм, и они были конкурентами за ведущее место в мире в этом развитии (Франция была тогда «мировым банкиром», как позже — Англия, потом США). Успех зависел от владения обширными заморскими рынками (Индия, Северная Америка) и особенно землями, пригодными для захвата и заселения частью населения, не находящей себе приложения дома, — таким был громадный богатый материк Северной Америки. За это между Францией и Англией шла война с 1755

по 1763 год, закончившаяся победой Англии и установлением ее господства в Индии и Северной Америке. В результате последующее развитие капитализма в Англии происходило без общенационального кризиса, а во Франции оно привело к тяжелейшему потрясению — Французской революции и ряду следующих кризисов, растянувшихся почти на целый век.

Не меньшего масштаба события разыгрываются сейчас в связи с Россией. Решается судьба России, а это в значительной мере определяет судьбу мира. Никак не меньшие ценности поставлены на карту, не меньшие силы приведены в действие.

Распространено почти поголовно убеждение, что мы можем решить вопрос нашего будущего путем голосования — выборами. Нереальность этой надежды кажется очевидной. Вопросы такого масштаба, что ради них ведут войны, организуют интервенции, совершают революции, не могут быть решены выборами. Слишком это легковесный путь для столь весомых проблем. Выборы эффективны, если от их исхода не слишком сильно зависит баланс реальных интересов, да еще если в стране укоренилось многовековое доверие к системе выборов. Неужели истинные распорядители «рычагов власти» — и у нас, и особенно во всем мире, — те, кого И. Ильин называл «мировой закулисой», согласятся, чтобы судьбы мира сложились не по их желаниям лишь потому, что мы так или иначе проголосовали? Ведь даже если исключить все виды обмана при выборах — водопад лживых обещаний, нечестный подсчет голосов, — мы возвращаемся все к тому же: нет физической силы, которая могла бы заставить считаться с результатами голосования или гарантировать добросовестный подсчет голосов.

Партия власти может надеяться на самостоятельную победу, опираясь на средства информации и все те рычаги влияния, которые есть в руках власти. Но она может не понадеяться на победу и предложить сговориться своим противникам: видимо, именно этот вариант сквозит в «письме финансистов», его огласил недавно и Жириновский, всегда приходящий на помощь власти в трудный для нее момент.

Наконец, может произойти множество инцидентов: захваты заложников, террористические акты, атомные катастрофы и т. д., которые потребуют введения чрезвычайного положения и сделают невозможными выборы на ближайшее время.

Но наша партия власти — лишь небольшая подчиненная часть «мировой закулисы», и вес их несоизмерим. Может быть, будет решено, что теперешняя партия власти слишком испортила свой облик и должна быть смещена — тогда ей придется уступить свое место, как ей это ни неприятно делать. На смену ей могут прийти коммунисты. Однако это будет допущено при одном обязательном условии: если будут даны железные гарантии того, что при смене власти положение в стране в принципе никак не изменится. Такой прецедент уже был: в Польше. Там был недавно сменен президент — не бывший член ЦК и секретарь обкома, а подлинный вождь антикоммунистического движения, сидевший в тюрьме при коммунистах. Вместо него был избран коммунист — а большинство в сейме и все экономические министерские портфели коммунисты получили еще года три тому назад. (Партия поменяла название, но это та же структура, тот же аппарат.) И при этой смене ничего не изменилось. Приватизация пошла даже круче. Экономика вся контролируется Западом. Колоссально высок уровень безработицы.

Похоже, что попытки предложить такие гарантии были и у нас. Например, руководители КПРФ присутствовали в Давосе, когда Россия получала 10-миллиардный займ от Международного валютного фонда, обставленный такими условиями (отмена пошлин на вывоз нефти), при которых мы теряем то, что получаем. Они присутствовали и при вступлении России в Европейский совет. Совершенно непонятно, зачем нам надо было вступать в эту организацию, созданную Западной Европой для себя, по своей мерке, не подогнанной под нас, где мы всегда будем на положении двоечника в классе, да еще будем платить за это удовольствие 22 млн. долларов каждый год. Но верхушке партии, может быть, важно таким путем войти в мировую элиту, чтобы завоевать доверие «мировой закули-

сы». К этой же области относятся заявления руководителей КПРФ об их приверженности «многоукладной экономике» и выпады коммунистической печати против «великодержавного шовинизма» (примеры будут приведены ниже). Это и есть те два пункта, которые больше всего беспокоят Запад в связи с будущим России: что прервется «золотая река», текущая из России, и что оформится русское национальное самосознание (одно с другим тесно связано).

Но вполне вероятно, что все эти авансы покажутся недостаточными: коммунисты не будут для «мировой закулисы» в достаточной степени «своими». Тогда тем или другим способом они к реальной власти допущены не будут (максимум — в коалиционное правительство, на проверку). Им будет предоставлен дальнейший срок для доказательства своей лояльности, главным образом, вероятно, в кадровом вопросе, чтобы они стали более верны своей «интернационалистской» традиции.

Мы приходим к печальному выводу, что сейчас выборы состоятся лишь в том случае, если заранее гарантирован нужный их результат — то есть реально выбора не будет. Мы столько раз видели выборы без выбора, с единственным кандидатом. Сейчас мы имеем опять выборы без выбора, но с множеством кандидатов, и их ожесточенная борьба увлекает зрителей и заставляет забыть, что речь-то идет о продолжении и усилении одной, определенной линии развития. Конечно, для непосредственных участников состязания, например для кандидатов в президенты, исход выборов далеко не безразличен — и это придает искренность и драматизм их борьбе. Но это далеко не редкий случай в истории, когда некоторые социальные силы стремятся претворить в жизнь вполне определенную программу и ищут вождя или группу лиц, которые наиболее эффективно это сделают. Отбор кандидата происходит в форме борьбы — якобы из-за идейных разногласий, на самом деле за право эту программу осуществлять, — борьбы часто со смертельным исходом для проигравших. Такими братьями-антагонистами полна история: от

Помпея и Цезаря до Троцкого и Сталина. Да и Горбачев с Ельциным укладываются в эту линию.

Рано или поздно мы должны осознать, что эта система выборов, основанная на пропаганде партий и на партиях, строящихся сверху (а не снизу — от деятелей районов, областей), предполагающая прямое голосование, никак не учитывающее разнообразие нашего народа, — это игра, в правилах которой наш выигрыш просто не предусмотрен. Ведь нечего греха таить — мы выбрали в президенты Ельцина и тем самым запустили губящую нас до сих пор систему «реформ». Пусть за Ельцина проголосовало меньше половины имевших право голосовать — но ведь другого, близкого к нему по числу голосов кандидата не было, так что, по сути, выбрали его мы. Так будет, боюсь, и с предстоящими выборами — они не дадут того результата, которого большинство народа от них ждет. Они — не путь для реализации воли народа. Поэтому я, в частности, считаю удобным время для этой статьи: написана до выборов, но будет опубликована после выборов. Чтобы она никаким боком в выборной пропаганде не участвовала: ни в предвыборной агитации, ни в послевыборных эмоциях.

Что же дальше?

Вернемся еще раз к сопоставлению нашей действительности с периодом упадка античной цивилизации. Вывод мы уже сделали. Нам реально угрожает тот же путь: дальнейшее вымирание, экономический упадок, распад страны и захват больших частей другими народами. Но такой исход не предопределен железно. Что с нами случится — зависит от нас, особенно от следующих поколений. Должны же они когда-то осознать, что в подавляющей части народа каждый стоит перед проблемой, которую ему одному решить нельзя. Можно пойти торговать в лавку, ездить «челноком» или работать в банке — но это выход для немногих, и выход неверный. Для большинства народа все слабеет вера, что в следующем поколении будет возможность создавать нормальные, многодетные семьи, дать

детям образование, да даже гарантировать сытую жизнь. Это все яснее превращается в глобальную задачу, которую может решить только народ в целом, осознав себя единым народом и спасение страны — общенародной задачей. Как, очевидно, нельзя одному выиграть войну или одному отстоять от огня свой дом в охваченной пожаром деревне.

Все шире распространяется чувство, что жизнь движется в каком-то гибельном направлении. Сейчас те, кто эту тенденцию осознал и душой ее не приемлет, в основном объединяются, видимо, вокруг коммунистов: хотя и не входят в ту или иную коммунистическую партию, но ходят на созываемые ими демонстрации, составляют, как любят сейчас учено выражаться, их электорат. Это, как мне кажется, сейчас наиболее социально, государственно мыслящая, может быть, правильнее было бы сказать — чувствующая часть народа. Собственно коммунистами, в сколько-нибудь точном смысле этого термина, они не являются. Жизнь показала им, что народ в целом опускается все ниже, на самое дно бесправия и нищеты. Тут их учителями скорее были демократы, гайдаровские «реформы», чем коммунисты. Коммунистическими являются символы, термины и лозунги, которые их объединяют. Но они интерпретируют их совсем по-другому: не как символы коммунизма, то есть марксизма-ленинизма, мировой пролетарской революции или хотя бы государственной монополии в идеологической или экономической области. Они являются символами протеста против глумления и оплевывания страны, ее трагической истории, в частности, последней войны, — глумления, в котором главными улюлюкающими свистунами выступают как раз те, кто недавно лакейски служил строю, который они сейчас так бесстрашно и лихо разоблачают.

Как мне кажется, было бы несомненным благом для страны, если бы этот слой людей четко сформулировал свои цели и смог бы добиться их осуществления — на кого же и рассчитывать, как не на них или тех, кто в будущем продолжит их тенденцию?

А коммунистическая терминология отсеялась бы от реальных жизненных проблем в несколько лет, как уже отсеялся портрет Маркса.

Но беда в том, что в теперешней организационной форме — под руководством коммунистической партии — свои цели этот слой реализовать в принципе не в состоянии. Ведь для него речь идет не просто о смене верхушки власти, но о принципиальном изменении основного направления течения жизни. Такой переворот можно осуществить лишь при крайнем напряжении всех сил и объединенной воле народа. А это возможно лишь на основе ясной, в глубине своей последовательной идеологии. Например, народ Ирана в основной массе сопротивлялся политике модернизации, ориентации на США, которую проводил в 1970-е годы шах. В Тегеране начались демонстрации, их разгоняли и расстреливали, но они снова собирались. Всего при борьбе с демонстрациями было убито около 50 тысяч человек только в Тегеране, население которого 4 миллиона. По существу, это значит, что вышел на улицу весь народ. Такого народного подъема не может выдержать никакая власть — в 1979 году шах бежал, и власть перешла к Аятолле Хомейни. Но весь этот всплеск народной энергии был возможен лишь на базе идеологии исламского фундаментализма. Как бы к этому фундаментализму ни относиться, он оказался рычагом, который сдвинул страну.

Но у нас-то, при попытке объединить народное патриотическое движение вокруг коммунистического ядра, возникает эклектичный, внутренне противоречивый набор тезисов, которые не складываются ни в какую идеологию. Например, ключевым тезисом, постоянно повторяющимся, является «духовность». Он развивается вплоть до того, что верующий может быть членом КПРФ. Но, с другой стороны, это марксистская партия (27). А сила, обеспечившая такой всемирный успех марксизму в течение целого столетия, — цельность его идеологии. Это был единый взгляд на мир, претендовавший на объяснение всего сущего — от движения атомов до революций. В этом смысле претендовавший на то, чтобы занять место

религии. И основные его концепции: материализм, диалектический материализм, материалистический взгляд на историю...

Где же здесь место для верующего? Как он впишется в учение, принципиальные положения которого — что религия «это опиум для народа», «род духовной сивухи», даже «труположество»? Да этот дух и сейчас прорывается в коммунистической прессе. Например, утверждается, что в годы советской власти... «священников арестовывали и сажали не за то, что они несли в народ слово божье, а за то, что они возбуждали верующих против советской власти и даже брались за оружие» (28). Как это легко пишется сейчас! За что же был расстрелян митрополит Вениамин и еще трое духовных деятелей в Петрограде в 1922 году — «возбуждали верующих» или «брались за оружие»? Из фактов, которые удалось восстановить: между 1918 и 1937 годом было совершено 223 ареста епископов, многих арестовывали неоднократно (например, епископ Афанасий (Сахаров) арестовывался 14 раз). Да вот в 1937 году был расстрелян удивительно разносторонний, глубокий мыслитель, священник Павел Флоренский. Почему бы автору не потрудиться объяснить нам, как он «возбуждал верующих» и «брался за оружие»?

Термин «патриотизм», кажется, чаще всего встречается в материалах КПРФ. Что значит это для марксиста? В основном программном документе марксизма — «Манифесте Коммунистической партии» — читаем: «Далее, коммунистов упрекают, будто они хотят отменить отечество, национальность. Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять того, чего у них нет» (29). Или это — ревизия марксизма? Но Ленин очень часто цитируется как высший авторитет (в Программе КПРФ даже прокламируется цель — «добиваться... прекращения очернения памяти В. И. Ленина»). А Ленин писал: «За ревизию марксизма один ответ — в морду». Во время кровопролитной войны, где русские потеряли несколько миллионов человек, Ленин призывал работать на поражение своего правительства, говорил, что «непосредственный враг — больше всего великодержавный шовинизм», и пояснял, что его единомышленни-

кам мало усвоить это как абстрактную идею, но необходимо воплотить в конкретные дела — дела, «несовместимые с законами о государственной измене» (30). Вообще Ленина очень трудно заподозрить не только в русском патриотизме, но хотя бы в нейтральном отношении к русскому человеку — об этом говорят его многочисленные злые или презрительные характеристики. Он писал, например: «Русский умник почти всегда еврей или человек с примесью еврейской крови» (31).

И такие ленинские по духу мотивы действительно появляются сейчас в коммунистической печати. Например, когда произошло настоящее чудо: раздался голос владыки Иоанна Санкт-Петербургского и Ладожского, приобщавшего нас к самым глубоким — православным — корням русского патриотизма, тут «Советская Россия» сочла своевременным обрушиться на него с грубыми и злобными нападками (как раз незадолго до его кончины). Или более поздняя статья в той же газете, посвященная Чечне, где, со ссылками на Маркса и Ленина, прокламируется право наций на самоопределение, вплоть до отделения, борьба за это право («как подчеркивал В. И. Ленин») объявляется «обязанностью нашей партии». Чем же это отличается от призыва: «Берите столько суверенитета, сколько проглотите»? Но дальше мы доходим в той же статье и до опасности «великодержавного шовинизма» и обсуждения «разделения (России) на разные национальные государства» — в виде цитат из Ленина. Напоминаются слова Ленина, что «у нас... совершают бесконечное число насилий и оскорблений» — конечно, по отношению к нерусским нациям, а «обиженные националы» к этому очень чутки. Поэтому им «нужно возместить нанесенные обиды». Точку зрения, что вывод войск из Чечни поведет к росту национализма, автор называет держимордовской. Тут нет кавычек, но это — «скрытая цитата» из Ленина, писавшего о русской нации, «называемой великой (хотя великой только своими насилиями, великой так, как велик держиморда»)) (32).

Да и разговоры о «многоукладной экономике» не согласуются с положением «Коммунистического манифеста»:

«...коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности». Маркс и Ленин, несомненно, назвали бы проекты «многоукладной экономики» «соглашательством», а их авторов — «лакеями буржуазии».

Мы видим здесь не цельное мировоззрение или хоть политическую программу, а осколки нескольких идейных линий, перемешанные между собой. Может быть, такая смесь способна на время быть полезной руководству партии, чтобы собрать голоса людей самых разных убеждений, но она даже не похожа на ту цельную идеологию, которая может сплотить народ для единого порыва.

Народ наш столько вытерпел, что естественно родится мечта о какой-то силе, которая сама, без наших усилий вытащит нас из разверзающейся перед нами пропасти. Сначала для многих это была мечта о неясной, но спасительной «рыночной экономике», «вхождении в мировое экономическое сообщество». Теперь, когда та мечта обернулась кошмаром, это надежда на выборы. Но это слишком легкий выход, чтобы быть действенным. Это соблазн ухода от реальной борьбы. История жестока, в ней за все надо платить. Вспомним, сколькими миллионами жизней мы заплатили за победу в Великой Отечественной войне! Фантастично предполагать, что такого же масштаба переворот произойдет из-за того, что мы зайдем в кабины и совершим там нужные действия. Он может быть осуществлен лишь тяжелыми и длительными усилиями, жертвами — возможно, кровью, человеческими жизнями.

Это жестокая правда. Для пенсионера, которому не хватает его пенсии на квартплату и лекарства, призыв к длительной борьбе означает, что скорее всего он-то облегчения в этой жизни не увидит. Но массовая иллюзия еще опаснее, так как за ней следуют горькое разочарование и апатия.

То, что реальные изменения могут произойти только в результате сплоченного сопротивления, упорной борьбы, хорошо чувствуют те, кто этих изменений боится. Они используют весь аппарат пропаганды, находящийся у них в руках, чтобы привить нам психологию поражения и капитуляции. Они

внушают, что нет никакой идеи, из-за которой можно было бы жертвовать человеческой жизнью. Они представляют насильниками и грабителями солдат, готовых на такую жертву. Или — вот парадокс! — основные средства информации сейчас принадлежат тем, кто разбогател на развале России. Этого и не скрывают — говорят, например, каким банкам принадлежит какой канал телевидения. Но тогда они должны были бы стараться поддерживать сегодняшнее состояние страны: доказывать, что положение не такое страшное, скоро все будет хорошо. На самом деле средства информации очень любят пугать уже наступившими или скоро грядущими ужасами, они даже сгущают краски. Например, в конце 1994 года газета «Известия» опубликовала прогнозы двух групп экспертов. «Оптимистический» прогноз предсказывал 40% безработных в следующем году, пессимистический — 60%. Разумеется, ничего подобного в 1995 году не произошло. Зачем же было нагнетать эти страхи? Приходит в голову только одно объяснение: чтобы создать атмосферу безысходности, отчаяния. Чтобы и не зарождалась мысль о сопротивлении, объединении — каждый существовал бы робкой надеждой выжить самому да накормить детишек. Русский народ не раз терпел поражения, но именно тогда находил силы для сопротивления и отпора. Вот в эту самую важную точку и направляется удар: чтобы вытравить мысль о сопротивлении.

Сопротивление — это упорные усилия и жертвы. Причем усилия, не направляемые сверху, а начинающиеся вокруг нас — в своей деревне, своем заводе, районе. Какие конкретно действия сейчас нужны? На это я, пожалуй, ответить не могу и предполагаю, что и вообще конкретный путь сопротивления нельзя выдумать — он «родится» сам.

А впрочем, одно — и, может быть, самое важное — действие, доступное каждому взрослому и не слишком старому мужчине и женщине, кажется очевидным. Родить больше детей! Ведь если мы будем вымирать так же быстро, как в последние годы, то исторически совершенно безразлично, какая у нас будет власть. Тогда совершенно бесполезно соз-

давать партии, ходить на демонстрации, голосовать на выборах или писать статьи.

Но мне возразят — а как сейчас прокормить хоть одного-то ребенка? Могу ответить, лишь процитировав выступление В. И. Белова на одном многолюдном вечере. Он сказал: «Мы вымираем и сами на это соглашаемся. Женщины! Почему вы не родите? Вы скажете, что трудно воспитать детей. А моей матери было легче, когда она воспитала нас шестерых в военное время и после войны? В детстве я не помню себя сытым. Помню первое ощущение сытости, когда я уже уехал в город. Но она все же нас вырастила». И действительно, сейчас у русских рождаемость ниже, чем во время Великой Отечественной войны, чем на оккупированной немцами территории, даже чем в областях, которые во время длительных боев много раз переходили из рук в руки. Это не спишешь только на тяжелые условия жизни. Конечно, просто из чувства патриотизма много детей не родишь. Сейчас действительно большинству людей трудно воспитать и одного ребенка. Но это потому, например, что детей все считают нужным одевать как каких-то средневековых пажей или принцев: в яркие, пестрые одежды. А иначе над ними в школе могут посмеяться. Вот когда будет плохим тоном слишком нарядно одевать детей, а хорошим тоном будут считаться заштопанные рукава и заплатанные штаны, положение изменится. То есть речь идет о духовных изменениях — об изменении отношения к детям, семье, к жизни вообще.

Сила, способная поднять на сопротивление и вырвать Россию из уже накинутой на нее петли, — та же, которая всякий раз спасала нашу страну. Как пишет Ильин: «Национальное чувство есть духовный огонь, ведущий человека к служению и жертве, а народ — к духовному расцвету» (33). Он формулирует идею, которая «должна светить целым поколениям русских людей, осмысливая их жизнь. Это есть идея воспитания в русском народе национального духовного характера. Это — главное. Это — творческое. Это — на века. Без этого России не быть. Отсюда придет ее возрождение. Отсюда ее

величие воссияет в невиданных размерах. Этим Россия строилась и творилась в прошлом. Это было упущено и растеряно в XIX веке. Россия рухнула в революцию от недостатка духовного характера в интеллигенции и в массах. Россия встанет во весь свой рост и окрепнет только через воспитание в народе такого характера». «Враги России были как бы призваны, чтобы духовно пробудить нас», — говорит Ильин (34).

И надо сказать, что признаки такого пробуждения ясно видны. Об этом говорит хотя бы то, как все политики сейчас толпой повалили в патриоты. Ведь это люди, тонко, профессионально чувствующие колебания настроений широких слоев народа. Они понимают, к каким эмоциям надо апеллировать, чтобы иметь успех. Не так давно слово «патриот» они писали только в кавычках — сейчас кавычки исчезли. Пропал и термин «красно-коричневые». Изменилось отношение политиков и средств информации к войне в Чечне. Сначала ее дружно изображали разбойничьей карательной акцией против свободолюбивого народа. Теперь отношение к армии стало менее враждебным, таких плевков в нее, как в начале прошлого года, себе не разрешают. Да и Басаева уже не рискуют называть «Робин Гудом». Почти совсем исчезла фигура Ковалева — видимо, стало ясно, что он не прибавляет популярности их лагерю. В одном анализе результатов выборов 1995 года приводится интересное замечание. Ряд блоков самой разной политической ориентации не смог преодолеть пятипроцентный барьер: «Женщины России», «Выбор России», «Демократический выбор России», «Трудовая Россия», «Конгресс русских общин». Что же у них у всех общего? Автор приходит к выводу: только «капитулянтская», «антигосударственная» позиция в отношении войны в Чечне. По-видимому, в отношении к войне в Чечне народ не поддался обработке средств массовой информации (35).

Это значит, что надежда есть, в народе пробуждаются национальные чувства, крепнет его национальный характер, о котором писал Ильин. Но одновременно Россия распадается: геополитически, экономически, духовно — и идет страшный

процесс вымирания русских. Мы живем в состоянии гонки: какой процесс будет интенсивнее? И ярко проявляются те симптомы национальной гибели, о которых сказано в начале работы.

История России развивается сейчас под надвинувшейся тенью ее смерти. Многие великие народы ушли из истории. Ведь даже концепция инока Филофея о Москве — Третьем Риме, которую так часто интерпретируют в духе «русского мессианизма», исходит из факта падения Первого Рима и Второго Рима (Константинополя). Причем она отнюдь не утверждает «вечности» Третьего Рима (Москвы) и даже сурово предупреждает против соблазнов, которых надо избежать, чтобы он устоял. Утверждается только, что «Четвертому Риму не быть». Но не закрывается и возможность иного исхода:

И Третий Рим лежит во прахе, а уж Четвертому не быть.

Решение же — в той мере, в какой оно зависит от сил человеческих, — находится в наших слабых руках, зависит от нашей веры в Россию, готовности на жертву ради нее.

Почему русские терпят?

Это явление — терпение русских — в наше время, пожалуй, проявляется поразительнее, чем когда-либо. Но сам вопрос очень старый. Еще Некрасов упрекал русский народ:

Чем был бы хуже твой удел,
Когда б ты менее терпел?

Тут сразу вспоминается и предисловие А. К. Толстого к его повести «Князь Серебряный». Он говорит:

«Он (автор) сознается, что при чтении источников книга не раз выпадала у него из рук и он бросал перо в негодовании, не столько от мысли, что мог существовать

Иоанн IV, сколько от той, что могло существовать такое общество, которое смотрело на него без негодования».

Даже эпиграф он берет из «Анналов» Тацита: «И я не стал бы просить у читателей в свое оправдание ничего другого, кроме позволения не ненавидеть (! — *И. Ш.*) людей, так равнодушно погибающих». Поражает слепота Толстого по отношению к мировоззрению эпохи, быт и нравы которой он так тонко воссоздал. Он, видимо, желал бы, чтобы бояре времени Грозного создали какие-то масонские кружки вроде наших декабристов, составили бы заговор, свергли бы царя и провозгласили конституцию или, на худой конец, Великую хартию вольностей! Нам, конечно, легче судить: мы видели, как нашими отцами и дедами все это было проделано. Хотя масштабы претензий к тому царю были несопоставимы с эпохой Грозного, заговор был составлен, царь свергнут и расстрелян, но лучше от этого не стало никому, включая самих заговорщиков. Хотя Толстой и не мог задуматься над результатом этого исторического эксперимента, но он, несомненно, читал Карамзина, который, как бы обращаясь к будущему, писал об этой же эпохе:

«В смирении великодушном страдальцы умирали на лобном месте, как греки в Термопилах, за отечество, за веру и верность, не имея и мысли о бунте. Напрасно некоторые чужеземные историки, извиняя жестокость Иоаннову, писали о заговорах, будто бы уничтоженных ею: сии заговоры существовали единственно в смутном уме царя, по всем свидетельствам наших летописей и бумаг государственных. Духовенство, бояре, граждане знаменитые не вызвали бы зверя из вертепа слободы Александровской, если бы замышляли измену, взводимую на них столь же нелепо, как и чародейство. Нет, тигр упивался кровию агнцев — и жертвы, издыхая в невинности, последним взором на бедственную землю требовали справедливости, умилительного воспоминания от современников и потомства!»

Да и трудно согласиться с Толстым, что тогдашнее общество смотрело на Иоанна «без негодования». В разгар оприч-

ного террора митрополит Филипп в храме не допустил царя ко кресту. Князь Репнин, князь Оболенский-Овчина в лицо высказывали свое мнение Иоанну и его приспешникам. Все они за это поплатились жизнью. И ведь это только самые известные, так сказать, хрестоматийные примеры. Нет, видимо, «русское терпение» не сводится просто к пассивности, оно сплетается с жертвой, вообще — это более глубокое явление.

Недавно появилось исследование, в котором рассматривается это явление — русское терпение: книга К. Касьяновой «О русском национальном характере». При помощи тестов, привлекая литературу и фольклор, автор стремится выделить основные национальные черты русских. Она приходит к выводу: «Терпение — это, безусловно, наша этническая черта и в каком-то смысле основа нашего характера». Из 30 тысяч пословиц, входящих в сборник Даля «Пословицы русского народа», больше всего как положительное качество оценивают «спасение» (часто под этим понимают монашескую жизнь). Но уже на втором месте стоит терпение, причем они иногда соединяются: «Без терпенья нет спасенья». Или терпение поддерживается божественным авторитетом: «Бог терпел и нам велел». Терпение автор понимает как фундаментальную жизненную установку, при которой во взаимодействии человека с окружающей его средой — обществом и природой — центр тяжести переносится не на преобразование среды, а на сотрудничество с ней.

С этой точки зрения терпение — это стратегия неагрессивного взаимодействия с миром, решения жизненных проблем не за счет насилия над миром и потребления его ресурсов, а в основном за счет внутренних, духовных усилий. И это особенно важно сейчас, когда так ясно, что ресурсы природы, которые человек может эксплуатировать, ограниченны, в то время как о границах духовных сил человека нам ничего не известно. Именно идеология, противоположная «терпению», — «фаустовский дух», а точнее взгляд на мир как на бездушный материал для деятельности человека, сформулированный в призыве к «покорению природы», — создала тот

экологический кризис, который сейчас угрожает существованию человечества и всего живого на земле.

Есть и другой источник «русского терпения». Вся история русского народа переплетена с созданием большого, многонационального государства. Характер русского народа и способствовал этому процессу, и складывался под его влиянием. В результате русские — народ государственный. Они с трудом идут на конфликт, который может потрясти государство. Самый яркий пример в истории, вероятно, — наше время. Английские докеры или горняки тщательно выбирают время, когда запасов угля меньше всего, и тогда объявляют забастовку, чтобы она больнее всего ударила по стране и шансы на победу были бы выше. А у нас появилась совершенно новая форма социального протеста: шахтеры голодают. Голодают и учителя, и врачи. Один академик голодал, другой — застрелился. Все они подобны тем боярам эпохи Грозного, которые предпочитали смерть смуте. Да страна сейчас и существует только за счет того, что большая часть ее населения работает фактически бесплатно: за плату, на которую ни они, ни их семьи существовать не могут.

Но если у русских возникает сомнение в том, что государство исполняет свою охраняющую и скрепляющую роль, если кажется, что оно — «ложное», то протест обращается не против частных форм эксплуатации, не против отдельных институтов, а против самого государства в принципе. Оно признается недостойным существования, приговаривается к уничтожению. Тогда и возникает «бунт — бессмысленный и беспощадный». Так, ряд историков (в частности Ключевский) считают, что основной причиной восстания Пугачева были вовсе не тяжелые условия жизни тогдашнего населения Поволжья. Главным толчком было провозглашение «дворянских вольностей». После того как дворяне были освобождены от своих обязанностей перед государством, крестьяне стали ждать отмены крепостного права, когда же она не произошла, местное возмущение разгорелось в восстание. С этой же стороной русского характера связано и провозглашение Пуга-

чевым себя Петром III, да и вообще частое появление самозванцев в России — это знак того, что движение протеста не направлено против основы государства.

Терпение в русской психологии тесно связано с жертвой — терпят, жертвуя чем-то, и часто трудно различить, является ли жертва необходимым признаком терпения или самоцелью. Жертва сама по себе обладает святостью. Любимыми русскими святыми (первыми канонизированными) были Борис и Глеб, весь подвиг которых состоял в том, что они принесли себя в жертву, приняли смерть «в подражание жертве Христовой». Сама жертва ценится выше победы. Один мой знакомый немец, долго живший в России и, казалось бы, хорошо ее понимавший, со смехом мне рассказывал, что видел в Севастополе памятник двум сражениям, проигранным русскими! Между тем для русского сознания это вполне естественно: памятник стоит не выигранному сражению, а жертве, принесенной ради России. Как и терпение, жертва не есть пассивное подчинение роковым обстоятельствам. Она дает силы народу в целом. И когда Александр Невский готовился к битве на Неве, один из его воинов видел ночью, как на ладье плыли святые Борис и Глеб, и слышал, как Борис говорил: «Брате Глебе, вели грести, да поможем сроднику нашему Александру».

В трудных ситуациях русские реагируют обычно, накапливая внешние раздражения, а потом отвечают взрывом энергии. Взрыв может быть направлен как на защиту государства, так и на его разрушение. Реакция первого типа имела место в Великую Отечественную войну или в конце Смутного времени, второго — в начале смуты и в 1917 году. Сейчас народ накапливает внешние импульсы и терпит — пока.

Русское терпение имеет и еще один аспект, связанный с особенностями нашего времени. Могу здесь сослаться на свои впечатления. Несколько лет назад я был в Якутии. Сразу же я столкнулся с новым для меня словом — «якутизация». Так называют процесс постепенного вытеснения русских со всех руководящих постов. Русский язык все больше заменяется

якутским. Ответственные совещания, важные репортажи по радио и телевидению ведутся по-якутски. Районы переименованы в улусы, деревни—в наслеги. И это при том, что русские составляют $^{2}/_{3}$ населения Якутии. Какова же реакция русских? Я слышал только об одной: русские уезжают. За один год из того района, где я был, уехало 10% жителей.

Через год я был в Чечне. Там для меня ошеломляющей новостью оказались рассказы о том, что пережило русское население в трехлетие правления Дудаева. Массовые убийства, похищения с целью получить выкуп, грабежи, изнасилования, русские рабы в зажиточных чеченских семьях. Я уж не говорю, что в Москве все это было полностью замолчано. Но в Чечне мне не удалось узнать ни про одну хотя бы попытку самозащиты русских. Единственная реакция — бегство. Бежало несколько сот тысяч человек, большая часть русского населения Чечни.

Еще через год я был в Риге. Положение русских там можно сравнить разве что с положением негров в Южной Африке, да не с теперешним, а каким оно было десять лет назад. И ни о каких серьезных попытках борьбы я не слышал. А ведь русские составляют 40% населения и подавляющую часть работников предприятий, от которых зависит жизнь страны: электростанций, порта. Да более того, подсчеты показывают, что, когда «проходил референдум о независимости Латвии», большая часть русских голосовала за независимость.

Поражает и то, как слаб интерес в России к судьбе русских, оказавшихся вне ее. Солженицын пишет: «Я на эту тему уже несколько раз по телевидению говорил. Во всех областях, где я был, почти везде о ней говорил, потому что болит сердце. Но поразительно, насколько другие темы нашей жизни вызывали сочувствие аудитории, отзыв мгновенный, а вот эта тема оставляла равнодушными слушателей. Это ужасно. То есть мы потеряли ощущение нации, потеряли ощущение наших соотечественников, нам это не важно». Могу подтвердить своими впечатлениями. Как-то я выступал на радиоканале, где был телефон для звонков слушателей. Телефон звонил

постоянно, так что получался очень интересный диалог. Но после меня выступал казачий есаул, рассказывавший о положении русских в Казахстане, где они вытесняются из всех верхних сфер жизни, лишены права на второе (русское) гражданство, автономию — того, что имеет множество народов в России. Как жестоко подавляются их попытки объединиться. При том что в Казахстане русских больше, чем казахов, и живут они на своих коренных землях. И во время его выступления телефон не зазвонил ни разу!

Это уже не то упругое терпение, которое только увеличивает силы. Здесь ощущается слабость, потеря воли к самозащите. Как говорит Солженицын, потеря чувства нации. Такое ослабление национального самосознания совершенно естественно, хотя от этого не менее опасно. Много десятилетий подавлялись основные силы, формирующие русское чувство нации: православная вера, традиционная культура, крестьянский образ жизни, чувство значительности национальной истории. И в предшествующее десятилетие поток глумления обрушился на русскую историю и сам духовный тип русского человека. А в самые последние годы произошла трансформация, может быть, самая разрушительная для национального самосознания русских: большая часть прессы и фактически все политические деятели, от верных слуг Международного валютного фонда до марксистов-ленинистов, объявили себя рьяными русскими патриотами. Хотя в конкретных вопросах (Чечня, Севастополь...) их позиции тоже сходятся, но уже на решениях, противоположных интересам русского народа и государственности.

В такой период ослабления национального сознания процесс накопления раздражения, предшествующий взрыву, растягивается. Но вряд ли можно сомневаться, что взрыв произойдет. Трудно себе представить, чтобы его можно было предотвратить. А от наших усилий может зависеть только то, как он будет направлен: на разрушение государства, окончательно воспринятого народом как «ложное», изменившее своей цели, или — на его воссоздание и укрепление.

Политическое масонство в русской революции

Доклад на конференции «Ложи, лобби, секты».
Милан. 15 мая 1999 г.

Вопрос о масонстве — деликатный. С одной стороны, клятвы, шпаги, черепа и т. д. вызывают некоторый *сенсационный* интерес. С другой — члены организации очень неохотно рассказывают о деталях своей деятельности (да их к этому обязывает и клятва). В результате возникает множество слухов и часто необоснованных догадок. А это, в свою очередь, вызывает нападки на любые исследования деятельности масонов, эти исследования часто выставляются в комичном виде, как глупые выдумки и фантазии. Таким образом, литература здесь большая, но выделить в ней достоверную часть трудно.

Сейчас в России тема масонства модная. Написано множество книг, изобилующих подробностями, списками масонов — теперешних или бывших. Однако достоверность сообщаемых фактов, как правило, с трудом поддается проверке. Тем самым важная тема компрометируется в общественном сознании.

Конечно, отбор «заслуживающих доверия» источников — вопрос субъективный. В дальнейшем я буду опираться лишь на факты, подтвержденные несколькими свидетельствами одновременно или опубликованные в масонских источниках.

Напомню, что революция 1917 года в России началась в начале года — в феврале — народными волнениями в столице (Петрограде) и через несколько дней привела к крушению монархии. А в конце года — в октябре — власть в Петрограде захватили большевики. Эти два этапа революции во многих отношениях очень различны. Достаточно досто-

верные сведения об участии масонов имеются лишь по поводу первого (Февральская революция). О нем в основном я и хочу рассказать.

Как часто бывает в истории масонов, об участии их в каком-то событии становится известно лишь несколько десятилетий спустя. И в нашем случае лишь после конца Второй мировой войны стали появляться достаточно убедительные источники. Например, в фонде Гувера в США хранились интервью ряда видных масонов, эмигрировавших из России, которые можно было опубликовать лишь после их смерти. Теперь эти фонды открыты и свидетельства опубликованы. Вопрос стал «респектабельным» и рассматривается в ряде исторических книг и журналов.

В XIX веке в России были запрещены политические партии и тайные общества — включая и масонские. Ряд русских участвовали, будучи за границей, в работе иностранных лож, но в России лож, по-видимому, не было. В 1905 году Россия стала конституционной монархией и была разрешена свобода партий и ассоциаций граждан. Можно считать, что с 1906 года начинается новый период истории масонства в России. (Мы исключаем XVIII и начало XIX века, когда масонство тоже играло видную роль.)

Инициатива принадлежала известному историку и социологу Максиму Ковалевскому (его учеником и секретарем до последних дней его жизни был знаменитый социолог Питирим Сорокин, после революции эмигрировавший в США и основавший свою школу в Гарварде, из которой вышли многие политические деятели США, включая президента Кеннеди). Из-за своих либеральных взглядов Ковалевский 18 лет прожил за границей, а в 1905 году вернулся в Россию. В том же году он встретился с наиболее известным представителем леволиберального течения в России П. Милюковым и посоветовал ему не упускать возможности воспользоваться многовековым организационным опытом масонства и заручиться таким образом поддержкой Запада для русского «освободительного» (то есть антимонархического) движения. Милюков отказался

присоединиться к масонству, но с другими Ковалевский имел успех. К этому времени Ковалевский принадлежал к французскому масонству и в 1906 году запросил у совета «Великого Востока» Франции разрешение на открытие ложи в России (факсимиле этого письма воспроизведено в журнале «The Slavonic Review», 1966, July, XXXIV). Разрешение было дано, и в 1906 году в Москве была открыта ложа «Возрождение», работавшая по французскому ритуалу. Другая ложа, «Полярная звезда», была вскоре основана в Санкт-Петербурге.

1906—1908 годы — это период становления русского масонства. Ряд лиц были приняты в масонство, учреждено несколько новых лож. Они учреждались как «Великим Востоком», так и «Великой ложей» Франции. Вся работа происходила в тесном сотрудничестве с французским масонством. Направлялись «братские» миссии из России во Францию и из Франции в Россию. Всего было открыто 9 лож в городах и велись переговоры об открытии новых лож. В 1908 году состоялся съезд (конвент), сформировавший Верховный совет русского масонства. Масонство в России не было легализовано и в сношениях с масонами других стран пользовалось «рекомендательными письмами» «Великого Востока» Франции. Представители русского масонства посетили ряд стран и, как сообщают, «установили нужные отношения».

Особенно обстоятельные переговоры велись с турецким масонством, где русские представители ознакомились с системой масонской пропаганды в армии. В Турции незадолго до того (в 1908 г.) произошла революция, лидеры которой — младотурки—в основном принадлежали к масонству. Состоялись встречи с их лидерами — Энвер-пашой и Талаат-пашой. По иронии судьбы связь с турецкими масонами обеспечил русский масон армянской национальности через живших в Турции армян, а вскоре именно младотурки-масоны стали инициаторами армянской резни в Турции (за что, в частности, Талаат-паша в 1918 году был убит армянским студентом).

Близость с французскими и турецкими масонами, очень политически активными, стимулировала политическую актив-

ность и русского масонства. В это время масонством заинтересовалась и полиция. Даже царь Николай II запросил главу департамента полиции: существует ли в России масонство, стремящееся к свержению монархии и уничтожению религии? К тому моменту у полиции никаких данных не оказалось. Но постепенно несколько агентов полиции были внедрены в ложи. В свою очередь, об этом стало известно Верховному совету. Тогда масонство прибегло к испытанному приему: все ложи были «усыплены», то есть было объявлено о прекращении их деятельности. В 1910—1911 годах формируются новые ложи с более строгим отбором членов. В целом можно сказать, что масонство «переиграло» полицию — к моменту революции в руках у полиции оказалось чрезвычайно мало сведений о деятельности и членстве лож.

Вновь организованное масонство начинает свою деятельность с 1912 года. Некоторые авторы (в том числе и некоторые масоны) склонны преувеличивать его размеры. В одном масонском свидетельстве говорится, что «сетью лож была покрыта вся Россия». Но более правдоподобны другие свидетельства, согласно которым в России было 40—50 лож. В столице к масонству принадлежало 95 человек, во всей России — 350—400. Предпочитали, чтобы в ложу не входило более семи человек (тогда их встречи труднее было установить полиции), но в случае необходимости создавались и большие ложи.

При такой малочисленности масонство было элитарным. В него в основном входили влиятельные лица — или такие, которые смогут стать влиятельными (что вполне оправдалось после революции). Особенно много масонов было в парламенте (Думе) — «Думская ложа», или «ложа Розы». Существовала «военная ложа» из числа влиятельных военных, «литературная ложа» — из влиятельных писателей и журналистов, большое число масонов было в адвокатуре, общественных организациях, философских и религиозных кружках, стремившихся к «независимому» или «современному» пониманию христианства, в профессуре.

Организация масонства была окончательно утверждена на конвенте 1912 года. Впервые было заявлено, что теперь русское масонство не является ответвлением французского. Был создан «Великий Восток народов России». (Название было принято после долгих дебатов: первоначально предлагавшееся «Великий Совет России» не удовлетворяло тем, что «Россия» занимала в нем слишком видное место.) Реальным главой всего масонства был секретарь Верховного совета (состав его был известен лишь трем счетчикам) — он сносился с отдельными ложами.

Цели масонства формулировались так: «защита прав человека и гражданина», «борьба за политическое освобождение России», «принципы французской революции 1789 года в их наиболее первобытном — неискаженном — виде», «объединение всех прогрессивных элементов», «создание братской общности и моральное усовершенствование».

Один влиятельный масон (одно время — секретарь Верховного совета) сформулировал цель организации как согласование «действий разных политических партий, поскольку они борются против самодержавия». Другой, социал-демократ, получил приглашение от своего партийного товарища вступить в ложу с такой формулировкой: «Эта организация по своим задачам носит определенно революционный характер, она стремится к насильственному перевороту, она представляет собой значительную силу, будучи довольно широко распространена в интеллигентских кругах». В одном свидетельстве говорится: «Очень характерной для настроений подавляющего большинства организации была ненависть к трону, к монарху лично — за то, что он ведет страну к гибели».

Вместе эти формулировки достаточно ясно характеризуют политическое масонство. Это была тайная организация для изменения существовавшего тогда строя в либерально-демократическом духе. Причем ее характер давал возможность объединить представителей разных слоев общества (аристократов, политических деятелей, журналистов, миллионеров,

даже террористов) и членов разных левых партий, которые иначе не могли бы вступить в контакт.

Слова о «братском общении» тоже не были лишь маскировкой. Это была специфическая техника общения людей очень разного типа, не позволявшая тем не менее организации распасться. Видимо, здесь сказался многовековой опыт масонства. Заседания лож состояли из обмена информацией и «дебатов». «Дебаты» предполагали обсуждение насущных вопросов, в основном политических. Они могли способствовать выработке единства взглядов. Если же они принимали слишком острый характер, то председательствующий их немедленно прекращал. Разумеется, Верховный совет имел возможность оказывать давление на отдельных членов (например, обеспечивая успех их карьеры) и таким способом пытался добиться единства взглядов. «Братство» обязывало также к взаимной поддержке в любой сфере деятельности (вплоть до аплодисментов брату при его выступлении) и тем тоже способствовало сплоченности организации.

Вся деятельность лож была тщательно засекречена. Не велось протоколов заседаний, вообще не осталось почти никаких документов, отражающих их существование. В результате несколько десятилетий не появлялось никаких сообщений о деятельности масонства. Эта секретность имела важный смысл. Некоторая группа (фракция в парламенте, философское общество и т. д.) могла иметь в своей среде сплоченную масонскую группу и не догадываться об этом. В результате иногда принимались решения, казавшиеся непосвященным членам группы непонятными и только много лет спустя разъяснявшиеся как результат влияния масонского ядра.

Ядром масонства был Верховный совет. Он являлся идеологическим центром движения. Нет, однако, никаких убедительных оснований считать его «штабом» всего существовавшего тогда леволиберального направления, враждебного тогдашнему строю. Но существование такого центра, сплоченного и располагающего большими возможностями для влияния на общественное мнение, нельзя недооценивать.

Лишь учитывая этот фактор, можно объяснить то загадочное явление, что «общественное мнение» тогда оказывалось подчиненным четким концепциям, лозунгам, «мифам» — и это без радио и телевидения. Например, господствовало убеждение, что тогда (во время начавшейся уже войны) правительство и двор ведут тайные переговоры с врагом, готовят сепаратный мир. Особую роль играло здесь немецкое происхождение царицы. После революции была создана особая комиссия для расследования действий дореволюционной власти — и никаких следов таких тенденций не нашли (а начисто выдумывать еще не научились). Второй миф — о всевластии Распутина, приближенного к царице крестьянина, претендовавшего на особые духовные данные, и особенно о его эротических связях с царицей. Первое утверждение оказалось чудовищно преувеличенным, второе — не имеющим вообще никаких оснований. В этом вопросе удалось даже конкретно проследить масонское влияние. Противники Распутина (в частности, тогдашний премьер Столыпин) пытались настроить царя против него, уверяя, что он принадлежит к одной распространенной секте (хлыстов). Тогда через масонские связи удалось привлечь одного большевика, знавшего сектантов, так как он вел среди них революционную работу. Он убедительно доказал, что Распутин к этой секте не принадлежит, эту статью напечатали в распространенной газете и довели до сведения царя.

Наконец, третий миф заключался в том, что недостаток земли, на который жаловались крестьяне, может быть компенсирован разделом крупных поместий. На деле помещикам принадлежало немного более 10% пригодной к обработке земли, и когда крестьяне после революции поделили всю землю, то через десять лет размер пашни на одно хозяйство стал меньше, чем до революции. А требование «отчуждения помещичьих земель» стояло в программах всех левых партий.

В масонском Верховном совете существовало два взгляда на пути изменения существовавшего тогда строя. Одна группа исходила из метода политической агитации и эволюционного

изменения. Так были ориентированы и постановления Верховного совета. Но была влиятельная группа, пропагандировавшая насильственный путь смены власти. Ее влияние росло с неудачами России в войне. (Сейчас видно, что неудачи эти были очень преувеличены антиправительственной агитацией: немцам удалось захватить только некоторые западные провинции России. Например, положение Франции было гораздо более угрожающим, во французской армии происходили крупные бунты.) Но оба течения сходились на том, что категорически были против революции типа народного восстания. Они называли ее «неуправляемым хаосом» и считали, что именно их действия могут ее предупредить.

Поэтому и сторонники насильственной смены власти планировали «революцию сверху», то есть заговор, который должен был обеспечить смену монарха и либеральную конституцию английского типа. В последний год перед революцией (1916) сложилось даже два таких заговорщицких центра. Один складывался вокруг руководителя Союза организаций местного самоуправления князя Г. Е. Львова — этот союз играл во время войны значительную экономическую роль и имел вполне определенную леволиберальную политическую ориентацию. Предполагался арест царя, замена его другим членом царской семьи, провозглашение либеральной конституции и формирование правительства с главой заговора в качестве премьер-министра. Другой заговор был более детально продуман. Его составляли видные военные и лица, близкие к военной среде. Возглавлял его будущий военный министр Временного правительства А. И. Гучков. Предполагалось, что царский поезд будет остановлен на пути из столицы в Ставку (куда царь часто ездил как Верховный главнокомандующий), его заставят отречься в пользу сына с приемлемым для заговорщиков регентом и опять с изменением конституции. Оба заговора зрели медленно, участников выбирали осторожно. В обоих случаях сам переворот планировался на конец 1917 года. Что касается руководителей обоих заговоров, то по поводу их принадлежности к масонству есть свидетельства и

мнения противоположного характера — и «за», и «против». Но окружение их, судя по имеющимся теперь сведениям, было полностью масонским. Так что в литературе их часто оправданно называют «масонскими заговорами». Оба заговора формировались очень медленно, и за развитием событий не поспели. Революция произошла в начале 1917 года (в конце февраля). Переворот был совершен массовым выступлением рабочих петроградских заводов и воинских частей, расположенных в Петрограде. Это был отнюдь не «бунт бедноты». Речь шла о рабочих крупных военных заводов. Они были освобождены от мобилизации и получали оплату значительно выше средней. Присоединившиеся к ним войска не были воевавшими частями. Их только готовили к отправке на фронт, и многие из них этого не хотели. Как стало возможным это массовое выступление, которое смело власть, фактически неизвестно. Лучший историк этого периода Г. Катков пишет: «Когда мы говорим, что Февральская революция произошла стихийно, мы фактически говорим, что не знаем, как она произошла». Перед этим массовым выступлением власть капитулировала без борьбы. Царь отрекся в пользу брата, который сразу же тоже отрекся. Министры были арестованы какими-то энергичными людьми из толпы. На улицах стали убивать полицейских, избивать офицеров.

Здесь совершился перелом в истории России, во многом предопределивший ее дальнейшее течение. И по поводу этого события имеется множество свидетельств, указывающих на масонское влияние, а в некоторых случаях — на решающую роль масонства.

Само центральное событие — выступление в Петербурге больших масс рабочих и солдат — было совершенно противоположно масонской идеологии. Но то, что это массовое выступление не встретило практически никакого сопротивления, что власть мгновенно рассыпалась, является результатом подготовительной работы, в которой роль масонства была очень велика. Многие руководящие военные и политики были вовлечены в упомянутые выше «масонские заговоры» или знали

о них и сочувствовали им. Поэтому вести о произошедшем в Петербурге воспринимались как осуществление неизвестной дотоле детали заговора и не вызывали никакой попытки сопротивления. Даже отречение царя произошло в точности по сценарию одного из заговоров, и принял его как раз руководитель этого заговора.

После распада власти образовались одновременно два органа, претендовавшие на власть в России, в какой-то мере взаимодействовавшие; эта эпоха и называется иногда двоевластием. Одним центром было правительство, сформированное влиятельными членами парламента (Думы). Оно называлось Временным правительством. Другим — Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов и его Исполнительный комитет, претендовавший на то, чтобы представлять «народ». В обоих случаях масонское влияние сейчас может быть отчетливо выявлено.

В период между Февральской и Октябрьской революциями состав Временного правительства несколько раз менялся. Но всегда в нем сохранялось большое и влиятельное масонское ядро. Например, первый состав Временного правительства — 11 человек — содержал 5 очень влиятельных и активных масонов. Но *весьма вероятно,* что масонами были и некоторые другие члены. Большинство исследователей считают, в частности, что видным масоном был премьер-министр князь Львов. Он возглавлял правительство до июля 1917 года. Премьер-министр Временного правительства *следующих составов* А. Ф. Керенский был не только масоном, но одно время — секретарем масонского Верховного совета, то есть главой русского масонства. Формирование Временного правительства происходило под явным масонским влиянием. Впоследствии некоторые политики рассказывали, как они были поражены тем, что видные посты занимали до того совершенно неизвестные люди — например, министр финансов Терещенко. Теперь известно, что он был влиятельным масоном и входил в «масонский центр» в ряде составов Временного правительства.

Из воспоминаний известно, например, что в 1916 году дома у одного политического деятеля (масона) собрались те, что потом назывались «представители разных партий», и составили список будущего правительства России. В этот список вошли почти все имена, составившие год спустя Временное правительство. Трудно представить себе, как могли собраться вместе члены столь разных партий иначе, как на масонской основе. С другой стороны, в советском журнале «Красный архив» был опубликован загадочный документ, датированный 1915 годом.

Он называется «Диспозиция № 1» и подписан: «Комитет народного спасения». В нем излагается довольно точно программа леволиберальной оппозиции (соответствовавшая идеологии масонского Верховного совета). Но, что наиболее интересно, сообщается, что для выполнения программы будет создан «штаб». Создание его поручается «основной ячейке» из трех лиц. Вот объединение этих трех лиц вместе казалось бы просто нелепым в 1915 году, но в 1917-м они оказались министрами и даже ядром Временного правительства (включая премьера). Некоторые исследователи приписывают этому документу масонское происхождение.

Второй центр власти — Совет рабочих депутатов — создавался в основном самоназначением и кооптацией. Первый шаг был сделан, как только стало известно о волнениях и крушении власти. На квартире социал-демократа по фамилии Гиммер собралось несколько политиков разных партий социалистического направления. Они-то и создали первый состав Исполнительного комитета Петроградского Совета. Но как они собрались? В своих воспоминаниях Гиммер (Суханов) рассказывает, будто некоторые зашли узнать новости, другим позвонили по телефону. Но современные издатели этих воспоминаний утверждают, что собрание было созвано по масонской инициативе. Первый председатель Петроградского Совета был масон. Среди его заместителей — еще два масона. Другой видный масон, поддерживавший связь масонского Верховного совета с Петроградским Советом рабочих

депутатов, вспоминает, что разговаривать с его председателем было весьма просто. В случае необходимости он говорил ему: «Чего ты кочевряжишься, ведь все *наши* так решили, надо исправить ваше решение и сделать по-нашему». Правительство в согласии с Петроградским Советом создавало новую администрацию, которой могло доверять: комиссаров в армии или в других областях. Эти назначения в значительной мере происходили по линии «братских связей».

Ни Временное правительство, ни Петроградский Совет рабочих депутатов почти никакой реальной властью не обладали — все больше господствовала анархия. Но эти два центра видимой власти больше всего опасались «реакции» и главную опасность видели в армии. Поэтому первые месяцы после Февральской революции значительные усилия были направлены на ослабление армии, создание и там того же уровня анархии, который господствовал в столице. Первым (и имевшим громадные последствия) действием был так называемый «Приказ № 1». В нем предписывалось каждой воинской части подчиняться выбранному ею комитету. Оружие предписывалось отдать под контроль этих комитетов и не выдавать его офицерам «даже по их требованию». «Приказ» означал конец всякой дисциплины. Он был санкционирован Временным правительством и Петроградским Советом, где руководящую роль играли масоны. Но и непосредственно текст его был написан видным масоном Соколовым. Разрушение армии происходило все время: например, верховному командованию было предписано произвести чистку генералитета и уволить несколько сот генералов «консервативных взглядов». В результате ряда подобных действий армия стала небоеспособной. К тому же ухудшилось продовольственное положение, из-за забастовок падало производство.

Во второй половине 1917 года стало очевидным, что страна воевать не способна. Выход ее из войны был очень нежелателен западным союзникам России. В Россию была направлена французская делегация во главе с Альбером Тома, министром вооружений и масоном. В нее входил и Марсель

Кашен, также масон, в будущем один из основателей французской компартии. Поскольку глава Временного правительства также был масоном, на него могло быть оказано влияние по «братской» линии. Многие исследователи видят в этом одну из причин того, что Россия не прекратила «на разумных условиях» безнадежную войну. В эмиграции, однако, русские масоны горячо доказывали, что русское масонство не было подчинено французскому.

В результате правительство утратило практически контроль над страной, и в октябре 1917 года большевики захватили власть с ничтожными силами, не встретив никакого сопротивления.

Таким образом, эпоху между Февральской и Октябрьской революцией можно считать периодом наибольшего влияния масонства в России. За это время произошло полное уничтожение государственной власти. С самых первых дней толпа убивала полицейских, жгла полицейские участки, горели дела преступников. Потом рядом целенаправленных мер разрушалась армия. Приходил в упадок транспорт. Либеральная агитация, которая велась и до того, точно так же разрушала духовные связи, соединявшие народ, — монархические и религиозные чувства. Все эти действия можно сравнить с введением в организм яда, который его парализует. Народ и оказался парализованным, люди перестали чувствовать себя единым народом. В таком парализованном состоянии власть могло захватить любое решительное меньшинство. Больше шансов было у тех, кто был готов идти на более радикальные меры.

Строй, установленный большевиками, они назвали «диктатурой пролетариата». Этому термину Ленин дал следующее определение: «Власть, осуществляемая партией, опирающейся на насилие и не связанной никакими законами». Его близкий соратник Пятаков разъяснил, что главное — в *«несвязанности никакими законами».* Он пишет: «Все, на чем лежит печать человеческой воли, не должно, не может считаться неприкосновенным, связанным с какими-то непреодолимыми зако-

нами»; «тогда область возможного действия расширяется до гигантских размеров, а область невозможного сжимается до крайних пределов, до нуля». Это и есть та идеология, в которой политический террор был лишь одной из деталей.

Я хотел бы указать на параллель с Великой французской революцией. Там тоже различаются два периода. Первый — это 1788—1790 годы: агитация за созыв Генеральных штатов, их конфликт с королем, взятие Бастилии, «поход на Версаль», водворение короля в Париж и власть жирондистов. Второй период — якобинский террор. В первый период почти все основные деятели принадлежат масонству. Цель — разрушение аппарата государства. Во второй период как раз все масонские лидеры гибнут на гильотине. Глава французского масонства герцог Филипп Орлеанский сначала распускает ложи, но потом все равно не избегает казни.

В продолжение этой аналогии можно указать, что не известно какого-либо заметного масонского влияния среди большевиков. После революции немногочисленные оставшиеся ложи, даже чисто мистические, преследуются. На IV конгрессе Коминтерна принимается даже резолюция о несовместимости принадлежности к масонству и к компартии. (Правда, я не могу объяснить, каким образом масонский символ — пентафамма — стал официальным символом большевистской власти.)

Я далек от мысли, что описанная мною ситуация типична для всех проявлений масонства в истории. Видимо, масонство выработало две стратегии. Первая — чисто разрушительная. Это борьба с традицией, со скрепляющими народ связями — монархическими чувствами, традиционной религией, укоренившимися нравственными устоями, патриотизмом. В результате разрушается государство и в конце концов гибнут или вынуждены бежать и сами деятели этого направления. Их судьбу можно сравнить с судьбой раковых клеток, убивающих организм и гибнущих вместе с ним. В этом процессе масоны, конечно, не единственная действующая сила. Речь идет о разрушении того, что Макс Вебер называет «традиционным

обществом», и замене его чисто городским, техническим, искусственным обществом, лишенным национальной и религиозной традиции. Здесь действует либерализм во множестве организационных форм, одной из которых является масонство. Один из наиболее глубоких исследователей аналогичных процессов во время Великой французской революции — Огюстен Кашен — замечает, что и тогда со «старым порядком» боролся целый слой людей, объединившихся в академии, клубы, секции, ложи. Он охватывает их единым понятием «малый народ» — как противостоящий всему «большому народу».

Но история Запада в XIX и XX веках указывает и на другую роль масонства в обществе, где уже победили либерально-демократические принципы: это управление через политические партии, средства информации, манипулирование сознанием.

В своем докладе я ставил себе цель иллюстрировать только первую из этих двух стратегий на примере одного периода истории своей страны.

Конечно, привлекательно было бы не оставаться только в прошлом, а попытаться узнать нечто о масонском влияний в *современной* России. К сожалению, об участии масонов в каком-либо событии обычно становится известно лет через тридцать или пятьдесят после этого события.

Тем не менее сообщения об открытии лож в современной России имеются. Например, французский журнал «Экспресс» уже в 1992 году опубликовал статью «Масоны завоевывают Восток», где сообщается об открытии многих лож в странах Восточной Европы, и в частности в России. Как пишет журнал, в обстановке абсолютной секретности и тщательного отбора были открыты ложи «Северная звезда» (от «Великого Востока» Франции), «Новиков» (от «Великой ложи» Франции), «Гармония» (от «Великой национальной ложи» Франции). На фотографии представлены члены ложи «Новиков» — участники путча 1991 года, приведшего Ельцина к власти. Журнал сообщает, что запланировано открытие еще одной ложи — «Свободная Россия». Предвидится созда-

ние независимого «Великого Востока России». В той же статье — жалобы на появление в России большого числа книг о масонстве, цитируются некоторые их названия, например: «Террористы из П2 возвращаются».

Еще раньше масонская пропаганда стала предметом передач радио «Свобода». Эта радиостанция, финансируемая конгрессом США и созданная как орудие «холодной войны», вещает на всю территорию бывшего СССР в течение 24 часов в сутки, и передачи ее имеют очень агрессивный антирусский характер. Передача обрисовала масонство в самых теплых тонах и сообщила, что «Россия более других стран нуждается в масонстве».

К сожалению, все подобные факты не дают представления ни о размере масонского влияния в современной России, ни — что было бы важнее всего знать — о его характере. Впрочем, здесь все же вскрывается одна деталь. Радиостанция «Свобода» сообщает, что в Париже уже создана ложа, чтобы «способствовать распространению масонства в России». Ее адрес: рю Пито, 8 (8, ru Puteau). По-видимому, это здание традиционно принадлежало масонству, так как оно упоминается в одном старом документе еще 1924 года, на который обратил внимание М. В. Назаров. Это письмо одного эмигранта — масона невысокого градуса, находившееся у историка Николаевского, переданное им в фонд Гувера и опубликованное только в 1990 году. Автор сообщает, что побывал как раз на рю Пито, 8 и был очень смущен, когда оказался на празднестве, посвященном чествованию дьявола. Там читался акафист, восславлявший самого «героя дня», прерывавшийся возгласами «О, Сатана, брат Человека!» (O, Satan Frere des Hommes!). (NB. «Братьями» масоны называют друг друга.)

Впрочем, по таким совпадениям нельзя, конечно, делать выводы о характере современной масонской «работы» в России. Тот, кто проживет еще лет пятьдесят, узнает, возможно, нечто более конкретное.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РОССИЯ И МИРОВАЯ КАТАСТРОФА

Минуты роковые

«Приближается конец света». Эти слова сейчас часто можно услышать — хоть и в шутку. Но чувствуется, что произносящий их не вполне уверен: шутка ли это? Подобные предчувствия и раньше сопровождали переломные моменты истории человечества: их имел в виду Тютчев, говоря о «минутах роковых», изредка переживаемых миром. В его словах за очевидным смыслом угадывается вторая, более глубокая истина: кажется, что ход истории не единообразен, в нем можно различить два разных исторических времени. В пределах одного времени — назовем его «линейным» — история, по крайней мере внешне, имеет характер «объяснимого» и даже отчасти предсказуемого процесса. Доступные нашему наблюдению социальные, экономические и политические факторы влекут естественно вытекающие из них последствия. Другое время — это и есть «минуты роковые». Оно воспринимается обычно как нечто катастрофическое, необъяснимое, как вторжение сил, находящихся вне сферы действия нашего современного типа мышления. Только позже, когда «минуты»

протекли, можно почувствовать какой-то смысл совершившегося переворота — скорее ответ на вопрос «зачем?», чем «почему?». История резко меняет свое течение, в эти «минуты» она реально и совершается. Значение же наступающего потом «линейного» времени можно видеть в том, чтобы приспособить существование человечества к новому историческому состоянию, в котором оно оказалось. Эти два времени, две компоненты, вместе составляющие исторический процесс, сопоставимы с естественным отбором и мутациями в принятой теперь картине биологической эволюции.

Сейчас мир, несомненно, переживает «минуты роковые» — не только наша страна, но и все человечество. Наш кризис — лишь часть мирового, в котором общий процесс проявляется более грубо и обнаженно. Сразу после конца войны 1939—1945 годов появился новый элемент в мировом сознании: ожидание глобальной катастрофы. В военное время, как оно ни было тяжело, казалось: надо только его пережить, и тогда (конечно, для тех, кто переживет!) жизнь будет понемногу облегчаться. Но война кончилась, и мы все яснее стали понимать, что создание атомного оружия приблизило катастрофу совсем другого масштаба, чем все предшествующие войны. Человечество развязало силу, контролировать которую оказалось выше его интеллектуальных и духовных возможностей. В результате гибель значительной части человечества — да и всего живого — рано или поздно представлялась неизбежной. Лет 20 мы привыкали жить в такой ситуации и постепенно к ней привыкли. Тогда до нашего сознания дошло, что мы уже вступили в другой кризис — демографический: взрывообразный рост населения Земли. Казалось, что остановить его могут только вызванные им же мировые катастрофы: войны, эпидемии, голод. Теперь некоторые демографы приходят к выводу, что рост городской цивилизации приводит к снижению рождаемости. По одному из прогнозов, численность человечества может стабилизироваться в XXI веке на цифре в несколько десятков миллиардов человек. Но тут обозначился третий кризис, угрожающий существованию не только челове-

чества, но и жизни вообще — экологический: стремительное исчерпание ресурсов природы и ее разрушение технической цивилизацией. Он кажется самым безнадежным, так как связан с самим коренным принципом, на котором построена современная индустриальная цивилизация: постоянным расширением производства. Таким образом, все время люди жили и продолжают жить в сознании нависшей над всеми ними угрозы гибели, хотя представление о причине этой гибели менялось. То есть уже почти полвека человечество живет в условиях совершенно нового (сравнительно с несколькими предшествующими веками) — катастрофического сознания.

В жизни цивилизаций отчетливо различаются сменяющиеся эпохи. В «Век Державности» главная личность — это царь, великий полководец. «Век Разума» говорит голосом философа. Центральная фигура «Века Прогресса» — организатор, ученый. В «Век Катастрофы» люди жаждут слышать пророка или святого. Слова «Я пришел спасти мир» просто не были бы поняты греками эпохи Перикла — им даже не приходило в голову, что мир надо спасать. Зато эти слова не требуют пояснений, когда господствует психология «конца света». Такова, конечно, и наша эпоха. Только теперь, когда эта концепция, даже эти слова слишком чужды нашему сознанию, мы выражаем то же самое мироощущение в терминах: гибель от ядерной катастрофы, демографический взрыв, экологический кризис.

В такие катастрофические эпохи историю движет логика, в принципе отличная от той, которая понятна нашему рационалистическому сознанию. Поэтому не кажутся реалистичными детально разработанные планы «выхода из кризиса» — скорее уж «Откровение Иоанна Богослова» поможет как-то осмыслить происходящее. (Да еще имеют смысл очень конкретные кратковременные планы.) Но верна и мысль Тютчева, что зрителям этих «высоких зрелищ» открываются грани истории, закрытые от нас в другое время. Недаром первые века до и после Рождества Христова так богаты «апокалипсисами» — «откровениями». И во многих современных произведениях вроде материалов Римского клуба или пророчеств о

«конце истории» мы имеем, собственно, такие же «апокалипсисы», только изложенные другим языком — как правило, гораздо менее пригодным к обсуждению подобных концепций. В этом переходном характере от «линейного» времени и соответствующего ему рационалистического сознания к времени катастрофическому, требующему совсем иного понятийного аппарата, — одна из трудностей нашего века.

Наш век

Попытаемся уточнить: что же такое происходит в наш век, благодаря чему мы ощущаем дыхание «конца мира»? И прежде всего, правомочно ли вообще говорить о современном нам мире как некотором единстве, несмотря на очевидную противоположность демократического Запада и тоталитарного Востока, благополучного Севера и нищего Юга?

Для ответа поставим мысленный эксперимент: предположим, что археолог, живущий через 1000 лет после нас, исследует современное нам человечество. И предположим, сверх того, что по какой-то причине исчезли все письменные источники, так что будущий археолог будет вынужден изучать наше время так, как современные археологи — дописьменные цивилизации: на основе остатков материальной культуры. Тогда, я думаю, он сделает вывод, что изучаемая им наша эпоха отличается от ей предшествовавших как раз чрезвычайным единообразием жизни. На подавляющей части Земли он увидит цивилизации одного типа. Этот тип цивилизации повсюду проявляется такими признаками, как: скопление людей в гигантских городах, жизнь в муравейниках колоссальных домов, господствующая роль механизмов в хозяйстве и быту, ориентация всей жизни на технику, опирающуюся на науку, почти сросшуюся с ней, и жестокий экологический кризис. Старшие поколения в нашей стране так привыкли к противопоставле-

нию «два мира», «две экономические системы», что скорее готовы поменять в этой картине знаки: «положительных» на «отрицательных», чем отказаться от картины поляризованного мира. Эту привычную концепцию не разрушают даже бросающиеся в глаза параллели, когда социалистическая революция решает те же задачи, что и капиталистическая промышленная революция: разрушение деревни, превращение крестьян в пролетариат, урбанизация и индустриализация.

Возвращаясь к нашему гипотетическому археологу, мы можем предположить, что он обнаружит в разных частях Земли эту единую цивилизацию представленной с различной степенью интенсивности... А если он сможет различать разные археологические пласты и восстановит процесс во времени, то увидит, что нашей эпохе (сравнительно с предшествующими) присуща неслыханная скорость изменений. И обнаружит, что цивилизация эта, возникнув сперва на небольшом пространстве Западной Европы, всего за несколько веков подчинила себе весь мир. Он обнаружит несравненно более агрессивную и нетерпимую цивилизацию, чем все ей предшествовавшие. В отличие от всех них, она не терпит рядом с собой иных укладов, не оставляет человечеству других, запасных выходов, путей развития.

Покорившая практически весь современный мир, универсальная цивилизация обычно называется индустриальной или технологической. Главная ее особенность, ее сущность, заключается в том, что человек все более подчиняется требованиям производства и техники. При этом, как замечает Жак Эллюль (1), техника здесь понимается в наиболее расширительном смысле: как стандартизованные, отработанные пути достижения цели, включая, например, технику пропаганды, политической борьбы, биржевой игры или спорта. Машина — это только идеал, к которому стремится техника, техника в чистом виде. И даже шире, технологическая цивилизация вытесняет из мира все живое, естественно выросшее, и замещает его искусственным.

Окинув взглядом 300 лет истории технологической цивилизации, мы увидим все ускоряющийся процесс уничтожения

Природы и замены ее техникой (в самом широком смысле). Яркий показатель, измеряющий этот процесс, — скорость пожирания деревни городом. Деревня не уничтожена полностью всего лишь потому, что расплатой была бы голодная смерть. Но с поразительной изобретательностью создается такая система сельского хозяйства, при которой как можно меньшая часть работающих жила бы в деревне и хоть как-то соприкасалась с природой. В США фермеры составляют 3—4% населения, хотя на сельское хозяйство работает 25—30% всей экономики (в машиностроительной, химической промышленности и т. д.). Кажется, что жизнь в деревне, контакт с природой для туземцев этой цивилизации — опаснейшее состояние, от которого она их всеми силами оберегает.

Неоднократно описывалось (да и каждый испытал это на себе), как технологическая цивилизация обрекает человека на искусственное существование в искусственных условиях. Мы все больше живем среди механизмов, приспособляясь к правилам и стилю их работы. Как писал Стейнбек, он дошел до того, что, встречаясь с человеком, задумывался — в какую щель этого автомата надо опустить монету, чтобы он заработал? Реальная жизнь создает еще более фантастические ситуации — например, живут уже тысячи людей, выращенных в пробирках. Возможные последствия «генной инженерии» (искусственное создание наследуемых признаков путем «хирургии» клетки) сначала так ужаснули ученых, что был объявлен добровольный мораторий на такие исследования, но продержался он недолго.

Переворот, создавший в исторически очень короткий срок технологическую цивилизацию, обычно называется научно-технической революцией. Это название и его сокращение — НТР — встречается во всех языках. Такое систематическое употребление термина не может быть случайностью, язык не обманывает: мы действительно имеем дело с революцией, произведенной «научной техникой», т. е. техникой, основанной на науке (ср. «пролетарская революция», «буржуазная революция»...). Как и всякая революция, она тоже уничтожает старый

уклад жизни, в особенности духовную структуру общества и человека (в предшествующих революциях это называлось «созданием нового человека»).

Например, один из крупнейших биологов этого века Конрад Лоренц обращает внимание на то, что вопрос о гуманности, нравственности, моральности некоторого образа действий возникает, только если объектом его является живое. В противном случае речь может идти лишь о более или менее целесообразных действиях. Современный же человек в своей деятельности все реже сталкивается с живым. Поэтому он отучается от оценки своих действий с точки зрения их нравственности и гуманности и оценивает их лишь с позиций целесообразности. Такую установку он переносит уже и на действия, направленные на живое. Вот почему, говорит Лоренц, когда современный человек сталкивается с чем-то-живым, он быстро его уничтожает (2). Это относится, добавим от себя, к колоссальному спектру действий — от уничтожения многих видов насекомых при помощи ДДТ до уничтожения коренного населения Тасмании.

Все более зловещий характер, который приобретает цивилизация, чувствовали, конечно, и раньше. Например, К. Леонтьев, писавший «против машин и вообще против всего этого физико-химического умственного развития, против этой страсти произведениями мира неорганического губить везде органическую жизнь, металлами, газами и основными силами природы разрушать растительное многообразие, животный мир и самое общество человеческое, долженствующее быть организацией сложной и округленной, наподобие организованных тел природы» (3).

В технологической цивилизации сознание людей формируется, унифицируется и направляется гигантской индустрией средств массовой информации. Средства информации определяют человеку цели жизни и средства их достижения, его нравственные принципы, эстетические вкусы, политические и национальные симпатии и антипатии. Некоторые факты вносятся в сознание под колоссальным давлением, занимают в нем громадное место; другие из информационной картины просто

вычеркиваются. Средства информации, по существу, формируют иную, искусственную действительность. Мы были свидетелями этого в ленинско-сталинско-брежневское время. Но такова же точно и ситуация на Западе, средства информации которого, например, вычеркнули из картины тогдашнего мира голод, сопутствовавший коллективизации в нашей стране. Или сделали центральным событием советской жизни 60-х и 70-х годов ограничение еврейской эмиграции — когда во всей стране господствовала система прописки, а колхозники вообще не имели паспортов и не могли выехать из своего колхоза!

Из всех средств массовой информации наиболее совершенным является телевидение. Это как будто фрагмент из фантастического рассказа об искусственном человечестве будущего: реальная жизнь заменяется жизнью «в ящике». Уже автору книги невозможно задать вопрос. Но в телевидении нельзя даже взглянуть на предшествующую страницу: не говорил ли он там нечто противоположное? И нельзя перелистнуть скучные страницы. Можно только покорно слушать слово за словом. Так формируется сознание хуже рабского: управляемое. А в то же время американский школьник проводит больше времени в общении с телевизором, чем в школе, с родителями или товарищами. Еще драматичнее ситуация у нас, когда работающие, занятые хозяйством или просто усталые родители счастливы пристроить детей к «ящику». У более взрослых американских юношей товарищем их игр и учителем является компьютер. Несомненно, скоро так же будет и у нас.

Создается поколение людей, воспитанных машинами, а не человеком. Эффект можно себе представить по рассказам о детях, воспитанных животными (чаще всего — волками). Когда этого ребенка находили скоро, то он восстанавливал человеческие черты, но если он пробыл среди животных больше двух лет, то, как правило, не мог восстановить ни речь, ни прямое хождение. Таким же образом технологическая цивилизация создает тип человека, который по духу все ближе технике и машине и все меньше чувствует свое родство с природой и даже людьми. Ему, например, ближе, понятнее

бензопила, чем лес, который она губит, или бульдозер — чем поле, превращаемое им в подобие лунного пейзажа.

Отличительным признаком технологической цивилизации является, как говорят, ее «динамичность», т. е. связанный с нею взрывообразный рост. Это рост производительных сил, научных исследований и числа научных публикаций, населения, размеров городов, мощностей военных средств разрушения. Растут скорости передвижения, достижимые расстояния (Луна, Марс, Сатурн...). Все эти величины растут в геометрической прогрессии, т. е. экспоненциально. Их графики очень похожи друг на друга и, как правило, приводят к абсурдному, катастрофическому результату в начале XX века.

Речь идет о расширении, логика которого не ставит ему никаких принципиальных границ, т. е. о неограниченном расширении. Представление о естественных, предопределенных границах, о своей форме — фундаментальное свойство всего живого. Газ распространяется в тех пределах, в которых его удерживают искусственные стенки. Кристалл тоже теоретически растет неограниченно, его «грани» определяются каким-то внешним воздействием. Но зато у любого живого существа знание его формы — всего организма, его органов, клеток — есть, как говорят биологи, самое загадочное свойство, наиболее радикальное отличие от неживого. Когда какая-то группа клеток теряет это представление, знание формы, — мы имеем злокачественную опухоль. И вряд ли случайно различные аспекты технологической цивилизации сопоставляли с раковой опухолью. Например, Дж. Гексли — демографический взрыв: возникновение одного центра стремительного роста населения (например, в Порто-Рико) и далекие выбросы (например, в городах США) представляют, как он говорит, пугающую аналогию с известной картиной рака и метастазов (4). (Гексли — автор известных исследований рака и в то же время — крупный деятель ООН в связи с развивающимися странами и экологией.)

Идеологическим отображением этого беспрецедентного в истории взрыва и в то же время его санкцией, оправданием, является концепция прогресса — идейный базис технологиче-

ской цивилизации. Сначала кажется, что концепция эта вполне понятна, но на самом деле детализировать ее трудно. То есть трудно дать понятный ответ на вопрос: что именно прогрессирует? Прежде всего, очевидно, что оценка «прогрессивности» очень субъективна, зависит от того, исходит ли она от благополучного североамериканца или от аборигена Австралии, от того, оценивается ли объем произведенной за 1 год человечеством продукции — или чистота воздуха. Представление о «вечном прогрессе» не является каким-то исконным, самоочевидным свойством человеческого сознания (поэтому и не требующим уточнения). Оно как раз сравнительно недавно стало господствующим, раньше историю описывали по-другому: например, как постепенное вырождение, когда на смену «золотому веку» приходит «медный», а за ним — «железный», мудрость и благополучие видится в древности. Или как вечное повторение одних и тех же циклов. Легче заметить, чем не является история с точки зрения концепции «прогресса». Она не мыслится как стремление к некоторой цели, достижение полноты, идеала. Прогресс понимается как неограниченное добавление принципиально однотипных слагаемых. Но зато сам процесс изменения воспринимается как некоторый положительный принцип. Все прошлое оценивается как малоценное сравнительно с будущим, прошлое охотно приносится в жертву будущему. Это было особенно ярко заметно у идеологов концепции прогресса в период ее становления (XVII в.). Они всеми способами выражали свое презрение к «древним» — науке и искусству античности. Их произведения полны нападок на Аристотеля. Декарт гордился тем, что забыл греческий, который учил в школе. Перро писал: «Платон скучен, Гомер теперь писал бы куда лучше... Прошлое воспринимается как эпоха власти «предрассудков». Д'Аламбер писал: «Хорошо, если бы можно было уничтожить историю».

Экономический уклад, соответствующий технологической цивилизации, В. Зомбарт (5) называет «высокоразвитым капитализмом» (Hochkapitalismus). Он стал приобретать отчетливые черты в конце XVIII — начале XIX века. Коротко Зомбарт ха-

рактеризует его сущность как «деконкретизацию мира, сведение его к абстрактному принципу денег, разрушение конкретности и многообразия». (В следующих ниже цитатах из Зомбарта нужно иметь в виду, что термин «капитализм» он применяет именно к этому специфическому экономическому укладу.)

«Капитализм возник из ростовщичества», — говорит он. В ростовщичестве устранен всякий конкретный элемент: вся качественная, хозяйственная деятельность принимает чисто количественный характер. Это не физическая, но и не духовная, осмысленная деятельность, ее смысл перенесен с нее на результат. Можно сказать, что это чистая техника хозяйственной жизни. Поразительно, какой страх и ненависть испытывала католическая Церковь в Средние века по отношению к ростовщичеству, как будто предчувствовала в нем источник силы, гибельной для тогдашнего жизненного уклада. Кажется, что оно вызывало большее отвращение и осуждение, чем другие человеческие грехи. Ростовщичество подлежало ведению особого церковного суда. Уличенному в нем священнику грозило лишение сана, мирянину — недопущение к причастию. Не только взятие процента строго каралось, но пресекались возможности скрытой оплаты за долг: например, отработка, любые услуги или отдача долга в другое время года, когда взятый продукт ценится больше (6).

В более развитой форме это же явление «сведение к абстрактному принципу» проявляется как «коммерциализация хозяйственной жизни», т. е. подчинение хозяйственной жизни торговым операциям. Торговец вообще вырабатывает отношение к объектам своей торговли как к чему-то ему постороннему. Он видит в них лишь предметы для обмена. Существенна для него лишь их цена — абстрактная численная величина. Раньше торговля находилась на периферии хозяйственной жизни, но с формированием «развитого капитализма» она становится ее ядром. Возникают ценные бумаги, акции, и их рынок (биржа) становится основой экономики. Биржа регулирует более реальную деятельность заводов, шахт или ферм. То есть многогранная индивидуальная хозяйственная жизнь

редуцируется к манипулированию числами: ценами, по которым продаются акции на бирже*.

Общество предшествующей эпохи, называемое обычно «традиционным», опиралось на идеологию, исходящую из жизни деревни. Основным принципом было представление об «участке», с которого человек «кормится» и посягать на который — аморально. Это же представление переносилось и на другие сферы хозяйства — ремесло, торговлю. Гильдии, цеха, нормы хозяйственной жизни помогали четко ограничить пределы хозяйственной деятельности каждого человека и защитить их от вторжения других. Максимально понижалась конкуренция и, в частности, такие приемы, как реклама, украшение витрин, зазывание покупателя, продажа по пониженной цене, производство дешевых изделий пониженного качества. Многократно издавались законы, ограничивающие употребление «машин, экономящих время», так как это могло привести к разорению других работников. Все такие действия характеризовались термином «не по-христиански» (unchristlich) и наказывались потерей уважения, статуса, иногда исключением из общины. Реже они ограничивались законом. То есть общество подавляло как раз те приемы хозяйственной жизни, которые стали основой «высокоразвитого капитализма»: конкуренцию, рекламу («контакт с потребителем»), удешевляемое массовое производство, применение машин.

«Высокоразвитому капитализму» свойственны интернационалистические тенденции, ориентация на мировой рынок, стирание национальных особенностей. Зомбарт подчеркивает в связи с этим роль «чужаков», «изгнанников», переселенцев в его становлении: гугенотов, вынужденных бежать из Франции, евреев, английских колонистов в Северной Америке. Такой переселенец не отягощен исторической традицией, он не

* Например, величайшая катастрофа в американской экономике произошла не из-за какого-либо стихийного бедствия, войны или революции, а в результате паники на бирже в «черный четверг» 29 октября 1929 года. А уже как результат этого закрылись тысячи заводов, промышленное производство упало почти вдвое, число безработных возросло более чем в 10 раз, десятки тысяч человек покончили жизнь самоубийством.

связан с окружающей природой духовными нитями, она является для него лишь объектом хозяйственной деятельности, «недвижимостью». Как пишет один английский колонист из Америки: «Ручьи и реки такие же, но не о них поют старые баллады, они не связаны с историей, они только вращают колеса мельниц». Более того, и оставаясь у себя дома, капиталист усваивает психологию чужака, «эмигранта».

Переход к «высокоразвитому капитализму» связан не только с изменением характера хозяйственной деятельности, но и с возникновением нового хозяйственного духа. Это представление о том, что «время — деньги», что время надо экономить и считать, как деньги. Впервые деловые люди стали торопиться — до этого их как раз отличали неторопливость, степенность. Говорили, что торопятся те, кому нечего делать, «светские щеголи». Если до того более одной трети дней в году были праздниками, освященными Церковью, то теперь праздники стали считать проявлением лени.

В более раннюю эпоху сохранялась сложившаяся еще в Средние века идеология, рассматривавшая общество как цельный духовный организм, в котором экономическая деятельность — лишь один из подчиненных элементов в большом и сложном единстве. Церковь стремилась подчинить хозяйственную деятельность моральному суду. Или хотя бы, более скромно: многократно подтверждалось, что эта деятельность естественно направлена на удовлетворение лежащих вне ее и вполне достижимых человеческих желаний: обеспечить себе достойное существование, досуг, стать помещиком и т. д. Этот взгляд соединялся с представлением о естественных потребностях человека (отражающих его сословное положение). Экономическая деятельность признавалась нормальной и справедливой лишь в тех пределах, в которых она была направлена на удовлетворение этих естественных потребностей.

С приходом «высокоразвитого капитализма» утверждается концепция автономности экономики. Макс Вебер пишет: «Теперь уже не приобретательство служит человеку средством удовлетворения его материальных потребностей, а все суще-

ствование человека направлено на приобретательство, которое становится целью его жизни. Этот с точки зрения непосредственного восприятия бессмысленный переворот в том, что мы назвали бы «естественным» порядком вещей, в такой же степени является необходимым лейтмотивом капитализма, в какой он чужд людям, не затронутым его влиянием». Он подчеркивает «иррациональность подобного образа жизни» (7). Тресты, банки, акционерные общества не имеют уже никаких человеческих целей. Мерой их успешности, т. е. конкурентоспособности, является доход, что не имеет никакого естественного предела. Так возникает концепция неограниченно растущей, стремящейся к бесконечности экономики как один из элементов идеологии прогресса.

Теперь уже хозяйственная деятельность диктует законы морали. Деловая жизнь рассматривается как «служение», которому человек должен без остатка отдавать все свои силы. Богатство, успех воспринимается как знак хорошо исполненного долга. Если в Англии еще в эпоху Тюдоров и Стюартов бедность рассматривалась как несчастье, которому общество обязано помочь, то после английской революции отношение резко меняется. Бедных рассматривают как преступников, им надо не помогать, а карать их, в крайнем случае — исправлять суровыми мерами.

Епископ Беркли писал: «Тупых нищих надо хватать и на определенный срок обращать в общественных рабов». С ним был согласен и классик английской экономической науки У. Петти. Он говорил, что чем больше платят работникам, тем больше они пьют, поэтому низкая зарплата и высокие цены — благодеяния для них.

Артур Юнг, уже в XVIII веке, писал: «Каждый, кто не идиот, понимает, что надо держать низшие классы бедными, иначе они никогда не будут трудолюбивы».

Д. Дефо: «Бедные — это вечно стонущая, праздная и неприсмотренная масса, составляющая балласт для нации. Для нее нужно ввести особые законы». Бездомных, безработных заключали в «работные дома», цель которых была не помочь

им, а исправить их. Тогдашние экономисты очень поддерживали эту меру, т. к. она понижала цену на рабочие руки.

Конечно, и в «традиционном обществе» существовали жадность, стяжательство и ростовщичество. Но принципиальная разница заключалась в том, что господствовавшая идеология их осуждала и сдерживала, а не пропагандировала в качестве добродетелей, называя жадность — экономией, а стяжательство — предприимчивостью. В новом же обществе эти качества стали стремительно распространяться, как сжатая пружина.

Удивительно, что описанные выше идеологические концепции стали формироваться задолго до возникновения технологического общества — по крайней мере, с XVI века, в «подполье капитализма», как пишет один исследователь. «Дух капитализма возник раньше капитализма», — говорит Зомбарт. Аналогичное замечание делает и М. Вебер (7). Это относится и к другим частям идеологии технологической цивилизации — например, к стремлению подчинить все живое технике, уподобить машине. Так, еще Кеплер писал: «Моя цель — показать, что небесную машину следует сравнивать не с божественным организмом, а с часовым механизмом». Декарт полагал, что животное — это машина, хотя в человеке допускал душу. Но уже Ламетри написал книгу «Человек-машина».

Одним из основоположных элементов идеологии технологической цивилизации является ее «научность». При этом имеется в виду очень специфическая наука — о точно измеримых, выражаемых в числах объектах, новую информацию о которых можно получать потом, оперируя этими числами. Как сказал Кант: «Всякая наука — настолько наука, насколько в ней есть математика». Заключения, опирающиеся на такую науку, подкрепленные расчетами, еще лучше — применением мощных компьютеров, для современного мышления особенно авторитетны, достоверны. Такой тип мышления действительно привел к поразительным успехам в астрономии, механике, физике. Но это все науки о неживом, пафос же современной идеологии как раз и заключается в том, чтобы применить эту

духовную и интеллектуальную установку к гораздо более тонкой и сложной реальности: клетке, организму, человеку, обществу. Уже Ньютон, в последних фразах своих «Математических начал натуральной философии», излагающих его механическую систему мира, прокламирует применимость тех же методов к изучению взаимоотношений мозга и других органов живых существ, движений и восприятий. И позже именно успех ньютоновской системы просто кружил головы мыслителям нового времени: Сен-Симон и Фурье обещали построить «универсальную систему» общества то по «принципу тяготения», то по «принципу гиперболы или эллипса». Ученики Сен-Симона, и в особенности Огюст Конт, настаивали на возможности рассчитать все — и организмы, и социальную жизнь, включая мораль и религию, «как в политехнической школе учат рассчитывать мосты». И они были уверены, что придут к куда более совершенным результатам, чем такой плохой математик, как Природа. При этом, как замечает фон Хайек (8), им, видимо, ни разу не пришло в голову, что человеческий мозг, который они наделяют такими способностями, — создан той же несовершенной Природой!

Применение разработанного в физике метода познания, опирающегося на эксперимент, измерение и расчет, основано на очень жестких предпосылках. Объект исследования должен быть совершенно однороден, чтобы экспериментальные данные, полученные из анализа одного его образца, были вполне применимы к любым другим. Как подчеркивает Мамфорд (9), мы должны быть уверены, что 1 кубический сантиметр воды в одной лаборатории точно совпадает с 1 кубическим сантиметром в любой другой. Но этим отрицается как раз фундаментальное свойство живого — индивидуальность.

(Лейбниц рассказывает, как, будучи в одном светском обществе, предложил присутствующим попытаться найти два совершенно тождественных листка» какого-то растения — и, конечно, никто не смог этого сделать.) Благодаря высокому авторитету «научного мышления» (указанного особого типа) в современном мире все, не укладывающееся в рамки этого

типа мышления, т. е. все индивидуальное и живое, — воспринимается как второстепенное и незначительное.

Более того, этот тип познания применим лишь к измеримым, квалифицируемым объектам. Все остальные — а таковы все чувства человека: любовь, ненависть, боль, радость — вытесняются куда-то на периферию сознания, объявляются как бы несуществующими или, во всяком случае, ненадежными ориентирами для нашего контакта с миром. Реальными, надежными считаются только объективные характеристики (и преимущественно — приборов), не зависящие от субъективных переживаний людей. Это дает, как замечает Лоренц (2), чрезвычайно искаженную картину мира. Наоборот, утверждает Лоренц, объективные заключения, связанные с расчленением встречающихся нам объектов на сравнительно однотипные части с их пересчетом, измерением, — вторичны сравнительно с внутренними переживаниями. Самое достоверное, что нам доступно, это то, что мы называем интроспекцией. Это «найденное внутри» воспринимается с гораздо большей уверенностью как данные о внешнем мире, а «объективное», «опосредованное» знание всегда более сомнительно. Субъективное переживание есть основа всего нашего знания, именно это выражает этимология слова «субъектум» — лежащее в основе. Наивная ошибка — надеяться достигнуть объективности путем устранения или игнорирования «субъективного переживания»». Но именно эта ошибка лежит в основе научной идеологии технологического общества и приводит к тому, что из картины мира выпадает то, что связано с фундаментальными свойствами жизни, человека, всего органично и естественно выросшего. А остаток, сохранивший лишь свойства, типичные для неживого, который действительно можно описать как некую машину, воспринимается как единственно существенная часть мира.

Технологическая цивилизация принесла нам экологический кризис. Между этими двумя явлениями существует глубокая внутренняя связь, так что все основные черты первого отражаются во втором. Прежде всего это связано с феноменом неограниченного расширения, санкционированного идеологией

неограниченного прогресса. Это расширение происходит через, так сказать, расширенное воспроизводство трудностей. То есть когда возникает проблема, связанная с разрушительным действием цивилизации на природу, то проблема решается, но за счет возникновения одной или нескольких новых проблем, как правило, связанных с более глубоким воздействием на природу. Цивилизация с каждым шагом как бы подбирается все ближе к самым корням природы. Например, концентрация населения в больших городах ставит вопрос о снабжении их продовольствием, эта проблема снимается механизацией сельского хозяйства; механизация разрушает почву и уменьшает ее плодородие, это преодолевается использованием пестицидов и искусственных удобрений, а это приводит к тому, что отравляются почва, продукты питания, воды и, в конце концов, человечество. Или та же концентрация населения в городах создает жилищную проблему, она решается ростом городов, это создает новые транспортные проблемы, они снимаются за счет массового выпуска автомобилей и дорожного строительства, что приводит к уменьшению обрабатываемой площади земли, нехватке горючего, исчерпанию невосстановимых энергетических ресурсов, отравлению воздуха выхлопными газами и т. д.

Явление неограниченного расширения связано еще с тем, что техника является чрезвычайно мощным инструментом воздействия, так что, как правило, противопоставить ей можно лишь другую технику. Это верно не только в отношении «машинной» техники: если одна воюющая сторона применяет отравляющие газы, то и другая должна их применять; если одна партия использует разработанную систему пропаганды, то и другим без нее не обойтись и т. д. В результате для устранения травм, наносимых техникой, применяются лишь другие ее формы. Причем в очень широком спектре явлений. Например, после революции 1917 года у нас стала с колоссальной скоростью расти техника управления — бюрократия, и для исправления дела Ленин сразу же предложил новую бюрократическую организацию: Рабоче-крестьянскую инспекцию (Рабкрин). Так потом и шло через всю нашу историю.

Ситуация даже еще драматичнее. Видимо, логика живой природы и логика технологической цивилизации построены на совершенно разных принципах, они несовместимы. Всякий, интересовавшийся экологией, знает, какую роль в живой природе играет ее организация в форме циклов. Например, трупы и отходы животных поглощаются бактериями, бактерии являются основой роста растений, растения опять поедаются животными. И таких циклов существуют десятки и сотни тысяч. Именно благодаря этой организации в виде циклов все, что в природе производится, ею же и поглощается. Все это противоположно «аристотелевской» логике технической цивилизации. Она вся основана на том, что логика допускает лишь вытянутую в одну линию последовательность вытекающих друг из друга положений. Когда рассуждение приобретает характер цикла, это называется ошибкой, «порочным кругом». С бесконечной, идущей как бы по прямой, цепью событий связано и наше представление о времени (в отличие, например, от представления о «циклическом времени», распространенном в античности). И действительно, когда современный человек вторгается в природу, он как раз разрывает эти существующие в природе циклы, откуда, например, и происходит катастрофическое накопление непоглощенных отходов.

Подчинение природы концепциям научно-технического прогресса навязывает ей совершенно чуждые, несовместимые с нею принципы. Возникает противостояние: человек (технологической цивилизации) — Природа. Поскольку технологическая цивилизация крайне идеологизирована, то она оформляет это противостояние в виде концепции Природы как чего-то несовершенного, косного, низшего, требующего радикального преобразования. Это чувство озлобленного неприятия Природы, всего органически происшедшего лежит в основе таких очевидно вредоносных действий, как отравление Байкала, проект поворота северных рек или коллективизация.

Очевидно, технологическая цивилизация является тупиковой линией развития человечества, ведущей к ее гибели. Такой ее характер подтверждается и рядом сопровождающих ее

патологических симптомов. Например, в последнее время — распространением терроризма. Обычно он бывает реакцией на нищету и бесправие — а теперь расцветает в самых богатых и свободных странах. Так, в материально сверхблагополучной Германии все стены исписаны призывами в поддержку так называемого RAF (террористическая банда Баадер-Майнхоф). Гораздо более глубинный симптом — это революции, как спутник-двойник, сопровождающие технологическую цивилизацию... Предчувствием их были еще гуситские войны и восстания эпохи Реформации, а затем — «Великие»: английская, французская и русская революции, поражающие сходством даже в мелких деталях. Они не имеют аналогов в других веках или цивилизациях. Античные восстания рабов, средневековая Жакерия, Пугачевщина были движимы совсем иным духом. Это была естественная реакция на голод или бесправие. «Великие» же революции движимы пафосом полного разрушения, уничтожения всего современного им мира, они дышат апокалиптическим духом. В них ярче всего провозглашается и к ним больше всего привлекает стремление уничтожить порочный мир — а картина «нового мира», который в результате этого возникнет, маячит где-то вдали, как бледная тень. Их деятелей, революционеров, социалистов и коммунистов, часто упрекают в том, что в своей гордыне они пытаются заменить Бога, тщась построить рукотворное Царство Божие на Земле. Такая тенденция тоже, конечно, существует, но не она является главным двигателем революций. С гораздо большим правом можно сказать, что их вожди по-другому понимают свое вмешательство в замыслы Бога, что их идеал — это рукотворный конец света.

По-видимому, опасность тупикового, гибельного пути развития встречается в истории не впервые. Например, в конце палеолита усовершенствование техники охоты — облавы с огнем, загон целых стад к обрыву или в искусственные ловушки — привело к истреблению ряда видов, служивших охотничьей добычей. Исчезли мамонты, шерстистые носороги, дикая лошадь. В Пиренеях, в Чехии, Средней России археологи находят громадные скопления костей. Обнаружены десятки тысяч

останков лошадей близ стоянки Солютре, тысячи останков оленей около пещеры Гурон. Многие туши оставались неразделанными. Некоторые археологи говорят о «блицкриге» охотников, о глобальном хозяйственно-экономическом кризисе, видимо, аналогичном современному экологическому кризису. Несмотря на многочисленные исследования, остается загадкой, как человечество сумело нащупать выход и перейти к совершенно иному типу хозяйства — земледелию, к новой социальной организации и к новой системе религиозных представлений.

Есть еще один способ почувствовать уникальность технологической цивилизации. Надо обратить внимание на признак, ярко характеризующий любой тип общества, — его фольклор, сказки, мифы. Для технологической цивилизации все это выражается обычно в форме «футурологии», какой бы вид она ни имела — «научной фантастики» или «смелых научных прогнозов». Мы встречаем очень однородную систему образов. Жизнь среди автоматов, в изолированных капсулах, на далеких планетах, на дне моря или под землей. Обсуждение возможности существования человека в мире, где не осталось ничего живого (кроме разве бактерий), картины полного вытеснения человека из жизни роботами, заявления о необходимости изменить психику и даже физиологию человека так, чтобы он наилучшим образом мог сотрудничать с вычислительными машинами. Покойный советский астрофизик Шкловский развивал концепцию смешанного человечески-кибернетического существа, «кибернетического организма» (киборга). Эта теория, будучи изложенной на престижной научной конференции, среди ученых различных отраслей науки встретила теплую поддержку. В 1960 году французский журнал «Экспресс» напечатал подборку взглядов наиболее признанных ученых мира (лауреатов Нобелевской премии, членов академий СССР, США и т. д.) о жизни в 2000 году. Среди предсказаний встречается замена всей пищи синтетической или запрет естественного способа человеческого оплодотворения и замена его искусственным осеменением. При этом сперма должна браться от людей, от которых можно ожидать идеального потомства, — желательно

давно умерших, чтобы их деятельность можно было объективно оценить. И все сопровождается призывами «сделать человеческую природу благороднее, красивее и гармоничнее»!

Технологическая цивилизация достигла наибольшего развития в западноевропейском и североамериканском культурном круге, как определенная линия развития капитализма. Однако ее развитие и установление ее господства во всем мире ни в коей мере не укладываются в привычную антитезу капитализм — социализм. С одной стороны, капитализм — понятие гораздо более широкое, чем технологическая цивилизация. Такие выдающиеся историки античности, как Эд. Майер или Ростовцев, считают, что капитализм существовал уже в античности. И «ранний капитализм» (в терминологии Зомбарта) XVI—XVIII веков содержал в себе возможность многих линий развития, из которых реализовалась одна, очень специфическая. Точно так же совершенно не очевидно, что рост техники или городов должен был привести именно к этой, современной цивилизации. С другой стороны, основные принципы технологической цивилизации вполне совместимы и с социалистическими принципами. Такое впечатление, что эта цивилизация экспериментировала с обоими вариантами развития (с социалистическим, в частности, мы познакомились в нашей стране). На сегодняшний день кажется, что более эффективным для воплощения ее принципов оказался тот, который связан с капитализмом. Но самый дух технологической цивилизации: отрыв от природы и человека, противопоставление схемы, расчета — органическому развитию, все это придает технологической цивилизации характер утопизма, близкий духу социалистической утопии*.

Как писал один западный социолог, «современный предприниматель рационален в своих методах, но утопичен — в целях». И те «утопии», которые мы привыкли рассматривать как первые наброски социалистического уклада, возникли-то в период созревания капитализма, начиная с XVI века. При-

* Подробное сопоставление технологической цивилизации с социалистическим обществом содержится в моей работе (10).

чем про многие из них трудно сказать, что же они живописуют: социалистическое государство или общество, руководимое инженерами и учеными («Новая Атлантида» Ф. Бекона явно относится ко второму типу). У Сен-Симона, знакомого нам «предшественника научного социализма», центр тяжести его системы — в планомерном развитии технического прогресса (и других сторон жизни) под руководством науки, а социалистический ингредиент занимает очень скромное место. Да достаточно прочитать основоположное произведение марксизма — «Коммунистический манифест», чтобы увидеть, как искусственно противопоставление капиталистической и социалистической идеологии. Капитализм играет там роль основной исторической силы, создающей все необходимое для социалистического строя (см. раздел «Буржуа и пролетарий»). «Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль». Она разрушила патриархальные отношения, разорвала феодальные путы. «Она впервые показала, чего может достигнуть человеческая деятельность, она постоянно революцинизирует процесс производства и все общественные отношения, сделала производство всех стран космополитическим, вовлекла в цивилизацию все народы, подчинила деревню городу». «За сто лет своего господства она создала более грандиозные производительные силы, чем все предшествующие поколения, вместе взятые». Короче, она сделала практически все, и пролетариату остается довольно скромная роль: лишь почти юридическое оформление того факта, что социалистическое общество реально создано. Да и у нас после социалистической революции 1917 года стали решающую роль играть многие явления, которые в Западной Европе или США рассматривались как типичные проявления развитого капитализма. Много примеров приведено в моей, цитированной выше, работе. Удивительное впечатление производят некоторые совпадения, имеющие вид как бы цитат. Например, мысли Зомбарта, что капиталист является колонизатором в собственной стране, параллелен призыв нашего идеолога «научной организации труда» 20-х годов А. Гастева, обращенный

к «строителям новой жизни»: «Мы должны стать колонизаторами собственной страны».

Резюмируем основные черты технологической цивилизации, детально рассмотренные выше:

1. Живое постепенно заменяется техникой, город вытесняет деревню, уничтожается природа.

2. Все быстрее растет население и объем производства. Жизнь потеряла стабильный характер. В результате — экологический кризис.

3. Человек включается как составной элемент в производственный процесс, надобностям которого подчиняются непосредственные человеческие цели.

4. Жизнь регулируется концепциями механистической науки, первоначально сложившейся как наука о мертвой материи. Мораль подчиняется критерию «эффективности».

5. Жизнь нивелируется и стандартизируется в масштабе всей Земли. Создается управляемое сознание.

6. Господствует утопический тип мышления: создаются абстрактные, рассчитываемые схемы, согласно которым потом радикально переделывается жизнь.

Многие из размышлявших об этой цивилизации предлагали в качестве ее символа или идеала такой образ: природа, включая человеческое общество, превращается в единую, идеально действующую машину, в которую отдельные люди включаются как ее детали, «винтики», или загружаются как однородная масса сырья.

С каждым десятилетием специфические черты технологической цивилизации приобретают все более утрированный характер. Может создаться впечатление, что эпоха живого, занявшая последние несколько миллиардов лет, приходит к концу. Определяющей силой становится хоть и созданная человеком, но все более подчиняющая его себе техника: неживая структура, к которой неприменимы категории смысла, цели или красоты. Это как бы возвращение материи в первобытный хаос, Ничто. Естественно, что такой эпохе созвучно мироощущение гибели древних богов, катастрофы, «конца мира».

Духовные основы

Технологическая цивилизация относится к числу явлений, возникающих в пределах совершенно определенной группы народов и в определенный исторический период, а уж потом распространяющихся по всему миру, подчиняя себе другие культуры. Большая часть человеческих дел творится иначе: одни и те же явления возникают в любых ситуациях, когда созреют необходимые условия. Так, совершенствование орудий труда, возникновение земледелия и скотоводства, появление городов и государств происходило единообразно в самых отдаленных друг от друга частях земли. Например, в индейских государствах Центральной и Южной Америки европейцы столкнулись с ирригационным земледелием, крупными городами, централизованными государствами или многолетними астрономическими наблюдениями совершенно того типа, что были известны в Старом Свете. Зато невозможно себе представить, чтобы ислам зародился, например, в Индии или в Западной Европе в какой-либо период их истории. В одном письме Моцарт удивляется, почему вся его музыка имеет некий специфический «моцартовский» характер, столь же для него характерный, как его длинный нос. Таковы великие художественные произведения, и далеко не только они. Точно так же технологическая цивилизация несет на себе неизгладимые признаки породивших ее западноевропейских народов и исторической эпохи, когда она возникла.

Если, как делает, например, Зомбарт, относить возникновение «высокоразвитого капитализма» к XVIII веку, то идеологическую подготовку технологической цивилизации можно отнести к XVI и XVII векам. Так что, если бы в начале XVII века какая-то эпидемия уничтожила население Западной Европы, то мне кажется несомненным, что технологическая

цивилизация не появилась бы вообще. И в античности, и в исламском мире можно обнаружить капитал, быстрый рост населения, появление больших городов. Античность знала и экологический кризис: разрушение почвы земледелием, отравление воздуха дымом в больших городах, истощение копей, отравление питьевой воды свинцом в водопроводах и т. д. Но все эти явления не достигали порога общемирового кризиса, и не видно признаков того, чтобы из них могло возникнуть то парадоксальное явление, которое мы пытались описать в предшествующем разделе.

Идейные течения, подготовившие технологическую цивилизацию, связаны с грандиозным духовным кризисом, который Западная Европа переживала в XVI веке — Реформацией. Поворотным пунктом в понимании того влияния, которое Реформация и протестантизм оказали на идеологию технологической цивилизации, явилась работа М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» (7). Именно она положила начало изучению духовных основ этой цивилизации. (Из более поздних работ см., напр., Тауни (11). Толчком для Реформации послужили, как обычно говорят, пороки католической Церкви, особенно проявившиеся в позднем Средневековье: торговля индульгенциями (отпущением грехов), продажность и распущенность духовенства, праздность и жадность монахов, почитание реликвий и торговля ими, неслыханное обогащение Церкви и вмешательство ее в светскую политику. Но со всем этим боролось и весьма влиятельное течение католической реформации. Лютер же и его сторонники очень быстро пришли к полному разрыву с католицизмом по фундаментальным вопросам о взаимоотношении человека, мира и Бога. В основу своего учения Лютер положил принцип «оправдания только верой». С его точки зрения, добрые дела не оказывают влияния на спасение души, которое дается лишь милостью Бога и достигается лишь верою. Благодаря этому исчезает роль мира и человеческого общества, как места встречи человека и Бога, как «пути спасения», религия приобретает гораздо более абстрактный, не связанный с миром характер. Рушится и роль Церкви как

посредника между человеком и Богом: каждый честный христианин объявляется священником, упраздняется пять из семи церковных таинств, культ Богоматери и святых, поклонение мощам, иконам и статуям святых. Но красота богослужения, иконы, статуи и цветные стекла храмов — это был путь проникновения божественного в наш мир. Святые, например, как бы соединяли людей с небом. Они, как правило, были очень индивидуальны, имели специальные функции и были связаны с местом своего жития. В этом отношении их можно сопоставить с «местными героями» античности. Крайним, далеко не единичным примером воздействия таких переживаний на жизнь может служить явление святых (архангела Михаила, св. Екатерины и св. Маргариты) Жанне д'Арк, подвигнувшие ее стать во главе освободительной войны французов. Стремясь одухотворить и возвысить религиозную жизнь, идеология Реформации в значительной степени десакрализировала мир, лишила его высшей, божественной ценности, порвала эмоциональные связи человека с миром. Вселенная превращается в духовно чуждую, не защищенную никакими симпатиями среду человеческой деятельности. Это и была одна из основных предпосылок для развития технологической цивилизации.

Более радикальной ступенью протестантской идеологии был кальвинизм. Кальвин бежал из Франции в Швейцарию и ввел в середине XVI века в Женеве теократическое правление. Его учение оказало наибольшее влияние во Франции в движении гугенотов (гугенотские войны, XVI в.), в Нидерландах (революция XVII в.) и в Англии, в течении пуритан, бывшем основой как английской революции XVII в., так и первоначального развития Североамериканских колоний.

Основой кальвинизма является учение о предопределении. Макс Вебер (7) приводит цитату из «Вестминстерского исповедания» 1647 года: «Бог решением своим и для прославления величия своего предопределил одних людей к вечной жизни, других присудил к вечной смерти». «Тех людей, которые предопределены к жизни, Бог еще до основания мира избрал для спасения во Христе и вечного блаженства (...) из чистой сво-

бодной милости и любви, а не потому, что это имеет причину или предпосылку в вере, добрых делах и любви...» «И угодно было Богу по неисповедимому решению и воле его (...) для возвышения власти своей над творениями своими, лишить остальных людей милости своей и предопределить их к бесчестию и гневу за грехи их, во славу своей высокой справедливости».

Согласно пуританской идеологии, прилагать земные масштабы «справедливости» к действиям Бога — бессмысленно и оскорбляет его величие. Точно так же бессмысленно думать, что человек способен своими делами изменить решение Бога — это значит думать, что человек способен ограничить Его свободу. «Избранные», согласно Кальвину, составляют незначительное меньшинство, обычно в пуританской литературе они называются «святыми». Их избранность открывается им в процессе особого переживания, называемого «вторым рождением». Но и потом всякая встреча Бога и человеческой души полностью исключается ввиду абсолютной трансцедентности Бога для твари. Общение Бога с избранными Им осознается ими и осуществляется только благодаря тому, что Бог действует в них. Успех в их мирской деятельности (независимо от ее цели) является единственным подтверждением избранности. Таким образом, работа для них отрывается от обычных человеческих целей и приобретает характер религиозного служения. Основным переживанием «святых» было ощущение пропасти, отделяющей их от остального человечества, «обреченных». С другой стороны, их обычно не оставляли мучительные сомнения в подлинности их избранности, которые был способен устранить лишь успех в их делах. Здесь и лежит разгадка таинственного феномена — как фаталистическая идеология кальвинизма породила такой необычайный подъем энергии: английская революция XVII века, промышленная революция в Англии, создание Соединенных Штатов. Пуритан самих поражало это явление. Проповедник из Массачусетса Джон Коттон писал: «Есть удивительная комбинация добродетелей, смешавшихся в каждом истинном христианине. Это прилежание в мирских делах и в то же время состояние

смерти для мира. Тайна, которую не может постичь не переживший ее». Пуританин обитает как бы в чужой земле, его дом — вне его жизни, грех уничтожает почти всю радость мира. И все же он должен быть полезным и надежным членом мирского общества, семьи, церковной общины. В поучениях указывались пути отстранения «святого» от мира. Красота в церковном обряде обличалась как «завораживающая совесть». Во время правления Кальвина в Женеве запрещались песни, танцы, семейные праздники (12). Родителям внушалось, что они не должны слишком любить детей, слишком привязываться к ним, всегда быть начеку, чтобы удерживать их на расстоянии. Даже буквари пуритан были наполнены упоминаниями о бренности жизни. Например, на букву «К» был стих: «Ксеркс умер, хоть был он великий царь. Умрешь и ты, как вся прочая тварь». И множество подобных изречений (13).

Идея воплощения Бога, как некоторое глубинное соприкосновение Бога с миром, была чужда кальвинизму. Христология в нем была развита очень слабо, оно было гораздо ближе Ветхому Завету, это видно хотя бы по числу цитат. Во время правления Кромвеля один из его сподвижников, полковник Гаррисон, предлагал даже ввести в Англии Моисеев закон. При Кальвине в Женеве стали исчезать традиционные женевские имена — Амадеус, Клавдий — и появились Мордохеи, Мельхиседеки, Захарии (14).

Конечно, Реформация и идеология технологической цивилизации не находятся в таком простом взаимоотношении, как причина и ее прямое следствие, да такое вряд ли и бывает в истории. Видимо, это был сложный, многокомпонентный процесс. В XVI и XVII веках параллельно протестантизму развивалась идеология механистической концепции мира, скорее всего воздействие было взаимным. Так, Мерсен мечтал заменить «Подражание Христу» «Подражанием божественному Инженеру», Гоббс сравнивал человека с автоматом, а государство — с «искусственным человеком» и т. д. Сама Реформация опиралась на такие более ранние течения западноевропейской культуры, как «немецкая мистика», многочисленные

еретические движения. Тем не менее в этой сложной мозаике протестантизм выделяется как центральная идеологическая концепция, связанная с первым этапом развития идеологии технологической цивилизации. Вряд ли можно сомневаться в том, что технологическая цивилизация является духовным движением, имеющим религиозные корни, и эти корни ведут в протестантизм и кальвинизм. В дальнейшем религиозное мироощущение в ней ослабло и даже полностью выветрилось, его место заняла мистика «мертвого мира», мира машины.

То влияние, которое идеология протестантизма оказала на развитие технологической цивилизации, обсуждалось неоднократно — правда, обычно применительно к определенным аспектам этой цивилизации. Наиболее известна цитированная выше работа М. Вебера (7). В ней показано, как протестантская (в основном кальвинистская) этика помогла сломать «традиционный» тип мышления, ориентирующий труд и социальную деятельность на достижение реальных человеческих целей, чтобы утвердить идеал экономической деятельности как «служения» (сначала религиозного), как самоцели, как бесконечного, ничем не ограниченного процесса.

Другая яркая попытка в аналогичном направлении принадлежит историку культуры Линну Уайту (15). Он рассматривает влияние не протестантизма, а шире — христианства (может быть, точнее: западного христианства) на один из аспектов технологической цивилизации — экологический кризис. По его мнению, христианство является духовным источником и основой экологического кризиса. Им написана яркая книжка «Махина экс деус», где он, перевертывая известное выражение «Деус экс махина» (бог, выходящий в античном театре из театральной машины), доказывает, что, наоборот, машинная цивилизация и экологический кризис вышли из христианского понимания Бога. По его мнению, христианство вытеснило более древнее анимистическое восприятие мира, согласно которому вся природа одушевлена и тем самым родственна человеку, деревья и источники имеют своих духов, местные божества. Христианство, согласно Уайту, оторвало Бога от мира, признало

лишь человека сотворенным по образу Божьему и тем дало право человеку по произволу использовать природу для своих надобностей. Человек, по крайней мере в его самой ценной части, исключается из природы, из его отношения к природе устраняется всякий эмоциональный элемент, сочувствие ей. Этим открывается дорога к безжалостной эксплуатации природы. С другой стороны, христианство, утверждает Уайт, создало концепцию прямолинейного движения к идеальной цели, породившую идеологию прогресса, и даже разработало схему сменяющих друг друга фаз в этом движении. Эта схема сменяющихся фаз идет от Иоахима Флорского, итальянского аббата XII века, проповедовавшего смену трех эпох человеческой истории: Отца, Сына и Святого Духа. И сейчас, полагает Уайт, мы живем в мире, «согласно христианским аксиомам». Так, марксизм он считает одной из иудео-христианских ересей.

Впрочем, черты, связанные с идеологией технологической цивилизации, Уайт считает в большей мере свойственными западному христианству (католицизму и протестантизму), чем восточному (православию). Для последнего, по его мнению, характерно восприятие природы как образа, проявления Бога. Этим он и объясняет малый интерес к техническому развитию в Византии. Даже и в западном христианстве Уайт отмечает различные течения. Так, он особо выделяет Франциска Ассизского с его проповедью смирения не только отдельного человека, но и человеческого рода. Для св. Франциска муравей и огонь — «братец муравей» и «братец огонь». Франциска Ассизского, говорит Уайт, экологи могли бы выбрать своим святым-покровителем.

Несомненно, к этому же кругу вопросов относятся очень яркие мысли, высказанные Розановым (16). Во времена Розанова не говорили об экологическом кризисе или технологической цивилизации. И взгляды Розанова гораздо радикальнее: он полагает, что христианство вообще уводит человека из мира и ведет его к смерти. Оно учит, что весь мир лежит во зле, что не следует любить ни мира, ни того, что в мире, что враги человеку — домашние его, что надо возненавидеть своего отца, мать, жену, детей, братьев и сестер, а также и

саму жизнь свою. Розанов говорит, что христианство — это «религия, в центре которой — гроб, религия мертвого Бога». «Только христианство попыталось разрушить недра мира, как бы проколоть иглою мировой зародыш, зародышевое начало мира, зародышевую сущность мира». Идеал христианства — иночество, а это означает отрицание «дома», хозяйства, семьи, «...глубочайше будет разрушен тип социальной жизни — разрушен не в бытовом, а в психологическом корне, т. е. более глубоко. Это есть то разрушение, на месте которого ничего не вырастает. Не менее разрушается тип истории (...). Будущее не нужно тому, у кого не будет потомства». Розанов устанавливает связь так им понимаемого христианства с современным мировоззрением: «Как ни странно сказать, но европейское общество, в глубочайшей супернатуральности своей, в глубочайшем спиритуализме, в глубоком идеализме... создано иночеством». «Аромат европейской цивилизации, даже атеистической, совершенно даже светской и антихристианской, — все равно, весь и всякий вышел из кельи и инока».

Мы имеем здесь целый спектр точек зрения, хотя и различных, но обладающих общим ядром. Разумеется, все они вызывают и вопросы, и возражения. Уайт, собственно, сам и ставит очень интересный вопрос, когда противопоставляет друг другу западное и восточное христианство. В первом — взлет технических интересов: многообразие и тонкость механических усовершенствований поражало путешественников из Византии, посещавших Италию уже в XV веке. Во втором — отсутствие технического прогресса после VII века, когда был изобретен «греческий огонь». Но тогда, значит, загадка рождения технологической цивилизации лежит в особенностях западноевропейских народов, так как в Византии то же христианство не привело к подобному результату. Что касается Розанова, то его произведения, по моему мнению, не рассчитаны полностью на логический анализ. Легче всего поймать его на противоречии — например, на том, что он ужасается «религии, в центре которой — гроб, религии мертвого Бога», как будто не слышал о воскресении. Или даже еще убеди-

тельнее — указав на искреннее, душевное описание чувства успокоения и утешения, испытанного им самим после обедни, поставленной в церкви свечки, — и это рядом с яростными антихристианскими инвективами. Ему важнее было передать зревшую в нем идею, чем придать ей логически безупречную форму. И чувствуется, что у него есть какая-то очень нетривиальная мысль. Ведь цитаты, которые он приводит, — не фальсифицированные. И подлинна описанная им страшная история 25 старообрядцев, закопавших себя с маленькими детьми «в ямы», — точно так же, как это делали в XVII веке последователи фанатического аскета старца Капитона, еще до раскола.

Видимо, никакая религия не дает человеку гарантии найти «спасенья узкий путь». Углубление религиозного сознания дает большую свободу — со всеми вытекающими опасностями. Человек как бы становится вместо «одномерного» существа, способного двигаться вдоль определенной линии, — «трехмерным», он способен перемещаться в любых направлениях пространства. Но свобода выбора остается, и он избирает иногда поразительные пути. Не случайно, видимо, что так много страшных явлений связано с религиозными представлениями: религиозные войны, преследования еретиков, инквизиция. А в более ранние эпохи — «охота на ведьм» во всех архаических обществах, человеческие жертвоприношения, каннибализм, охота за головами. Каннибализм, например, по словам этнографов, всегда имеет религиозный характер. И широкое его распространение связано не с каким-то «самым низким» уровнем развития общества, а со вполне определенной цивилизацией, где религиозные церемонии связаны с широким употреблением масок, где в племенах существуют так называемые тайные союзы — охотников, юношей — и в которой возникают самые ранние формы земледелия. Враги религии говорят, что она приносит человечеству зло. В каком-то смысле приносит и зло, но дело в том, что без религии человеческое общество гибнет. Так, большинство этнографов приходит к выводу, что гибель многих народов при столкновении с европейской цивилизацией объясняется не чисто материальными причинами —

иногда, например, европейцы даже приносили более эффективные методы медицины. Истинная же причина — разрушение религиозных представлений этих народов, в результате чего они быстро вымирали. То есть человек в принципе осужден на существование в двух мирах — в этом мире и некоем «мире высшем», связь их и осуществляет религия (само это слово и значит — связь). Если Розанов говорит, что Иисус — это и есть «тот мир», вторгающийся в «этот», то он прав, и даже шире, чем сам утверждает, — это верно по отношению к любой религии. Любая из них основана на представлении о «том мире», в котором скрыты ответы на вопросы этого, в котором как бы спрятан его смысл. Так, процесс излечения больного шаманом обычно связан с обращением к силам «иного мира». Шаман (или его душа) поднимается по «дереву жизни» или улетает птицей в верхний мир и ищет там душу больного. Иногда в этих поисках шаман проходит через три неба или девять небес. Он торгуется с богами, обещая им жертвы, или борется с враждебными духами. Если ему удается найти душу и донести ее до больного, то наступает исцеление. Это — простейшая модель всех религиозных концепций: обращение к «миру горнему» для решения иначе неразрешимых проблем нашего мира находится в основе любой из них.

И когда Розанов говорит, что христианство — это «религия, в центре которой — гроб», то он тоже прав в более широком смысле, чем даже утверждает. Гроб, а вернее — труп, находится в основе древнейших религий. Один из древнейших мифов — это что космос создан из трупа убитого животного. Он встречается у множества народов Южной Америки, Африки. Животные же, из которых создается мир, это и анаконда, и страус, и гигантская змея. В Месопотамии центральный миф утверждал, что мир создан из чудовища Тиамат убившим его богом Энлилем. Такой миф был известен грекам, его отголоски есть и в нашей «Голубиной книге». «Иной мир» является и миром мертвых, туда они уходят, там обитают. Поэтому соприкосновение с ним подразумевает и соприкосновение со смертью. Духовная жизнь архаических обществ концентриру-

ется вокруг религиозных ритуалов, называемых обычно «ритуалами перехода», т. к. они связаны с переходом человека в иное социальное состояние: из юношей в полноправного члена племени, или в число женатых, или в положение колдуна, шамана, вождя и т. д. И каждый такой ритуал в очень яркой форме изображает смерть человека и его рождение в новом состоянии. Как говорит Элиаде (17), всякий ритуал перехода олицетворяет смерть, но при этом и смерть становится лишь одним из ритуалов перехода, переходом в высшее состояние. Таким образом, смерть находит место в жизни, она «побеждается», хотя и за счет того, что человек многократно соприкасается с нею в «ритуалах перехода». Это как бы разрешение вопроса «откуда в мире Зло?», по крайней мере крайнее Зло — Смерть, т. е. нечто вроде теодицеи архаического общества. В современном же мировоззрении смерть максимально вытесняется в подсознание, но и становится за счет этого лишенным смысла провалом в Ничто. Остается лишь ее панический страх, обычно также вытесняемый в подсознание. (Лоренц обращает внимание на одну из основных черт современной цивилизации — все увеличивающийся темп перемен — и говорит, что, как специалист по психологии поведения, может предложить лишь одно объяснение такой всеускоряющейся гонке: тайный панический страх. Очевидно, страх смерти.)

Все религии основаны на вторжении «того мира» и на соприкосновении со смертью, введении ее как постоянного элемента религиозного переживания. Конечно, это очень страшная вещь, это и связано со «страхом Божиим». Хотя это совсем иной страх, чем панический, подсознательный ужас, вызываемый идеей смерти в современном человечестве. И чем сильнее религиозное переживание, тем ярче проявляются эти черты и тем шире спектр их возможных реализаций в жизни. В этом смысле любая религия похожа на огонь: он согревает жилище, помогает жить в местности, иначе непригодной для обитания, но он может это жилище и сжечь, на нем можно сжечь и человека. Г. М. Прохоров (18) приводит цитату из «Слова о житии и о преставлении Великого Князя Дмитрия Ивановича Царя

Русского», где для характеристики религиозного рвения князя используется такое же сопоставление: «Сего же рвение к Богу тако бывает, яко огнь дыхает скважнею». По поводу византийского мистического течения исихастов и находившихся под его влиянием русских святых Сергия Радонежского, Нила Сорского и других Г. М. Прохоров говорит, что они «нащупали какую-то скважину в глубине человеческой души. Из этой скважины начал бить свет (...) что-то от этой внутренней озаренности стало отличительной чертой новой и новейшей русской литературы». В несравненно большем масштабе то же происходит и со всем христианством. Оно тоже «нащупало скважину», соединяющую человеческую душу с «миром горним». И из нее с непредставимой дотоле силой «огнь дыхает скважнею» — а человечество пытается понять, как ему жить при свете и жаре этого огня. Ту же идею выражают слова «потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть» (1 Кор 3:13).

Но свобода того, как пользоваться этим «огнем», остается в руках человека. В частности, любой человек и любой народ, принимающий в свое сердце христианство, самостоятельно его «прочитывает». То, что пишет Розанов, — это его, розановское, прочтение: христианство как отрицание мира, путь к уничтожению мира и человека («огонь», сжигающий мир). Но поразительно то, что почти таким же оказалось «прочтение» западноевропейского человечества. С той разницей, что Розанова это «прочтение» ужаснуло, и он воспринял его как приговор христианству. Европейское же общество приняло его за свою духовную основу, реализовав в форме технологической цивилизации.

Основу любой религии составляет тайна связи этого мира и «мира высшего», или иначе — человека и Бога. Логически допущение такой связи противоречиво, она постигается лишь религиозным переживанием. В христианстве она осознается через концепцию боговоплощения. Человеческая история находит свой источник и свое обоснование в этом акте, и так же точно любой народ, принимая христианство, этот акт повторяет. Принятие христианства есть воспроизведение боговоплощения, в котором таким же образом осуществляется

соприкосновение двух разных миров. Эта очень старая формула имеет удивительно емкое конкретное содержание. Христианство «воплощается» в народе (или целой группе народов), одеваясь «плотью» его предшествующей истории, культуры, национальной традиции, пронизывая и освящая их. Индивидуальность народа при этом не только не утрачивается, но приобретает новые грани, а часто впервые осознается. В этом смысле мне не кажется столь еретическим выражение Лютера «Немецкий Бог» (Deutscher Gott), которым его так часто попрекали. Он, видимо, имел в виду это конкретное «воплощение» христианства в германских народах. Тот же смысл можно видеть и в часто употребляемом выражении «Русский Бог» или «русский Христос» у С. Булгакова (19).

Именно так воплощение христианства в эллинистическом Востоке и эллинской культуре породило восточное, византийское христианство с его великими богословскими системами. Воплощение в западно-римском мире с его идеей мировой империи и мирового порядка создало католицизм. Видимо, совершенно специфический плод дало воплощение христианства у народов Центральной и Южной Америки — в основном среди метисов и индейцев, наследников доколумбовских цивилизаций. Силы, которые оно создало, проявились хотя бы в войнах «Христерос» (солдат «Царя-Христа») в 20-е гг. нашего века, в которых мексиканские крестьяне отстаивали свою веру против жесточайших гонений. Или позже — в «Теологии освобождения».

Христианство пришло и в мир германских народов, центральный миф которых содержал предсказание гибели земли, откровение о силах хаоса, временно связанных богами порядка, о Волке и мировом Змее, которые освободятся и уничтожат космос. В «Эддах» счет суток ведется не на дни, а на ночи, счет годов — не на лета, а на зимы и т. д. Христианство германских народов дало, например, теологию Мейстера Экхарта с его учением о «бесформенной и пустынной бездне божества», где душа «теряет все желания, образ, понимание, форму и умирает своею высшей смертью». Из того же источника возник и протестантизм. В конце этой линии раз-

вития мы видим зарождение технологической цивилизации: материальное создание «бесформенной и пустынной бездны», технологического Ничто, в котором человеческая индивидуальность, душа «умирает своею высшей смертью».

Русское «двоеверие»

В России, как и в других цивилизациях, христианство было воспринято народом, уже обладавшим глубокой культурой и сложившимся мировоззрением. Оба встретившиеся таким образом аспекта единой Истины оставили неизгладимый след в русской душе. Их сосуществование чаще всего характеризуется термином «двоеверие». Термин старый, употребляется еще в житии Феодосия Печерского, где, однако, обозначает поведение людей, способных хвалить и свою и чужую веру. Но утвердился он в применении к русскому мужику, как характеристика его якобы ущербного религиозного сознания, когда он, формально исполняя ритуалы Православия, сохраняет и веру в языческие божества. Употреблялись и другие термины: православно-языческий синкретизм, синтез, амальгама. Мне представляется в соответствии со сказанным в предшествующем параграфе, что возникшее сложное явление гораздо полнее характеризует формула Символа веры: «Нас ради человек и нашего ради спасения воплотившегося...» То есть Православие «воплотилось» в духовное тело языческой Руси, и их встреча наиболее содержательно понимаема в тех же категориях, которые применяются к боговоплощению или святому причащению.

Какова же была та «плоть», которой облеклось Православие на Руси? О язычестве дохристианской Руси существует большая литература. Но она поражает скудностью тех источников, на которых основывается, что приводит, конечно, к большому произволу в их толковании. В качестве основных источников используются проповеди православного духовен-

ства против остатков язычества и другие указания на языческие верования, сохранившиеся в литературе Древней Руси. Но если, в духе сказанного выше, при крещении Руси произошло нечто, подобное воплощению, то «плоть», участвующая в этой встрече, не погибает, но живет дальше, преображенная. Поэтому естественнее всего обратиться к религиозной жизни преобладающей части русских, крестьян, недаром ведущих само свое имя от христиан. Тем более что до XVIII века такой же была религиозная жизнь всей Руси. Сверх традиционного Православия в духовной жизни деревни, вплоть до XIX века, громадную роль играли некоторые стандартные коллективные действия, обычно называемые «календарными» или «земледельческими» праздниками: это Масленица, святки, Иван Купала, русальная неделя и т. д. Они обычно были приурочены к определенным христианским праздникам, но не укладываются в рамки христианского культа. С другой стороны, они были сильно ритуализированы, в них легко узнаются ритуалы некоторой земледельческой религии. Сейчас этнографы и историки религии подробно описали древнюю религию с колоссальным ареалом распространения — поистине «мировую религию», — ритуалы которой очень близки «календарным праздникам» русской деревни. Так что соблазнительно предположить, что в какой-то значительной части своих основных верований и религиозных концепций религия дохристианской Руси была близка этой древней религии. И наконец, сделаем еще одно уточнение. Возможно, что, например, в дохристианском Киеве существовал пантеон богов, в чем-то аналогичный пантеону древних греков или римскому, индийскому или древнегерманскому пантеону. Но следы этих верований быстро теряются, они были полностью вытеснены христианством. Нас же интересуют те религиозные представления, которые сохранились в какой-то форме до прошлого века, еще тогда были важной составной частью духовной жизни русской деревни и, вероятно, оставили след, сохранившийся в наших душах и до сих пор. Вот они-то и выражались в «календарных праздниках», так поразительно похожих на ритуалы древней земледельческой религии.

Когда речь идет о «древней религии», то древность ее утверждается на основании сопоставления с известными мифами и ритуалами древних народов. Саму же религию удалось наблюдать еще в нашем веке у ряда архаических обществ. Среди этих наблюдений наиболее яркие принадлежат немецкому этнографу А. Иенсену (20). Именно они дали толчок к тому, чтобы выделить этот комплекс религиозных представлений как широко распространенную «мировую религию».

Иенсен проводил исследования в течение нескольких лет на острове Церам (Молуккские острова). Центральный миф религии туземцев состоит в следующем. Некогда Землю (или их остров?) населяли существа, которые были ни люди, ни животные. Они назывались Дема. Они не ели и не трудились, были бессмертны и не размножались. Им было неведомо земледелие или охота. Они поклонялись богине по имени Сатене, обитавшей на горе на том же острове. Однажды среди них появилась волшебная девушка по имени Хайнувеле. У Дема существовал праздник, когда они 9 ночей подряд танцевали ритуальный танец, в котором мужчины образуют сложные фигуры типа спирали. Ночь за ночью Хайнувеле являлась на праздник и одаряла участников подарками. По какой-то неясной причине (уязвленное самолюбие?) это их раздражало, и на 9-ю ночь они ее убили. Приемный отец нашел тело Хайнувеле, разрубил его на части и закопал их в землю. Из них возникли культурные растения и домашние животные. Потом богиня Сатене построила лабиринт и приказала всем Дема идти через него к ней. Кто не мог найти выход, становился животным или духом, кто находил — человеком, смертным и способным к размножению. Сатене объявила людям, что больше не будет с ними жить, так как они совершили убийство. Она уходит в подземный мир, и, только умерев, они смогут вновь прийти к ней. Но для этого они должны преодолеть ряд трудностей (пройти по мосту из лиан над пропастью и т. д.), в чем им помогут совершаемые при жизни ритуалы. С тех пор при церемониях посвящения, когда мальчики становятся мужчинами, способными убивать и зачинать, все это священное предание воспроизводится в форме

ритуала, центром которого является танец. В нем танцоры образуют сложные фигуры, напоминающие лабиринт. В разных вариантах аналогичные ритуалы сопровождают ситуации, в которых вообще возникает нечто новое (рождение ребенка, постройка нового дома и т. д.). Ритуал включает также убийство и поедание жертвы — животного или человека. В очень многих районах мира была обнаружена система религиозных представлений, хоть в деталях и отличающаяся от описанной выше, но основывающаяся на центральном мифе совершенно того же типа. Он содержит такие основные элементы: а) идею «грехопадения» из некоторого первоначального идеального состояния — в теперешнее. В результате в жизнь входит смерть, убийство и половое воспроизведение. Но сам акт «греха», вызывающий такое превращение, уже состоит в одном из этих действий: убийстве или половой связи; б) концепцию жертвы. Жертвой является обычно сверхъестественное существо — девушка или юноша. Это волшебное существо никогда не сопротивляется убийству, часто знает о нем и даже уговаривает людей совершить его, так что речь идет о добровольной жертве божественного существа. Во всех вариантах присутствует основная идея — что жизнь может возникнуть только из жизни. Только в результате жертвы божественного существа возникает качественно новая жизнь. В культурном круге, охватываемом описанным выше мифом, речь идет о новом укладе жизни, основанном на сельском хозяйстве: земледелии (самом примитивном — мотыжном, а не плужном, с выращиванием клубневых, а не зерновых растений) и содержании домашних животных (в основном самого древнего — свиньи). Поэтому и сама религия иногда называется «раннеземледельческой»; в) периодическое возвращение в ритуале к первоначальному мифическому событию. Миф, заново воспринимаемый в ритуале, создает переживание, которое отдаленно можно сопоставить с нашим «пониманием» мира: космос приобретает осмысленность. Центральной частью ритуала является приобщение к божественному существу путем поедания воплощающей его в этот момент жертвы. Те же действия обеспечивают человеку

посмертное существование. Жертвой является либо животное, либо человек. Его убийство и поедание ассоциируется с убийством домашних животных или срыванием (или вырыванием из земли) плодов и их поеданием.

Ритуалы обычно сопровождаются применением разнообразных очень ярких масок: зверей, покойников, духов. Применение масок является типичной отличительной чертой раннеземледельческих религий.

Очевидная связь этого круга мифов с возникновением примитивного земледелия заведомо не сводится просто к идеологическому отражению или осмыслению нового экономического уклада. Так, у некоторых индейцев Калифорнии то же место, что пальма в полинезийских мифах, занимает дуб, с которого собирают желуди, но который — не культурное растение. У других место свиньи занимает тапир — дикое животное, хотя и похожее на свинью.

Бросаются в глаза многочисленные параллели описанной системы религиозных представлений с христианством. Вплоть до того, что центральный миф племени уитото на юге Северной Америки начинается словами: «В начале было Слово и Слово было у Бога» (под Словом подразумевается здесь сам миф). Очевидно, это как бы предвидение или «предчувствие» христианства. Здесь можно видеть очень интересную конкретную реализацию положения Тертулиана: «Человеческая душа — урожденная христианка». Сходные взгляды высказывал Шеллинг (21): «Уже во все время язычества Христос был в непрерывном пришествии, хотя он в действительности пришел, лишь когда исполнилось время», «Христианство не вышло из одного только иудаизма, оно в такой же степени имеет в качестве своей предпосылки и язычество, лишь потому его возникновение есть великое всемирно-историческое событие».

Система таких религиозных представлений описана этнографами в Полинезии, Индии, Африке, на юге Северной Америки, в Центральной и Южной Америке. Вскоре после того, как Иенсен опубликовал «Миф Хайнувеле», специалисты по классической Греции — например, Кереньи (22) — обратили

внимание на многочисленные аналогии с мифом о богине-деве: Коре-Персефоне. Персефона — дочь Деметры, древней богини Земли (Ге-Метер: Мать Земля). Подземный бог Аид увлек ее дочь Персефону под землю, она была поглощена разверзшейся пропастью. За это Деметра запретила произрастание злаков. В результате Зевс положил, чтобы Персефона находилась под землей $^1/_3$ года. Подобно семени или клубню, она выходит на свет, «чуть наступит весна и цветы благовонные густо черную землю покроют». Деметра же, встретив четырех царей, повелевает им учредить Элевсинские мистерии. Это был тайный ритуал, видимо, повторявший миф о похищении Персефоны под землю и ее освобождении.

Известно, что в значительной части он состоял из танца, в котором посвященным открывался тайный смысл мифа. Посвященные в мистерии приобретали надежду на счастье за гробом, чего не могла предложить религия олимпийских богов. Как говорит Цицерон, «Элевсинские мистерии не только учили человека жить достойно, но и давали ему благородную надежду после смерти». Имеются и некоторые поразительные совпадения в деталях. Например, с культом Деметры и Персефоны тесно связана свинья, которая не принадлежала к числу наиболее важных для хозяйства древних греков домашних животных. В орфическом варианте мифа свидетелем похищения Персефоны является свинопас, стадо которого поглощается землею вместе с нею. Он рассказал Деметре о похищении и в благодарность вынес на свет хлеб. Свинья была главным культовым животным Деметры. В начале полевых работ жрец Деметры бросал жертвенного поросенка в пропасть. Его разложившееся мясо потом закапывалось в разных частях поля. Наконец, танец в виде лабиринта напоминает мифологический лабиринт на Крите. Эванс раскопал там орхестру, на которой был выложен спиралевидный узор. Существует предположение, что лабиринт — это танец. Так, Лукиан, перечисляя танцы, известные на Крите, упоминает Лабиринт. Плутарх рассказывает о танце «Журавль», введенном Тезеем на Делосе в подражание лабиринту. И Вергилий говорит, что вернувшиеся с Крита

спутники Тезея «танец вели круговой и Тезей дирижировал хором» (23). Конечно, не только в мифологии классической Греции встречаются подобные параллели. Например, в «Ригведе» рассказывается об убийстве богами бога Сома. Его смерть производит жизнь: растительную, животную. Выжимание опьяняющего растения Сома является каждый раз повторением мифологического убийства. Напиток дает богам бессмертие, но также и людям — только через продолжение рода. С этой же религиозной идеей тесно связаны убиваемые и возрождающиеся боги в религиях государств средиземноморского круга: Озирис, Адонис, Аттис. Религия убиваемого и воскресающего бога подробно описана Фрезером (24), указавшим на широчайшее ее распространение. Четким признаком, отличающим ее от религиозных представлений раннеземледельческих религий, является то, что Адонис и родственные ему божества воскресают индивидуально, в то время как божественные существа типа Хайнувеле воплощаются лишь в «новой жизни», возникающей в результате их гибели. На промежуточные формы, существующие между этими двумя религиозными концепциями, обратил внимание В. Я. Пропп (25). Он указал на случаи, когда возрождение Озириса, например, мыслилось в форме урожая: в глиняную фигурку бога закладывались семена, и их произрастание рассматривалось как его воскресение — такие изображения сохранились на папирусах.

Иенсена, конечно, интересовал вопрос, почему такая устойчивая система религиозных представлений столь широко распространилась по миру. Он отклоняет и концепцию «коллективного бессознательного» К. Г. Юнга, и объяснение, согласно которому общие причины вызывают одинаковые следствия. Этому противоречат, по его мнению, поразительные совпадения во многих деталях — вроде использования свиньи в роли культурного животного (а в одном варианте замена ее внешне схожим тапиром). По мнению Иенсена, объяснение то же, что и в случае мировых религий письменного периода.

Толчком было некое единожды происшедшее событие, ставшее причиной возникновения этого комплекса религи-

озных представлений, который потом распространился через контакты с другими этносами. Большая размытость, наличие большего числа вариаций сравнительно с тем, что мы видим в мировых религиях письменного периода, объясняется тем, что передача верований происходила устно или путем совместного исполнения ритуала, письменно не фиксировалась, отсутствовала четкая догматика.

Иенсен считает, что раннеземледельческие цивилизации, о религиозных представлениях которых шла речь выше, создали основные религиозные концепции, структуру социальных отношений и технику, на основе которых человечество развивалось вплоть до возникновения первых государств. Последние во многих областях принесли усовершенствования и применения тех же принципов, часто внешне чрезвычайно эффективные. Но в духовном отношении это было скорее обеднение и огрубление более древней культуры.

Теперь мы можем вернуться к русским календарным праздникам, чтобы сравнить их с раннеземледельческой религией. Календарных праздников было очень много, по нескольку на каждый месяц, они опоясывали весь год, поддерживая неиссякающее чувство близости к творческим силам космоса, соприкосновения с основными загадками бытия. Вот перечень лишь некоторых из этих праздников, приходящихся на первую половину года. Святки — 25.XII — 6.I; «Василий Кесаретский» — 31.XII; Крещение — 6.I; Афанасий Ломонос — 18.I; Масленица — конец января или февраль; Агафья Коровница — 5.II; Власьев день — 24.II; Благовещенье — 25.III; Пасха — март или апрель; Егорьев день — 23.IV; Троица, «русалочная неделя» — май или июнь; «Похороны Костромы» или «Ярилы» — июнь; Иван Купала — 24.VI. (Праздники делятся на «неподвижные», празднующиеся всегда в один и тот же день, и «подвижные» — Пасха, Масленица, Троица, день празднования которых менялся в зависимости от дня празднования Пасхи.)

В действиях, совершаемых во время календарных празднеств, часто можно увидеть параллели с ритуалами древней раннеземледельческой религии, которую мы бегло описали

выше. Прежде всего, это ритуализированное убийство сверхъестественного существа, разрывание его на части и закапывание этих частей в землю. Например, Забылин (26) описывает «изгнание, провожание или прощание с русалками»: «Делают чучело в виде женщины, изображающей русалку. Несколько женщин его защищают, другие нападают, причем кидают друг в друга песком, землею и обливают водою. Выйдя за город, разрывают чучело и разбрасывают его части по полю». Из описаний Зерновой (25) «похорон Масленицы»: «На запряженную лошадь сажают Масленицу, сделанную в рост человека и одетую в праздничное девичье платье. Молодежь размещается в санях и с песнями ездит по деревне до темноты. Поздно вечером масленичный поезд выезжает на озимь, где уже приготовлен костер для сожжения Масленицы. (...) Когда костер начинает догорать, участники сожжения берут горящие головни и разбрасывают их по всем прилежащим озимым посевам». Из Снегирева (25) «похороны русалок» в Рязанской губ.: «растерзывают чучела, разбрасывают их по полю»; на Украине, «похороны Марены»: «убирают венками, лентами, цветами, танцуют вокруг нее, поют песни, потом бросают ее в реку с притворным плачем или разрывают ее на куски, причем девушки сохраняют куски или несут их на огород, чтобы «огурцы родились». «Похороны Костромы»: «Кострома воплощалась в образе мужской или женской куклы, которую носили по деревне, а потом топили или хоронили в земле где-нибудь в поле». Таких примеров можно привести еще очень много (см. Чичеров (27), Носова (28). К этому же типу относятся и похороны «березки» или «Кукушки». То существо, похороны которого изображаются, либо разрывают на части (причем иногда сообщается, что части закапываются либо разбрасываются), либо сжигают, либо топят. Можно думать, что сожжение и потопление либо замещают более древнее закапывание, либо представляют собой параллельный мотив, связанный с ролью воды (как Посейдон был и бог моря, и «земли колебатель» — т. е. подземное божество) или воздуха, неба, куда уходит дым костра. Вот уже сильно упростившаяся

форма празднества, зафиксированная в 1948 г. в Московской обл.: «Рядится чучело из тряпок, парни и девчата чучелу отнимут, утащат чучелу, руки и ноги оторвут и в футбол играют, а они снова найдут, соберут и сожгут» (27). Во многих из описанных случаев приводится утилитарное (магическое) толкование обрядов: для повышения плодородия. Отсюда возникла «трудовая» или «аграрнопродуктивная» теория (Чичеров (27), Пропп (25), согласно которой большинство действий, совершаемых во время календарных праздников, имеет хотя и очень древнее происхождение, но чисто практическую цель повышения урожайности — как потом с той же целью стали вносить в почву органические удобрения, а еще позже — химические. Иенсен (29) считает, что потеря первоначального смысла обряда происходит параллельно упадку религиозной жизни. Тогда создаются новые объяснения более утилитарного и магического характера. Европейцам же, расспрашивающим туземцев, обычно сообщаются подобные «псевдоцели».

Образ жертвенного животного тоже присутствует в календарных праздниках. Таковым бывает курица, но обычно это не реальное животное, а его изображение, сделанное из теста и испеченное: «коровки», «лошади», «козульки». Как и в раннеземледельческой религии, особую роль при этом играет свинья. 31 декабря, на праздник св. Василия Кесарийского (которого называли «Кесаретским»), подавался «кесаретский поросенок». Свиное мясо или печенье в форме свиньи готовят на святки у русских, болгар, сербов, румын, на Сицилии, в Англии, Германии, Скандинавии, на Кавказе (Пропп, 25). «Кесаретский поросенок» воспринимается как элемент общинного, а не семейного праздника: в этот день каждый может без приглашения заходить в любой дом и угощаться поросенком. 1 января головы убитых свиней приносят к церкви. После молебна с водосвятием священник окропляет их святой водой. Часть их варят внутри церковной ограды, в общей трапезе ими угощаются богомольцы и нищие.

Маски, являющиеся отличительным типовым признаком раннеземледельческих религий, играют громадную роль в ка-

лендарных праздниках в виде «ряженых». Они вызывали осуждение Церкви, и благодаря этому мы узнаем об их существовании и из постановлений Стоглавого собора 1551 года, и из обращения патриарха Иоакима 1684 года: «...возложиша на лица скураты и деяху на глумленье человеком», говорится в Прологе XV века. Осуждения «ряженья», «машкерования», «москолудства» встречается многократно. В празднествах использовались маски зверей — лошади, козы, быка, курицы, гуся, журавля, медведя, — а также духов: черта, «кикимор», покойников.

Конечно, и танцы постоянно играли роль в праздниках. Но более того, можно найти там и аналогии с «танцем лабиринта». Вот описание святочного танца «круг» на севере России: «На середину комнаты выходит один из парней порасторопнее, берет любую из девушек за руку и ведет за собой; девушка затем другой рукой должна взять другого парня, этот парень берет опять девушку и т. д., так что составляется целая вереница из девушек и парней, и все парами, начавший первым игру парень ведет всю вереницу за собой, кружа по комнате и стараясь сделать шествие по возможности запутанными путями» (Чичеров, 27). Я сам помню, как видел танец с очень современным названием «большая кадриль» в исполнении ансамбля, записывавшего песни и танцы там, где они хорошо еще сохранились, на русском Севере. И помню, как при виде все более извивающейся и запутывающейся вереницы танцоров мне неожиданно вспомнился «танец лабиринта», которому Тезей учил своих спутников.

Мы сопоставили ритуалы календарных праздников и раннеземледельческой религии, чтобы указать на некоторую их близость (а отнюдь не идентичность, конечно). Отсюда можно заключить, что близки те религиозные представления, с которыми обе системы ритуалов связаны. Но существенная разница между ними в том, что многие раннеземледельческие религии, наблюдавшиеся этнографами, были живыми и цветущими. А календарные праздники, в то время, когда их описывали, отражали угасавшие религиозные представления, истинный смысл которых сами участники ритуалов не вполне

осознавали, давая им часто упрощенно-магические объяснения (воспринятые и рядом исследователей). Сопоставление обеих систем ритуалов дает возможность почувствовать древность и глубину тех религиозных принципов, выражением которых были календарные праздники. А ведь это, по существу, те же принципы, которые были предметом размышлений самых глубоких богословов более поздних веков. Наконец, можно перейти к самой интересной стороне вопроса: какова была связь христианских и дохристианских религиозных представлений в русской религиозной жизни? Давно высказывалась концепция, которую можно назвать «конфликтной». Следуя ей, ситуацию можно описать как борьбу двух верований: народ держался старой веры, сопротивляясь введению христианства, а «церковники» преследовали язычество и проповедью, и сожжением капищ древних богов, и убийством наиболее влиятельных «волхвов». С 1917 г. до недавнего времени такой взгляд был единственно разрешаемым, но, конечно, многие историки его придерживались и совершенно независимо от официального давления. Это и есть концепция «двоеверия» в чистом виде. У меня она вызывает следующие сомнения. В России был создан прекрасный фольклор: былины, исторические песни; светская литература *и летописи* X—XVII веков.; иконопись и церковная архитектура; наконец, на той же культурной основе возникло великое искусство XIX и XX веков. Да и народ, с теми религиозными представлениями, какими он жил, выдержал страшные испытания, создал за более чем 1000 лет громадное государство, совершенно особенное, объединившее более ста народов, причем эти народы в нем не погибали, сохранили свою индивидуальность и до сих пор (мордва, черемисы — марийцы, пермь — коми, весь — веспы и т. д.). Как все это можно было создать на основе раздвоенного религиозного сознания, в котором одна часть борется с другой? Вот только что мы пережили попытку построить государство на духовной основе, чуждой народной традиции: оно просуществовало 70 лет и вдруг распалось, как строение из песка, без внешнего толчка — войны, экономического кра-

ха, революции, восстаний. Поражает как раз то, как ничтожны были трения, возникшие в связи с принятием христианства на Руси. Ведь нет же оснований считать наших предков какими-то пассивными, равнодушными людьми: насильственной христианизации они, вероятно, сопротивлялись бы восстаниями, как их потомки — разрушению церквей в советское время (да ведь тогда к тому же не было ни революции, ни голода, ни гражданской войны, подавившей народ). А мы читаем о столкновениях в Новгороде, продолжавшихся три (!) дня. Или о столкновении княжеской власти со жречеством старой религии, произошедшем из-за того, что во время неурожая волхвы инициировали «охоту на ведьм», вдохновляли убийства старух, по их мнению — виновниц неурожая. Летопись говорит и о случаях, когда «мужи княжи» пытались защитить волхвов, сожженных народом. Обычно указывается, что летописание было в руках «церковников» и поэтому пристрастно. Это, конечно, верно. Но никакое пристрастное описание не может скрыть крупного социального конфликта: оно будет его лишь по-своему истолковывать. Предел уклонения от исторической истины был достигнут, вероятно, в знаменитом сталинском «Кратком курсе». Но и из него мы все-таки узнаем же о четырех годах Гражданской войны, о борьбе с «кулачеством», о непрерывных процессах над «врагами народа». Раньше было указано на поразительные параллели между рядом основных положений раннеземледельческих религий и христианства. Если согласиться, что религиозная жизнь дохристианской Руси имела в основе какой-то вариант такой религии, то станет понятным, почему христианство было воспринято как нечто, в своей основе близкое. Так что уже следующее поколение могло сказать:

И въедино время
вся земля наша
вславе Христа
съ Отцемь и съ Святымъ Духомъ.

Наоборот, скорее поразительно, что такой грандиозный духовный переворот не вызвал глубокого раскола в народе. Безусловно, проповедники новой веры, особенно приезжие греки, — как индивидуальные люди — редко могли быть на высоте той исключительно тонкой ситуации, с которой они столкнулись. Часто они с озлоблением третировали старую веру как «суеверие», старых богов — как «бесов». Но если посмотреть на дело Церкви на протяжении нескольких веков, то предстает иная картина. Многие верования, ритуалы, обычаи, связанные с язычеством, Церковь осуждала — но она их прощала. Другие же она восприняла как средства для выражения своих истин, как некий язык. Храмы часто воздвигались на месте языческих капищ, тем самым перенимая и какие-то их функции. Православные святые сливались с языческими божествами, занимая ту же «психологическую нишу» (Перун — Илья и Георгий, Велес — Влас и Николай и т. д.). В народе было, например, распространено покаяние Земле (за то, что ее грудь рвали бороной) и исповедь Земле. Церковь осуждала исповедь Земле (в тех делах, исповедоваться в которых надлежало духовнику; это было связано и с тем, что в некоторых ересях — жидовствующих, стригольников — исповедь Земле заменяла церковную). Но с другой стороны, Церковь принимала отношение к Земле как священному существу женского пола — мужчина, лежавший брюхом на земле (т. е. в непристойной позе), подлежал епитимье: «Грех ести легше на чреви на земли, опитемии 12 дней сухости, а поклонов 30 вечер» (30). «Зеленые святки» — русалии, в центре которых стояли ритуалы, связанные с деревьями (вроде «похорон» или «завивания» березок), — осуждались. Но деревья вошли в церковный ритуал: «В вербную субботу перед обедней, при большом стечении народа, выносили из Успенского собора большое цветное дерево, украшенное разными искусственными плодами, и, установив его в огромные сани, возили в крестном ходе». В этой церемонии участвовал и патриарх — до отмены патриаршества Петром (25). Многие древние ритуалы органически вошли в церковную жизнь: окропление скотины святой водой

на Николицину, молебны на поле. Большая часть ритуалов явно распадалась на две части — одна совершалась в церкви, другая имела более древний характер: венчание — свадьба, крещение — крестины, отпевание — поминки и т. д.

Сравнительно недавно взаимоотношения официального православия и культуры народных праздников стало предметом тонкого анализа в работах А. М. Панченко (31) и Н. В. Понырко (32). Эти взаимоотношения были, видимо, очень непростыми, они не укладываются в какую-то одну примитивную формулу. Так, с одной стороны, мы встречаем осуждения, запреты многих народных праздников, а потом (с середины XVII в.) и репрессии. О них писали: «бесовские игры», они «приводят в душепагубный грех», там «бесовское действо играют», «души свои губят». Но, с другой стороны, мы сталкиваемся с некоторыми поразительными фактами. Например, в молодости Иван Неронов, будущий идеолог старообрядчества и ревнитель сурового благочестия, набросился с обличениями на толпу святочных ряженых: «когда неразумии люди обыкоша собираются на бесовские игрища паче прочих людей налагающе на лица своя личины разные страшныя по подобию демонских зраков». Ряженые избили Неронова, это было «первое его страдание». Но поразительно то, что в момент столкновения ряженые выходили из дома архиерея! «Не мню дабы сей дом архиереев был, ибо архиереи поставлены суть от бога пасти стадо Христово», — полагал Неронов, но традиция, видимо, подсказывала иной взгляд. Похожий случай был и с Аввакумом. Когда он набросился на скоморохов, пришедших в его село, «изгнал их, и хари и бубны изломал», то за скоморохов заступился боярин Шереметьев, родственник царя, «плывучи Волгою в Казань на воеводство, взяв на судно и браня много...».

Наиболее яркими и, с точки зрения Церкви, одиозными представителями культуры народных празднеств были скоморохи: ряжения, маски, сквернословие, малопристойные танцы слишком резко противоречили ее эстетическим канонам. Но тем не менее мы видим, что еще в XVII веке круп-

ный государственный деятель считает необходимым взять их под свою защиту. О такой же терпимости свидетельствует и социальное положение скоморохов. Они иногда подрабатывали другим ремеслом, обладали «честью» (плата за бесчестье скомороху была такой же, как и сотскому). Известны случаи, когда они жили в монастырях и церковных кельях, они допускались к причастию.

Но картина еще поразительнее. В уставных грамотах от конца XV века и середины XVI века некоторым местностям дается привилегия: «А скоморохом у них в волости сильно (т. е. насильно!) не играти», «А скоморохом у них в том селе и в деревнях сильно не играти» (33). Есть основания предполагать, что вплоть до XV века протесты обывателей против «игры» должны были пресекаться начальством. За изгнание скоморохов полагался штраф (Панченко, 31). То есть, как правило, скоморохи осуществляли какие-то функции, которые считались столь существенными, что препятствовать им было нельзя.

А. М. Панченко называет скоморохов «иереями смеха». Действительно, в ряде ситуаций они как бы делили роль с Православным клиром. Например, бракосочетание начиналось с венчания в церкви, а заканчивалось брачным пиром, не обходившимся без скоморохов. Стоглавый собор 1551 года воспрещает скоморохам лишь присутствие в церкви и не упоминает о свадебном пире. Вообще, пиры и братчины имели ритуальный оттенок. И, с одной стороны, необходимой их частью были скоморохи, а с другой — отлучение от Церкви лишало права участия в них. В фольклоре скоморохов часто называли «святыми» — конечно, не в христианском смысле, а как признание некоторой их магической, ритуальной роли. А. М. Панченко приводит пример повести «О некоем купце лихоимце», где скоморох спускается в преисподнюю и помогает спасти душу купца-лихоимца. То есть здесь скоморох играет роль шамана. Согласно А. М. Панченко, духовные ценности человека Древней Руси составляли строго иерархическую структуру. На верху иерархии находилось спасение души, бла-

гочестие, нравственные заслуги, а ниже располагалось то, что связано с материальным миром и телесными страстями. Эта часть была подвержена своим грехам, которые обличались. Но не ставилась цель их полного уничтожения: так сказать, с ними надо было уметь жить, «един Бог без греха», «бегайте того, кто говорит — я без греха», — такой человек считался хуже убийцы, он был не способен к покаянию.

Святки охватывали период от Рождества до Богоявления. Святкам и Масленице посвящена статья Н. В. Понырко (32). Первая половина называлась Святыми вечерами, вторая — Страшными вечерами. В церковной службе первая половина имеет основной темой рождение Христа, вторая — искушение и Крещение. Подобной схеме соответствует и народный ритуал. Первая неделя носит карнавальный, приподнятый, праздничный характер. Вторая связана с представлением об освобождении на это время злых сил: Бог отпирает ворота ада и позволяет «попраздновать бесям». Заканчивается цикл купанием в проруби — «Иордани». Это рассматривалось и как очищение от греха «ряженья» на святки.

Рождество было воплощением соединения двух миров — божественного и земного. Соединилось божеское и человеческое, Бог стал человеком и поднял человека до Бога, небо стало землей, а земля — небом. Христос рождается «да нижняя с вышними совокупи». Святки были зрительным воплощением этой концепции. В это время стирались все грани, в частности и граница, отделяющая нас от будущего: они были временем гаданий. Соединение «нижняя с вышним» выражалось в карнавальном характере празднества. Ряжение соответствовало как бы переодеванию Бога и человека: «Елицы во Христа крестися — во Христа облекохося». Рваные худые наряды ряженых выражали переодевание Бога в ветхого человека. Рождением Христа уже была предопределена тема «смертию смерть попра». В Святках этому соответствуют многочисленные ритуальные «похороны», «игры с покойником», имевшие фарсовый характер и кончавшиеся воскресением «покойника». Это был как бы фарсовый, карнавальный вариант тех ритуа-

лов, которые весной или летом близко соответствовали ритуалам раннеземледельческой религии. Иногда даже название было одинаковое («похороны Костромы»).

В некоторых случаях церковный ритуал непосредственно переплетался с народным праздником. Таким было «Пещное действо», совершавшееся за неделю до Рождества. Оно происходило в храме и изображало сожжение в печи трех отроков и спасение их ангелом. Все действие имело элементы театрализованного представления. Действо предваряло Рождество: отроки, неопаленные пещным огнем, являлись предсказанием, прообразом естества девы Марии, не опаленной вселившимся в нее небесным огнем. Исполнители роли мучителей отроков назывались «халдейцами». Они участвовали в богослужении в оставшейся части того дня, когда совершалось действо. И вот оказывается, что они получали разрешение от патриарха участвовать в святочных празднествах! «Халдейцы» бегали по улицам в тех же костюмах, в которых участвовали в действе, и с тем же потешным огнем. То есть они играли роль типичных «ряженых», а в Крещенье подвергались очистительному купанию. Забавляясь, «халдейцы» поджигали встречавшиеся им возы с сеном. С одной стороны, мы имеем дело с типичной православной символикой: сено было символом греховного, земного, его сожжение — преодоление ветхого мира и смерти. Но, с другой стороны, это столь же типичная составляющая календарных праздников — сожжение соломы, ритуальные костры.

Масленица занимала сыропустную неделю, предшествующую Великому посту. Богослужения Великого поста говорят о пути от грехопадения Адама к Христу, распятием которого «Адам паки вниде в рай!». Тема сырной недели — грехопадение Адама и Евы. С этим Н. В. Понырко сопоставляет многочисленные масленичные обряды, в которых центральную роль играли молодожены. В одно место съезжались молодожены из всех окрестных сел. Центральным ритуалом было катание «молодых» с гор, сопровождавшееся поцелуями. Но всякий мужчина — новый Адам, а женщина — новая Ева, и их соединение — «обновление» грехопадения. Более того, само

катание с гор — с «верха» в «низ» неоднократно использовалось как символ греха, падения. В статье Понырко приведены иллюстрации из рукописей XVIII века, в которых дьяволы влекут грешников вниз под горку в повозке.

Грехопадение и распятие — основные темы богослужения в Великий пост. Более того, литургические тексты многократно подчеркивают их связь, толкуют распятие как грехопадение «наизнанку». Но, как мы видели, таковы же основные концепции раннеземледельческой религии: грехопадение и жертвоприношение божества. Они отражаются в ритуалах календарных праздников, которые поэтому не случайно связаны с сыропустной неделей, предшествующей Великому посту. Многочисленные ритуалы типа «похорон Масленицы» относятся к этому кругу представлений. В верованиях, подобных «Мифу о Хайнувеле», грехопадение и состояло именно в принесении божества в жертву. С приближением к Пасхе в литургии все нарастает мотив «спасения». И в предваряющей Великий пост пятнице мы встречаем (те же, что и в святки) ритуалы шуточных похорон, сжигания соломы. «В Великий четверток порану солому палят и кличут мертвых», — свидетельствует Стоглавый собор. Масленичный обряд резания куриц, с одной стороны, связан с идеей жертвоприношения. С другой стороны, образ курицы не раз использовался как символ смерти и воскресения Христа. Ряд апокрифов содержит рассказ о некоем иудее, сказавшем, что поверит в воскресение Христа, только если оживет зарезанная курица, — и она ожила.

Суммируя эти сопоставления, можно сказать, что ритуалы календарных праздников не случайно были приурочены к определенным Православным праздникам и часто в более зримой форме воплощали те же переживания. Это можно объяснить их связью с раннеземледельческой религией и тем, что она содержала ряд принципов, близких к христианству. И то, что они были так устойчивы и просуществовали много веков, показывает, что их родственность Православию отчетливо ощущалась, хотя и бессознательно.

«Двоеверие» часто рассматривалось как ущербность русского Православия — в сравнении с христианством западных народов. Вряд ли с этим можно согласиться. Во-первых, совершенно аналогичные календарные праздники можно встретить и у многих западных народов. В Англии праздник «майского дерева» был поистине всенародным еще в XVI веке — его запретил лишь Долгий парламент в 1644 году. Возможно, в России эта ритуальная жизнь сохранилась дольше, была более сильной. Но можно ли это считать недостатком? Чем глубже исторические корни, связь с которыми сохранила культура, тем она совершеннее. Ведь если «двоеверие» порок культуры, то в нем надо было бы обвинить древних греков, притом в большей мере, чем русских. В религиозных представлениях греков ясно различаются две компоненты. Боги олимпийского пантеона были богами света, их жилищем часто называется эфир, небо. Они действовали через и на человека, они не были связаны с природой. Эта религия была лишена мистики. Боги были связаны с человеком, пока он жив, и теряли всякую связь с ним после его смерти, иногда отстранялись от человека, как только узнавали, что неумолимые силы обрекли его на смерть. Со смертью они не имели ничего общего — это были боги жизни. Мертвые почти не играли роли в этой религии. Но явно существовала другая, более древняя религиозная концепция, связанная с Землей, воспроизведением жизни, смертью, мертвыми и загробной жизнью. Различие, даже противостояние этих концепций подчеркивается мифом об убийстве Кроноса Зевсом, о борьбе богов с титанами, в результате которой власть над миром получили «молодые» олимпийские боги, а древние боги были низвергнуты в Тартар. (См. подробно прекрасную книгу Вальтера Отто (34). Для обвинения в «двоеверии» здесь было побольше оснований, чем в случае русского Православия. Но, видимо, эта многоплановость религиозного сознания греков и была основой их поразительной культуры. И то, что русские обладают подобной же глубиной исторической памяти, является, как мне кажется, не недостатком, а драгоценным преимуществом русского типа религиозности.

Русский путь

В предшествующих параграфах мы пытались показать, что основная причина кризиса, переживаемого сейчас человечеством, — духовная и даже религиозная. Он связан с мировоззрением, сложившимся в Западной Европе и в конце концов подчинившим себе почти весь мир. Но подчинение это все же не уничтожило полностью творческое разнообразие человеческого духа. В мире сохранились, хоть они сейчас и менее влиятельны, совершенно другие традиции. В частности, выше мы указали на своеобразность русской религиозной традиции. Однако в своем победоносном движении по миру технологическая цивилизация не могла не затронуть и Россию. Столкновение этих столь различных мировоззрений стало драматическим поворотным моментом в истории России.

Здесь уместно вспомнить приведенное выше наблюдение, что технологическая цивилизация основывается на технике (в самом широком смысле этого слова) и благодаря этому приобретает такую силу воздействия на окружающий мир, которой может противостоять тоже лишь столь же мощная техника. Могла ли Россия отстоять свой собственный путь развития, не усваивая каких-то элементов технологической цивилизации и присущего ей типа техники? Во всяком случае, подобных прецедентов история не знает. Подобная попытка была предпринята народом североамериканских индейцев. Это был многочисленный народ (более 1 млн. человек)*, обладавший глубокой системой религиозных и мифологических представлений, яркими празднествами, возвышенными этическими нормами (особенно высоко ставившими мужество и гордость), совершенной в экологическом отношении системой хозяйства.

* Оценка, разумеется, приблизительная. Иногда называется цифра 8 миллионов.

Он отказался хоть в чем-то отступиться от своих фундаментальных ценностей, и ему была объявлена война на уничтожение. Индейцев истребляли, двигая на них целые армии или отдельными набегами.

На них устраивали облавы, их травили собаками или подбрасывали им отравленную муку. Выдавалась плата за скальпы индейцев: например, в Пенсильвании было истрачено 130 долларов на скальпы мужчин старше 12 лет и 50 на скальпы женщин. Был в ходу принцип, сформулированный генералом Шериданом: «Хороший индеец — это мертвый индеец». Дж. Кольер, долго живший среди индейцев, один из лучших знатоков их проблем, пишет (35): «Тщательно продуманное, досконально разработанное и комплексно осуществлявшееся уничтожение индейских сообществ, индейского характера, планомерная ликвидация индейцев стала признанной политикой, законом и практикой». Пока колонизаторы осваивали восточные районы Северной Америки, индейцев насильственно переселяли на Запад, причем применявшиеся приемы полностью предвосхищали сталинскую «ссылку народов». Индейцев загоняли в концлагеря, их селения сжигали, а потом под вооруженной охраной их гнали через весь континент. При таком переходе в племени чероки, например, из 14 000 человек погибло 4000. Но вскоре янки пришли и на Запад. Все соглашения, заключенные с индейцами, были нарушены. Генерал Уокер, комиссар по индейским делам, писал: «Когда имеешь дело с дикарями, так же, как и с дикими зверями, вопрос о национальной чести не возникает». Индейцев согнали в резервации на земли, где они не могли себя прокормить. В Калифорнии число индейцев с 1850 до 1880 год сократилось от 120 000 до 20 000. Столь же свирепо искоренялись индейские религиозные представления и обычаи. Правительство обязалось снабжать резервации чем-то вроде современной «гуманитарной помощи», но тех, кто не хотел отказаться от своей религии, обрекали голодной смерти. Детей с 6 лет отбирали и отправляли в особые интернаты, где им запрещалось пользоваться родным языком. На каникулы их отдавали в слуги белым. Они

были обязаны принять одно из христианских вероисповеданий. В 1884 году был принят уголовный кодекс, запрещающий индейские религиозные церемонии. Он был усилен в 1904 году и действовал до 1933 года (когда проблема уничтожения индейцев как нации была, видимо, решена). Индейское религиозное движение «Танцы духа» было подавлено расстрелами. Заключительным был расстрел в долине Ундед-Ни в 1890 году: было убито 98 невооруженных воинов и около 200 женщин и детей. Кольер приводит воспоминание очевидца о кучах трупов и отдельных телах, рассеянных по ущелью, где солдаты убивали убегавших. «Я видел младенца, пытавшегося сосать свою мать, покрытую кровью и уже мертвую». «Возможно мир никогда не был свидетелем столь неумолимого и искусно осуществляемого религиозного гонения», — говорит Кольер. И действительно, даже наши гонения, когда ими руководили Троцкий или Емельян Ярославский, кажется, бледнеют на этом фоне. И вот результаты. Вместо 1 млн. индейцев, населявших в XVIII веке территорию современных Соединенных Штатов, там осталось лишь около 400 000, в основном живущих в резервациях. К 1925 году они занимали территорию, составляющую 2% некогда принадлежавшей им страны. Из 600 племен 400 исчезло полностью. Кольер так описывает мироощущение старого индейского вождя: «Горечь более глубокая, чем воображение может вместить; горечь человека, с полной ясностью видящего разрушение своего мира презренными врагами, которым нет числа». Сейчас индейцы нацией, собственно, уже не являются. Таков типичный пример столкновения технологической цивилизации с другой, пытающейся сохранить полностью свою индивидуальную самобытность.

Россия избрала другой путь. Она восприняла некоторые элементы технологической цивилизации и, в частности, приобрела таким способом достаточные силы, чтобы защитить себя от полного покорения. Но она отнюдь не стала стандартной составной частью технологической цивилизации. Это был болезненный процесс: он породил раскол между европеизированным высшим классом и остальным народом, создал

нигилистические течения в интеллигенции. Тем не менее в результате возникло органическое, живое образование, хотя и не лишенное, как все в этом мире, некоторых болезненных черт. Жизненность возникшего организма была подтверждена как материально (успешные войны, расширение империи, быстрое экономическое развитие), так и духовно — созданием русской культуры XIX века.

Средневековое миросозерцание, которым жила Россия до столкновения с технологической цивилизацией, основывалось на глубоком чувстве смысла жизни, осмысленности жизни каждого человека и всей Истории. В центре внимания тогдашней культуры были проблемы мироздания, события Истории, а не индивидуальные судьбы. Даже при характеристике конкретных исторических персонажей на первый план выдвигалась их общественная роль (святого, воина-вождя, чужеземного завоевателя), а не личные свойства или переживания. Искусство было столь сильно связано традицией, что приближалось к типу коллективного творчества. Постренессансная культура, принесенная к нам с Запада, обладала необычной яркостью, индивидуальностью, она дала такие формы искусства, как портрет, роман. Зато в ней постепенно выветривается интерес к основным вопросам о смысле жизни и истории. Но если на Западе она заменила глубоко концептуальное мировоззрение Средневековья, то в России обе эти линии почти совместились. Как говорит Г. М. Прохоров (18): «В XVIII—XIX веках Россия стала наследницей двух взаимодополняюще-взаимоисключающих традиций; она пережила их столкновение, она дала их синтез. Отсюда — «универсализм» Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого». Исходя из положений, изложенных в предшествующем параграфе, можно сказать, что в русской цивилизации слились три линии развития человечества: открытая космосу древнеземледельческая религия, христианство (в его Православном аспекте) и западная постренессансная культура.

Россия не вошла как прилаженный блок в мировую машину технологической цивилизации. К началу XX века

это была страна еще на 80% крестьянская, глубоко Православная и проникнутая монархическим сознанием. Хотя обе эти стороны народного мировоззрения начали ослабевать в XX веке, они все еще составляли громадную духовную силу. И в то же время Россия входила в пятерку наиболее развитых индустриальных стран. Она имела устойчивый бюджет, быстро росла продукция тех областей промышленности, которые были нужны именно крестьянству. Потребление сахара с 1895 по 1913 год увеличилось вдвое, выпуск кровельного железа с 1903 по 1913 год увеличился в 1,7 раза, вклады в сберегательные кассы с 1903 по 1912 год увеличились вдвое, и крестьянские вклады составляли 30%. Кажется, что здесь нащупывался какой-то особый путь, свой ответ на проблемы роста населения, городов, индустрии. Страна оставалась в подавляющей части крестьянской, приобретя одновременно многие черты индустриально развитой страны.

И отчетливо видно, как Запад ощущал Россию инородным телом. В книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (36) одна глава так и называется: «Почему Европа враждебна России?». Он приводит ряд ярких примеров, когда реакция Европы в отношении России была резко враждебной, хотя аналогичные ситуации воспринимались совершенно спокойно, если речь шла о западноевропейских государствах, а иногда враждебность прорывалась даже вопреки интересам европейских держав. Объяснение он видит в том, что «Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки и т. д., — материалом, который можно бы формировать и обделывать по образцу и подобию своему». «Как ни рыхл и ни мягок оказался верхний, наружный выветрившийся и обратившийся в глину слой, все же Европа понимает или, точнее сказать, инстинктивно чувствует, что под этой поверхностью лежит крепкое, твердое ядро, которое не растолочь, не размолотить, не растворить, — которое, сле-

довательно, нельзя будет себе ассимилировать, превратить в свою кровь и плоть, которое имеет силу и притязание жить своей независимою, самобытной жизнью». «Итак, во что бы то ни стало, не крестом, так пестом, не мытьем, так катаньем, надо не дать этому ядру еще более окрепнуть и разрастись, пустить корни и ветви вглубь и вширь». «Не допускать до этого — общее дело всего, что только чувствует себя Европой. Тут можно и турка взять в союзники, и даже вручить ему знамя цивилизации». Сначала антипатию Европы к России объясняли нелиберальностью правительства Николая I, но после либеральных реформ, говорит Данилевский, отношение только ухудшилось. (Совершенно то же замечание делает Тютчев в одном письме.)

Возникла концепция «России — препятствия на пути к прогрессу». Концепцию эту принимали очень многие люди, понимавшие «прогресс» в совершенно разных смыслах. Революционеры полагали, что Россия препятствует мировой революции. Маркс и Энгельс писали: «Ненависть к русским была и продолжает быть у немцев их первой революционной страстью (...), только при помощи самого решительного терроризма можем мы (...) оградить революцию от опасности». Они предрекали, что исчезнут не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы: «И это тоже будет прогрессом». А среди «реакционных народов» на первом месте у них стояли русские. Либералы полагали, что Россия нетерпима тем, что препятствует распространению просвещения. «Россия будто бы представляет собой нечто вроде политического Аримана, какую-то мрачную силу, враждебную прогрессу и свободе», — пишет Данилевский. Уже в самом конце XIX века группа видных немецких историков издала многотомную «Всеобщую историю». Раздел, посвященный России, кончается там параграфом «Русская неприязнь к цивилизации». Он содержит строгое предупреждение: «Мир может в настоящее время переносить и терпеть лишь народы, дружественно расположенные к культуре...» Царское правительство во всей Европе считалось «деспотическим», хотя, на-

пример, после 1905 года парламентская система России мало отличалась от немецкой, а во время войны 1914 года цензура в России была либеральнее, чем в других воюющих странах. Русские революционеры, хотя бы и прямые террористы, встречали на Западе неизменное сочувствие. «Вешатели, кинжальщики и поджигатели становятся героями, коль скоро их гнусные поступки обращены против России» (Данилевский). Даже во время войны 1914 года в западных парламентах раздавались недовольные голоса по поводу союза с «деспотической Россией», а в салоне английского посла в Петрограде Бьюкеннена плелись заговоры против правительства России. И это союзники в войне, уносившей миллионы жертв среди обоих народов! Такую же антипатию вызывала Россия и у русских либералов, являвшихся как бы здешними представителями Запада. Данилевский пишет о взгляде на Россию как «весьма трудно преодолимое препятствие к развитию и распространению настоящей человеческой, т. е. европейской цивилизации. Этот взгляд (...) в сущности, очень распространен между корифеями нашего общественного мнения (...). С такой точки зрения становится понятным (и не только понятным, а в некотором смысле законным и, пожалуй, благородным) сочувствие и стремление ко всему, что клонится к ослаблению русского начала по окраинам России — к обособлению (даже искусственному) этих элементов и к доставлению им привилегированного положения в ущерб русскому». «Защитники национальных интересов умолкают, коль скоро дело идет о защите русской народности (Данилевский включал сюда украинцев и белорусов), донельзя угнетаемой в западных губерниях». Розанов описывает те же взгляды так: «Россия (...) это ужасный фантом, ужасный кошмар, который давит душу всех просвещенных людей. От этого кошмара мы бежим за границу, эмигрируем, и если соглашаемся оставить себя в России, то ради того единственно, что находимся в полной уверенности, что скоро этого фантома не будет, и его рассеем мы, и для этого рассеяния остаемся на этом проклятом месте Восточной Европы» (37).

Особенно враждебен России был западный финансовый мир. В журнале «Красный архив» приведены многочисленные донесения русских финансовых агентов, показывающие, на какое сопротивление натыкались попытки получения займов на Западе (например, № 4—6, 10). В воспоминаниях немецкого посла в Лондоне барона фон Эккардштейна (38) приводится любопытный эпизод, как он в 1904 году познакомил японского посла графа Хаяши с Альфредом Ротшильдом, который «всегда был рад перейти дорогу русской дипломатии». Япония не была способна начать войну с Россией без крупной финансовой поддержки, а английское правительство в ней отказывало, не желая нарушать нейтралитет. Но Ротшильд «заверил графа Хаяши в своей симпатии», гарантировал финансовую поддержку дома Ротшильда и тем дал возможность Японии начать войну.

Если принять, что Россия была препятствием на пути не маловразумительного «прогресса», а конкретно — распространения технологической цивилизации, то, может быть, сделается понятным явление, иначе загадочное: социалистическая революция в России финансировалась капиталистами! Финансовый мир Запада старательно саботировал займы русскому правительству, идя на потерю выгодных сделок, — и в то же время его кошелек был широко открыт русским революционерам. Финансирование было очень многосторонним, в каждом отдельном случае можно найти свою индивидуальную причину. Но у такого сложного явления должна быть и какая-то общая причина. И ее естественно видеть в том, что в России в начале XX века складывался свой путь развития, альтернативный индустриальной цивилизации. Революция же была наиболее эффективным способом ее с этого пути столкнуть.

Деньги шли и от крупнейшего финансиста Америки Якова Шифа и от немецкого генерального штаба (не менее 50 млн. большевикам). Известный революционер Валентинов рассказывает в воспоминаниях, что их организацию финансировал киевский миллионер Бродский, Валентинов называет его даже «большой революционер» (39). Обильно финансиро-

вал революцию миллионер Савва Морозов. В книге Сеттона (40) описана поразительная история финансирования русской революции банкирскими домами Уолл-стрита. Так, например, к моменту октябрьского переворота в России находилась американская делегация Красного Креста, на самом деле состоявшая почти исключительно из крупных политических и финансовых деятелей. И уже 2 ноября 1918 года один из ее руководителей, очень крупный американский финансист В. Томсон, перевел большевистскому правительству 1 млн. долларов, причем сделал это по распоряжению Дж. Моргана, ближайшим сотрудником которого был. И потом осуществлялось планомерное давление на правительства США и западноевропейских стран с целью заставить их не помогать белым, признать большевистское правительство, причем агентами давления были финансовые и политические деятели, связанные с банкирскими домами Моргана и Рокфеллера. При этом те же люди иногда проявляются как сотрудники «Бюро пропаганды» Карла Радека или как советские финансовые агенты на Западе.

Если смотреть на революцию как на способ свернуть Россию с ее более самобытного пути развития и включить как элемент в систему технологической цивилизации, то участие в этом действии западного капитала станет понятным, оправданным и оправдавшим себя. Последовавшие за революцией 70 лет были эпохой разрушения именно тех структур, которые составляли основу русского общества и его мировоззрения. Прежде всего, это крестьянство, сам труд которого соединяет человека с Природой, Космосом. Именно это требовало искоренения. Горький мечтал, что «тяжелые, страшные люди», населяющие русскую деревню, вымрут, а хлеб станут выращивать в лабораториях. Этого достигнуть еще не удалось, но оказалось возможным придать крестьянскому труду формально-механический характер, подчинив его бесчисленным указаниям и планам, когда, например, день начала посевной во всей республике назначался в Совете Министров. Труд крестьянина лишался творческого характера, становился

подобным труду каторжника. Большинство крестьян было согнано с земли в лагеря, на новостройки, в громадные города. Оставшихся все время приучали к тому, что они являются механическими объектами внешнего манипулирования: у них можно отбирать коров и снова им их же продавать, сливать и распускать колхозы и т. д., пока не пришли к концепции «неперспективной деревни». Второй основой России была Православная Церковь. Все эти 70 лет приступы яростного гонения на Церковь (ленинского, сталинского, хрущевского) чередовались с периодами медленного давления, вытеснения из жизни. И, наконец, разрушалась вера вообще в существование России как некоторой исторической индивидуальности. Вся ее дореволюционная история изображалась как царство темноты и отсталости (в духе идеологии прогресса).

Это была негативная часть работы: разрушение тех элементов русской жизни и мировоззрения, которые мешали включению России как послушно управляемой части в структуру технологической цивилизации. Следующий этап — тот, который называется «перестройкой», — должен осуществить само это включение, или, как его идеологи предпочитают говорить, интеграцию — в экономической, политической и духовной области. Богатства и экономика страны подчиняются контролю Запада. Для облегчения этой операции разрушается армия, разведка, военная промышленность, а вся страна раздробляется на части. И планомерно разрушаются народный тип сознания, переделывается под «дух капитализма». Когда перед голодной и нищей страной нагло рекламируются шикарные «презентации» с икрой и шампанским или автомобили ценой в несколько миллионов, то этим в сознание внедряется ничтожество исконных нравственных норм, жалким и устаревшим звучат разговоры о какой-то справедливости перед торжествующими «брокерами», «менеджерами» и «дилерами» — боевиками новой жизни и морали. И как будто для иллюстрации работы Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» валом повалили баптисты успешнее внедрять этот «дух». Инте-

грация может и не совершиться — мировоззрение нашего народа вырабатывалось многими поколениями, уходит, как мы выше пытались показать, в глубокую древность — и за 70 лет полностью разрушить его, конечно, невозможно. Но вполне реальна и победа технологической цивилизации над традицией России — это будет не первая ее жертва. Такая победа может осуществиться в виде полного слома традиционного мировоззрения, замены его стандартными нормами технологической цивилизации. Возможен и путь североамериканских индейцев: быстрое сокращение численности и деградация народа. В обоих случаях это будет гибелью русских как народа со своим индивидуальным лицом и своей цивилизацией. И это будет трагично не только для русских, но, как мне кажется, и для всего человечества. Дело в том, что в русской цивилизации сохранились еще элементы древних, органических представлений, которыми духовно жили люди многие тысячелетия. Конечно, не только в русской. Но таких незатопленных островов в мире остается все меньше. И, лишь собрав вместе эти еще не уничтоженные богатства, мы получаем шанс найти альтернативу технологической цивилизации, спастись от технологической смерти.

Одна из наиболее глубоких книг, посвященных анализу того кризиса, к которому привела мир технологическая цивилизация, принадлежит Е. Шумахеру — сначала преуспевающему предпринимателю, а потом деятелю ООН в связи с развивающимися странами. Книга называется «Малое — красиво» (41), она стала столь популярной, что вызвала движение под тем же названием, пропагандирующее маломасштабную, неагрессивную технологию, «технику с человеческим лицом». Одной из самых коренных ошибок современного общества автор считает иллюзию «рентабельности», «неограниченных производительных возможностей» западной экономики. Он сравнивает ее с предприятием, быстро растрачивающим основной капитал и гордящимся своей рентабельностью. Этот основной капитал — невосстановимые ресурсы природы. Ошибка связана с тем, что человек воспринимает природу как

нечто абсолютно ему чуждое, лишенное ценности, а ценным считает лишь созданное им самим. Выход из кризиса требует, по мнению автора, коренного изменения типа мышления: «Мы должны понять, что не бесконечно богаты природными ресурсами, а бедны; наша психология должна основываться не на беспредельном оптимизме, а на опасливости; мы должны культивировать не насилие над природой, а кротость, не войну, а мир». Эти принципы автор сопоставляет с Нагорной проповедью. И действительно, представим себе, какие черты должны иметь деятели технологической цивилизации. Это люди сильные, волевые, жесткие, выше всего ставящие успех, агрессивные, интеллектуалы (или себя такими считающие). Попробуем сформулировать антитезу — и мы сразу попадаем в круг образов Нагорной проповеди: кроткие, алчущие и жаждущие правды, чистые сердцем, миротворцы, нищие духом. А заповедь: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» — сейчас прямо звучит как экологический принцип.

Но выше, опираясь на М. Вебера, мы говорили, что как раз идеология технологической цивилизации использовала некоторые существенные положения, заимствованные из христианства (особенно из кальвинизма). Однако здесь нет противоречия и с точкой зрения Шумахера, если принять другой развитый выше тезис — что христианство «воплощается» в принимающий его народ и каждый народ создает собственное «прочтение» христианства. В идеологии технологической цивилизации отразились некоторые концепции, взятые из очень крайнего и одностороннего прочтения. Другое «прочтение», воплотившееся в русской цивилизации, дает совершенно иное видение и гораздо ближе к тем взглядам, на которые, например, обращает внимание Шумахер. Важно обратить внимание на громадное отличие Православия (по крайней мере русского) от западного христианства — католицизма и протестантизма: отличие не столько в догматах, сколько в духе и конкретных жизненных проявлениях. Православие было несравненно мягче, терпимее, менее воинственно, чем западное христианство. Это, с одной стороны, оказалось его слабостью, оно имело

гораздо меньше сил противостоять давлению власти — как до, так и после революции. Но эти же черты защитили его от многих болезненных искажений духовной жизни Запада. Конечно, большинство этих тенденций проявлялось и в России, но в несравненно более мягкой, многократно смягченной форме. Например, притеснения иноверных (баптистов, штундистов), гонения на еретиков (стригольников, жидовствующих) или даже преследования старообрядцев настолько отличаются по масштабам от грандиозной машины инквизиции, что их даже затруднительно рассматривать как одно и то же явление. В связи с преследованиями жидовствующих новгородский архиепископ Геннадий советовал брать пример со «шпанского короля». Но единичные случаи сожжения еретиков принесли меньше жертв, чем одно-единственное небольшое аутодафе в Испании. (В. В. Кожинов обратил мое внимание на то, что сохранились имена восьми казненных — при том, что проблема стояла в центре тогдашней политики, о ней много писали.) Точно так же в России, как и во всем мире, существовала вера в колдовство и подозреваемых в нем казнили. Но Россию миновало преследование колдунов и ведьм, охватившее Западную Европу в XVI—XVII веках и принявшее столь грандиозный характер, что историки называют его «ведьминским безумием» (Hexenwahn). Вольтер оценивал число его жертв в 100 000, но некоторые историки говорят о миллионах. Наконец, религиозная жизнь России совершенно отлична от западной по той роли, которую в ней играли еретические движения. В Западной Европе они вечно бурлили, иногда широко разливаясь, доходя до крайних, совершенно фантастических форм. Прекрасный обзор их содержится в книге Н. Кона «В поисках тысячелетнего царства» (42). Начиная по крайней мере с VI века непрерывной чередой появляются эти движения: «Мессии» из Бурга, Адальберта, Танхельма из Антверпена, Зона д'Этуал, петробрузиан, Вальденсов, Катаров, Альбигойцев, Братьев Желтого Креста, Братьев Свободного Духа, флагеллянтов, адамитов, цвикауских пророков, анабаптистов, рантеров, шейкеров и т. д. и т. д.

Часто они собираются вокруг проповедника, называвшего себя Христом (обычно его сопровождала «Мария») или обладавшего «письмом от Христа», подтверждавшим его мессианскую функцию. Нередко его окружали 12 «апостолов». Их действия поражают совершенно невероятными крайностями, как бы стремлением максимально подчеркнуть свой разрыв с жизнью. Поклонение духовному вождю доходило до того, что воду, в которой он мылся, пили в качестве святого причастия. Отрицание официальной Церкви выражалось в сожжении крестов и разрушении церквей, убийствах священников. Некоторые ходили нагими, совершали странные прыжки или нагими водили хороводы вокруг костра. Другие, борясь с грехом собственности, подвергали разграблению целые города. Еще одни считали, что они стали равными Богу или выше его, что делает для них бессмысленными моральные запреты. В качестве утверждения этих положений имели место разнообразные ритуализированные сексуальные эксцессы. Большинство из них считало весь мир злом, откуда проистекали ритуальные самоубийства и убийства. Более агрессивные считали своим призванием истребление «нечестивых», предрекали наступление времени, когда кровь будет доходить до уздечки коня и ее будут пить, как вино. Классическим примером является господство анабаптистов в г. Мюнстере в 30-е годы XVI века, которое сейчас воспринимается как массовое безумие. Подобные течения играли роль еще в английской революции XVII века. Сравнение с русскими еретическими течениями (см., напр., 43), показывает, что это совершенно несопоставимые явления: и по радикальности их идей, и по крайностям эксцессов, до которых они доходили, и по их массовости. В целом трудно отрешиться от впечатления, что дух русского православия в чем-то кардинально расходился с духом западного христианства.

Вероятно, благодаря специфическому складу русского Православия, о котором мы говорили в предшествующем параграфе, его связи с раннеземледельческой религией, в нем с исключительной силой проявляется идея благословения Бо-

гом всей твари, космоса. «Святость твари» является одним из основных принципов русского христианства. Эту идею можно возвести к загадочной фразе Евангелия от Марка (1:13): когда Христос был искушаем сатаною в пустыне, то он «был со зверями». Как реакция на монгольское иго, меняется характер русского иночества: основываемые в городе или пригородные монастыри заменяются «пустынью» — отшельник уходит в лес, к зверям. Общение святого со зверями становится стандартным мотивом его жития.

Особенно выделяется тема общения святого с медведем. Сергий Радонежский кормил кусками приносимого ему хлеба ежедневно приходившего к нему медведя. Павел Обнорский жил в дупле липы. Навестивший его Сергий Нуромский увидел его в обществе медведя и других зверей. Особенно распространен образ св. Серафима Саровского с медведем: он встречается во многих народных изображениях святого. Розанов, посетивший Саров, рассказывает, что в память об их близости после смерти св. Серафима сложился обычай — не охотиться на медведей в довольно большом, окружавшем Саров лесу. И не было случая, говорит Розанов, чтобы медведь, встретив человека в этом лесу, причинил ему вред.

Эта связь русских святых с образом медведя кажется мне глубоко символичной, выражающей глубинные и древние переживания. Медведь — это символ Космоса, идущий из глубочайшей древности. Само его имя — только описательное (едящий мед) — заменяет табуированное священное имя. В Сибири его называют также «хозяин», «Мудрый зверь», «князь зверей», «отец», «дед», «старуха» и т. д. Убийство медведя на охоте обычно сопровождается «медвежьим праздником». Над головой и лапами производят ритуальные церемонии, после чего они захороняются отдельно, в особых «медвежьих амбарах». У амуро-сахалинских нивхов и айнов пойманного медвежонка выкармливают грудью. Его выкармливают несколько лет, причем подпиливают клыки и резцы, чтобы сделать его менее опасным. Потом его славят, угощают, одевают как покойника — и расстреливают из луков, отправ-

ляя в «другой мир» как посредника между земным и «верхним» миром, где он занимает свое место рядом с Малой и Большой Медведицей (45). Древность этих культур видна из того, что такие же склады лап и черепов медведей, как народы Сибири, создавали и неандертальцы. Особенно большой склад найден в пещере Драхенлох в Альпах. Более того, в одной из альпийских пещер найден череп молодого медведя, жившего около 20 000 лет тому назад, у которого сточены клыки и резцы, как это делали айны и нивхи (46). Образ русского святого, благословляющего медведя, — это символ святости Космоса, апеллирующий к самым древним слоям человеческой души.

Другая столь же фундаментальная концепция — это святость Земли. В украинском фольклоре говорится: Вода — дочь Ульяна, Земля — мато Татьяна, Камне — брати Петро. В русском заговоре: «ты, небо-отец, ты земля-мать». Землей клялись, кладя ее себе на голову. Перед Землей винились за то, что рвут ее грудь сохою. В. Л. Комарович утверждает, что аналогичные следы почитания Земли отсутствуют у западных славян, и относит эти верования к местной, причерноморской культуре (47). Восприятие христианских представлений сказывается в том, что у Земли праздновались именины — на Симона Зилота, 10 мая, на другой день после Николы вешнего. В русских духовных стихах не раз сопоставляются три матери: Матерь Божия, мать, которая дала человеку жизнь в муках, и мать-земля. Грехом было оскорблять землю. Во время битвы на Куликовом поле земля плачет по детям своим — русским и татарам. У Достоевского Соня Мармеладова говорит Раскольникову: «Стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: я убил». И Раскольников целует землю «с наслаждением и счастьем». Алеша Карамазов целовал землю и обещал любить ее «целую вечность». Хромоножка говорит: «Богородица — великая мать-сыра земля есть, и великая в том для человека заключается радость». Конечно, такое отождествление не православно-канонично. Но в Православии многое связывает

Богоматерь с тварью. В акафисте поется, что Она «всех стихий земных и небесных освящение». «О Тебе радуется, Богородица, всякая тварь».

Дух христианства, открытого Космосу, пронизывает дореволюционную поэзию Есенина. Пожалуй, он составляет центральный стержень его стихов 1916— 1917 годов. Вот типичный пример (48):

То не тучи бродят за овином
И не холод.
Замесила Божья Матерь сыну
Колоб.
Всякой снадобью она поила жито,
В масле
Испекла и положила тихо
В ясли.
Заигрался в радости младенец,
Пал во дрему,
Уронил он колоб золоченый
На солому.
Покатился колоб за ворота
Рожью.
Замутили слезы душу голубую
Божью.
Говорила Матерь Божья сыну
Советы:
«Ты не плачь, мой лебеденочек,
Не сетуй.
На земле все люди человеки,
Чада.
Хоть одну им малую забаву
Надо.
Жутко им меж темных
Перелесиц,
Назвала я этот колоб —
Месяц».

Этнограф вполне мог бы принять это за «креационный миф» из числа тех, которыми многие народы объясняли происхождение солнца, луны, человека или животных. Идея одухотворенности и даже божественности Космоса — очень древняя и общечеловеческая, она была лишь вытеснена из сознания человечества идеологией технологической цивилизации. Еще в XVII и XVIII веках подобные концепции обсуждались крупнейшими мыслителями. Лейбниц, например, считал, что вся материя — живая, она состоит из монад, каждая из которых по-своему отражает универсум. В неопубликованных рукописях Ньютон пишет: «Во всей материи присутствуют признаки жизни» или: «Земля подобна громадному животному, а скорее неодушевленному растению, вдыхающему эфир, чтобы жить... Подобно всему живому, она должна иметь начало, молодость, старость, кончину». Подобные мысли Ньютон предполагал развить в своих книгах (например, «Оптике»). Но сохранились они лишь в черновиках — им уже не находилось места в складывавшейся стройной механической «системе мира». Дальше направление мысли изменилось на противоположное — усилия науки и научной идеологии направляются на то, чтобы и живое подчинить той же логике «мертвого мира». Иначе складывалось мировосприятие русского Православия.

Близкие настроения чувствуются в учении о св. Софии — Премудрости Божией в трудах русских богословов XX в.: С. Булгакова, П. Флоренского. София — говорит, например, Флоренский (49) — есть идеальная личность твари, ангел-хранитель твари. Тем самым он приписывает Космосу некоторое личностное начало, душу. Учение о Софии исходит из того, что в акте творения Бог передал миру некоторые черты, благодаря которым Он в нем запечатлен. Только благодаря этому в мире возможно творчество, которое есть повторение акта творения. Как говорит св. Афанасий Великий: «Бог благословил, что Премудрость его снизошла к тварям так, чтобы во всех вообще тварях и в каждой порознь были положены некоторые отпечаток и подобие ее, то есть Прему-

дрости». В главе «Тварь» в «Столпе и утверждении истины» Флоренского содержится множество рассказов, характеризующих подобное отношение к твари. Например, рассказ об одном коптском святом, который был печальником за людей, скотов и даже червей. Он мог ходить по воде, но однажды заметил, что подошвы сандалий его при этом увлажняются. Он обратился к другому святому, и тот, помолившись, поведал ему, что причина в том, что первый закрывает имеющиеся у него зерна ячменя, которые склевывали птицы, и лишает этим птиц пропитания. С. Булгаков пишет (50): «Мать земля! из тебя родилась та плоть, которая сделалась ложеснами для воплотившегося Бога, из тебя взял он пречистое тело Свое! (...) Мать земля, из тебя произрастает хлебный злак и виноградная лоза, коих плод в святейшем таинстве становится Телом и Кровью Христовой». О «первозданной» земле, о которой сказано, что она была «безвидна и пуста», он говорит: «Эта земля есть в потенции своей Богоземля; эта матерь таит в себе уже при сотворении своем грядущую Богоматерь». Здесь уже чувствуется созвучность тому взгляду, который у Достоевского высказала Хромоножка. Идею Софии Булгаков выражает так: «София есть мировая душа (...). Она есть та сверхсознательная душа мира, anima mundi, которая обнаруживается в целесообразности строения организмов, бессознательных функциях, инстинктах родового начала». И о мире в целом: «Мировое бытие есть бытие божественное». «Процесс космический есть процесс теокосмический или теогонический, а космос есть теокосмос и космотеос».

Традиция «освящения космоса» проходит через всю историю Православия. Она подсказывает свое «прочтение», свое толкование христианства и Евангелий. Кто те «ближние», о которых говорит Христос? Какое основание толковать их только как людей, а не как все живое, все сотворенное Богом? Тогда, например, Нагорная проповедь есть собрание заповедей неагрессивного отношения к миру. То есть путь решения своих проблем не за счет внешнего мира, а за счет внутренних сил своей души. В то время как ресурсы внеш-

него мира ограничены, силы души границ не имеют — это как раз тот источник неограниченной энергии, который западный мир все время тщетно пытается найти: то в «вечном двигателе», то в «термояде».

Такой путь особенно близок русскому сознанию и проявляется, например, в категории «терпения», играющей в нем громадную роль. Оно рассматривается как добродетель, исключительно высоко стоящая в иерархии народных ценностей: «Бог терпел, да и нам велел», «Без терпенья нет спасенья», «За терпенье Бог дает спасенье». Очевидно, здесь речь идет не о пассивном перенесении тягот, а о принципе неагрессивной духовной силы. В православной системе понятий тот же взгляд на мир выражается образами «святых страстотерпцев» — прежде всего первых канонизированных русских святых Бориса и Глеба. Они приняли смерть не как мученики за веру, но «в подражание жертве Христовой». Казалось бы, мировоззрение, приемлющее подобные идеалы, должно было создать народ, готовый во всем уступать и отступать, легкую жертву своих соседей. Но в тысячелетней истории появились совсем иные черты — и не вопреки, а в связи с этим мировоззрением. Кажущаяся слабость оказалась силой. Как замечает Г. Федотов (49), «святые «непротивленцы» по смерти становятся во главе небесных сил, обороняющих землю русскую от врагов». В «Сказании» об их гибели говорится: «Вы нам оружие, земля Русская забрала и утверждение и меча обоюду остра, има же дерзость поганьскую низлагаем». И в роковой момент русской истории, перед Невской битвой, как рассказывает летопись, находившийся в дозоре воин Пелгусий видел св. Бориса и Глеба в ладье «одетых мглою». «Брате Глебе, — сказал Борис, — вели грести, да поможем сроднику нашему Александру». Эта фундаментальная антиномия — и не только христианства, но в какой-то мере и всякого религиозного сознания: победа в мире дается жертвой в мире. То есть за счет внутренних сил души (прежде всего — Любви), а не физического преодоления внешних препятствий. И Православию очень близко распространение

такого взгляда на все области человеческой деятельности, а не только на отношения между людьми. Распространение, возможное лишь за счет осознания Природы как состоящей из наших «ближних», творений — общего Отца.

Есть ли надежда?

Имеет ли продолжение в будущее тот «русский путь», который мы обсуждали в предшествующем параграфе? Если имеет, то в нем мы могли бы найти духовную основу для спасения от скорой гибели в зубастой пасти технологической цивилизации. Мы видели, что мироощущение русского Православия включает и осознание родства всей «твари», и идеал самоограничения, выраженный в заповеди терпения или образе «страстотерпцев», — то есть коренные духовные основы, на которые такое спасение как раз может опереться. В вопросе «быть или не быть?», стоящем сейчас перед человечеством, каждая цивилизация, сохранившая еще духовные силы и остатки своей индивидуальности, будет искать свой собственный путь. Но для русской цивилизации вся надежда сосредоточена в «русском пути», ибо сменить духовную основу народа, складывавшуюся тысячелетиями, столь же безнадежно, как сменить генетический код человека.

Наиболее весомым возражением против реальности подобных надежд представляется мне следующее. Речь идет о мировоззрении, в самой своей основе религиозном. Казалось бы, оно может вызвать коренное изменение нашего жизненного уклада только тогда, когда религия опять станет основой жизни. Но ведь пока до этого еще очень далеко! Как можно строить надежды на предпосылке такого глубинного изменения сознания в считанные десятилетия, если учесть, с какой скоростью технологическая цивилизация пожирает все живое на Земле!

Мне кажется, однако, что положение более сложно и, может быть, не столь безнадежно. Во-первых, гибельные последствия технологической цивилизации связаны с тем, что не только религия перестала быть движущей силой жизни, но был вытеснен и подавлен несравненно более широкий пласт человеческого сознания. В этом пласте есть элементы, восстановление которых как важных факторов человеческой деятельности является гораздо более простой проблемой, чем глобальное возвращение человечества к Богу. То есть речь идет не о грандиозном скачке в духовной области, а о постепенном процессе. Во-вторых, те концепции, которые почти вытеснены из жизни победным шествием технологической цивилизации, скорее всего не уничтожены в сознании человечества. Видимо, каждый человек и все человечество обладает памятью колоссальной глубины, в которой эти концепции сохранены. Так что речь идет всего лишь об их «восстановлении в правах» в качестве определяющих стимулов социальной жизни. Обсуждению этих двух факторов и посвящена оставшаяся часть работы.

Вернемся к замечанию Лоренца (приведенному раньше): современный человек теряет моральный критерий в оценке своих действий, так как сама категория морали применима лишь к действиям, направленным на живое, а он имеет дело чаще всего с неживым. Здесь скрывается явление колоссальной важности. Поскольку в сознании современного человека господствуют категории научно-технического, чисто рационального происхождения, то сама идея морали оказывается в нем чужеродной. Как можно, например, обосновать — рационально, логически или экспериментально — хотя бы обращенный к ребенку запрет: «нельзя бить собаку»? Подобные истины невозможно обосновать, и поэтому можно ставить бесчеловечные эксперименты на собаках, способных нас так преданно любить. Можно использовать изощренную современную технику для преследования и истребления китов, которые, быть может, обладают высокой духовной жизнью, подобной нашей. Ничто не препятствует распространить этот образ действий и на людей. Так и были уничтожены как нация североамериканские индей-

цы — в стране, любящей называть себя «God's own Country» (избранная богом страна). Да разве они одни? Еще тяжелее был жребий аборигенов Австралии, а из коренных жителей Тасмании не уцелел никто.

Видимо, мораль — это поразительно тонкий и совершенный орган для общения человека со всем живым (включая человека). В этой области он не менее совершенен, чем техника при обращении с мертвой природой. Только благодаря наличию морали живы до сих пор и Человек, и Природа. Но в системе представлений технологической цивилизации мораль не находит себе законного места. Она не уничтожена полностью. Однако моральные оценки не опираются на основоположные постулаты идеологии технологической цивилизации, они воспринимаются как «субъективные», «эмоциональные», т. е. малонадежные критерии при оценке нашего поведения. Поэтому они легко уступают под давлением аргументов «целесообразности» и «эффективности», т. е. мораль занимает подчиненное положение сравнительно с «техникой» в широком смысле. Даже когда наши действия опираются на моральные стимулы, мы склонны это маскировать, чтобы придать им характер большей обоснованности. Например, в период борьбы с проектом «поворота рек» в ход чаще всего шли «объективные» и «научные» аргументы — экологические, экономические, технические. Но движущей силой бурлившего тогда (и победившего) «движения сопротивления» являлось, мне кажется, моральное чувство: нечестиво было бы перевернуть задом наперед древние реки, на берегах которых вершилась наша история.

Отталкиваясь от рассмотренного примера морали, мы можем обнаружить множество других категорий нашего сознания, находящихся в таком же положении. Очевидно, существует громадный слой человеческого сознания, жизненно важный для человечества, но не укладывающийся в рамки идеологии технологической цивилизации. Таковы религиозное чувство, мораль, категория «красоты», фольклор и искусство, большая часть эмоциональной жизни каждого человека.

С этим пластом сознания соприкасается, видимо, концепция «коллективного бессознательного» К. Г. Юнга, но далеко с ним не совпадает. Хотя бы потому, что, например, мораль или любовь часто никак не связаны с чем-то «коллективным», наоборот — очень индивидуальны. Мне кажется, что прекрасно передает суть дела термин, употреблявшийся С. Булгаковым, — «сверхсознание».

Это «сверхсознание» обладает рядом очень своеобразных черт. Во-первых, только благодаря ему возможно религиозное сознание. Сверхсознание предоставляет в распоряжение человека какой-то орган, необходимый для восприятия религиозных категорий. Во-вторых, лишь в рамках сверхсознания возможен вопрос о смысле жизни. Более того, в какой-то мере сверхсознание способно и отвечать на этот вопрос. С точки зрения рационалистического, научно-технического мышления такой вопрос вообще не существует, является перенесением в одну область понятий, которые осмысленны лишь в другой (например, смысл конкретной, частной деятельности). И это относится ко многим другим важнейшим вопросам человеческой жизни. Научно-техническое мышление, присущее технологической цивилизации, чрезвычайно сузило объем термина «понимание». Фактически понимание редуцировалось к возможности построить механическую модель — хотя бы теоретически. «Понять» явление — значит разложить его на совокупность элементарных связей: «Из А следует В». Это теоретически можно моделировать как то, что определенное перемещение предмета А вызывает определенное перемещение предмета В. Может быть, совокупность элементарных связей слишком сложна, чтобы сейчас возможно было изобразить ее механической моделью или даже моделировать при помощи мощного компьютера, но в принципе такая возможность должна существовать. Благодаря такому сужению механизма понимания, множество важнейших явлений остаются за его пределами или получают надуманные, неубедительные объяснения. Зато сверхсознание способно, опираясь на религиозное чувство, религиозные ритуалы, на миф, на эстетические и

другие эмоциональные переживания, создать в связи с этими вопросами то же ощущение уверенности, способности выбрать верную линию поведения, какую дает в других, доступных ему ситуациях технологическое понимание. Мы уже приводили пример сложной системы моральных норм индивидуального человека и человеческих обществ, но таких примеров можно привести множество, и только за счет этих актов «нерационального понимания» человечество смогло существовать сотни тысяч лет, да в значительной степени опирается на них и сейчас. Наконец, сверхсознание обладает важнейшей особенностью: оно способно быть коллективным, то есть присуще не только отдельным людям, но и целым человеческим сообществам. Видимо, в этом случае сознание всех членов коллектива объединяется и возникает единый «сверхинтеллект» (или «сверхдуша»), способный давать ответы на вопросы, недоступные отдельному человеку. При этом ответ вырабатывается столь отчетливо на надиндивидуальном уровне, что отдельные члены коллектива, как правило, не могут его никак аргументировать. Классическим примером является «экзогамия» — система брачных запретов, существующая во всех, даже самых примитивных обществах. Она делает невозможными браки между близкими родственниками. Например, племя делится на две части, два «клана», дети относятся к клану матери, и воспрещены браки внутри одного клана. Уже этот простейший принцип исключает брак сестры и брата или матери и сына. Но та же идея применяется и в более сложном виде, делая невозможным браки и других близких родственников. Объективно экзогамия играла громадную роль, защищая племя от вредных генетических последствий близкородственных браков, которые в небольшом племени могли привести к полному его вырождению. Но отдельные члены племени, конечно, не имели никакого представления об этих генетических факторах и субъективно воспринимали брачные запреты как «табу» — только такое объяснение они могли предложить европейцам. Да и наше чувство отвращения и страха, вызываемое идеей «кровосмешения», конечно, происходит не из учебника био-

логии, а из того же древнего источника. Примеров подобного надиндивидуального решения социальных проблем, недоступных индивидуальному сознанию, существует очень много — в том числе и в не столь отдаленном историческом прошлом.

Существование надиндивидуального сверхсознания является одним из оснований для надежды на выход из теперешнего кризиса — как всего человечества, так и России. Когда нам кажется, что выхода нет, что мы способны обозреть все варианты развития и что все они ведут к катастрофе (например, в связи со стремительным ростом населения и производства и с экологическим кризисом), — то ведь это относится лишь к тем путям выхода, которые способно предложить наше индивидуальное сознание. Мы не имеем оснований считать, что надиндивидуальное сверхсознание не способно указать такой выход, основывающийся на принципах, нам сейчас рационально совершенно недоступных. Конечно, это лишь слабая надежда — не уверенность в том, что выход есть, только аргумент против убеждения, что его не существует.

Но для того, чтобы можно было опереться даже на эту слабую надежду, система представлений, связанных со сверхсознанием, должна вернуть себе место признанной основы человеческого поведения. Да и в отношении всего мировоззрения русского Православия речь ведь тоже идет о реанимации духовных ценностей, некогда занимавших центральное место в жизни. Возможно ли такое восстановление? Много раз история показывала, что возвращение назад в ней невозможно. Никакие «реставрации» никогда не были действительно восстановлением прошлого.

Конечно, безнадежно пытаться восстановить конкретный социальный или экономический уклад. Например, не в наших силах восстановить дореволюционную Россию — даже если бы мы признали ее абсолютным идеалом. Но нет оснований полагать, что так обстоит дело с фундаментальными составными частями духовной структуры человечества. Основные человеческие духовные ценности не являются ведь чем-то вроде ракет-носителей, которые, подтолкнув основ-

ную ракету на новую траекторию, потом отпадают и сгорают «в плотных слоях атмосферы». Несомненно, они остаются с нами, становясь лишь менее осознанными. Человечество, да и все живое, обладает, видимо, памятью колоссальной глубины. Возможно, в ней хранится вообще вся история, от амебы или Адама. Я приведу лишь несколько примеров, в свое время меня поразивших.

Первый пример — это рассказ одного моего друга-врача о том, как он помогал откачать чуть не утонувшую женщину. Он сказал, что это происходило на берегу моря, и это было счастьем, потому что если бы она столько времени провела под водой в пресной воде, то давно бы умерла. Почему же? Оказывается, это известный факт, что человек может намного больше времени провести под водой в море, чем в пресной воде. Происходит же это потому, что состав крови у человека близок к соленой морской воде, а это объясняется тем, что человек имеет предков, которые когда-то существовали в Мировом океане. Но древняя кистеперая рыба выползла на берег и положила начало простейшим наземным позвоночным 350—400 миллионов лет назад. И вот информацию о ее существовании, которое было еще до этого, мы в себе храним, и притом настолько четко и конкретно, что она может играть роль в таких реальных ситуациях, как откачивание утопленника. Другой пример касается культурной памяти. На детей колоссальное впечатление производят сказки, если это настоящие, фольклорные, не выдуманные сказки, не выдуманные Михалковым, Чуковским или даже Андерсеном, а, например, афанасьевские сказки. Почему это происходит? Специалисты по фольклору говорят, что сказки содержат элементы древних мифов. Это мифы, потерявшие свой священный характер. Но чтобы эти остатки мифов так сильно действовали, должно существовать мифологическое сознание, их воспринимающее. Предположим, герой едет в тридевятое царство, но ему преграждает дорогу огненная река, которую он не может пересечь. Он видит, что на берегу пасутся быки, но время от времени с другого берега прилетает птица, хватает быка и

уносит его. Тогда он убивает быка, сдирает с него шкуру и ложится, завернувшись в нее. Прилетает птица, хватает его и переносит через реку. Археологи объясняют нам, что заворачивать покойника в шкуру — был один из распространенных древних ритуалов захоронения. И этнографы говорят, что в сказке тридевятое царство — это потусторонний мир, огненная река — это та граница, которая отделяет наш мир от того мира, а путешествие героя — это путешествие шамана или души после смерти в иной мир. Но почему же это все захватывает малыша, он сидит и слушает затаив дыхание? Следовательно, сохранились какие-то элементы психики, которые воспринимают это как мифы, он ведь не читал этнографов и археологов, и тем не менее он знает это лучше их. Это показывает, что мифы — какая-то грандиозная память человечества, и существует такая же память живого, и, может быть, даже и память космоса. Наконец, и совсем современный пример. Еще в брежневско-андроповские времена, когда религия находилась еще под страшным давлением, — на Пасху к кладбищам двигались неисчислимые толпы людей, чтобы помянуть своих родных. Чтобы добраться до кладбища, нужно было потратить несколько часов. Людей собиралось так много, что власти и не пытались им препятствовать. Значит, древнейший ритуал — поклонения своим почившим предкам — хранится где-то в сознании московского рабочего или сотрудника НИИ.

Мы имеем дело с каким-то совершенно особенным видом памяти — не индивидуальной, а исторической. Она основана на переживании человеком прошлого, она его туда отчасти вновь переносит. Этим она кардинально отличается от механической «памяти» вычислительных машин, являющейся лишь складом большого числа предельно формализованных данных. Но именно механизмы являются идеальными составляющими частями технологической цивилизации. Связь с прошлым значительно предопределяет поведение, создает нечто, подобное инертности. А часть механизма тем совершеннее, чем меньше ее инертность, чем легче она подчиняет-

ся сигналу. Идеология прогресса постулирует ценность одного только будущего: «прошлое мертво». И естественно, что в рамках технологической цивилизации историческая память вытесняется из жизни, выпадает из арсенала средств, которыми может пользоваться человечество. Но она органически связана с человеком и может быть уничтожена только вместе с ним. А значит, нет необходимости вновь создавать сверхсознание, религиозное сознание или специфическое мировоззрение русского Православия: они сохранены в исторической памяти. Речь идет вовсе не о возвращении к прошлому, а о преодолении искусственных психологических запретов, не позволяющих пользоваться реально существующими духовными силами.

Есть много русских пословиц — вроде «Нет худа без добра» — с удивительным, неодноплановым отношением к несчастью, указывающих на содержащуюся в нем пользу, которую только надо усмотреть. Действительно, глубокий кризис в жизни одного человека, народа или всего человечества обнажает вызвавшие его причины, помогает их разглядеть, а значит, и преодолеть. И та катастрофа, в которую технологическая цивилизация ввергла человечество, а сейчас в особенности нашу несчастную Россию, вероятно, тоже послана нам как урок. Каждый новый виток кризиса делает яснее его причины, любой человек уже на своей судьбе ощущает грозящий финал. Перед лицом разверстой у наших ног пропасти нам не остается иного выхода, как обратиться к древним и надежным ориентирам, пользуясь которыми человечество прожило сотни тысяч лет, сохранив физическое и духовное здоровье.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

РУСОФОБИЯ

Глава 1

1. *Померанц Г.* Квадриллион; Человек из ниоткуда; Сны земли.

2. *Амальрик А.* Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? (Самиздат). Вестник Русского Студенческого Христианского Движения (Вестник РСХД). 1970. № 97. Сборники работ: Самосознание. Нью-Йорк, 1976; Демократические альтернативы. ФРГ, 1976. *Шрагин Б.* Противостояние духа. Лондон, 1976.

3. *Янов А.* Detente after Brezhnev (далее цитируется как «Разрядка…»); The Russian New Right (далее цитируется как «Новая…») // Institute of international studies. Калифорнийский Университет, Беркли, 1977.

4. *Пайпс Р.* Russia under the old regime (далее цитируется как «Россия…»). Лондон, 1974.

Глава 2

1. Критику концепций, кратко изложенных в главе 1, можно найти, например, в работах: *Бородин Л.* Вече. № 8 (Самиздат); *Солженицын А.* Из-под глыб (Самиздат) и др. высту-

пления; *Борисов В., Дубровский И.* Вестник РХД. № 125; *Шанецкий А.* Память. № 4 (Самиздат).

2. По поводу места концепции «Москва — Третий Рим» в мировоззрении Московского царства см., например: *Лихачев Д. С.* Национальное самосознание Древней Руси. С. 100—101; работы *Масленниковой Н. Н.* и *Гольдберга А. Л.* в ТОДРЛ за 1962, 69, 74 гг.

3. О том, что секуляризация церковных земель не вызвала на Руси социальных потрясений: *Пайпс Р.* Россия… С. 242.

4. Синодальный период управления церковью — как пример «русской предрасположенности к единогласному послушанию»: *Шрагин Б.* Самосознание. С. 263.

5. О влиянии «территориальной системы» церковного управления, принятой в протестантских странах, на церковное устройство России, см., например: *Павлов А. С.* Курс церковного права. Сергиев Посад, 1902. С. 485—490, 507.

6. О «значении николаевского законодательства для тоталитаризма XX века»: *Пайпс Р.* Россия… С. 291—295.

7. Цитаты европейских основоположников теории тоталитарного государства взяты из:

Гоббс Томас. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Избранные произведения. В 2 т. Том II, М., 1965. С. 47, 196—202, 207, 230—235, 488—490, 505, 526, 527, 567.

Спиноза Б. Политический трактат // Избранные произведения в двух томах. Том II. С. 301—302, 305, 309—310.

Руссо Жан-Жак. Об общественном договоре, или Принцип политического права. М., 1938. С. 13—14, 16, 18, 24, 29, 34.

8. О западных влияниях на петровское законодательство см.: *Гуревич Георгий.* «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники. Юрьев, 1915.

9. О «революционном мессианстве» см.: *Тальмон Л.* Political messianism. Лондон, 1960.

10. О еретических учениях и народных социальных утопиях в России см., например: *Казакова Н. А.* и *Лурье Я. С.*

Антифеодальные еретические движения на Руси XV начала XVI века. М.—Л., 1955; *Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России. М., 1977.

11. Дискуссия по поводу «Повести о Дракуле» см.: *Борисов В.* Вестник РХД. № 125; *Померанц Г.* Открытое письмо редактору Вестника РХД (Самиздат).

12. *Пайпс* о частной собственности в Московской Руси: Россия… С. 316; *И. Дубровский.* Вестник РХД. № 125.

13. *Пайпс* о русских пословицах: Россия… С. 159.

14. *Пайпс* о грамотности в Московской Руси: Россия… С. 123. См. также *Соболевский А. И.* Образованность Московской Руси XV—XVII вв. СПб., 1892, особенно с. 3—4. Подсчеты А. И. Соболевского были продолжены *Н. А. Ватановой*: Русский читатель XVII в. // сб. «Древнерусская литература и ее связь с новым временем». М., 1907. См. еще: *Лихачев Д. С.* Культура русского народа. М.—Л., 1961. С. 106—107.

15. *Янов* о роли «Архипелага ГУЛАГ» в русской истории: Демократические альтернативы. С. 188.

16. О западноевропейских переворотах 20-х гг. XIX в., очень похожих на заговор декабристов, тоже организованных тайными обществами (в Испании — масонами, в Италии — карбонариями) см., например: *Тарле Е.* Политические движения в Испании и Италии в 1820—1823 гг.; Книга для чтения по истории нового времени. Т. IV. Ч. I. М., 1913. С. 128—176.

17. О заговоре Тистельвуда или «Заговоре на улице Катона» есть статья в Британской энциклопедии.

18. О подавлении июньского восстания 1848 г. пишет Герцен. Больше подробностей можно найти в книге: *Шмидт Шарль.* Июньские дни 1848 г. Л., 1927.

19. По поводу числа убитых при разгроме Парижской коммуны приводились очень разные цифры. Консервативный журналист Максим Дю Кам утверждает, что число убитых на баррикадах и расстрелянных национальными гвардейцами равно 6600 (*M. Du Camp.* Les Convulsions de Paris. T. I. Париж, 1881). Эта цифра явно занижена, так как даже маршал Мак-Магон говорит о 15 000. Обычно называют цифру от

30 000 (*Буржен Жорж.* История Коммуны. Л., 1926) до 20 000 (Лиссагарэ Э. История Коммуны).

20. *Янов* о «возрасте» демократии: Новая… С. 99. Он же о Белинском как славянофиле: журнал «22». Тель-Авив, 1976. С. 86.

21. Об ирландской кампании Кромвеля см., например: *Фрейнд Михаил.* Die grosse Revolution in England. Гамбург, 1951. Сколько погибло в результате работорговли, оценивает *Дю Буа* («The Negro». Лондон, 1915). Число жертв Французской революции из современников оценивал миллионом такой революционер, как *Гракх Бабеф* («О системе уничтожения населения, или Жизнь и преступления Каррье» в: Гракх Бабеф. Сочинения. Т. 3. М., 1977. С. 225) и революционер, но позже отошедший от революции *Л. М. Прюдом* в «Histoire générale et impartiale…» Из более поздних историков *Тэн* пишет: «Можно предполагать, что в одиннадцати департаментах запада число убитых всех возрастов и обоих полов приближается к полумиллиону». См.: Происхождение современной Франции. Т. IV. Кн. V. Гл. I (во Франции было тогда 83 департамента).

22. О числе жертв опричнины см.: *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М., 1965. С. 191.

23. *Филипп Эрлангер* в «Le massacre de la St-Barthelemi» приводит различные оценки числа жертв Варфоломеевской ночи. Наименьшую цифру называл *Боссюэ*: 6000, наибольшую — воспитатель Людовика XIV *Перефикс*: 100 000. Из современников будущий канцлер Генриха IV *Сюлли* говорит о 60 000, историк *Ту* — о 10 000 в Париже и 40 000 в провинции, иезуит *Бонами* — 4000 в Париже и 25 000 в провинции, протестант *Креспин* в «Мартирологе» приводит имена 15 000 убитых, историограф короля *Массон* и английские архивы говорят о 2000—3000 убитых в Париже и 10 000 в провинции (с. 193—194).

Глава 3

1. Цитаты из *Горского*: Вестник РСХД. № 97. С. 61 и 34.

2. Цитаты из *Янова:* Разрядка… С. 101, 183, 104, 80, 100.

3. Цитаты из *Померанца* о том, что «народа больше нет»: *Померанц Г.* Квадриллион; Человек ниоткуда.

4. *Померанц* о русском народе и Самодержце: Сон о справедливом возмездии // Синтаксис. № 6.

5. «Русские не имеют истории» см.: *Шрагин Б.* Самосознание. С. 261.

6. *Янов* о демократии и тоталитаризме: Новая… С. 88, 102.

7. Характеристику английского парламентаризма см.: *Werner Sombart*. Der proletarische Sozialismus, Jena, 1924; Hans Delbruck. Regierung und Volkswille; а также в его работе: Whigs and Torys // Historische und politische Aufsetze. Berlin, 1887.

8. Об ограничении власти см.: *Монтескье Ш.* О духе законов. Кн. II. Гл. VI. Политические взгляды создателей американской конституции выпукло описаны в работе лорда Эктона «Political causes of American Revolution» (Essays in the liberal interpretation of History. Чикаго, 1957. С. 41—94). См. также: *Хабуш В.* Die moderne Demokratie. Jena, 1921. С. 51; *Рендал Дж. Х.* The Making of modern mind. Нью-Йорк, 1926. С. 345—350.

9. В американской политической литературе XVIII и начале XIX в. «демократическая» форма правления противопоставлялась «конституционной» или «свободной».

10. Схема вырождения в деспотию у *Платона* — «Государство», 562. Его взгляды на демократию — там же, 557, у *Аристотеля* — «Политика», 1292а.

11. Взгляды *Берка*: Burke Ed. Reflections on the Revolution in France. Нью-Йорк, 1961. С. 138.

12. Из современных авторов: *Хайек Ф. А.* Law, legislation and liberty. Т. 1 //«Rules and Orders», Лондон, 1973.

13. Взгляды *Краснова-Левитина* и *Плюща*: Демократические альтернативы. *Плющ* о терроризме: Ответ Т. С. Ходорович // Континент. № 9. С. 252.

14. Концепция *Янова*: Синтаксис. № 1; журнал «22». 1978; Новая… С. 88; Разрядка… С. 141, 85, 86, 80, 83, 21.

Глава 4

1. Две точки зрения на Историю — обе очень древнего происхождения. *Платону* принадлежит сравнение законодателя с мастером. В «Государстве» и «Законах» он логически разрабатывает план построения идеального государства. С другой стороны, *Аристотель* считает государство продуктом естественного развития, наподобие семьи («Политика», 1252а). *Я. Бурхард* в «Культуре Ренессанса в Италии» считает, что характерным для эпохи Возрождения был взгляд на государство как на искусственное сооружение.

2. Типичным пониманием государства как «конструкции» является теория «договора» *Гоббса — Руссо*. Взгляд на государство как «организм» также многократно высказывался, вплоть до попыток построения «социальной физиологии», «социальной анатомии» и применения дарвинизма к общественным явлениям. Обзор этих взглядов см., например, в книге Менгера: *Menger Karl.* Untersuchungen uber die Sozialwissenschaften und der politischen Okonomie. Leipzig, 1883.

3. В наше время «органическая» точка зрения развита в цитированной выше книге *Хайека*.

4. Вообще «органическая» концепция, как правило, ближе историкам, а «механическая» — социологам и политикам (ср. хотя бы современный термин «социальная инженерия»).

5. О роли интеллигенции: *Горский*. Вестник РСХД. № 97. С. 52, 53; *Шрагин Б.* В поисках почвы (Самиздат); *Шрагин Б.* Противостояние духа. С. 216; Померанц Г. Квадриллион; *Померанц Г.* Человек из ниоткуда.

6. *Шрагин* против демократии: Синтаксис. № 3. С. 22.

7. Суммарное изложение основных положений Кошена содержится в небольшой книжечке: *Cochin Augustin*. Les Societes de pensee et la democratie. Париж, 1921. Подробное изложение, опирающееся на огромный фактический материал, — в книге: Les Societes de pensee et Revolution en Bretagne (1788—1789). Париж, 1925. Второй том посвящен исключительно

публикации документов. Концепция Кошена не получила (как, впрочем, и следовало ожидать, ввиду ее «нелиберальности») признания большинства историков*. Его взгляды относят, как правило, к типу теорий революции как «заговора», что, как мне кажется, представляет их в совершенно искаженном виде.

8. О влиянии кальвинизма на создание «духа капитализма» имеется классическая работа: *Weber Max.* The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. Лондон, 1930.

9. Влиянию на создание духа современной партийной жизни посвящена интересная книга: *Вальцер Михаэль.* The Revolution of the saints. Кембридж, Масс. I, 65.

10. О роли пуритан в английской революции см.: *Беллок, Хиллер.* Кромвель. Лондон, 1934, и цитированную выше книгу *М. Фрейнда*.

11. Характеристика немецкого радикализма: цитированная выше книга *Зомбарта* (Т. I. С. 45—47) и особенно *H. von Treitschke* (Deutsche Geschishte im Neunzehnten Jahrhundert. Ч. III. Гл. 9. Лейпциг, 1885).

12. Русская публицистика 60—70 гг. XIX в. см.:

Зайцев В. А. Избранные сочинения. Т. I. М., 1934. С. 55, 62, 95, 96.

Стеклов Ю. В. Чернышевский. Ч. I. М.—Л., 1928. С. 158.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Март 1876 г., май — июнь 1877 г., август 1880 г., январь 1881 г.

Тихомиров Л. Начала и концы («либералы» и террористы). М., 1890.

Глава 5

1. Выражение «дьявол русской тирании» принадлежит *Янову*: Синтаксис. № 6.

2. *Шрагин* о «России как жандарме Европы»: Самосознание. С. 56.

Амальрик о «надеждах» эмиграции: Синтаксис. № 3.

* Отношение к нему теперь изменилось. *(Примечание 1990 г.)*

3. По поводу самооценки дореволюционной интеллигенции см.: *Зернов Н.* Русское религиозное возрождение XX в. Париж, 1974; Вехи (сборник статей о русской интеллигенции). 2-е изд. М., 1909; Интеллигенция в России. СПб., 1910.

Глава 6

1. По поводу цитат «Они о нас» см. статьи *Горского* в «Вестнике РСХД» (№ 97), «Сны Земли» *Померанца*, «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» *Амальрика*, «Противостояние духа» *Шрагина* (с. 60), статью *Белоцерковского* в «Демократических альтернативах» (с. 87), альбом «Les peintures russes contemporaines» Palais des Congrus (Париж, 1976. Картина «Ciel lourd»), статью *Меерсона-Аксенова* в «Самосознании» (с. 103) и *Амальрика* в «Синтаксисе» (№ 3. С. 73).

2. Национально окрашенные цитаты *Янова* см.: Разрядка… С. IX; Новая… С. 12—16, 31, 160, 177—180; журнал «22» (Тель-Авив, 1978).

3. Что «евреи — это и есть интеллигенция» см.: *Мандельштам Н. Я.*, Вторая книга воспоминаний. Париж, 1972. С. 119, 567—568. Аналогичные мысли Хазанова: Запах звезд. Тель-Авив. С. 291, 284, 296, 278.

4. *Шрагин* о «национальном складе» интеллигенции: Противостояние духа. С. 30.

5. *Янов* о желательности «нового Баруха»: Разрядка… С. 88. *Померанц* о миссии Израиля: Сны земли (Самиздат).

Глава 7

1. Революцию делали не одни евреи // Вестник РСХД. № 97. С. 6.

2. Утомленное солнце: пьеса // Время и мы. Тель-Авив, 1976. № 7.

3. *Померанц* о «проклятом вопросе»: Сон о справедливом возмездии // Синтаксис. № 6.

4. Россия и евреи: Сб. ст. Переиздан в Париже в 1978 г. См. также: *Светов Ф.* Отверзи мне двери. Париж, 1978; статьи *Бергмана* и *Дон Левина* в журнале «22» (Тель-Авив, 1978); статью *А. Суконина* в «Вестнике РХД» (№ 123).

5. *Померанц* об «опасном слове»: Сон о справедливом возмездии // Синтаксис. № 6.

6. *Янов:* обвинение в антисемитизме как атомная бомба (Синтаксис. № 6).

7. Отрывок из статьи *Синявского* в «Континенте» (№ 1), касающийся «русского антисемитизма», переведен в «The New York Review of books» (апрель 1976). Другая статья того же автора на ту же тему — в «Синтаксисе» (№ 2. С. 19).

Глава 8

1. Цитаты из сборника «Россия и евреи» в начале параграфа взяты из статей *Н. О. Левина* (с. 109) и *И. О. Бикермана* (с. 22—23).

2. Обзор революционной эмиграции 80-х гг. см.: Хроника социалистического движения в России в 1878—1887 гг. Публикация материалов Министерства внутренних дел. М., 1917. С. 325—333.

3. Показания *Азева*: Былое. № 1, июль 1917 г.

4. Обширные статистические данные см.: *Дикий А.* Евреи в России и в СССР. Нью-Йорк, 1967. В книге встречаются неточности, но не тенденциозные, в целом обрисованная там картина, по-видимому, соответствует действительности.

5. Рассказ *Шульгина* о его впечатлениях времен Гражданской войны: Что нам в них не нравится. Париж, 1929.

6. Недавно на Западе опубликована книга двух английских журналистов, посвященная расстрелу царской семьи: *Саммерс А.* и *Мангольд Т.* The File on the Tsar. 1976. См. особенно с. 88 и 185—187.

7. Список руководства ОГПУ—НКВД — в кн. *Р. Конквеста* «The great terror».

8. Выступления против «великодержавного шовинизма» см.: XII съезд Российской Коммунистической партии (большевиков) 17—25 апреля 1923 г. М., 1923. Там же, в ряде выступлений термин «русопяты» (см. с. 553—567, 517, 562—566, 159, 526, 544).

9. Стихотворения *Безыменского*: альманах «30 дней». 1925. № 9; 1930. № 8; Правда. 13 августа 1925 г.

10. *Плющ* о Кутузове как «реакционере» — «Демократические альтернативы» (Беседа с Леонидом Плющом).

11. Биография Троцкого с характеристикой его национальных чувств: *Кармайкл Джоэль*. Троцкий. Иерусалим, 1980 (сокр. перев. с англ.).

12. Взгляды *Хаима Житловского* и *Шарля Раппопорта*: Время и мы. Тель-Авив, 1976. № 11.

13. Об Азеве и вообще эсерах см.: *Николаевский Б.* Azeff the spy. Нью-Йорк, 1934. С. 69 и 88.

14. Рассказ *М. Н. Покровского* — в его книге «Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX веков» (М., 1924. С. 152).

15. Рассказ Витте о его встрече с Шиффом: граф *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. I. Л. 1924. С. 360. Дополнение *Шульгина*: «Что нам в них не нравится». Он ссылается на «Б'най Б'рит ньюз» (Т. XII. № 9).

16. Отчет о выступлении Леба опубликован, например, в газете «Филадельфия пресс» (19 февраля 1912).

Глава 9

1. Макс Вебер об истории еврейского «гетто»: см. *Weber M.* Gesammellte Aufsetze zur Religionssoziologie. Т. III; Das antike Judentum. Tubingen, 1923.

2. Молитва, которую приводит Макс Брод: *Brod M. Joh.* Reuchlin und sein Kampf. Stuttgart — Berlin — Mainz, 1965. С. 263. Он говорит, что видел эту молитву в молитвеннике своей матери.

3. Мысли Лассаля: *Лассаль Ф.* Дневник. Петроград, 1919. С. 112; Мартова: Мартов Ю. Воспоминания социал-демократа // Новь. М., 1924. С. 23.

4. Стихи Бялика: *Бялик Х.* Песни и поэмы. Перев. с евр. Б. Жаботинского. 2-е издание. СПб., 1912. С. 85, 119, 171, 181.

5. Статья из израильского журнала: *Мушник Шмуль.* Мэнора. № 22. VIII год изд. Иерусалим, 1980; из канадского: Гиндин. Современник. № 34. Торонто, 1978. С. 209.

6. Цитаты из книги «Россия и евреи» (с. 117, 228).

Глава 10

1. По поводу рабочего законодательства в России конца XIX — начала XX в. см., например: *Литвинов-Валинский Б. И.* Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. 2-е изд. СПб., 1894.

2. *Хромов П. А.* Экономическое развитие России в XIX—XX веках. М., I960. С. 350—354.

3. Общую атмосферу правительственных мероприятий в рабочем вопросе перед мировой войной характеризует «Заключение межведомственного совещания об изыскании мер против забастовок» (Красный Архив. № 34. 1929.)

ТРЕХТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ ЗАГАДКА

Глава 1. Существует ли «еврейский вопрос»?

Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 г.
Шафаревич И. Русофобия. Сочинения. М., 1994. Т. 2.
Graetz H. Geschichte der Juden. Bd. 11.
Моммзен Т. Римская история. Т. III.
Журнал «Красный Архив». Т. IV, VI, X.

Журнал «22». Тель-Авив, 1978 г.; *Дон Левин*. На краю соблазна.

Кожинов В. Журнал «Святая Русь». 2000. № 3.

Margolina Sonja. Das Ende der Lugen. Berlin, 1992.

Shahak Israel. Histoirejuive — Religion juive. Le poids de trois millenaires. 1996.

Зеньковский В. В. На темы историософии. Тайна Израиля. Санкт-Петербург, 1993.

Рид Д. Спор о Сионе (перевод с английского).

Дюк Д. Еврейский вопрос глазами американца. М., 2001.

Шульгин В. В. Что нам в них не нравится. М., 1992.

Глава 2. Античность

Моммзен Т. Римская история. Т. V.

Тацит. Анналы; История.

Иосиф Флавий. Иудейская война; Иудейские Древности.

Августин Бл. О Божьем Граде.

Ювенал. Сатиры.

Лурье С. Я. Антисемитизм в древнем мире. Петроград, 1922.

Leon H. G. The Names of Jews in the Ancient Rome. Trans. and Proc. Amer. Philol. Assoc., 59 (1928). P. 216.

Josephus Flavius. Against Apion. Works. V. 5.

Les oeuvres de Philon d'Alexandrie. Lion, 1975. V. 24, 25, 31.

Dio Cassius. Roman History. London, 1927.

Diodorus Sicilius. Bibliotheque historique. Paris, 1846.

Eusebius Pamphilus. Werke. Berlin, 1954. Bd. 8.

Charles R. H. (transl.), The Book of Jubilee.

Reinach Th. Textes d'auteurs grecs et romans relatifs au Judaisme. Paris, 1894.

Belich J. Die Bevolkerung griechischromischen. Welt, 1866.

Parvan. Die Nationalitet der Kaufleute im romischen Keiserreich. Breslau, 1909.

Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. III. Stuttgart, 1901.

Graetz H. Geschichte der Juden. Bd. I.

Weber M. Gesammelte Aufsatze zur Religionssoziologie. Bd III. Das Antike Judentum. Tubingen, 1923.

Антисемитизм // Еврейская энциклопедия. Изд. Брокгауза и Эфрона. Т. II. СПб.

Диаспора // Еврейская энциклопедия. Изд. Брокгауза и Эфрона. Т. III. СПб.

Глава 3. Средние века

Marcus J. R. The Jew in the medieval world. 1975.

Roth C. The Jews in the middle ages. Cambridge Medieval History. V. VII.

Depping G. B. Die Juden im Mittelalter. Hildesheim. 1974.

Abrahams Israel. Jewish Life in the Middle Age. N.-J., 1897.

Wilpert Paul (Hrsg). Judentum im Mittelalter. Berlin, 1966.

Irving A. Agus. Urban Zivilisation in pre-crusade Europe. V. I, II. N.-J., 1965.

Sabatini Raphael. Torquemada and the Spanish Inquisition. London, 1928.

Goldmann N. Le paradox juif. Paris, 1976.

Dozy R. Histoire de musulmans d'Europe. Leyde. 1891. T. I—III.

Сагo Georg. Sozial — und Wirtschaftgeschichte der Juden im Mittelalter und der Neuen Zeit. Bd. I. Frankfurt/M., I924.

Wirth Louis. The Ghetto. Chicago, 1946.

Amador de los Rios. Historia social, politica, religiosa de las Judaios de Espana y Portugal. Madrid, 1960.

Conn Norman. The Pursuit of the Millenium. N.-J. 1970.

Гумилев Л. Н. Русь и великая степь. М., 1989.

Шиппер И. Возникновение капитализма у евреев Западной Европы. Спб., 1910.

Trevor-Roper H. The Rise of Christian Europe. London, 1965. Shahakl. Цит. в гл. 1.

Льоренте Х.-А. Критическая история испанской инквизиции. Т. 1, 2. М., 1936.

Дубнов С. М. Краткая история евреев. М., 1996 (перепечатка изд. 1912 г.).

Goldman N. La paradox juif. Paris, 1976

Еврейская энциклопедия. Спб., 1911. Т. I (статьи «Автономия» и «Аго-бард»), т. II (статьи «Англия» и «Антисемитизм»), т. III («Ассимиляция»), т. VI («Германия»), т. VIII («Испания»), т. XI («Население»). т. XV («Украина»).

Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1976. Т. I (статья «Автономия»), т. II (статья «Гайдамаки»).

Глава 4. Классический иудаизм

Das 40 Jahr von der Juden mil Arrest bestrikt gewesen, nunmehro aber durch Autoritaet eines Hohen Reichs-Vicariats relaxirte Johann Andreae Eisenmengers Entdecktes Judenthum. Gedruckt im Jahr nach Christi Geburt 1700.

Соловьев В. С. Собрание сочинений. СПб., 1911. Т. IV, VI.

Shahak I. Цит. в гл. 1.

Katz J. From Prejudice to destruction. Anti-semitism 1700—1933. Harvard, 1970.

Алексеев А. Беседы православного христианина из евреев с новообращенными из своей собратий. Новгород, 1875.

Брафман Яков. Книга кагала. Материалы для изучения еврейского быта. Вильна, 1869.

Гессен Ю. История еврейского народа в России. Ленинград, 1925. Т. 1

Бет-дин. Краткая еврейская энциклопедия. Цит. в гл. 3.

Der Babylonische Talmud. Nach der ersten zensurfreien Ausg. Goldschmidt, Lazarus. Berlin, 1929.

Глава 5. Хазария

Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. Переиздание: Санкт-Петербург, 2001.

Артамонов М. И. Очерки по древнейшей истории хазар. Л., 1936.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и великая степь. М., 1989.

Кожинов В. В. На заставе богатырской. М., 1993.

Кожинов В. В. Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи: Альманах библиофила. М., 1989. Вып. 26.

Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII вв. М., 1968.

Лихачев Д. С. Величие древней литературы: Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII в. М., 1978.

Плетнева С. Хазары. М., 1986.

Плетнева С. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.

Глава 6. Роль в развитии капитализма

Зомбарт В. Буржуа. М., 1994.

Sombart W. Die Juden und das Wirtschaftleben. Munchen u. Leipzig, 1928 (в последние годы, кажется, появился русский перевод).

Neumann M. Geschichte des Wuchers in Deutschland. Halle, 1865.

Graetz H. Geschichte der Juden. Bd. 10.

Roth C. The Jews in the Renaissance. N.-J., 1959.

Виллари. Савонарола и его время. СПб., 1913.

Глава 7. Эмансипация и борьба за равноправие

Roth C. The Jews in the Renaissence. N.-J., 1959.

Sombart W. Цит. в гл. 6.

Graetz H. Geschichte der Juden. Bd. II.

Berne L. Briefe. 1927.

Bartels A. Lessing und die Juden. Leipzig, 1922.

Bartels A. Geschichte der deutschen Literatur. Bd. II. Leipzig, 1905.

Fichte Johann Gottlib Beitrag zur Berichtung der Urteile des Publikums uber Franzosische Revolution. Leipzig, 1922.

Perry Thomas W. Public Opinion, Propaganda and Politics in Eigteenth-Century England. Cambridge, Mass, 1966.

Scholem Gerschom Die jbdische Mystik in ihrer Hauptstrumungen. Zurich, 1957.

Gerschom Scholem. Du Frankisme au Jacobinisme. Paris, 1981.

Mandel Arthur. Le Messie Militant. Milano, 1989.

Америка // Еврейская энциклопедия. СПб., 1911. Т. II.

Антисемитизм // Еврейская энциклопедия. СПб., 1911. Т. II.

Масонство // Еврейская энциклопедия. СПб., 1911. Т. X.

Саббатай Цеви и саббатианское движение // Еврейская энциклопедия СПб., 1911. Т. XIII.

Пруссия // Еврейская энциклопедия. СПб., 1911. Т. XIII.

Глава 8. Золотой век ассимиляции

Graetz H. Geschichte der Juden, Bd. II.

Heinrich Heine. Werke. Dresden, 1906.

Heines letzte Gedichte und Gedanken, herausgegeben von Strodtmann. 1869.

Berne L. Berliner Briefe. 1927.

Berne L. Briefwechsel mil Henrietta Herz. 1905.

Steig R. Heinrich von Kleists Berliner Kampfe. Berlin, 1901.

Meister A. Die Presse als Machtmittel Judas. Vunchen, 1930.

Treitschke. Deutsche Geschichte im 19. Jahrhundert. 3 Teil. Leipzig, 1889.

Ebeling W. Zur Geschichte und Literatur. Berlin, 1867.

Sombart W. Die Juden und das Wirtschaftsleben. Цит. в гл. 6.

Sombart W. Die Zukunft der Juden. Leipzig, 1912.

Kurschner Joseph. Semi-Kurschner. Berlin, 1901.

Blokosky S. The distorted Image. N.-J., 1975.

Cheskel Zwi Klotzel. Das grosse Hassen // Journal «Janus». 1914. № 2.

Lebenserinnerungen und Denkwurdigkeiten von Herrn Freiherrn v. Eckardstein. Bd. II. Leipzig, 1921.

Frank W. Nationalismus und Demokratie in Frankreich der dritten Republik. Hamburg, 1933.

Герцль Т. Еврейское государство. СПб., 1896.

Еврейская энциклопедия. Т. III (статьи «Антисемитизм», «Ассимиляция», «Ахад-Гаам (Гинцберг)»), т. XIV («Сионизм»).

Антисемитизм // Еврейская энциклопедия.

Ахад-Гаам (Гинцберг) // Еврейская энциклопедия. Т. III

Сионизм // Еврейская энциклопедия. Т. XIV.

Антисемитизм // Краткая еврейская энциклопедия. Т. I.

Dash Moore Deborah. B'nai B'rith and the challenge of ethnic leadership. N.-J., 1981.

Глава 9. Роль в развитии социалистического движения

Talmon J. L. Political Messianism. The Romantic Phase. London, 1960.

Hayek F. A. The Counter-Revolution of Science. Glenkoe, Illinois, 1952.

Hess Moses. Philosophische und sozialistische Schriften. Berlin, 1961.

Hess M. Judische Schriften. Hrsg. T. Zlotisti. Berlin, 1905.

Cornu August. Moses Hess et la gauche hegelienne. Paris, 1934.

Лассаль Ф. Дневники. Петроград, 1919.

Sombart W. Der Proletarische Sozialismus. Jena, 1924.

Michels Robert. Zur Soziologie des Parteiwesens. 1925.

Man Hendrick de. Gegen den Strom. Stuttgart, 1953.

Premantie Anne. This little band of prophets. N.-Y., 1960.

Россия и евреи. Берлин, 1923 (переиздан: Париж, 1978).

Стеклов Ю. Михаил Александрович Бакунин. М.-Л., 1927. Т. III.

Сен-Симон. Собрание сочинений. СПб., 1912.

Булгаков С. Апокалиптика и социализм // Два града. М., 1911.

Зиновьев Г. История Российской Коммунистической партии (большевиков). Л., 1924.

Социализм. Еврейская энциклопедия. Т. XIII (статья «Социализм»).

Житловский. Краткая еврейская энциклопедия. Т. 2.

Глава 10.
В России перед революцией

Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Собр. соч. В 30 т. Т. 25. М., 1983.

Боханов А. Буржуазная пресса и крупный капитал. Конец XIX в. — 1914 г. М., 1984.

Ананьич Б. Банкирские дома в Росии. 1816—1914 гг. Л., 1991.

Ананьич Б. Россия и иностранный капитал. (1897—1914). М., 1970.

Красный Архив. Т. IV, 1923; т. VI, 1924; т. X, 1925.

Субботин А. В черте еврейской оседлости. СПб., 1888.

Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952.

Аксаков И. С. Сочинения. СПб., 1900. Т. III.

Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. М., 1924.

Аронсон Г. Россия накануне революции. Мадрид, 1986.

Шульгин В. В. Что нам в них не нравится? СПб., 1992.

Розанов В. В. Опавшие листья. Короб 1-й и 2-й. СПб., 1912—1915.

Гр. Витте С. Ю. Воспоминания. Л., 1924.

Sombart W. «Напечатано по приказанию Министра внутренних дел».

Von Hayek F. Law, Legislation and Liberty. V.S. Chicago, 1979.

Аксаков И. С. Сочинения. Т. III. СПб., 1905.

Weizmann Ch. Trial and error. N.-J. 1949.

Солженицын А. 200 лет вместе. М., 2001.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Фемистокл. XIII.

Розанов В. В. Собрание сочинений. Мимолетное. М., 1994. О писательстве и писателях. М., 1995.

Апокалипсис нашего времени. М., 2000. Последние листья. М., 2000.

Сахарна. М., 2001.

Меньшиков М. О. Письма к русской нации. М., 1999.

Кузьминский и Турау. Киевский и Одесский погромы в отчетах сенаторов Турау и Кузьминского. СПб., 1907.

Даль В. И. Розыскание о убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их. 1844.

Чехов А. П. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 17. М., 1980.

Белый А. Штемпелеванная культура. «Весы». 1909. Сентябрь.

Куприн А. И. См. Чириков Е. На путях жизни и творчества // Наш Современник. 1991. № 9.

Симанович А. Распутин и евреи. Рига, б. г.

Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1. Книги 1—2. М., 1991.

Тайна Израиля. «Еврейский вопрос» в русской религиозной мысли конца XIX — первой половины XX в. СПб., 1993.

Агурский М., Шкловская М. Максим Горький 1868—1936. (из литературного наследия). Иерусалим, 1936.

Глава 11.
В Русской революции 1917 г.

Тихомиров Л. Начала и концы. Либералы и террористы. М., 1890.

Волк С. С. Революционное народничество 70-х гг. XIX в. Т. 1, 2. М., 1964.

Аптекман О. В. «Земля и Воля» 70-х гг. Ростов-на-Дону. б. г.

Неизданные записки Тихомирова. Красный Архив. Т. 29. 1928.

Зайцев В. Л. Избранные сочинения. Т. 1. М., 1934.

Дейч Л. Роль евреев в русском революционном движении. М.-Л., 1926.

Хроника социалистического движения в России. 1878—1887. М., 1907.

Спиридович. Записки жандарма. Харьков, 1930.

Nikolajevski B. Aseff the Spy. N.-Y., 1934.

Radkey Oliver R. The Agrarian Foes of Bolshevism. N.-Y.-L., 1958.

Мартов Ю. Записки социал-демократа. М., 1924.

Шапиро Л. Коммунистическая партия Советского Союза. Firenze, 1975.

Зиновьев Г. История Российской Коммунистической партии (большевиков). Л., 1924.

Галиви Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. М., 1993.

Сталин И. В. Сочинения. Т. 2. М., 1946.

Ленин В. Цитата приведена в книге Силницкого «Национальная политика КПСС», Вашингтон, 1990. Со ссылкой на IV издание Собраний сочинений Ленина. Т. II, с. 168.

Deutscher. The Prophet armed. Trotsky: 1879—1921. N.-Y.-L., 1958.

Анархисты. Документы и материалы. 1883—1913. М., 1998. Т. 1.

Герье Р. Первая русская Государственная дума. М., 1906.

Тыркова-Вильямс А. Цит. в гл. 10.

Меньшиков М. О. Письма к русской нации. М., 1999.

Меньшиков М. О. Письма к ближним за 1907 г. «Милые бранятся…»

Старцев В. И. Российские масоны XX в. Вопросы Истории. 1989. № 6.

История СССР. 1989. № 6. 1990. № 1.

Шульгин В. В. Цит. в гл. 1.

Перах Марк. Факты или селекция образов? Время и мы. Израиль, февраль 1976 г.

Достоевский Ф. М. Цит. в гл 1. Литературная Россия. 1990. № 2

Ларин Ю. Евреи и антисемитизм в СССР. М.-Л., 1929.

Красный Архив. 1929. № 1. Т. 32.

Рафес М. Очерки истории еврейского рабочего движения.

Rappoport Angelo S. The Pioneers of the Russian Revolution. L., 1918.

Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959.

Переписка Столыпина и Николая Романова // Красный Архив. 1924. Т. 5.

Лазарев Егор. Убийство Столыпина. Нью-Йорк, 1986.

Протоколы ЦК РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. М., 1958.

Шульгин В. В. Цит. в гл. 10.

Достоевский Ф. М. Цит. в гл 1.

Литературная Россия. 1990. № 2.

Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. Т. 1. 1918—1922. М., 1998.

Антоновщина. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. Тамбов, 1994.

Миронов Филипп. Тихий Дон в 1917—1921 гг. М., 1997.

Бугай Н. Казаки — представители русского народа // Русский народ. Исторические судьбы в XX в. М., 1993.

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М., 1997.

Протоколы, съездов РСДРП-ВКП(б): наиболее доступно второе издание, начиная с 1958 г. Первое издание (20-е гг.) в нескольких местах отличается большей радикальностью формулировок.

Троцкий Л. См.: Вопросы истории КПСС. 1990. № 5.

Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. Т. 2. Россия и евреи. Сборник. Цит. в гл 1.

Margolina Sonja. Цит. в гл. 1.

Маслов С. С. Россия после четырех лет революции. Т. 1, 2. Париж, 1922.

Каутский К. От демократии к государственному рабству. Берлин, 1921.

Weizmann Ch. Цит. в гл. 10. Красный Архив. 1926. Т. 19.

Трагедия советской деревни. Т. 1. Май 1927 — ноябрь 1928.

Заславский К. А. Империя Сталина: Биографический энциклопедический словарь. М., 2000.

Кто руководил НКВД 1934—1941: Справочник. М., 1999.

Мельгунов С. П. Красный террор в России 1918—1923. М., 1990.

Глава 12. Запад между мировыми войнами

Rathenau Walter. Impressionen. Leipzig, 1902.

Arnim Otto. Die Juden in Kriegsgesellschaften. München, 1921.

Bosl-Franz-Hofman. Biographisches Worterbuch zur deutschen Geschichte. München, 1974.

Korn D. Wer ist wer im Judentum. München, 1996.

Winger S. Grosse Judische Nationalbiographie. Ceranti 1925—1927.

Комэй Д. Кто есть кто в истории евреев. Лондон — Москва, 1974, 1995.

Hayek F. A. The Road to Serfdom. London, 1943.

Baruch B. American Industry in the War. N.-Y., 1941.

Baruch B. The Public Years. N.-Y., 1960.

Драбкин Я. С. Ноябрьская революция в Германии. М., 1967.

Lehman H. Die Weimarer Republik. München, 1960.

Illustrierte Geschichte der Deutschen Revolution 1918—1928. Berlin, 1929.

Nolte Ernst. Der Europaische Burgerkrieg 1917—1945. Berlin, 1987.

Revolution und Raterepublik in München 1918—1919 in Augenzeugenberichten. Dusseldorf, 1969.

Muller-Meiningen. Aus Bayerns schwersten Tagen. Berlin — Leipzig, 1924.

Funck Bernhard. Der Judische Einfluss in Deutschland. München, 1921.

Klatzkin Jakob. Probleme des modernen Judentums. Berlin, 1930 (III Afl.).

Lungren-Nielsen K. The Polish Problem at the Paris peace Conference (особенно раздел The Jewish Problem). Odensee, 1979.

Шмуэль-Хуго Бергман. Израильский синтез гуманизма и религии. «22». Тель-Авив, 1978.

Левин О. И. В сборнике «Россия и евреи». Цит. в гл. 1.

Sombart W. Der Proletarische Sozialismus. Цит. в гл. 9.

Weizmann Ch. Trial and error. Цит. в гл. 10.

Michels Robert. Sozialismus und Faschismus als politische Stromungen in Italien. München, 1925. Bd. 2.

Рид Д. Спор о Сионе. Цит. в гл. 1.

Ford H. The International Jew. 1922 (переизд. 1948)

Goldmann N. Цит. в гл. 3.

Reitlingen G. The Final Solution. L., 1971.

Thion S. Verite historique ou verite politique. Le dossier de l'affaire Faurisson. Paris, 1971.

Jewish Resistance in Nazi-Occupyed Europe. L., 1974.

Элнинс М. Закаленные яростью. «Евреи в СССР» (Самиздат). 1977. № 9—13, 15—126.

Kaufmann T. A. Germany Must Perish. N.-Y., 1941.

Morgenthauf H. Germany is our problem. N.-Y. — L., 1945.

Русская идея и евреи. М.: «Наука», 1994.

Katz J. From Prejudice to Destruction. Цит. в гл. 4.

Kohn.H. Martin Buber. Köln, 1965.

Глава 13. При коммунистическом строе

Шафаревич И. Россия в эпоху коммунизма // Русский народ на переломе тысячелетий. М., 2000.

Трагедия русской деревни. Т. 1, 2. М., 1999, 2000.

Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов. По материалам Политбюро ВКП(б) и ОГПУ // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.

Горький М. (ред.). Беломорско-Балтийский канал им. Сталина. Из серии «История фабрик и заводов». М., 1934.

Концентрационные лагеря немецкие // Краткая еврейская энциклопедия. СПб., 1911. Т. 4.

Кто руководил НКВД. 1934 — 1941. Цит. в гл. 10.

Агурский М., Шкловская М. Цит. в гл. 10.

Багрицкий Э. Воспоминания современников. М., 1973.

Семанов С. «Веселые ребята», или Некоторые расшифровки романов И. Ильфа и Е. Петрова // Москвитянин. 1992. № 1.

Фейхтвангер Л. Москва 1937. М., 1937.

Сталин И. Сочинения. Т. 13. М., 1951.

Конквест Р. Большой террор. Рига, 1991.

Костырченко Г. В плену у красного фараона. М., 1994.

Васильева Л. Кремлевские жены. М., 1993.

Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1996.

Авторханов А. Загадка смерти Сталина. Frankfurt/M., 1976.

Хрущев Н. Воспоминания // Вопросы истории. 1991. № 11.

Wittlin T. Comissar. L., 1972.

Рид Д. Спор о Сионе. Цит. в гл. 1.

Deutscher I. Stalin. N.-Y., 1961.

Sombart W. Die Zukunft der Juden. Leipzig, 1912.

Nordau M. Max Nordau to his People. N.-Y., 1941.

Топоров В. Двойное дно. Записки скандалиста. М., 1996.

Ахарон И. Исследование демографических особенностей еврейского населения СССР // Культура (Самиздат). М., 1976. № 7.

Даманский. Технология ненависти // Время и мы. Израиль, 1978. № 25.

Рывкина Р. Евреи в постсоветской России — кто они? М., 1996.

Кац Зеев. Интервью // Время и мы. Израиль, 1976. № 4.

Шафаревич И. Русофобия. Цит. в гл. 1.

Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1999.

Шаховская З. Евреи и Россия // Вестник русского православного движения. Париж, 1983. № 140.

Солженицын А. 200 лет вместе. Цит. в гл. 11.

Глава 14. Современный Запад

Shahakl. Цит. в гл. 1.

Рид Д. Цит. в гл. 1.

Судоплатов П. Цит. в гл. 13.

Goldmann N. Цит. в гл. 3.

Weizmann Ch. Цит. в гл. 10.

Cohn H. Цит. гл. 12.

Encyclopaedia Judaica. Jerusalem, 1972.

«B'nai B'rith Magazine». 1938. March.

Декларация об отношении к нехристианским религиям. II Ватиканский Собор. Конституции, декреты, декларации. Брюссель, 1992.

Laurentin R. (abbe). L'Eglise et les juifs a Vatican II. 1967.

Обращение французского епископа — Вестник Русского Студенческого Христианского Движения. Т. 108—110. Париж, 1973.

Katz J. Цит. в гл. 4.

Русская идея и евреи: Сборник статей. М., 1994.

Кино // Краткая еврейская энциклопедия. Т. 4.

Нитобург Э. Евреи в современной Америке. М., 1998.

Who's Who in American Jewry. N.-Y., 1927.

Korn D. Wer ist wer im Judentum. München, 1996.

Комей Д. Кто есть кто в истории евреев. Лондон — Москва. 1974, 1995. Time. 1974. Nov. 25.

Findley P. They dare to speak out. N.-Y., 1985.

Nolte E. Цит. в гл. 12.

Маслюков Ю. Д. (редактор). Распад мировой долларовой системы. М., 2001.

Cohen R. No Jews in This Cabinet // Washington Post. 2001. Jan. 16.

Глава 15. Во второй революции в России

Радзиховский Л. Еврейское счастье // Новое Русское Слово. 1996. 17 янв.

Тополь Э. Возлюбите Россию, Борис Абрамович! // Аргументы и факты. 1998. № 38.

Комсомольская правда. 2002. 2 марта.

Независимая газета. 1996. 27 апреля.

Топоров В. Цит. в гл. 13.

Фурман Д. Массовое сознание российских евреев и антисемитизм // Свободная мысль. 1996. № 9.

Рывкина Р. Цит. в гл. 13.

Гайдар Е. Государство и эволюция. М., 1995.

Назаров М. Радио Свобода в борьбе за мир. М.—Мюнхен, 1992.

На поле Куликовом. М., 1980.

Кураев А. Как делают антисемитом. М., 1998.

Рыбаков А. Дети Арбата. М., 1988.

Гроссман В. Все течет // Октябрь. 1989. № 6.

Washington Post. 1990. April 12.

Советская Россия. 1990. № 80. 7 апр.

Завтра. 1998. № 46 (259).

Ахиезер А. Россия. Критика исторического опыта. В 3 т. М., 1991.

Интернет, http://www.vesti.ru/2001/10/29/1004363106.html

Севастьянов А. Чего от нас хотят евреи. М., 2000.

Независимая газета. 1998. № 209. 10 ноября.

Элиезер Воронель-Дацевич. Разбитое зеркало // Завтра. № 34 (299).

Elliot M. Children of the Holocost // Time. 2002. April 29.

Глава 16. Еврейские таланты

Sombart W. Der Proletarische Sozialismus («Marxismus»). Jena, 1924. Bd. 1, 2.

Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. М., 1934. (Переписка: т. XXI—XXV.)

Фрейд З. Неудовлетворенность культурой. Избранное. Т. 1. Лондон, 1969.

Hayek F. A. Laws, Legislation and Liberty. V. 3. Chicago, 1979.

Jaspers K. Vernunft und Widervernunft unserer Zeit. München, 1956.

Пайс А. Научная деятельность и жизнь Альберта Эйнштейна. М., 1989.

Визгин В. Об открытии уравнений гравитационного поля Эйнштейном и Гильбертом // Успехи физических наук. 2001. № 12.

Шредингер Э. Избранные труды по квантовой механике. М., Наука, 1976.

Weizman Ch. Trial and error. Цит. в гл. 10.

Свиридов Г. В. Разные записи // Наш Современник. 2000. № 12; Москва. 2000. Ноябрь.

Хазанов В. Запах звезд. Тель-Авив.

Суслов И. Прошлогодний снег // Время и мы. Израиль, 1976. № 4.

Боголюбов Н. Н. Математик, механик, физик. Дубна, 1994.

Зеев Кац. Цит. в гл. 13.

Глава 17. Обсуждение

Достоевский Ф. М. См. в гл. 1.

Штейнзальц. А. Что такое еврей // Окна. 1996. 4—10 янв. или Интернет http://www.vinnitsa.com/vinjew/09.Ru 05. 03. 2002. page 4.

Лурье С. См. в гл. 2.

Weizmann Ch. См. в гл. 10.

К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 1. М., 1955.

Гефтер М. Эхо Холокоста и русский еврейский вопрос. М., 1995.

Goldmann N. См. в гл. 3.

Margolina S. См. в гл. 1.

Куприн А. См. в гл. 10.

Зиновьев Г. См. в гл. 11.

Гершензон М. См. в гл. 1.

Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М., 1993.

Шовен Р. От пчелы до гориллы. М., 1965.

Шафаревич И. Сочинения. Т. 1. М., 1994.

Розанов В. Юдаизм. «Тайна Израиля». См. в гл. 1.

Shahak I. См. в гл. 1.

Мороз С. В кн. «Свет двуединый». М., 1996.

Семанов С. Русско-еврейские разборки. М., 2001.

Дюк Д. См. в гл. 1.

Тополь Э. См. в гл. 15.

Брафман Я. См. в гл 4.

Севастьянов А. Цит. в гл. 15.

Русская идея и евреи. См. в гл. 14.

Шафаревич И. Духовные основы российского кризиса XX века. М., 2001.

Международная Еврейская Газета. 2001. № 32 (358). Авг.

Дейч М. // Московский комсомолец. 2002. 11 апр.

РУССКИЙ НАРОД В БИТВЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Часть первая. **Революция и эпоха коммунизма**

Русские в эпоху коммунизма. Революция и Гражданская война

Опубликовано в журнале «Москва» (1999. № 10, 11).

1. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.

2. Документы внешней политики СССР. М., 1960. Т. IV.

3. *Тухачевский М. И.* Война классов. М., 1921.

4. *Кондратьев Н. Д.* Избранные сочинения. М., 1993.

5. *Кондратьев Н. Д.* Особое мнение. М., 1993. Т. 1.

6. Документы свидетельствуют: Сборник документов. М., 1989.

7. Советская деревня глазами ВЧК — ОПТУ — НКВД: Сборник документов. М., 1998. Т. 1.

8. *Миронов Филипп.* Сборник документов. М., 1997.

9. Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1919—1921 гг.: Сборник документов. Тамбов, 1994.

10. *Осипова Т. В.* Крестьянский фронт в Гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.

11. *Козлов А. И.* Расказачивание // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.

12. *Уэллс Г.* Россия во мгле. М., 1959.

13. *Преображенский Е. А.* Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства. М., 1926.

14. *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.

15. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Сборник документов. М., 1999. Т. 1.

16. *Ивницкий Н. А.* Голод 1932—1933 гг.: кто виноват? // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.

17. *Redfield R.* Peasant society and culture. Chicago, 1956.

18. Великий незнакомец: Сборник статей. М., 1992.

19. *Бухарин В. И.* Вопросы теории и практики социализма. М., 1989.

20. *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство. М., 1989.

21. *Чаянов А. В.* Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1991.

22. *Чаянов А. В.* Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. Ч. 1. М., 1920.

23. Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925—1936 гг. М., 1995.

24. *Выцлан М. А.* Последние единоличники. Источниковая база, историография // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.

25. *Иеромонах Дамаскин.* Гонения на Русскую православную церковь в советский период // Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской православной церкви XX столетия. Т. 3.

26. Трагические судьбы. М.: «Наука», 1995.

27. *Глушко В. П.* Из истории начального этапа развития ракетно-космической техники в СССР// Начало. 1992. № 18.

28. *Белоконь В. А.* // Начало. 1992. № 17.

29. *Данилов В. П.* Феномен первых пятилеток// Горизонт. 1988. № 5.

30. Пятилетний план народнохозяйственного развития СССР. Т. 1—4.

31. Новейшая история отечества. XX век. М., 1998. Т. 2.

32. Гриф секретности снят. М., 1993.

33. *Hoffann J.* Die Geschichte der Wlassow-Armee. Freiburg, 1984.

34. Источник. 1995. № 2.

35. *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Париж, 1980.

36. *Karpinski* /Poland since 1944. Boulder-Oxford, 1995.

37. Источник. 1994. № 6.

38. *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. Январь. Февраль. Март — апрель. М., 1996.

39. *Карпович Б. Н.* Очерк деятельности Народного комиссариата земледелия (1917—1920). М., 1920.

40. *Репко С. И.* Война и пропаганда. М.: Новости, 1999.

Социализм или капитализм?

Напечатано в газете «Литературная Россия» (1994. № 24).

Была ли «перестройка» акцией ЦРУ?

Опубликовано в журнале «Наш современник» (1995. № 7).

John A. Stormer. None Dare Call if Treason. Liberty Bell Press, 1964.

Bruce Hershenson. The Gods of Antenna. Arlington House Publishers, 1976.

Gerberding Smith. The Radical Left. Houghton Mifflin Company, 1970.

Баталов Э. Я. Философия бунта. М.: Политиздат, 1973.

Бела Кепеци. Идеология «новых левых». Левое студенческое движение в странах капитала. М.: Прогресс, 1977.

Pavel Sudoplatov and Anatoli Sudoplatov. Special Tasks. Little Brown and C°, 1994.

Допрос Нильса Бора // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 117—122.

Паризе Г. Беседа // Иностранная литература. 1969. № 9.

Как умирают народы

Опубликовано в журнале «Наш современник» (1996. № 7).

1. См., напр.: *Pointing C.* The Green History of the World. 1991. P. 387—392.
2. *Козлов В. И.* Вымирание русских: историко-демографический кризис или катастрофа? // Вестник Российской Академии наук. 1995. № 9. С. 771.
3. Там же.
4. Демографический ежегодник СССР. 1990. С. 181—185.
5. *Козлов В. И.* Указ. соч. С. 775.
6. *Тацит Корнелий.* Анналы. Кн. I. С. 11.
7. *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926. P. 311, 315.
8. Ibid. P. 103.

9. Ibid. P. 124.

10. Ibid. P. 351, 414.

11. Ibid. P. 318, 352.

12. *Seeck O.* Geschichte des Untergangs der Antiken Welt. Bd. I. Berlin, 1910.

13. *Мейер Э.* Экономическое развитие древнего мира. 1910. С. 81.

14. *Rostovtzeff M.* Указ. соч. С. 424.

15. *Полибий.* Всеобщая история. Кн. 37. С. 9.

16. *Мейер Э.* Указ. соч. С. 67.

17. *Транквилл Гай Светоний.* Жизнеописание двенадцати цезарей. Август. С. 42.

18. *Мейер Э.* Указ. соч. С. 83, 85.

19. *Seeck* O. Op. cit. P. 358.

20. *Rostovtzeff M.* Op. cit. P. 311, 313.

21. *Ковалев С. И.* История античного общества. Эллинизм. Рим, 1936. С. 260.

22. *Rostovtzeff M.* Op. cit. P. 417, 419, 421.

23. Ibid. P. 362, 380.

24. *Виппер Р. Ю.* Рим и раннее христианство. 1954. С. 212.

25. См. об этом статью Прохорова Г. М. в Трудах Отдела русской литературы Института русской литературы Академии наук СССР. 1979. Т. 34. С. 3—17.

26. Постановление III съезда КПРФ // Правда, 1995. 3 марта.

27. См.: Тезисы к разработке Программы Коммунистической партии РФ. Приняты Пленумом ЦК КПРФ 15 марта 1994 // Правда России. 1994. 24 марта.

28. Странное покаяние // Советская Россия. 1995. 26 декабря.

29. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. Т. 4. С. 444.

30. *Ленин В. И.* Сочинения. Изд. 5-е. Т. 26. С. 10, 304.

31. *Горький М.* Владимир Ленин (некролог) // Русский современник. Л.—М., 1924. № 1. С. 241.

32. Девятый вариант, или Некоторые советы В. И. Ленина Б. Н. Ельцину и В. С. Черномырдину по поводу Чечни // Советская Россия, 1996, 13 февраля.

33. *Ильин И.* Наши задачи. М., 1992. С. 282.

34. Творческая идея нашего будущего. Новосибирск, 1991. С. 9.

35. *Вабиков Г. В.* Еще раз об итогах выборов 1995 года (рукопись).

Почему русские терпят?

Статья написана по предложению журнала «Российская провинция», но не была опубликована.

Политическое масонство в русской революции

На русском языке опубликовано: «Московский журнал» (1999. № 10).

Часть вторая. **Россия и мировая катастрофа**

Впервые опубликовано в журнале «Наш современник».

1. *Ellule Jaques.* La Technique. Paris, 1954.

2. Lorenz Konrad. Zivilisationspathologie und Kulturfreiheit // Frei-heit des Menschen. P. Ausgar (изд.). Wien, 1974.

3. *Леонтьев К. П.* Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения. Собрание сочинений. Т. VI. М., 1912.

4. *Huxley Julian.* World Population Problem // The Human Crisis. Seattle, 1963.

5. *Sombart Werner.* Der Bourgeois. München—Leipzig, 1913.

6. *Neumann M.* Geschichte des Wuchers in Deutzchland. Halle, 1865.

7. *Вебер Макс.* Протестантская этика и дух капитализма // *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.

8. *Hayek F. A.* The Counter-Revolution of Science. Glenkoe, Illinois, 1952.

9. *Mumford Lewis.* Technics and Civilization. N.-Y., 1934.

10. *Шафаревич И. Р.* Две дороги к одному обрыву // *Шафаревич И.* Путь из-под глыб. М., 1991.

11. *Tawney R. H.* Religion and the Rise of Capitalism. N.-Y., 1937.

12. *Miller Perry.* The New England Mind. Harvard, 1939.

13. *Troeltsch Ernzt.* Writings on Theology and Religion. Dackworth, 1977.

14. *Kampfschulte F. W.* Johann Calvin, seine Kirche und sein Staat in Genf. Leipzig, 1869.

15. *White Lynn, Jr.* Animals and Man in Western Civilization // Animals and Man in Historical Perspective. N.-Y. —London, 1974.

16. *Розанов В. В.* Темный лик; Люди лунного света. М., Правда, 1990. 1, II. / Около церковных стен. Спб., 1906.

17. *Eliade Mircae.* Myths, Dreams, Mysteries. London, 1968.

18. *Прохоров Г. М.* Культурное своеобразие эпохи Куликовской битвы // Куликовская битва и подъем национального самосознания. Л., 1979.

19. *Булгаков С.* Православие. Киев, 1991.

20. *Jensen Ad. E.* Das religiozs Bild einer fruhen Kultur. Stuttgart, 1949.

21. *Schelling T. W. J.* Philosophic der Offenbarung. Werke. Hauptband 6. München, 1928.

22. *Kerenyi.* Das Gottliche Madchen. Amsterdam, 1941.

23. *Лосев А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957.

24. *Фрэзер Д.* Золотая ветвь / Вып. 3: Умирающие и воскресающие боги античности. М., 1928.

25. *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники. Л., 1963.

26. *Забылин М.* Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия. М., 1880.

27. *Чичеров В. И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков. М., 1957.

28. *Носова Г. А.* Язычество в православии. М., 1975.

29. *Jensen Ad. E.* Mythos und Kult bei Naturvolkern. Wiesbaden, 1960.

30. *Смирнов* С. Древнерусский духовник. М., 1914.

31. *Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.

32. *Понырко Н. В.* Святочный и масленичный смех // Смех в Древней Руси. Л., 1984.

33. *Белкин А. А.* Русские скоморохи. М., 1975.

34. *Otto Walter.* Die Gotter Griechenlands. Frankfurt/M., 1947.

35. *Collier John.* The Indians of Americas. N.-Y., 1974.

36. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. СПб., 1871.

37. *Розанов В. В.* «Поминки по славянофилам». Сочинения. М., 1990.

38. *Von Eckardstein.* Lebenserinnerungen und Denkwurdigkeiten. Bd./J. Leipzig, 1912—1921.

39. *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953.

40. *Sutton Autony.* Wall Street and the Bolshevik Revolution. New Rochelle, 1974.

41. *Schumacher E. F.* Small is beautiful. London, 1973.

42. *N.Kohn.* The Pursuit of the Millenium. N.-Y., 1981.

43. *Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России. М., 1977.

44. *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М. — Л., 1960.

45. *Соколова З. П.* Культ животных в религиях. М., 1972.

46. *Cannody Denise.* The Oldest God, 1935.

47. *Комарович В. Л.* Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв. Труды Отдела Древнерусской Литературы. М. — Л.

48. *Есенин С.* Собрание сочинений. Т. I. М., 1977.

49. *Флоренский П.* Столп и утверждение истины. М., 1914

50. *Булгаков С.* Свет невечерний. Сергиев Посад, 1917.

51. *Федотов Г.* Святые Древней Руси. М., 1990.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

РУСОФОБИЯ 7

Глава 1. Цель работы 9
Глава 2. Взгляд на Русскую историю 14
Глава 3. Планы для России 27
Глава 4. Малый народ 42
Глава 5. Современный вариант «малого народа» 56
Глава 6. Национальный аспект 67
Глава 7. Больной вопрос 77
Глава 8. Еврейское влияние в «революционный век» 87
Глава 9. Прошлое и настоящее 99
Глава 10. Заключение 110

ТРЕХТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ ЗАГАДКА 117

Предисловие 119
Глава 1. Существует ли «еврейский вопрос»? 122
Глава 2. Античность 137
Глава 3. Средние века 158
Глава 4. Классический иудаизм 176
Глава 5. Хазария 195
Глава 6. Роль в развитии капитализма 204
Глава 7. Эмансипация и борьба за равноправие 215
Глава 8. Золотой век ассимиляции 231
Глава 9. Роль в развитии социалистического движения 254

Глава 10. В России перед революцией 267
1. Финансы и печать 267
2. Противостояние 276
3. Русская интеллигенция и евреи 293
Глава 11. В Русской революции 1917 г. 301
1. Подготовка революции 301
2. Революция 317
3. Вопрос о власти 327
Глава 12. Запад между мировыми войнами 341
1. После войны 341
2. Ко второй войне 365
Глава 13. При коммунистическом строе 377
1. Построение социализма в одной стране 377
2. В социалистической стране 389
3. Расставание… 397
Глава 14. Современный Запад 427
1. Создание государства Израиль 427
2. США и Западная Европа 437
Глава 15. Во второй революции в России 457
Глава 16. Еврейские таланты 488
Глава 17. Обсуждение 511
1. «Что такое еврей» 511
2. «Судьбы еврейского народа» 522
3. Опять вопрос о власти 531
4. Заметки для России 535
Послесловие к «трехтысячелетней загадке» 552

РУССКИЙ НАРОД В БИТВЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ 561

Предисловие 563

Часть первая. **Революция и эпоха коммунизма** 567
Русские в эпоху коммунизма 567
Три идеи 567
Нация 573
Коммунизм 577
Революция и гражданская война 583
Крестьянская война 591
Сталин и оппозиция 614
Великий перелом 629

Упущенная возможность: концепция Чаянова 644
Тридцать седьмой год 664
Война 675
«Национал-большевизм» 690
Зачем нам сейчас об этом думать? 702
Социализм или капитализм? 721
Была ли «перестройка» акцией ЦРУ? 727
Где искать причину катастрофы? 727
Несоответствие масштабов 729
Наши «агенты влияния» на Западе 729
Пример: утечка атомных секретов США 736
«Левые» 740
«Новые левые» 743
Революция 750
Сопоставление с Сербией 755
Как умирают народы 757
Мы вымираем? 757
Конец античности — параллели 760
Контраргументы 764
Россия без русской силы 768
Опять выборы без выбора 774
Что же дальше? 778
Почему русские терпят? 787
Политическое масонство в русской революции 794

Часть вторая. **Россия и мировая катастрофа** 810
Минуты роковые 810
Наш век 813
Духовные основы 834
Русское «двоеверие» 847
Русский путь 867
Есть ли надежда? 887

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ 896

Автономная некоммерческая организация Институт русской цивилизации создана в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 20-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 10 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 40 томов).

Редактор Л. К. Молотилова
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 15.09.2010 г. Формат 84 x 108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «Times». Объем 41,7 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

БОЛЬШАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РУССКОГО НАРОДА

Русская цивилизация
Русское Православие в трех томах
Русское государство
Русский патриотизм
Русское мировоззрение
Русский образ жизни
Русское хозяйство
Русская литература

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.

Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. Л. Политическая экономия национального хозяйства
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог цареубийства, 496 с.
Платонов О. История цареубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Покровский бул., 18/15, тел. 8(495)-916-29-41), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)